

8° Rivgr.
361 10

Pagodin
(Ermolov)

92

125.

92 (Ερμούδης)

19/19

Urb. 5477

RECEIVED 1927

(Jan)

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

ЕРМОЛОВЪ.

Pogodin
АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

Н

ЕРМОЛОВЪ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ЕГО БІОГРАФІИ,

СОВРАННЫЕ

М. ПОГОДИНЫМЪ.

~~~~~

МОСКВА.

Въ университетской типографіи -
(КАТКОВЪ и К°).

1864.

0

176

**Bayerische
Staatsbibliothek
München**

Дозволено перзурой въ Москвѣ, 16 октября, 1863 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ прошедшемъ году, въ день Кульмскаго сраженія, напечаталъ я въ Московскихъ Вѣдомостяхъ краткое воспоминаніе объ А. П. Ермоловѣ, предупѣдомилъ читателей о находящихся у меня документахъ для его біографіи, и просилъ о сообщеніи мнѣ подобныхъ, если кто можетъ располагать ими. Съ первыхъ дней ко мнѣ посыпались различныя свѣдѣнія, которыхъ я не счелъ себя даже вправѣ держать подъ спудомъ, и приведа въ порядокъ началъ постепенно печатать въ Русскомъ Вѣстникѣ. Эти статьи издаются теперь въ совокупности, безъ всякихъ авторскихъ притязаній, единственно какъ матеріалъ для будущаго біографа. Съ тѣхъ поръ, получилъ я еще нѣсколько любопытныхъ документовъ, кои со временемъ напечатаю, въ видѣ дополненій, равно какъ и исправленіе нѣкоторыхъ ошибокъ. Теперь замѣчу только объ одной, важнѣйшей: на ст. 442, строка 20 пропущены слова: „такъ судили современники, къ нему нерасположенные“, безъ которыхъ отзывъ могъ бы быть приписанъ автору.

М. ПОГОДИНЪ.

Сентября 21,
1864.

Не имѣя притязанія писать біографію Алексѣя Петровича Ермолова, я намѣренъ, въ предлагаемой статьѣ, представить обзорънне его жизни собственными его словами, изъ записокъ, разказовъ, писемъ отъ него и къ нему, приказовъ, распоряженій и тому подобныхъ источниковъ, которые удалось мнѣ собрать или записать. Смѣю надѣяться, что читатели по этимъ подлиннымъ документамъ составятъ себѣ довольно ясное понятіе о знаменитомъ дѣятелѣ нашего времени, который подъ Витебскомъ, Бородинымъ и Кульмомъ, и наконецъ въ продолженіи десятилѣтняго управленія Кавказомъ, стяжалъ себѣ безсмертную славу въ лѣтописяхъ русской исторіи. Начало записано мною со словъ самого Алексѣя Петровича, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ обстоятельствъ, записанныхъ г. Степановымъ *. Продолженіе заимствовано изъ собственныхъ записокъ Алексѣя Петровича, съ присоединеніемъ разказовъ Дениса Васильевича Давыдова, писемъ, напечатанныхъ въ *Чтеніяхъ Историческаго Общества*, и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замѣчаній, которыя случилось мнѣ слышать, какъ отъ самого Алексѣя Петровича, такъ и отъ близкихъ ему людей.

I.

Для предварительнаго знакомства читателей съ личностію Ермолова, я предложу нѣкоторыя общія черты изъ его изображенія, написаннаго знаменитымъ нашимъ партизаномъ-потомъ, Д. В. Давыдовымъ:

* Они отмѣчены буквою С.

....„Обнаруживъ съ самаго юнаго возраста замѣчательныя способности, Ермоловъ пріобрѣлъ въ послѣдствіи всѣ качества отличнаго воина. Онъ представляетъ рѣдкое сочетаніе высокаго мужества и энергіи съ большою проникающею, неутомимою дѣятельностію и непоколебимымъ безкорыстіемъ; замѣчательный даръ слова, гигантская память и неимовѣрное упрямство составляютъ также отличительныя его свойства.

„Будучи одаренъ необыкновенною физическою силой и крѣпкимъ здоровьемъ, при замѣчательномъ ростѣ, Ермоловъ имѣетъ голову, которая будучи украшена сѣдыми, въ безпорядкѣ лежащими, волосами, и вооружена небольшими, но проникающими и быстрыми глазами, невольно напоминаетъ голову льва. Ермоловъ, будучи весьма смѣлъ со старшими, явно показывалъ, подобно князю Багратиону, малое сочувствіе свое къ нѣмецкой партіи, во главѣ которой находились Барклай, Витгенштейнъ и многіе другіе. Такъ, напримѣръ, въ началѣ отечественной войны онъ отзывался слѣдующимъ образомъ о штабѣ Барклая: „Здѣсь все Нѣмцы, одинъ Русскій, да и тотъ безродный“; въ то время служилъ тутъ чиновникъ Безродный *. Одаренный характеромъ твердымъ и самостоятельнымъ, онъ былъ всегда замѣчателенъ по откровенной привѣтливости и обходительности съ своими подчиненными, сердца которыхъ онъ вполне владѣлъ. Находясь еще въ чинѣ полковника, его обращеніе, относительно нѣкоторыхъ генераловъ, было таково, что они говорили: „Когда-то его произведутъ въ генералы? Онъ тогда, конечно, перестанетъ показывать такое къ намъ пренебреженіе.“ Отличаясь всегда примѣрною скромностію, онъ не только не стараясь возвышать заслугъ своихъ порицаніемъ дѣйствій своихъ под-

* Онъ умеръ сенаторомъ и въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.
Прим. Давыдова.

У меня записаны еще два анекдота въ этомъ родѣ: У Ермолова, спросили однажды какой милости онъ желаетъ? Пусть пожалуютъ меня въ Нѣмцы, отвѣчалъ Ермоловъ, и объяснялъ свой отвѣтъ тѣмъ, что Нѣмцемъ онъ можетъ получить все уже самъ. Въ другой разъ, войдя въ залу передъ внутренними покоями императора Александра, гдѣ ждало много военныхъ, онъ вдругъ безъ всякаго повода обратился къ нимъ съ вопросомъ: позвольте узнать, господа, говоритъ ли кто изъ васъ по-русски? Не нужно припоминать, что въ то время былъ сильный антагонизмъ между Русскими и Нѣмцами, теперь, къ общему удовольствію, не существующій.

чиненныхъ, но, напротивъ, изыскивалъ все способы, чтобы представить въ настоящемъ свѣтѣ дѣйствія ихъ; они всегда находили въ немъ самаго ревностнаго, смѣлаго и правдиваго защитника своихъ правъ. Я, кромѣ случаевъ, приведенныхъ мною въ моихъ запискахъ, могъ бы еще упомянуть о многихъ другихъ, въ коихъ многія лица нашей арміи имѣли въ Ермоловѣ самаго неустрашимаго ходатая, нерѣдко высказывавшаго своимъ начальникамъ весьма сильныя и не совсѣмъ для нихъ пріятныя истины. Не дозволяя себѣ никогда малѣйшей дерзости или невниманія относительно младшихъ по себѣ, особливо провинившихся, онъ ограничивался замѣчаніями, уподобленіями, кои, не заключая въ себѣ ничего оскорбительнаго, производили, тѣмъ не менѣе, на нихъ магическое дѣйствіе. Выслушивая снисходительно все справедливое возраженія своихъ подчиненныхъ, хотя бы они были иногда облечены въ формы нѣсколько рѣзкія, онъ усугублялъ вниманіе и снисходительность, когда обстоятельства, о коихъ ему доносили, принимали серіозный характеръ. Но добродушіе, коимъ отличаются разговоры его съ младшими, совершенно исчезаетъ, когда ему надлежитъ прибѣгать къ перу; мысли и сужденія, излагаемая имъ, хотя не совсѣмъ правильно, но съ мужественною силою и энергическою простотою, облакаются часто въ формы крайне рѣзкія; впрочемъ, самый разговоръ его возитъ обыкновенно на себѣ отпечатокъ большаго остроумія и язвительной насмѣшки. Такая иронія его рѣчей, которою онъ разилъ враговъ своихъ, приобрѣла ему весьма много недоброжелателей. Прочитавъ однажды одно изъ его писемъ, я не могъ воздержаться, чтобы ему не написать: „во что обмакиваете вы перо ваше, потому что съ него стекаютъ не чернила, а желчь?“ Это, можетъ-быть, причиною того, что онъ, кромѣ записокъ объ отечественной войнѣ, почти ничего другаго не писалъ. Оставаясь во многихъ отношеніяхъ образцомъ избранныхъ людей прошедшаго времени, онъ стоитъ выше толпы, которая, видя въ немъ живой протестъ, безпощадно преслѣдуетъ его своею завистью. Бездарная и неблагонамѣренная посредственность, оскорбленная его ѣдкими насмѣшками, и не будучи въ состояніи обвинить его въ неспособности, изощряла и изощряетъ умъ свой для изобрѣтенія всевозможныхъ противъ него клеветъ: его называли интригантомъ, пьяницей, безбожникомъ, хотя положительно извѣстно, что онъ почти не употреблялъ и не

употребляетъ вина, и нерѣдко взыскивалъ съ своихъ приближенныхъ за неисполненіе церковныхъ обрядовъ. * Ермоловъ, пріобрѣтшій обширныя свѣдѣнія, особливо въ военныхъ наукахъ и исторіи, снималъ большею частію самъ мѣстность на бумагу и дѣлалъ весьма скоро *croquis*. Вынужденный часто диктовать въ одно время нѣсколькимъ лицамъ письма разнороднаго содержанія, онъ обыкновенно собственноручно и прямо набѣло писалъ значительнымъ особамъ офиціальныя бумаги и письма; эти посланія, писанныя часто подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, и проникнутыя потому самою ѣдкою ироніей, отличались вполнѣ смѣлымъ и рѣзкимъ тономъ. Я знавалъ нѣкоторыхъ значительныхъ лицъ, кои просили Ермолова, избавивъ ихъ отъ офиціальной съ нимъ переписки, излагать свои просьбы и требованія въ частныхъ письмахъ. Пользуясь благоволеніемъ императора Александра, находившаго большое удовольствіе читать его письма къ П. А. Кикину, П. И. Меллеръ-Закомельскому и другимъ пріятелиамъ, Алексѣй Петровичъ, ненавидѣвшій просить о чемъ-либо для себя, нерѣдко исходатайствовалъ этимъ путемъ аренды и разнаго рода денежныя награжденія достойнымъ лицамъ, о недостаточности состоянія которыхъ никто не рѣшался доводить до свѣдѣнія его величества. Хотя Ермоловъ испыталъ въ теченіи своей жизни весьма много непріятнаго, но это не оказало никакого вліянія на его неизмѣнно-веселый нравъ. Взоръ мой не можетъ не остановиться на этой свѣтлой личности, нерѣдко и довольно грубо заблуждавшейся и не лишенной, безъ сомнѣнія, большихъ недостатковъ и слабостей, но вполнѣ искупившей все это теплотою души и замѣчательною любовью къ общественному благу. Хотя судьба не дозволила ему, совершивъ рядъ кампаній, одержать самому большія побѣды; но рѣшительность и проицательность, выказанныя имъ въ самыя критическія минуты великихъ войнъ, и коимъ наша армія была не одинъ разъ обязана своимъ спасеніемъ, примѣрная и столь рѣдко встрѣчающаяся бережливость относительно казенныхъ де-

* Во время пребыванія своего въ Грузіи Алексѣй Петровичъ требовалъ, чтобъ окружающіе его чиковники и офицеры постались на страстной недѣлѣ и посѣщали бы церковь въ праздничные дни; въ великій четвергъ во время чтенія о страстяхъ Господнихъ присутствовали даже и нѣкоторые мусульмане.

негъ и людей, умѣнье увлекать за собою тысячи людей одними высокими качествами ума и сердца и побуждать ихъ къ благотворной дѣятельности, справедливо стяжали ему завидную славу и искреннее уваженіе современниковъ. Ни одинъ почти начальникъ не внушалъ, подобно А. П. Ермолу, своимъ подчиненнымъ такого глубокаго уваженія, безграничной преданности и боязни ослушаться его приказаній.

„Если мы, современники и очевидцы магическаго дѣйствія, производимаго въ нашихъ войскахъ однимъ именемъ Ермолова, были глубоко удивлены необычайною популярностію, коею онъ всегда пользовался, то наши потомки будутъ въ правѣ думать, что извѣстіе о томъ, если не вымышлено, то, по крайней мѣрѣ, весьма преувеличено; самые враги его, бывшіе не разъ свидѣтелями необыкновенной любви и преданности, питаемыхъ къ нему войсками, не могутъ отрицать этого обстоятельства. Достойно удивленія то, что хотя Ермолу уже давно не стоитъ въ рядахъ нашей дѣйствующей арміи, но доселѣ одно появленіе его среди нашихъ войскъ и въ особенности среди своихъ старыхъ подчиненныхъ возбуждаетъ попрежнему неизмѣримый и безграничный восторгъ. Я сохранилъ у себя нѣсколько копій съ писемъ, писанныхъ Ермолу нѣкоторыми изъ его подчиненныхъ перелъ самую ихъ кончину, когда они не имѣли уже нужды говорить ничего другаго, кромѣ истины. Всѣ они оканчиваются молитвою къ Богу: да продлитъ и благословитъ Онъ его жизнь и командованіе. Я бы самъ тому не повѣрилъ, еслибы не былъ свидѣтелемъ многихъ подобныхъ случаевъ и не имѣлъ бы у себя въ рукахъ письменныхъ документовъ, подтверждающихъ это; а потому, все мною здѣсь сказанное не есть лишь восторженный панегирикъ человѣку, коему судьба столь рано преградила путь къ вѣщшимъ заслугамъ отечеству, и который могъ бы образовать много истинно полезныхъ военныхъ людей.

„Алексѣй Петровичъ пріобрѣлъ, наперекоръ многочисленнымъ врагамъ своимъ, рѣдкую популярность человѣка, въ коемъ нынѣ никто не нуждается для какихъ-либо своекорыстныхъ цѣлей. Будучи всегда поклонникомъ красоты, онъ, тѣмъ не менѣе, всегда чуждался дамскаго общества, предпочитая мужскую компанію, и будучи современникомъ всего совершавшагося въ Россіи въ теченіи болѣе полустолѣтія, Алексѣй Петровичъ, употреблявшій нѣкогда свой замѣчательный

даръ слова на одушевленіе воиновъ, увлекаетъ имъ нынѣ многочисленныхъ стекающихся къ нему почитателей. Литература и поэзія составляли всегда истинное наслажденіе Алексѣя Петровича, знающаго наизусть много стихотвореній. Надо присовокупить, что Алексѣй Петровичъ, не могшій не сознавать въ себѣ способностей, былъ всегда одаренъ большимъ честолюбіемъ, что не укрылось отъ проицательнаго князя М. И. Кутузова, который сказалъ о немъ въ концѣ 1812 года слѣдующее: „Il vise au commandement des armées“. Не почитая себя администраторомъ, онъ никогда не былъ преисполненъ того ложнаго и неумѣстнаго самолюбія, которое не позволяетъ сознаваться въ ограниченномъ кругѣ своихъ познаній и прибѣгать за совѣтами къ болѣе свѣдущимъ подчиненнымъ; напротивъ того, чистосердечно сознавая въ себѣ отсутствіе административныхъ свѣдѣній и совершенное непониманіе финансовыхъ вопросовъ, онъ любилъ поучаться у спеціалистовъ, хотя бы они были его подчиненные, къ которымъ онъ иногда и при всѣхъ своихъ способностяхъ и большимъ умѣ нерѣдко простиралъ свою довѣренность слишкомъ далеко; вѣрно оцѣнивая умомъ своимъ способности другихъ людей, онъ нерѣдко заблуждался насчетъ нравственныхъ качествъ окружавшихъ его лицъ.

„Не получая почти ничего отъ отца своего, особенно со времени производства своего въ полковники, и вынужденный довольствоваться весьма немногимъ, онъ привыкъ вести жизнь весьма умѣренную и непрехотливую.“ *

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ родился въ 1777 году, мая 24-го, въ одномъ году съ императоромъ Александромъ, котораго былъ старше тремя мѣсяцами. Отецъ его Петръ Алексѣевичъ, небогатый орловскій дворянинъ, служилъ по гражданской службѣ, и былъ въ послѣдствіи предсѣдателемъ гражданской палаты, а наконецъ управлялъ канцеляріей генераль-прокурора графа Самойлова въ послѣдніе года царствованія императрицы Екатерины.

* Алексѣй Петровичъ разказалъ мнѣ однажды: „Въ царствованіе Александра I владимирское дворянство пожертвовало сумму на какое-то учрежденіе. Губернаторъ отнесся ко мнѣ съ приглашеніемъ принять участіе. Я отвѣчалъ что не присылаю ему потому, что не имѣю во Владимирѣ, равно какъ и въ прочихъ губерніяхъ ни одной души.“

Мать, Марья Денисовна, была изъ рода Давыдовыхъ*.

Родился Алексѣй Петровичъ въ Москвѣ, гдѣ-то между Арбатомъ и Пречистенкой**.

Изъ дѣтства его вотъ черта, которую онъ приводилъ однажды, будучи уже 80 лѣтъ, въ доказательство своей памяти.

„Я помню, какъ я еще жилъ у отца съ матерью, у насъ была печка оштукатуренная, и на ней была нарисована Церера съ рогомъ изобилія. Только штукатурка-то треснула, трещину и замазали глиной. Въ этомъ видѣ, я помню эту фигуру и направленіе трещины, а мнѣ было всего только 4½ года“***. (С.)

* Напомнимъ кстати о родственной связи, соединявшей слѣдующія знаменитыя въ Россіи фамиліи: Потемкина, Ломоносова, Раевского, Давыдова, Ермолова, Орлова и проч.

У *Потемкина* было двѣ сестры, одна была въ замужествѣ за Николаемъ Борисовичемъ Самойловымъ (умеръ сенаторомъ).

У нихъ остались—сынъ и дочь. — Сынъ Ал. Ник—чъ (слѣдовательно родной племянникъ Потемкину), въ послѣдствіи графъ и генералъ-прокуроръ.— Дочь Катерина Ник—вна была въ первомъ бракѣ за *Раевскимъ*, и имѣла отъ сего брака сына Николая—знаменитаго героя войны 1812 г., слѣдовательно, Раевскій былъ двоюроднымъ внукомъ Потемкина. Раевскій былъ женатъ на Константиновой, внукъ *Ломоносова*, и имѣлъ двухъ сыновей, съ которыми бросился впередъ въ одномъ изъ сраженій между Смоленскомъ и Можайскомъ, и дочь въ замужествѣ за Михаиломъ Феодоровичемъ *Орловымъ*, другую за княземъ С. Г. Волховскимъ.

Во второмъ бракѣ Катерина Ник. Раевская была за генералъ-майоромъ Львомъ Денисовичемъ *Давыдовымъ*, отъ котораго былъ сынъ Петръ Львовичъ, женатый на одной изъ графинь *Орловыхъ*.

Левъ Денисовичъ имѣлъ сестру Марью Денисовну, мать славнаго *Ермолова*, Алексѣя Петровича, и брата Василья Денисовича, у котораго былъ сынъ Денисъ, поэтъ-партизанъ, слѣдовательно, двоюродный братъ Ермолону.

Мать Раевского была за роднымъ дядею Ермолова. По ней Ермоловъ находился въ свойствѣ и съ ея братомъ, то-есть генералъ-прокуроромъ Самойловымъ, въ домѣ котораго и жилъ въ Петербургѣ при началѣ своей службы, въ царствованіе императрицы Екатерины II.

** Не мѣжетъ ли консисторія навести справку, если не мѣстные приходы?

*** „Теперь ужъ не то, говорить г. С., записавшій эту черту: Алексѣй Петровичъ иногда забываетъ, что ему прочтешь. Если начнетъ разказывать что-нибудь то забываетъ названія мѣстностей, но минуты чрезъ три вспомнитъ.“

Алексѣй Петровичъ сначала учился у двороваго служителя Алексѣя, по букварю и съ рѣзною указкой, расписанной синими фигурками. Потомъ поступилъ онъ въ богатый домъ одной вдовы (?), гдѣ онъ былъ какою-то неопредѣленною фигурой, потому что тутъ же былъ одинъ возлюбленный племянникъ. Дамъ эта была вдова намѣстника; она, какъ и всѣ подобныя ей особы того времени, была пропитана чванностью. Тогдашніе намѣстники избирались лично самою императрицею Екатериною; способности и знанія ихъ были ей извѣстны какъ нельзя лучше; довѣренность къ нимъ была неограниченна; они управляли губерніями двумя, тремя и болѣе. Это были совершенные сатрапы персидскіе. Такое положеніе естественно увеличивало гордость въ родственникахъ и супругахъ этихъ особъ. (С.)

Очень рано былъ онъ отданъ учиться въ университетскій благородный пансіонъ, на руки къ профессору Ивану Андреевичу Гейму. Профессоръ этотъ полюбилъ Алексѣя Петровича и Алексѣй Петровичъ полюбилъ профессора. (Бывши уже въ чинѣ генераль-майора, онъ не проѣзжалъ Москвы безъ того, чтобы не посѣтить своего наставника. А въ Москвѣ онъ бывалъ рѣдко и то проѣздомъ, по дѣламъ службы. Родныхъ у него здѣсь не было, а знакомыхъ весьма мало и рѣдко. Пріѣдетъ онъ въ Москву не какъ въ столицу, а просто какъ на станцію: переложать ему лошадей въ слободѣ и, какъ курьеръ, онъ мчится далѣе. (С.)

Попечителемъ пансіона былъ тогда Павелъ Ивановичъ фонъ-Визинъ.

Памятнымъ ему остался въ пансіонѣ учитель математики Крупениковъ.

Изъ пансіона, по переселеніи родителя изъ Москвы, онъ попалъ въ Петербургъ, къ знаменитѣйшему того времени математику Ляковскому, ученому, но въ то же время и педанту. Однако онъ заслужилъ его привязанность и платилъ ему тѣмъ же. (Въ послѣдствіи времени, именно въ началѣ царствованія Николая Павловича, взбунтовавшіеся гвардейцы навлекли на себя гнѣвъ царя. Алексѣй Петровичъ былъ тогда намѣстникомъ на Кавказѣ. Изъ бунтовщиковъ былъ составленъ цѣлый полкъ, назначенный на Кавказъ; въ числѣ разжалованныхъ былъ и сынъ Ляковского. Престарѣлый отецъ писалъ по этому случаю Алексѣю Петровичу, просилъ его принять его сына подъ свое покровительство и вспомнить своего бывшего

наставника на закатѣ дней. И дѣйствительно, чрезъ четыре дня послѣ написанія письма, Лясковскаго не стало. С.)

Князь Юрій Владимирович Долгорукій отвезъ Ермолова въ С.-Петербургъ въ 1792 году, тогда какъ онъ имѣлъ уже чинъ капитана гвардіи, записанный въ службу очень рано, по обычаю того времени. Онъ тотчасъ поступилъ адъютантомъ къ графу Самойлову.

Присоединяю дополненіе изъ записокъ Д. В. Давыдова объ этомъ времени.

„Будучи выпущенъ, въ 1792 году, капитаномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, молодой Ермоловъ, коего отецъ былъ правителемъ канцеляріи у генераль-прокурора графа Самойлова, состоялъ при семъ послѣднемъ въ качествѣ адъютанта; онъ былъ по нѣскольку разъ въ годъ посылаемъ графомъ съ грузомъ эпюлетъ и эксельбантовъ, единственной въ то время фабрики Роговикова, къ знаменитой княгинѣ Е. Р. Дашковой, занимавшейся парфилажемъ. Выдержавъ экзаменъ съ особеннымъ отличіемъ, онъ былъ переведенъ въ артиллерию; участвовавъ въ войнѣ 1794 года съ Полюками, онъ заслужилъ лестные отзывы славнаго генерала Дерфельдена, мѣштемъ котораго онъ всегда очень дорожилъ. Ермоловъ, отличившись въ особенности при штурмѣ Праги, былъ награжденъ знакомъ Св. Георгія 4-го класса, полученнымъ по назначенію самого великаго Суворова, вмѣстѣ съ княземъ Дмитриемъ Владимировичемъ Голицынымъ и И. Л. Шаховскимъ. Будучи посланъ въ Италію, вмѣстѣ съ чиновникомъ Вюрстомъ, коему было поручено окончить коммерческія дѣла съ Генуезскимъ банкомъ, онъ посѣтилъ главнѣйшіе пункты Италіи и между прочимъ Неаполь, гдѣ видѣлъ, знаменитую по своей красотѣ, леди Гамильтонъ; вслѣдствіе ходатайства графовъ Самойлова и Безбородки, снабдившихъ его письмами къ всесильному барону Тугуту, Алексѣй Петровичъ былъ назначенъ состоять при австрійскомъ главнокомандующемъ Девисѣ, питавшемъ къ Русскимъ величайшее уваженіе, послѣ сраженія при Рымникѣ, въ коемъ онъ участвовалъ. Вызванный изъ Италіи, гдѣ онъ съ Австрійцами принималъ участіе въ разныхъ стычкахъ противъ Французовъ, Ермоловъ, въ проѣздъ свой чрезъ Берлинъ, присутствовалъ при бракосочетаніи знаменитой королевы Луизы. Отправившись вскорѣ по своему возвращенію въ походъ противъ персидскаго шаха, Ермоловъ, послѣ бомбардированія Дербента, вѣковыя стѣны

котораго разрушались съ страшнымъ трескомъ, двинулся да-
лѣе; переправившись съ прочими войсками графа Зубова
черезъ Самуръ, онъ сѣдовалъ къ Куръ на встрѣчу безчело-
вѣчному Аги-Магомедъ-Хану, спѣшившему съ огромнымъ вой-
скомъ и 80-ю слонами. Прибывшій курьеромъ, подполковникъ
графъ Витгенштейнъ (въ послѣдствіи фельдмаршалъ) при-
везъ повелѣніе императора Павла о послѣднемъ возвраще-
ніи войскъ въ предѣлы Россіи *для полезнѣйшаго арміи упо-
требленія*. Хотя, на основаніи полученнаго повелѣнія, надле-
жало каждому полку отступать порознь, что могло подверг-
нуть каждую часть совершенному пораженію, но по рѣше-
нію военнаго совѣта весь отрядъ отступилъ вмѣстѣ до Те-
река, гдѣ его ожидалъ своенравный графъ Гудовичъ, пылав-
шій гнѣвомъ за то, что не ему было ввѣрено начальство надъ
экспедиционнымъ корпусомъ. Избѣгая встрѣчи съ нимъ, мно-
гіе, и въ томъ числѣ Ермоловъ, пробрались степью въ Астра-
хань *.

„Возвратившись въ Россію, онъ поступилъ въ составъ ба-
тальона Иванова, изъ коего въ послѣдствіи образовался
4-й артиллерійскій полкъ, въ которомъ, по мнѣнію графа
Аракчеева, „у семи офицеровъ былъ лишь одинъ мундиръ“. (Д.)

Смоленскій губернаторъ сдѣлалъ доносъ на брата его (отъ
одной матери) Каховскаго. Молодой Ермоловъ былъ взятъ и
посажень въ крѣпость. Бумаги его были отвезены въ Петер-
бургъ, и государь, найдя между ними описаніе похода 1794 г.
разные планы сраженія, смилостивился надъ нимъ...

Ермоловъ долженъ былъ выслушать прощеніе въ Смоленскѣ
отъ генерала Линденера. Ермолову вздумалось объясняться
съ генераломъ и узнать отъ него, за что онъ былъ взятъ, и
почему теперь прощень. Линденеръ, тогда больной, принявъ
его въ постель, сказалъ ему что-то, и отпустилъ, но не успѣлъ
воротиться онъ въ... къ своимъ... и латинскимъ авторамъ,
какъ потребованъ въ Петербургъ.

Фельдъегеремъ, провожавшимъ его, случилось быть....

Дорогою онъ **....

Въ Петербургѣ посаженъ онъ былъ въ крѣпость. Черезъ нѣ-

* О Грузіи и Австріи у меня большіе пробѣлы въ запискахъ, и надо
ожидать дополненія изъ моей тетради, съ поправками самого Алексѣя
Петровича, которую я все еще надѣюсь получить.

** Здѣсь въ моихъ запискахъ опять большіе пробѣлы.

сколько времени спросили его въ судную комиссію. Секретаремъ былъ Макаровъ, который прежде служилъ при его родственникѣ. Онъ очень удивился такой встрѣчѣ, и спросилъ Ермолова, какъ онъ попалъ подъ судъ, а тотъ еще меньше зналъ о причинѣ. Макаровъ, человекъ добрый, тотчасъ продиктовалъ ему посланіе, но Ермоловъ, переписывая, вставилъ какія-то выраженія, которыя не понравились, и онъ былъ сосланъ на житье въ Кострому. Послѣ оказалось, что безсовѣстный Линденеръ написалъ на него Богъ знаетъ что. Между тѣмъ эта нелѣпная ссылка помѣшала Ермолову участвовать въ италіянской кампаніи, и взять нѣсколько уроковъ у такого учителя, каковъ былъ Суворовъ! Такъ судьба играетъ людьми. Одного недостойнаго она ведетъ и поддерживаетъ; другому бросаетъ камень на каждомъ шагу....

Съ горя принялся Ермоловъ читать и переводить Римскаго Цезаря, между тѣмъ какъ новый Цезарь и нашъ славный Суворовъ воиновствовали одинъ послѣ другаго на его Альпахъ.

Онъ познакомился съ протоіереемъ и ключаремъ соборнымъ Егоромъ Арсеньевичемъ Груздевымъ, и началъ брать у него уроки латинскаго языка. Часто случалось Ермолову будить старика словами: „пора вставать, Титъ Ливій ждетъ уже давно.“ „Еслибъ онъ принадлежалъ къ черному духовенству, говорилъ Алексій Петровичъ, давнымъ бы давно еще до того времени былъ архіереемъ. Но онъ не хотѣлъ притворяться, и честолюбіе не возмущало его души.“ * (С.)

Въ Костромѣ же сидѣлъ тогда другой русскій молодецъ Платовъ.

Попался онъ на гауптвахту въ Петербургѣ, вслѣдствіе какихъ-то отношеній къ любимцу Павлову, донскому генералу Денисову.

* Ермоловъ остался навсегда любителемъ латинскаго языка. Переводами съ этого языка онъ занимался даже, когда уже былъ генераломъ. „Въ походѣ по нѣмечинѣ скука была ужасная; попадешь въ иное мѣсто, хуже каторги.“ Переводы его однако не назначались для печати. Только однажды попечитель Московскаго учебнаго округа Писаревъ извѣстилъ въ какомъ-то журналѣ, что скоро появится въ свѣтъ его переводъ; но Алексію Петровичу не достало времени продолжать свой трудъ. Латинская конструкція часто отражается въ его слогахъ. Переведенный на Кавказъ, онъ уже не имѣлъ времени заниматься посторонними предметами. (С.)

Сидя на гауптвахтѣ, увидѣлъ Платовъ совѣ, что на Дону ловить рыбу и поймалъ свою саблю. Черезъ нѣсколько дней въ самомъ дѣлѣ приносятъ ему прощенную саблю. Онъ въ радости схватилъ ее, обнажилъ и воскликнулъ: вотъ она!.. она оправдаетъ меня! Платовъ отправился къ оставленному имъ семейству, въ Москвѣ пошелъ помолиться въ соборъ, какъ вдругъ является къ нему фельдгегерь съ высочайшимъ повелѣніемъ ѣхать на житье въ Кострому. Радостное восклицаніе Платова было донесено, и этому восклицанію приданъ недобрый смыслъ.

Изгнанники часто проводили время вмѣстѣ и воображали, печальные, какъ на Альпійскихъ горахъ отличаются ихъ братья.

Платовъ былъ однако освобожденъ прежде Ермолова, и получилъ назначеніе идти въ Бухару. Сжалилась судьба и надъ его товарищемъ. Ермоловъ былъ вхожъ въ домъ губернатора И. В. Ламба, который вскорѣ сдѣлался военнымъ министромъ. Домашніе его и родственники, оставшіеся въ Костромѣ, писали къ нему о печальной участи молодаго изгнанника.

Ламбъ отнесся просьбою къ всемогущему тогда Кутайсову, съ которымъ былъ женатъ на родныхъ сестрахъ (Рѣзвыхъ). Кутайсовъ принялъ участіе и велѣлъ Ермолову написать къ нему частное просительное письмо съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ.

Гордый Ермоловъ не согласился. Онъ не хотѣлъ освобожденіемъ своимъ быть обязаннымъ фавориту, предъ которымъ однакожь тогда все преклонялось, — примѣчательная черта въ характерѣ молодаго человѣка!

Императора Павла вскорѣ не стало. Въ первый день восшествія на престолъ Александръ велѣлъ освободить Ермолова вмѣстѣ съ прочими людьми, замѣшанными по дѣлу Каховскаго.

Ермоловъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу. Вотъ какъ въ своихъ запискахъ относится онъ о первоначальной своей службѣ, съ 1801 года.

Восшелъ на престолъ нынѣ царствующій императоръ....

At vos incertam, mortales, funeris horam
Quaeritis, et qua sit mors aditura via.

Propertius.

„Множество несчастных увидѣли конецъ бѣдствій, въ числѣ коихъ и я получилъ свободу. По справедливости время сіе могу я назвать возрожденіемъ, ибо на двадцать первомъ году жизни содержался я подъ карауломъ, какъ преступникъ, найденъ невиннымъ, и обращенъ, по именному повелѣнію, на службу; взятъ менѣе нежели чрезъ двѣ недѣли вторично, исключенъ изъ списковъ какъ умершій, заключенъ въ С.-Петербургскую крѣпость и въ послѣдствіи отправленъ въ ссылку въ Костромскую губернію, гдѣ начальствомъ объявлено мнѣ вѣчное пребываніе. Всемогущій во власти своей царямъ міра, равно какъ и намъ, положилъ предѣлы жизни, и мнѣ суждено воспользоваться свободой. Радость заставила во мнѣ молчать всѣ другія чувства, одна была мысль—посвятить жизнь на службу государю, и усердію моему едва ли могло быть равное. Я пріѣзжаю въ Петербургъ, около двухъ мѣсяцевъ ежедневно скитаюсь въ военной коллегіи, наскучивъ всему міру секретарей и писцовъ. Наконецъ, докладъ обо мнѣ вносится государю, и я принятъ въ службу. Мнѣ отказанъ чинъ, хотя принадлежащій мнѣ по справедливости; отказано старшинство въ чинѣ, конечно не съ большою основательностію.

„Президентъ военной коллегіи, генераль Ламбъ, весьма уважаемый государемъ, при всемъ желаніи, ничего не могъ сдѣлать въ мою пользу. Съ трудомъ получилъ я роту конной артиллеріи, которую колебались мнѣ повѣрить, какъ неизвѣстному офицеру между людьми новой категоріи. Я имѣлъ за прежнюю службу георгіевскій и владимирскій ордена, употребленъ былъ въ войнѣ въ Польшѣ и противъ Персіянъ, находился въ концѣ 1795 г. при австрійской арміи въ приморскихъ Альпахъ. Но сіе ни къ чему мнѣ не послужило, ибо не извѣстенъ я былъ въ экзерциргаузахъ, чуждѣ Смоленскаго поля, которое было школою многихъ знаменитыхъ людей нашего времени.“

Сообщу теперь драгоцѣнные отрывки изъ собственныхъ записокъ Алексѣя Петровича Ермолова, которые счастливый случай доставилъ мнѣ въ руки послѣ статейки моей въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Я пріѣзжаю въ Вильно (1802), гдѣ расположена была моя рота*. Людей множество, городъ пріятный, отовсюду стекаются
. насладиться краткимъ царство-

ванієм Александра I, всѣ благословляютъ имя его, и любви къ нему нѣтъ предѣловъ. Весело идетъ жизнь моя, служба льститъ честолюбію и составляетъ главнѣйшее мое упражненіе, всѣ страсти покорены ей. Мнѣ двадцать четвертый годъ; исполненъ усердія и доброй воли; здоровье всему противустоящее. Недостааетъ войны. Счастіе нѣкогда мнѣ благопріятствовало.

Мирное время продлило пребываніе мое въ Вильнѣ до конца 1804 года. Праздность дада мѣсто нѣкоторымъ наклонностямъ, и вашу, прелестныя женщины, испыталъ я очаровательную силу, вамъ обязанъ многими въ жизни пріятными минутами.

Я получилъ повелѣніе выступить изъ Вильна. Неблагодарное начальство меня преслѣдовало, и въ короткое время мнѣ назначены квартиры въ Либавѣ, Виндавѣ, Биржѣ, Гроднѣ и Кременцѣ на Волыни; я веду жизнь кочевую и долженъ былъ употребить всѣ способы, которые дада мнѣ служба при моей воздержности и бережливости. У меня рота въ хорошемъ порядкѣ, офицеры отличные, и я люблю ихъ, и потому все казалося мнѣ сноснымъ, и служба единственное было благо.

1805 г. Проходя изъ мѣстечка Биржи, инспекторъ всей артиллеріи графъ Аракчеевъ сѣдлалъ въ Вильнѣ смотръ моей роты, и я, неблагоуразумно и дерзко возраза на одно изъ его замѣчаній, умножилъ неблаговоленіе могущественнаго начальника, что и чувствовалъ въ послѣдствіи. За годъ до того рапортомъ чрезъ частнаго инспектора просилъ я увольненія въ отставку, и чтобы воспользоваться оною за четыре мѣсяца до указаннаго времени, я предлагалъ оставить майоромъ, хотя почти уже семь лѣтъ находился въ чинѣ подполковника. Я думаю, что подобной просьбы не бывало, и кажется, надлежало справиться о состояніи моего здоровья.

Спокойное Россіи состояніе прервано было участіемъ въ войнѣ Австріи противъ Французовъ....

Въ помощь Австріи пошелъ генералъ Голенцищевъ-Кутузовъ, армія его должна была состоять изъ 50 т. ч....

Пришедши съ моею ротою къ Радзивилову, я уже не засталъ арміи и догонялъ ее ускоренными маршами, почему ѣхавшему генералу Кутузову изъ Петербурга попался я на дорогѣ, и онъ, осмотрѣвъ роту, два уже мѣсяца находившуюся въ движеніи, одобрилъ хорошій за нею присмотръ, ободрилъ привѣтствіемъ офицеровъ и солдатъ, разспросилъ о прежней моей службѣ, и удивился, что, имѣвши два знака отличія вре-

мень Екатерины, я имѣлъ только чинъ подполковника при бывшихъ производствахъ прошедшаго царствованія. Онъ сказалъ мнѣ, что будетъ имѣть меня на замѣчаніи, приказалъ поспѣшить въ соединеніе съ арміею.

.....
Такимъ образомъ армія наша собралась въ окрестностяхъ Браунау, и въ семь городѣ учредилась главная квартира. Авангардъ былъ въ Баваріи на 13 часахъ пути.

Извѣстно было, что собирается французская армія и уже не весьма въ далекомъ разстояніи отъ австрійской, почему войска наши получили маршруты до Ульма и мы готовились къ выступленію.

Генералу Кутузову представляютъ не молодаго человѣка, имѣющаго сообщить ему важное извѣстіе. Могъ ли ожидать генералъ Кутузовъ, что то былъ самъ генералъ Маккъ съ извѣстіемъ о совершеннѣйшемъ уничтоженіи арміи, бывшей подъ его начальствомъ. Наполеонъ напалъ на австрійскую армію при Ульмѣ. Генералъ Маккъ, худо извѣщенный о движеніяхъ непріятели, не довольно былъ остороженъ, войска его были разбросаны и собраться не успѣли. Внезапная атака такое произвела замѣшательство, что армія довольно многочисленная, въ хорошемъ весьма состояніи, вся по частямъ и почти безъ сопротивленія разбита была совершенно, и большею частію досталась въ плѣнъ, взята вся артиллерія и всѣ обозы. Спаслись отъ пораженія небольшія части войскъ подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда, генераловъ Кинметера и Мерфельда. Не избѣжалъ плѣна и самъ генералъ Маккъ, но давши реверсъ не служить противъ Французовъ, онъ получилъ увольненіе и за паспортомъ ихъ отправился въ свои помѣстья. Перевазанная бѣлымъ платкомъ голова его давала подозрѣніе, что славнаго подвига сохраняетъ онъ по крайней мѣрѣ нѣкоторую память. Но онъ успокоилъ насчетъ опасности, объяснивъ, что отъ неловкости почтальйона онъ болѣе потерялъ, нежели отъ непріятели. Въ дорогѣ опрокинута была его карета и онъ ударился головою, такъ однакоже счастливо, что она сохранена на услуги любезному отечеству.

.....
Узнавши всѣ подробности происшествія, генералъ Кутузовъ, поблагодаря генерала Макка за извѣстіе, съ нимъ разстался. Кажется, никому лучше нельзя повѣрить въ семъ случаѣ.

Генералъ Маккъ и то заслужилъ удивленіе, что скоростію путешествія своего предупредилъ и самую молву. Армія австрійская не имѣла на сей разъ расторопнѣйшаго бѣглеца!

Генералъ Кутузовъ нашелся въ необходимости перемѣнить сдѣланныя имъ распоряженія и положеніе его часъ отъ часу дѣлалось затруднительнѣе. Непрiятель шелъ съ большою скоростію, и уже не въ далекомъ находился разстояніи. Быстрое отступленіе было единственнымъ средствомъ, но съ нами была вся тяжелая артиллерія, госпитали и обозы. Дабы сколько возможно облегчить войска при отступленіи, приказано всѣ тяжести отправить обратно, но г. Кутузовъ съ войсками оставался въ Браунау, ожидая присоединенія австрійскихъ войскъ, спасаясь отъ пораженія при Ульмѣ.

Наконецъ вышли мы изъ Браунау и началось знаменитое отступленіе, которому и самъ непріятель не отказалъ въ удивленіи.

.....

Конная моя рота и еще двѣ пѣшей артиллеріи въ моей командѣ, не принадлежа никакой части войскъ, оставались въ особенномъ распоряженіи главнокомандующаго, какъ резервъ артиллеріи. Сіе особенное благоволеніе, привязывая меня къ главной квартирѣ, дѣлало послѣднимъ участникомъ при раздачѣ продовольствія людямъ и лошадямъ, и тогда какъ способы вообще были для всѣхъ недостаточны и затруднительны, а мнѣ почасту и вовсе были отказываемы, то, побуждаемый голодомъ, просилъ я о присоединеніи моей команды къ которымъ-нибудь изъ войскъ. Мнѣ въ семъ было отказано. Австрійскій генералъ Кинмейеръ, не имѣя при войскахъ конной артиллеріи, просилъ о присоединеніи къ онымъ моей роты, и я долженъ признаться, что совсѣмъ не жалѣлъ, когда главнокомандующій не изъявилъ на то согласія, ибо лучше хотѣлъ я терпѣть вмѣстѣ съ товарищами.

.....

Октября 22, при мѣстечкѣ Амштетгенъ (гдѣ Багратионъ понесъ большой уронъ), Милорадовичъ приказалъ конницѣ ударить на колеблющагося непріятеля, и Мариупольскаго гусарскаго полка подполковникъ Игельстромъ, офицеръ блистательной храбрости, съ двумя эскадронами стремительно врѣзался въ пѣхоту, отбросилъ непріятеля далеко назадъ, и уже гусары ворвались на батарею. По одна картечь—и однимъ храбрымъ стало менѣе въ нашей арміи. Послѣ смерти

его разсыпались его эскадроны и непріятель остановился въ бѣгствѣ своемъ. За два дня предъ тѣмъ, какъ добрые пріятели, дали мы слово одинъ другому воспользоваться случаемъ дѣйствовать вмѣстѣ, и я лишь только узналъ о данномъ ему приказаніи атаковать, бросился къ нему на помощь съ конною моею ротою, но уже не засталъ его живаго, и только оставивъ непріятеля движеніе, далъ способъ эскадрамъ его собраться и удержаться на мѣстѣ. *

Я продолжалъ канонаду, а между тѣмъ устроились къ атакѣ гренадерскіе батальоны Аншеронскаго и Смоленскаго полковъ, и самъ Милорадовичъ повелъ ихъ въ штыки. Ободренныя присутствіемъ начальника, гренадеры ударили съ рѣшительностію, и непріятель, далеко прогнанный, скрылся въ лѣсъ и не смѣлъ показаться.

При Амштеттенѣ въ первый разъ былъ я въ сраженіи противъ Французовъ, и въ службу мою въ первый разъ съ конною артиллеріей, которой употребленіе я столько же мало зналъ, какъ и всѣ другіе. Возможность двигать ее удобнѣе прочей артиллеріи истолковала мнѣ обязанности посѣвовать всюду, и потому я попалъ съ гусарами. Впрочемъ мнѣ удалось предупредить непріятеля, и я, занявъ одно возвышеніе, не допустилъ устроить батарею, которая могла дѣлать намъ большой вредъ.

Генераль Милорадовичъ чрезвычайно благодарилъ меня, конечно не за исполненіе его приказаній, ибо удачное дѣйствіе принадлежало случаю, и я смѣю подозрѣвать, что ему не легко было бы приказать что лучше; не менѣе того мнѣ, какъ офицеру неизвѣстному, весьма пріятно было, что начальникъ отзывался съ похвалою.

По отступленіи арміи къ Кремсу, арріергардъ генерала Милорадовича остался при самомъ раздѣленіи дорогъ, дабы сколько возможно продлить невѣдѣніе непріятеля о направленіи нашей арміи. Его усилили конницею, и князю Багратиону приказано находится въ самомъ ближайшемъ разстояніи. Передовые посты наши изъ венгерскихъ гусаръ довольно далеко впереди занимали между лѣсами выгодное расположеніе, и непріятель не могъ видѣть ни малочисленности

* Въ одномъ изъ журналовъ обстоятельно описано сіе происшествіе.

нашей, ни занимаемого нами мѣста. Съ передовыхъ постовъ дано знать, что присланъ парламентеръ, объявляющій желаніе начальника французскаго авангарда переговорить о дѣлѣ съ генераломъ Милорадовичемъ. Пріѣхавши на мѣсто, Милорадовичъ не засталъ уже французскаго генерала, который, долго дожидавшись, отправился въ свой лагерь, оставивъ капитана съ даннѣмъ отъ него порученіемъ. Послѣ довольно несвязнаго разговора, французскій капитанъ сдѣлалъ предложеніе свести передовые наши посты, присоединяя общія, что они въ продолженіи дня со стороны своей ничего не предпримуть. Отвратительная наружность негодіатора опредѣляла мѣру заслуживаемаго имъ довѣрія. Милорадовичъ, исполненный мечтаній объ офицерскихъ блаженныхъ временахъ, когда на каждомъ перекресткѣ встрѣтившійся выставлялъ себя за образецъ чести и добродѣтели, гдѣ между неизвѣстными заключались вѣчныя узы дружбы и малѣйшее сомнѣніе въ вѣрности было преступленіемъ, Милорадовичъ не дерзнулъ оскорбить рыцаря недоувѣріемъ къ словамъ его, и, какъ должно, не спросивъ его о имени, приказалъ снять посты. Я былъ свидѣтелемъ сего свиданія и подозрѣвалъ, что намъ выгоднѣе бы было имѣть дѣло вмѣсто Наполеона съ Францискомъ I. Только что стали мы приближаться къ своему лагерю, какъ получили извѣстіе, что, когда оставили мѣста свои войска, составлявшія передовую стражу, и начали собираться, непріятель напалъ на нихъ въ большихъ силахъ, преслѣдуетъ уже ихъ не въ дальнемъ разстояніи, и что вслѣдъ идетъ не малое число войскъ. Вскорѣ появился непріятель и занялъ всѣ окрестныя возвышенія, такъ что въ виду его отступленіе дѣлалось весьма опаснымъ. Не знаю, кто умѣлъ склонить Милорадовича отмѣнить приказаніе послать помощь отступающимъ гусарамъ, ибо иначе произошло бы дѣло, по неудобству мѣстоположенія, для насъ безъ сомнѣнія не выгодное. Итакъ, не выходя изъ лагеря, устроились мы въ боевой порядокъ и приготовились къ отраженію. Непріятель двинулъ сильную пѣхоту на правой нашъ флангъ, слабѣйшій положеніемъ, и заставилъ насъ обратить въ ту сторону и силы наши и вниманіе, а въ то самое время противъ лѣваго нашего крыла большимъ отрядомъ кавалеріи произвелъ обзорнѣе въ тылу нашемъ, гдѣ не могло укрыться отъ него, что кромѣ войскъ князя Багратиона, не имѣли мы другаго подкрѣпленія. По счастью нашему, непріятель

не могъ прежде вечера кончить обзоръ, по той причинѣ, что кавалерія его принуждена была сдѣлать большой обходъ вокругъ лѣса, мимо коего кратчайшій путь лежалъ подъ выстрѣлами нашихъ батарей. Итакъ наставшій вечеръ не допустилъ ничего предпринять рѣшительнаго, и Милорадовичъ избавился наказанія за непростительную ошибку, которую надобно было поправить потерей многихъ головъ. Непрiатель не засталъ бы головы у Милорадовича, ибо, не взирая на безстрашіе, она была въ величайшемъ замѣшательствѣ. Въ полночь разложивъ весьма большіе огни, мы безпрепятственно отступили, и я признаю, что не менѣ радъ былъ многихъ.

На другой день, по прибытіи въ Кремсь, заняли мы аррьергардомъ предмѣстье Штейнъ. Маршалъ Мортъе.... приблизился къ самымъ вратамъ города и началась весьма горячая перестрѣлка.

Главнокомандующій располагалъ дать войскамъ отдохновеніе и нужно было исправить одежду и обувь солдатамъ, поврежденныя непрерывными дождями въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, и для того вельзя было терпѣть непрiателя въ столь близкомъ разстояніи. Генералъ Милорадовичъ получилъ повелѣніе атаковать его и одна неустранимость и предприимчивость его могли восторжествовать!

Артиллерія по неудобству мѣстоположенія мало была въ употребленіи, и потому во все время сраженія находился я при генералѣ Милорадовичѣ, и могу судить, что оно въ своемъ родѣ было одно изъ жесточайшихъ, и войска наши оказали возможной степени мужество. Рѣшительное окончаніе дѣла произведено искуснымъ направленіемъ войскъ, въ командѣ генерала Дохтурова бывшихъ; но генералу Милорадовичу, по справедливости, принадлежитъ большее участіе въ успѣхѣ, ибо до того сблизъ онъ непрiателя со всѣхъ высотъ, ближайшихъ къ городу, не взирая на твердость его позиціи.

....Вскорѣ послѣ сраженія получено извѣстіе, что непрiатель овладѣлъ Вѣною безъ сопротивленія.

....Главнокомандующій ускорилъ отступление.... и мы отъ стороны Вѣны не опасались уже быть отрѣзанными. Дабы

избѣжать сраженія всѣми силами и по превосходству непріятеля не подвергнуться, безъ всякаго сомнѣнія, пораженію, главнокомандующій рѣшился противопоставить непріятелю арріергардъ князя Багратіона, и онъ оставленъ близъ города Голлабруна (откуда удачно совершилъ отступленіе).

.... Главвнокомандующій прошелъ городъ Брюннъ и соединился съ арміею графа Буксегвдена. Государь вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ находился въ крѣпости Ольмюцъ....

Такимъ образомъ въ происшедшихъ съ непріятелемъ дѣлахъ, во все время отступленія отъ Браунау и до Брюнна, генераль Кутузовъ, противъ многочисленныхъ силъ пріобрѣтши успѣхи при Ламбахѣ и Амштеттенѣ, и совершенную побѣду при Кремсѣ, довелъ войска если нѣсколько и утомленныя быстротою движенія, но съ наилучшимъ духомъ и ничего не потерявши, кромѣ одной пушки при Ламбахѣ. Сія ретирада по справедливости поставляется въ числѣ знаменитыхъ военныхъ событій нынѣшняго времени. Между соединившимися арміями приметна была чрезвычайная разность. Пришедшая изъ Россіи была совершенно сбережена и въ наилучшемъ устройствѣ. Наша напротивъ потерпѣла отъ продолжительныхъ трудовъ, изнемогла отъ недостатка продовольствія, отъ ненастнаго времени глубокой осени. Одежда войскъ истреблена была на бивуакахъ, обуви почти вовсе не было. Самые чиновники были въ различныхъ и даже смѣшанныхъ нарядахъ.

Государь выѣхалъ на встрѣчу арміи, и судя по привѣтствіямъ, которыми удостоилъ многихъ, казалось, доволенъ былъ службою храбрыхъ и вѣрныхъ войскъ его. Между прочими изъявилъ и мнѣ за службу благоволеніе. (Ермоловъ въ продолженіи этого отступленія пріобрѣлъ полную благосклонность главнокомандующаго, такъ что получилъ прозваніе въ арміи: *l'enfant gâté du général.*) Государь приказалъ дать арміи отдохновеніе.

Арміи по соединеніи расположились у самой крѣпости Ольмюцъ...

....Въ Ольмюцѣ нашель я инспектора всей артиллеріи, графа Аракчеева, въ томъ же могуществѣ при государѣ, съ тѣмъ же ко мнѣ неблагорасположеніемъ, не взирая на дествное свидѣтельство главнокомандующаго на счетъ мой. Бѣда

имѣлъ я къ нему доступъ и никогда ни малѣйшаго ободренія, тогда какъ многимъ другимъ оказывалъ онъ сильное свое покровительство. Тутъ по сравненію выгодъ, пріобрѣтенныхъ другими, почувствовалъ я, какъ невыгодно не вратиться сильному начальнику, который и то считаетъ за благодѣяніе, что, утѣсняя невинно, не погубляетъ!

Арміи наши получили повелѣніе выступить впередъ. Генераль Кутузовъ былъ противнаго мнѣнія и разсужденія на сей предметъ были различныя.... По малому значенію, или, лучше сказать, по совершенному незначенію моему въ арміи, не могъ я знать точныхъ намѣреній начальства, но общая молва была, что государь несогласенъ съ мнѣніемъ г. Кутузова и согласился на предложенія Австрійцевъ.

Я съ конно-артиллерійскою ротой находился при кавалерійской дивизіи генераль-адъютанта Уварова, которая предъ нѣкоторою частью арміи составляла передовое войско. На четвертый день около вечера (по дорогѣ къ Брюнну) встрѣтились мы съ непріятельскою кавалеріей въ малыхъ силахъ; перестрѣлка была незначущая, и кавалерія прогнана. Темнота ночи остановила насъ на вершинахъ одного возвышенія въ хоршемъ мѣстоположеніи. Не далеко позади стала на бивуакахъ вся армія. Впереди насъ изрѣдка видны были непріятельскіе огни, которые, казалось, означали цѣпь передовой стражи. Въ арміи былъ слухъ, и почти всѣ вѣрили, что непріятель уходитъ. Около полуночи у подошвы возвышенія, на которомъ стояла наша дивизія, въ одно мгновеніе загорѣлись огни, охватившіе большое пространство. Мы увидали обширные бивуаки и движеніе великаго числа людей, что наиболее утвердило многихъ во мнѣніи, что непріятель не ищетъ даже скрывать своего отступленія. Напротивъ того нѣкоторымъ казалось сіе подозрительнымъ. Мы узнали вскорѣ, что огни означали торжество въ честь Наполеона и зажжены были въ его присутствіи.

Генераль-адъютантъ Уваровъ позванъ былъ въ главную квартиру, откуда возвратился въ скоромъ времени. Немедля за нимъ присланъ офицеръ съ „диспозиціею“ на нѣсколькихъ листахъ, наполненною трудными названіями селеній, озеръ, рѣкъ, долинъ и возвышеній, и такъ запутанною, что ни помянуть, ни понимать не было никакой возможности. Списать

не было позволено, ибо надобно было успѣть прочитать много изъ начальниковъ и весьма мало было экземпляровъ. Я признаюсь, что выслушавъ оную, столько же мало получилъ о ней понятія, какъ бы и совсѣмъ не подозрѣвалъ о ея существованіи. Одно то ясно было, что назавтра атакуемъ мы непріятеля.

Еще до разсвѣта выступила армія, опасаясь, повидимому, чтобы непріятель не успѣлъ уйти далеко. Войска на маршѣ должны были войти въ мѣста, по „диспозиціи“ для нихъ назначенныя, и потому начали колонны встрѣчаться между собою и проходить одна сквозь другую, отъ чего произошелъ беспорядокъ, который ночью время болѣе умножало. Войска разорвались, смѣшались, и конечно, не въ темнотѣ удобно имъ было отыскивать мѣста свои. Колонны пѣхоты, состояція изъ большаго числа полковъ, не имѣли при себѣ ни чловѣка конницы, такъ что не кѣмъ было открыть, что происходитъ впереди, или узнать, что дѣлаютъ и гдѣ находятся ближайшія войска, назначенныя къ содѣйствию. Генераль Милорадовичъ въ мои глаза выпросилъ по знакомству у одного шефа полка двадцать гусаръ для необходимыхъ посылокъ. Къ сему прибавить надобно, что ни одна изъ колоннъ не имѣла впереди себя авангарда. Общій авангардъ всей арміи находился весьма мало впереди и на самой конечности праваго фланга, такъ что собою не закрывалъ онъ ни одной колонны, и армія въ движеніи своемъ совершенно была открыта. Дивизія генераль-адъютанта Уварова отведена была далеко назадъ, чтобы потомъ перейти ближе къ правому флангу, гдѣ вся почти кавалерія соединена была особенно.

Такимъ образомъ колонны подвигались впередъ въ полной безпечности, и между ними допущены были большія пространства, въ томъ предположеніи, что, приближаясь къ непріятелю, войдутъ онѣ въ надлежащее боевое устроеніе.

Съ началомъ дня, когда полагали мы себя еще въ довольно разстояніи отъ непріятеля и думали поправить нарушенный темнотою ночи порядокъ, мы увидѣли всю французскую армію, стоящую въ боевомъ порядкѣ, и между нами не было двухъ верстъ разстоянія.

Изъ сего заключить можно, сколько достоверныя мы имѣли извѣстія объ отступленіи непріятеля, и чѣмъ обязаны премудро начертанной австрійской диспозиціи, которая болѣе

похожа была на топографическое описание Брянскаго округа, нежели на начертаніе порядка, приготавливающаго цѣлую армию къ бою.

Совершенная готовность непріятеля доказываетъ, что онъ предувѣдомленъ былъ о нашемъ предпріятіи, ибо не почиталъ за нужное открывать слѣдованія нашего, и даже до самой занимаемой имъ позиціи не было ни одного пикета. Войска его оставались въ бездѣйствіи, удивленныя страннымъ явленіемъ, ибо трудно было предположить, чтобы могла армія въ присутствіи непріятеля, устроеннаго въ боевомъ порядкѣ, совершать подобное движеніе, не имѣя какого-нибудь хитраго замысла. Къ тому же неровности мѣстоположенія скрывали силы наши. Когда же перешли мы болотистый и тонкій ручей, и многія изъ колоннъ вдали въ селенія, лежація между озеръ по низменной долинѣ, простирающейся до подошвы занимаемыхъ непріятелемъ возвышенностей, когда обнаружались всѣ наши силы и несоразмѣрные между колоннъ промежутки, открылся ужасный съ батарей огонь, и непріятель двинулся къ намъ на встрѣчу, сохраняя всегда выгоду возвышеннаго положенія. Нѣкоторыя изъ колоннъ нашихъ въ слѣдованіи ихъ были атакованы во флангъ, и не имѣли времени развернуться. Другія хотя и устроили полки свои, но лишены будучи содѣйствія и помощи другихъ войскъ, или даже окруженныя, не могли удержаться противъ превосходящихъ силъ, и въ самое короткое время многія части арміи нашей приведены были въ ужаснѣйшее замѣшательство. Самыя начала дѣйствій, собственно по предположенію, что непріятель въ отдаленіи, и войска успѣютъ соединиться, не согласовались съ диспозиціей, а потому и перемѣны необходимо не соответствовали предначертанной цѣли. Дѣйствія сдѣлались частными, связи между войска не существовало, и сблизиться онѣ не имѣли возможности. Пространства между ними столько были велики, что гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ его высочества цесаревича, назначенный составлять резервъ, долженъ былъ при самомъ началѣ сраженія вступить въ первую линію, и по необходимости столько занять мѣста, что не могъ онъ отдѣлать ничего на составленіе второй линіи. Левый флангъ, подъ командою генерала графа Буксгевдена, занимая ту самую высоту, гдѣ прежде находилась дивизія генераль-адъютанта Уварова, удерживался довольно долго и отступилъ съ меньшею потерей людей,

но батарейныя 24 орудія, бывшія въ долинь, и часть пѣхоты у ихъ прикрытія достались во власть непріятеля. Изломавшійся подъ переднимъ орудіемъ мостъ остановилъ прочія въ слѣдованіи. Колонны, находившіяся въ центрѣ: генерала Милорадовича—по долгому сопротивленію, разсѣяна,—генераль-лейтенанта Пришибышевскаго, неосторожно проходя селеніе, окружена, и потерпѣвъ большой уронъ, чрезвычайно много потеряла плѣнными, въ числѣ коихъ и самъ попался начальствующій колонною, — генераль-лейтенанта графа Ланжерона, по неудобству мѣста, не долго сопротивляясь, также много потеряла. Полки лейбъ-гвардіи сдѣлали нѣсколько удачныхъ атакъ, но въ нихъ не было связи, и люди, не обыкшіе къ войнѣ, увлечены будучи храбростію и бесполезно истощивъ усилія, понесли большой уронъ. Съ отличною неустрашимостію дѣйствовали полки кавалергардскіи и конной гвардіи, и часть сего послѣдняго, врубившись въ конницу, взяла одного орла, но общій испытанъ жребій, была опрокинута съ потерей.

Непріятель, одержавъ сіи успѣхи, умножилъ войска свои противъ авангарда князя Багратіона, расположеннаго на конечности праваго фланга, и противъ кавалерійскихъ дивизій генерала-лейтенанта Эссена 2-го и генераль-адъютанта Уварова, которые до того сохранили мѣста свои единственно по той причинѣ, что непріятель, обративъ вниманіе въ другую сторону, ихъ истребленіе опредѣлилъ въ послѣдствіи. Вся сія кавалерія состояла въ командѣ австрійскаго генерала князя Лихтенштейна. Многіе изъ полковъ врубались въ непріятельскія войска, но должны были уступить превосходнымъ силамъ.

При самомъ началѣ сраженія, генераль-майоръ Меллеръ-Закомельскій съ уланскимъ полкомъ его высочества цесаревича сдѣлалъ блистательную атаку, опрокинулъ противоставшую кавалерію, разсѣялъ часть ближайшей пѣхоты, но тяжелаго рана пресѣкла его успѣхи, оставила его во власти непріятеля у самыхъ пушекъ, которымъ угрожала его храбрость, и полкъ разсѣянный обратился. Въ кавалеріи нашей, точно какъ и въ другихъ войскахъ, дѣйствія по большей части были частныя, безъ всякаго взаимнаго вспоможенія. Итакъ, съ одного крыла и до другаго, войска наши по очереди одни послѣ другихъ были разстроены, опрокинута и преслѣдуемы. Потеря наша наиболѣе умножилась, когда

войска стѣснились у канала чрезвычайно тонкаго, на которомъ мало было мостовъ, а иначе, какъ по мосту, перейти чрезъ оный невозможно. Здѣсь бѣгущая конница наша бросилась въ бродъ и потопила много людей и лошадей, а я, оставленный полками, при коихъ я находился, остановил свою батарею, предполагая дѣйствиемою удержать преслѣдующую насъ конницу. Первые орудія, которыя могъ я освободить отъ подавляющей ихъ собственной кавалеріи, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, были взяты, люди переколоты и я достался въ плѣнъ *. Дивизія генераль-адъютанта Уварова, столпившись у моста, имѣла время осмотрѣться, что она бѣжала отъ малаго числа непріятеля, и что главныя его силы, остановившись на возвышеніяхъ, не спускались въ долину. Прогонявшіе насъ были обращены въ бѣгство и истреблены, и мнѣ чрезъ самое короткое время возвращена свобода, когда уже я былъ близко отъ французской линіи. Я обязанъ свободою Елисаветградскаго гусарскаго полка полковнику Василію Ивановичу Шау **, который догналъ меня съ нѣсколькими человекѣми Харьковскаго драгунскаго полка. При немъ не было ни одного человекѣ полка, къ которому онъ принадлежалъ, почему судить должно о безпорядкѣ.

Присоединясь къ остаткамъ истребленной моей роты, нашелъ я дивизію въ величайшемъ безпорядкѣ у подошвы холма, на коемъ находился государь. Холмъ занятъ былъ лейбъ-гренадерскимъ полкомъ и одною ротю гвардейской артиллеріи, которые не участвовали въ сраженіи, и потому сохранили устройство. При государѣ почти никого не было изъ приближенныхъ, на лицѣ его изображалась величайшая горестъ, глаза были наполнены слезами. Здѣсь можно было видѣть части почти всей арміи, и если премудрая „диспозиція“ насъ раздѣлила, то бѣгство соединило многихъ. На мѣстѣ сраженія оставили мы болѣе шестидесяти орудій, и армія отступила. Войска генерала князя Багратіона потерпѣли уронъ несравненно менѣе прочихъ; часть пѣхоты его приве-

* Въ разказѣ Д. В. Давыдова это происшествіе описано такъ: „въ Аустерацкомъ сраженіи рота его была окружена непріятелемъ со всѣхъ сторонъ, прислуга 4-хъ орудій была изрублена, другія три орудія, увязшія въ грязи, были также взяты Французами, и самъ Ермоловъ, подъ которыми была убитѣ лошадь, взяты въ плѣнъ“. Замѣтимъ, что Ермоловъ въ своихъ запискахъ не говоритъ объ убитой подъ нимъ лошади.

** Давыдовъ приписываетъ освобожденіе Ермолова еще графу Орурку.

дема была въ замѣшательство непріятельскою конницей, но она, не будучи поддержана въ своихъ успѣхахъ, дорого заплатилась за свою дерзость, тѣмъ не менѣе однакоже потеряно нѣсколько пушекъ. Изъ сихъ войскъ составленъ арріергардъ въ командѣ князя Багратіона. На прямѣйшей дорогѣ къ городу Аустераицу, чрезъ который должны были проходить наши войска, учрежденъ большой постъ, который порученъ мнѣ въ команду, вѣроятно потому, что никто не желалъ принять сего непріятнаго назначенія. Постъ сей состоялъ изъ одной роты лейбъ-гренадерскаго полка, одной сотни лейбъ-казаковъ, одного эскадрона спѣшенныхъ драгунъ Черниговскаго полка, одного эскадрона лейбъ-кирасирскаго ея величества, одного эскадрона Елисаветградскаго гусарскаго полковъ и двухъ орудій конной артиллеріи. Приказано разложить большіе огни и пѣть пѣсни. Сего послѣдняго не было исполнено, ибо не было расположенія къ веселости.

По счастью нашему, время клонилось къ вечеру, и непріятель далѣе болотистаго канала насъ не преслѣдовалъ.

Я съ отрядомъ войскъ обязанъ спасеніемъ тому презрѣнію, которое имѣлъ непріятель къ малымъ моимъ силамъ, ибо къ совершеннѣйшей побѣдѣ не могъ онъ желать прибавить нѣсколько сотенъ пѣнныхъ. Но когда нуженъ былъ ему водоной, онъ довольствовался тѣмъ, что отогналъ передовую мою стражу отъ канала. Я долженъ былъ выслушивать музыку, пѣсни и радостные клики въ непріятельскомъ лагерѣ. Насъ дразнили русскимъ кликомъ ура! Предъ полуночью я получилъ приказаніе отойти, что должно было послѣдовать гораздо прежде, но посланный офицеръ ко мнѣ не доѣхалъ. Въ городкѣ Аустераицѣ, давшемъ имя незабвенному сраженію, нашелъ я арріергардъ князя Багратіона, который не хотѣлъ вѣрить, чтобы могли держать меня одного въ 6 верстахъ впереди, и не восхитился симъ распоряженіемъ генералъ-адъютанта Уварова. Прошедши далѣе четыре версты, прибылъ я къ арміи, но еще не всѣ оной части собраны были, и о нѣкоторыхъ даже не было извѣстія, безпорядокъ дошелъ до того, что въ арміи, казалось, полковъ не было, видны были разныя толпы. Государь не зналъ, гдѣ былъ главнокомандующій генералъ Кутузовъ, а сей безпокоился насчетъ государя. Я долженъ былъ явиться генералъ-адъютанту Уварову, и сей былъ въ восхищеніи, что украшеннымъ

донесеніемъ могъ придать важность отряду его собственнаго изобрѣтенія.

Не дожидаясь присоединенія оторвавшихся частей, армія въ продолженіи ночи пошла далѣе. На разсвѣтѣ стали собираться разбросанныя войска, и около 10 часовъ утра появилась непріятельская кавалерія, наблюдавшая за нашимъ отступленіемъ. Въ сей день, по причинѣ совершеннаго изнуренія лошадей, оставили мы на дорогѣ не менѣе орудій, какъ и на мѣстѣ сраженія.

Вскорѣ узнали мы, что австрійскій императоръ заключилъ перемиріе съ Наполеономъ, обязавшись немедленно приступить къ переговорамъ о мирѣ, и мы уже не могли ожидать вспоможенія Австрійцевъ.

Армія наша прибыла въ мѣстечко Голничъ на границѣ Венгріи, чрезъ которую предлежалъ намъ путь. Отсюда окружены мы были французскими отрядами конницы, и арріергардъ нашъ находился уже въ самомъ близкомъ разстояніи отъ арміи, дабы не подвергнуться опасности быть отрѣзаннымъ.

Въ перемиріи, заключенномъ съ австрійскимъ императоромъ, упомянуто было, что Русскіе безпрепятственно отступаютъ въ свои предѣлы, но время и направленія были назначены, что у Французовъ называются, à journées d'étapes.

Кажется, въ семъ снисходительномъ позволеніи не имѣли мы нужды, ибо непріятель слѣдовать за нами въ такую страну, какова Венгрія, и въ позднее время осени, не могъ. Не могъ также быть увѣреннымъ, чтобъ Австрія, имѣя въ готовности армію эрцгерцога Карла и войска эрцгерцога Фердинанда, расположенныя въ Цнаймѣ, не усмотрѣла выгоды перервать перемиріе, что Наполеона поставило бы въ самое затруднительное положеніе.

Я не описалъ Аустерлицкаго сраженія съ большою подробностію, ибо сопровождали его обстоятельства столько странныя, что я не умѣлъ дать ни малѣйшей связи происшествіямъ. Случалось мнѣ слышать разсужденія о семъ сраженіи многихъ достойныхъ офицеровъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ яснаго о немъ понятія, и только согласовались въ томъ, что никогда не были свидѣтелями подобнаго событія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдствіи составятся описанія, но трудно будетъ дать имъ полную довѣренность, и скорѣе мо-

гуть быть съ точностію опредѣлены частныя дѣйствія, нежеда соотношенія ихъ между собой и согласованія дѣйствій со временемъ. О сраженіи Аустерацкомъ (можно, кажется, сказать), что каждой части войскъ предоставлено было дѣйствовать отдѣльно, съ условіемъ притомъ, ни себѣ не ожидать, ни другимъ не давать вспомошествованія, и для лучшаго успѣха полезно было бы даже забыть, что на томъ же самомъ полѣ и въ то же самое время были еще другія русскія войска.

Такъ раздѣленныхъ насъ и лишенныхъ взаимнаго вспоможенія предоставила судьба предъ лицомъ непріятеля, и онъ, трепещущій имени русскаго, осмѣлился быть побѣдителемъ!

Non adeo has exosa manus victoria fugit.

Virgilius.

Въ половинѣ января мѣсяца 1806 г. армія наша, возвратясь въ свои предѣлы, расположилась на квартирахъ въ Волянской губерніи.

Я съ ротою моею отправленъ въ 3-ю дивизію генераль-лейтенанта барона фонъ-деръ-Остенъ-Сакена, расположенную около мѣстечка Шавель Виленской губерніи.

Въ непродолжительномъ времени вышли за прошедшую войну награды. Многие весьма щедрыя получили за одно сраженіе при Аустерацѣ, мнѣ за дѣла во всю кампанію данъ орденъ Св. Анны второй степени, ибо ничего нельзя было дать менѣ. Напоследокъ по отличному отзыву обо мнѣ главнокомандующаго и ходатайству генераль-адъютанта Уварова, я произведенъ въ полковники, обойдя одного старѣе меня въ чинѣ. По расположенію ко мнѣ начальства, я долженъ былъ и то принять за величайшую награду, хотя въ одномъ чинѣ былъ я безъ малаго девять лѣтъ.

...Въ помощь Пруссіи назначена армія подъ начальствомъ генерала барона Беннигсена. Въ составъ сей арміи поступили свѣжія войска, не бывшія въ прошедшемъ походѣ, и она состояла изъ 2-й дивизіи генераль-майора графа Остермана Толстаго, 3-й генераль-лейтенанта барона фонъ-дер-Остенъ-Сакена, 4-й генераль-лейтенанта князя Голицына, 6-й гене-

раля-майора Седморацкаго. Кавалерія непосредственно принадлежала дивизіямъ, но по обстоятельствамъ отдѣляемая отъ оныхъ, составлялась особыми частями.....

Подъ начальство генерала графа Буксгевдена поручена другая армія, также изъ четырехъ дивизій состоящая.....

Наполеонъ... при городѣ Ауерштедтѣ совершенно разбилъ прусскія войска... пошелъ съ арміей къ Варшавѣ, извѣщенъ будучи о приближеніи къ ней нашихъ войскъ.

Въ Бялостокѣ сошлись (наши) арміи, и начальствующие имъ, не будучи пріятелями прежде, встрѣтились совершенными злодѣями.....

Наполеонъ занялъ Варшаву.

Въ сіе время прибылъ къ командованію обѣими арміями генераль-фельдмаршалъ графъ Каменскій. Опытный начальникъ при первомъ взглядѣ увидѣлъ, сколько опасно положеніе войскъ нашихъ, разсыпанныхъ на большомъ пространствѣ. Онъ приказалъ поспѣшнѣе собрать войска. Близость непріятеля не допускала сдѣлать того иначе, какъ отступивши нѣкоторое разстояніе.

Армія наша начала сосредоточиваться отступая... не могли однакоже нѣкоторыя части войскъ избѣжать неравной борьбы съ непріятелемъ.... При мѣстечкѣ Лопачинъ атакованъ былъ превосходными силами генераль-майоръ графъ Паленъ (Петръ Петровичъ). Онъ шелъ на сборное мѣсто дивизіи и отъ онаго находился не болѣе одной мили съ половиной. Столько не безопасны были сообщенія между войскъ нашихъ. Графъ Паленъ имѣлъ къ отступленію кратчайшую дорогу на мѣстечко Гольминъ, и ту выгоду, что лѣсистыя мѣста препятствовали непріятелю дѣйствовать многими силами, а сверхъ того въ Гольминѣ онъ могъ найти наши войска. Но должно отдать справедливость благоразумной предусмотрительности его, что, не взирая на большія гораздо трудности, онъ взялъ направленіе на отрядъ генераль-майора Чаплица, расположенный у мѣстечка Цехановъ, который иначе былъ бы отрѣзанъ и въ послѣдствіи могъ быть уничтоженъ. При семъ отрядѣ находился я съ тремя ротами артиллеріи, и легко могъ видѣть, что направленіе его на Цеха-

новъ не приносило никакой пользы, но было слѣдствіемъ одного неблагоразумнаго распоряженія графа Буксгевдена. Фельдмаршалъ, узнавъ о томъ и сдѣлавъ строгое замѣчаніе за недѣльное раздробленіе силъ, приказалъ отряду немедленно возвратиться, но уже мы были на мѣстѣ, и утомленные грязною чрезвычайно дорогою, не могли тотчасъ выступить обратно. По счастью, генералъ графъ Паленъ искуснымъ сопротивленіемъ продлилъ сраженіе и не прежде присоединился къ отряду генерала Чаплица, какъ уже поздно вечеромъ, и потому непріятель не могъ воспрепятствовать намъ соединиться съ войсками при мѣстечкѣ Голыминѣ. Когда на другой день возвращались мы къ оному, непріятель проходилъ по той прямой дорогѣ, о которой сказалъ я выше, но мы однимъ часомъ времени его предупредили.

Прибывъ въ Голыминъ 14 числа декабря, нашли мы 7-ю дивизию генералъ-лейтенанта Дохтурова, 5-ю генералъ-лейтенанта Тучкова, 1-ю и часть 4-й дивизию генералъ-лейтенанта князя Голицына изъ арміи генерала Беннигсена.

Непріятель началъ перестрѣлку. Войска его были въ малыхъ силахъ, и по большей части состояли изъ кавалеріи подъ начальствомъ принца Мюрата. Ужасное превосходство было на нашей сторонѣ, и если тонкія мѣста покоряли насъ не самому выгодному устроенію войскъ, которыя расположились на двухъ дорогахъ, почти подъ прямымъ угломъ сходящихся, то непріятель менѣ имѣлъ удобства, занимая средину, лѣсомъ и мелкимъ кустарникомъ покрытую. Противъ восьми его пушекъ мы имѣли до восьмидесяти орудій, вся 5-я дивизія нашлась излишнею по тѣснотѣ мѣстоположенія и составляла резервъ, тогда какъ непріятель не имѣлъ другихъ стрѣлковъ, кромѣ спѣшенныхъ конныхъ егерей. Совершенно отъ насъ зависѣло уничтожить принца Мюрата, но мы довольствовались пустою перестрѣлкою, и Мюратъ былъ атакующимъ. Въ теченіи непродолжительнаго времени, пришла сильная непріятельская кавалерія, но число артиллеріи его не увеличилось, ибо она по причинѣ болотистыхъ мѣстъ и дорогъ, въ то время года непроходимыхъ, не могла слѣдовать равною съ нею скоростію. Та же самая причина препятствовала пѣхотѣ, и она прибыла въ весьма незначительномъ количествѣ. По старшинству, думать надобно, командовалъ съ нашей стороны генералъ Дохтуровъ, но справедливѣе сказать, не командовалъ никто, ибо, когда послалъ я бригаднаго

адъютанта за приказаніемъ, онъ, отыскивая начальника и переходя отъ одного къ другому, не болѣе получаса времени, былъ покрайней мѣрѣ у пяти генераловъ, и ничего не успѣлъ испросить въ разрѣшеніе. Между тѣмъ непріятель сдѣлался предприимчивѣе, и непонятнымъ образомъ успѣлъ обойти лѣвое наше крыло, что не иначе могло произойти, какъ отъ нашей оплошности, но избытокъ силъ вскорѣ возстановилъ порядокъ. Должно отдать справедливую похвалу храбрости генераль-майора князя Щербатова: когда полкъ его, Костромской мушкетерскій, разстроенъ будучи большою потерей, долженъ былъ уступить удачной атакѣ непріятели, онъ взялъ знамя, бросился впередъ, и непріятель обратился въ бѣгство. Къ вечеру стали очевидно уменьшаться войска наши, и замѣтны были многіе въ линіяхъ интервалы. Легко было понять, что не таковъ долженъ быть порядокъ при отступленіи, и что войска отходили конечно не по приказанію, но по произволу. Долго не смѣлъ я отступить безъ приказанія; согласилъ я подполковника князя Жевахова съ двумя эскадронами Павлоградскаго гусарскаго полка идти, и мы отправились въ ту сторону, гдѣ видно было болѣе отступающихъ. Пройдя мѣстечко Голыминъ, взялъ я направленіе на мѣстечко Маковъ. Правый флангъ войскъ нашихъ, состоявшихъ изъ отряда генераль-майора Чаплица, видя, что лѣвый флангъ отступилъ, и никакъ не ожидая, чтобы мѣстечко Голыминъ, занимавшее центръ нашей позиціи, могло быть оставлено нами прежде нежели пройдутъ послѣднія войска, безопасно подошелъ къ нему, но у самаго мѣстечка встрѣченъ былъ картечными выстрѣлами. Внезапный сей случай привелъ въ замѣшательство Екатеринбургскій и Владимирскій мушкетерскій полки, темнота способствовала беспорядку и два орудія достались въ добычу непріятелю.

Такимъ образомъ кончилось сраженіе, имѣвшее для насъ одну ту пользу, что мы развлекли силы непріятели и собою заняли нѣкоторую часть оныхъ. Но простителенъ ли подобный расчетъ, когда употреблены на то средства въ три раза болѣе тѣхъ? Что бы съ такими сдѣлалъ Наполеонъ?

Въ пяти верстахъ отъ Голымина, въ селеніи Ключницы, нашелъ я въ господскомъ домѣ нѣсколько генераловъ, и конечно они не вмѣстѣ съ нами пріѣхали, ибо засталъ уже ихъ спящихъ, а на полу остатки кушанья свидѣтельствовали, что сонъ не происходилъ отъ голода.

Въ отступленіи отъ Голымина, не будучи преслѣдуемы, ниже почти наблюдаемы непріателемъ, оставили мы около сорока пушекъ большею частью батарейной артиллеріи, единственно по причинѣ крайняго изнуренія лошадей и дорогъ, непроходимыхъ отъ чрезвычайной грязи. Той же участи должна была подпасть и моя рота, но захвата брошенныхъ выпряженныхъ лошадей отъ другихъ ротъ, я избавился стыда лишиться орудія безъ выстрѣла.

Въ тотъ же самый день, какъ при Голыминѣ, произошло въ Пултускѣ главное сраженіе.... Генералъ Беннигсенъ, не поколебавъ твердости своей, и самымъ отчаяннымъ положеніемъ возбуждаемый, прибѣгнувъ къ послѣднимъ средствамъ и резерву, состоявшему изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, приказалъ ударить въ штыки. Начальнику полковъ истолковано было, что отъ сего послѣдняго усилія зависитъ спасеніе прочихъ войскъ, и полки бросились стремительно. Непритель отступилъ, не устоявъ противъ штыковъ. Войска его, потерявъ взаимную связь и не довольно будучи сильными остановить успѣхи на семь пунктовъ, и сами (потеряли?) въ скоромъ удаленіи средства спасти отъ пораженія разорванныя части, и мгновенно часть лучшей позиціи непріателя была въ рукахъ нашихъ. Клонившійся къ самому вечеру день не допустилъ Наполеона поправить неудачу, ибо необходимо было нѣкоторое время для приведенія въ порядокъ распуганныхъ войскъ, прежде нежели приступить къ какому-либо предпріятію. Итакъ твердость генерала Беннигсена самое опасное положеніе обратила въ побѣду совершенную. Отразить превосходныя силы подъ личнымъ Наполеона предводительствомъ есть подвигъ великій, но преодолѣть ихъ и обратить въ бѣгство есть слава, которую доселѣ никто не стяжалъ изъ его противниковъ.

Послѣ сраженія при Пултускѣ и Голыминѣ арміямъ надлежало идти за непріателемъ или по крайней мѣрѣ остановиться.... Графъ Буксгевденъ..... желая сдѣлать г. Беннигсену вредъ или собственно по недоумѣнію, продолжалъ выполнять повелѣніе фельдмаршала объ отступленіи, вынужденное самою крайностію... но силу коего измѣнить должны были необходимаго происшествія того дня.....

Въ день сраженія фельдмаршалъ графъ Каменскій въ десять

часовъ поутру былъ въ Голыминѣ, и самъ назначилъ посты для казачьяго Малахова поста, предвидя важность сего мѣста, къ которому приказалъ войскамъ прибыть поспѣшнѣе. А дабы не потерять времени въ перепискѣ, послалъ отъ себя прямо къ начальнику отряда, отправленнаго въ Цехановъ, чтобы онъ скорѣе возвратился въ Голыминъ, поставя ему на видъ, что одною быстротою движенія можетъ избѣжать опасности быть отрѣзаннымъ. Фельдмаршалъ былъ также въ Пултускѣ во время сраженія, но когда послѣ онаго необходимо было войскамъ общее распоряженіе, согласно перемѣнившимся неожиданно обстоятельствамъ, уже данъ былъ приказъ арміямъ, что онъ оставляетъ ихъ по причинѣ болѣзни, и отправился въ Гродно.

Во всякомъ случаѣ сдѣлалъ онъ непростительный поступокъ, ибо присутствіе его при арміи тѣмъ необходимымъ было, что онъ не полагалъ важнымъ кончить съ выгодою сраженіе при Пултускѣ, а по отъѣздѣ его и малѣйшая неудача, при несогласіи начальниковъ, могла имѣть бѣдственныя послѣдствія. Армія сожалѣла объ его отъѣздѣ, ибо на опытность его и прежнюю знаменитость полагали большія надежды. * Между начальниками были разсужденія, что ни къ чему доброму не поведетъ извѣстная вражда командующихъ арміями.

Генералъ Беннигсенъ, лишенъ будучи выгодъ одержанной побѣды, нашелся въ необходимости оставить мѣсто, ибо графъ Буксгевденъ, отступая, открывалъ неприятелю дорогу въ тылъ его расположенія, и потому взявъ направленіе на мѣстечко Рожаны, въ городѣ Остроленкѣ перешелъ на лѣвый берегъ Нарва.

Генералъ графъ Буксгевденъ туда же отступилъ чрезъ мѣстечко Маковъ. Здѣсь оставленъ былъ арріергардъ въ командѣ генералъ-майора Маркова для прикрытія арміи, переходившей за рѣку. До самой ночи съ чрезвычайною ме-

* Графъ Каменскій, по расказу Д. В. Давыдова, такъ объяснялъ свой отъѣздъ Ермолову, посѣтившему его въ деревнѣ съ отцомъ своимъ въ 1809 году: „Всѣмъ извѣстно, что въ кампанію 1807 года третья часть арміи была распущена; прибывъ въ армію, я увидѣлъ, что ей необходимо слѣдовало отступать къ Вислѣ; мнѣ, къ концу моего долгаго поприща, показалось слишкомъ тѣсно маневрировать между Вислою и Бугомъ: я могъ испортить въ нѣсколько дней свою репутацію, составленную въ теченіи 56 лѣтъ, а потому я предпочелъ оставить армію.“

дленностію продолжалось движеніе. Въ безпорядкѣ тѣснились обозы на длинномъ мосту, а уже непріятель, вышедши изъ лѣсовъ въ большихъ силахъ, занялъ позицію недалеко отъ мѣстечка. Нельзя было въ короткое время разрушить мостъ, и потому опасно было, чтобы непріятель, пользуясь темнотою ночи, не овладѣлъ имъ. Съ позволенія начальника, послалъ я команду, и приказалъ ей зажечь два квартала, прилежащіе къ мосту, дабы освѣтить приближеніе непріятели, еслибы покусился онъ идти на оныя. Два раза подходили его войска, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осматривали броды, но большая часть сорока орудій, которыми я командовалъ, употреблены были на защиту оныхъ, и трудно было успѣть въ томъ. Потеря отъ канонады должна была быть значительною, и мы успѣли разрушить часть моста. Мнѣ грозили наказаніемъ за произведенный пожаръ, въ главной квартирѣ много о томъ разсуждали, и находили мѣру жестокою. Я разумѣлъ, что послѣ хорошаго обѣда, на досугѣ, а особливо въ 20-ти верстахъ отъ опасности, не трудно щеголять великодушіемъ. Выяли однакоже моимъ оправданіямъ!

Обѣ арміи составлены въ одну подъ начальствомъ генерала барона Беннигсена, а графъ Буксгевденъ отозванъ въ Россію....

Главнокомандующій получилъ приказаніе (1807) выступить въ Пруссію, и армія, въ самыхъ послѣднихъ числахъ декабря, пошла по направленію на Кольно, Бялу, Иоаннисбургъ и далѣе. Составлены три передовые отряда, изъ коихъ сильнѣйшій далъ въ команду генераль-майора Маркова, другіе два поручены генераль-майорамъ: Баркляу-де-Толли и Багговуту. Авангарду генерала Маркова, въ которомъ опредѣленъ я начальникомъ артиллеріи, назначено слѣдовать на Арисъ, Рейль, Растенбургъ, Рёссель до Гейльсберга. Армія въ близкомъ разстояніи двинулась по тому же направленію.

Слышно было, что непріятель лѣвнымъ крыломъ своимъ потянулся также въ Пруссію. Въ скоромъ времени около Николайкена и Зесбурга появились конныя его партіи для наблюденія за движеніями нашими. Отъ насъ отряжены таковыя же, и онѣ, при помощи жителей, въ землѣ мало открытой, изрѣзанной множествомъ озеръ, приносили большую пользу. Въ Николайкенѣ схватили онѣ нѣсколько человекъ.

Января 12 числа, авангардъ, прибывши въ селеніе Эльдитгенъ, узналъ отъ жителей, что въ городѣ Либштадтѣ рас-

положенъ отрядъ французскихъ войскъ, отъ котораго, не болѣе получаса назадъ, приходилъ въ селеніе заѣздъ для узнанія, нѣтъ ли о Русскихъ какихъ-либо слуховъ. Мы въ сей день сдѣлали довольно большой переходъ, и потому генералъ Марковъ, дабы употребить людей менѣе усталыхъ, приказалъ вызвать охотниковъ. Большое число объявила себя таковыми, но когда предложено было 5 егерскому полку, и люди узнали, что идетъ самъ шефъ полковникъ Гогель, общій отзывъ былъ, что не останется ни одинъ человекъ, ибо равно всѣ идти желаютъ, и, не сдѣлавъ даже привала, полкъ выступилъ немедленно. Я упросилъ послать два орудія, и съ ними пошелъ самъ, чтобы свидѣтелемъ быть происшествія. Въ двухъ верстахъ отъ Либштадта, возвышенности, которыя должны мы были проходить, открыли намъ непріятелю, и тотчасъ по городской стѣнѣ и въ воротахъ начала пѣхота приуготовляться къ оборонѣ, но примѣтно было, что она не въ большомъ количествѣ. Егеря наши, занявъ прилежащее къ городу кладбище, вошли въ перестрѣлку, а между тѣмъ приспѣла и линейная пѣхота, расположилась противъ воротъ, отъ которыхъ продолжалась главная улица. Полковникъ Юрковскій съ двумя эскадронами Елисаветградскаго гусарскаго полка ворвался въ городъ съ боковой стороны онаго, и въ то же время пѣхота ударила въ штыки. Непріятель приведенъ въ замѣшательство, и столпясь въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ, потерпѣлъ большой уронъ, а тѣ, кои бѣжали изъ города, ожидаемы были казаками храбраго подполковника Сысоева, который стремительно ихъ преслѣдовалъ. Изъ пушекъ нашихъ не сдѣлано ни одного выстрѣла. Въ плѣнъ досталось намъ 22 штабъ и оберъ-офицера и болѣе 300 человекъ. Гусарскій красный полкъ, неизвѣстно почему называемый просто парижскимъ, почти употребленъ (истребленъ?) при семъ случаѣ. Оставивши въ городѣ небольшой кавалерійскій постъ, генералъ Марковъ возвратилъ полки въ селеніе Эльдиттенъ, гдѣ утомленнымъ войскамъ готова была пища и покойный ночлегъ. Мы въ сіи сутки въ походѣ и дѣйствиіи были 16 часовъ.

По диспозиціи изъ главной квартиры, 13 января, авангарду назначенъ ночлегъ въ городкѣ Морунгенъ, и мы выступили съ разсвѣтомъ. Впереди, съ Елисаветградскимъ гусарскимъ и двумя донскими полками, полковникъ Юрковскій, прогоняя передъ собою непріятельскіе пикеты, только лишь взомель

на хребетъ небольшихъ возвышенностей, у подошвы коихъ оканчивается пространная равнина, въ которой лежитъ Морунгенъ, увидѣлъ онъ устроеннаго въ боевой порядокъ непріятели довольно сильнаго. Полковникъ Юрковскій имѣлъ неосторожность спуститься въ равнину, и непріятель встрѣтилъ его своею кавалеріей. Прибывъ, ускоривши движеніе, авангардъ, и нашелъ, что, тѣснимый превосходною кавалеріей, отступаетъ онъ къ одной мызѣ, въ которой прямая улица могла быть обстрѣливаема непріятельскою артиллеріей. Немедленно привелъ я свою конную роту, и, превосходствомъ огня и преимуществомъ возвышеннаго мѣстоположенія отогнавъ батарею, доставилъ я нашей конницѣ удобное отступленіе. Ей приказано было расположиться позади войскъ.

.... Увидѣли мы на разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, по дорогѣ отъ мѣстечка Голландъ (единственной, по которой должны мы отступить), выходящую изъ лѣса пѣхоту. Противъ праваго фланга нашего, устроясь въ боевой порядокъ, прикрытая кавалеріей, начала она подвигаться впередъ. Схваченные фланкеры показали, что прибывшія войска составляли корпусъ маршала Бернадота, имъ лично предводимый. За часъ до сего могли мы отойти безопасно, пропустя время, едва можно было надѣяться спастись хотя бы и съ большимъ урономъ. Открытые отовсюду, не могли мы обмануть непріятели насчетъ силъ нашихъ и заставить его дѣйствовать съ осторожностію. При первомъ взглядѣ могъ онъ видѣть, что мы не въ состояніи были противиться силамъ его, по крайней мѣрѣ, втрое превосходнымъ... Непріятель подъ сильнымъ огнемъ своихъ батарей тѣснилъ остальную (за отбытіемъ нѣсколькихъ батальоновъ съ генераломъ Марковымъ) часть авангарда, и мы отступали шагъ за шагомъ. Артиллерія наша не дѣлала другихъ выстрѣловъ, кромѣ картечныхъ. Уже было очень темно, когда вошли мы въ лѣсъ, и тогда непріятель прекратилъ преслѣдованіе, вѣроятно, въ надеждѣ имѣть насъ на другой день въ своихъ рукахъ. По отбытіи генерала Маркова не оставалось другаго генерала, и потому полковники Турчаниновъ (Павель Петровичъ), Вуичъ и я явились въ команду старшаго полковника Юрковскаго. Первое стараніе наше было отыскать дорогу, и я не менѣе другихъ заботился о томъ, дабы не имѣть стыда потерять болѣе двадцати орудій артиллеріи, но, встрѣчая по лѣсу или

глубокіе сѣвга или не замерзшія болота, мы не находили средства выйдти. Командиръ Коннаго полка, храбрый Сысоевъ, отыскалъ мѣсто, по которому артиллерія могла удобно достигнуть большой дороги, но необходимо надлежало проходить весьма близко отъ неприятельскаго бивуака при селеніи Георгенталь. Конечно, средство сіе спасти артиллерию было сомнительно, но какъ не было другого, то рѣшились мы испытать его. Въ слѣдованіи мимо бивуака, Французы произвели по насъ ружейный огонь и мы имѣли нѣсколько раненыхъ людей, но далѣе мы шли въ совершенной безопасности. Вскорѣ возвратились мы въ Либштадтъ.

Въ Либштадтѣ, въ домѣ амтмана нашли мы генераль-майора Маркова, покойно спящаго послѣ хорошаго ужина *, и съ нимъ нѣсколькихъ спутниковъ, которые все сѣли, ничего намъ не оставляя, какъ будто мы не должны возвратиться. Въ утѣшеніе голодному осталось любоваться пригожимъ станомъ и прелестными глазами жены амтмана, но какъ я былъ герой, совершившій ретирату, то и не былъ я удостоенъ взгляда, который, какъ мнѣ сказали, могъ принадлежать побѣдителю и съ самимъ сердцемъ. Побѣжденные не налагаютъ контрибуціи. Генераль Марковъ, какъ человекъ весьма ловкій, не показалъ удивленія, видя насъ возвратившихся, какъ будто мы только что исполнили его распоряженія. Мы заплатили ему столько же малымъ удивленіемъ, когда чрезъ часъ времени пріѣхалъ генераль-лейтенантъ князь Багратіонъ и принялъ отъ него начальство надъ авангардомъ.

...Мы ночевали въ Морунгенѣ, изъ котораго незадолго вышли послѣднія войска неприятеля.

Выступивъ передъ разсвѣтомъ 15 числа, около селенія Зоненвальдъ догнали неприятеля, но онъ не держался, размѣнявшись со мною нѣсколькими пушечными выстрѣлами.

Дошли мы до города Дейчъ-Эйлау.....

Авангардъ расположился на квартирахъ... Армія вся слѣдовала за авангардомъ по одной дорогѣ.

Командующій передовыми постами, полковникъ Юрковскій препроводилъ князю Багратіону перехваченнаго курьера отъ Наполеона къ маршалу Бернадоту, съ повелѣніемъ прекра-

* Бывшая съ нимъ часть авангарда въ тотъ день разбита.

тить отступление, которое до сего времени нужно было для того, чтобъ армию нашу отвлечь за собою по направленію на Грауденцъ, а что между тѣмъ Наполеонъ соберетъ всю армию у мѣстечка Алленштейнъ, 2 числа февраля новаго стиля, и со всѣми силами нападетъ на растянутую нашу армию.

Особенное счастье дало намъ въ руки сего курьера...

Князь Багратионъ отправилъ бумаги къ главнокомандующему и... раздѣлил авангардъ для скорѣйшаго движенія на двѣ колонны, изъ коихъ другая, въ командѣ генерала Маркова, пошла чрезъ Остероде. Въ сей послѣдней находился я съ большею частію артиллеріи.

Утро 22 числа января (2 февр. н. с.) открыло намъ сильную непріятельскую армию, и наша стояла напротивъ, готовая къ бою.

Непріятель пораженъ былъ внезапнымъ симъ явленіемъ.... Онъ не рѣшился атаковать насъ, а главнокомандующій, имѣя нужду облизиться съ своими магазинами, далъ армиі приказаніе отступить, и она, съ наставшимъ вечеромъ, двинулась по направленію на мѣстечко Ландсбергъ.

24 числа января, съ самаго утра, догналъ насъ непріятель, и въ такихъ силахъ, что съ трудомъ можно было удержать нѣкоторый порядокъ при отступленіи. При селеніи Вольфсдорфъ, непріятель стремительно напалъ на нашу позицію.... Артиллерія во весь день была въ ужасномъ огнѣ, и еслибы перебитыхъ лошадей не замѣняли гусары отпатыми у непріятели, я долженъ бы былъ потерять нѣсколько орудій. Конную мою роту, какъ наиболѣе подвижную, употреблялъ я наиболѣе. Нельзя было обойтись безъ ея содѣйствія въ дѣсу, и даже ночью, и она направляла выстрѣлы свои или на крикъ непріятели, или на звукъ его барабана. Войска ея были чрезвычайно довольны, и князь Багратионъ отозвался съ особенною похвалою. Уронъ нашъ во весь день былъ весьма значителенъ, и, по крайней мѣрѣ, равенъ непріятельскому. Противъ насъ дрался корпусъ маршала Даву....

25 числа января, выступили мы передъ разсвѣтомъ, чтобы, прежде нежели начнетъ непріятель преслѣдованіе, успѣть пройти соединеніе дорогъ, по коимъ отходили арріергардъ и отрядъ генерала Барклая-де-Толли, что и удалось по желанію. Отъ соединенія дорогъ, арріергардъ князя Багратиона

слѣдовалъ на мѣстечко Ландсбергъ (для присоединенія къ арміи) просекою и малобитою дорогою, а туда же, не по большой дорогѣ, чрезъ деревню Гофъ, отправился отрядъ Барклая-де-Толли....

....Противъ него соединились оба маршала (Даву и Суальтъ) съ силами пять разъ превосходными....

.....
Неустранимый генералъ Барклай-де-Толли, презирая опасность, всюду находился самъ, но сіе сраженіе не приноситъ чести его распорядительности, и конечно, не мудро было сдѣлать что-нибудь лучшаго.

...Главнокомандующій разсудилъ за благо оставить занимаемую (при Ландсбергѣ) позицію по причинѣ важныхъ весьма въ ней недостатковъ.

.....
Арріергардъ князя Багратиона въ прежнемъ числѣ войскъ оставленъ предъ входомъ въ Ландсбергъ. Черезъ часъ послѣ разсвѣта, арріергардъ, прошедъ Ландсбергъ, расположился въ ближайшей къ нему позиціи, въ мѣстечкѣ оставленъ сильный отрядъ пѣхоты и у воротъ нѣсколько орудій. Спустя довольно долгое время, въ большихъ силахъ непріятель приблизился къ мѣстечку, и, отвлекая вниманіе канонадою, двинулъ гораздо большія силы на правый нашъ флангъ. Обратившись противъ оныхъ и способствуемы мѣстоположеніемъ, долго дрались мы упорно, наконецъ быстро перешли мы поле, отдѣлявшее насъ отъ лѣса. Вслѣдъ за нашею пѣхотою непріятель взомель въ Ландсбергъ, и его армія въ глазахъ нашихъ стала собираться на прежней нашей позиціи. Видно было, что въ сей (день?) не съ однимъ непріятельскимъ авангардомъ предстояло намъ дѣло, но, къ счастью нашему, пространство между Ландсбергомъ и Прейсшъ-Эйлау по большей части покрыто все лѣсомъ. Князь Багратионъ отпустилъ назадъ всю кавалерію и часть артиллеріи, дабы свободнѣе было въ движеніяхъ. Всѣ егерскіе полки, соединенные въ мѣстечкѣ, (были въ дѣйствиі?), линейная пѣхота составляла подкрѣпленіе. До одиннадцати часовъ утра дрались мы съ умѣренною потерей. Неподалеку нашедши разбросанныя бочки съ виномъ, которыя идущіе при арміи маркитанты оставляли для облегченія своихъ повозокъ, спасая болѣе дорогою товаръ, невозможно было удержать людей, которыхъ усталость и довольно сильный холодъ наиболѣе располагали къ вину, и въ самое ко-

роткое время четыре из егерскихъ полковъ до того сдѣлались пьяными, что не было средствъ соблюсти ни малѣйшаго порядка... и мы теряли ихъ убитыми и плѣнными *.

Приближаясь къ мѣстечку Прейсшишъ-Эйлау, аррьергардъ вышелъ на открытыя мѣста, и ему показана позиція, которая заслоняла собою мѣстечко, позади котораго на обширной равнинѣ, армія наша устраивалась въ боевой порядокъ. Въ подкрѣпленіе аррьергарду присланы нѣсколько полковъ отъ 8-й дивизіи и полки конницы. Мы расположились по обѣимъ сторонамъ дороги, обсаженной деревьями. Двадцатью четырьмя орудіями занялъ я хребетъ довольно крутыхъ возвышенностей на лѣвомъ флангѣ. Къ подошвѣ оныхъ простиралась долина, по коей долженъ былъ проходить непріятель, стрѣлки наши лежали по ней совершенно скрытые. На правомъ флангѣ была часть кавалеріи, бѣлая часть оной поставлена позади. Непріятель, устроивъ на противоположной сторонѣ батареи, открылъ сильную канонаду, на которую отвѣтствовано изрѣдка, по разности калибровъ, ибо не имѣлъ я ни одного батарейнаго орудія. Во многихъ пунктахъ спустились съ высоты непріятельскія колонны, но дѣйствіемъ болѣе сорока орудій остановлены, нѣкоторыя съ примѣтною потерей обращены картечью. Около двухъ часовъ имѣли мы выгоды на нашей сторонѣ, наконецъ двинулся непріятель большими силами; идущія впереди три колонны направлены: одна по большой дорогѣ, гдѣ у насъ мало было пѣхоты, другая—противъ Псковскаго и Софійскаго мушкатерскихъ полковъ, и третья—противъ моей батареи изъ 24 орудій. Шедшая по большой дорогѣ проходила съ удобностію и угрожала взять въ тылъ твердѣйшій пунктъ нашей позиціи. Прочія медленно приближались по причинѣ глубокаго снѣга, лежащаго на равнинѣ, и долго были подъ картечными выстрѣлами. Однакоже дошла одна, хотя весьма разстроенная, и легла отъ штыковъ Псковскаго и Софійскаго полковъ; другая положила тѣла свои недалеко отъ фронта моей батареи. Полковникъ Дехтеревъ, съ С.-Петербургскимъ драгунскимъ полкомъ, пошелъ противъ колонны, слѣдовавшей по большой

* 25 декабря, когда Багратионъ, за Гофомъ, прикрывалъ отступление арміи къ Прейсшишъ-Эйлау, „Ермоловъ съ конноартиллерійскою ротою своею, находясь въ переднихъ рядахъ, отражалъ картечью атакующія его непріятельскія колонны“. (Д. Дав.)

дорогѣ, которая, дабы отнять выгоду скорости движенія по битой дорогѣ, стала сходить въ сторону, на глубокой снѣгъ. Торопливость была причиною разстройства; полкъ имъ воспользовался и, испытавъ слабый ружейный огонь, имѣлъ наградою за смѣлое предпріятіе одного орла и пятьсотъ пѣхн-ныхъ. Столько же, по крайней мѣрѣ, убито, въ числѣ ихъ генералъ, начальствовавшій коленною. Мнѣ не случилось видѣть столько рѣшительной кавалерійской атаки; не менѣе удивленъ я былъ, видѣвши, какъ полкъ, не разстроившись, быстро спустился съ крутой, покрытой снѣгомъ, высоты, съ которой нѣсколько разъ до того сѣвжалъ я съ осторожно-стію. Не долго пользовались мы приобретенными успѣхами, ибо непріятель атаковалъ гораздо въ большихъ силахъ, умно-жились батареи, которыя покровительствовали движенію ко-лоннъ, и мы, не въ состояніи будучи противиться, получили приказаніе отступить и присоединиться къ арміи. Непріятель тотчасъ же явился на нашей позиціи и по слѣдамъ шелъ за нами. Удачно исполнилъ я приказаніе,—съ конными орудіями прикрывалъ войска, пока войдутъ онѣ въ Преисшъ-Эйлау. Лишь только вошелъ я въ ворота, непріятель подвелъ свои колонны и приступилъ къ атакѣ мѣстечка, котораго оборона возможна на генерала Барклая-де-Толли. Послѣ перемежа-наго счастья мѣстечко оставлено (за непріателемъ), и къ чувствительному урону въ людяхъ, прибавлена потеря нѣ-сколькихъ пушекъ.

.....

Настало 27-е число января, и сраженіе Преисшъ-Эйлауское было одно изъ кровопролитнѣйшихъ въ послѣднія времена.... Главный недостатокъ (нашъ) состоялъ въ томъ, что весь лѣ-вый нашъ флангъ имѣлъ противъ себя высоты, гдѣ непріа-тель поставилъ свою артиллерію, за ними скрывалъ свои дви-женія, сосредоточивалъ свои силы, и трудно было отвращать нападеніе ихъ. Отчего, при самомъ началѣ, потеряли мы нѣкоторое разстояніе. По причинѣ близкихъ позади лѣсовъ нельзя было отодвинуться далѣе. Мѣстечко Преисшъ-Эйлау, занимая большое пространство, способствовало непріятелю открытымъ образомъ приближаться къ самому нашему цен-тру, въ защиту котораго, по необходимости, надлежало упо-требить большое количество батарейной артиллеріи и дер-жать постоянно на одномъ мѣстѣ. Правый флангъ былъ со-вершенно въ пользу нашу, ибо впереди простиралась обшир-

ная равнина, болотистая, для дѣйствія неудобная, на которой показывались одни стрѣлки. Непонятно, какъ генераль-квартирмейстеръ не зналъ о семь болотѣхъ, и слѣдствіемъ того было, что не менѣе 12 тысячъ войскъ стояли бесполезно, ограничиваясь пустою перестрѣлкой противъ отдаленныхъ батарей, тогда какъ войска сіи во многихъ мѣстахъ были необходимы. И я, между прочимъ, стоялъ съ двумя конно-артиллерійскими ротами до полудня, стрѣля изрѣдка и безъ нужды.

Непріятель сдѣлалъ нѣсколько бесполезныхъ атакъ на центръ нашъ, уступая дѣйствию 60-ти поставленныхъ вмѣстѣ орудій. Нападеніе на лѣвый флангъ было успѣшнѣе. Не остановили его ни благоразумныя распоряженія генерала барона Сакена, ни сопротивление неустрашимого генераль-майора графа Остермана-Толстаго. Лѣвый флангъ отошелъ назадъ и составилъ почти прямой уголъ съ линіею арміи. Около одиннадцати часовъ густой свѣтъ, затмилъ свѣтъ, и дѣйствія прекратились на четверть часа. Въ сіе время, обманутые темнотою, два эскадрона французскихъ гвардейскихъ кирасиръ заѣхали между нашихъ линій пѣхоты и конницы, и едва нѣкоторые изъ нихъ спаслись. Разсѣявшійся мракъ открылъ предъ 7-ю дивизіей колонну французской пѣхоты во ста не болѣе шагахъ. Внезапно представшіе ей полки наши остановились въ совершенномъ отъ удивленія бездѣйствіи. Съ ужаснѣйшимъ жесточе-ніемъ, изъявленнымъ громкимъ хохотомъ, Владимірскій мушкетерскій полкъ бросается въ штыки—и не остается могу-щій оплакать гибель товарищей.

Во многихъ мѣстахъ дралась войска наши съ переменнымъ счастіемъ, и нигдѣ, кромѣ лѣваго фланга, на шагъ не уступили мы мѣста. Между центромъ и лѣвымъ флангомъ, семь полковъ кавалеріи нашей стремительнымъ ударомъ опрокинули все, что было противъ нихъ; пѣхота непріятельская, бросая ружья, спасалась въ лѣсъ; уже были они на батареѣ, но отъ беспорядка въ минуту потеряны успѣхи, и не безъ стыда надобно было бѣжать отъ такой части непріятельской кавалеріи, которую могъ остановить Александрійскій гусарскій полкъ.

Вскорѣ послѣ начала сраженія на правомъ нашемъ флангѣ слышна была въ отдаленіи канонада. Извѣстно было, что маршалъ Ней преслѣдуетъ корпусъ прусскихъ войскъ въ командѣ генерала Лестока, которому главнокомандующій приказалъ, сколько можно ранѣе, присоединиться

къ арміи, но чего онъ не выполнилъ. Когда непріятель около двухъ часовъ послѣ полудня возобновилъ усилія, главнокомандующій послалъ подтвержденіе, чтобъ онъ шелъ сколько можно поспѣшнѣе; но между тѣмъ надобно было чѣмъ-нибудь умедлить успѣхи непріятели на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Посланная туда 8-я дивизія отозвана къ центру, гдѣ необходимо было умноженіе силъ; резервы наши давно уже были въ дѣйствиіи. Итакъ, мнѣ приказано идти туда съ двумя конными ротами. Дежурный генераль-лейтенантъ графъ Толстой махнулъ рукою влѣво, и я долженъ былъ принять сіе за направленіе. Я не зналъ, съ какимъ намѣреніемъ туда я отправляюсь, кого тамъ найду, къ кому поступаю подъ начальство. Присоединивъ еще одну роту конной артиллеріи, прибылъ я на обширное поле на конечности лѣваго фланга, гдѣ слабые остатки войскъ едва держались противъ превосходнаго непріятели, который подвинулся вправо, занялъ высоты батареями и одну мызу, почти уже въ тылу войскъ нашихъ. Я зашелъ за сію послѣднюю и выгналъ пѣхоту, которая вредила мнѣ своими выстрѣлами. Противъ батареи началъ я канонаду и сохранилъ мѣсто свое около двухъ часовъ. Тогда началъ приближаться корпусъ генерала Лестока; въ головѣ колонны шли два наши полка, Калужскій и Выборгскій, направляясь на конечность непріятельскаго фланга; противъ меня стали рѣже выстрѣлы и я увидѣлъ большую часть орудій, обратившихся на генерала Лестока. Я подвигалъ на людяхъ мою батарею всякій разъ, какъ она покрывалась дымомъ, отослалъ назадъ передки орудій и всѣхъ лошадей, начиная съ моей собственной, объявилъ людямъ, что объ отступленіи помышлять не должно. Я подошелъ почти подъ выстрѣлы, и все вниманіе обращалъ на дорогу, лежащую у подошвы возвышенія, по которой непріятель усиливался провести свою пѣхоту, ибо по причинѣ глубокаго снѣга нельзя было пройти стороною. Картечными выстрѣлами изъ тридцати орудій всякій разъ обращалъ его съ большимъ урономъ. Словомъ, до конца сраженія не прошелъ онъ мимо моей батареи, и уже поздно было искать обхода, ибо генералъ Лестокъ, встрѣтивъ умѣренныя силы, опрокинулъ ихъ, обошелъ высоту у батареи, которая непріятель оставилъ во власти его, предался совершенному бѣгству и мрачная ночь покрыла мѣсто сраженія. Главнокомандующій, желая видѣть ближе

дѣйствию генерала Лестока, былъ на лѣвомъ флангѣ, и удивленъ былъ, нашедши отъ моихъ ротъ всѣхъ лошадей, всѣ передки и ни одного орудія. Узнавши о причинѣ, былъ чрезвычайно доволенъ.

Вотъ какъ разказываетъ объ этомъ сраженіи и участіи въ немъ Ермолова Д. В. Давыдовъ:

„Конныя роты полковника Ермолова и Богданова находились на правомъ флангѣ арміи, предъ которымъ простиралось обширное, ровное поле, на коемъ, повидимому, могла съ успѣхомъ дѣйствовать многочисленная кавалерія; но непріятель, зная, что оно было весьма болотисто, избѣгалъ его. Наступленіе корпуса Даву, сильно встревожившее всѣхъ, заставило (дежурнаго генерала) графа П. А. Толстаго приказать двумъ этимъ коннымъ ротамъ, подъ командою Ермолова, спѣшить на лѣвый флангъ. Прибывъ туда, Ермоловъ, снявшись съ передковъ и оставивъ при себѣ самое необходимое количество зарядовъ, отправилъ всѣхъ лошадей, равно какъ и передки, назадъ. Графъ Кутайсовъ, прибывъ позднее сюда, съ 1-ю конною ротою, сдѣлалъ то же самое. Беннигсенъ, возвращаясь изъ корпуса Лестока, найдя одни лошади и передки безъ орудій, вообразилъ въ первую минуту, что они сдѣлались добычею непріятели. Противъ нашихъ орудій находилось возвышеніе, вооруженное непріятельскими орудіями, весьма большаго калибра, вѣроятно, захваченными въ прусскихъ крѣпостяхъ. Послѣ каждаго выстрѣла, наши артиллеристы, по приказанію Ермолова, пользуясь дымомъ, скрывавшимъ ихъ на время отъ непріятели, подвигали впередъ на рукахъ, по глубокому снѣгу, свои орудія, по направленію къ возвышенію. Деревня Ауклапенъ, зажженная брандскугелями роты Ермолова, была потому очищена непріателемъ. Когда корпусъ Лестока сталъ приближаться, всѣ непріятельскіе выстрѣлы обратились противъ него; французскія войска, покушавшіяся двинуться между возвышеніями и нашими ротами, противъ Лестока, выстрѣлами изъ нашихъ 36 конныхъ орудій потерпѣли жестокой уронъ. Могилевскій и Выборгскій полки, входившіе въ составъ корпуса Лестока, перебѣжали рысью по снѣгу большое пространство, чтобы стать во главѣ этого корпуса.

„Хотя графъ П. П. Паленъ и говорилъ, что Ермоловъ вполне заслужилъ Св. Георгія 3 класса, и Беннигсенъ былъ совершенно съ этимъ согласенъ, но этотъ орденъ былъ лишь пожалованъ мужественному графу Кутайсову, племяннику генерала Рѣзваго, а Ермоловъ получилъ Владиміра 3 класса. Такъ какъ генераль Рѣзвый приказалъ составить списки отличившихся, то графъ Кутайсовъ потребовалъ ихъ отъ Ермолова. Представляя ихъ, Ермоловъ сказалъ: „Благодарю, ваше сіятельство, что вамъ угодно извѣстить меня, что вы были моимъ начальникомъ во время бѣтвы.“

„Я не безъ намѣренія, говоритъ Давыдовъ, подробно описалъ этотъ подвигъ нашей конной артиллеріи, прибывшей на помощь нашего лѣваго фланга. Мое повѣствованіе, основанное на словахъ и свидѣльствѣ многихъ артиллеристовъ, князя Багратіона, графа Толстаго, Богданова, наконецъ, самого Беннигсена, явно противорѣчитъ вымышленнымъ разказамъ слишкомъ усердныхъ почитателей графа Кутайсова. Ни этому молодому генералу, подававшему большія надежды, и о сашкомъ рановременной кончинѣ котораго справедливо сожалѣла вся наша армія, ни Ермолову не принадлежитъ мысль подкрѣпить 36-ю конными орудіями нашъ лѣвый флангъ, который не выдерживалъ уже натисковъ Даву; будучи отправленъ княземъ Багратіономъ къ ротамъ Ермолова и Богданова вскорѣ послѣ присылки ихъ къ нашему лѣвому флангу, я не нашелъ здѣсь графа Кутайсова, о скоромъ прибытіи котораго съ одною ротой никто еще здѣсь ничего не зналъ. Прибывъ сюда поздне и приказавъ приведенной имъ ротѣ поступить также, какъ уже сдѣлали роты Ермолова и Богданова, графъ Кутайсовъ не дозволилъ бы себѣ, безъ сомнѣнія, того, что дозволяютъ себѣ его почитатели, а именно: приписать себѣ главную честь быстрого появленія конной артиллеріи къ угрожаемому пункту. Мнѣ положительно извѣстно, что князь Багратіонъ, которому никто безъ сомнѣнія, не дерзнетъ отказать въ безпристрастіи при оцѣнкѣ заслугъ своихъ подчиненныхъ, почелъ личнымъ для себя оскорбленіемъ то обстоятельство, что Ермоловъ, имѣвшій, по мнѣнію всѣхъ безпристрастныхъ очевидцевъ, по крайней мѣрѣ, равныя права съ графомъ Кутайсовымъ на знаку Св. Георгія 3 класса, не получилъ ихъ; князь жаловался даже на то его высочеству цесаревичу.“

Ниже увидимъ мнѣніе объ этихъ наградахъ самого Ермолова.

Недавно еще имѣлъ я честь слышать отъ гр. Д. Н. Б., что многіе изъ современныхъ свидѣтелей придавали большое значеніе дѣйствию артиллеріи подъ начальствомъ Ермолова въ Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи.

Но возвратимся къ запискамъ самого Ермолова.

Менѣ двухъ недѣль пробывши около Кенигсберга, армія выступила впередъ. Авангардъ въ командѣ генераль-майора Маркова въ два перехода прибылъ къ Прейсишъ-Эйлау...

Съ любопытствомъ осматривалъ я поле сраженія *. Я ужаснулся, увидѣвши число тѣлъ на мѣстахъ, гдѣ стояли наши линіи, но я болѣе нашелъ ихъ тамъ, гдѣ были войска (непріятеля?) и особенно гдѣ стѣснялись его колонны, готовясь къ нападенію, не видя, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней приказано было жителямъ мѣстечка (какъ то они сами сказывали) тѣла Французовъ отвозить въ ближайшее озеро, ибо нельзя было зарывать въ землю замерзлую. Какъ артиллерійскій офицеръ, примѣчалъ я дѣйствіе нашихъ батарей, и былъ доволенъ! Въ мѣстечкѣ не было цѣлаго дома, сожженъ кварталъ, куда, по словамъ жителей, сносились раненые, при чемъ много ихъ изрублено.

Прибывши въ Ландсбергъ, нашли мы госпиталь офицерскій, и, къ удивленію ихъ, они видѣли въ насъ гораздо большее о нихъ попеченіе. Многіе по нѣскольку дней были перевязаны. Хозяинъ моей квартиры, знающій французскій языкъ, сказывалъ, что онъ слышалъ французскихъ офицеровъ разсуждающихъ, въ какомъ состояніи была армія ихъ, когда послѣ сраженія, въ ту же ночь, прошла она Ландсбергъ. Они говорили, что еслибы не корпусъ маршала Бернадота, не бывшій въ дѣлѣ, который оставленъ былъ въ арріергардѣ, некому было прикрыть отступленіе, ибо войска были въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ и число мародеровъ неимоверное. Во многихъ корпусахъ не доставало снарядовъ.

Главная квартира наша расположилась въ Бартенштейнѣ. Непріятель былъ за рѣкою Пасаргою, главная квартира Наполеона въ мѣстечкѣ Остероде.

* Онъ объѣзжалъ поле съ Д. В. Давыдовымъ.

Авангардъ, пришедши въ селеніе Лаунау, поступилъ въ команду генерала барона Сакена, куда вскорѣ собрались и всѣ отдѣльные отряды отъ авангарда.

19-го числа мы были въ Лаунау съ большими довольно силами. Противъ насъ находился корпусъ маршала Нея, коего квартира въ Гутштадтѣ. Непріятель отъ стороны Петерсвальде занялъ стрѣлками лѣсъ, лежащій предъ самымъ нашимъ лагеремъ, изъ Цехерна беспокоилъ насъ своими батареями хорошо расположенными и окопанными. Генераль баронъ Сакенъ равномерно и съ своей стороны употребилъ стрѣлковъ, но Французы, съ бѣльшимъ навыкомъ въ семъ родѣ дѣйствія, въ продолженіи двухъ (часовъ?) причиняли намъ весьма чувствительный уронъ. Почему генераль Сакенъ предпринялъ сдѣлать во время ночи нападеніе на Цехернъ, въ томъ предположеніи, что непріятель, выгнанны будучи изъ онаго, оставитъ Петерсвальде, и мы будемъ имѣть пребываніе выгодное и покойное. Пѣхота назначена къ атакѣ, но довольно близко подошла къ батарее, закричала ура! пробудила непріятеля, и онъ приуготовился къ оборонѣ. Открылся картечный и ружейный огонь, люди въ головѣ колонны оробѣли и легли, задніе продолжали идти и до такой степени смѣшались, что долго невозможно было вывести изъ выстрѣла. При семъ случаѣ потеряно нѣсколько офицеровъ и не мало нижнихъ чиновъ. Здѣсь въ первый разъ случилось мнѣ видѣть, что въ ночное время отступающую пѣхоту прикрывала кавалерія. Не знаю, почему разсѣявшихся людей не собрали барабаномъ, но подбиралъ ихъ генераль графъ Паленъ съ Сумскимъ гусарскимъ полкомъ....

....Генералу барону Сакену дано другое назначеніе.

Генераль-майоръ Марковъ приказалъ противъ Цехерна построить батарею, которую я дѣлалъ весьма прилежно, ибо до того на семъ мѣстѣ много потерпѣла моя рота. Осмотрѣвши часть лѣса, которую удерживалъ за собою непріятель, въ продолженіе ночи, въ опущкѣ ближайшаго лѣса расположилъ я шесть орудій моей роты, и засломивъ ихъ нарубленнымъ ельникомъ, ожидалъ разсвѣта, когда непріятель обыкновенно приводилъ свою пѣхоту изъ лагеря отъ Петерсвальде. Съ самаго начала дня вышла сильная колонна изъ лагеря и безпечно подвигалась къ той части лѣса, гдѣ всегда на ночь оставалась небольшая часть войскъ. Въ движеніи своемъ дада она флангъ моей батарее, и картечь изъ шести орудій на

весьма длинномъ разстояніи произвела такое пораженіе въ колоннѣ, что, оставивъ на мѣстѣ тѣла, обратилась она въ послѣднѣйшее бѣгство къ лагерю, провожаемая выстрѣлами. Мы заняли остальную часть лѣса, и непріятель не покушался возвратити оный. Мы уже не держали въ немъ, какъ до того было, шести полковъ пѣхоты. Батареи противъ Цехерна часто отвѣчали французскимъ и часто безъ пользы....

Вскорѣ непріятель оставилъ Цехернъ и Петерсвальде *.

....Рота конная имени моего, много потерпѣвшая въ дѣлахъ авангарда, отправлена назадъ для починки и укомплектованія людьми, на мѣсто ея прислана другая. Вскорѣ поисками старшихъ по артиллеріи полковниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ ни столько большой, ни столько видной команды, мнѣ дано приказаніе отправиться къ моей ротѣ. Главнокомандующему доложено, что смѣна назначена для того чтобы дать мнѣ отдохновеніе. Такъ объяснилъ онъ самъ генералу князю Багратиону, который, возвратясь въ сіе время изъ С.-Петербурга, просилъ, чтобы меня не перемѣняли, и я остался у начальника, который обладалъ полною всѣхъ насъ довѣренностію.

.....
....Около трехъ мѣсяцевъ продолжалось съ обѣихъ сторонъ совершенное бездѣйствіе.

Гемераль передовыхъ французскихъ войскъ предлагалъ князю Багратиону оставить селеніе Петерсвальде нейтральнымъ.... Расположенные противъ насъ Французы имѣли въ вродовольствіи величайшій недостатокъ.... 24-й драгунскій полкъ, изнуренный голодомъ, большею частію перебѣжалъ къ намъ.

* „Бауизъ Цехерна на Пассаргѣ, Ермоловъ сталъ стрѣлять изъ единороговъ 12-фунтовыми ядрами. Мы перехватили курьера съ доносеніемъ маршала Нея, который вслѣдствіе этого писалъ Наполеону: „Les Russes veulent probablement tenir ici, car ils ont amené des pièces de position.“

„Однако корпусъ Нея, бывъ пресѣдуемъ однимъ авангардомъ, перешелъ рѣку безъ большаго урона. Князь Багратионъ, подвинувъ егерей Раевскаго къ берегу рѣки противъ Делпена, поставилъ на отлогости горы артиллерію Ермолова, позади которой въ лѣсу была расположена вся пѣхота авангарда. Наскучивъ бесполезною перестрѣлкой черезъ рѣку, князь послыалъ меня два раза къ стрѣлкамъ съ приказаніемъ прекратить стрѣльбу, но задоръ ихъ былъ таковъ, что они не слушали ничьего повелѣнія. Я лишь въ третій разъ могъ убѣдить сихъ непреклонныхъ героев отступить“. (Д. Дав.)

Не менѣе терпѣли войска авангарда... солдаты употребляли въ пищу воловьи кожи, которыя служили покрывкою шалашей...

Князь Багратионъ послалъ меня доложить главнокомандующему о сей крайности. Даны строгія приказанія, и все осталось въ прежнемъ видѣ. Не понравилось дежурному по арміи, генераль-майору Фоку, мое донесеніе, и я приобрѣлъ его вражду, которой подвергался я и потому, что не удивился весьма посредственнымъ его способностямъ, тогда какъ уже многіе находили выгоды превозносить ихъ.

Государь императоръ прибылъ къ арміи и пришла гвардія подъ начальствомъ цесаревича...

Къ намъ прежде пріѣхалъ великій князь, который со времени кампаніи Суворова въ Италіи, имѣлъ къ князю Багратиону дружественное расположеніе. Увидѣвши недостатки, онъ взялся заботиться объ улучшеніи продовольствія. Первый транспортъ съ провіантомъ, по настоянію его, отправленный въ авангардъ, взятъ на дорогѣ другими войсками, но всѣмъ прочимъ давалъ онъ свои конвои, они доходили исправно, и чрезъ нѣкоторое время отъ недостатка перешли мы къ изобилію. Между многими чиновниками, представленными великому князю, удостоился и я его привѣтствія, по засвидѣтельствуванію князя Багратиона о моей службѣ. До того не былъ я ему извѣстенъ, никогда не служивши въ столицѣ.

Вездѣ приказано (готовиться) ко встрѣчѣ государя вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ.

...Подѣвзая къ каждой части войскъ, государь называлъ начальниковъ по фамиліи королю прусскому и, между прочимъ, сказалъ обо мнѣ, что „и въ прежнюю кампанію доволенъ его службою“. Всѣ восхищены были вниманіемъ и благосклонностію государя, и я, не желая льстить, скажу, что онъ умѣлъ ободрить всѣхъ. Я былъ внѣ себя отъ радости, ибо не былъ избалованъ въ службѣ привѣтствіями. Король прусскій далъ орденъ за достоинство (*pour le mérite*) тремъ штабъ-офицерамъ, въ числѣ коихъ и я находился. Ордена сіи были изъ первыхъ и еще не были чрезвычайно размножены.

Вышли награды за Прейсшъ-Эйлауское сраженіе. Вмѣсто 3-го класса Георгія, къ которому удостоенъ я былъ главнокомандующимъ, я получилъ Владимира. Въ дѣйствиіи сдѣлавъ участникомъ мнѣ артиллеріи генераль-майоръ графъ Кутай-

совъ. Его одно любопытство привело на мою батарею, и какъ не былъ въ его командѣ, то онъ и не мѣшался въ мои распоряженія. Однакоже, не имѣвши даже 4-го класса, ему данъ орденъ Георгія 3-го класса *. Въ реляціи хотѣли написать (его) моимъ начальникомъ, но генераль-квартирмейстеръ, баронъ Штейнгель, зная обстоятельства, тому воспрепятствовалъ. Князь Багратионъ объяснилъ главнокомандующему сдѣланную несправедливость, и онъ, признавая самъ, что я обиженъ; ничего однакоже не сдѣлалъ. Вотъ продолженіе тѣхъ пріятностей по службѣ, которыми довольно часто я надѣляемъ!

....Предположено 1-го мая атаковать корпусъ маршала Нея (въ Гутштадтѣ).]

Государь прибылъ къ войскамъ авангарда, осмотрѣлъ ихъ, объѣхалъ въ сопровожденіи главнокомандующаго передовые посты, оставленные впереди Цехерна и Петерсвальде, дабы непріятель не могъ подозрѣвать о движеніи авангарда. Неизвѣстно мнѣ, почему вдругъ дано приказаніе отнѣмать атаку.... Авангардъ вступилъ въ свою позицію при Лаунау.

Непріятно было извѣстіе о сдачѣ Данцига, и не было сомнѣнія, что Наполеонъ присоединитъ большую часть осаждавшихъ войскъ.

Я не могъ узнать, что могло понудить, упустивъ 1-е мая, время удобное къ нападенію, не прежде произвести оное, какъ 24-го числа, когда армія непріятельская весьма усилилась. Не могло побуждать къ тому ожиданіе сукурсовъ, ибо ни малѣйшихъ не прибывало войскъ, ниже продовольствіе не сдѣлалось лучшимъ прежняго, и мы не могли выйти на продолжительное предпріятіе.

Движеніе 24-го мая столько хорошо было соображено, что корпусъ маршала Нея весь долженъ былъ достаться въ наши руки.... Авангардъ шелъ на Альткирхенъ (за Гутштадтомъ) и отрѣзывалъ Французовъ въ лѣсу, простирающемся отъ Петерсвальде къ Гутштадту, въ то время, какъ оставленные два полка егерей на нихъ ударятъ. Дѣйствія его не должны быть рѣшительны, дабы войскамъ, назначеннымъ обойти непріятеля, дать время совершить движеніе. Съ правой стороны генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-дер-Остенъ-Сакенъ

* См. выше разказъ Давыдова нѣсколько иначе.

долженъ обойдти непріателя и не допустить къ рѣкѣ Пасаргѣ....

.....
...Не слышно было ни одного выстрѣла (въ сторону, гдѣ шелъ баронъ Остенъ-Сакенъ)... Между тѣмъ у Альткирхена собрались довольно значительныя силы, и авангардъ получилъ повелѣніе атаковать ихъ. Дѣло началось весьма горячее. Непріатель, долго защищавшись, отступилъ.

.....Авангардъ, преслѣдуя непріателя до вечера, остановилса на ночлегъ предъ селеніемъ Квецъ.

Причиною, что диспозиція не выполнена, былъ генералъ баронъ Сакенъ. Онъ (не) пришелъ въ назначенное время, отговариваясь далекимъ обходомъ и будто ожидалъ повелѣній. Но общій былъ слухъ, что, имѣя неудовольствіе на главнокомандующаго, онъ нарочно сдѣлалъ, чтобы лишить его успѣха въ предпріятіи. Многие чрезвычайно негодовали, что упущенъ благоприятѣйшій случай уничтожить цѣлый непріательскій корпусъ.

.....
25 мая противъ непріателя, устроеннаго въ крѣпкой позиціи, собрались наши войска въ большихъ силахъ... Картечными выстрѣлами выгналъ я непріателя изъ селенія Квецъ.

...Защищаясь весьма упорно, непріатель не могъ удержаться долго, ибо войска были въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ..... *

Казакамъ достались обозы и между ними экипажъ маршала Нея, его серебряный сервизъ и другія вещи. Найдены серги и браслеты, и трудно было бы понять, какое употребленіе дѣлалъ изъ нихъ господинъ маршалъ, еслибы не истолковали вырѣзанные на серебрянѣ гербы разныхъ польскихъ фамилій— безпристрастіе его къ самымъ вѣрнымъ слугамъ Наполеона!....

Авангардъ пришелъ на ночлегъ къ селенію Депенъ на рѣкѣ Пасаргѣ.....

* Къ этимъ дѣйствіямъ относится еще одно обстоятельство, разказанное у Д. В. Давыдова и вовсе не упомянутое въ запискахъ Ермолова: „По занятіи Анкендорфа, (отъ котораго былъ отгнаны Ней), полковникъ Ермоловъ выскакалъ съ конною артиллеріей своей вѣтвь отъ селенія, откуда онъ успѣшно поражаъ непріательскія колонны, отступавшія чистымъ полемъ къ позиціи при Гейлаугентаалѣ. Разстройство непріателя было весьма замѣтно, но за неимѣніемъ на этомъ пунктѣ кавалеріи, мы не могли этимъ воспользоваться: командующій ею графъ Паленъ не былъ

27 мая, съ самаго разсвѣта, стекались отовсюду войска не-
приятеля..... Одна колонна, опрокинувъ 7-й егерскій полкъ подъ
командою.... подполковника Лаптева, такъ проворно пришла
къ батарее, гдѣ я случайно находился, что я почиталъ ее за
свои войска, и только по бѣлымъ перьямъ можно было узнать.
Встрѣченная картечью двѣнадцати орудій, она обратилась
въ замѣшательствѣ.....

....На нѣсколько часовъ остались мы въ покоѣ. Князь Ба-
гратионъ приказалъ всему авангарду быть въ готовности....

По требованію моему прислано мнѣ нѣсколько батарей-
ныхъ орудій, ибо часто съ трудомъ выдерживалъ я дѣйствие
сильнѣйшихъ калибровъ неприятельской артиллеріи. Подъ Ке-
нигсбергомъ испыталъ я, что могутъ значить трехфунтовые
единороги противъ порядочной артиллеріи, и я увѣренъ, что
неприятель удивился, что не съ первыхъ выстрѣловъ обра-
тилъ насъ въ бѣгство.

.....
....(28 мая) когда въ большомъ количествѣ пришла пѣхота
(неприятельская), мы только-что могли удержаться на высо-
тахъ у самаго Гутштадта. Въ сей день съ моею ротой я
былъ въ ужаснѣйшемъ огнѣ, и одну неприятельскую батарею
сбилъ, не употребляя другихъ выстрѣловъ, кромѣ картеч-
ныхъ. Прикрывавшій роту С.-Петербургскій драгунскій полкъ
стоялъ подъ выстрѣлами съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ.
Мы послѣдніе отступили за арріергардомъ, и мостъ чрезъ
рѣку Алле сожгли за собою. Неприятель занялъ городъ, пѣ-
хота его наполнила дома, лежащіе по берегу. Я вытерпѣлъ
ружейный огонь, и не прежде отошелъ отъ города, какъ за-

въ этомъ случаѣ выковать; его взоръ проникалъ вездѣ и всюду, и онъ
уже при первомъ движеніи впередъ отрядилъ Польскій уланскій полкъ для
прикрытія артиллеріи Ермолова. Но шефъ этого полка, генералъ Кахов-
скій, пріобрѣтшій въ штабъ много друзей чрезъ свое богатство, не толь-
ко не подвигался, но скорѣе пресмыкался по направленію къ Анкедор-
фу. При всемъ томъ онъ показался еще вовремя. Увидя голову его ко-
лонны, нѣкоторые изъ насъ, находившіеся на батарее Ермолова, под-
скакавъ къ Каховскому, просили его ударить поспѣшнѣе на разсыпав-
шуюся и бѣгущую пѣхоту французскаго арріергарда; но онъ отвѣтилъ
намъ, что его лошади устали (тогда какъ полкъ его подвинулся не далѣе
двухсотъ сажень отъ мѣста ночлега), остановился. Убѣдившись въ невоз-
можности отрѣзать Нея отъ Денпена, армія наша заняла позицію предъ
Гейлаугенталемъ....“

горѣлся онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Я платилъ негоднымъ жителямъ, приверженнымъ къ Французамъ, за то, что въ февралѣ, когда 5-й егерскій полкъ былъ вытѣсненъ изъ города, они изъявили радость рукоплесканіемъ и дѣлали насмѣшки.

Отступивши къ Гейльсбергу по сѣздамъ арміи, авангардъ расположился, не переходя рѣки.

29 мая авангардъ посланъ къ селенію Лаунау, дабы остановить непріятеля, если возьметъ онъ сіе направленіе.... Между тѣмъ армія..., по обыкновенію, погрѣшила медленностію, ибо авангардъ, по крайней мѣрѣ, лишникъ два часа долженъ былъ удерживать непріятельскія силы, платя за несоразмѣрность ихъ большою потерей людей....

Когда непріятель привелъ всѣ войска, когда противъ 40 орудій стало 150 пушекъ, и кавалерія протянулась далѣе конечности праваго нашего крыла, (при которомъ была моя конная рота), положеніе наше сдѣлалось весьма опаснымъ. Непріятельская кавалерія прорывала наши линіи, и съ тылу взяты были нѣкоторыя изъ моихъ орудій. Одна изъ атакъ столько была рѣшительна, что бѣлая часть нашей конницы опрокинута за селеніе Лангевизе. Но расположенные въ ономъ егерскіе полки генерала Раевскаго остановили успѣхи непріятеля, и конница наша, устроившись, возвратилась на свое мѣсто, и отбиты потерянные орудія. Я спасся, благодаря быстротѣ моей лошади, ибо во время дѣйствія батареи, часть конницы пріѣхала съ тылу, и на меня бросилось нѣсколько человекъ французскихъ кирасиръ. Между тѣмъ пѣхота наша, вытерпѣвая ужаснѣйшій огонь и теряя много людей, начала отступать. Пріѣзжаетъ дежурный генераль-майоръ Фокъ, и съ негодованіемъ спрашиваетъ князя Багратіона, отчего отступаетъ онъ, не имѣвши приказанія, тогда какъ армія не успѣла еще расположиться въ укрѣпленіяхъ. Непріятно было князю Багратіону подобное замѣчаніе отъ генерала Фока, который только въ небольшихъ чинахъ извѣстенъ былъ смѣлымъ офицеромъ, и доселѣ нигдѣ употребленъ не былъ. Князь Багратіонъ повелъ его въ самый пылъ сраженія, чтобы показать причину, понуждающую къ отступленію, и въ глазахъ его приказалъ идти впередъ. Не прошло пяти минутъ, какъ Фокъ получилъ тяжелую рану, и мы преслѣдованы до самыхъ окоповъ. Войска авангарда потеряли конечно не менѣе половины надличнаго числа людей;

не было почти полка, который бы возвратился со своимъ начальникомъ, мало осталось штабъ-офицеровъ.

Великій князь былъ свидѣтелемъ сраженія, и ему поручено главнокомандующимъ пѣхоту и артиллерію авангарда перевести за рѣку Алле на отдохновеніе, а кавалерію, менѣе утомленную или мало потерпѣвшую, присоединить къ арміи для дальнѣйшаго дѣйствія. Въ числѣ особенно отличившихся въ сей день замѣчены генераль-майоры Багговуть, подъ начальствомъ его командовавшій всѣми егерями Раевскій, и шефъ Кіевского драгунскаго полка Львовъ. Главнокомандующій благодарилъ меня за службу, и великій князь оказалъ мнѣ особенное благоволеніе. Ему понравился отвѣтъ, сдѣланный мною присланному отъ него адъютанту съ замѣчаніемъ, что французская колонна слишкомъ приближается къ батареѣ: „я буду стрѣлять, когда различу бѣлокурыхъ отъ черноволосыхъ“. Онъ видѣлъ опрокинутую колонну.

Предъ вечеромъ произведена жесточайшая атака..... наставшая ночь прекратила сраженіе, и войска наши торжествующія возвратились въ укрѣпленіе.

.
(У Фридланда, 2-го іюня) непріятель состоялъ въ десяти тысячахъ сводныхъ гренадеръ маршала Удино.... Вскорѣ собралось большое количество нашихъ войскъ.... Надлежало напасть рѣшительно на французскій корпусъ.... По несчастію, главнокомандующій былъ въ сей день очень боленъ....

Ермоловъ въ своихъ запискахъ почти вовсе не упоминаетъ о себѣ въ этомъ дѣлѣ.... Давыдовъ разказываетъ такъ: „Званіе главнокомандующаго вмѣсто Беннигсена, у котораго обнаружилась сильная припадочка падучей болѣзни, принялъ на себя..... Кн. Г..... Между тѣмъ французская кавалерія, испытавъ неудачу при нападеніи своемъ на нашъ правый флангъ, ограничилась выставленіемъ фланкеровъ. Вдругъ Французы, занявъ опушку впереди находящагося лѣса 10 пушками огромнаго калибра, открыли по насъ губительный огонь картечью; дѣйствіе этихъ 10 пушекъ было вполне ужасно для нашихъ войскъ, которыя были засыпаны страшною массою чугуна. Хотя Ермоловъ успѣшно противопоставилъ непріятелю около 40 легкихъ орудій, но они не могли заставить молчать

огромныя пушки Французовъ; къ счастью, вслѣдствіе нашихъ выстрѣловъ, обвалившіяся деревья въ опушкѣ лѣса образовали родъ натурального бруствера, что вынудило Французовъ отступить съ занимаемой ими позиціи. Около двухъ часовъ по полудни главныя силы непріятеля, предшествуемая весьма сильною артиллеріей, занявъ Сортоакскій лѣсъ, устремились на нашъ лѣвый флангъ и сильно потѣснили его къ городу; тщетно князь Багратіонъ, Раевскій, Ермоловъ и храбрѣйшіе офицеры лѣваго нашего фланга старались привести въ устройство разсыянные полки наши! Усиливавшіяся непріятельскія колонны и многочисленная артиллерія, кою командовалъ мужественный и рѣшительный генералъ Сенармонъ, подвигались впередъ; дѣйствіе ядеръ, гранатъ и въ особенности картечи, густо осыпавшихъ наши войска съ самаго близкаго разстоянія, было неизмовѣрно смертоносно. Багратіонъ со шпагою въ рукахъ (что я все время моего при немъ служенія лишь здѣсь видѣлъ) ободрялъ Московскій гренадерскій полкъ, коего остатки окружали его лошадь. Онъ напоминалъ имъ подвиги ихъ въ Италіи и Суворова, но все было напрасно! Даже Семеновцы и Павловцы дрогнули и значительно осадили назадъ; неустрашимые Измайловцы, пустивъ по Семеновцамъ бѣглый огонь, остановили ихъ. Вскорѣ Семеновцы и Павловцы, опомнившись послѣ первой минуты смущенія, мужественно встрѣтили непріятеля. Въ это грозное для насъ время, князь Багратіонъ, желая хотя сколько-нибудь пріостановить натискъ Французовъ, которые грозили намъ совершеннымъ истребленіемъ, приказалъ Ермолову привести изъ резервовъ какую-нибудь батарейную роту. Встрѣтивъ 4 орудія изъ бригады храбраго Осипова, коими завѣдывалъ поручикъ Комаровъ, приказавшій уже ихъ взять на передки и продолжать свое отступательное движеніе, Ермоловъ велѣлъ ему остаться на мѣстѣ; когда Комаровъ донесъ ему, что у него вовсе нѣтъ зарядовъ, Ермоловъ сказалъ ему: „я вамъ приказываю не оставлять вашего мѣста: чрезъ ваше отступленіе образуется интервалъ, коимъ непріятель можетъ воспользоваться; если ваше начальство останется тѣмъ недоволено, доложите, что вы это сдѣлали на основаніи приказанія полковника Ермолова; а я между тѣмъ возьму съ собою одного фейерверкера вашего, съ которымъ доставляю вамъ 4 зарядные ящичка.“ Но встрѣченныя Ермоловымъ на пути роты не только не снабдили его зарядными ящичками,—

онѣ, исполняя чье-то повелѣніе, поспѣшно напротивъ отступали съ поля сраженія.

„Между тѣмъ главныя массы Французовъ, стремившіяся къ городу, сильно тѣснили войска наши. Къ довершенію несчастія, мосты (четыре, черезъ рѣку, бывшую въ тылу) запылали прежде перехода арміи на правый берегъ.....“

Возвращаемся опять къ запискамъ самого Ермолова.

Итакъ, вмѣсто того чтобы разбить и уничтожить слабый непріятельскій корпусъ, которому за отдаленіемъ не могла армія дать скорой помощи, мы потеряли главное сраженіе.... Ни к.... Г..... въ себѣ не нашель, ни войска къ нему не могли имѣть довѣренности.

.....
Безъ препятствій дошли мы до Велау.....

При отступленіи арріергарда посланные разъѣзды открыли отрядъ генерала графа Каменскаго, идущій отъ Кенигсберга, и за нимъ непріятель въ силахъ. Въ вѣсколькихъ верстахъ позади соединялись дороги, и графъ Каменскій, прошедши прежде, могъ привести за собою непріятеля, который занялъ бы нашу дорогу. Князь Багратіонъ, благосклонно выслушавшій мои разсужденія, позволилъ мнѣ сдѣлать предложеніе, чтобы всю нашу кавалерію послать на лѣвый флангъ преслѣдующаго насъ непріятеля, новостію сего движенія остановить, или по крайней мѣрѣ умедлить ходъ его, и съ пѣхотою пройдя поспѣшнѣйшимъ образомъ соединеніе дорогъ, ожидать графа Каменскаго. Князь Багратіонъ приказалъ привести сіе въ исполненіе, и мы едва могли предупредить графа Каменскаго, а потомъ кавалерія наша прибыла въ одно время съ послѣдними его войсками. Онъ отправился къ арміи, и арріергардъ остался одинъ.

При селеніи Тапланенъ, по удобству мѣстоположенія, дождались мы непріятеля, и довольно горячая сшибка съ передовыми его войсками была совершенно въ пользу нашу. Въ двѣнадцати верстахъ не доходя Тильзита, нашли мы дождающіеся полки кавалеріи и приказаніе главнокомандующаго удерживать непріятеля, дабы армія имѣла время перейти за Нѣманъ. На немъ только одинъ мостъ, и потому каждый изъ насъ видѣлъ, сколько трудное порученіе возложено на князя Багратіона, и какой опасности подвержено отступленіе

аррьергарда, имѣя одинъ мостъ и такое множество кавалеріи. Аррьергардъ расположился въ боевой порядокъ. Мы готовились къ послѣднему сраженію на землѣ союзниковъ!

...Конечно, непріятель одного былъ съ нами мнѣнія, что неравными силами преодолѣть насъ было возможно, а потому остатокъ дня провелъ въ бездѣйствиіи... Мы нетерпѣливо ожидали приближенія ночи.

Аррьергардъ пришелъ поутру въ Тильзитъ и тотчасъ вся конница, казаки и артиллерія отправлены за Нѣманъ... Мостъ приготовленъ къ скорѣйшему сожженію... На ономъ явился съ кавалеріей маршалъ принцъ Мюратъ, и мостъ загорѣлся почти подъ самою его лошадью.

Непріятель занялъ городъ... Мы не безъ страха ожидали происшествій! Армія наша была малочисленна и въ безпорядкѣ... Она не въ большомъ разстояніи отъ берега расположилась лагеремъ; лѣсистое мѣстоположеніе было весьма кстати ея безсилію. Авангарду приказано стать на самомъ берегу. Князь Багратионъ, по приказанію главнокомандующаго, послалъ адъютанта съ предложеніемъ перемирія. Онъ представленъ къ Мюрату, потомъ къ Бертье,—и ему объявлено, что Наполеонъ желаетъ мира, не перемирія!

На другой день съ объясненіемъ о томъ пріѣхалъ въ главную квартиру Бертье, и послано донесеніе государю, который находился въ мѣстечкѣ Шавляхъ *. Черезъ два дня прибылъ государь къ арміи.... **

...Вскорѣ заключенъ миръ. Всѣ выгоды онаго были на сторонѣ Наполеона; имъ же всѣ изъявленія почтенія, то-есть всѣ онаго наружности, оказаны нашему государю...

Войска аррьергарда возвращены въ дивизіи, къ коимъ они принадлежали; мы всѣ, служившіе подъ командою генерала князя Багратиона, проводили любимаго начальника съ изъяв-

* Простительно желать знать, кому принадлежитъ честь подобныхъ распоряженій. Кажется полковнику Адернау, и кто же осмѣлился бы спаривать ее у Нѣмца? ибо съ давнихъ временъ не умѣютъ найдти Русскаго въ генераль-квартирмейстеры.

** Во время переговоровъ о мирѣ въ Тильзитѣ, Ермоловъ часто ходилъ въ городъ смотрѣть на Наполеона. Онъ оставался въ домѣ противъ императорской квартиры. Тамъ по цѣлымъ часамъ наблюдалъ онъ черезъ растворенное окошко всѣ движенія своего героя, который предъ его глазами раздавалъ приказанія, выслушивалъ донесенія, говорилъ... Ермоловъ жаднымъ слухомъ ловилъ всякое слово, которое однакоже не долетало. (Д.)

леніемъ искренней приверженности. Кромѣ совершенной довѣренности къ дарованіямъ его и опытности, мы чувствовали разность обхожденія его и прочихъ генераловъ. Конечно, никто не напоминалъ мнѣ о томъ, что онъ начальникъ, и никто не умѣлъ лучше заставить помнить о томъ подчиненныхъ. Солдатами онъ былъ любимъ чрезвычайно. Я, простясь съ товарищами, отправился въ Россію.

Итакъ, кончилъ я войну, бывъ въ должности начальника артиллеріи въ авангардѣ въ этой должности съ самаго начала войны до заключенія мира.

По особенному счастью моему не потерялъ я въ ротѣ моей ни одного орудія, тогда какъ многіе, въ обстоятельствахъ гораздо менѣе затруднительныхъ, лишились оныхъ. Вообще изъ артиллеріи, бывшей въ командѣ моей, брошено одно орудіе Псковскимъ мушкетерскимъ полкомъ, но и тутъ нельзя упрекнуть артиллерійскаго офицера.

Въ сраженіи при Гейльсбергѣ многія изъ орудій попали въ руки непріятели, ибо приказано было мною офицерамъ менѣе заботиться о сохраненіи пушекъ, какъ о томъ, чтобы въ самомъ близкомъ разстояніи послѣдними выстрѣлами заплатили за себя, если будутъ оставлены. Истолковано имъ, что гораздо менѣе вреда потерять пушки, нежели, для спасенія ихъ увоза заблаговременно, лишать войска покровительства ихъ, а часто и самаго охраненія, единственно отъ нихъ зависящаго. Поставлены офицерамъ въ доказательство случаи, собственно въ авангардѣ происшедшіе, что батареи, оставаясь на мѣстѣ до послѣдней крайности, не взяты непріятеlemъ при всѣхъ возможныхъ усиліяхъ; приведены примѣры, что самыя малыя части войскъ не могли быть преодолены превосходными силами, единственно оттого, что непріятель не могъ утратить артиллерію и заставить ее удалиться; что еслибъ офицеръ боялся потерять орудія и для того въ опасности оставилъ свое мѣсто, войска были бы преданы неминуемому истребленію. Я выдавалъ кавалерійскимъ штабъ-офицерамъ свидѣтельства, когда отбивали они захваченныя непріятеlemъ орудія, и они получали по онымъ надлежащую награду... Сими офицерами возвращены всѣ потеряныя при Гейльсбергѣ орудія. О распоряженіи моемъ, слагающемъ отвѣтственность за оставленныя орудія, извѣстно было начальству, и доведено до свѣдѣнія самого государя, который въ послѣдствіи весьма милостиво о томъ меня спрашивалъ.

Я имѣлъ счастье приобрести благоволеніе великаго князя Константина Павловича, который о службѣ моей отзывался съ похвалою. Князя Багратиона пользовался я особеннымъ благорасположеніемъ и довѣренностію. Онъ дѣлалъ мнѣ порученія по службѣ, не одному моему званію принадлежація. Два раза представленъ я имъ къ производству въ генераль-майоры, и онъ со стороны своей дѣлалъ возможное настояніе, но потому безуспѣшно, что не было еще до того производства за отличіе, а единственно по старшинству. Между товарищами я снискалъ уваженіе, подчиненные были ко мнѣ привязаны. Словомъ, по службѣ открылись мнѣ новыя виды и надежда менѣе испытывать неприятностей нежели прежде. Въ продолженіе войны я получилъ слѣдующія награды: за сраженіе при Голыминовъ золотую шапку съ надписью за храбрость, при Прейсшъ-Эйлау—Св. Владимира 3-й степени, при Гутштадтѣ и Пассаргѣ—Св. Георгія 3 класса, и при Гейльсбергѣ—алмазные знаки Св. Анны 2 класса. *

Отправившись изъ Тильзита въ Россію, проѣзжалъ я Виль-

* Д. В. Давыдовъ предлагаетъ слѣдующія замѣчанія о службѣ Ермолова въ продолженіе этой кампаніи и объ отношеніяхъ его къ разнымъ начальникамъ:

„Будучи произведенъ въ полковника, по хадатайству почтеннаго и доблестнаго Ф. П. Уварова, воспользовавшагося отсутствіемъ графа Аракчеева, Ермоловъ заслужилъ, въ теченіи войны 1806 и 1807 годовъ, отличную репутацію. Князь Багратионъ, письменными дѣлами котораго Ермоловъ завѣдывалъ въ теченіи этой войны, исходатайствовалъ ему за блистательное мужество, выказанное близъ Гутштата, знаки Св. Георгія 3 класса, и обратилъ на него вниманіе цесаревича, коего особеннымъ благоволеніемъ и покровительствомъ Алексѣй Петровичъ пользовался до самой его кончины. Слава, приобретенная имъ въ теченіи этой войны, была такова, что одного удостовѣренія его было достаточно для полученія знаковъ Св. Георгія; такимъ образомъ получили Георгіевскіе кресты три штабъ-офицера, отличившіеся въ глазахъ Ермолова, подъ Гейльсбергомъ. (То были подполковникъ конно-польскаго полка Буяковскій и майоры: Лифляндскаго драгунскаго Рижскій-Корсаковъ и Финляндскаго—Фитингофъ.) Когда солдаты наши замѣчали роту Ермолова, выѣзжавшую на позицію и въ особенноти его самого, они громко кричали: „Напрасно Французъ горячку поретъ, Ермоловъ за себя постоитъ“. Я былъ очевидцемъ всего этого“.

Ф. П. Уваровъ отзывался съ великою похвалою объ Ермоловѣ предъ государемъ послѣ Аустерацкаго сраженія, король прусскій послѣ похода 1806 года. Государь отвѣчалъ королю прусскому: „Я уже знаю его.“

но, гдѣ нашелъ генерала Беннигсена. Онъ принялъ меня съ тою же благосклонностію, каковую оказывалъ мнѣ съ самой моею молодости. Разговаривая о войнѣ, онъ сказалъ мнѣ, что лѣтняя кампанія въ Пруссіи производилась совершенно не такъ, какъ онъ желалъ. Ему обѣщано было подкрѣпленіе изъ 30 тысячъ человѣкъ, съ которыми намѣревался онъ, вмѣстѣ съ раннею весною, начать дѣятельную кампанію, когда силы Наполеона развлечены были осадю Давцига. Подкрѣпленіе умедлено и назначено наконецъ къ первому числу мая непременно, но со всѣмъ тѣмъ, по день заключенія мира, не прибыло къ арміи ни одного человѣка. Подкрѣпленіе сіе состояло изъ двухъ дивизій рекрутъ, предъ самымъ походомъ получившихъ оружіе, употребленіе коего совершенно было имъ незнакомо. Не менѣе половины сихъ рекрутъ, проходя Минскую и Виленскую губерніи, оставлены въ госпиталяхъ.

Генералъ Беннигсенъ говорилъ мнѣ, что онъ предлагалъ государю послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау отправить къ Наполеону ловкаго человѣка, который, предложивъ о размѣнѣ пѣвиныхъ, старался бы извѣдать средства склонить его къ миру, и надѣялся заключить выгодный. Онъ назначалъ на сіе генералъ-майора Хитрово (Николая Фодоровича), который въ пребываніе свое въ Парижѣ былъ весьма ласкаемъ Наполеономъ.

Въ концѣ августа прибылъ инспекторъ всей артиллеріи, графъ Аракчеевъ, осмотрѣлъ артиллерію, распредѣлилъ укомплектованіе оной, и продолжая мнѣ прежнее неблаговоленіе, приказалъ мнѣ оставаться въ лагерѣ по 1-е число октября, когда всемъ прочимъ артиллерійскимъ бригадамъ назначено идти по квартирамъ 1-го сентября. Къ сему весьма грубымъ образомъ прибавилъ онъ, что я долженъ былъ пріѣхать къ нему въ Витебскъ для объясненія о недостаткахъ. Я отвѣчалъ, что неблагорасположеніе ко мнѣ не должно препятствовать разсмотрѣнію моихъ рапортовъ. Оскорбили меня подобныя грубости и я не скрывалъ намѣренія непременно оставить службу. Узнавши о семъ, графъ Аракчеевъ призвалъ меня къ себѣ, и предложивъ дать мнѣ отпускъ для свиданія съ родственниками, приказалъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы со мною лучше познакомиться.

Я поступилъ въ 9-ю дивизію генералъ-лейтенанта князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, сына великаго Суворова, и квартира моя назначена въ мѣстечкѣ Любинѣ на Волыни.

Вскорѣ получилъ я высочайшій рескриптъ на мое имя и деньги для награжденія нижнихъ чиновъ, отличившихся храбростію. Это былъ первый примѣръ подобной награды.

Въ то же время графъ Аракчеевъ писалъ мнѣ, что о наградѣ ходатайствовалъ онъ, желая доказать уваженіе его къ отличной моей службѣ *.

* Д. В. Давыдовъ такъ разказываетъ объ отношеніяхъ гр. Аракчеева къ Ермолову:

„Графъ Аракчеевъ, почитая Ермолова прежнимъ фаворитомъ, пресѣдовалъ его весьма долго; оставаясь въ чинѣ подполковника въ продолженіи 9-ти лѣтъ Ермоловъ думалъ одно время перейти въ инженеры, сопровождать генерала Аврепа на Юаическіе острова. Когда генералъ Бухмейеръ объяснилъ графу его ошибку, этотъ послѣдній рѣшился вознаградить Ермолова за все прошлое. Послѣ этой войны Ермоловъ, не смотря на малый чинъ свой, удостоился получить весьма милостивый рескриптъ государя, препроводившаго къ нему 1.000 рублей для награжденія нижнихъ чиновъ командуемой имъ роты. (Весьма замѣчательно то, что во все время царствованія императора Александра ни одинъ почти штабъ-офицеръ не удостоивался получить высочайшихъ рескриптовъ).“ (Д.)

Вотъ письмо Аракчеева съ высочайшимъ рескриптомъ, напечатанное въ *Чтеніяхъ*:

„Милостивый Государь,
„Алексѣй Петровичъ!

„При оставленіи, по болѣзми моей, командованія Артиллерійскимъ Департаментомъ, я почелъ пріятнымъ себѣ долгомъ отличить роту, вами командуемую, предъ Государемъ Императоромъ, испрося на имя ваше у сего препровождаемый рескриптъ, не имѣя ничего у себя болѣе въ виду, какъ доказать вамъ, милостивому государю, то уваженіе, которое я всегда имѣлъ къ службѣ вашей, а васъ прося при ономъ случаѣ, дабы вы остались ко мнѣ всегда хорошимъ пріятелемъ, чего желаю пребывающій къ вамъ съ почтеніемъ и преданностію,

„милостивый государь, покорный слуга,
„Графъ Аракчеевъ.

„Декабря 12-го, 1807 года.“

„Господину артиллеріи полковнику Ермолову.

„Отличное дѣйствіе въ прошедшую кампанію командуемой вами компаніи артиллерійской роты подаетъ мнѣ пріятный поводъ изъявить оной особое мое благоволеніе, а вмѣстѣ съ симъ инспекторъ артиллеріи, Графъ Аракчеевъ, препроводитъ къ вамъ тысячу рублей для награжденія въ ротѣ, по вашему назначенію, тѣхъ фейерверкеровъ и рядовыхъ, кои, по от личному своему знанію артиллерійской науки, заслуживаютъ уваженіе.

Въ Петербургъ пріѣхалъ я, когда графъ Аракчеевъ изъ инспекторовъ всей артиллеріи, поступилъ въ званіе военнаго министра. Онъ принялъ меня съ особеннымъ благоволеніемъ и встрѣтилъ объявленіемъ новой награды. Государь пожаловалъ, въ знакъ отащія, нашивки на мундиръ коннымъ артиллерійскимъ ротамъ моей и князя Яшвиля *.

Аракчеевъ самъ представлялъ меня императору, и мнѣ нетрудно было видѣть, что предупредилъ его въ мою пользу. Пробывъ въ Петербургъ три дня, я подалъ графу Аракчееву записку о томъ, что во время ссылки моей при покойномъ государѣ Павлѣ I, многіе обошли меня въ чинѣ, и что потому состою я почти послѣднимъ полковникомъ по артиллеріи. Я объяснилъ ему, что если не получу я принадлежащаго мнѣ старшинства, я почту и то не малою выгодой, что ему, какъ военному министру, извѣстно будетъ, что я лишенъ былъ службы не по причинѣ неспособности къ оной. Не получивъ отвѣта на поданную записку, въ тотъ же день выѣхалъ я изъ Петербурга. Остановившись въ Орлѣ у моихъ родныхъ, получилъ я извѣстіе, что я при общемъ производствѣ по артиллеріи пожалованъ генераль-майоромъ, и назначенъ инспекторомъ части конно-артиллерійскихъ ротъ, съ прибавленіемъ къ жалованью двухъ тысячъ рублей **.

что самое примите въ знакъ и къ вамъ особаго моего благоволенія. Въ С.-Петербургѣ. Ноября 30-го дня 1807 года.*

На подлинномъ подписалъ:

„Александръ.“

Въ запискахъ моихъ упомянуто, что П. И. Меллеръ-Закомельскій содѣйствовалъ своимъ отзывомъ переѣвѣ расположенія Аракчеева къ Ермолову.

* Въ запискахъ у меня вотъ какъ описано первое свиданіе Ермолова съ гр. Аракчеевымъ. „Вы одѣты не по формѣ“, встрѣтилъ его военный министръ. „Позвольте усомниться, ваше сіятельство“, отвѣчалъ Ермоловъ. Оказалось, что его бригадѣ за отличіе пожалованы были петлицы, о которыхъ Ермоловъ еще не слышалъ. Аракчеевъ своимъ замѣчаніемъ выражалъ ему свое благоволеніе.

** Къ этому времени относится слѣдующее замѣчаніе въ запискахъ Д. В. Давыдова.

„Будучи произведенъ въ 1808 году въ генераль-майоры, Ермоловъ, состоя въ дивизіи молодого и пылкаго князя Суворова, наблюдалъ за австрійскою Галлицей и Радзивиловскою таможеней; энергическія дѣйствія

Въ семь новомъ званіи отправился я (1809) для осмотра конной артиллеріи въ Молдавской арміи подъ начальствомъ отличнаго долгодѣтїемъ фельдмаршала князя Прозоровскаго, ко-его главная квартира находилась въ Яссахъ. Военныя дѣйствія были прекращены на нѣкоторое время. Я былъ свидѣтелемъ перехода войскъ въ лагерь при знаменитый зарождеіемъ ужасныхъ болѣзней въ войскахъ и истребленіемъ большаго числа оныхъ. Никакія убѣжденія не сильны были отклонить отъ занятія убіиственнаго сего лагеря. Войска дѣлали марши не болѣе 15 верстъ, и рѣдко употребляли на то менѣе 10-ти часовъ, ибо устроенныя въ большія каре, и въ срединѣ оныхъ имѣя тяжелые обозы, медленно двигались они по большей части, безъ дорогъ. Фельдмаршалъ не переставалъ твердить, что онъ приучаетъ войска къ маневрамъ. Подверженные нестерпимому зною, войска очевидно изнурялись, и фельдмаршалъ, вскорѣ преселившійся въ вѣчность, отправилъ впередъ себя армію не менѣе той, какую послѣ себя оставилъ.

Въ Валахіи начальствовалъ генераль-лейтенантъ Милорадовичъ, и рѣдкій день не было праздника, которые онъ дѣлалъ самъ и другихъ заставлялъ дѣлать.

Я жилъ очень весело, бывалъ на праздникахъ, ѣздилъ на гулянья, выслушивалъ разказы его о побѣдахъ и между прочими о сраженіи при Обилешти. „Я, узнавши о движеніи непріятеля, говорилъ онъ, пошелъ на встрѣчу. По слухамъ онъ былъ въ числѣ 16 тысячъ человекъ, я написалъ въ реляціи, что разбилъ 12 тысячъ, а въ самомъ дѣлѣ было Турокъ не болѣе

его и строгій надзоръ за контрабандистами, едва не навлекли ему большихъ непріятностей со стороны коммерцъ-коллегіи, но благодаря покровительству графа Аракчеева, онъ не подвергся взысканію за то, что, по незнакомію правилъ таможеннаго устава, онъ безкорыстно уступалъ всѣ конфискованныя предметы казакамъ, отличившимся при поимкѣ контрабандистовъ; онъ не хотѣлъ въ этомъ случаѣ подражать своему предѣстнику Бауеру, который высылалъ цѣлыя эскадроны для конвоирования контрабанды. Получивъ вскорѣ послѣ того предписаніе графа Аракчеева наблюдать за польскими уроженцами западныхъ губерній, коимъ наше правительство не хотѣло дозволить вступать въ слухкомъ тѣсныя сношенія съ войсками князя Понятовскаго, дѣйствовавшими въ то время противъ Австріи, и будучи имъ уполномоченъ ссылать вѣдомыхъ, Алексѣй Петровичъ успѣлъ въ этомъ случаѣ сочетать разумную строгость съ рѣдкимъ великодушїемъ.“

4 тысячъ человекъ.“ Предпримчивость его въ семь случаевъ дѣлаетъ ему много чести.

Къ арміи поѣхалъ я чрезъ Бендеры, Одессу, въ Крымъ. Обозрѣвъ всѣ древности, прелестный полуденный берегъ, пробылъ я нѣкоторое время въ Карасубазарѣ, гдѣ стояла одна рота моей инспекціи. Возвратившись чрезъ Харьковъ, я видѣлъ довольно большую часть полуденнаго края Россіи.

Въ составъ арміи, назначенной противъ Австрійцевъ, подъ командою генерала князя Голицына (Сергѣя Фёдоровича), поступила дивизія, къ которой я принадлежалъ, но я оставленъ начальникомъ отряда резервныхъ войскъ, въ числѣ 14 тысячъ человекъ, въ губерніяхъ Волынской и Подольской.

Военнымъ министромъ дано повелѣніе занять войсками границы обѣихъ сихъ губерній, ибо многіе изъ дворянъ перебѣгали, и уводили съ собою большое число людей и лошадей въ герцогство Варшавское, гдѣ формировалась польская армія. По сему порученію я доносилъ непосредственно военному министру графу Аракчееву, и имъ одобрены мои распоряженія. Для обузданія своевольныхъ дана мнѣ власть захватываемыхъ при переходѣ чрезъ границу, не взирая на лица, отсылать въ Кіевъ для препровожденія далѣе въ Оренбургъ и Сибирь. Я рѣшился приказать, тѣхъ изъ переходящихъ за границу, которые будутъ вооружены и въ большихъ партіяхъ, наказывать оружіемъ, и начальство довольно было рѣшительностію. Я употребилъ строгія весьма мѣры, но не было сосланныхъ.*

По окончаніи войны противъ Австрійцевъ армія наша возвратилась изъ Галиціи, и часть оной расположилась въ Волынской губерніи, понудила отрядъ мой вывести въ Кіевскую, Полтавскую и Черниговскую губерніи. Квартира моя изъ Дубно перенесена въ Кіевъ. вмѣстѣ съ Волынскою гу-

* Услыхавъ, что почетный попечитель Кременецкой гимназіи, тайный совѣтникъ графъ Чапскій, держалъ въ этомъ городѣ нелегальные рѣчи, Алексѣй Петровичъ прибылъ изъ Житомира въ Кременецъ; сообщивъ ему о своемъ полномочіи, онъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей грозно сказалъ ему: „Благодарю васъ, графъ, за ваше доброе обо мнѣ мнѣніе; вы повидимому убѣждены, что я не захочу воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ, но я обязанъ предупредить васъ, что впредь малѣйшее неосторожное слово ваше будетъ имѣть самыя печальныя для васъ послѣдствія“. Это краткое, но ясное увѣщаніе не осталось безъ желанныхъ послѣдствій. (Д. Дав.)

берней оставилъ я жизнь самую пріятную. Скажу въ короткихъ словахъ, что страстно любилъ W., дѣвушку прелестную, которая имѣла ко мнѣ равную привязанность. Въ первый разъ въ жизни приходила мнѣ мысль о женитьбѣ, но недостатокъ состоянія съ обѣихъ сторонъ былъ главнымъ препятствіемъ, и я не въ тѣхъ уже былъ лѣтахъ, когда столько удобно вѣрять, что пищу можно замѣнять нѣжностями. Впрочемъ господствующею страстью была служба, и я не могъ не знать, что только ею одной могу я достигнуть средствъ нѣсколько пріятнаго существованія. Итакъ надобно было превозмочь любовь. Не безъ труда, но я успѣлъ.

(1810 г.) Дивизія, къ которой я принадлежалъ, вскорѣ по возвращеніи изъ Галиціи отправлена въ Молдавію, но я попрежнему оставленъ съ резервомъ. Я писалъ о перемѣнѣ назначенія моего графу Аракчееву, но въ самое то время на мѣсто его военнымъ министромъ назначенъ генералъ Барклай-де-Толли, которому я мало былъ извѣстенъ*.

Всѣ занятія мои въ Кіевѣ ограничились употребленіемъ порученныхъ мнѣ войскъ на построеніе новой крѣпости на Звѣринской горѣ. Избавляясь ужасной скуки, объѣзжалъ я войска въ квартирномъ ихъ расположеніи, и занимался сформированіемъ двухъ конно-татарскихъ полковъ, Евпаторійскаго и Симферопольскаго. При росписаніи всей кавалеріи непонятнымъ образомъ поручены артиллерійскому генералу два полка иррегулярной конницы.

Около двухъ лѣтъ прожилъ я въ Кіевѣ, и тяготила меня

* Отъ графа Аракчеева Ермоловъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый государь мой

„Алексѣй Петрович!

„За письмо вашего превосходительства отъ 15 іюня, полученное мною отъ адъютанта Граббе, принеся вамъ истинную мою благодарность, прошу васъ, милостивый государь мой, принять отъ меня искреннее увѣреніе, что я, зная отличныя заслуги вашего превосходительства, при всякомъ случаѣ и всегда старался доставлять вамъ противу прочихъ генераловъ лучшіе виды по службѣ. За удовольствіе почитаю быть всегда съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ.

„Вашего превосходительства покорный слуга

„графъ Аракчеевъ.

„С.-Петербургъ.

„Іюля 4-го дня 1810 года.“

служба ничтожная и чести неприносящая. Съ другой стороны, льстило мнѣ благосклонное мнѣніе начальства, и генералъ князь Багратионъ, назначень будучи главнокомандующимъ молдавскою арміею, просилъ объ опредѣленіи меня начальникомъ артиллеріи въ армію, на что не послѣдовало соизволенія. Поступившій на мѣсто его главнокомандующимъ генералъ графъ Каменскій, проѣзжая Кіевъ, предложилъ мнѣ служить съ собою *. За величайшее благодареніе принялъ я предложеніе его и ожидалъ, въ званіи бригаднаго командира, имѣть два полка, на которые весьма охотно промѣнивалъ отрядъ изъ 14 т. человекъ, преобразованныхъ въ лопатники. Прибывши въ армію, графъ Каменскій представилъ государю о назначеніи меня дежурнымъ генераломъ. Свыше ожиданія моего, было сіе назначеніе, и я съ восхищеніемъ ожидалъ повелѣнія отправиться въ армію. Главнокомандующій былъ въ особенной довѣренности у государя, и всѣ представленія его были утверждаемы, но въ разсужденіи меня онъ получилъ отказъ, и ему отвѣтствовано, что я надобенъ въ настоящей должности. Также сдѣлано было предложеніе, замѣстить мною умершаго генералъ-майора графа Цукато, который съ отдѣльною частью войскъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Сербами противъ виддинскаго паши. На сіе сказано, что я молодъ. Надлежало разумѣть въ семъ случаѣ старшинство въ чинѣ, ибо многимъ въ меньшихъ лѣтахъ не было упрекаемо въ молодости. Не могло счастье представить болѣе случаевъ, льстящихъ честолюбію, особенно служащему безъ покровительства, но тѣмъ болѣе огорчала меня неудача, что въ настоящемъ чинѣ не будучи еще употреблень противъ непріятеля, я желалъ первые опыты сдѣлать противъ Турокъ, гдѣ ошибки легко поправяемы или по крайней мѣрѣ менѣе видны. Мнѣ нужна была опытность и случай оказать нѣкоторыя способности, ибо, служа во фронтѣ артиллерійскимъ офицеромъ, я могъ быть извѣстенъ одною смѣлостію, а одна таковая въ чинѣ генералъ-майора меня уже не удовлетворяла. Итакъ оставаясь попрежнему въ Кіевѣ, долженъ я былъ назначеніе мое почитать продолжительнымъ.

* Отъ графа Дмитрія Николаевича Блудова, бывшаго свидѣтелемъ свиданія главнокомандующаго съ Ермоловымъ, во званіи начальника дипломатической канцеляріи графа Каменскаго, имѣлъ я честь слышать объ отзывѣ главнокомандующаго и о пріятномъ впечатлѣніи, которое производилъ на всѣхъ молодой генералъ своею замѣчательною наружностію.

Получивъ на короткое время отпускъ, проѣхалъ я въ Петербургъ. Я представленъ былъ государю въ кабинетъ, что предоставляемо было не менѣ какъ дивизионнымъ начальникомъ. Слухъ носился о рождающихся неудовольствіяхъ съ Наполеономъ, съ которыми рѣдко можно кончить ихъ иначе какъ оружіемъ. Многие къ симъ причинамъ относили благосклонный приемъ, дѣлаемый военнымъ. Не имѣя сего самолюбія, боялся я въ душѣ моей на случай войны остаться въ резервѣ. Инспекторъ всей артиллеріи, баронъ Меллеръ-Закомельскій, хотѣлъ употребить стараніе о переводѣ меня въ гвардейскую артиллерійскую бригаду, но я отказался, боясь парадной службы, на которую не чувствовалъ я себя годнымъ, и возвратился въ Кіевъ *.

Вскорѣ за симъ военный министръ увѣдомилъ письмомъ, что государь желаетъ знать, согласенъ ли я служить въ гвардіи командиромъ артиллерійской бригады. Я отвѣчалъ, что служа въ арміи, и болѣе будучи употребляемъ, я надѣюсь обратить на себя вниманіе государя, что

* Къ этому времени принадлежитъ слѣдующее письмо Кульнева, свидѣтельствующее объ уваженіи коимъ пользовался Ермоловъ отъ всѣхъ перредовыхъ людей того времени:

„Cher camarade,
„Алексій Петровичъ!

„Ни время, ни отсутствіе дальше не могло избить изъ памяти моей любви и того почтенія, кое привлекли вы себя отъ всей арміи, что не лестно вамъ говорить, и всегда объ васъ вспоминалъ, для чего васъ не было въ шведскую и послѣднюю кампанію, турецкую войну. Человѣку съ вашими способностями не мѣшало знать образъ той и другой войны, и, я полагаю, преградою сей мѣшала вамъ какая ни есть придворная чумичка. Время еще не ушло; кажется, въ скорости увидимся на ратномъ полѣ; межъ тѣмъ рекомендую вамъ вручителя сего письма, г. Богданова, отецъ коего и все семейство дому нашему, и паче мѣхъ, большіе пріатели: прошу васъ, по желанію его, постараться перевести его въ конную артиллерію; въ его лѣта весьма не кстаетъ ему служить при конновахъ, и все, что вы для него сдѣлаете, меня чувствительно обяжете, какъ равно все его почтенное семейство. Я проѣдомъ заѣхалъ въ Курскъ, ѣду изъ Молдавіи въ новый поакъ, который пошелъ на прусскую границу.

„Кульневъ.

„12-го мая 1811.

„Курскъ.“

по состоянію не могу содержать себя въ Петербургѣ и безъ заслугъ ничего выпрашивать не смѣю. Высочайшій приказъ о переводѣ меня въ гвардію былъ отвѣтомъ на письмо мое. Не могъ я скоро отправиться къ новому моему назначенію, ибо, переломивъ себѣ въ двухъ мѣстахъ руку, я долго былъ боленъ. По донесенію о семъ государю, присланъ курьеръ узнать о моемъ здоровьи, и военному губернатору приказано каждыя двѣ недѣли увѣдомлять о немъ. Удивленъ я былъ симъ вниманіемъ, и сталъ оберегать руку, приналежащую гвардіи. До того менѣе я заботился объ армейской головѣ моей.

За два мѣсяца до окончанія года, пріѣхалъ я въ Петербургъ и вступилъ въ командованіе бригадою, не входя въ хозяйственную часть оной, желая показать, что я не ищу выгоды. Государь принялъ меня съ обыкновенною милостію, и сего довольно, чтобы фигура моя не казалась чужеземною въ столицѣ. Великій князь, со времени послѣдней кампаніи, постоянно былъ мнѣ благосклоннымъ. Изломанная рука моя доставляла мнѣ возможность не во всѣхъ участвовать ученьяхъ и разводахъ, которые бѣольшую часть времени отнимаютъ у служащихъ въ Петербургѣ, и я былъ довольно свободнымъ. Вскорѣ вновь сформированъ Литовскій гвардейскій полкъ, поступившій вмѣстѣ съ Измайловскимъ полкомъ въ бригаду; въ которую государь назначилъ меня командиромъ съ сохраненіемъ артиллерійской бригады. Къ жалованью моему прибавлено въ годъ по шести тысячъ руб.

Такимъ неожиданнымъ образомъ перемѣнилось вдругъ состояніе бѣднаго армейскаго офицера, и я могу служить ободряющимъ примѣромъ для всѣхъ подобныхъ мнѣ. Въ молодости моей началъ я службу подъ сильнымъ покровительствомъ, и скорѣе лишился онаго. Въ царствованіе императора Павла I содержался въ крѣпости, и отправленъ въ ссылку на вѣчное пребываніе. Всѣ младшіе по службѣ сдѣлались моими начальниками, и я при нынѣшнемъ государѣ вступилъ въ службу безъ всякихъ выгодъ, испытывалъ множество неприятностей по неблаговоленію начальства, всего достигалъ съ большими усиліями, по очереди, и нерѣдко съ равными правами на награду, неравные имѣлъ я успѣхи со многими другими. Въ доказательство сего скажу примѣръ, теперъ со мною случившійся. Отряды резервныхъ войскъ поручены были артиллеріи генераль-майору князю Яшвилю и Игнатьеву, но по расположенію моего отряда на границѣ, на мнѣ одномъ возлежала стража

оной и съ большою властію большая отвѣтственность. Имъ обоимъ данъ орденъ Св. Анны перваго класса, мнѣ даже не изъявлено благодарности.

О сдѣланной мнѣ обидѣ объяснился я съ военнымъ министромъ Барклаемъ-де-Толли, который весьма хладнокровно отвѣчалъ мнѣ: „Правда, что я упустилъ изъ виду службу вашу.“ Я желалъ бы въ сію минуту видѣть въ немъ знатнаго человека, и отказъ, мнѣ сдѣланный, былъ бы приравненъ въжливостію. Не менѣе сего досаденъ мнѣ былъ отказъ на представленіе инспектора всей артиллеріи, коимъ просилъ онъ опредѣлить меня начальникомъ артиллеріи въ молдавскую армию, подъ предводительствомъ генерала Кутузова, благосклонно расположеннаго ко мнѣ. Послѣ сего поданною запиской военному министру объявилъ я необходимость лѣчиться кавказскими минеральными водами, и просилъ объ опредѣленіи меня на линію бригаднымъ командиромъ. Онъ сказалъ мнѣ, что по особенному благоволенію ко мнѣ государя, я хочу заставить дать себѣ награду, и прошу объ удаленіи, зная, что на оное не будетъ согласія. Итакъ я успѣлъ только, къ общему всѣхъ удивленію, разгорячить ледовитаго Нѣмца, который изъяснился съ великимъ жаромъ.*

Вскорѣ за симъ я удостовѣрился, что весьма трудно переимѣнить мое назначеніе, ибо, когда инспекторъ всей артиллеріи (по согласію моему) вошелъ съ докладомъ о препорученіи мнѣ осмотра и приведенія въ оборонительное положеніе крѣпости Рижской и мостоваго укрѣпленія при Динабургѣ**, государь не изъявилъ соизволенія, приказалъ мнѣ сказать, что впредь назначенія мои будутъ за-

* Давыдовъ говоритъ: „Ермоловъ былъ скорѣ, противъ своего желанія, назначенъ сперва командиромъ гвардейской артиллерійской, а потомъ и гвардейской пѣхотной бригады; онъ имѣлъ въ это время, по порученію барона П. И. Меллера-Закомельскаго, сильныя стычки съ военнымъ министромъ Барклаемъ; Михаилъ Богдановичъ еще болѣе вознегодовалъ на него, узнавъ, что Алексѣй Петровичъ, объяснивъ государю устройство прицѣловъ, отдавалъ предпочтеніе инструменту Кабанова предъ тѣмъ, который былъ изобрѣтенъ его племянникомъ Фицтумомъ. Супруга Барклая Елена Ивановна, не разъ говорила мужу о Ермоловѣ: „lass ihn ruhig, das ist ja ein schrecklicher Mensch“.

** Инспекторъ всей артиллеріи желалъ доставить Ермолову случай получить награду, которая дана генералъ-майорамъ князю Яшвилю и Игнатьеву.

всѣтъ отъ него и что я ни въ комъ не имѣю нужды. Когда же увидѣлъ меня, спросилъ, сообщено ли мнѣ его приказаніе, и прибавилъ: „за что гонять тебя изъ Петербурга? однакоже я помѣшалъ: и безъ того много будетъ дѣла“. Не смѣлъ я признаться, что желалъ самъ переимѣнить родъ моей службы, и доволенъ былъ, что военный министръ не довелъ до свѣдѣнія о поданной мною запискѣ. Въ такомъ положеніи прошло время до марта мѣсяца, въ началѣ коего выступила гвардія въ Литовскую губернію.

Его высочество цесаревичъ повелъ колонну составленную изъ гвардейской кавалеріи. Подъ мою командой, въ особенной колоннѣ, слѣдовала вся гвардейская пѣхота.

Qua nos fata trahunt retrahuntque, sequamur!

Virg.

II.

Эта часть нашей статьи состоитъ изъ отрывковъ собственныхъ записокъ Ермолова, полученныхъ мною отъ графа Арсенія Андреевича Закревскаго, изъ разказовъ Д. В. Давыдова, изъ писемъ князя Багратіона, Платоза и пр., помѣщенныхъ въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей*, изъ собственныхъ отмѣтокъ и замѣчаній полученныхъ отъ другихъ свидѣтелей. Читатели, даже и не военные, найдутъ здѣсь много свѣдѣній, неизвѣстныхъ, кажется, по описаніямъ отечественной войны.

1812 годъ.

Насталъ 1812 годъ! Годъ, памятный каждому Россіянину, тяжкій несчастіями, знаменитый блистательною славой въ роды родовъ.

Въ началѣ года выступила гвардія изъ Петербурга, и я вы-

шелъ марта 5 числа. Въ городѣ Опочкѣ получено назначеніе меня дивизионнымъ гвардіи начальникомъ. Долго не рѣшаюсь я вѣрить чудесному обороту положенія моего. Къ чему, однакоже, не приучаетъ счастье?... Дивизионнымъ командиромъ прихожу я съ гвардіей на маневры въ Вильну. Кто не хвалитъ гвардіи и какъ не хвалитъ ея по справедливости?... И послѣ короткаго въ Вильнѣ пребыванія возвращаюсь въ Свенцяны, дивизионную квартиру гвардіи.... Черезъ два дня призываетъ государь въ Свенцяны.... Молва, самыхъ вихрей быстраѣйшая, нѣсколькими часами прежде разгласила о переходѣ Французовъ черезъ Нѣманъ іюня 12 числа....

Первой западной арміи, сильнѣйшей числомъ войскъ, начальство поручено было генералу-отъ-инфантеріи Барклаю де-Толли, военному министру, коего главная квартира была въ Вильнѣ.

Вторая западная армія состояла въ командѣ генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона и главная его квартира была въ Пружанахъ.

....Единственное къ соединенію войскъ нашихъ средство— было отступленіе.

Наконецъ, вошли мы въ знаменитый лагерь (при Дриссѣ).

Во время пребыванія 1-й арміи въ укрѣпленномъ лагерѣ, непріятель собрался на лѣвомъ флангѣ по направленію на Дисну. Маршалъ Даву послѣдовалъ къ Минску.... Къ соединенію обѣихъ армій отягаты были всѣ надежды.

Опредѣлено отступленіе 1-й арміи изъ укрѣпленнаго лагеря. Іюля 1-го дня возложена на меня должность начальника главнаго штаба сей арміи. Итакъ, въ званіи семъ находясь при главнокомандующемъ, который въ то же время былъ и военнымъ министромъ, имѣлъ я случай знать о многихъ обстоятельствахъ, не до одного управленія арміи касающихся....

Отъ назначенія моего употребилъ я всѣ средства уклониться, просилъ могущественнаго графа Аракчеева, самому представлялъ государю, что я не приготавливалъ себя къ многотрудной сей должности, что достаточныхъ для того свѣдѣній не имѣю, и что по обстоятельствамъ, въ коихъ находится армія, которыхъ отъ самаго наименѣе провицательнаго

человѣка скрыть было уже невозможно, полезень былъ выборъ чюювника съ большею опытностію и болѣе въ арміи извѣстнаго. Графа Аракчеева намѣреніе было въ должность сію опредѣлить генераль-лейтенанта Тучкова 1-го, въ которомъ думалъ онъ найдти особенныя способности, но не знаю почему государь приказалъ мнѣ вступить въ оную.* Думаю, однакоже, что людей, несравненно меня способнѣйшихъ, не хотѣли отдавать отъ войскъ, или они сами, видя худое дѣль состояніе и на каждомъ шагу умножавшіяся трудности, должности сей принять не соглашались. Я ожидалъ, что, испытавъ меня въ короткое время, освободятъ отъ должности, если не выгонятъ, и просилъ только одной милости, чтобы возвратили непрежнему къ командованію гвардейскою дивизіей, ибо лестнѣе не могъ я желать ничего. Мнѣ обѣцано сіе, и отъ дивизіи показывался я въ откомандировкѣ. Государь вскорѣ отѣхалъ отъ арміи, и сіе легко могло продолжить пребываніе мое въ новой моей должности. Первый помощникъ мнѣ по дѣламъ дежурный генераль арміи, флигель-адъютантъ Кикинъ, бывшій при введеніи новаго образа управленія, по изданному не за долго предъ тѣмъ положенію о дѣйствующихъ арміяхъ, не желая служить съ предмѣстникомъ моимъ, генераль-лейтенантомъ маркизомъ Паулуччи, сказался больнымъ, и должность его отправлялъ комендантъ главной квартиры полковникъ Ставраковъ. Если возможно понимать смыслъ словъ: *сіе судьбѣ преисполненное иля* **, то, кажется, никому болѣе приличествовать онъ не могутъ, какъ ему, ибо судьба имъ преслѣдовала всѣхъ бывшихъ главнокомандующихъ. Суворовъ, вышедшій изъ среды людей обыкновенныхъ, одинъ смѣлъ взять его по доброй своей волѣ, прочіе же, кажется, не могли отъ него отдѣлаться. Онъ находился при немъ въ Италіи. При графѣ Буксегвентѣ и потомъ при баронѣ Беннигсенѣ былъ въ Пруссіи. Перенесся въ Финляндію ко всѣмъ перемѣнив-

* Давыдовъ замѣчаетъ при семъ вообще, что государь былъ очень доволенъ распорядительностію Ермолова при командованіи гвардейскою дивизіей. Графъ Аракчеевъ, узнавъ о назначеніи, сказалъ Ермолову: „вамъ, какъ человѣку молодому, предстоитъ много хлопотъ; Михаилъ Богдановичъ весьма дурно изъясняется и многого не досказываетъ, а потому вамъ надо стараться понимать его и дополнять его распоряженія своими собственными.“

** *Исторія Суворова*, соч. г. Фукса.

шимся главнокомандующимъ, и теперь не избѣгъ отъ него генералъ Барклай де-Толли! За что же, по крайней мѣрѣ, терпятъ его въ должности дежурнаго генерала? Свидѣтельствуюсь имъ самимъ, что онъ исправлять оной не въ состояніи. Я прошу переимѣнить его, но генералъ Барклай де-Толли увѣряетъ, что трудно найти способнѣйшаго! Сколько ни старался я уговорить Кикина, но онъ не соглашался избавить меня отъ Ставракова.

Въ три дня армія прибыла къ Полоцку. Непріятель противъ корпуса графа Витгенштейна показалъ небольшую часть легкихъ войскъ, занявъ отрядомъ мѣстечко Друи и малозначущими силами приблизился къ Динабургу. Графъ Витгенштейнъ донесъ главнокомандующему, что онъ намѣренъ усилить отрядъ противъ Друи, на правомъ берегу Двины расположенный, и удерживать Динабургъ. Генераль-майоръ Довре (начальникъ корпуснаго штаба) увѣдомилъ меня, что подкрѣпленіе сіе должно состоять изъ десяти батальоновъ пѣхоты съ соразмѣрнымъ числомъ артиллеріи и конницы, которой и безъ того было весьма недостаточно. Я возразилъ противъ сего раздробленія силъ, и главнокомандующій согласился со мною. Пречудное намѣреніе, зная движеніе непріятеля на лѣвый флангъ и не имѣя возможности маневрировать впередъ, защищать Динабургъ, и отдаленный, и къ сбровѣ неспособный.

Изъ Полоцка Государь отправился въ Москву. *

Въ Полоцкѣ хотѣлъ я заковать въ желѣза комиссионера 7-го класса, Ю.....каго, который отправлялся съ деньгами въ уплату за провіантъ, купленный у Евреевъ въ мѣстечкѣ Бѣшенковичахъ, который оставленъ былъ на томъ

* Давыдовъ свидѣствуетъ: „Чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ была въ то время поставлена Россія, несогласія между главнокомандующими, вынуждали Государя имѣть подробныя и по возможности частыя извѣстія о всемъ томъ, что происходило въ арміи. Уѣзжая изъ Полоцка, Государь приказалъ Ермолову извѣщать его письмами о важнѣйшихъ происшествіяхъ арміи. Ермоловъ отправлялъ свои письма съ отъѣзжающими изъ арміи генераль-адъютантами; Кутузову, графу Шувалову и другимъ были передаваемы письма на имя Его Величества.“

берегу, гдѣ идетъ непріятель, и откуда никто не помышлялъ перевести его на нашу сторону, хотя въ арміи чувствуемъ уже былъ недостатокъ.

Въ Полоцкѣ, по отъѣздѣ государя, случилось мнѣ обѣдать съ оставшимся его штатомъ. Какую примѣтилъ я разность въ тонѣ, какую перемену въ обращеніи. Государь увезъ съ собою все величіе и оставилъ каждого при собственныхъ средствахъ.

.
Армія прибыла къ переправѣ при Будилувѣ....

Корпусъ маршала Даву между тѣмъ.... овладѣлъ Могилевомъ.

.
Атаманъ генералъ Платовъ наказалъ польскую кавалерію 27 іюня при мѣстечкѣ Мирѣ и 14 іюля при мѣстечкѣ Романовѣ, дерзнувшую сразиться.

Судьба сохранила намъ врожденную поверхность надъ Поляками: казакамъ первымъ предоставила честь возобновить въ сердцахъ ихъ сіе чувство. Со времени уничтоженія Польши, съ 1794 года, изгладившаго имя ея съ лица земли, по 1807 годъ, примѣчательный заключеннымъ съ Франціей миромъ въ Тильзитѣ, не существовало Поляковъ. Миръ сей произвелъ на свѣтъ герцогство Варшавское, вмѣстѣ съ надеждою распространить его на счетъ несогласія сосѣдственныхъ ему державъ. Наполеонъ исчислилъ мѣру страха, коимъ господствовалъ онъ надъ сердцами царствующихъ его современниковъ, помесенныя каждымъ изъ нихъ въ войнахъ потери, блестящія и постоынные оружія его успѣхи, страхъ тотъ болѣе и болѣе распространившіе, и далъ надежду на возрожденіе Польши. Воспламенились умы, и въ короткое время всѣ усилія были употреблены надеждѣ сей дать видъ правдоподобія! Въ 1809 году Варшава уже союзница наша противъ Австрійцевъ, и мы въ пользу ея, вопреки пользы нашей, исторгаемъ у нихъ знатную часть Галиціи. Уже въ нынѣшней войнѣ она противъ насъ въ общемъ союзѣ Европы. Мы умножили ея силы и вооружили противъ себя. Австрійцы между прочими ея союзники. Для пользы ея попеременно вонзаемъ мы мечъ въ сердце одинъ другаго, и судьба къ ослѣпленію нашему прибавляетъ сѣтованіе, что недовольно глубоки раны! Неужели не исполнится мѣра наказанія Бога мстителя ?*

* Объ ащакъ вниманіе на эти пророческія слова государственнаго чловѣка!

Въ Будиловѣ предложилъ я главнокомандующему перейти на лѣвый берегъ Двины и расчетъ сей основывалъ я на томъ, что непріятель проходилъ труднѣйшею по тому берегу дорогою, что только кавалерія его была у Полоцка, но главные силы и вся тяжелая артиллерія были далеко назади, и не менѣе трехъ маршей было между нами и непріятелемъ. Перейдя въ Будиловѣ, должно было поспѣшно слѣдовать на Оршу и Давуста, имѣющаго въ предметѣ армию князя Багратіона, на которую должны были быть обращены и вниманіе его и силы, около Могилева расположенныя, заставить развлечь оныя, способствовать тѣмъ князю Багратіону идти безпрепятственно въ соединеніе съ 1-ю арміею, а самой ей, истребивъ части войскъ, занимающія Оршу и Дубровну, и перейдя немедленно на лѣвый берегъ Днѣпра, закрыть Смоленскъ, куда всѣ тягости и обозы арміи должны были идти изъ Витебска прямою дорогою, дабы не дѣлать препятствія арміи въ быстромъ ея движеніи. Все сіе можно было успѣть сдѣлать, ни малѣйшимъ, по отдаленію непріятеля, не подвергаясь опасностямъ. Главнокомандующій, внявъ предложенію моему, на оное согласился, уже приказано мнѣ было возвратити къ переправѣ прошедшіе два кавалерійскіе корпуса. Полковникъ Манфреди отправленъ былъ съ двумя помпонными ротами для устройства переправы. Все было готово и пришедшимъ намъ успѣхъ предежалъ вѣрный! Черезъ полчаса послѣ отданныхъ приказаній главнокомандующій перемѣнилъ намѣреніе. Я примѣчалъ, кто могъ отклонити его, и кромѣ флигель-адъютанта Вольдогена никого не подозрѣваю. Сей тяжелый нѣмецкій педантъ пользовался большимъ его уваженіемъ. Я, видя, что теряются выгоды, которыя не всегда даруетъ счастье, и за упущеніе которыхъ часто платится весьма дорого, зная, что по недостатку опытности не могъ я имѣть права на полную ко мнѣ главнокомандующаго довѣренность, склонилъ я нѣкоторыхъ изъ корпусныхъ командировъ сдѣлать о томъ ему представленіе съ ихъ стороны, но все было безуспѣшно, главнокомандующій остался непреклоненъ, и армія продолжала путь къ Витебску. *

* Давыдовъ въ письмѣ къ Валтеръ-Скотту такъ говоритъ объ этомъ событіи: „Ермоловъ предложилъ Барклаю, переправившись черезъ Двину у Будиловой переправы на лѣвый берегъ рѣки, который выше и ровнѣе праваго, слѣдовать черезъ Сенно, Оршу на Смоленскъ, куда мы мог-

Въ ночи на третью сутки (въ Витебскѣ) главнокомандующій согласился послать корпусъ пѣхоты и нѣсколько кавалерійскихъ полковъ на встрѣчу неприятелю по лѣвому берегу Двины. Я предложилъ генералъ-лейтенанта графа Остермана, блистательную репутацію въ прошедшую войну сдѣлавшаго.... надобенъ былъ генералъ, который бы дождался силъ неприятельскихъ, и онъ его не устрасили. Таковъ былъ Остерманъ, и онъ пошелъ съ 4-мъ корпусомъ! Въ двѣнадцать верстахъ встрѣтилъ онъ небольшую часть неприятельскихъ передовыхъ войскъ и преслѣдовалъ ихъ до мѣстечка Островно. Здѣсь предстали ему силы неприятельскія превосходныя, и дѣло началось жарчайшее..... Ночь прекратила сраженіе.... Уронъ съ обѣихъ сторонъ былъ весьма значущій...

ли прибыть по крайней мѣрѣ двумя сутками раньше; мы могли встрѣтить у Сенно головныя французскія войска, и легко разбивъ ихъ (что не мало возвысило бы нравственный духъ войскъ), двинуться далѣе. Барклай согласился; уже были наведены повтоны, но вдругъ онъ по неизвѣстнымъ причинамъ отъѣхалъ переправу. Ермоловъ упоминалъ объ этомъ въ письмѣ своемъ къ государю отъ 16-го іюля.

Кстати привести здѣсь два письма князя Багратиона къ Ермолову, коими поясняются тогдашнія отношенія.

I.

„На маршѣ, 3 іюля.

„Я вамъ скажу, любезный мой тѣска, что я бы давно съ вами соединился, еслибъ оставили меня въ покоѣ. Вамъ неизвѣстно, какія я имѣлъ предписанія отъ М***.

„Я разчелъ марши мои такъ, что 23 іюня главная моя квартира должна была быть въ Минскѣ, авангардъ далѣе, а партію уже сколо Свенцякъ. Но меня повернули на Новогрудекъ, и велѣли идти или на Бѣлицу, или на Николаевъ, ирейдти Нѣманъ и тянуться къ Вилейкѣ, къ Сморгони, для соединенія. Я и пошелъ, хотя и написалъ, что невозможно, ибо тамъ три корпуса уже были на дорогѣ къ Минску и мѣста непроходимыя. Перешелъ въ Николаевъ Нѣманъ. Насилу спасся Платовъ, а мнѣ пробиваться невозможно было, ибо въ Воложинѣ и въ Вишневѣ была ужъ главная квартира Даву, и я рисковалъ все потерять и обозы. Я принужденъ назадъ бѣжать на минскую дорогу, но онъ успѣлъ и ее захватить. Потомъ началъ показываться король Вестфальскій съ Полятовскимъ; перешли въ Бѣлицу и пошли на Новогрудекъ. Вотъ и пошла потѣха! Куда ни сумушь, вездѣ неприятель. Получилъ извѣстіе, что Минскъ занятъ, и пошла сильная козюма на Борисовъ и по дорогѣ Бобруйска.

„Я далъ всѣ способы и наставленія Игнатъеву и началъ самъ спѣшить,

Генераль-лейтенантъ Коновницынъ посланъ съ 3-ею дивизіею въ подкрѣпленіе графу Остерману.... Графъ Остерманъ ставлялъ его резервъ.... Ни храбрость войскъ, ни самого Коновницына безстрашіе, не могли удержать стремленія, и онъ отступилъ. Гренадерская дивизія пришла подкрѣпить его, и часть кавалеріи съ генераль-адъютантомъ Уваровымъ прислала для умноженія тѣсноты и безпорядка. Я пріѣхалъ въ самое то время, какъ стрѣлки наши толпами и быстро отступали, и генераль Коновницынъ, отзываясь, что есть старшій генераль-лейтенантъ Тучковъ 1-й, не заботился вести между ими порядка, а сего послѣдняго не замѣтилъ и вникающимъ въ важность обстоятельствъ и дѣятельнымъ, сколько они того требовали. Я сдѣлалъ имъ представленіе о необходимости нѣкотораго устройства, и они, отдаливъ излишнія войска, производившія тѣсноту, сдѣлали то по крайней

мѣ на хвостъ мой началъ нападать король Вестфальскій..... Вдругъ получаю рапортъ Игнатъева, что непріятель приблизился къ Свислочу, отъ Бобруйска въ 40 верстахъ, тогда когда я былъ еще въ Слуцкѣ и все въ дракѣ. Чтѣ дѣлать? съзади непріятель, съ боку непріятель, и вчера получилъ извѣстіе, что и Минскъ занятъ. Я никакой здѣсь позиціи не имѣю, кромѣ болотъ, лѣсовъ, гребли и песку. Надобно мнѣ выдаться, но Могилевъ въ опасности, и мнѣ надобно бѣжать. Куда? въ Смоленскъ, дабы прикрыть Россію несчастною. И кѣмъ? Господиномъ Фулемъ. Я имѣю войска до 45 тысячъ. Правда, пойду смѣло на 50 тысячъ и болѣе, но тогда, когда бы я былъ свободенъ, а какъ теперь, и на 10 тысячъ не могу. Что день опоздаю, то я окруженъ.

„Спасъ Дорохова; деташементъ и Платовъ прикнулъ!
 Какъ ретироваться изъ Свѣцянъ въ Дриссу? Бойтесь Бога, стыдитесь. Россію жалко! Войско ихъ шапками 'бы закидало. Писалъ я, слезно просилъ: наступайте, я помогу. Нѣтъ! Куда вы бѣжите? Ей-Богу непріятель мѣста не найдетъ, куда ретироваться. Они боятся насъ, войско ропщеть и всѣхъ недоволямъ. У васъ задъ былъ чистъ и флаяги. Зачѣмъ побѣжали? надобно наступать; у васъ 100 тысячъ. А я бы тогда помогъ. А то вы побѣжали, гдѣ я васъ найду. Нѣтъ, мой милый, я служилъ моему природному государю, а не Бонапарте. Уже истинно, еле дышу отъ досады, огорченія и смущенія. Я, ежели выдержу отсюда, тогда ни за чтѣ не останусь командовать арміею и служить. Стыдно носить мундиръ. Ей-Богу, бѣлень! А ежели наступать будете съ первою арміею, тогда я здоровъ. А то, чтѣ за дуракъ? Министръ самъ бѣжитъ, а мнѣ приказываетъ всю Россію защищать, и бить флаягъ и тылъ какой-то непріятельскій. Есаибъ онъ былъ здѣсь, ногъ бы своихъ не выдралъ, а я выду съ честію и буду ходить въ сюртукѣ.
 Охъ жалъ, больно жалъ Россію! Я со слезами пишу. Прощай, я уже не

мѣръ, что отступленіе могло быть не бѣгствомъ. Съ окончаніемъ дня кончилось сраженіе. 6-й корпусъ и арріергардъ присоединились къ арміи, мостъ сожженъ и понтоны сняты.

Того же дня поутру объѣхалъ я занимаемую для арміи полковникомъ Толемъ позицію, и нашелъ въ ней всѣ заключающіеся возможные недостатки. Квартирмейстеры, не видя въ лѣсу одинъ другаго, скликались по голосамъ, такъ частымъ кустарникомъ покрыта была бѣльшая часть позиціи. Позади всей оной былъ глубокій ровъ, съ трудомъ проходимый. Спускъ дѣлать не доставало времени, отступить надлежало

слуга; выведу войска на Могилевъ и баста! Признаюсь, мнѣ все омерзѣло, такъ что съ ума схожу. Несмотря ни на что, ради Бога ступайте и наступайте!

„Ей-Богу, оживимъ войска и шапками ихъ закидаемъ. Иначе будетъ революція.“

II.

„Насилу выпутался изъ аду. Дураки меня выпустили. Теперь побѣгу къ Могилеву, авось ихъ въ каещи поставлю. Платовъ къ вамъ бѣжитъ. Ради Бога, не осрамитесь, наступайте, а то, право, худо и стыдно мундиръ носить, право скину его. Они революцію дѣлаютъ въ Несвижѣ; хотѣли въ Гродно начать, но не удалось; въ Вильнѣ тожь хотѣли, и въ Минскѣ. Имъ все удастся, если мы трусовъ трусимъ. Мнѣ одному ихъ бить невозможно, ибо кругомъ былъ окруженъ и все бы потерялъ. Ежели хотятъ, чтобъ я былъ жертвою, пусть дадутъ именное повелѣніе драться до послѣдней капли. Вотъ и стану. Ретироваться трудно и пагубно. Лишается человѣкъ духу, субординаціи и все въ разстройку. Армія была прекрасная; все устало, истощилось. Не шутка 10 дней, все по пескамъ, въ жары на маршѣ, лошади артиллерійскія и полковыя стали и кругомъ неприятели. И вездѣ бью. Ежели впередъ не пойдете, я не понимаю вашихъ мудрыхъ маневровъ. Мой маневръ—искать и бити! Вотъ одна тактическая диллокація, какія бы свѣдѣнія принесла намъ. А ежели бы стояли вкупѣ, того бы не было! Съ начала не должно было вамъ бѣжать изъ Вильны тотчасъ, а мнѣ бы приказать спѣшить къ вамъ, тогда бы иначе! А те побѣжали и бѣжите, и все ко мнѣ обратилось! Теперь я спасъ все, и пойду только съ тѣмъ, чтобъ и вы шли. Иначе пришлите командовать другаго, а я не понимаю ничего, ибо я не ученъ и глупъ.

„Жаль мнѣ смотрѣть на войско и на всѣхъ на нашихъ. Въ Россіи мы хуже Австрійцевъ и Прусакъ стали.

„Прощай, любезный! Христось съ вами!

„Я всегда вашъ вѣрный Багратионъ.

„7-го дня Іюля.“

большей части армии чрезъ городъ, остальной необходимо чрезъ ровъ. Главнѣйшею цѣлью предназначалось закрытіе города. Въ присутствіи многихъ генераловъ возразилъ я противъ сей позиціи, представляя, что генеральнаго сраженія здѣсь давать не долженствовало, будучи удаленными отъ спосособовъ пополнить потери; что еще не уничтожена совершенно надежда соединиться со 2-ю арміей, единственнымъ предетомъ съ нѣкотораго времени нашего отступленія; что если сраженіе необходимо, то по крайней мѣрѣ должно устроить войска по другую сторону города на Смоленской дорогѣ и владѣя дорогою на Бабиновичи; что сохранять Витебскъ, теряя другія существеннѣйшія выгоды, опасно; что при неудачѣ отступление чрезъ городъ пагубно; что, уступивъ Витебскъ, мы прибавимъ одинъ городъ болѣе ко множеству цѣлыхъ потерянныхъ губерній, и что лучше пожертвовать имъ нежели другими удобствами, которыхъ соблюденіе гораздо важнѣе. Главнокомандующій согласился, но не могъ отмѣнить занятіе позиціи для генеральнаго сраженія, и приказалъ избрать мѣсто за городомъ на Смоленской дорогѣ. Я осмотрѣлъ ее тогда уже, какъ войска вступали въ назначенныя имъ въ оной мѣста, и нашелъ, что она также лѣсистая, также трудная между войскъ сообщенія, чрезвычайно обширная и гораздо бѣльшее число войскъ требующая. Два корпуса праваго фланга 2-й и 4-й отрѣзаны отъ прочихъ войскъ глубокимъ весьма ровомъ, чрезъ который и безъ присутствія непріятели едва можно было перевезть артиллерию. Еслибы непріятель атаковалъ лѣвый флангъ (въ чемъ онъ и не могъ обмануться), имѣлъ онъ для дѣйствія батарей высоты на продолженіи линій и могъ чрезвычайно затруднять отступление. Переменить же боевое войскъ устроеніе отнюдь было невозможно. Если же бы непріятель сдѣлалъ нападеніе на правое крыло наше, подкрѣпить его чрезвычайно было затруднительно, а въ скорости и совсѣмъ невозможно, развѣ безъ артиллеріи.

Съ началомъ дня войска были уже устроены въ позиціи. Графъ Паленъ составленнымъ особенно авангардомъ... началъ дѣло... отступилъ за рѣку Лучесу и искусно воспользовался крутыми ея берегами, защищая находящіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ броды. Армія непріятельская, занявъ всѣ противъ лежащія горы, казалось, для того развернулась, чтобы каждому изъ воиновъ своихъ дать зрѣлище искуснаго

сопротивленія графа Палена, съ силами несравненно меньшими сражающагося..... Не съ меньшимъ чувствомъ удивленія смотрѣла и наша армія, въ начальникахъ дѣйствовало соревнованіе, каждый изъ воиновъ мнилъ открывать въ себѣ новую и дотолѣ неизвѣданную силу.

Осмотрѣвъ обстоятельно невыгодное арміи нашей расположеніе, неудобство по свойству мѣста пользоваться успѣхомъ и въ случаѣ неудачи на (не?) возможность отступленія, осмѣлился я предложить главнокомандующему объ оставленіи немедленно позиціи. Предложеніе всеконечно дерзкое, рѣшительность молодого человѣка; расчетъ однакоже былъ съ моей стороны, ибо лучше предпринять отступление съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, совершить его безпрепятственно, нежели дать сраженіе, и конечно безъ всякаго сомнѣнія не имѣть успѣха, а можетъ-быть не избѣжать и совершеннѣйшаго разбитія. Въ одномъ случаѣ, по мнѣнію моему, можно было рѣшиться на сраженіе, еслибы другая армія могла послѣ оставовить успѣхи торжествующаго непріятели и преодолѣть его, потерю обезсиленнаго. Мы были совсѣмъ въ другомъ положеніи. Позади насъ ближайшія войска въ Калугѣ, малыя числомъ, слабыя составомъ. Они послѣ прибыли къ арміи, и если единообразное одѣяніе ручается за способность воина, то генераль отъ инфантеріи Милорадовичъ прибылъ изъ Калуги съ войскомъ!

Еслибы дождался мы непріятели въ позиціи, съ нѣкоторою основательностію заключить возможно, что непріятель не атаковалъ бы насъ съ фронта позиціи, но оставя небольшую часть войскъ, дабы занимать насъ, перешелъ бы рѣку Лучесу со всѣми силами гораздо выше, и движеніемъ симъ поставя себя въ сношеніе съ лѣвымъ флангомъ корпуса Даву, въ Оршѣ и Дубровнѣ расположеннымъ, напалъ на насъ по направленію отъ Бабиновичъ, точно съ самой слабѣйшей стороны позиціи, о которой упомянулъ я выше. Непріятель по неудачномъ сраженіи имѣлъ тогда лучшую несравненно и прямиѣйшую на Минскъ дорогу, и тотчасъ усиливалъ себя всѣмъ корпусомъ маршала Даву, что опять предоставляло ему средства къ дѣйствіямъ наступательнымъ.

Сей день сдѣлалъ я первый надъ собою опытъ и удостоившись, что крайность лучшее побужденіе къ рѣшительности, и что самая трудность предпріятія въ глазахъ исчеза-

еть. Испыталъ также, что въ подобныхъ случаяхъ надобны исполнители, тою же дерзостію руководимые, тѣмъ же пламенемъ оживленные. Нѣтъ время разсужденіямъ, гдѣ одному дѣйствию мѣсто рѣшится часто одна минута!

Главнокомандующій колебался согласиться на мое предложеніе, простиительно было заняться нѣкоторымъ размышленіемъ о положеніи нашемъ, и оно требовало всего со стороны начальника вниманія! Долковникъ Толь, вопреки мнѣнію многихъ, утверждалъ, что позиція соединяетъ всѣ выгоды, что должно дать сраженіе. Генераль-лейтенантъ Тучковъ видѣлъ необходимость отступаснія, но боялся помыслить о исполненіи. Рѣшительность не была его свойствомъ. Онъ предлагалъ дожидаться вечера и отступить ночью. Ему надобна была та же нерѣшительность и въ непріятелѣ. Генераль-адъютантъ баронъ Корфъ былъ моего мнѣнія, утверждать его не осмѣливаясь..... Я боялся и непреклонности главнокомандующаго, боялся и его согласія. Наконецъ, приказываетъ дать объ отступленіи повелѣніе. Паль жребій и судьба изъ рукъ непріятеля исхитила лавръ побѣды!

Былъ первый часъ пополудни, авангардъ въ жесточайшемъ огнѣ, между арміи близкое разстояніе, и о присутствіи Наполеона извѣстали насъ плѣнные. О дерзость, божество, предъ жертвенникомъ коего военный человѣкъ не разъ въ жизни своей долженъ преклонить колѣна, ты нерѣдко спутница благоразумія, нерѣдко, оставляя его въ утѣль робкому, провождаешь смѣлаго къ великимъ предпріятіямъ, тебѣ въ сей день принесъ я достойную жертву! Въ мгновеніе ока въ лагерьъ всеобщее движеніе. Войска стѣсняются въ походное устроеніе, тремя путями совершается отступленіе арміи.... Непріятель, какъ потомъ объявили намъ плѣнные чиновники, принялъ его за перемѣну боеваго порядка арміи. Черезъ полчаса лѣсистое мѣстоположеніе скрыло всѣ войска отъ глазъ непріятеля. Я оставался до выступленія послѣдняго человѣка и войска понуждалъ выходить рысью.....

Глаза мои не отрывались отъ авангарда, все вниманіе обращено было на храбраго и достойнаго графа Палена. Отдаляющаяся армія, вѣривъ ему свое спокойствіе, не могла, однакъже, оградить его силами непріятелю соразмѣрными. Но поколебать мужества его ничто не было въ состояніи. Я скажу съ Горациемъ: „если разрушится вселенная, въ развалинахъ своихъ погребетъ его неустрашенна“. До пяти часовъ

вечера сраженіе продолжалось съ равною жестокостію, и арріергардъ отступилъ на другую сторону города, оставя непріателя удивленнаго порядкомъ. *

Давыдовъ такъ разказываетъ объ этомъ славномъ подвигѣ Ермолова:

„Барклай, имѣя въ виду задержать непріателя, дабы дать тѣмъ время князю Багратиону спѣшить чрезъ Могилевъ на соединеніе съ первою арміею, рѣшилъ принять сраженіе сперва впереди города, а потомъ позади его. Оно было отмѣнено по слѣдующимъ причинамъ: обѣ позиціи, весьма пересѣченныя, были крайне невыгодны для принятія сраженія съ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ, а потому гибельный исходъ битвы не могъ быть сомнителенъ, тѣмъ болѣе что части арміи были разобщены между собою оврагами и лѣсами. Рѣзкія возраженія начальника главнаго штаба 1-й арміи, Ермолова, настойчиво требовавшаго отступленія арміи, спасли ее отъ гибели и значительной потери людей, тѣмъ болѣе бесполезной, что прибывшій на первомъ переходѣ изъ города Витебска адъютантъ князя Багратиона князь Меньшиковъ привезъ извѣстіе о занятіи Могилева войсками маршала Даву.

„Вотъ нѣкоторыя подробности, относяціяся къ этому и сообщенныя мнѣ очевидцами этого событія. Ермоловъ, которому уже удалось убѣдить главнокомандующаго не принимать сраженія впереди города, гдѣ по причинѣ пересѣченной и лѣсистой мѣстности наши полки, не видя одинъ другаго, могли лишь перекликаться, отправился изъ Витебска въ Островно, гдѣ мы потерѣли пораженіе; возвратясь поздно въ городъ, онъ не засталъ уже здѣсь Барклая, который находился въ лагерѣ и возымѣлъ вновь намѣреніе сразиться съ непріателемъ. Ермоловъ, выѣхавъ на разсвѣтѣ изъ города, прибылъ къ правому флангу арміи, состоявшему изъ войскъ 2-го корпуса и упиравшемуся въ Двину; онъ былъ отдѣленъ отъ прочихъ частей арміи глубокимъ оврагомъ. Полковнику Никитину стоило величайшихъ трудовъ, чтобы перевести свою конную роту чрезъ этотъ оврагъ; позиціи прочихъ частей арміи были столь же невыгодны для принятія боя. Ермоловъ, знавшій эту мѣстность съ первыхъ лѣтъ своего

* Отъ многихъ современныхъ свидѣтелей я слышалъ, что Ермолову обязана была наша армія спасеніемъ подъ Витебскомъ.

служебнаго поприща, поспѣшилъ къ Барклаю, и въ сильныхъ выраженіяхъ предсказывалъ ему бѣдственный исходъ сраженія, которое намѣревались здѣсь принять. „Насъ спасаетъ одно обстоятельство“, говоритъ онъ: „фронтъ позиціи нашей прикрытъ рѣчкою Лучесой, которую трудно перейти въ бродъ, но можно отыскать его гораздо выше; пока непріятель будетъ занятъ отыскиваніемъ удобныхъ бродовъ, мы должны поспѣшно начать отступленіе; иначе наша армія подвергнется разбитію по частямъ.“ Между тѣмъ графъ Паленъ уже вступилъ въ ожесточенный бой съ непріателемъ. На собранномъ военномъ совѣтѣ всѣ единогласно согласились съ мнѣніемъ Ермолова; когда старшій изъ генералъ-лейтенантовъ арміи Николай Алексѣевичъ Тучковъ предложилъ удержать позицію до вечера, Ермоловъ съ величайшею запальчивостію возразилъ ему: „Кто же вамъ поручится въ томъ, что наша армія будетъ существовать до вечера? Можетъ-быть, вашимъ превосходительствомъ заключено условіе, по которому Наполеонъ обязывается не тревожить насъ до ночи?“ Результатомъ этого было то, что Барклай приказалъ войскамъ начать отступленіе. Барклай, предполагая, что Могилевъ занятъ войсками 1-й арміи, думалъ принять сраженіе близъ Витебска затѣмъ чтобы, задержавъ здѣсь Наполеона, облегчить тѣмъ соединеніе свое съ княземъ Багратіономъ. Но на 1-мъ переходѣ отъ Витебска прибылъ адъютантъ князя Багратіона князь Меньшиковъ, съ извѣстіемъ о занятіи Могилева маршаломъ Даву, а потому сраженіе близъ Витебска на крайне невыгодной мѣстности съ превосходнымъ въ числѣ непріателемъ, предводимымъ самимъ Наполеономъ, неминуемо подвергло 1-ю армію жестокому и бесполезному пораженію, которое могло имѣть для нашего отечества самыя бѣдственные послѣдствія.“

Возвращаемся къ запискамъ Ермолова.

Въ самый день отступленія отъ Витебска (къ Порѣчью и Смоленску) прибылъ отъ князя Багратіона адъютантъ князь Меньшиковъ съ извѣстіемъ о происшедшемъ при Дашковѣ сраженіи, и что армія его безпрепятственно идетъ въ соединеніе. Атаманъ генералъ Платовъ съ войскомъ своимъ былъ уже на маршѣ къ арміи, и по разчету времени долженъ былъ уже съ нею соединиться, ибо князь Багратіонъ, отправляя его, приказалъ ускорить движеніе. Я послалъ изъ конвоя

моего одного офицера и урядника Бугскаго казачьяго полка съ письмомъ къ атаману, и они, проѣхавъ среди непріятеля, на второмъ отъ Витебска переходѣ доставили мнѣ отвѣтъ его, изъ коего видно было, что онъ находится близко насъ, и флангъ арміи нашей закрываетъ.

Главнокомандующій былъ чрезвычайно доволеаъ, офицера наградила двумя чинами и уряднику далъ одинъ.

Изъ Витебска главнокомандующій далъ порученіе великому князю отправиться въ Москву къ государю. Я замѣтилъ многихъ сожалѣвшихъ о его отъѣздѣ, и, что болѣе дѣлаетъ ему чести, людей непосредственно ему подчиненныхъ. Я не говорю о себѣ, ибо я обязанъ былъ многими милостями и самыми благосклоннѣйшимъ обращеніемъ, которыхъ никогда не забуду. Со времени выхода изъ Петербурга и въ продолженіи компаніи, каждый шагъ его поведенія умножалъ привязанность къ нему служащихъ подъ нимъ. Я, командуя гвардейскою пѣхотною дивизіей и непосредственно завися отъ него, былъ свидѣтелемъ, что ни съ кѣмъ не случилось ни малѣйшаго неудовольствія, ниже тѣни непріятности. *

* Къ этому времени принадлежитъ письмо Ермолова къ Милорадовичу, которое служитъ намъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ его тогдашнихъ чувствъ.

„Милостивый Государь,

„Михаилъ Андреевич!

„Если обстоятельства удерживали ваше высокопревосходительство въ которое время далеко отъ насъ, то судьба насъ нынѣ съ вами сблизила. Въ подобномъ положеніи можно было бы и не желать съ вами видѣться. Вотъ случаи, которыхъ ни предвидѣть невозможно, ни вѣрить ихъ событію нельзя. Спѣшите, почтеннѣйшій Михайло Андреевичъ, къ намъ, и, ежели войска ваши не приспѣютъ раздѣлить славу нашу, пріѣзжайте вы одни. Я знаю, что вы здѣсь чужды. Пріѣзжайте всѣми любимыи начальниш; будьте свидѣлемъ сраженія, которому конечно равнаго долго не будетъ. Мы будемъ драться какъ львы, ибо знаемъ, что въ насъ—надежда, въ насъ—защита любезнаго отечества. Мы можемъ быть несчаставы, но мы Русскіе, мы будемъ умѣть умереть и побѣда достанется врагамъ нашимъ плачевною. Солдаты ваши остережены ужасно. Надо показаться впереди и ничто конечно устоять не можетъ. Здѣсь кѣтъ почти волака, который бы не служилъ подъ начальствомъ вашимъ. Впереди васъ никто не бываетъ, покажитесь—и все противостоящее намъ останется истребляемымъ.“

Армія выступила въ Порѣчье, 5-й и 6-й корпусъ прибыли въ Смоленскъ.

Въ Порѣчьи генераль-провіантмейстеръ Л. докладывалъ военному министру, что въ Велижѣ сожженъ магазинъ, изъ нѣсколькихъ тысячъ четвертей овса и 64 т. пудовъ сѣна состоявшій.

На первомъ отъ Порѣчья переходѣ великій князь возвратился изъ Москвы и вступилъ въ командованіе 5-мъ корпусомъ. Отъ князя Багратіона получено извѣстіе, что онъ приближается безпрепятственно къ Смоленску, и если нужно, то однимъ днемъ послѣ насъ вступить въ городъ. Не знаю, съ какимъ намѣреніемъ предложилъ мнѣ главнокомандующій (но всеконечно не для испытанія образа моихъ мыслей, ибо не имѣлъ онъ въ томъ нужды), что какъ уже соединеніе армій не подвержено ни малѣйшимъ затрудненіямъ, то полезно полагаетъ онъ дѣйствовать по особенному направленію, предоставивъ 2-й арміи операціонную линію на Москву, что обѣихъ армій продовольствіе затруднительно и можетъ даже быть недостаточнымъ, что въ Торонцѣ и на Волгѣ большіе заготовлены запасы, и Псковская и Тверская губерніи сдѣлали въ провіантѣ важныя пожертвованія, готовыя обратиться въ пользу арміи, и что для того предпочитаетъ онъ съ 1-ю арміею дѣйствовать по направленію на Бѣлой и вверхъ по рѣкѣ Двинѣ. Подобное намѣреніе подвержено многимъ возраженіямъ, и я долженъ былъ опроверженіе мое предложить не иначе какъ съ покорностію, но сродная мнѣ порывчивость, вѣрный признакъ недостатка во мнѣ благоразумія, которому многія въ жизни непріятности должны были научить меня, и которому, во сто разъ умноженныя, знаю я, что не покорятъ, заставила меня горячо объяснить съ главнокомандующимъ. „Государь, говорилъ я ему, видя необходимость соединенія армій, многія для достиженія того сдѣлалъ жертвы. Отъ него ожидаетъ онъ счастливаго успѣха и возстановленія дѣлъ нашихъ. Къ тому устремлены его желанія, приготовлены умы солдатъ и имъ обѣщано оное. Къ чему послужили 2-й арміи труды, перенесенныя ею, преодоленныя ею опасности? Вы навсегда повергаете ее въ то положеніе, изъ котораго вырвалась она сверхъ всякаго ожиданія. Ошибки служатъ наставленіемъ, свои собственныя болѣе

научаютъ. Разъ обманутый, непріятель въ другой разъ легко обмануть не будетъ!* Движеніе ваше къ Двинѣ есть самое для непріятеля выгоднѣйшее, охъ, соединя свои силы, истребить слабую 2-ю армию, и васъ навсегда отдалить отъ полуденныхъ областей, отъ содѣйствія прочихъ армій. Вы не смѣете сего сдѣлать, должны соединиться съ княземъ Багратиономъ, составить общій планъ дѣйствій и тѣмъ исполнить волю государя. Россія не будетъ имѣть права упрекать васъ. и вы успокоите ее насчетъ участи армій.“ Я говорилъ съ жаромъ, но проникъ я наконецъ цѣль главнокомандующаго, и порывчивость моя могла казаться нѣсколько простительною. Я видѣлъ, что соединеніе съ княземъ Багратиономъ было непріятнымъ. Главнокомандующій, какъ военный министръ, могъ имѣть надъ нимъ нѣкоторую власть; князь Багратионъ, какъ старшій въ чинѣ, могъ не покоряться. Кажется, министръ не имѣлъ довольно твердости, надобно было именемъ государя объявить, что ему поручено начальство, но и князю Багратиону надлежало дожидаться сего объявленія. О власть, даръ божества безцѣннѣйшій! кто изъ смертныхъ не вкушалъ сладостнаго твоего упоенія, кто недостойный не почитаетъ тебя участкомъ могущества Божія, его благостію удѣляемаго; кто во образѣ ея не признаетъ совершенства твоего, Непостижимый?

. О власть! трудны пути ведущіе къ тебѣ, велика мзда достигающимъ! Но для чего не однихъ украшаешь идущихъ путемъ правымъ? Для чего увѣнчиваешь ты исторгающихъ тебя беззаконіемъ? и симъ расточаешь могущественныя твоя очарованія! Твоими обольщеніями, твоею таинственною силою подвизается дерзновенный и...

Главнокомандующій, терпѣливо выслушавшій мое возраженіе, простилъ горячность незнанію моему обращаясь съ людьми, и я замѣтилъ, что онъ часто удивлялся, какъ я, доживъ лѣтъ моихъ, не пересталъ быть Кандидомъ! Я почитаю себя простотѣ своей обязаннымъ, что онъ не перемѣнилъ ко мнѣ своего расположенія, или примѣтитъ того нельзя

* Маршалъ Даву, послѣ сраженія съ корпусомъ генерала Раевского, считая оный за авангардъ и вслѣдъ за нимъ ожидая всѣхъ войскъ арміи, отступилъ, въ ожиданіи генеральнаго сраженія, къ главнымъ своимъ силамъ въ Могилевъ, приготовляясь къ оборонѣ, и такимъ образомъ шедшему за корпусомъ Раевского Багратиону далъ возможность пройти къ соединенію съ 1-ю арміей.

было, ибо ни холоднѣе, ни менѣе обязательнымъ въ обращеніи быть никакъ невозможно.

...Я въ Смоленскѣ, тамъ, гдѣ въ ребячествѣ моемъ жила я съ моими родными, гдѣ служилъ въ молодости моей, гдѣ знакомъ со всѣми вообще, по брату моему, имѣющему тамъ родственныя связи; гдѣ, могу я сказать, жила въ удовольствіи, ибо безопасность и свобода, размножая къ тому причины, отдаляли всякое противное ощущеніе. Теперь я въ дѣлахъ прешедшихъ время пылкой молодости, и если не по собственному убѣжденію, то по мнѣнію многихъ, человѣкомъ порядочнымъ и уже занимающимъ важное въ арміи мѣсто. Какіе удивительные и едва ли для самого меня постижимые перевороты! Невольно вырываются у меня пріятнѣйшія воспоминанія, что я нѣкогда платилъ дань любви красотамъ, которыхъ Смоленскъ бывалъ отечествомъ. Здѣсь многіе предметы обновляютъ въ памяти многія происшествія, которымъ одна счастливая молодость можетъ давать мѣсто, и которыя не повторяются въ жизни!

На другой день прибытія арміи къ Смоленску, 2-я армія была отъ города въ 12 верстахъ. Князь Багратионъ пріѣхалъ къ главнокомандующему съ нѣсколькими генералами, большою свитой, пышнымъ конвоемъ.

Они встрѣтились съ возможнымъ изъясненіемъ въживости, со всеми наружностями пріязни, съ холодностію и отдаленіемъ въ сердцѣ одинъ отъ другаго.

Въ Смоленскѣ по званію моему имѣлъ я частое сношеніе съ гражданскимъ губернаторомъ, барономъ Ашемъ.... Положеніе арміи въ лицѣ его требовало человѣка дѣятельнаго, но я могу сказать примѣръ его безопасности: когда армія наша прибыла изъ Витебска въ Порѣчье, онъ отправлялъ транспортъ съ провіантомъ въ армію изъ Порѣчья въ Витебскъ. Я долженъ былъ сдѣлать ему замѣчаніе, что опасность, грозящая губерніи, могла бы допустить со стороны его болѣе любопытства насчетъ арміи.

Въ Смоленскѣ нашли мы начало составленія земскаго ополченія, нашли нѣкоторое число собравшихъ мужиковъ безъ всякаго на возрастъ ихъ вниманія, худо снабженныхъ одеждою, совѣсь не вооруженныхъ *....

* Здѣсь (подъ Смоленскомъ) несогласія, существовавшія между Баркла-

Въ Смоленскѣ армія пребыла четыре дня, чтобы запастись хлѣбомъ. Главнокомандующій пригласилъ великаго князя и нѣкоторыхъ изъ отличнѣйшихъ начальниковъ, и по долгомъ разсужденіи обще всѣхъ мнѣніе было атаковать непріятеля. Я въ первый разъ въ случаѣ столько важномъ видѣлъ великаго князя, и не могу довольно сказать похвалы, какъ о разсужденіи его чрезвычайно основательномъ, такъ и о скромности, съ каковою предложилъ онъ его. Я съ сего времени удвоилъ мое къ нему почтеніе. Главнокомандующій былъ одинъ, не весьма охотно давшій согласіе на атаку; онъ ожидалъ точнѣйшихъ о непріятелѣ свѣдѣній, и ожидалъ ихъ отъ передовыхъ постовъ, которые никакихъ не имѣли.... Все благопріятствовало предпринимаемой нами атакѣ. Разсѣянные на большомъ пространствѣ (въ Порѣчѣхъ, Велижѣ, Суражѣ,

емъ и княземъ Багратіономъ, достигли наибольшихъ размѣровъ; благодаря посредничеству Ермолова, воспользовавшагося болѣзною храброго, багороднаго, но недалековаго графа Сепри, отношенія между главнокомандующими, изъ которыхъ князь Багратіонъ былъ гораздо старѣе въ чинѣ, и, какъ питомецъ Суворова, заклятой врагъ всякаго отступленія, сдѣлались гораздо дружельюбнѣе: Ермоловъ, передавая приказанія Барклаю князю и доносенія его Барклаю, смягчалъ по возможности ихъ выраженія; онъ писалъ рядъ писемъ князю Багратіону, убѣждая его *именемъ Бога и отечества* не подавать новыхъ поводовъ къ несогласіямъ, не отказываться отъ командованія арміею и исполнять приказанія Барклая, ожидая терпѣливо назначенія новаго главнокомандующаго, какого требовали современныя обстоятельства.

Между тѣмъ Барклай, выслушавъ доносенія князя Багратіона, передаваемые ему Ермоловымъ, и глядя, по своему обыкновенію, равную руку свою, говорилъ ему: „съ вашимъ княземъ можно еще служить вмѣстѣ“, князь Багратіонъ говорилъ ему въ свою очередь: „съ твоимъ методикомъ Даву можно еще ладить.“ Къ несчастію, выздоровленіе графа Сепри, послѣдовавшее чрезъ двѣ недѣли, совершенно измѣнило весь ходъ дѣлъ....

...Близъ Смоленска Барклай возымѣлъ мысль идти съ 1-ю арміею къ городу Бѣлому, направивъ вторую по Московской дорогѣ, гдѣ она, будучи предоставлена самой себѣ, не могла избѣжать полнаго пораженія. Ермоловъ, который, по своему пылкому и рѣшительному характеру, не могъ сочувствовать осторожному и методическому Барклаю, рѣзко возразилъ ему: „вы не осмѣлитесь, ваше высокопревосходительство, этого сдѣлать и тѣмъ отказаться отъ выгодъ, приобретенныхъ нами чудеснымъ соединеніемъ арій.“ Барклай, убѣдившись въ губельныхъ послѣдствіяхъ этого движенія, отказался отъ своего намѣренія. (*Д. Давид.*)

Оршѣ, Лядахъ, Витебскѣ) непріятельскія войска, бездѣйствиємъ нашимъ обезпеченныя, и въ надеждѣ продолжительнѣйшаго отдохновенія нашего покоящіяся, въ успѣхѣхъ удостоивряли.... Сто двадцать тысячъ Россіянъ съ любовью къ отечеству, съ отмищеніемъ въ груди, и Богъ споборникъ праваго! Кто могъ противустать? Данъ приказъ къ наступленію! Воспрянула бодрость въ сердцахъ начальниковъ, разлилось веселіе между воинами. Уже слышенъ гласъ трубы, призывающей къ брани. Уже вѣютъ побѣдоносныя знамена! Съ изумленіемъзираетъ Смоленскъ на силы ополченій, и взоромъ ихъ объять не можетъ. Твердыя стѣны его сотрясаются отъ радостныхъ восклицаній воинства. Дѣлпръ шумитъ, гордася согласнымъ пути его теченіемъ! Какъ вихрь летать полки и въ мигъ разстояніе между нами исчезаетъ. Еще шагъ—и уже предъ лицомъ ихъ! Пресѣкаетъ путь вашъ, храбрые воины, вѣлвіе начальствующаго!

Арміи, не доходя на разстояніе небольшого марша отъ Рудни, остановились. Главнокомандующій колебался идти далѣе, князь Багратіонъ настоятельно того требовалъ. вмѣсто быстраго движенія, въ положеніи нашемъ единственнаго средства къ успѣху, данъ арміямъ день отдохновенія. Данъ непріятелю лишній день для соединенія силъ. Онъ могъ узнать о нашемъ предпріятіи...

Взятый въ плѣнъ (Платовымъ при Лешнѣ) полковникъ утверждалъ, что они не знали о приближеніи арміи нашей, и никакихъ на то особенныхъ распоряженій не сдѣлано....

....Еще обстоятельства благоприятствовали намъ, еще ничто потеряно не было, еслибы главнокомандующій твердѣ былъ въ намѣреніи.... Главнокомандующій не только отклонился отъ исполненія предназначеннаго плана, но и переимѣнилъ его совершенно.

Черезъ день вторая армія по причинѣ худой воды, произшедшей болѣзни, и не менѣе даже отъ недостатка оной, возвратилась въ Смоленскъ....

Первая армія четыре дня безъ дѣйствія пребывала въ Мощинкѣ.....

Главнокомандующій предпочиталъ дѣйствовать со стороны Порѣчья, и нельзя постигнуть причинъ сего намѣренія. Отдѣлить ни одного изъ корпусовъ непріятельскихъ было невозможно.....

Никогда не забуду я страннаго намѣренія твоего, Барклая-де-Толли, и никогда не прощу тебѣ отмѣну атаки на Рудню! За что терпѣлъ я отъ тебя упреки, Багратионъ, благодѣтель мой? Не я ли при первой мысли о нападеніи на Рудню настаивалъ на исполненіи, не я ли требовалъ скорости онаго? Я всѣ средства употреблялъ удерживать между вами, яко главными начальниками, доброе согласіе, боясь и малѣйшаго между вами охлажденія. Скажу и то, что въ сношеніяхъ вашихъ, въ объясненіяхъ одного съ другимъ, чрезъ меня происходившихъ, я холодность, грубость Барклая-де-Толли представлялъ предъ тебя во всѣхъ тѣхъ видахъ, какіе могли тебѣ казаться пріятными. Твои отзывы дерзкіе и кокіе передавалъ ему въ выраженіяхъ самыхъ обязательныхъ. Ты часто говаривалъ мнѣ, что не ожидалъ найти въ Барклаѣ столько хорошаго, какъ нашелъ въ немъ. Не разъ онъ мнѣ повторялъ, что онъ не думалъ чтобы можно было служить вмѣстѣ съ тобою съ такою пріятностію. Благодаря довѣренности обоихъ васъ ко мнѣ, я долго бы удерживалъ васъ въ семъ мнѣніи, но причиною вражды между вами помощникъ твой графъ Сен-При. Онъ съ завистью смотрѣлъ на то, что я болѣе его употребленъ былъ и твоею пользовался дружбою. Начальство Барклая-де-Толли, званіе его военнаго министра, мнѣ, какъ чиновнику къ нему близкому, давали надъ Сен-При нѣкое первенство и занятіямъ моимъ большую наружность. Онъ пользу общую заставилъ молчать предъ собственною. Хотѣлъ значить болѣе нежели должно, болѣе нежели могъ, и тѣмъ хуже для тебя, что молодому сему и счастьемъ и дворомъ избалованному человѣку далъ ты слишкомъ много свободы!

Потерявъ много времени, потерявъ время безцѣнное, 1-я армія изъ Моцивки пошла тою же дорогою обратно къ Руднѣ. Точнаго намѣренія не было ни искать непріятеля, чтобы съ нимъ сразиться, ни дожидаться его прибытія, но довольно идти впередъ, чтобы князь Багратионъ присоединился. Лишь армія прибыла къ селенію Гаврики, гдѣ стоялъ авангардъ

генераль-адъютанта Васильчикова, войска 2-й армии были уже на второсмь отъ Смоленска маршъ и приближались, чтобы занять лѣвое крыло позиціи.....

Въ сіе самое время князь Багратионъ получилъ рапортъ генераль-майора Невѣровскаго, что 3-го числа іюля непріятель въ большихъ силахъ весьма напалъ на него въ Красномъ, гдѣ упорно защищаясь, былъ онъ вытѣсненъ, стремительно преслѣдуемъ, потерпѣлъ знатный уронъ, потерялъ нѣсколько пушекъ и отступаетъ къ Смоленску. Нерасторопный курьеръ былъ сутки въ дорогѣ, и непріятеля можно уже было полагать въ движеніи на Смоленскъ. Во время чтенія рапорта слышенъ былъ глухой звукъ выстрѣловъ, и передовые посты извѣстили о сильной канонадѣ.

Корпусу генераль-лейтенанта Раевского приказано тотчасъ идти поспѣшнѣе къ генераль-майору Невѣровскому въ подкрѣпленіе. 2-я армія немедленно пошла къ Смоленску, вслѣдъ за нею отправилась и 1-я армія. Атаману Платову велѣно, собравъ партіи, отойти къ селенію Приказъ-Выдра и тамъ расположиться..... Въ Смоленскѣ было величайшее смутеніе. Губернаторъ баронъ Ашъ уѣхалъ первый, не сдѣлавъ ни о чемъ распоряженія, не давъ никакихъ подчиненнымъ наставленій. Все побѣжало! Исчезли власти, не стало порядка!

Возвращаясь отъ селенія Гаврики, склонилъ я флигель-адъютанта полковника Кикина вступить въ должность дежурнаго генерала, которую оставилъ онъ за болѣзнію, не принимая за упрямствомъ. Особенная сродная ему наклонность къ порядку, необыкновенная дѣятельность и знаніе новаго порядка дѣлъ, при введеніи коего онъ находился и самъ способствовалъ образованію дежурства арміи, заставили меня искать его, а паче сближеніе его со мною, когда ни я не привлекателенъ, ни онъ не привязчивъ, давало мнѣ подозрѣніе, что онъ собственно для меня въ томъ не откажетъ. Помню даже, что разъ упрекалъ ему равнодушіемъ къ безпорядкамъ, нечувствительностію къ общей пользѣ. Я ничѣмъ не тронулъ его; сыскалъ его дружбу, и онъ согласился!

Ты, преупрямѣйшее существо, Кикинъ, котораго въ послѣдствіи любилъ я какъ брата, котораго почитаю честность правилъ и прекрасное свойство души, поздно началъ ты смѣяться надъ моимъ обращеніемъ, поздно странными нашель употребляемые мною въ обхожденіи способы, столько по

наружности одинаковые, столько разнообразные по дѣйствию. Они и надъ тобой самимъ имѣли дѣйствіе. Ты не примѣтилъ, что впечатлѣніе ихъ зависитъ отъ различнаго образа чувствъ, и если можно мнѣ доказать, что и ты, и Ставраковъ одинаково понимаете вещи, то соглашусь я, что любезный другъ, старый товарищъ и почтенный сослуживецъ одинаково всеми принимаемы и одинаковую цѣну въ чувствахъ каждаго имѣютъ. Чѣмъ сблизилъ я тебя съ собою? Обыкновеннымъ умомъ не привлекаютъ! Конечно, не очаровалъ пріятностію: взгляни мнѣ въ рожу, или послѣ собственной твоей кажусь я еще хорошимъ? И такъ успѣлъ я моимъ обращеніемъ, обыкновенными моими средствами, и Кикинъ мнѣ братъ, а Ставраковъ сослуживецъ!

Прощай, Ставраковъ, любезный сослуживецъ, несчастный дежурный генералъ, комендантъ несравненный! Уже не входяшь ты ко мнѣ съ представленіями и не требуешь разрѣшенія, накладывать ли на подводы тѣхъ раненыхъ, кои идти не могутъ? Уже не вижу тебя углубленнаго въ размышленіе, сколько наряжать людей на похороны умирающимъ чиновникамъ, и въ сомнѣніи бѣгущаго ко мнѣ за разрѣшеніемъ. Прощай, но прими благодареніе мое за упражненіе дѣятельности моей, за удержаніе меня въ трудахъ непрерывныхъ. Ты прервалъ связь мою съ лѣнностію, ты утвердилъ въ неутомимости, и благодаря тебѣ, я и твою отправлялъ должность! О лѣнность, всегда мною чтимая! прими меня возвращающаго къ тебѣ, клянусь вѣчнымъ постоянствомъ. Распростри нѣжныя твои объятія, и я почию въ нихъ съномъ праздности. Ксенофонтъ! неси соломы, стели роскошную постелью. Адъютанты! Кикинъ, дежурный генералъ, добра ночь!

.
4 числа іюля весь день генералъ-лейтенантъ Раевскій дрался одинъ съ своимъ корпусомъ и 27 дивизіей. 2 армія прибыла поздно въ вечеру; 1 армія ночью. Онъ не только не впустилъ непріятели въ городъ, но занявъ предмѣстія, и оными овладѣть не допустилъ...

.
5 числа сраженіе продолжалось съ жестокостію, уронъ нашъ былъ чувствителенъ, но стѣны, набѣ ограждавшія, укрывая отъ дѣйствія артиллеріи, сдѣлали его ничтожнымъ въ сравненіи съ потерей непріятели, которая была ужасна. Въ семъ случаѣ Наполеонъ не пощадилъ Поляковъ, и они, рабственно

прикотамъ его служащіе, понесли на себѣ всю почти потерю. За часъ до вечера непріятель приблизился весьма къ стѣнѣ и стрѣлки наши должны были войти въ городъ. Часть предмѣстія, лежащая по Днѣпру съ лѣвой стороны, была во власти его, мостъ осыпаемъ былъ ядрами приблизившихся его батарей, городъ во многихъ мѣстахъ объятъ пламенемъ...

...Князь Багратіонъ склонялъ главнокомандующаго непремѣнно на слѣдующій день защищать городъ и атаковать непріятеля, предлагалъ съ своею арміею переправиться на лѣвый берегъ, и чтобъ онъ то же сдѣлалъ съ своей стороны. Главнокомандующій спросилъ о томъ при мнѣ полковника Толя мнѣніе, который отвѣчалъ, что надобно атаковать непріятеля двумя колоннами изъ города. Я возразилъ противъ сего предложенія, и удивился, что человѣкъ съ его понятіями могъ допустить столько неосновательныя мысли и въ случаѣ столько важномъ. Какъ предложить атаковать изъ города, когда въ немъ малое число весьма воротъ (замѣтить должно, что ворота не прямыя, но имѣютъ повороты)? Какое продолжительное надобно время, чтобы не большое число войскъ могло пройти ихъ, и какъ развернуть ихъ подъ огнемъ артиллеріи, къ самымъ почти стѣнамъ города придвинутой, дабы дать мѣсто второй линіи и резервамъ, и когда приспѣтъ можетъ сопровождающая атаки артиллерія? Какъ собрать войска въ улицахъ города, гдѣ не осталось дома не разрушеннаго артиллеріей, и требовать отъ нихъ порядка и устройства? Я присоединилъ къ возраженію моему случай отступленія, при которомъ всѣ упомянутыя неудобства возрасти должны въ большей степени. Главнокомандующій согласился съ моимъ замѣчаніемъ. Я представилъ, что если необходимо нужно атаковать непріятеля, то переправиться на ту сторону Днѣпра мимо города и съ правой его стороны; ибо тогда весь форштатъ принадлежалъ еще намъ, и усилія его оборону, можно было удержать оный за собою. Устроенные чрезъ Днѣпръ мосты могли быть сильно защищены батареями праваго фланга крѣпости..... Въ случаѣ отступленія близки были каменныя церкви и большіе монастыри съ оградами, которые успѣхамъ непріятеля не дали бы распространиться. 2-я армія никакъ не должна была переправиться выше и атаковать правое непріятеля крыло, какъ то предполагалъ князь Багратіонъ, ибо непріятель или бы воспрепятствовалъ ея переправѣ по близости оной, а есаибы

переправилась она далѣе, то по разстоянію ея отъ 1-й арміи могъ совершенно ее уничтожить. Трудно было въ такомъ случаѣ удержать согласіе въ дѣйствиіи, соблюсти взаимное подкрѣпленіе, имѣя единственное сообщеніе чрезъ городъ, величайшей медленности подверженное, которое могъ непріятель нарушать, весьма малыми силами не выпуская войскъ нашихъ изъ города, тогда какъ безпрепятственно сосредоточивать могъ свои войска по произволу. Возражая такимъ образомъ противъ неосновательнаго мнѣнія князя Багратіона и полковника Толл, я въ свою очередь сдѣлалъ также неблагоразумный поступокъ, поддерживая предложеніе гг. корпусныхъ командировъ, которые чрезъ генераль-майора графа Кутайсова представляли главнокомандующему, чтобъ еще одинъ день защищать Смоленскъ. Его необходимо было защищать въ одномъ только случаѣ, еслибы положено было атаковать непріятеля непремѣнно. Если главнокомандующій съ перваго дня не имѣлъ того намѣренія, то и защищать его не должно было, ибо даже и удержать за собою бесполезно.... Наполеонъ искалъ случая вступить въ сраженіе, ибо дальній путь и быстрый ходъ чрезвычайно изнуряли его войско, которое отъ продолженія времени ослабѣвало ощутительно, и въ сихъ только причинахъ надобно искать начало бесполезныхъ его при Смоленскѣ усилій.

Главнокомандующій приказалъ ночью оставить городъ, и войскамъ, перейдя на правый берегъ, истребить мостъ. До вечера продолжившееся сраженіе не допустило войска рано оставить городъ и послѣдніе полки вышли предъ разсвѣтомъ безпрепятственно, за коими вскорѣ непріятель занялъ городъ.

.....
Я приказалъ вынести изъ города образъ Смоленской Богоматери, укрывая его отъ безчинствъ, дѣлаемыхъ непріятелемъ со святынею. Принялъ его, отслужилъ молебенъ и видѣлъ съ радостію, что надъ солдатами произвело сіе хорошее дѣйствиіе....

6 числа сдѣлано распоряженіе объ отступленіи. Того же числа армія князя Багратіона пошла къ селенію Пнева слобода, дабы переправиться за Днѣпръ благовременно.

Итакъ оставили мы тебя, Смоленскъ! Судьба претала намъ защищать тебя долѣе. Привлекли на тебя всѣ роды бѣдствій, наполнили отчаяніемъ и страхомъ, превратили въ жилище ужаса и смерти. Собственными руками ускоряли твое

разрушеніе, разнесли пожирающій тебя пламень, и ты, озаряя насъ сіяніемъ свѣдающихъ тебя пожаровъ, казалось упрекаешь намъ твоимъ бѣдствіемъ, и въ стыдъ намъ расточаешь мракъ, скрывающій наше отступленіе.

Разрушеніе Смоленска познакомило меня совсѣмъ съ новымъ для меня чувствомъ, котораго войны, вѣдъ предѣловъ отечества выносимыя, не сообщаютъ.

Не видѣлъ я опустошенія земли собственной, не видѣлъ пылающихъ городовъ своего отечества. Въ первый разъ въ жизни коснулся ушей моихъ стонъ соотчичей, впервые раскрылись глаза мои на ужасъ бѣдственнаго ихъ состоянія, и конечно на всю жизнь останутся въ сердцѣ воспоминанія. Незнакомо было мнѣ сіе чувство, судьба и оному научила. По занятіи непріятелемъ Смоленска приказано было бросать бомбы въ городъ, и Французы не малый потерпѣли уронъ...

Началось седьмое число, происшествіями достопамятное. Главнокомандующій, поѣхавъ въ полночь отъ Смоленска, полагалъ, что войска, отступившіе съ вечера, прошли уже большое разстояніе, но весьма былъ удивленъ, найдя на лагерѣ весь корпусъ генераль-лейтенанта Багговута. Трудный путь, худыя переправы, ночь необычайно темная, останавливали на каждомъ шагу движеніе артиллеріи, и войска едва подвигались впередъ. Уже оставалось ночи весьма короткое время и до разсвѣта почти невозможно было удалиться изъ виду непріятельскихъ армій. Почувствовалъ главнокомандующій несправедливость нашего положенія, и сколько въ подобномъ случаѣ опасно, если будутъ насъ преслѣдовать Французы, въ чемъ нельзя было впрочемъ усомниться! Онъ приказалъ мнѣ ѣхать и употребить всѣ средства къ скорѣйшему войскъ ходу, употребилъ даже просьбы, чтобъ я старался о томъ сколько возможно *. Отъѣзжая, пожелалъ я ему, чтобы въ сей день ничего съ нами не случилось, но оба мы въ томъ сомнѣвались. Проѣхавъ не болѣе трехъ верстъ, прогоняя впередъ артиллерію, нашелъ я среди пѣхотной колонны два эскадрона Сумскаго гусарскаго полка, начальникъ коихъ донесъ мнѣ, что онъ, не болѣе двухъ-сотъ шаговъ оттуда стоя на посту, былъ прогнанъ непріятелемъ, занявшимъ его мѣсто, при чемъ

* Я рѣдко видѣлъ его столько любезнымъ и даже на французскомъ языкѣ, на которомъ онъ не былъ очарователемъ.

ранено у него два гусара. Отъ него узналъ я, что вмѣстѣ съ нимъ на посту были егеря отъ авангарда князя Горчакова, которые отошли прежде нежели отрядъ г.-м. Тучкова прошелъ сіе мѣсто, но тогда непріятель еще не появлялся. Поправить сего было невозможно, ибо ни положенія непріятеля, ни силъ его по темнотѣ нельзя было разсмотрѣть, и оставалось только желать, чтобы войска успѣли пройти безъ препятствія сіе мѣсто, гдѣ между прочимъ переправа около мельницы не мало была затруднительна. Я извѣстилъ главнокомандующаго о семъ обстоятельстве и поспѣшилъ далѣе. Строгость, угрозы и шумъ моихъ адъютантовъ проговяли артиллерію, что одно и надобно было, ибо войска могли идти скоро. Начиная разсвѣтать немного, и войска, сдѣлавъ около десяти верстъ пути, остановились нѣкоторое время, и я знаю причину, что идущій въ головѣ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ генераль-адъютантъ Уваровъ расположился фуражировать въ деревнѣ и выучить на лошадей сѣно. Еслибъ Уваровъ и былъ для арміи человѣкомъ необходимымъ, то въ сію минуту конечно былъ ей въ тягость. Какъ начальникъ главнаго штаба, имѣющій власть приказывать именовъ главнокомандующаго, пишу я къ нему записку и..... не пишу комплиментовъ,—корпусу назначаю, не дожидаясь пѣхоты, идти занять то мѣсто, гдѣ проселочная дорога, по коей мы идемъ, соединяется съ почтовою. Вскорѣ услышаны пушечные выстрѣлы изрѣдка, и спустя мало времени потомъ, гораздо чаще; я приказалъ пѣхотѣ идти сколько можно поспѣшите. Начальствующій всею колонною ген.-лейт. Тучковъ (Николай Алексѣевичъ) оставался ночевать въ деревнѣ и его найди было невозможно, но я, увидѣвшись съ ген.-лейт. Кювницынскимъ и переговора съ нимъ, былъ увѣренъ, что сей въ трудахъ неутомимый человѣкъ все исполнитъ наилучшимъ образомъ. Я посылаю къ главнокомандующему адъютанта и прошу увѣдомить меня, что происходитъ въ арріергардѣ? Пишу къ нему записку, что если противъ него каюнада, то нѣтъ ничего опаснаго, и если даже можетъ быть потеря, но не будетъ слѣдствій; ежели же дѣйствуетъ отрядъ г.-м. Тучкова (впереди), то легко можетъ быть отрѣзана большая дорога и мы атакованы на маршѣ, и тогда трудно даже будетъ соединиться съ другою колонною арміи, которая пошла прямо на переправу черезъ Днѣпръ у Пневой слободы. Для ускоренія движенія приказалъ я посадить

людей на орудія и идти рысью. Вскорѣ получаю извѣстіе отъ главнокомандующаго, что арріергардъ сильно пресѣдуемъ непріателемъ, который, по занятіи предмѣстія на правомъ берегу, захватилъ высоты, мимо коихъ проходила колонна *, и движеніемъ симъ отрубилъ арріергардъ такъ, что часть кавалеріи онаго должна была просекаивать подъ выстрѣлами и что для покрѣпленія онаго возвраталъ онъ весь 2-й корпусъ генераль-лейтенанта Багговута, который, вытѣснивъ непріателя изъ его положенія, открылъ арріергарду путь къ отступленію, но что однакоже сраженіе, продолжаясь весьма сильно, требуетъ его тамъ присутствія. Между тѣмъ выходитъ генераль-адъютантъ Уваровъ съ кавалерійскимъ корпусомъ на почтовую дорогу, за нимъ вслѣдъ 1-я гренадерская и 3-я пѣхотная дивизіи. На самомъ соединеніи дорогъ расположенъ былъ Елисаветградскій гусарскій полкъ, принадлежащій отряду генераль-майора Тучкова, котораго полагали въ 7 верстахъ впереди къ городу, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ авангардъ 2-й арміи генераль-лейтенанта князя Горчакова. Командиръ полка донесъ, что и самъ генераль-майоръ Тучковъ не болѣе одной версты впереди. Отъ него узнали мы, что генераль-лейтенантъ князь Горчаковъ, не дождавшись его, отошелъ съ авангардомъ ко 2-й арміи, снявъ вообще всѣ посты, и только оставилъ три полка Донскіе въ командѣ генераль-майора Карпова, которымъ также приказано слѣдовать къ арміи. Я остановилъ сіи полки, чтобы сколько можно удерживали они непріателя, который имѣлъ съ ними весьма слабую перестрѣлку и впередъ не подавался. Генераль-майоръ Тучковъ могъ еще подвинуться около двухъ верстъ, но далѣе расположенъ былъ непріатель въ силахъ. Я предложилъ генераль-лейтенанту Тучкову 1-му подкрѣпить отрядъ генераль-майора Тучкова гренадерскими лейбъ- и графа Аракчеева полками подъ командою полковника Желтухина 2-го и полуротою батарейной артиллеріи. Всѣ прочіе войска отошли на ночлегъ 6 верстъ далѣе къ сторовѣ Дорогобужа. Было десять часовъ утра и довольно спокойно со стороны Смоленска, но слышкомъ рано было, чтобы до конца дня надѣяться на продолженіе сего спокойствія, и слишкомъ близко позади соединеніе

* Мѣсто, о которомъ сказалъ я выше и гдѣ найдены были мною два эскадрона Сумскаго гусарскаго полка.

обѣихъ дорогъ. Еще не прибылъ 4-й корпусъ генераль-лейтенанта графа Остермана, много артиллеріи разбросано было по дорогѣ, 2-й корпусъ былъ въ далекомъ разстояніи, и арріергардъ, которому служилъ онъ подкрѣпленіемъ, удерживалъ ходъ его. Позади соединенія дорогъ въ двухъ верстахъ была весьма выгодная позиція, которой фронтъ, надъ окрестными мѣстами возвышенный, прикрывался болотистою чрезвычайно рѣчкой, но нельзя было занять оную, ибо надлежало уступить дорогу непріятелю. Итакъ необходимость заставила расположиться въ позиціи самой невыгодной. Правый флангъ ея простирался по холму, коего защищеніе было существенно для насъ важностію, и бо онъ закрывалъ у подошвы его сходящіяся позади дороги, и его не имѣя, не можно было ни отступить, ниже усилить какую-либо часть войскъ всего боеваго устройства, ибо по всему распростертію линіи, съ одного сего фланга можно было проходить войскамъ. Центръ позиціи покрывался частымъ кустарникомъ по низкому и частію болотистому мѣсту. Къ лѣвому крылу нѣсколько впередъ выдавался лѣсъ, густой, но необширный; на конечности оаго пространное поле, для дѣйствія конницы удобное, склонялось назадъ къ ручью весьма тинистому. Необходимо было занять поле сіе и даже отдѣлить на то значущую часть артиллеріи, ибо непріятель, устроив на немъ свои батареи, охватывалъ тылъ всѣхъ прочихъ частей линіи нашей и дорогу къ нимъ ведущую.

Генераль-майоръ Тучковъ далъ знать, что примѣчено умноженіе непріятельскихъ силъ, и препроводилъ схваченныхъ двухъ виртембергскихъ гусаръ, которые сказали, что 16 полковъ непріятельской кавалеріи ожидаютъ прибытія пѣхоты въ большомъ количествѣ и тогда сдѣлаютъ на насъ нападеніе. Генераль-майоръ Карповъ увѣдомилъ, что развѣзды его открыли переправу французской арміи на правый берегъ Днѣпра по нѣсколькимъ наведеннымъ мостамъ. Я предложилъ генераль-лейтенанту Тучкову 1-му возвратитъ войска, отошедшія на ночлегъ, и донесъ о извѣстіяхъ главнокомандующему. Онъ прислалъ мнѣ приказаніе вступить въ сраженіе, и увѣдомилъ, что онъ придетъ самъ, устроивъ дѣла арріергарда. Обстоятельства сраженія видны изъ реляціи ниже сего, которую подалъ я главнокомандующему отъ 22 сентября, за № 501, и которую приказалъ онъ мнѣ прямо отъ себя представить его свѣтлости фельдмаршалу князю Кутузову.

Важныя происшествія, сопровождавшія сіе сраженіе, затруднительное положеніе, изъ коего съ выгодною вышли войска наши, и особенная довѣренность, возложенная на меня въ сей день главнокомандующимъ, позволяютъ мнѣ съ пріятностію распространиться о такомъ дѣлѣ, въ которомъ главнокомандующій большую часть успѣха обратилъ собственно на счетъ мой.

Реляція о сраженіи 7-го числа августа при селеніи Заболотье.

По трехсуточномъ защищеніи города Смоленска определено было отступленіе арміи. 2-я армія прикрывала переправу чрезъ Днѣпръ, большими непріятельскими силами угрожаемую. Авангардъ ея былъ въ 6 верстахъ отъ Смоленска на Московской дорогѣ. 1-я армія слѣдовала двумя колоннами. Первая подъ командою генерала Дохтурова, изъ 5-го и 6-го корпусовъ и арріергарда генерала отъ кавалеріи Платова, слѣдовала дорогою, отъ непріятеля ѣтклонившеюся и безопасною. 2-й, 3-й и 4-й корпуса и арріергардъ генераль-адъютанта барона Корфа должны были сдѣлать фланговой маршъ для достиженія большой Московской дороги, путями трудными и гористыми, ходъ ихъ умедливающимъ. Въ продолженіи сего авангардъ 2-й арміи отошелъ и на смѣну его временно посланный отрядъ генераль-майора Тучкова 3-го, состоящій изъ 20-го и 21-го егерскихъ, Ревельскаго пѣхотнаго и гусарскаго Елисаветградскаго полковъ, встрѣтилъ уже непріятеля на одиннадцатой верстѣ отъ города.

Арріергардъ генераль-адъютанта барона Корфа въ близкомъ отъ Смоленска разстояніи былъ атакованъ большими непріятеля силами. Ваше высокопревосходительство, свидѣтель сего упornaго сраженія, должны были ввести въ дѣло 2-й корпусъ генераль-лейтенанта Багговута, прочіе корпуса продолжали путь свой. Я получилъ повелѣніе вашего высокопревосходительства ускорить ихъ движеніе. Важность обстоятельствъ того требовала: надобно было захватить соединеніе дорогъ. Невозможно было употребить дозольно поспѣшности. Соединеніе было близко отъ Смоленска, отрядъ генераль-майора Тучкова 3-го слабъ прогнвъ непріятеля. Именемъ вашего высокопревосходительства приказалъ я 1-му кавалерійскому корпусу генераль-адъютанта Уварова

поспѣшно занять соединеніе дорогъ, что было исполнено безъ замедленія. 3-й корпусъ генераль-лейтенанта Тучкова 1-го, горящій желаніемъ встрѣтить непріятеля, пришелъ по свѣжимъ слѣдамъ кавалерію. Генераль-майору Пассеку поручилъ я проводить артиллерію рысю. 4-й корпусъ генераль-лейтенанта графа Остермана-Толстого пришелъ мало времени спустя. Я нашелъ отрядъ генераль-майора Тучкова 3-го въ двухъ только верстахъ отъ соединенія дорогъ. Приказалъ часть пѣхоты подвинуть впередъ, подкрѣпилъ его бригадою полковника Желтухина изъ лейбъ-гренадерскаго и графа Аракчеева полковъ и 6-ю батарейными орудіями. Передовые посты были въ перестрѣлкѣ, но непріятель былъ слабъ. 3-й и 4-й корпуса отошли на назначенный ночлегъ въ 6-ти верстахъ разстоянія. Въ два часа по полудни усилился огонь на передовыхъ постахъ, и два дезертира объявили, что непріятель въ числѣ двѣнадцати полковъ пѣхоты и кавалерію готовъ сдѣлать нападеніе, коль скоро большія силы, переправляющіяся съ лѣваго берега Днѣпра, къ нимъ присоединятся. Командующій передовыми постами войска Донскаго генераль-майоръ Карповъ далъ извѣстіе, что непріятель со многими силами переходитъ рѣку. Я извѣстилъ о семъ генераль-лейтенанта Тучкова и 3-му корпусу приказалъ придти послѣднѣе. Передовые посты уступили силамъ непріятеля и къ пятому часу долженъ былъ уже и 4-й корпусъ приблизиться. Я донесъ вашему высокопревосходительству и вамъ угодно было приказать мнѣ расположить войско въ боевое устройство въ ожиданіи вашего прибытія изъ арріергарда. Вскорѣ началось дѣло во всей силѣ. Непріятель употребилъ всѣ усилія по большой почтовой дорогѣ. Но выгодное положеніе съ нашей стороны и не приспѣвшая еще дотолѣ непріятельская артиллерія дала возможность удержаться. Непріятель умножилъ стрѣлковъ на лѣвомъ флангѣ отряда генераль-майора Тучкова 3-го, но по распоряженію его употребленный 20-й егерскій полкъ съ генераль-майоромъ княземъ Шаховскимъ удержалъ его и далъ время 3-й дивизіи полкамъ Черниговскому, Муромскому и Селенгинскому приспѣть и утвердиться.

Вскорѣ прибыла непріятельская артиллерія и канонада съ обѣихъ сторонъ усилилась чрезвычайно. Ваше высокопревосходительство изволили прибыть къ сражающимся войскамъ. Появилась непріятельская кавалерія и какъ туча возлегла на правомъ крылѣ своемъ. Всю бывшую при корпусахъ кавалерію,

кромѣ 1-го корпуса, надобно было по необходимости употребить на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Силы непріятеля были превосходны, мѣстоположеніе въ его пользу. Позади нашей кавалеріи болотистый ручей, трудная переправа артиллеріи. Но бригада подѣ командою генераль-майора князя Гуріяда, быстро вытѣснившая непріятельскую пѣхоту изъ дѣса, къ которому прилежала его кавалерія, сдѣлала атаки ея нерѣшительными, робкими, паче же Перновскій полкъ съ генераль-майоромъ Чоглоковымъ, выстроенный въ колонны среди самаго непріятеля, подкрѣпляя нашу кавалерію, удвоилъ ея силу. 24 орудія сдѣлали ее непреодолимою! По силамъ непріятельской кавалеріи, казалось, должно было одной лишь быть атакѣ и вмѣстѣ съ нею истребленію лѣваго нашего крыла. По храбрости войскъ нашихъ, каждая атака обрабаема была въ бѣгство какъ съ потерей, равно и со стыдомъ непріятеля. Кавалеріей и казаками приказалъ я командовать генераль-адъютанту графу Орлову-Денисову. Съ обѣихъ сторонъ повторенныя равнымъ образомъ атаки и отраженіе продолжались довольно долго. Въ сіе время прибыла 17-я дивизія генераль-лейтенанта Олсуфьева и утомленные въ дѣлѣ съ арріергардомъ генераль-адъютанта барона Корфа полки употреблены были въ подкрѣпленіе праваго крыла, какъ пункта отъ главныхъ непріятеля атакъ удаленнаго. На центрѣ усилились батареи непріятеля, но противостоявшія неустрашимо 3-я дивизіи полки Черниговскій, Муромскій и Селенгинскій, удержавъ мѣсто, отразили непріятеля, который, бросаясь на большую дорогу, привелъ въ замѣшательство часть войскъ, оную прикрывавшихъ. Въ должности дежурнаго генерала флигель-адъютантъ полковникъ Кикинъ, адъютантъ мой лейбъ-гвардіи конной артиллеріи поручикъ Граббе и состоявшій при мнѣ штабъ-ротмистръ Деюнкеръ, адъютантъ генерала Милорадовича, собравъ разсѣянныхъ людей, бросились съ барабаннымъ боемъ въ штыки, и въ короткое время очистили дорогу, возстановивъ тѣмъ связь между частями войскъ. Не успѣвшій въ намѣреніи непріятель отклонилъ атаку и посѣднія усилія на правое наше крыло. Батарея наша изъ четырехъ орудій была сбита, и я, не вѣривъ утомленнымъ полкамъ 17-й дивизіи возстановленіе прервавшагося порядка, лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ въ присутствіи вашего высокопревосходительства повелъ самъ на батарею непріятельскую. Полковникъ Желтухинъ, дѣйствуя отлично храбро,

опрокинулъ все, что ему встрѣтилось на пути. Я достигалъ уже батареи, но сильный каретный огонь, храброму сему полку пресѣкшій путь, привелъ его въ разстройство. Атаки непріятели однакоже прекратились. Полкъ занялъ прежнее свое мѣсто, и съ обѣихъ сторонъ возгорѣлся сильный ружейный огонь. Екатеринославскій гренадерскій полкъ пришелъ въ помощь и полки 17-й дивизіи участвовали, а болѣе стрѣлками. Генераль-майоръ Тучковъ 3-й, опрокинувшій сильную непріятельскую колонну, и увлеченный успѣхомъ, во время, къ ночи уже клонящееся, взялъ въ плѣнъ. Генераль-лейтенантъ Коновницынъ, не взирая на сильный повсюду непріятельскій огонь, оттѣснилъ непріятели на всѣхъ пунктахъ праваго крыла на большое разстояніе. Мѣсто сраженія и даже далѣе удержалъ за нами. Онъ учредилъ посты, отпустилъ артиллерию, снялъ войска съ позиціи въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, и армія безпрепятственно отступила къ Дорогобужу и соединилась со 2-ю арміею.

Списки объ отличившихся.... имѣю честь представить, съ моей стороны довѣренность вашего высокопревосходительства стараюсь заслужить справедливостію моего донесенія.

.

Д. В. Давыдовъ такъ описываетъ это дѣло:

„Распорядившись насчетъ отступленія арміи изъ-подъ Смоленска, Барклай и Ермоловъ ночевали въ арріергардѣ близъ самаго города. Барклай, предполагая, что прочіе корпуса арміи станутъ, между тѣмъ, выдвигаться по дорогѣ къ Соловьевой переправѣ, приказалъ разбудить себя въ полночь, для того чтобы лично приказать арріергарду начать отступленіе. Когда наступила полночь, онъ съ ужасомъ увидалъ, что 2-й корпусъ еще вовсе не трогался съ мѣста; онъ сказалъ Ермолову: „nous sommes en grand danger comment cela a-t-il pu arriver?“ Къ этому онъ присовокупилъ: „поѣзжайте впередъ, ускорайте маршъ войскъ, а я пока здѣсь останусь“. Дурныя дороги задержали корпусъ Остермана, который слѣдовалъ потому весьма медленно. Прибывъ на разсвѣтѣ въ мѣсто, гдѣ корпуса Остермана и Тучкова 1-го располагались на ночлегъ, Ермоловъ, именемъ Барклая, приказалъ имъ слѣдовать далѣе. Князь Багратионъ, Ермоловъ и Толь утверждаютъ, что Тучкову 3-му

надлежало не только занять перекрестокъ дорогъ, но и придвинуться ближе къ Смоленску на подкрѣпленіе Карпова и смѣну князя Горчакова. Услыхавъ пушечные выстрѣлы, Ермоловъ писалъ отсюда Барклаю: „если выстрѣлы, мною слышанные—съ вашей стороны, мы можемъ много потерять; если же они со стороны Тучкова 3-го, большая часть нашей артиллеріи можетъ сдѣлаться добычею непріятеля; во всякомъ случаѣ прошу ваше высокопревосходительство не беспокоиться, я приму всё необходимыя мѣры“. Въ самомъ дѣлѣ 180 орудій, слѣдуя медленно и по дурнымъ дорогамъ, находились еще въ далекомъ разстояніи отъ Соловьевой переправы. Къ величайшему благополучію нашему, Жюно, находившійся на нашемъ лѣвомъ флангѣ, не трогался съ мѣста; Ермоловъ обнаружилъ здѣсь рѣдкую дѣятельность и замѣчательную предусмотрительность. По его распоряженію, графъ Кутайсовъ и генераль Пассекъ поспѣшили къ артиллеріи, которой приказано было слѣдовать какъ можно скорѣе; здѣсь въ первый разъ употреблена была команда: *на орудіе садись*. Ермоловъ, достигнувъ перекрестка, поѣхалъ далѣе по направленію къ Соловьевой переправѣ и возвращалъ назадъ встрѣчаемыя имъ войска. Принцъ Александръ Виртембергскій, не имѣвшій команды, просилъ Ермолова поручить ему что-нибудь; придавъ принцу свѣдущаго штабъ-офицера съ солдатами, онъ просилъ его заняться улучшеніемъ дорогъ. Возвратившись къ перекрестку, Ермоловъ узналъ здѣсь отъ генерала Всеволожскаго, что Тучковъ 3-й находится лишь въ 300 саженьяхъ отсюда. Князь Багратионъ въ письмѣ своемъ Ермолову, отъ 8-го августа, между прочимъ, пишетъ: „надо примѣрно наказать офицера квартирмейстерской части, который вѣлъ Тучкова 3-го; вообрази, что за 8 верстъ вывелъ далѣе, а Горчаковъ дожидался до тѣхъ поръ, пока армія ваша пришла“. Взявъ въ плѣнъ двухъ Вестфальцевъ корпуса Жюно, Тучковъ 3-й препроводилъ ихъ къ Ермолову, которому они объявили, что у нихъ 16 полковъ одной кавалеріи. Ермоловъ писалъ отсюда съ капитаномъ квартирмейстерской части Ховеномъ (въ послѣдствіи тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ) великому князю Константину Павловичу, слѣдовавшему въ колоннѣ Дохтурова, что надо поспѣшить къ Соловьевой переправѣ, перейти тамъ рѣку, и расположившись на позиціи, покровительствовать переправѣ прочихъ войскъ. Приказавъ, именовъ Барклая, Остерману и Тучкову 1-му

подкрѣпить Тучкова 3-го, Ермоловъ направилъ графа Орлова-Денисова къ Заболотью, гдѣ онъ, однако, не могъ бы выдержать натиска непріателя, еслибы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вѣрно было командиру Екатеринбургскаго полка князю Гуріелю занять рошу; во время нападеній непріателя на графа Орлова-Денисова, Гуріель поддерживалъ его батальнымъ огнемъ изъ роши. Получивъ записку Ермолова, Барклай отвѣчалъ: „съ Богомъ, начинайте, а я, между тѣмъ, подъѣду“. Прибывъ вскорѣ къ колоннѣ Тучкова 3-го, и найдя, что здѣсь уже были приняты всѣ необходимыя мѣры, Барклай дозволилъ Ермолову распоряжаться войсками. Между тѣмъ, непріатель, занявъ одну высоту нѣсколькими орудіями, наносилъ намъ большой вредъ; Ермоловъ приказалъ Желтухину съ своими лейбъ-гренадерами овладѣть этою высотой. Желтухинъ, не замѣтивъ, что высота весьма крута, повелъ слишкомъ быстро своихъ гренадеръ, которые, будучи весьма утомлены во время подъема, были опрокинуты непріателемъ. Непріатель, замѣтивъ, что этотъ храбрый полкъ, здѣсь сильно потерпѣвшій, намѣревается вновь атаковать высоту, свезъ свои орудія. Между тѣмъ, Наполеонъ навелъ 5 повтоковъ, чрезъ которые Французы могли атаковать наши войска съ фланга и тыла; еслибы Тучковъ 3-й придвинулся ближе къ Смоленску, онъ бы могъ быть отрѣзанъ. Всѣ наши войска и артиллерія, благодаря неутомимой дѣятельности, энергіи и распорядительности Ермолова, но въ особенности бездѣлствію Жюно, достигли благополучно Соловьевой переправы. Барклай, оцѣнивъ вполнѣ заслуги Ермолова, поручилъ ему представить отъ своего имени рапортъ о томъ князю Кутузову.“ *

* Алексѣй Петровичъ, будучи 410-мъ генералъ-майоромъ по старшинству, былъ произведенъ за сраженіе при Заболотѣ въ генералъ-лейтенанта. По этому поводу Давыдовъ разказываетъ слѣдующее:

Хотя Ермоловъ былъ представленъ за сраженіе при Заболотѣ въ генералъ-лейтенанта, но, видя себя всеми обойденнымъ, потому что въ приказахъ не было объявлено о его производствѣ, онъ вошелъ о томъ съ рапортомъ къ кн. Кутузову, который оставилъ это безъ всякаго вниманія. Во время вступленія нашихъ войскъ въ прусскія владѣнія, государь былъ столь милостивъ къ Ермолову, что приказалъ графу Аракчееву узнать: не почитаетъ ли себя Алексѣй Петровичъ чѣмъ-нибудь оскорбленнымъ; когда найденъ былъ рапортъ его князю Кутузову, послѣдовалъ высочайшій приказъ о его производствѣ со старшинствомъ

Возвратимся къ разказу самого Ермолова.

На другой день рано армія перешла за Днѣпръ.

9-го числа первая армія вся вмѣстѣ прибыла къ селенію Усвяты. Днемъ прежде, 2 армія расположилась неподалеку отъ Дорогобужа.

16-го числа былъ войскамъ растахъ....

....На другой день войска перешли къ Дорогобужу. Полковнику Толю приказано расположить ихъ подлѣ города. Между тѣмъ, пѣхота арріергарда (атамана Платова) пришла къ селу Усвяты и заняла оное.....

1-я армія осталась у Дорогобужа только до вечера, 2-я тотчасъ начала выступать и потянулась вверхъ по лѣвому берегу рѣки Осьмы, дабы занять идущую отъ стороны Ельвы дорогу, которою могъ воспользоваться непріятель, и, между тѣмъ, для того, чтобъ обѣимъ арміямъ раздѣлиться для удобнѣйшаго движенія войскъ.....

....Армія была уже въ селеніи Семлево.... Предположено было остановиться два дни, ибо утомленные продолжительнымъ отступленіемъ войска имѣли нужду въ отдохновеніи..... Въ первый день отдохновенія атаманъ Платовъ прислалъ занимать лагерь для арріергарда, доводя, что непріятель сильно тѣснитъ его и онъ, не въ состояніи будучи удержать его стремительности, находится только въ 8 верстахъ и ночью прибудетъ въ селеніе Семлево.... 1-я армія должна была оставить Семлево, 2-я армія, всегда на одной высотѣ на лѣвомъ ея флангѣ находящаяся, послѣдовала также далѣе (къ Вязьмѣ), вмѣсто предполагаемаго отдохновенія.....

Отъ генерала отъ инфантеріи Милорадовича получено извѣстіе, что онъ съ войсками, сформированными имъ въ городѣ Калугѣ, въ числѣ 16 тыс. человекъ, большею частію пѣхоты, спѣшитъ соединиться съ арміей.....

со дня сраженія при Заболотѣ, и по этому поводу состоялось высочайшее постановленіе о томъ, что старшинство въ чинѣ должно полагаться со дня оказаннаго отличія.

Здѣсь приводимъ нѣсколько писемъ изъ военной переписки относящейся ко времени, о которомъ идетъ рѣчь. Желательно, чтобы военные люди размѣстили эти письма возможно точнѣе.

Письма Багратиона къ Ермолову.

I.

Любезный Алексѣй Петрович!

Я писалъ бумагу министру: вы, я думаю, читали. Буде же вѣтъ, должны прочесть по званію вашему, я ожидаю отвѣта. Покорно прошу отослать сего подносителя, царевича Грузинскаго, въ гвардію егерскій полкъ.

Весь вашъ князь Багратионъ.

29-го іюля.

Выдра.

II.

Отношеніе обширное министра я получалъ; оно не заслуживаетъ никакого вниманія, ибо невозможно дѣлать лучше и полезнѣе для непріятеля, какъ онъ. Я пишу къ нему единственно для очистки себя и отвязаться отъ него. Завтра отпущу дивизию гренадерскую въ Смоленскъ, а потомъ и остальные мои бѣдныя войска посылаю туда же. Авангардъ останется по прежнему сутки, а потомъ постепенно будетъ подвигаться къ Смоленску, дабы точно занять мѣъ дорогу въ Дорогобужъ. А здѣсь, въ болотахъ и лѣсахъ, а особливо по теперешней погодѣ, дѣлать совершенно нечего. Министру надобно обратить весьма дѣятельное вниманіе о заготовленіи новаго хлѣба, дать способъ уздамъ жать, сушить и молотъ. Министру надобно настоятельно просить главнокомандующаго въ Москвѣ о послѣднемъ ополченіи, дабы въ теченіи десяти дней хотя бы имѣть намъ въ прибавокъ до десяти тысячъ (50 т.). Я не вѣдаю, какъ расписаны по губерніямъ изъ Калуги, Тулы, Ярославля и Нижняго Новгорода, куда должны ратники поступать? Ежели въ Москву надобно ихъ везти, то почтой и скоро, ибо, по мѣвнью моему, ежели въ теченіи одного мѣсяца мы очутились за Смоленскомъ, то какъ же непріятель не воспользуется пробѣжать 300 верстъ въ десять дней, а мы все будемъ переписываться о Порѣчьи и Мстиславичахъ? Истинно, я самъ не знаю, что мнѣ дѣлать съ нимъ? И о чемъ онъ думаетъ? Голова его на плахѣ, точно такъ и должно! Странно и то, что отъ Государя вѣтъ никакого извѣстія, а до столицы не далеко! Узнай, ради самого Бога, гдѣ Торماسовъ, что онъ дѣлаетъ, куда онъ направилъ свой путь; также, гдѣ графъ Витгенштейнъ? Безъ толку и связи не только операцій, но и ничего сдѣлать невозможно

Отъ моего авангарда, то-есть, Васильчикова, получилъ рапортъ, что непріятель въ Рудяѣ и довольно силенъ. Видно, онъ насъ ожидаетъ третьяго дня; а какъ мы не пошли, онъ къ намъ, по моему, долженъ пожаловать, развѣ дурныя дороги ему помѣшаютъ.

Сейчасъ получилъ отъ исправника рапортъ, что въ Чаусахъ и въ Рясѣ, яко бы, ожидаютъ и вступили 10.000 Поляковъ. Я не вѣрю и послалъ къ Невѣровскому узнать поточнѣе. Порядокъ марша арміи я теперь послалъ министру, вы увидите.

Прощай. Весь вашъ князь Багратионъ.

30-го іюля.

Письма Ермолова къ Багратиону.

I.

(Получено 30-го іюля.)

Милостивый государь,

Князь Петръ Ивановичъ.

Я читалъ бумагу военнаго министра къ вашему сіятельству; все оправданіе нашей верѣшительности, медленности, предпринимаемыхъ не у мѣста мѣръ, есть намѣреніе продолжить, какъ думаетъ онъ, войну, дабы дать время составить новыя ополченія; намѣреніе, наиболѣе къ обстоятельствамъ приличествующее и спасительное; но я спрошу смѣло каждаго: отняты ли способы у непріятеля между тѣмъ атаковать насъ? кажется, выгода его не терять время.

Я дрожу за послѣдствіе. А ваше сіятельство не должно молчать о томъ. Вы можете говорить и даѣте. Славнѣйшая, столькими дѣлами прибрѣтенная, репутація, надежда, возможная на доверіе и любовь къ вамъ войскъ, извѣстность всей Россіи, даютъ вамъ право, которыхъ никто другой не имѣетъ, все сіе должно заставить говорить и быть услышану.

Мы не знаемъ, что мы дѣлаемъ, а, кажется, дѣлаемъ не то что надобно: дали непріятелю собрать свои силы, которыя онъ по тому даже одному употребитъ въ дѣйствіе, что, держа ихъ вмѣстѣ, нечемъ кормить, кромѣ что движеніями насъ запутаетъ, и я боюсь, чтобы опять насъ не бросили въ разныя стороны. Сдержите ваше слово, благодѣтель мой, не отставляйте отъ насъ, чтобы насъ не разрѣзали. А насъ не опасайтесь; мы съ своимъ молодечествомъ и искусствомъ не далеко уйдемъ отъ васъ. Дай Богъ попасть на Духовщину, а вамъ не худо помышлять о Дорогобужѣ. Къ намъ безпрестанно доходятъ слухи, что у непріятеля немалая сила въ Порѣччѣ, и что вчера, въ 40 верстахъ отъ туда, было очень много пѣхоты и артиллеріи; въ минуту привели камердинера одного дивизионнаго командира, въ 6 верстахъ отъ Порѣчья пойманнаго, который говоритъ, что ихъ тамъ много, и Мюратъ тамъ же. Что мы будемъ дѣлать, обо всемъ васъ, благодѣтель мой, увѣдомлю.

Ермоловъ.

(Съ оригинала.)

II.

Почтенный благодѣтель!

Я говорилъ министру о вашемъ желаніи, что арміи, имѣющей честь служить подъ вашими повелѣніями, угрожаетъ несчастье, что вы хотите сдать команду; это ему очень не понравилось; подобно происшествію трудно было бы ему растолковать въ свою пользу. Нельзя скрыть, что вы не оставили бы арміи, если бы не было несогласія, но каждый долженъ вразумиться, что частныя неудовольствія не должны имѣть мѣста въ дѣлѣ, которое требуетъ усилій и стараній общихъ. Я замѣтилъ, что это даже его испугало, ибо въ послѣдствіи надо будетъ дать отчетъ Россіи въ своемъ поведеніи. Конечно, мы счастливы подъ кроткимъ правленіемъ Государя милосердаго; но нынѣшнія обстоятельства и состояніе Россіи, выходя изъ порядка обыкновеннаго, налагаютъ на всѣхъ насъ обязанность и соотвѣшенія необыкновенныя. Не одному Государю надо будетъ дать отчетъ въ дѣйствіяхъ своихъ отечеству, но также людямъ каковы вы, ваше сіятельство, и военный министръ. Вамъ, какъ человѣку боготворимому подданными, тому, на кого возложена надежда многихъ и всей Россіи, я обязанъ говорить истину: да будетъ стыдно вамъ принимать частныя неудовольствія къ сердцу, когда стремленія всѣхъ должны быть къ пользѣ общей, что одно можетъ спасти погибающее наше отечество. Пишите обо всемъ Государю; если мой голосъ не достигнетъ до его престола, вашъ не можетъ быть не услышанъ.

III.

4-го августа.

Ваше сіятельство!

Ничего не знаетъ, даже и то, куда завтра идетъ, ждетъ извѣстія о неприятелѣ отъ Платова, а тотъ не туда послалъ, куда надобно. Неприятель отъ насъ такъ далеко, что дойти до него два марша. Одинъ корпусъ отошелъ было назадъ, предполагая, что вы не успеете къ Смоленску; массу удержалъ, нѣсколько часовъ работая, чтобы подвинуть впередъ: какъ кавалъ не дается! Что скажете Платовъ? Обманулъ моего маршала: вотъ Поръчье! Бога ради, чтобы только не перешли въ Смоленскъ чрезъ Дѣлѣръ. Можно что-нибудь успѣть сдѣлать здѣсь. Но два марша отъ неприятеля, пока дойдутъ, надобно держать его у Смоленска, а потомъ надобно и на драку время; дай Богъ вамъ терпѣнія! Батюшка князь Петръ Ивановичъ, чрезъ Дѣлѣръ не пускайте, а быть можетъ здѣсь успеетъ.

А. Ермоловъ.

(Съ оригинала.)

IV.

Ваше сіятельство,
Милостивый государь!

Вчера поутру Рудня вуста; неприятель поспѣшно оставилъ и пошелъ на Любавицы. Авангарда вашего передовые посты не знали. Вамъ не захѣлъ было идти сюда, но изъ Смоленска на Красное со всею арміей, а мы, выступя сутки прежде, были бы въ Руднѣ, и неприятель поспѣшилъ бы перейти къ Добровкѣ и Лядамъ: много разницы. Богъ знаетъ, что бы было. Мое мнѣніе, что они для сокращенія пути переправляются у устья рѣки Березины. Желалъ бы обмануться. Жаль, мы поздно узнали о ихъ движеніи; много они выиграли пути. Мы готовы идти впередъ. Готовы чистымъ сердцемъ, движеніемъ нашимъ дать вамъ помощь и своими силами помогать вамъ. Ради Бога, мостъ у Катани. Я посылаю портовъ въ Катань, надобно намъ будутъ, мы въ тылъ можемъ перейти. Если вы отступите, смоленскіе гавань, ворота, можно дерзкому начальнику ихъ удерживать, чрезъ мостъ въ Смоленскѣ можно пускать. Бродовъ отмѣкать трудно. Пушки переправятъ. Нужно выиграть время для, мы будемъ дѣйствовать изъ Навды и на Любавать. Много потеряно времени.

Ермоловъ.

(Съ оригинала.)

Письма Багратиона къ Ермолову.

I.

Получивъ вашу записку, сію минуту и спѣшу вамъ отвѣчать.—О Смоленскѣ поздно говорить, а теперь надобно знать, какъ твердо стоять. Я никакъ не думаю, чтобъ онъ сдвинулся всею арміей на насъ тотчасъ; имъ также нужно отдохнуть. Преслѣдовать можетъ какой ни на есть корпусъ ихъ. Гдѣ вы теперь остановились, мнѣ кажется, мѣста открыты и вѣрно съ поля не подойдутъ. Но если серьезно, а тотчасъ вашъ всѣмъ сердцемъ и душой. Я радъ драться и единодушно. Но позвольте сказать, что вы измѣняете мнѣ, ибо въ одну минуту двадцать переменъ. Далѣе намъ не должно идти, пусть люди отдохнутъ и надобно накормить. Берегите вашъ правый флангъ на Духовщину, чтобы туда не пробрались. Не теряйте ни минуты, собирайте ратниковъ, они намъ на разныя услуги пригодятся, а строевыхъ нашихъ возьмемъ въ строй. Пишите въ Калугу, у Милорадовича много войска, надобно ихъ присоединить сюда къ намъ. Пишите Растопщину, чтобы готовился. Я теперь стою здѣсь, хотѣлъ отойти за 8 верстъ, вѣрно, дать вамъ здѣсь мѣсто. Но какъ вы тамъ остановились, те и я уже здѣсь ближе стоять не могу, какъ теперь 12 верстъ отъ васъ. Я самъ буду у васъ послѣ обѣда непремѣнно. Ради Бога, не переменяйте помыслу, надобно какую-нибудь имѣть систему. Я все той

вѣры, что противъ васъ мѣста открытыя, они не посмѣютъ идти никакъ, чтобы себя обнаружить. Теперь дѣло Платона съ боковъ ихъ осматрѣть и даже хвостъ, ибо изъ дѣсовъ какъ они выдутъ, тогда и видно. Впрочемъ, надобно всѣмъ мужикамъ приказать, чтобы давали знать, гдѣ неприятель. Я послалъ графа Сель-При къ вамъ и самъ уже буду вѣрно.

II.

Прости государя наступать, иначе я не слуга никакъ!

Вчера скакалъ 24 версты къ Платову, думалъ застать стычку, но опоздалъ. Петръ Давыдовъ* духо атаковалъ и славно отличился. Васильчиковъ генералъ-адъютантъ—славно. Я волосы беру на себѣ, что не могу баталии дать, ибо окружаютъ меня. Ради Бога Христа, наступайте! Какъ хочешь, разбирай мою руку. Меня не возможно сдѣлали, а подызимъ. Столько письма! Вчерашній день, бѣдный мой адъютантъ Мухановъ раненъ никою въ бокъ почти смертельно.

Прощай, Христосъ съ вами, а я зипуя къ дѣлу.

III.

Ну, братъ, и ты пустился дипломатическимъ стилемъ писать.—Какой отчетъ я дамъ Россіи? Я субальтеръ и не властель, и не министръ, и не членъ совѣта. Следовательно, требовать отвѣта никто не осмѣлится. Я еще лучше скажу: годъ уже тому, что я министру писалъ и самому государю и предлагалъ, что значить оборона и въ какую пагубу насъ введетъ. Точно такъ и случилось. Однако, шутка на сторону. Распощина надобно предупредить, ополченія также. Изъ Смоленска нужно взять всѣхъ ратниковъ во фронтъ и смѣшать съ нашими. Я все дѣлаю, что должно истинно-христиански и Русскому, а болѣе бы сдѣлалъ, если бы вашъ министръ отказался отъ команды. Мы бы вчера были въ Витебскѣ, отыскали бы Витгенштейна и пошелъ бы распашнымъ маршемъ и сказали бы въ приказѣ: „Поражай, наступай. Пей, ѣшь, живи и веселись!“

А на мѣсто Витебска, вашими какими-то демонстраціями, я думаю, буду, можетъ, послѣ завтра въ Дорогобужѣ. Не дай Богъ, а такъ будетъ точно отъ мудрыхъ распоряженій вашихъ. Впрочемъ, вы болѣе подѣ отвѣтомъ, нежели я, несчастный. Главнокомандующій по новому регламенту ничего не можетъ дѣлать безъ совѣта генералъ-штаба. Если же главнокомандующій не послушаетъ, вы должны оставить документъ за подписаніемъ вашимъ. И тогда, какъ скоро неприятель подошелъ такъ близко,

Петръ Львовичъ Давыдовъ, отецъ графа В. П. Орлова-Давыдова, прозванный товарищами *capitaine-tempsête*. Отказавшись въ 1812 году отъ званія тайнаго совѣтника и камергера, онъ поступилъ въ армию майоромъ, говоря: „Я не имѣю обыкновенія выторговывать себѣ чины.“ Въ теченіе кампаніи получилъ генеральскій чинъ; умеръ въ сороковыхъ годахъ.

непростительно, что передовые посты пропустили. Надобно их непременно выгнать. Стыдно намъ терпѣть, а стыдѣте генералу передовому объ нихъ не знать. Сію минуту получилъ сей рапортъ. Это старая сказка. На что туда посылать пѣхоту, тамъ пусть остаются казаки, а батальоны обратитъ ко мнѣ. Если хотите занять Красной, тогда надобно уже послать по крайней мѣрѣ пять тысячъ пѣхоты и конницы, но и то тогда, когда мы наступательно начнемъ. Оленкии пустое говорить. Неприятель не его испугался, а узналъ, что я пришелъ; вотъ зачѣмъ онъ приостановился. Впрочемъ, я васъ увѣряю, что завтра мой Сысоевъ перейдетъ Дняпръ и потревожитъ ихъ очень съ тылу, а Платову пошлите сказать, чтобъ онъ шелъ къ нимъ въ лицо, тогда четыре полка будутъ наши.

(Продолженіе письма потеряно.)

Отвѣтъ Ермалова къ Багратиону.

(Получ. 2 августа.)

Несправедливо вкните вы меня, благодѣтель мой, будто бы я началъ писать дипломатическимъ штилемъ. Я вамъ говорю какъ человѣку, имя котораго извѣстно всемъ и всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи, тому, на котораго не безъ основанія отечество полагаетъ надежду свою, человѣку, высокоуважаемому государемъ и пользующемуся его довѣріемъ. Вы соглашаетесь на предложеніе военнаго министра; не хочу сказать, чтобы вы ему повиновались, но пусть будетъ такъ. Въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, я на колѣнахъ умоляю васъ ради Бога, ради отечества, писать государю и объясниться съ нимъ откровенно. Вы этимъ исполните обязанность свою относительно е. в. и оправдаете себя передъ Россіей. Я молодъ, мнѣ не станутъ вѣрять; если же буду писать—не заслужу вниманія, буду говорить—почтутъ недовольнымъ и оуждающимъ все, но вѣрьте, ваше сіятельство, это меня не устрашаетъ. Когда гибнетъ все, когда отечеству грозитъ не только срамъ, но и величайшая опасность, тамъ нѣтъ ни боязни частной, ни выгоды личнаго, я не боюсь и не скрою отъ васъ, что писалъ, но молчаніе, слишкомъ долго продолжающееся, служить уже доказательствомъ, что мнѣніе мое почитается мнѣніемъ молодаго человѣка. Однако я не робѣю, буду еще писать, изображаю все, что вы слышали и въ чемъ встрѣчаны вами препятствія. Я люблю васъ слишкомъ горячо, вы всегда благодѣтельствовали мнѣ, а потому я спрошу у е. в., писали-ли вы къ нему или хранили зловольное молчаніе; въ послѣднемъ случаѣ, достойнѣйшій начальникъ, вы будете кругомъ виноваты.

Если вы уже не хотите какъ человѣкъ, постигающій ужасное положеніе, въ которомъ мы теперь находимся, продолжать командованіе арміею, я, при всемъ уваженіи моемъ къ вамъ, буду называть и считать васъ не великодушнымъ. Примесите ваше самолюбіе въ жертву погибающему

отечеству нашему, уступите другому и ожидайте, пока не выяснится человекъ, какого требуютъ обстоятельства.

Пишите ваше сіятельство, или молчаніе ваше будетъ ужасно обвинять васъ.

Письмо Багратиона къ Ермолову.

Эхъ, братъ, взяли! Вотъ вамъ правый флангъ, вотъ Портьчы! Мало повѣситъ! А ты, мой милый, очень на меня напалъ и крѣпко ворчишь! Право, не хорошо! Я знаю, что любишь меня, и за то крѣпко нападаешь. Я самъ, мой другъ, тебя люблю такъ, какъ болѣе не могу. Но что мнѣ писать государю, самъ не вѣдаю. Я писалъ, что соединился, просилъ, чтобы одному быть начальникомъ, а не двумъ. Посылаю ему всѣ мои кошечія, равно и министра ко мнѣ въ конію, чтобы онъ вѣдалъ, но ни на что отвѣта не имѣю, а болѣе писать я не вѣдаю что. Если написать мнѣ прямо, чтобы далъ обѣимъ арміямъ мнѣ командовать, тогда государь подумаетъ, что я сего ищу не по моимъ заслугамъ, или талантамъ, а по единому тщеславію. А вы теперь берегитесь, чтобы Бонапарте не сдѣлалъ съ вами штуку данцигскую. Имѣйте ежедневно извѣстія отъ графа Витгенштейна. Не идутъ ли на него и на Торماسова? Посылайте теперь, какъ можно, въ Ивню и Рудню, хотя большую часть кавалеріи прогнать пѣхоту изъ Рудни. Тамъ есть еще десять полковъ кавалеріи и пѣхоты. Зачѣмъ Платова бросаете такъ далеко вправо? Его посылайте съ нашею кавалеріей на Рудню и Бабювичи. Тамъ ихъ, говорятъ, довольно очень. Тамъ надобно ихъ хорошенько пощупать. Ради Бога, думайте о продовольствіи настоящемъ и будущемъ, и рекомендую вамъ главную вещь: вы должны всѣ бумаги министра вѣзду подписывать, яко главнаго штаба начальникъ. Вы должны всю переписку знать министра съ нами, по части военной; иначе, будете отвѣчать; и поздно будетъ сказать: „Я не зналъ, мнѣ не сказали!“

(Окончаніе письма потеряно.)

Письмо Ермолова Багратиону.

(Получено 6 августа на маршѣ отъ Смоленска къ Дорогобужу).

Ваше сіятельство!

Имѣете все право насъ бранить, но только не за оставленіе Смоленска. Послѣ мы ведемъ себя героями, правда не совѣмъ благоразумно, однакоже геройски. Когда буду имѣть счастье васъ видѣть, разкажу вещи невѣроятныя. Смоленскъ надо было защищать; но замѣйте, что непріятеля нѣтъ доселѣ въ Ельнѣ, следовательно всѣ силы его были у Смоленска, а мы не были такъ сильны послѣ сучочной города обороны.

Накоонецъ, благодаря Бога, хотя разъ мы предупредили ваше желаніе Вамъ угодно было, чтобы мы остановились и дрались; прежде полученія

письма вашего, я получил уже о томъ приказаніе. Теперь, почтеннѣйшій благодѣтель, надлежитъ вамъ оказать намъ помощь. Пусть доброе согласіе будетъ залогомъ успѣха; если Богъ защищаетъ правую сторону, то омы благословитъ наше предпріятіе и будетъ намъ помощникомъ. Представьте себѣ, ваше сіятельство, что два дня рѣшатъ участь сильнѣйшей въ Европѣ имперіи, и вамъ судьба представляеть эту славу. Самая неудача не должна отнять у васъ надежды; надо противустоять до по слѣдней минуты страшнымъ усиліямъ могущественнаго соперника; одно продолженіе войны представляеть вѣрнѣйшій способъ восторжествовать надъ злодѣями нашего отечества. Боюсь, чтобъ опасность, угрожая древней нашей столицѣ, не заставила бы прибѣгнуть къ миру, но это мѣра малодушныхъ и робкихъ. Все надо съ радостью принести въ жертву, когда подъ дымящимися развалинами жилищъ нашихъ можно погребсти враговъ, ищущихъ гибели нашего отечества. Благословитъ Богъ. Умереть долженъ Россіянинъ со славой.

Письма Багратиона Ермолову.

I.

Любезный другъ Алексѣй Петровичъ!

Министръ пишетъ мнѣ, какъ измѣннику. Это истинно больно, но я не могу служить никакъ. Дѣла мои и всё движеніе не ему отдаю на судъ, но цѣлому свѣту, и сколько омы меня ни путалъ и двулично ни писалъ, я все вышелъ и выйду съ честью. Армія въ три дня у Смоленска не отъ меня. А кому должна благодарить Россія, то министръ долженъ вѣдать. Я не только огорчешъ и взбѣшенъ, но болѣе. Итакъ армія моя наполненная единодушіемъ, вѣрою, и пробравшись весьма безтолковыми направленіями отъ министра, дошла однако до цѣли. Но какъ бы то ни было, я не слуга Баркаю; ибо я до сихъ поръ думалъ: я служу государю и отечеству, а по его откошенію вижу, что ему. Итакъ я въ три дня въ Смоленскъ и армію ему отдаю. А я очень нездоровъ и съ ума сошелъ точно по милости Б. Слѣдовательно, сумасшедшій не токмо защитить отечества, но и капральствомъ не можетъ командовать. Министръ болѣе не могъ меня уже огорчить, какъ огорчилъ, и полно! Прощайте. Вамъ всѣмъ Богъ поможетъ, и дай вамъ Богъ все, и мнѣ пора въ чужой жилищъ оплакивать отечество, по мудрымъ распоряженіямъ имовѣрцевъ. Дайте знать, что у васъ дѣлается по извѣстіямъ. На Ельмю непріятеля не слышно. Я отъ васъ два дня ничего не имѣю. Что дѣлается въ Смоленскѣ? Куда они идутъ, за вами, или оставовились? Гдѣ Платовъ и какое его направленіе? Нужно намъ собрать людей. Усталыхъ много; отдохнуть надобно. Подумайте укомплектовать въ Дорогобужѣ. Пора отсылать въ Москву и дать знать, чтобы готовили людей. Равно въ Калугѣ, въ Ярославлѣ, въ Твери и гдѣ еще въ другихъ мѣстахъ. Скажите, ради Бога, зачѣмъ оставили Смоленскъ и какое намѣреніе министра? Куда мы подемъ, по крайней мѣрѣ знаете ли, что непріятель дѣлаетъ

и куда онъ пошелъ? Прошу дружески, дайте мнѣ знать обо всемъ. Надо было примѣрно наказать того офицера квартирмейстерской части, кто велъ Тучкова. Вообрази, что 8 верстъ вывелъ да еще и Горчаковъ дожидаяся до тѣхъ поръ, пока почти армія ваша пришла. Ради Бога, дай знать! Ей-Богу съ ума надо было сойти отъ безтолковщины.

Весь вашъ Багратионъ.

8 августа.

II.

Я къ вамъ писалъ два раза, нѣтъ отвѣта: прошу доложить министру, куда онъ дѣлаетъ направленіе арміи? Я писалъ къ нему, нѣтъ отвѣта. Я не понимаю, что все значить, зачѣмъ вы бѣжите такъ, и куда вы спѣшите? Бойтесь Бога, что съ вами дѣлается, за что вы мною пренебрегаете? Право, шутить не время. Ежели я пишу, надо было отвѣчать! Здѣсь навалена бездна обозовъ и всякой мелочи, равно мундиръ. Что вы не дѣлаете никакихъ распоряженій? Если вы хотите прійти сюда завтра, это напрасно. Что вамъ стоило мнѣ отвѣчать вчера о вашихъ намѣреніяхъ? Бойтесь Бога! Устыдитесь Россіи, дайте людямъ отдохнуть! Вы ихъ замучали. Ежели неприятель за вами слѣдуетъ, можно видѣть. Мѣста открытыя и далеко видны. У Ельни стоятъ мои казаки и на дорогѣ къ Рославлю. Тамъ нѣтъ ничего. Воля ваша, отсюда ни шагу назадъ, а ежели вы прочь, то я вамъ оставляю армію и поѣду тотчасъ къ государю, доясу, что это нарочно дѣлають, для гибели Россіи.

Князь Багратионъ.

Прошу ваше превосходительство доложить начальнику и дать мнѣ отвѣтъ.

9-го дня августа.

Дорогобужъ.

Письма Платова къ Ермолову.

I.

Милостивый государь,
Алексѣй Петровичъ!

Я бы три раза могъ соединиться съ первою арміею, хотя бы боемъ. Первый разъ еще чрезъ Вишневку, другой разъ чрезъ Минскъ, и третій отъ Бобруйска могъ бы правѣе чрезъ Могилевъ, Шкловъ, Оршу, когда еще неприятель не занималъ сихъ мѣстъ. Но мнѣ въ началѣ отъ Гродно еще вѣдно дѣйствовать на неприятеля во флангъ, что я исполнилъ отъ 16 іюля по 23 число, не доводя въ флангъ, даже другія части мои были и въ тылу, когда былъ маршалъ Даву при Вишневцахъ. А потомъ я получилъ повелѣніе непосредственно состоять мнѣ подъ командою князя Багратиона; тогда я, по повелѣнію его, прикрывалъ вторую армію отъ Николаева чрезъ мѣстечки: Миръ, Несвижъ, Слуцкъ и Гауцкъ до Бобруйска ежедневно, если не формальною битвою, то перепалкою. Сохра-

виль всё обозы и всю дрянь тащущуюся, а армія покойно дѣлала одны форсированныя марши до Бобруйска. Тутъ я получилъ повелѣніе отъ Михаила Богдановича слѣдовать мнѣ непремѣнно къ первой арміи. О томъ же было предписано и князю Багратиону. Тогда онъ меня отпустилъ весьма неохотно и оставилъ у себя десять полковъ: Донскихъ девять и Бугскій одинъ, хотя сказано ему только восемь оставить. Я не оспаривалъ о двухъ оставленныхъ полкахъ, пошелъ поспѣшно къ Старому Быхову, минуя въ ночь армію, по пути идущую къ Могилеву, ибо я съ войскомъ, еще не доходя до Бобруйска за двадцать верстъ, находился въ арріергардѣ. Князь Багратионъ, наглавъ меня почтою въ самомъ Старомъ Быховѣ 11 числа, объявилъ мнѣ, что будетъ имѣть генеральное дѣло съ арміей Даву при Могилевѣ, и что я долженъ остаться на два дня, ибо до сихъ резюмъ, за отдаленностію, главному начальству неизвѣстно было, что онъ меня оправдаетъ предъ начальствомъ и дастъ на то мнѣ повелѣнія. Тогда я и самъ, посуля, принявъ въ резюмъ и остался. Вотъ два дня уже и упущено. Вѣсто того, генеральнаго дѣла не было, а была 11 числа битва, и довольно порядочная. Съ обѣихъ сторонъ если не десять, то девять, съ убитыми и ранеными, пало, что мнѣ точно извѣстно. Въ нашихъ войскахъ былъ я очевидецъ; а неприятельскій уронъ на другой день узналъ я чрезъ взятаго офицера подъ Могилевомъ. Итакъ я, переправясь дѣлвръ на лѣвую сторону у монастыря Верколабова, 12-го слѣдовалъ на Дубровку, а потомъ располагалъ пробраться чрезъ Бабиновичи къ Витебску. Бабиновичи неприятелемъ уже заняты, какъ открыли мои передовые, посему судите, какъ было мнѣ скоро соединиться. А между тѣмъ получалъ я повелѣніе слѣдовать мнѣ къ Порѣчью, потому я и слѣдую направо уже отъ Бабиновичъ чрезъ Любавичи, Ияково и Маташки. На лѣвомъ моемъ флангѣ, отъ стороны Бабиновичъ, неприятель ведетъ меня на глазахъ. Увѣдомляютъ о семъ его бестіи, наши дворяне бѣлорусскіе, и часто встрѣчаются съ моими партіями, дѣлаютъ препятствія, что два часа только тому назадъ было вблизи Любавичъ. Однакоже, всюду моими молодцами прогоняются; пораженіемъ при Любавичахъ взято плѣнныхъ шесть, при разбитіи эскадрона ихъ дерзкаго. Оставляю о сихъ мелочныхъ дѣлахъ продолжать. Это было почти всякой день, а я скажу только то, что съ 16 іюня по сіе время безъ роздыха и всякій день форсированныя марши; лошади въ полкахъ притупѣли, а многихъ раненыхъ и усталыхъ брошено. Писалъ бы я вамъ болѣе, но нѣтъ уже на сей бумагѣ мѣста, и пора ѣхать вслѣдъ за полками.

Покорнѣйшій слуга
Матвѣй Платовъ.

Я служу сорокъ второй годъ, а такого колдовства, которое я вижу, не видывалъ и не ожидалъ.

7 числа іюля.
Любавичи.

II.

Я письмо къ вамъ писалъ на пекѣ, сидя на козлахъ, какъ другу. Прошу его довести до свѣдѣнія главнокомандующаго; онъ увидитъ, что мнѣ было невозможно успѣть скоро соединиться съ первою арміею. А теперь уже есть надежда соединиться черезъ два дня, развѣ отретуруется до Москвы, тогда уже не скоро навою. Боже милостивый, что съ русскими арміями дѣлается? Не побиты, а бѣжимъ! Одна со страхомъ отступаетъ, а другіихъ отдаленными дорогами отводить безъ бою. Спасалъ ее три недѣли удачно; прошу Бога, чтобы благословилъ меня и другую защитить.

III.

Милостивый государь мой,
Алексѣй Петровичъ!

Я извѣстился, будто генералъ-майоръ графъ Паленъ за 27-го числа сраженіе подавъ реалцію прямо отъ себя къ главнокомандующему арміею. Если это правда, то на чтѣ это похоже, и можно ли быть чему-либо доброму въ російской арміи? Вопервыхъ, не можетъ быть правды, кромѣ непростительнаго неповиновенія, и я могу изобличить. А восторгахъ, выведу большую исторію и неприятно будетъ для Михаила Богдановича, ежели онъ приметъ отъ него, минуя меня, похожею потачкой неповиному разврату по службѣ.

Есть и буау всегда непремѣннымъ и покорявшимся слугою.
Матвѣй Платовъ.

20 іюля, 1812 года.
На маршѣ. Николаевъ.

IV.

Милостивый государь мой,
Алексѣй Петровичъ!

Увѣдомленіе вашего превосходительства, за № 466, я получилъ, что армія остановилась въ Семлеѣ и располагается тамъ пробывать въ завтрашній день: сіе меня удивило, ибо неприятеля веду я перестрѣлкою на плечахъ, который авангардомъ своимъ прошелъ уже Славново, откуда я послалъ сего утра къ вамъ увѣдомленіе. Я теперь ретируюсь перестрѣлкою и буду примѣрно отъ Славнова въ 8 верстахъ, у моста и находящагося болота по обѣимъ сторонамъ, удерживать неприятеля всячески, ежели онъ не собьетъ меня своими орудіями и не навалится большими колоннами пѣхоты. Въ случаѣ же его усиленія, принужденъ буду отступить еще 8 верстъ, чтобы сблизиться къ генералу-лейтенанту Уварову верстъ за 5-ть, и тутъ, быть-можетъ, не удержу ли неприятеля, тѣмъ болѣе что приходитъ будетъ къ тому времени и вечеръ. Но ежели вы сего вечера

съ арміей изъ Семаева не выступите, то я не отвѣчаю за завтрашнее утро, чтобы не привести къ вамъ непріятеля весьма близко, ибо мнѣ нечего будетъ дѣлать, потому что непріятель идетъ одною большою дорогою съ великими силами. И потому я и прошу доложить главнокомандующему, чтобы весьма нужно было армію выступить сего вечера, дабы прійти утромъ къ Вязьмѣ.

Я, по долагу моему, обязанъ доложить. Надобно вѣдь мѣсто смотрѣть и нужно распорядиться, гдѣ войско построить, а на это остается только время на одинъ завтрашній день, а много послѣ завтра утро, въ разсужденіе скораго сдѣдованія непріятеля по сей дорогѣ.

Съ дѣлага фаянга моего до арміи князя Багратиона есть у меня связь и непріятель тамъ не сдѣдуетъ вблизи. На правомъ же моемъ фаянгѣ, за корпусомъ генераль-лейтенанта Багговута, офицеръ Наумовъ, возвратясь, донесъ, что и тамъ непріятель вблизи не сдѣдуетъ, а по дорогѣ, по которой я сдѣлую, непріятель идетъ въ большомъ количествѣ.

На сіе мое донесеніе я буду ожидать скорѣйшаго отъ васъ извѣдомленія.

Честь имѣю быть съ отличными почтеніемъ
вашего превосходительства покорный слуга
Матвѣй Платовъ.

Четверть четвертаго часа пополудни.
14 августа, 1812 г.

V.

Я вашему превосходительству настояще и подробно объяснить не могу о случившемся жестокомъ вымѣшній день сраженіи, у селенія Рыбки, при рѣчкѣ Осма, съ 11-го часу по утру до шестаго часу по полудни, при самомъ вечерѣ окончившемся, а скажу только то, что оно уступаетъ одной только батааліи кровопролитной.

Божескою милостію и храбростію російскихъ воиновъ удержалъ сильный корпусъ непріятельскій, о которомъ подтверждать и пѣвныя, взятые нами, кониъ я не считалъ, но есть довольное число. Съ нашей стороны убитыхъ и раненыхъ также довольное число всѣхъ полковъ; артиллерія вся была отъ меня употреблена; въ другихъ орудіяхъ и зарядовъ уже недостало, ибо непріятельскихъ орудій больше гораздо было въ дѣйствиіи противъ насъ. Перескажетъ о семъ сей податель, господивъ полковникъ Швербергъ, который былъ повсюду очевидецъ. Я поспѣшаю только о томъ дать знать, что непріятель силеяъ, и не знаю, что будетъ завтра съ моимъ авангардомъ. Но скажу и то, что я буду дѣлать то противъ его, что знаю. А ваше дѣло распорядиться арміей, какъ его принять. Это не реалія, а поспѣшное мое извѣдомленіе о жестокомъ непріятельскомъ на меня нападеніи, и за свѣдѣніе даю вамъ знать, что я во всѣхъ сраженіяхъ, прошедшихъ отъ 16-го іюня по сіе число, столько не потерялъ убитыми и ранеными доискихъ офицеровъ и казаковъ, сколько сего дня, ибо шесть разъ на сильную кавалерію непріятельскую ходили въ атаку

до самых пушекъ и съ регулярными полками, находящимися съ Розеномъ. Егеря всё были въ сильномъ огнѣ, словомъ сказать, дрались отчаянно, и участь авангарда была на волоскѣ. Я много доволея храбростию и неутомимыми трудами генералъ-майоровъ Розена и Иловайскаго пятаго.

Вашего превосходительства покорѣннѣйшій слуга
Матвѣй Платовъ.

15 августа 1812 г.
Селеніе Семлево.

VI.

Дислокаціи на сей 16-й день и увѣдомленіе ваше объ отступленіи я получилъ, и по оному исполняться будетъ. А вчерашній выговоръ мнѣ, что я сблизяюсь къ арміи будто отъ одного авангарда малаго непріятельскаго, чуть было не сразилъ до болѣзни. Теперь видите, что я правъ. Еслибъ я не бралъ своихъ мѣръ, давно бы егеря и орудія были въ непріятельскихъ рукахъ. Гдѣ было можно, не доволью удерживалъ, даже скрута голову, дрался отчаянно.

Покорѣннѣйшій слуга
Матвѣй Платовъ.

16 августа 1812 г.
Село Поляново.

Послѣ сдѣланнаго отступленія, возвратимся опять къ запискамъ Ермолова.

Отступая отъ Смоленска, сдѣлалъ я распоряженіе, чтобы всѣ раненыя, въ Вязьмѣ находившіеся, препровождены были далѣе и, по настоящему требованію главнаго по медицинской части инспектора Вилліе, долженъ я былъ давать направленіе и 2-й арміи раненымъ, дабы бесполезно не стѣснялись они на одной дорогѣ, и такъ для 1-й арміи раненыхъ назначена дорога на Волоколамскъ и по обстоятельствамъ далѣе въ Тверь, для 2-й арміи на Мещовскъ, Масальскъ, Калугу и далѣе въ Рязань. Москвѣ, столицѣ устрешенной и уже трепещущей, не долженъ я былъ дать непріятное зрѣлище нѣсколькихъ тысячъ страждущихъ.

Въ селеніе Царево Займище прибылъ князь Кутузовъ и принялъ начальство надъ 1-ю и 2-ю западными арміями. Конечно несогласіе командующихъ оными, водворилось единоначаліе.....

Здѣсь, кажется, мѣсто напомнить читателямъ разказъ Давыдова о письмахъ Ермолова къ государю, о которыхъ выше было упомянуто.

„Письма, писанныя имъ государю въ началѣ отечественной войны, вслѣдствіе особаго повелѣнія его величества и чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ коихъ находилось въ то время наше отечество, послужили, какъ извѣстно, поводомъ его врагамъ къ изобрѣтенію всевозможныхъ на него клеветъ; его обвиняли въ томъ, что онъ писалъ государю письма, въ коихъ будто бы старался поколебать довѣріе его величества къ лицамъ, казавшимся для него опасными. Я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ такихъ; но, сколько мнѣ извѣстно, письма его, большую часть которыхъ я имѣлъ возможность прочесть, заключаютъ въ себѣ лишь довольно рѣзкія указанія на нѣкоторыя ошибки Барклая, на малое довѣріе, внушенное имъ къ себѣ войскамъ, на необходимость въ единоначаліи и на дѣйствія генерала Эртеля. Эти письма были даны въ оригиналахъ государемъ Кутузову, при отправленіи сего послѣдняго въ армію. Кутузовъ, всегда любившій, особенно во время отступленія своего изъ Баваріи, Ермолова, называемаго потому *l'enfant gâté du général*, сталъ съ этого времени обнаруживать къ нему холодность и недовѣрчивость, которая еще болѣе усилилась во время отечественной войны, благодаря окружающимъ свѣтлѣйшаго; извѣстаны старанія сихъ послѣднихъ не допускать Ермолова, коему они завидовали, дѣйствовать самостоятельно и умалчивать, по возможности, о немъ въ реляціяхъ. По смерти Кутузова, эти письма перешли къ Барклаю; его окружающіе, принадлежавшіе большею частью къ партіи, которую Ермоловъ жестоко преслѣдовалъ своими насмѣшками, и потому ненавидѣвшіе его, воспользовались этими письмами, чтобъ окончательно возстановить противъ него Михаила Богдановича, который не упускалъ въ послѣдствіи случая ему, по возможности, вредить. * Вотъ истинная причина, почему

* Послѣ Кульмскаго сраженія, Барклай, старавшійся приписать всю славу побѣды, одержанной въ первый день боя, поручику Діесту, имѣлъ въ виду сдѣлать непрятность не столько графу Остерману, сколько Ермолову, который былъ обязанъ лишь ходатайству его высочества цесаревича тѣмъ, что его не обходили наградами во время войны 1813 и 1814 годовъ.

Кстати помѣстимъ здѣсь еще разказъ Давыдова, показывающій ясно, съ

Барклай невыгодно отозвался въ своемъ изображеніи военныхъ дѣйствій 1-й арміи о Ермоловѣ, который, будучи главнокомандующимъ, преданъ кн. Багратиону, никогда, впрочемъ, не выказывалъ большаго сочувствія Михаилу Богдановичу. Такимъ образомъ, обязанность, возложенная государемъ на Ермолова, обязанность трудная, опасная, на которую отваживались не многія историческія лица, потому что она никогда не оканчивалась въ пользу тѣхъ, на которыхъ возлагалась, была выполнена Ермоловымъ съ рѣдкою добросовѣстностью. Самые ожесточенные недоброжелатели его не могли сказать, чтобъ Ермоловъ написалъ что-нибудь другое государю, кромѣ какъ о нѣкоторыхъ ошибкахъ Барклая, всему свѣту извѣстныхъ и давно уже оцѣненныхъ, о вредѣ, который происходилъ отъ отсутствія единства въ командованіи арміями, и о маломъ довѣрціи, питаемомъ войсками къ главнокомандующему, что было, къ сожалѣнію, вполнѣ справедливо. Изъ участниковъ же современной эпохи Ермоловъ отозвался невыгодно лишь объ одномъ Эртелеѣ. Представляю на судъ каждаго, у кого есть капля здраваго смысла, сказать самому себѣ: много ли было на свѣтѣ людей, которые бы, взявъ на себя такую трудную роль предъ государемъ и отечествомъ, исполнили ее болѣе честно и болѣе скромно?

какою рѣшительностію Ермоловъ дѣйствовалъ, и какое поселилъ о себѣ мнѣніе въ главныхъ генералахъ:

„Однажды Барклай приказалъ Ермолову образовать легкій отрядъ. Шевичъ былъ назначенъ начальникомъ отряда, въ составъ котораго вошли и казаки, подъ начальствомъ генерала Краскова. Хотя атаманъ Платовъ былъ всегда большимъ пріятелемъ Ермолова, съ которымъ онъ находился вмѣстѣ въ ссылкѣ въ Костромѣ въ 1800 году, но онъ написалъ ему офиціальную бумагу, въ которой спрашивалъ, давно ли старшаго отдадутъ подъ команду младшаго, какъ напримѣръ Краскова относительно Шевича, и притомъ въ чужія войска? Ермоловъ отвѣчалъ ему офиціальною же бумагой, въ которой находилось между прочимъ слѣдующее: „о старшинствѣ Краскова я знаю не болѣе вашего, потому что въ вашей канцеляріи не доставленъ еще формулярный списокъ этого генерала, недавно къ вамъ переведеннаго изъ Черноморскаго войска; я, вмѣстѣ съ тѣмъ, вынужденъ заключить изъ словъ вашихъ, что вы почитаете себя лишь союзникомъ Русскаго государя, но никакъ не подданнымъ его.“ Правитель дѣлъ атамана Смирной предлагалъ ему возражать Ермолову, но Платовъ отвѣчалъ: „Оставь Ермолова въ покоѣ, ты его не знаешь, онъ въ состояніи сдѣлать съ нами то, что приведетъ нашихъ казаковъ въ сокрушеніе, а меня въ размышленіе.“

Между тѣмъ, это подало поводъ многочисленнымъ и сильнымъ врагамъ Ермолова, людямъ, большею частію, бездарнымъ и завистливымъ, упрекать его въ томъ, что онъ интриганъ, обязаный своимъ возвышеніемъ проискамъ и искательству у начальниковъ; весьма трудно согласить подобнаго рода обвиненія съ смѣлыми, рѣзкими и никому не безызвѣстными возраженіями Ермолова своимъ начальникамъ и старшимъ генераламъ, коимъ онъ часто, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, высказывалъ горькія истины. Возбудивъ этимъ противъ себя многихъ генераловъ, въ числѣ коихъ находилось не мало бездарныхъ, корыстолюбивыхъ и алчущихъ власти лицъ, онъ приобрѣлъ тѣмъ весьма сильныхъ враговъ, которые, распространяя о немъ самые неблагопріятные слухи, могли значительно повредить ему, если не въ понятіяхъ прозорливаго правительства, то въ общественномъ мнѣніи. Вообще, если достоинства человека измѣряются числомъ его враговъ, никто болѣе Ермолова не имѣлъ столь большого количества ожесточенныхъ недоброжелателей въ старшихъ и равныхъ себѣ, но безгранично преданныхъ почитателей въ своихъ подчиненныхъ.“

„Во все время отступленія арміи отъ Дриссы до Царева Займища, Ермоловъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Барклая, отдавалъ по цѣлымъ недѣлямъ приказъ по арміи. Когда Барклаю хотѣлось внести что-нибудь въ приказъ, онъ увѣдомлялъ его записками.

„Ермоловъ, оцѣнившій способности Толя, съ которымъ онъ находился въ послѣдствіи далеко не въ пріятельскихъ отношеніяхъ, ходатайствовалъ о немъ не разъ у Барклая, который, какъ извѣстно, выслалъ его однако изъ арміи въ Москву. Ермоловъ подавалъ даже Барклаю записку, въ которой онъ свидѣтельствовалъ объ усердіи и дарованіяхъ Толя, приобрѣтшаго въ послѣдствіи огромное вліяніе на Кутузова, который привезъ его съ собою въ армію.“

Приближался великій день Бородинскаго сраженія.

Въ Гжати, говоритъ Ермоловъ, прибыли войски генерала Милорадовича въ числѣ 16-ти тысячъ человѣкъ и раздѣлены по полкамъ.

.....Назначена для обѣихъ армій позиція при селеніи Бородино.....

(26 числа) послѣ князя Багратіона (получившаго тяжелую рану) принялъ команду надъ 2-ю арміей и вмѣстѣ надъ войсками, на лѣвомъ флангѣ бывшими, генераль Дохтуровъ. Холодность и равнодушіе къ опасности, свойственныя сему генералу, не замѣтили однакоже Багратіона..... Въ то самое время какъ на лѣвомъ флангѣ Дохтуровъ боролся съ превосходящими силами непріятеля, высотъ, важная по положенію своему и лично защищаемая генераль-лейтенантомъ Раевскимъ, испытывала сильнѣйшія нападенія. 18 стоящихъ орудій съ трудомъ уже противились почти четверо превосходящей артиллеріи. Уже дерзнулъ непріятель приблизиться на картечный выстрѣлъ. Безтрепетный Раевскій не взиралъ на слабое батареи прикрытіе, на грозящую ей опасность, но истощавали наконецъ снаряды его артиллеріи, и хотя стояція по сторонамъ батареи еще ее охраняли, но долго не могло продлиться таковое ея состояніе. Въ сіе время находилась я на правомъ флангѣ при князѣ Кутузовѣ на батарее, совершенно отъ опасности удаленной, которую непріятель до самаго почти вечера не почитилъ ни однимъ выстрѣломъ. Онъ запретилъ мнѣ отъ него отлучаться, равно какъ и начальнику артиллеріи 1-й арміи генераль-майору графу Кутайсову, котораго отличная храбрость увлекла уже въ средину опасности, и онъ за то на него досадовалъ. Уже время клонилось къ полудню; атаки на высоту, генераль-лейтенантомъ Раевскимъ защищаемую, усилились, охватывали и часть войскъ 6-го корпуса, справа къ ней прилежащаго. Военный министръ, всегда въ опаснѣйшихъ мѣстахъ присутствующій, былъ свидѣтелемъ упорнаго сопротивленія генераль-лейтенанта Раевского. Въ сіе самое время пріѣхалъ отъ лѣваго фланга полковникъ князь Кудашевъ съ донесеніемъ, что непріятель чрезвычайно умножилъ свои батареи, и войска наши должны были отойти на нѣкоторое разстояніе по той причинѣ, что артиллерія наша въ необходимости нашлась уступить превосходящему огню непріятеля. Князь Кутузовъ далъ повелѣніе 2-му и 4-му корпусамъ идти послѣднѣе на вспоможеніе лѣвому крылу. Мнѣ препоручилъ отправиться къ артиллеріи того фланга и привести ее въ надлежащее устройство. Начальникъ главнаго штаба 2-й арміи генераль-адъютантъ графъ Сень-При былъ раненъ, и потому въ званіи моемъ могъ я удобнѣе войти

въ распоряженіе. Графу Кутайсову объявилъ я, чтобы изъ резерва приказалъ онъ тремъ коннымъ артиллерійскимъ ротамъ слѣдовать за мною на лѣвой флангъ. Графъ Кутайсовъ непременно хотѣлъ со мною вѣхать и никакія со стороны моей убѣжденія не могли отклонить его отъ намѣренія. Прѣзжая не подалеку высоты генераль-лейтенанта Раевского, увидѣлъ я, что уже она была во власти непріятеля, батарея на оной взята имъ, бѣгущая пѣхота наша сильно преслѣдуема!

Важность пункта сего была ощутительна для каждаго и мнѣ натвердили объ оной; * я бросился къ 6-му корпусу, самому ближайшему къ высотѣ, 3-му батальону Уфимскаго пѣхотнаго полка приказалъ идти быстро впередъ, остановилъ имъ бѣгущихъ стрѣлковъ нашихъ, и отступающіе въ разстройствѣ егерскіе 18-й, 19-й и 40-й полки. Непріятель не могъ устробить захваченной артиллеріи, ибо при оной не было зарядовъ, но по обѣимъ сторонамъ взятой имъ батареи подвезены были орудія, и командуемые мною полки осыпаемы были картечью. Три конныя роты, меня сопровождавшія, остановились на лѣвомъ моемъ флангѣ, и отвлекая на себя огонь непріятеля, облегчили мнѣ доступъ къ высотѣ, которую взялъ я не болѣе какъ въ десять минутъ. Тѣлами непріятеля покрылась батарея и отлогость холма до вершины. Всѣ сопротивлявшіеся заплатили жизнью, одинъ только взятъ въ плѣнъ бригадный генералъ *Бонами*, получившій двѣнадцать ранъ штыками. Потерянные нами орудія всѣ возвращены, но уронъ со стороны моей по числу людей былъ ужасный. Слабые полки мои заставляли меня опасаться, чтобы непріятель не похитилъ пріобрѣтеннаго нами успѣха, но главнокомандующій генералъ Барклай де-Толли, видя собственными глазами близкую опасность, немедленно прислалъ два полка пѣхоты, помощью которыхъ я могъ удержаться, и между тѣмъ собрать разсѣянныхъ людей. Графъ Кутайсовъ, бывшій со мною вмѣстѣ, подходя къ батарее, отдѣлился вправо, гдѣ встрѣтивъ часть нашей пѣхоты, повелъ ее на непріятеля, но пѣхота сія обращена и онъ не возвратился. Вскорѣ прибѣжала лошадь и окровавленное сѣдло давало подозрѣніе о его смерти. Могло оставаться

* Генералъ баронъ Беннигсенъ называлъ пунктъ сей ключомъ позиціи и требовалъ, чтобы онъ укрѣпленъ былъ.

горестное утѣшеніе, что онъ раненъ и въ рукахъ непріятеля. Погасла жизнь твоя, достойный молодой человекъ! Не однимъ ближнимъ твоимъ оставлено сѣтованіе, отечество теряетъ величайшія въ тебѣ надежды! Судьбою предоставлена мнѣ была честь познакомиться тебя съ первыми войны опасностями; * мнѣ оставлена судьбою и горестъ видѣть тебя жертвою оныхъ.

Около трехъ часовъ по полудни получа картечью въ шею рану, долженъ я былъ удалиться съ батареею, сдавъ команду генераль-майору Лихачеву, котораго полки были не подалеку, и я зналъ его храбрость.

Въ пять часовъ по полудни непріятельская кавалерія, воспользовавшись отдаленіемъ нашей, овладѣла батареею генераль-майора Лихачева, которую малое число нашей пѣхоты защитить не могло, и самъ онъ достался въ плѣнъ, при чемъ взято также нѣсколько пушекъ. Не смотря на потерю сей высоты, господствующей надъ всею окрестностью, войска наши остались весьма близко оной, и непріятель, опасаясь со стороны нашей усилій къ возвращенію ея, не рѣшился поставить на ней артиллерию, которая, конечно, много бы наносила намъ вреда.

Д. В. Давыдовъ такъ описываетъ участіе Ермолова въ Бородинскомъ сраженіи:

„Нѣкоторые военные писатели приняли въ настоящее время за правило исказить событія, въ которыхъ принималъ участіе генераль Ермоловъ; они умалчиваютъ о заслугахъ сего генерала, коего мужество, способности, безкорыстіе и скромность въ донесеніяхъ слишкомъ всѣмъ извѣстны. Такъ какъ подобныя описанія не могутъ внушить никакого довѣрія, я рѣшился либо опровергать вымыслы этихъ господъ, либо сообщать моимъ читателямъ все то, о чемъ имъ неугодно было говорить. Такъ напримѣръ, въ описаніи Бородинскаго сраженія никто не далъ себѣ труда собрать всѣ свѣдѣнія о взятіи нами редута Раевского, уже занятаго непріателемъ. Почтенный Николай Николаевичъ Раевскій, именемъ кото-

* Въ 1807 г., въ первый разъ употребленъ будучи противъ непріятеля, находился онъ на командуемой мною батарее въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау. (Ерм.)

раго названъ этотъ редутъ, описывая это событіе, упоминаетъ слегка о Ермоловѣ, выставляя лишь подвиги Васильчикова и Паскевича. Отдавая должную справедливость блестятельному мужеству этихъ двухъ генераловъ, и основываясь на рапортѣ Барклая и на разказахъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, всѣ безпристрастные свидѣтели этого побоища громко признаютъ Ермолова главнымъ героемъ этого дѣла; ему принадлежитъ въ этомъ случаѣ мысль и исполненіе.

„Получивъ извѣстіе о ранѣ князя Багратіона и о томъ, что 2-я армія въ замѣшательствѣ, Кутузовъ послалъ туда Ермолова, съ тѣмъ чтобъ, ободривъ войско, привести его въ порядокъ. Ермоловъ приказалъ храброму полковнику Никитину (нынѣ генералъ отъ кавалеріи) взять съ собой три конныя роты и не терять его изъ виду, когда онъ отправится во 2-ю армію. Бывшій начальникъ артиллеріи 1-й арміи графъ Кутайсовъ рѣшился сопровождать его, несмотря на всѣ представленія Ермолова, говорившаго ему: „ты всегда бросаешься туда, куда тебѣ не слѣдуетъ: давно ли тебѣ былъ выговоръ отъ главнокомандующаго, за то что тебя нигдѣ отыскать не могли. Я ѣду во 2-ю армію, мнѣ совершенно незнакомую, приказывать тамъ именемъ главнокомандующаго, а ты что тамъ дѣлать будешь?“ Они слѣдовали полемъ, какъ вдругъ замѣтили вправо на редутѣ Раевского большое смятеніе: редутомъ овладѣли Французы, которые, не найдя на немъ зарядовъ, не могли обратить противу насъ взятыхъ орудій; Ермоловъ разсудилъ весьма основательно: вмѣсто того чтобъ ѣхать во 2-ю армію, гдѣ ему, можетъ-быть, съ незнакомыми войсками не удастся исправить ходъ дѣла, не лучше ли возстановить здѣсь сраженіе и выбить непріятеля изъ редута, господствующаго надъ всѣмъ полемъ сраженія, и справедливо названнаго Беннигсеномъ ключомъ позиціи. Онъ потому приказалъ Никитину поворотить вправо къ редуту, гдѣ они нашли уже не Паскевича, а прострѣленнаго полковника 26-й дивизіи Савоина съ разнородною массою войскъ. Приказавъ ударить сборъ, Ермоловъ мужественно повелъ ихъ на редутъ. Найдя здѣсь батальонъ Уфимскаго полка, послѣдній съ края 1-й арміи, Ермоловъ приказалъ ему идти въ атаку развернутымъ фронтомъ, чтобы линія казалась длиннѣе и ей легче было бы захватить большее число бѣгущихъ. Для большаго воодушевленія войскъ, Ермоловъ сталъ бросать по направленію къ редуту георгиевскіе кресты, случайно нахо-

дившіеся у него въ карманѣ; вся свита Барклая мужественно пристроилась къ нимъ, и въ четверть часа редутъ былъ взятъ. Наши обрасывали съ вала вмѣстѣ съ неприятелемъ и пушки; пощадъ не было никому; взятъ былъ въ плѣвъ одинъ генераль Бонами, получившій 12 ранъ. (Этотъ генераль жилъ послѣ долго въ Орлѣ; полюбивъ весьма Ермолова, онъ далъ ему письмо въ южную Францію къ своему семейству, которое онъ просилъ посѣтить. При полученіи извѣстій о побѣдахъ Франгузовъ, раны его закрывались и онъ былъ добръ и спокоенъ; при малѣйшемъ извѣстіи о неудачахъ ихъ, раны раскрывались и онъ приходилъ въ ярость.) Такъ какъ вся масса нашихъ войскъ не могла взойти на редутъ, многіе, въ пылу преслѣдованія, устремившись по глубокому оврагу, покрытому лѣсомъ и находящемуся впереди, были встрѣчены войсками Нея. Но Ермоловъ приказалъ кавалеріи, заскакавъ впередъ, гнать нашихъ обратно на редутъ. Мужественный и хладнокровный до невѣроятія Барклая, на высокомъ челѣ котораго изображалась глубокая скорбь, прибывъ лично сюда, подкрѣплялъ Ермолова войсками и артиллеріей. Въ это время исчезъ графъ Кутайсовъ, который былъ убитъ близъ редута; одна лошадь его возвратилась. Одинъ офицеръ, не будучи въ состояніи вынести тѣла, снялъ съ него знакъ Св. Георгія 3 класса и золотую саблю. (Этотъ молодой генераль, будучи полковникомъ гвардіи—15-ти лѣтъ и генераломъ—24-хъ лѣтъ, былъ одаренъ блистательными и разнообразными способностями. Проведя вечеръ 25 августа съ Ермоловымъ и Кикинымъ, онъ былъ пораженъ словами Ермолова, случайно сказавшаго ему: „мнѣ кажется, что завтра тебя убьютъ“. Будучи чрезвычайно впечатлительнъ отъ природы, ему въ этихъ словахъ неизвѣстно почему послышался голосъ судьбы.) Ермоловъ оставался на редутѣ около 3 часовъ, пока усилившаяся боль, вслѣдствіе сильной контузіи картечью въ шею, не вынудила его удалиться. Барклая написалъ Кутузову слѣдующій рапортъ о Бородинскомъ сраженіи: „Вскорѣ послѣ овладѣнія неприятелемъ всеми укрѣпленіями лѣваго фланга, сдѣлавъ онъ, подъ прикрытіемъ сильнѣйшей канонады и перекрестнаго огня многочисленной его артиллеріи, атаку на центральную батарею, прикрываемую 26-ю дивизіей. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизію; но начальникъ главнаго штаба генераль-майоръ Ермоловъ, съ свойственною ему рѣшительностью, взявъ одинъ

только 3-й батальонъ Уфимскаго полка, оставивъ бѣгущихъ и толпою, въ образѣ колоны, ударилъ въ штыки. Непріатель защищался жестоко; батареи его дѣлали страшное опустошеніе; но ничто не устояло... 3-й батальонъ Уфимскаго полка и 18-й егерскій полкъ бросились прямо на батарею, 19-й и 40-й егерскіе полки по лѣвую сторону оной и въ четверть часа наказана дерзость непріятели; батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты тѣлами непріательскими. Бригадный генералъ Бонами былъ одинъ изъ снискавшихъ пощадѣ, а непріатель преслѣдованъ былъ гораздо далѣе батареи. Генералъ-майоръ Ермоловъ удержалъ оную съ малыми силами до прибытія 24-й дивизіи, которой я велѣлъ смѣнить разстроенную атакой 26-ю дивизію.“ Барклаю написалъ собственноручное представленіе, въ которомъ просилъ князя Кутузова удостоить Ермолова орденомъ Св. Георгія 2-го класса; но такъ какъ этотъ орденъ былъ пожалованъ самому Барклаю, то Ермоловъ былъ награжденъ лишь знаками Св. Анны 1-го класса.

„Въ Бородинскомъ сраженіи принималъ участіе и графъ Федоръ Ивановичъ Толстой, замѣчательный по своему необыкновенному уму и извѣстный подъ именемъ Американца; находясь въ отставкѣ въ чинѣ подполковника, онъ поступилъ рядовымъ въ московское ополченіе. Находясь въ этотъ день въ числѣ стрѣлковъ при 26-й дивизіи, онъ былъ сильно раненъ въ ногу. Ермоловъ, проѣзжая послѣ сраженія мимо раненыхъ, коихъ везли въ большомъ числѣ на подводахъ, услышалъ знакомый голосъ и свое имя. Обернувшись, онъ, въ грудѣ раненыхъ, съ трудомъ могъ узнать графа Толстаго, который, желая убѣдить его въ полученной имъ ранѣ, сорвалъ бинтъ съ ноги, откуда струями потекла кровь. Ермоловъ исходатайствовалъ ему чинъ полковника.“

Въ другомъ мѣстѣ Давыдовъ говоритъ еще:

„...На Бородинскомъ полѣ... Ермоловъ... блистательно исторгнулъ изъ рукъ непріятели (редутъ Раевскаго).

„...Этотъ знаменитый подвигъ Ермолова... не былъ оцѣненъ Николаемъ Николаевичемъ, какъ онъ того вполне заслуживалъ. По причинамъ, для меня непонятнымъ, Раевскій, упоминая о немъ слегка, приписываетъ всю славу этого подвига Паскевичу и Васильчикову; онъ повидимому желаетъ убѣдить всѣхъ, что честь защиты этого редута и изгнанія изъ него непріятели принадлежитъ лишь подчиненнымъ ему гене-

раламъ и войскамъ. Изложивъ уже весь этотъ эпизодъ Бородинскаго побоища, я почитаю обязанностью сказать, что все мною сказанное объ этомъ основано на словахъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, изъ которыхъ многіе доселѣ живы, какъ напримѣръ, мужественный А. П. Никитинъ. Самъ фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли, весьма неблаговолившій въ послѣдствіи къ Ермолову, относилъ весь успѣхъ этого дѣла его рѣшительности и мужеству. Это же самое подтвердилъ почтенный и благородный графъ Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, сказавшій не одному мнѣ слѣдующія замѣчательныя слова о Ермоловѣ: „quoique je n'aie jamais été l'ami de coeur du général Ermoloff, je ne puis ne pas convenir, que notre armée lui doit son salut à Witebsk, Borodino et Culm; dans une foule d'autres occasions ce général a fait preuve de beaucoup de talent, de courage, de présence d'esprit et d'un rare désintéressement.“ Высокое мужество и самоотверженіе Раевскаго и его сподвижниковъ... не нуждаются въ присвоеніи чужихъ заслугъ.

„Послѣ Бородинскаго сраженія, Ермоловъ отправился съ Толемъ и полковникомъ (русскимъ, австрійскимъ и испанскимъ) Кроссаромъ съ Поклонной горы къ Москвѣ отыскивать позицію, удобную для принятія сраженія. Войска были одушевлены желаніемъ вновь сразиться съ непріателемъ; когда послѣ Бородинскаго сраженія, адъютантъ Ермолова Граббе объявилъ войскамъ отъ имени свѣтавшаго о новой битвѣ, это извѣстіе было принято всеми съ неописаннымъ восторгомъ. Отступленіе нашихъ войскъ началось лишь по полученіи извѣстія съ нашего праваго фланга, котораго непріятель сталъ сильно тѣснить и обходить. Князь Кутузовъ, желая однако оставить столицу безъ обороны, имѣлъ одно время въ виду ввѣрить защиту ея со стороны Воробьевыхъ горъ—Дохтурову, а со стороны Драгомиловской заставы—принцу Евгенію Вартембергскому. Графъ Растончинъ, встрѣтившій Кутузова на Поклонной горѣ, увидавъ возвращающагося съ рекогносцировки Ермолова, сказалъ ему: „Алексѣй Петровичъ, зачѣмъ усиливаетесь вы убѣждать князя защищать Москву, изъ которой уже все вывезено? Лишь только вы ее оставите, она по моему распоряженію выплываетъ позади васъ.“ Ермоловъ отвѣчалъ ему, что это есть воля князя, приказавшаго отыскивать позицію для новаго

сраженія. Кутузовъ, узнавъ, что посланные не наши хорошей позиціи, приостановилъ движеніе корпуса Дохтурова къ Воробьевымъ горамъ. На Показной горѣ видны доселѣ слѣды укрѣпленій, кои надлежало защищать принцу Виртембергскому. Кутузовъ отправилъ въ другой разъ къ Москвѣ Ермолова, съ принцемъ Александромъ Виртембергскимъ, Толемъ и Кроссаромъ; принцъ, отличавшійся большою ученостію, сказалъ: „en faisant creneler les murs des couvents, on aurait pu y tenir plusieurs jours.“ Возвратившись въ главную квартиру, Ермоловъ доложилъ князю, что можно было бы, не заходя въ столицу, совершать, въ виду непріятельской арміи, фланговое движеніе на Тульскую дорогу, что было бы однако не совѣтъ безопасно. Когда онъ сталъ съ жаромъ доказывать, что невозможно было принять новаго сраженія, князь, пощупавъ у него пульсъ, сказалъ ему: „здоровъ ли ты, голубчикъ.“ „Настолько здоровъ, отвѣчалъ онъ, чтобы видѣть невозможность новаго сраженія.“ Хотя на знамени томъ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, Ермоловъ, какъ видно изъ предыдущаго, былъ убѣжденъ, что новое сраженіе бесполезно и невозможно, но, будучи вынужденъ подать свой голосъ однимъ изъ первыхъ, дорожа популярностью, приобретенною имъ въ арміи, которая приходила въ отчаяніе при мысли о сдачѣ Москвы, и не сомнѣваясь въ томъ, что его мнѣніе будетъ отвергнуто большинствомъ, онъ подавъ голосъ въ пользу новой битвы. Беннигсенъ, находившійся въ весьма дурныхъ сношеніяхъ съ Кутузовымъ, постоянно предпочитавшимъ мнѣнія противоположныя тѣмъ, кои были предложены этимъ генераломъ, требовалъ того же самаго; неустрашимый и благородный Коновницынъ поддержалъ ихъ. Доблестный и величественный Барклай, превосходно изложивъ въ краткихъ словахъ матеріальныя средства Россіи, кои были ему лучше всѣхъ извѣстны, требовалъ, чтобы Москва была отдана безъ боя; съ нимъ согласился графъ Остерманъ, Раевскій и Дохтуровъ. По мнѣнію сего послѣдняго, армія, за недостаткомъ генераловъ и офицеровъ, не была въ состояніи вновь сразиться съ непріателемъ. Графъ Остерманъ, питавшій большую неприязнь къ Беннигсену съ самаго 1807 года, спросилъ его: „Кто вамъ поручится въ успѣхъ боя?“ На это Беннигсенъ, не обращая на него вниманія, отвѣчалъ: „Еслибы въ этомъ сомнѣвались, не состоялся бы военный совѣтъ, и вы не были бы приглашены сюда.“ Вернувшись послѣ совѣта на

свою квартиру, Ермоловъ нашелъ ожидавшаго его артиллеріи поручика Фиггера, столь знаменитаго въ послѣдствіи по своимъ вполнѣ блистательнымъ подвигамъ. Этотъ офицеръ, уже украшенный знаками Св. Георгія 4-го класса за смѣлость, съ которою онъ измѣрялъ ширину рва Рущукской крѣпости, просилъ о дозволеніи остаться въ Москвѣ для собранія свидѣній о непріятелѣ, вызываясь даже убить самого Наполеона, если только представится къ тому возможность. Онъ былъ прикомандированъ къ штабу и снабженъ на Боровскомъ перевозѣ подорожною въ Казань. Это было сдѣлано затѣмъ, чтобы слухъ о его намѣреніяхъ не разгласился въ армію.

Возвращаемся къ повѣствованію самого Алексѣя Петровича о событіяхъ, слѣдовавшихъ за Бородинскою битвою:

1 числа сентября армія наша непримѣтно приблизилась къ самымъ стѣнамъ Москвы. Мѣсто, на которомъ расположилась армія, простиралось отъ урочища, называемаго Фили, чрезъ рѣчку Карповку, Воробьевы горы, почти до самой Калужской дороги..... Князь Кутузовъ показывалъ видъ, что непременно хочетъ дать сраженіе....

Всѣмъ очевиднымъ недостаткамъ мѣстоположенія никто не хотѣлъ противостать. Господа генералы молчали и конечно не отъ того, чтобы многіе могли разумѣть, что князь Кутузовъ обманываетъ обѣщаніемъ защищать Москву. Онъ спросилъ меня по прибытіи на мѣсто, каковою нахожу я позицію? Я отвѣчалъ, что о мѣстѣ, назначаемомъ для 60 или 70 тысячъ человекъ, по одному взгляду рѣшить не можно, что однакоже примѣтны въ немъ такого рода недостатки, что усомниться должно въ возможности на немъ удержаться. Онъ взялъ меня за руку, оцупалъ пульсъ и сказалъ, здоровъ ли я? Подобный вопросъ не вызвалъ меня на скромный отвѣтъ, и я съ нѣкоторою живостію возразилъ, что мѣсто таково, что на немъ драться онъ не будетъ, или въ короткое время разбить будетъ совершенно. Кутузовъ не хотѣлъ даѣе раздражать меня оскорбленіями, ласково приказалъ мнѣ, взявъ съ собою генераль-квартирмейстера Толя, осмотрѣть ту же самую позицію и довести ему о ея недостаткахъ, а потомъ, буде найдется другая, предложить объ оной. Со мною также обѣзжалъ позицію г. Кроссаръ, принятый въ службу нашу

полковникъ, служившій прежде долго въ Австріи и Гиспаніи, человекъ съ дарованіями. Я самъ сдѣлалъ рисунокъ позиціи и объяснилъ ея порочность. Кутузову доложилъ я, что тутъ же есть другая позиція, хотя также съ большими недостатками, но то важное имѣющая преимущество, что отступление безопасно и не чрезъ весь городъ, но чрезъ нѣкоторую только часть Замоскворѣчья и не переправляясь рѣки, прямо на Тульскую дорогу (и проч. и проч.)..... Кутузовъ, все выслушавъ благосклонно, ничего однакоже не сказалъ..... Я нашелъ Кутузова съ графомъ Раstopчиннымъ, съ коимъ онъ объяснялся весьма долго. Графъ говорилъ мнѣ, что онъ не понимаетъ, почему Кутузовъ усиливается непремѣнно защищать Москву... что вывезены всѣ сокровища..... Нѣсколько передъ тѣмъ двѣ клялся Кутузовъ сдѣлами своими волосами, что непріятель путь къ Москвѣ долженъ проложить чрезъ его тѣло... Онъ не зналъ, какъ сложить съ себя вину оставленія Москвы.... Онъ подробно пересказалъ мнѣ разговоръ свой съ Раstopчиннымъ и со всею невѣдомостію увѣрялъ меня, что до того времени не зналъ онъ, что непріятель пріобрѣтеніемъ Москвы никакихъ не снщуетъ выгодъ, что подлинно оставить ее можно, и спросилъ у меня на то мнѣнія. Я боялся повторенія испытаній моего пульса, замолчалъ, но когда приказалъ онъ мнѣ говорить, я отвѣчалъ ему, что если отступить, то для соблюденія наружности приказалъ бы въ честь древней столицы арріергарду нашему дать сраженіе.

День кончился уже къ вечеру, и объ оставленіи Москвы еще неизвѣстно было. Военный министръ, призвавъ меня къ себѣ, объяснилъ мнѣ причины, по которымъ отступление полагаетъ онъ необходимымъ, причины самыя ясныя и основательныя, противъ которыхъ возразить было невозможно. Никогда не слышалъ я его столь благоразумно разсуждающаго. Онъ пошелъ къ Кутузову и мнѣ приказалъ идти за собою. Барклаю-де-Толли болѣе нежели кому-либо извѣстны были обстоятельства. Въ восхищеніи былъ Кутузовъ отъ сего предложенія, ибо не первый онъ его сдѣлалъ и имѣлъ на кого возложить вину, а дабы болѣе отклонить отъ себя упреки, приказалъ созвать совѣтъ, и въ восемь часовъ вечера назначено для сего время.

(На совѣтъ) Барклаю-де-Толли предлагалъ взять направленіе на Владимиръ, дабы схранить сообщеніе съ Петербур-

гомъ и особенно царскою фамиліею. Кутузовъ приказалъ мнѣ, или по званію моему, или потому что я младшій, объяснить мое мнѣніе. Я убѣжденъ былъ основательнымъ предложеніемъ военнаго министра, которому можно было противорѣчить въ одномъ направленіи на Владимиръ въ единственномъ намѣреніи сохранить сообщеніе съ Петербургомъ, ибо оно отдавало во власть непріятели всѣ поуденныя наши области и знатныя готовые уже для арміи запасы. Гораздо важнѣе было не потерять сообщенія съ ними и арміями генерала Тормасова и адмирала Чичагова, потому что царская фамилія могла, при малѣйшей грозящей ей опасности, выѣхать въ Казань или сѣверныя губерніи, не поработая армію невыгодному направленію. Не смѣлъ я, какъ офицеръ, весьма мало извѣстный, дать согласіе мое на оставленіе столицы. Не хочу, однакоже, защищать мнѣнія моего, ибо оно было неосновательно, но страшась упрека соотечественниковъ, далъ я голосъ атаковать непріятели. Девятьсотъ верстъ непрерывнаго отступленія, говорилъ я, не приучили непріятели къ подобнымъ со стороны нашей движеніямъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ распоряженіи войскъ его произойдетъ большое замѣшательство, которымъ его свѣтлости, какъ искусному полководцу, предажить воспользуются, и что, конечно, сіе произведетъ оборотъ въ дѣлахъ нашихъ *. Князь Кутузовъ съ непріятностію отвѣчалъ мнѣ, что потому даю я такое мнѣніе, что не на мнѣ лежитъ отвѣтственность. Генералъ Бендигсенъ, извѣстный знаніемъ военнаго искусства и опытностію своею, хотя удивилъ меня, давъ мнѣніе, съ моимъ согласующееся, но я не могъ усомниться, что онъ основываетъ его на вѣрнѣйшихъ жеделахъ и расчетахъ.

.....Пріѣхавшему послѣ всѣхъ генераль-лейтенанту Раевскому приказано мнѣ было пересказать предложеніе военнаго министра и каждаго особенно мнѣніе, и онъ отвѣчалъ, что обстоятельства, военнымъ министромъ объясняемая, достаточно склонить его къ мнѣнію оставить Москву.... Приказано сдѣлать диспозицію къ отступленію.... къ Рязанской заставѣ...

* Мнѣніе мое атаковать непріятели основано было на необходимости дать сраженіе, ибо Кутузовъ не переставалъ утверждать того; итакъ, взявъ сіе за основаніе, я только избиралъ способъ и всеконечно лучше было не ожидать нападенія въ порочной позиціи. (Ерм.)

....Неприятель въ положенное по условію время вошелъ безъ боя, не препятствовалъ выходить обозамъ арміи и даже самимъ жителямъ, занялъ тотчасъ всѣ заставы, и Москву оставили мы въ рукахъ его.

Тщательно наблюдавъ я дѣйствіе, которое произвело надъ войсками оставленіе Москвы, и сверхъ чаянія замѣтилъ, что солдатъ не терялъ духа и далеко былъ ропота....

Въ городѣ Гжатскѣ перемѣнилъ Кутузовъ распоряженіе мое о больныхъ и раненыхъ, и разосланнымъ отъ себя офицерамъ приказалъ отовсюду свозить ихъ въ Москву. Ихъ было до 26 тыс. человекъ. Въ послѣднюю ночь послалъ я къ коменданту, чтобъ объявилъ онъ имъ, что оставляемъ мы Москву, и чтобы тѣ, кои въ силахъ, удалились.

....Около вечера слышны были въ Москвѣ два взрыва пороха и пожаръ ужаснѣйшій далеко освѣщаль окрестности. Исполнилъ обѣщаніе свое графъ Растончинъ!..

Неприятель покореніемъ столицы мнить, поколебавъ твердость Россіявъ, достигнуть славнаго для себя мира. Онъ не находитъ столицы и вмѣсто мира видитъ народную войну, подъ ужасающими его признаками возгорающуюся. Мнить стяжать сокровища, награду воиновъ за понесенные труды,— ихъ не обрѣтаеть.... За чтѣ отнимать у себя славу пожертвованія столицей? Справедливый неприятель у насъ ея не похищаетъ! Всѣ доселѣ народы, счастію Наполеона двадцать лѣтъ покорствующіе, не явили подобнаго примѣра. Судьба сберегла его для славы Россіявъ! Двадцать лѣтъ побѣждая всѣ противоборствующіе народы, въ торжествѣ неоднократно проходилъ Наполеонъ столицы ихъ. Черезъ Москву единую лежалъ ему путь къ вѣчному стыду и сраму! Въ первый разъ устрешенная Европа осмѣлилась увидѣть въ немъ человекъ!

.

Армія, 3-го числа сентября имѣвъ растахъ, пошла по Рязанской дорогѣ къ Боровскому перевозу чрезъ Москву рѣку. *

* Давыдовъ разказываетъ здѣсь слѣдующій случай:

„На второмъ переходѣ послѣ выступленія изъ Москвы, армія наша достигла такъ-называемаго Боровскаго перевоза. Здѣсь арріергардъ былъ задержанъ столпившимися на мосту, въ страшномъ безпорядкѣ, обозами и экипажами частныхъ лицъ; тщетны были просьбы и приказанія начальниковъ, которые, слыша со стороны Москвы пушечные выстрѣлы

.....
Армія расположилась у города Подольска.... Растахъ....

Армія спокойно прибыла къ селу Красная Пахра (на Калужской дорогѣ).... отошла къ селу Воронову и наконецъ въ Тарутино....

.....
Въ Тарутинѣ возвратился артиллеріи капитанъ Фигнеръ, отпавленный мною изъ Подольска въ Москву. Предпримчивый и храбрый сей офицеръ взялся развѣдать о непріятелѣ, и буде бы возможность была, хотѣлъ вкратиться въ свиту Наполеона. Онъ, бывши въ Москвѣ, возвратился къ передовымъ войскамъ, подъ командою генераль-лейтенанта

и не зная о истинномъ направленіи непріятеля, горюшшею продвинутъ арріергардъ; но обозы и экипажи, занимая мосты и не пропуская войскъ, нисколько сами не подвигались. Въ это время подѣхалъ къ войскамъ Ермоловъ; онъ тотчасъ приказалъ командру артиллерійской роты, здѣсь находившейся, сняться съ передковъ и обратитъ дула орудій на мостъ, при чемъ имъ было громко приказано зарядитъ орудія картечью и открыть по его командѣ огонь по обозамъ. Ермоловъ, сказавъ на ухо командру, чтобы не заряжалъ орудій, скомандовалъ: *пальба перел.* Хотя это приказаніе не было приведено въ исполненіе, но испуганные обозники, бросившись частію въ рѣку, частію на берегъ вмигъ очистили мостъ, и арріергардъ благополучно присоединился къ главной арміи, Лейбъ-медикъ Вилье, бывшій свидѣтелемъ всего этого, называлъ Ермолова: „homme aux grands moyens“.

„Бывшій дежурный генералъ 2-й арміи Маринъ, авторъ весьма многихъ комическихъ стихотвореній, часто посѣщалъ Ермолова, о которомъ онъ говорилъ: „я люблю сего Ахилла въ гнѣвѣ, изъ устъ котораго никогда не вырывается ничего оскорбительнаго для провинившагося подчиненнаго“.

Приводимъ здѣсь еще слѣдующую замѣтку самого Ермолова. „Направленіе на Владимиръ, военнымъ министромъ предложенное, отмѣвлено, и опредѣлено перейти на Тульскую дорогу. Для сего надлежало предпринять флажговой маршъ, вблизи отъ непріятеля не безопасный. Въ продолженіи кампаніи 1812 года движеніе сіе было рѣшительнѣйшее и наиболѣе приличествующее обстоятельствамъ, а потому весьма многіе несправедливо приписываютъ себѣ честь сего предложенія, хотя еще подъ Москвою было разсуждаемо о томъ, можно ли съ Воробьевыхъ горъ перейти на Тульскую и даже на самую Калужскую дорогу, а въ теперешнемъ случаѣ мысль сія принадлежитъ генералу барону Беннигсену, и я свидѣтелемъ былъ, что онъ говорилъ о томъ князю Кутузову“.

Раевского, и объявилъ, что посланъ отъ меня. Генералъ-лейтенантъ Раевскій, знаяши его въ Молдавіи, далъ ему небольшую команду кавалеріи, съ которою овъ отправился на дорогу между Можайскомъ и Москвою. Скрывъ отрядъ свой и осмотрѣвъ идущія непріятельскія шесть орудій съ небольшимъ прикрытіемъ, напалъ на нихъ при селеніи Вязьмѣ и взялъ въ плѣнъ, гдѣ по близости расположенный непріятель, увѣдомленъ будучи о происшествіи, не успѣлъ прійти на избавленіе. Фигнеръ * былъ первый изъ партизановъ, употреб-

* Приводимъ два документа, касающіеся этого храбраго офицера.

I.

Его свѣтлости высокопозелительному г. генералъ-фельдмаршалу, главнокомандующему всѣми арміями, князю Голицыну-Кутузову

Начальника главнаго штаба 1-й арміи генералъ-майора Ермолова рапортъ.

Вчерашній день я имѣлъ честь предупредить г. дежурнаго генерала всѣхъ армій для доклада вашей свѣтлости о дѣйствіяхъ отряженной съ артиллеріи штабсъ-капитаномъ Фигнеромъ партіи; нынѣ рапортъ его въ подлинникъ имѣю честь представить вашей свѣтлости.

Сей офицеръ, извѣстный своею предприимчивостью и прежними отличными дѣйствіями, былъ употребляемъ мною въ полной увѣренности, что овъ воспользуется первымъ случаемъ, чтобы доказать свое рвеніе къ пользѣ службы. Дѣйствіе его, но лучше свидѣтельство самыхъ плѣнныхъ, вполне оправдали сдѣланный мною выборъ и выказали всѣ его способности.

Благоволите, ваша свѣтлость, вознаградить труды сего офицера, имѣющаго единымъ предметомъ пользу службы своего государя, и обратить благосклонное вниманіе свое на его усердіе, заслуживающее величайшихъ похвалъ. Простите также смѣлость моего предложенія о томъ, что надо отградить сего отличнаго офицера съ большею партіей, избравъ ему предприимчивыхъ офицеровъ, дабы малочисленность конницы его не ослабила его дѣятельности и не выкудила его часто по необходимости скрываться въ лѣсахъ.

Генералъ-майоръ Ермоловъ.

№ 490.

сентября 25, 1812.

II.

Г. начальнику главнаго штаба 1-й западной арміи генералъ-майору и кавалеру Ермолову

Артиллеріи штабсъ-капитана Фигнера рапортъ.

Вѣреннѣйшій мнѣ отрядомъ о причиненіи непріятелю вреда донести честь имѣю слѣдующее: 1) въ окрестностяхъ Москвы истреблены всѣ продо-

левый при большой армии. Успѣхи его, въ которыхъ много способствовали ему вооруженные имъ поселяе, дали мысль Кутузову умножить число партизановъ.....

Въ Подольскѣ генераль-лейтенантъ Кововицынъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при князѣ Кутузовѣ. Генераль сей,

по новому званію своему, входилъ въ мою должность и обязанности, непосредственно на мнѣ лежащія, которыя прежде обличали меня съ Кутузовымъ

. . . Князь Кутузовъ произведенъ былъ послѣ Бородинскаго сраженія въ фельдмаршала, и вмѣстѣ съ возвышеніемъ симъ почелъ необходимымъ создать дежурнаго при себѣ генерала, дабы управленіе арміями не оставить въ рукахъ генерала Беннигсена, который состоялъ при немъ въ званіи начальника главнаго штаба всѣхъ дѣйствующихъ армій. По полученіи извѣстія о смерти достойнѣйшаго генерала князя Багратиона, 2-я армія хотя и существовала по имени, но штабъ оной былъ уничтоженъ и присоединенъ къ штабу 1-й западной арміи, и я наименованъ начальникомъ главнаго штаба обѣихъ армій.

22-го числа сентября военный министръ Барклай-де-Толли оставилъ армию и поѣхалъ въ Калугу и далѣе. Я зналъ намѣреніе его и для того не задолго предъ его отъѣздомъ подалъ рапортъ, что чувствую себя къ отправленію моей должности неспособнымъ и прошу возвратить меня въ армию.

вольтеріа; 2) въ селахъ, лежащихъ между Тульскою и Звенигородскою дорогою, побито до 400 человекъ; 3) на Можайской дорогѣ взорванъ паркъ, шесть батарейныхъ орудій приведены въ совершенную негодность, а 18 ящиковъ, симъ орудіямъ принадлежащихъ, взорваны. При орудіяхъ взяты: полковникъ, 4 офицера и рядовыхъ 58, убито офицеровъ три и великое число рядовыхъ.

Не смотря на чрезвычайную трудность путей, офицеры наблюдали въ своихъ командахъ совершенный порядокъ. Отъ чего въ самыя мрачныя ночи въ лѣсахъ, едва днемъ сквозящихъ, марши были быстры, а слѣдствія оныхъ неприятелю губельны. Переноса равнодушно холоды и стужу, презирая опасность среди многочисленнѣйшаго неприятеля, они поселяли твердость и надежду въ солдатахъ. Уронъ, понесенный симъ отрядомъ состоитъ въ одномъ убитомъ и двухъ легко раненыхъ.

Артиллеріи штабъ-капитанъ Фигмеръ.

(?) дня 1812 года.

Онъ представлялъ былъ въ подлинникѣ фельдмаршалу, но никакого не послѣдовало отвѣта. Въмѣстѣ съ Барклаемъ-де-Толли уѣхалъ и правитель собственной канцеляріи его, флигель-адъютантъ гвардіи полковникъ Закревскій, офицеръ отличныхъ и благороднѣйшихъ свойствъ, съ которыми былъ я пріятель, и вмѣстѣ раздѣляли и горести неудачной войны и пріятныя въ оной минуты, и я, кромѣ достойнаго дежурнаго генерала 1-й арміи флигель-адъютанта Кикина, не видалъ никого желающаго мнѣ добра, и положеніе мое часть отъ часу дѣлалось болѣе непріятнымъ. Генерал-лейтенантъ Коновницынъ возмечталъ, что я долженъ обрабатывать часть дѣлъ, собственно до него относящихся. Я нѣкоторое время дѣлалъ то съ терпѣніемъ

Онъ вмѣстѣ съ полковникомъ Толемъ вредилъ мнѣ у Кутузова, и расположеніе ко мнѣ и вниманіе, всѣми замѣченное, уничтожали. Онъ охладѣлъ ко мнѣ, я не искалъ его милостей и старался отдалиться отъ главной квартиры, въ которой я не жилъ во все время пребыванія арміи въ Тарутинѣ и не иначе появлялся, развѣ приказано мнѣ бывало. Я посѣщалъ Коновницына, и въ то же время имѣлъ съ нимъ переписку, въ которой онъ ничего у меня не выигрывалъ.

Въ такихъ отношеніяхъ съ Коновницынымъ и Толемъ, могущественными людьми настоящаго времени, я былъ совершенно празденъ, и мнѣ оставалось быть свидѣтелемъ разныхъ интригъ главной квартиры, вражды между Кутузовымъ и генераломъ Беннигсеномъ, которую возбуждалъ полковникъ Толь единственно въ намѣреніи, отдавая его вліяніе на Кутузова, сохранить надъ нимъ власть свою. Званіе начальника главнаго штаба оставалось еще при мнѣ, и не взирая на повторенный мною о неспособности рапортъ, я не могъ получить увольненія отъ онаго *.

Сраженія Тарутинское и Малоярославецкое описаны у Давыдова съ большими подробностями чѣмъ у Ермолова, и мы считаемъ цѣлесообразнѣе представить прежде его разказъ:

* Давыдовъ разказываетъ объ этомъ такъ: „Извѣстно, что въ Тарутинѣ Коновницынъ, назначенный дежурнымъ генераломъ всѣхъ армій, отказывался отъ своей новой должности подъ предлогомъ, что она была выше его силъ; Кутузовъ думалъ дать ему въ помощники Ермолова, который, не желая служить секретаремъ Коновницыну, настоятельно

„Главная квартира Кутузова находилась, какъ извѣстно, въ Леташевкѣ, а Ермоловъ съ Платовымъ квартировали въ разстояніи одной версты отъ этого села. Генералъ Шенелевъ далъ 4 числа большой обѣдъ, всѣ присутствовавшіе были очень веселы, и Николай Ивановичъ Денперадовичъ пустился даже плясать. Возвращаясь въ 9-мъ часу вечера въ свою деревушку, Ермоловъ получилъ чрезъ ординарца князя Кутузова, офицера Кавалергардскаго полка, письменное приказаніе собрать къ слѣдующему утру всю армію для наступленія противъ непріятели. Ермоловъ спросилъ ординарца, почему это приказаніе доставлено ему такъ поздно, на чтò онъ отозвался незнаемъ, гдѣ находится начальникъ главнаго штаба. Ермоловъ, прибывъ тотчасъ въ Леташевку, доложилъ князю, что, по случаю позднаго доставленія приказанія его свѣтлости, армію невозможно собрать въ столь короткое время. Князь очень разсердился и приказалъ собрать всѣ войска къ 6-му числу вечеромъ; вопреки увѣреніямъ генерала Михайловскаго-Данилевскаго, князь до того времени и не выѣзжалъ изъ Леташевки. Въ назначенный вечеръ, когда уже стало смеркаться, князь прибылъ въ Тарутино. Беннигсену, предложившему весь планъ атаки, была поручена вся колонна, которая была направлена въ обходъ; въ этой колоннѣ находилась и 2-й корпусъ. Кутузовъ съ свитой, въ числѣ которой находились Раевскій и Ермоловъ, оставался близъ гвардіи; князь говорилъ при этомъ: „вотъ просятъ наступленія, предлагаютъ разные проекты, а чуть приступишь къ дѣлу, ничего не готово, и предупрежденный непріятель, принявъ свои мѣры, заблаговременно отступаетъ.“ Ермоловъ, понимая, что эти слова относятся къ нему, толкнулъ колѣномъ Раевскаго, которому сказалъ: „онъ на мой счетъ забавляется.“ Когда стали раздаваться пушечные выстрѣлы, Ермоловъ сказалъ князю: „время не

просилъ перевода своего во фронтъ. Фельдмаршалъ потребовалъ ихъ обоихъ къ себѣ; передразнивая ихъ, онъ сказалъ имъ: „Одинъ увѣряетъ что не можетъ, а другой все можетъ, да не хочетъ, я о васъ обоихъ напишу государю“. Ермоловъ, не пользовавшійся въ то время довѣріемъ Кутузова, будучи нѣкогда самъ начальникомъ главнаго штаба арміи и вполне сознававшій свое значительное превосходство надъ Кювоницкимъ, возымѣлъ твердое намѣреніе перейти во фронтъ, чтò, какъ извѣстно, не состоялось, ибо для этого необходимо было въ то время указъ сената.“

упущено, непріятель не ушелъ; теперь, ваша свѣтлость, намъ надлежитъ съ своей стороны дружно наступать, потому что гвардія отсюда и дыма не увидитъ.“ Кутузовъ скомаандовалъ наступленіе, но чрезъ каждые сто шаговъ войска останавливались почти на три четверти часа; князь видимо избѣгалъ участія въ сраженіи. Мѣсто убитаго ядромъ Багговута заступилъ мужественный принцъ Евгенийъ Виртембергскій, который сталъ у головнаго полка. Ермоловъ послалъ сказать чрезъ капитана квартирмейстерской части Ховена графу Остерману, чтобъ онъ слѣдовалъ съ своимъ корпусомъ быстрѣе. Остерманъ выслалъ къ назначенному мѣсту лишь полковыя знамена при ста рядовыхъ. Беннигсенъ, выведя войска къ мѣсту боя, вернулся назадъ; еслибы князь Кутузовъ сдѣлалъ съ своей стороны рѣшительное наступленіе, отрядъ Мюрата былъ бы весь истребленъ. Фельдмаршалъ, окруженный многими генералами, ѣхавшими верхомъ, возвратился вечеромъ въ коляскѣ въ Леташевку. Онъ сказалъ въ это время Ермолову: „голубчикъ, непріятель понесъ большую потерю, имъ оставлено много орудій въ лѣсу.“ Кутузовъ, не распросивъ о ходѣ дѣла у главнаго виновника побѣды Беннигсена, послалъ государю донесеніе, въ которомъ вмѣсто 19 орудій, взятыхъ у непріятеля, показано было 38. Съ этого времени вражда между Беннигсеномъ и Кутузовымъ достигла крайнихъ размѣровъ и уже никогда не прекращалась.“

О сраженіи при Малоарославцѣ Давыдовъ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

„Князь Кутузовъ, получивъ извѣстіе чрезъ Дорохова о приближеніи сильной непріятельской колонны, отправилъ изъ Тарутина къ Оминскому корпусъ Дохтурова съ начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи Ермоловымъ. Передъ выступленіемъ своимъ, Ермоловъ приказалъ Фигнеру и Сеславицу слѣдовать по направленію къ Оминскому, съ тѣмъ чтобы собрать свѣдѣнія о непріятелѣ. Фигнеру не удалось перейти Лужу, тщательно охраняемую непріятельскими пушками. Сеславинъ успѣлъ перейти рѣку и приблизиться къ Боровской дорогѣ; здѣсь оставивъ назади свою партію, онъ пѣшкомъ пробрался до Боровской дороги сквозь лѣсъ, на которомъ еще было немного листвьевъ. Достигнувъ дороги, онъ увидалъ глубокія непріятельскія колонны, слѣдовавшія одна за другою къ Боровску; онъ замѣтилъ самого Напо-

леона, окруженнаго своими маршалами и гвардіей. Неутомимый и безстрашный Сеславинъ, выхвативъ изъ колонны старой гвардіи уатерь-офицера, связавъ его, перекинулъ чрезъ сѣдло, и быстро направился къ корпусу Дохтурова. Между тѣмъ Дохтуровъ съ Ермоловымъ, не подозрѣвая выступленія Наполеона изъ Москвы, слѣдовали на Аристово и Оминское. Продолжительный осенній дождь совершенно испортилъ дорогу; большое количество батарейной артиллеріи, слѣдовавшей съ корпусомъ, замедляло его движеніе. Ермоловъ предложилъ Дохтурову оставить здѣсь эту артиллерію не доходя верстъ 15 до Аристова; отсюда, находясь въ близкомъ разстояніи отъ Тарутина и Малоарославца, она могла быстро поспѣть къ пункту, гдѣ въ ея дѣйствиіи могла встрѣтиться надобность, а между тѣмъ успѣла бы отдохнуть. Дохтуровъ не замедлилъ изъявить свое на то согласіе, и корпусъ его къ вечеру прибылъ въ Аристово; самъ Дохтуровъ расположился на ночлегъ въ деревнѣ, а Ермоловъ съ прочими генералами остался на бивакахъ. Уже наступила полночь, и чрезъ нѣсколько часовъ весь отрядъ, исполняя предписаніе Кутузова, долженъ былъ выступить къ Оминскому. Вдругъ послышался конскій топотъ и раздались слова Сеславина: „гдѣ Алексѣй Петровичъ? Явившись къ Ермолову, Сеславинъ, въ сопровожденіи своего пѣвника, разказалъ все имъ видѣнное; пѣвныи подтвердилъ, что Наполеонъ, выступивъ со всею арміей изъ Москвы, долженъ находится въ довольно близкомъ разстояніи отъ нашего отряда. Это извѣстіе было столь важно, что Ермоловъ, приказавъ тотчасъ отряду подыматься и становиться въ ружье, лично отправился на квартиру Дохтурова. Этотъ безстрашный, но далеко не рѣшительный генералъ, извѣстясь обо всемъ этомъ, пришелъ въ крайнее замѣшательство. Онъ не рѣшался продолжать движеніе къ Оминскому, изъ опасенія наткнуться на всю непріятельскую армію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялся отступленіемъ изъ Аристова навлечь на себя гнѣвъ Кутузова за неисполненіе его предписанія. Въ этотъ рѣшительный моментъ Ермоловъ, какъ и во многихъ другихъ важныхъ случаяхъ, является ангеломъ-хранителемъ русскихъ войскъ. Одиный взглядъ его превосходно оцѣнилъ всѣ обстоятельства, и онъ, именемъ главнокомандующаго и въ качествѣ начальника главнаго штаба арміи, приказалъ Дохтурову спѣшить къ Малоарославцу. Принявъ на себя всю

отвѣтственность за неисполненіе предписаній Кутузова, онъ послалъ къ нему дежурнаго штабъ-офицера корпуса Болховскаго *, которому было поручено лично объяснить фельд-маршалу причины, побудившія измѣнить направленіе войскъ, и убѣдительно просить его поспѣшить прибытіемъ съ арміей къ Малоярославцу. Ермоловъ совѣтовалъ Дохтурову захватить съ собою, во время движенія своего на Малоярославецъ, всю оставленную баттарейную артиллерію; самъ Ермоловъ съ 1 кавалерійскимъ корпусомъ барона Меллера-Закомельскаго и съ конною ротой полковника Никитина, желая лично удостовѣриться въ справедливости показаній Сеславима, двинулся по направленію къ селу Катову, гдѣ былъ расположенъ отрядъ генерала Дорохова. Услыхавъ перестрѣлку, которую Дороховъ завязалъ съ непріятельскими пикетами, Ермоловъ послалъ ему сказать, чтобъ онъ тотчасъ ее прекратилъ. На это Дороховъ отвѣчалъ: „Еслибъ Алексѣй Петровичъ находился самъ здѣсь, онъ бы поступилъ точно такъ же, какъ и я.“ Опрокинувъ непріятельскіе пикеты, Дороховъ наткнулся на сильныя резервы; Ермоловъ, увидавъ это и боясь быть разбитымъ сильнымъ непріателемъ, придвинулъ конную роту Никитина. Подтвердивъ свое приказаніе Дорохову, онъ, слѣдуя чрезъ небольшой лѣсъ, достигъ обширной поляны, которая простирается отъ Боровска до самаго Малоярославца. Здѣсь онъ увидѣлъ обширный лагерь италіанской арміи и узналъ отъ плѣнныхъ, что Наполеонъ долженъ былъ обѣдать въ тотъ день въ Боровскѣ. Рѣшившись быстро спѣшить къ Малоярославцу, Ермоловъ приказалъ одному отважному офицеру Сысоева казачьяго полка, слѣдуя по прямому пути къ Малоярославцу, хотя бы въ самомъ близкомъ соседствѣ съ непріателемъ, достигнуть города и собрать всѣ возможныя свѣдѣнія какъ о немъ, такъ и о непріателѣ; ему было приказано, по исполненіи порученія, отыскать начальника главнаго штаба по направленію къ Малоярославцу. Этотъ смѣлый офицеръ донесъ вскорѣ Ермолову, что передъ городомъ находились уже три батальона Италіанцевъ, которые были задерживаемы жителями, успѣвшими разобрать мостъ; власти городскія выѣхали весьма недавно изъ города, куда пріѣзжалъ атаманъ Платовъ, который, по отъѣздѣ своемъ оттуда, оставилъ тамъ казаковъ. Ермоловъ

* Онъ умеръ сенаторомъ.

прибылъ на разсвѣтъ къ Малоарославцу, предъ которымъ уже находилась вся армія вице-короля; Дохтуровъ, расположившись лагеремъ позади города, поручилъ защиту его Ермолову, котораго подкрѣпилъ своею пѣхотой. Войска наши были два раза выбиты изъ города, хотя рота храбраго полковника Никитина, дѣйствіями которой руководилъ сидѣвшій на колокольнѣ адъютантъ Ермолова Поздѣевъ, жестоко поражала непріятеля. Между тѣмъ фельдмаршалъ, придя съ арміей въ село Спасское, не въ далекомъ разстояніи отъ Малоарославца, приказалъ войскамъ отдохнуть. Ермоловъ отправилъ въ Спасское генераль-адъютанта графа Орлова-Денисова съ убѣдительною просьбой спѣшить къ городу; не получивъ никакого отвѣта, онъ отправилъ туда одного германскаго принца, находившагося въ то время при нашихъ войскахъ, съ настоятельною просьбой о скорѣйшемъ прибытіи арміи. Фельдмаршалъ, недовольный этою настойчивостью, плюнулъ. Тогда корпусъ Раевскаго выступилъ къ Малоарославцу, и за нимъ тронулась вся армія. Самъ Раевскій, въ качествѣ зрителя, уже давно находился близъ Малоарославца, гдѣ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Выбитый въ послѣдній разъ изъ города превосходнымъ непріятеlemъ, Ермоловъ расположилъ противъ главныхъ его воротъ 40 батареинныхъ орудій; онъ намѣревался, за неизвѣіемъ войска, встрѣтивъ непріятеля жестокою канонадой, начать отступленіе, но прибытіе арміи измѣнило весь ходъ дѣла. Неустрашимый Коновницынъ выбилъ непріятеля изъ города. Князь Кутузовъ, пріобрѣтшій большую опытность въ войнѣ съ Турками, прибѣгнулъ къ весьма странному средству для удержанія непріятеля, еслибъ онъ рѣшился продолжать наступленіе. Онъ приказалъ приступить къ возведенію нѣсколькихъ редутовъ въ разстояніи выстрѣла отъ города; но, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ непріятеля изъ города, 1.500 человекъ рабочихъ, бросивъ здѣсь весь свой инструментъ, разсѣялись. Городъ былъ однако оставленъ нашими и занятъ непріятельскими войсками. Послѣ битвы князь Кутузовъ имѣлъ весьма любопытный разговоръ съ Ермоловымъ, который я здѣсь лишь вкратцѣ могу передать. Князь: „Голубчикъ, вѣдь надо идти?“ Ермоловъ: „Конечно, но только на Медынь“. Князь: „Какъ можно двигаться въ виду непріятельской арміи?“ Ермоловъ: „Опасности нѣтъ никакой: атаманъ Платовъ захватилъ на той сторонѣ рѣчки нѣсколько орудій,

не встрѣтивъ большаго сопротивленія. Послѣ этой битвы, доказавшей, что мы готовы отразить всё покушенія непріятеля, намъ его нечего бояться.“ Когда князь объявилъ о намѣреніи своемъ отступить къ Полотнянымъ заводамъ, Ермоловъ убѣждалъ его остаться у Малоярославца по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ, въ продолженіи которыхъ должны были обнаружиться намѣренія непріятеля *. Но князь остался непреклоннымъ и отступилъ.

„Еслибы Наполеонъ, дойдя до Боровска, успѣшилъ направить всю армію къ Малоярославцу, онъ неминуемо и весьма легко овладѣлъ бы этимъ городомъ; предупредивъ здѣсь нашу армію, онъ безъ сомнѣнія, не встрѣчая большихъ затрудненій, дошелъ бы до Юхнова, откуда безостановочно продолжалъ бы свое обратное шествіе по краю изобильному и не разоренному. Ермолову выпалъ завидный жребій оказать своему отечеству величайшую услугу. Къ несчастію, этотъ высокій подвигъ, искаженный историками, почти вовсе неизвѣстенъ.

„Въ это самое время партизанъ, князь Кудашевъ, находившійся между Лопасею и Вороновымъ, сталъ преслѣдовать непріятельскій авангардъ, заслонявшій движеніе главной его арміи и двинувшійся уже отъ береговъ Мѣчи для присоединенія къ его хвосту.

„Всякій военный человѣкъ, знающій свое дѣло, ясно увидитъ, что непріятельская армія, окруженная, такъ сказать, отрядами Дорохова, Сеславина, Фигнера и князя Кудашева, не могла сдѣлать шагу скрытымъ образомъ, хотя бы спасеніе ея и зависѣло отъ быстрого и нѣкъмъ не замѣченнаго движенія мимо лѣваго фланга нашей арміи и внезапнаго появленія ея въ Малоярославцѣ. Черезъ это Наполеонъ, выпутавшись изъ сѣтей, разставленныхъ ему фельдмаршаломъ при Тарутинѣ, открылъ бы себѣ безпрепятственный путь къ Днѣпру, въ богатый и неистощенный еще край; онъ могъ бы, соединясь съ Викторомъ Жюно и Эверсомъ, возобновить наступательное дѣйствіе безъ малѣйшей опасности, имѣя свои фланги и тылъ обезпеченными. Если перейдемъ отъ слѣдствія къ причинѣ, то удостовѣримся, что извѣщеніемъ Сеславина рѣшилась участь Россіи, но для сего

* Весь этотъ разговоръ былъ тотчасъ доведенъ до свѣдѣнія государя находившимся въ то время при нашей арміи барономъ Ахштетомъ.

нуженъ былъ провицательный и энергическій Ермоловъ, принявшій на себя отвѣтственность за своевольное измѣненіе въ направленіи корпуса Дохтурова, прозорливый главнокомандующій, оцѣнившій представленіе начальника штаба 1-й арміи и прибывшій съ войсками къ Малоярославцу.“

Вотъ другой разказъ Давыдова о сраженіи подъ Малымъ-Ярославцемъ:

„Кутузовъ не зналъ и не могъ знать о выступленіи всей непріятельской арміи изъ Москвы 7 числа октября, т.-е. на другой день по разбитіи имъ Мюрата на рѣчкѣ Чернишнѣ, а слѣдственно, и о направленіи этой арміи на Оминское. Генераль Дороховъ, занимавшій легкимъ отрядомъ село Катово на новой Каалужской дорогѣ, открылъ въ Оминскомъ передовыя войска непріятеля (кавалерію Оррано и пѣхотную дивизію Брусье, принадлежавшія корпусу Евгенія); не подозрѣвая, что за ними слѣдуетъ вся непріятельская армія, онъ увѣдомилъ о томъ Кутузова съ изложеніемъ мнѣнія своего насчетъ цѣли ихъ прибытія. Онъ полагалъ, что они явились на этомъ пунктѣ, или для связи непріятельскаго авангарда съ большою Смоленской дорогою, или это доказываетъ, что вся Наполеоновская армія двигается къ Каалугѣ. Кутузовъ немедленно послалъ по направленію къ Катову, гдѣ находился Дороховъ, сильный отрядъ, подъ начальствомъ Дохтурова, составленный изъ одного пѣхотнаго корпуса и гвардейской легкой кавалерійской дивизіи; при этомъ отрядѣ находился начальникъ главнаго штаба 1-й арміи Ермоловъ. Ермоловъ, предъ самымъ выступленіемъ изъ Тарутинскаго лагеря, послалъ партизана Сеславина къ Оминскому для вѣрнѣйшаго осмотра прибывшихъ туда непріятельскихъ войскъ; корпусъ же двинулся къ Катову и остановился на половинѣ дороги въ деревнѣ Аристовѣ; Сеславиному удалось захватить унтеръ-офицера старой гвардіи Наполеона и доставить его Ермолову. Завѣса спала. Узнали, что въ Оминскомъ не одни войска Оррано и Брусье, а вся непріятельская армія, и что самъ Наполеонъ находился въ Боровскѣ. Ермоловъ и начальникъ отряда дали о томъ знать въ главную квартиру; но столь же строгій исполнитель приказаній начальства, сколь храбрый генераль, Дохтуровъ не могъ рѣшиться принять на свою отвѣтственность измѣненіе въ направленіи, тѣмъ болѣе что было строго приказано главно-

командующимъ пяти противъ войскъ Орлана и Брусье къ Катову. Ермоловъ, пользуясь правомъ начальника главнаго штаба, принявъ на себя всю отвѣтственность за самовольное измѣненіе въ направленіи войскъ, именемъ Кутузова предписалъ Дохтурову слѣдовать съ пѣхотой къ Малоярославу; желая лично удостовѣриться въ истинномъ направленіи неприятельской арміи, онъ съ кавалеріей направился къ Боровску; открывъ здѣсь многочисленнаго неприятеля, онъ также быстро обратился къ Малоярославу. Такимъ образомъ таинственное выступленіе Наполеона изъ Москвы было обнаружено. Вскорѣ горизонтъ, по направленію къ Боровску, очернѣлъ неприятельскими войсками. Ермоловъ съ главными войсками бросился въ городъ Малоярославецъ, гдѣ вступилъ въ ожесточенный бой съ дивизіей Дельзона, но онъ былъ два раза выбитъ изъ него арміей вице-короля. Хотя князь Кутузовъ прибылъ съ арміей въ село Спасское (находящееся въ весьма близкомъ разстояніи отъ Малоярославца), но приказавъ войскамъ отдыхать, онъ не трогался съ мѣста. Ермоловъ, сражаясь съ многочисленнымъ неприятелемъ, не переставалъ посылать записки за записками фельдмаршалу, съ убѣдительною просьбой спѣшить на защиту города. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго колебанія, Кутузовъ подкрѣпилъ сражающихся корпусами Раевского и Бородина; хотя городъ остался за неприятелемъ, но путь на Юхновъ и Калугу былъ прегражденъ неприятелю. Еслибы Наполеонъ, по выступленіи изъ Москвы, быстро направился на Малоярославецъ, онъ овладѣлъ бы имъ весьма скоро и безъ всякой потери. Не встрѣтивъ здѣсь нашей арміи, онъ бы направился на Юхновъ, а оттуда далѣе къ Польшѣ, двигаясь по хлѣбороднымъ и богатымъ губерніямъ нашимъ. Я распространялся въ описаніи малоизвѣстныхъ подробностей этого важнѣйшаго изъ всѣхъ событій, потому что это есть зародышъ всѣхъ злополучій Наполеона и переворота въ судьбѣ государствъ и народовъ. Будь Сеславинъ менѣе предприимчивъ и рѣшителенъ, будь Ермоловъ одаренъ не столь замѣчательною прозорливостію и высокою рѣшительностію, и Кутузовъ меньшею пронизательностію, указавшею ему на Тарутино, какъ на точку спасенія для отечества; замедливъ онъ нѣсколькими часами въ прибытіи къ Малоярославу, — весь плодъ превосходнаго движенія изъ Москвы по Рязань-

ской дорогѣ, переходъ на Калужскую для занятія Тарутина и всѣ выгоды вслѣдствіе бокового направленія нашего до Березины, которыя сами по себѣ были лишь слѣдствіемъ или лучше сказать продолженіемъ направленія отъ Тарутинскаго лагеря къ Малоярославцу, все рушилось бы, все исчезло бы безвозвратно!“

Теперь предлагаемъ собственное описаніе Ермолова.

.....
9-го числа октября генералъ-майоръ Дороховъ донесъ, что непріятель занимаетъ село Оминское, деревню Катово, и небольшая часть силъ его расположена около города Боровска, что повсюду его не болѣе восьми тысячъ человекъ, просилъ къ отряду, имѣющему командуемоу, дать два полка пѣхоты, и что тогда онъ непременно разобьетъ непріятеля. Фельдмаршалъ разсудилъ отправить 6-й корпусъ генерала Дохтурова, 1-й кавалерійскій корпусъ генералъ-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго и пять казачьихъ полковъ. Благоразумное сіе распоряженіе давало вѣрнѣшія средства къ успѣху. Кутузовъ, осыпавъ меня тысячею привѣтствій, приказалъ отправиться съ генераломъ Дохтуровымъ, увѣряя меня, что онъ надѣется на меня и будетъ спокоенъ. Надобно знать Кутузова, чтобы не давать тому никакой цѣны. Партизаны Фигнеръ и Сеславинъ, вверхъ по лѣвому берегу Нары пошли съ партіями открыть, не имѣетъ ли непріятель, кромѣ войскъ въ селѣ Оминскомъ, другихъ близко-расположенныхъ, которыя бы могли придти въ помощь, также нѣтъ ли какихъ движеній между Оминскимъ и Москвою. Къ 11 часу обѣщали они мнѣ дать непременно обстоятельное извѣстіе.

Генералъ Дохтуровъ 10-го числа оставовидся въ пяти верстахъ отъ деревни Катово, съ тѣмъ чтобы, пройдя сіе разстояніе ночью, напасть на разсвѣтѣ на непріятеля. Генералъ-майоръ Дороховъ, являсь къ нему въ команду, донесъ, что непріятель въ 2 тысячи пѣхоты преслѣдуетъ отъ Боровска подполковника Власова съ тремя казачьими полками. Около деревни Катово расположено не болѣе 4 тысячъ человекъ. Близъ села Оминскаго лагерь скрытъ въ лѣсу, и силъ потому опредѣлить невозможно, ночью примѣчены большіе по лѣсамъ огни и у моста чрезъ рѣку Нару стоитъ батарея. Я предло-

жилъ всю тяжелую артиллерію обратить за шесть верстъ назадъ, гдѣ весьма тѣсное дефиле съ трудомъ мы проходили. Была уже полночь, приближалось время идти впередъ, и отъ Фигнера или Сеславина никакихъ не было извѣстій; дако уже было приказаніе о приуготовленіи къ движенію. Ночью на полѣ стакиваюсь я съ Сеславинымъ, который меня отыскивалъ. Онъ, скрывъ въ лѣсу свою партію, въ четырехъ верстахъ отъ села Оминскаго, осматрѣлъ идущія неприятельскія войска, которыя состояли изъ всей пѣшей и конной гвардіи Наполеона и всего корпуса маршала Нея. Взятые имъ нѣсколько человѣкъ показали, что самъ Наполеонъ при войскахъ, которые пятый уже день выступили изъ Москвы, гдѣ не болѣе оставлено 4 тысячъ человѣкъ для подрыванія стѣнъ кремаевскихъ. Тягости и артиллерія тяжелая прежде отправлены на Можайскъ и вмѣстѣ съ ними вся кавалерія, потерявшая лошадей, и для прикрытія всего 5-й корпусъ польсвольствіи, который за долго до наступленія весьма былъ чувствуемъ. По слухамъ, Наполеонъ идетъ чрезъ Малоярославецъ въ Калугу. Фельдмаршалъ не имѣлъ извѣстія о Москвѣ, и стоящій близъ оной генералъ-адъютантъ баронъ Винценгероде не успѣлъ дать о томъ увѣдомленія. Оказанная Сеславинымъ услуга спасла отъ пораженія корпусъ генерала Дохтурова, и то могло зависѣть отъ нѣсколькихъ часовъ разницы. На разсвѣтѣ генералъ Дохтуровъ отступилъ, и присоединя отосланную артиллерію, переправился при селѣ Спасскомъ чрезъ рѣку Протву и пошелъ на Малоярославецъ. Вся кавалерія пошла къ сторонѣ Боровска примѣчать за движеніемъ неприятеля, и я остался при ней, дабы извѣщать Дохтурова. Поутру въ нѣкоторомъ разстояніи прошли мы мимо Боровска, видѣли, что неприятель проходилъ оный. По полудни замѣтили его идущаго въ большихъ силахъ къ Малоярославцу и насъ раздѣляла съ нимъ одна рѣка Протва. Бѣжавшій отъ неприятеля сауга одного генерала увѣдомилъ, что Наполеонъ въ 10 часовъ утра прибылъ въ Боровскъ, гдѣ гвардія его имѣетъ ночлегъ, что на завтра 12 числа октября идетъ далѣе. Спускаясь по лѣвому берегу Протвы, часа за два до вечера переправились мы за рѣку, сбили форпосты наблюдавшіе насъ, преслѣдовали конницу, которая ихъ подкрѣпляла, и проскакавъ небольшой лѣсъ, увидѣли близъ почтовой дороги обширный лагерь корпусовъ вице-короля Итали-

янского и маршала Даву. Мы отошли къ переправѣ, но не перешли за рѣку, дабы сохранить кратчайшую дорогу къ Малоярославцу. Непріатель за позднимъ временемъ насъ не преслѣдовалъ. Развѣздъ, отправленный къ Малоярославцу, далъ знать, что у самаго города также стоитъ неприятельскій лагерь. Въ городѣ есть нѣсколько казаковъ, присланныхъ отъ атамана Платова, жителями разобраны мосты и они не допускаютъ въ городъ неприятеля. Въ ночи присоединились мы къ генералу Дохтурову, который за часъ до начала дня прибылъ къ Малоярославцу. Впереди корпуса присланъ былъ 33-й егерскій полкъ, который хотя и занялъ городъ, но не могъ выгнать неприятеля, удерживающаго одинъ кварталъ, къ рѣкѣ прилежащій. Во власти его были мосты, и два орудія артиллеріи переправлены въ городъ. Наставшій день открылъ на противоположномъ берегу рѣки Лужи силы неприятельскія весьма превосходныя, 33-й егерскій полкъ былъ утѣсняемъ, исправлялись мосты, и колонны неприятеля двинулись въ городъ. Удерживать городъ надобно было во что бы-то ни стало, ибо армія слѣдовала уже изъ Тарутина, и дорогу Калужскую уступить было невозможно. Генералъ Дохтуровъ подкрѣпилъ 33-й полкъ 6-мъ и 19-мъ егерскими полками и команду надъ ними поручилъ полковнику Вунчу. Всѣ войска наши расположились въ верстѣ отъ города на Калужской дорогѣ, на правой сторонѣ 1-й кавалерійскій корпусъ и отрядъ генералъ-майора Дорохова. Въ городѣ загорѣлся ружейный огонь очень сильный и атаки неприятеля сдѣлались гораздо упорнѣе. На лѣвомъ нашемъ флангѣ устроилась батарея гвардейской конной артиллеріи, которая препятствовала исправленію мостовъ и останавливала идущія въ городъ подкрѣпленія. Храбрый полковникъ Никитинъ былъ съ своими орудіями въ срединѣ города и неприятель уважалъ его присутствіе. Егерскіе полки наши принуждены были къ отступленію, съ трудомъ могли мы вывезти изъ города артиллерію, и стрѣлки неприятельскіе, пройдя стремительно городъ, появились на правомъ крылѣ нашемъ. Генералъ Дохтуровъ возложилъ на меня защиту города, и къ полкамъ, прежде въ ономъ бывшихъ, прибыли въ распоряженіе мое 11-й егерскій полкъ и пѣхотные — Софійскій, Либавскій и Вильманstrandскій съ достаточнымъ количествомъ артиллеріи. Не взирая на то, четыре раза выгнавъ я былъ изъ города и не разъ терялъ совсѣмъ

надежду возвратиться въ оный. Храбрая атака въ штыки Либавскаго полка подъ начальствомъ генераль-майора Таалызина и Софійскаго подъ командою полковника Халаяна, которые, не сдѣлавъ выстрѣла, вошли въ городъ и все противоставшее имъ истребили, удержали во власти нашей городъ. Артиллеріи полковнику Никитину, офицеру неустрашимому, много обязанъ я успѣхомъ; храбрые адъютанты мои, гвардіи поручикъ Фонъ-Визинъ и артиллеріи поручикъ Поздѣвъ, чрезвычайно мнѣ способствовали. Всюду, куда посылалъ я ихъ, не менѣе вѣрилъ я имъ, какъ самому себѣ. На прочія войска генерала Дохтурова непріятель сдѣлалъ одну изъ города сильную вылазку, но дѣйствіемъ батареи былъ отраженъ съ большимъ весѣмъ урономъ. На короткое весѣмъ время пріѣзжалъ изъ арміи дежурный генералъ Коновницынъ; сіе появленіе было для одной реляціи. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы прибытія арміи, но Кутузовъ поздно выступилъ изъ Тарутина, шелъ чрезмѣрно тихо и безъ нужды медлилъ у переправы чрезъ Протву въ селѣ Спасскомъ. Первый прибывшій корпусъ былъ генераль-лейтенанта Раевского и въ три часа пополудни частію войскъ своихъ занялъ городъ вмѣстѣ съ моими полками; я, какъ старшему, сдѣлалъ командовавіе правымъ флангомъ, но вскорѣ прибыла вся наша армія и мы превосходили непріятеля силами; пріѣхалъ и фельдмаршалъ. Ночью пошли полки въ городъ на смѣну нѣкоторыхъ утомленныхъ, но непріятель вытѣснилъ ихъ * и городъ за нимъ остался, не смотря на всѣ со стороны нашей усилія возвратить его. Не знаю почему фельдмаршалъ тотчасъ по прибытіи арміи не приказалъ оставить городъ, ибо съ того времени потеря людей была бесполезна, и даже желать можно было, чтобы непріятель осмѣлился выйдти на поле, гдѣ безъ сомнѣнія нашелъ бы онъ гибель.

На другой день, 13 октября, армія осталась въ позиціи въ двухъ верстахъ отъ города. Непріятель вывелъ нѣсколько войскъ изъ города, протянулъ правое крыло свое по дорогѣ на Медынъ на разстояніе почти трехъ верстъ и дѣйствовалъ изъ орудій противъ цѣпи казаковъ и кавалеріи, составлявшей резервъ ихъ, болѣе же во весь день ничего не предпринялъ. Атаманъ Платовъ, съ большими силами Донскихъ войскъ занимавшій конечность лѣваго крыла, перешедши за рѣку

* Имъ командовалъ генераль-лейтенантъ Бороздинъ 1-й.

Лужу, ударилъ на непріятельскую конницу, взялъ много пленныхъ и 13 пушекъ. Въ лагерѣ непріятеля замѣчено было великое безпокойство и тотчасъ большіе отряды войскъ на него обратились. При семъ случаѣ много потерпѣлъ уланскій полкъ польской гвардіи Наполеона. Атаманъ Платовъ возвратился, оставивъ часть казаковъ, дабы безпокоить тылъ непріятеля. Фельдмаршалъ, призвавъ меня, сказалъ, что армію привести надобно въ движеніе. Я отвѣчалъ, что надобно взять направленіе на Медынь, представляя къ убѣжденію, что мы въ силахъ превосходныхъ, непріятель свои главнѣйшія удерживаетъ за рѣкою, и противъ насъ только авангардъ его; особливо извѣстны будучи объ отправленіи части войскъ и артиллеріи на Можайскъ, видимъ, что невозможно ему рѣшиться на генеральное сраженіе, которому и самое мѣстоположеніе противится, ибо надобно переправиться чрезъ рѣку самую неудобную, спускъ къ оной и взѣздъ въ городъ только однимъ и имѣеть не менѣ десяти саженой отвѣсной высоты, что при малѣйшей неудачѣ могло быть причиною важнѣйшей потери. Кутузовъ сказалъ мнѣ, что онъ любитъ говорить со мною, ибо никогда обстоятельства не представляются мнѣ въ худомъ видѣ. Однакоже сколько ни старался уговорить я его остаться одинъ сутки и даже менѣ, не могъ никакъ согласить на то, и онъ въ ночи на 14 числа отошелъ къ селенію Дичинѣ 20 верстъ ближе къ Калугѣ. Въ арріергардѣ генерала Милорадовича оставлены 4-й корпусъ, 2-й корпусъ генераль-лейтенанта князя Долгорукаго, бывшаго министромъ въ Неаполѣ, кавалерійскій корпусъ генераль-адъютанта барона Корфа и пять Донскихъ полковъ съ генераль-майоромъ Карповымъ. Я оставался у генерала Милорадовича.

14 числа въ десять часовъ утра началась канонада, и два часа продолжаясь, не имѣла никакихъ слѣдствій, войска съ обѣихъ сторонъ были неподвижны и тѣмъ кончился день. Тотъ же день лично донесъ я обо всемъ фельдмаршалу и просилъ позволенія возвратиться въ авангардъ, но мнѣ сіе не позволено. По обстоятельствамъ нужно было послать отрядъ въ Медынь; я просилъ, чтобы меня отправить съ онымъ, онъ никакъ не согласился, говоря, что удерживаетъ меня на важнѣйшее употребленіе.

Въ ночи на 15 число непріятель отступилъ отъ Малоярославца и остановился въ пяти верстахъ за рѣкою. Атаманъ

Платовъ со всѣми казаками съ лѣваго фланга, генераль-адъютантъ баронъ Корфъ, командующій передовыми постами, весьма долго того не примѣтили. Генераль Милорадовичъ приказалъ генераль-майору Карпову переправиться съ казаками и преслѣдовать непріятеля; регулярной конницы и конной артиллеріи идти поспѣшно вслѣдъ, какъ скоро мосты готовы будутъ. Фельдмаршалъ приказалъ мнѣ тотчасъ отправиться въ авангардъ, и какъ генераль Милорадовичъ донесъ, что онъ оба корпуса пѣхоты оставилъ по сей сторонѣ рѣки, поручилъ мнѣ, по извѣданію обстоятельствъ, сдѣлать имъ назначеніе и ему тотчасъ довести, говоря при томъ, что дастъ онъ согласно оному всей арміи направленіе. Я застаю генерала Милорадовича и даже генераль-адъютанта барона Корфа въ Мадоярославцѣ. Непріятель стоялъ въ пяти верстахъ на дорогѣ отъ Боровска на Медынь, для того, вѣроятно, чтобъ отдѣленнымъ отъ него войскамъ дать время отойти и собою закрыть ихъ движеніе. Жители окрестностей даю знать, что между Медынью и Верею находятся войска непріятельскія, и что туда сходятся всѣ силы. Извѣстіе сіе было однакоже неосновательно и ввело меня въ нѣкоторую погрѣшность въ разсужденіи даннаго мною корпусамъ направленія. Не доходя Медыни по полученному свѣдѣнію, что непріятель самымъ поспѣшнѣйшимъ образомъ отступаетъ на Верею, атаманъ Платовъ идетъ вслѣдъ за нимъ и что взялъ уже флангъ его,... генераль Милорадовичъ ускореннымъ маршемъ чрезъ село Кременское, Егорьевское, и перейдя въ селѣ Никольскомъ идущую отъ Гжатска на Юхновъ дорогу, прибылъ въ окрестность Гжатска, тогда какъ атаманъ Платовъ занималъ самый городъ и съ того времени были они между собою въ непрерывномъ сношеніи.

Изъ села Егорьевскаго доносилъ я фельдмаршалу, что арміи полезно, сколько возможно, сократить путь и прямо идти на Вязму, что ходъ ея совершенно закрываетъ авангардъ своимъ движеніемъ. Сіе удобно было сдѣлать потому, что непріятелю почтовою дорогою было идти гораздо далѣе. Фельдмаршалъ взялъ предложенное мною направленіе, но шелъ чрезмѣрно тихо, ничего не отвѣчалъ и оставилъ въ невѣдѣніи насчетъ движенія своего, ибо до того знали мы только, что армія чрезъ Полотьяныя заводы пошла на Медынь. Авангардъ сблизился съ селеніемъ Царево-Займище, гдѣ генераль Барклай-де-Толли, отступая отъ Смоленска, намѣренъ

былъ дать сраженіе. Мѣстоположеніе было мнѣ весьма знакомо, и я, объяснивъ генералу Милорадовичу выгоды онаго, легко согласилъ его упредить непріятеля и завлечь трудное дефиле, у самаго селенія лежащее. Опасно было по слабости авангарда отрѣзать путь всѣмъ силамъ непріятеля, ибо гвардія Наполеона была въ хорошемъ состояніи и многочисленная, но изъ показанія плѣнныхъ и извѣстій отъ атамана Платова знали мы достоверно, что Наполеонъ съ гвардіей идетъ цѣлыми сутками впереди, и всѣ прочія войска по частямъ и въ безпорядкѣ. Четыре марша сдѣлалъ авангардъ съ тѣмъ, чтобы воспользоваться выгодами дефиле и труды марша вознаграждать вѣрнымъ успѣхомъ. Сдѣлано было распоряженіе, чтобы обликающіеся къ Цареву-Займищу корпуса, на послѣднемъ ночлегѣ своемъ, скрыли свое присутствіе и запрещено было имѣть огни въ лагерѣ. Генераль-адъютанту барону Корфу приказано было имѣть кавалерію въ готовности, но даже не выставять постовъ. Генералу Милорадовичу надлежало быть въ семь случаевъ самому съ первыми войсками, но онъ долго оставался назади обѣдать, войска мимо его проходили съ музыкою, по обыкновенію много было разказовъ и онъ опоздалъ. Войска между тѣмъ прибыли на ночлегъ. Командиръ 4-й дивизіи генераль-майоръ принцъ Евгений Виртембергскій, увлеченный храбростію своею, не внявъ благоразумному начальству распоряженію, обнаружилъ прибытіе свое и такъ близко подошелъ къ дорогѣ, по которой безопасно проходилъ непріятель, что онъ началъ собираться въ силахъ и выслалъ стрѣлковъ закрыть движеніе свое, тогда какъ уже располагался онъ на ночлегъ. Прочія войска авангарда, видя принца Евгенія далеко впереди и опасаясь, чтобы непріятель не атаковалъ его, должны были необходимо идти ему въ подкрѣпленіе. Непріятель, отъ самаго Малоярославца преслѣдуемъ будучи одними казаками съ самою малою частію регулярной конницы, вдругъ увидя нѣсколько тысячъ пѣхоты на флангѣ и на выстрѣлъ отъ дороги, гдѣ проходилъ, ускорилъ движеніе свое, и не останавливаясь на ночь, со всѣми силами протѣлъ извѣстное дефиле. Поспѣшность и безпорядокъ въ движеніи такъ велики были, что не будучи ни тѣснимъ войсками авангарда, ни преслѣдуемъ казаками, непріятель оставилъ не мало орудій тяжелой артиллеріи и бросилъ множество обоза, такъ что на другой день

надобно было расчищать дорогу для войск наших. Изъ сего можно заключить, что бы послѣдовало, еслибы, по предположенію, выходъ изъ дефиле занять былъ войсками авангарда и 50-ю орудіями артиллеріи, при немъ состоявшими. Принцъ Евгенийъ сдѣлалъ грубую ошибку и молодому человѣку непростительную.

21 числа октября генералъ Милорадовичъ получилъ приказаніе 26-ю дивизію съ генералъ-майоромъ Паскевичемъ отрядить къ атаману Платову, у котораго не было ни человѣка пѣхоты, съ нею пошли также и три полка кавалеріи.

Не успѣвъ въ намѣреніи напасть на непріятеля при Царевѣ-Займищѣ, не оставалось ничего другаго, какъ атаковать у города Вязьмы. Въ другой разъ писалъ я рапортъ къ фельдмаршалу: если армія придетъ къ Вязьмѣ, то можно отбросить непріятеля отъ большой дороги по направленію на Духовщину, гдѣ по причинѣ трудныхъ осенью дорогъ долженъ онъ будетъ оставить тяжелую артиллерію и обозы, и, сверхъ того, приобрѣтемъ мы ту выгоду, что кратчайшею на Смоленскъ дорогою повсюду предупредимъ его. Фельдмаршалъ чрезъ полковника Толя отвѣчалъ мнѣ, что онъ прибудетъ съ арміей 21-го числа въ окрестности Вязьмы. Я представилъ ему, что можно прибыть однимъ днемъ позднеѣе, то есть 22-го числа, но вмѣсто окрестностей нужно придти къ самому городу Вязьмѣ. Я думаю, что послѣ перваго его предложенія было уже сіе сдѣлать не трудно. 21-го числа отправился я къ войскамъ атамана Платова, дѣйствующимъ по большой дорогѣ. Того же дня присоединилась къ нему 26-я дивизія и три кавалерійскихъ полка съ генералъ-майоромъ Паскевичемъ. Непріятель во весь день отступалъ поспѣшно, слабо защищался. Атаманъ Платовъ имѣлъ ночлегъ въ 27 верстахъ отъ Вязьмы. Увидясь съ нимъ, генералъ Милорадовичъ сдѣлалъ условіе на будущій день дѣйствовать совместно. Авангардъ долженъ былъ проселочною дорогою ускорить движеніе, и обойдя непріятеля, атаковать въ тылъ у селенія Федоровскаго, десять верстъ отъ Вязьмы. Атаманъ Платовъ началъ тотъ день преслѣдованіе гораздо позже обыкновеннаго, дабы дать время генералу Милорадовичу успѣть въ своемъ предположеніи. По разчету времени, авангардъ не прежде одиннадцатаго часа могъ вступить въ дѣло. Въ семь часовъ утра войска атамана Платова вышли

съ ночлега, непріятель показалъ арріергардъ весьма слабый. Въ началѣ девятаго часа услышали мы на лѣвомъ нашемъ флангѣ канонаду, думая, что она происходитъ противъ отрядовъ генераль-майоровъ Иловайскаго 5-го и Кутейникова, находившихся въ той сторонѣ. Наконецъ, получили извѣстіе, что авангардъ нашъ вступилъ въ дѣло, и непріятель въ большихъ противъ него силахъ, и вмѣсто того, чтобъ атаковать непріятеля у села Федоровскаго, самъ оный, верстъ семь не доходя онаго, имъ атакованъ. Я сей день начальствовалъ надъ 26-ю дивизіей, полками кавалеріи и нѣсколькими казачьими. Пѣхота была еще далеко, и потому атаманъ Платовъ приказалъ триста егерей 5-го полка подвести на казачьихъ лошадяхъ. Вмѣстѣ присѣла казачья конная артиллерія, полковникъ князь Вадбольскій съ полками кавалеріи и нѣсколько донскихъ полковъ. Непріятель обратилъ на насъ значущую часть силъ, и генераль Милорадовичъ могъ подвигнуться, правый флангъ его сомкнулся съ войсками, мною командуемыми. Канонада на всѣхъ пунктахъ началась жестокая, непріятель съ упорностію защищалъ одну весьма выгодную высоту, и не только оттѣснилъ меня, но едва не взялъ быдо батареи. Рѣшительная атака Курляндскаго драгунскаго полка приближавшюся часть пѣхоты истребила, не взирая на картечный огонь. Прибывшіе въ сіе время полки 26-й дивизіи, возстановили порядокъ, и усилившагося непріятеля отразили. Полки донскіе съ частію артиллеріи отправлены съ праваго фланга обходить непріятельскую небольшую кавалерію. Пришла 11-я дивизія генераль-майора Чоголова, и способствовала сбить непріятеля съ сильной его позиціи. Каргопольскій драгунскій полкъ храбро ударилъ на пѣхоту. Непріятель отступилъ на всѣхъ пунктахъ, къ чему не мало побудило его движеніе отрядовъ Фигнера и Сеславина, переправившихся на правомъ его крылѣ, которое непріятель, почитая непреодолимымъ по причинѣ болота, оставилъ весьма слабымъ. Занятая непріятелемъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, возвышенія составляли позицію лучше прежней. Казалось всѣмъ намъ по времени, къ вечеру клонящемуся, по силамъ непріятеля, что, вспомоцествуемый твердымъ положеніемъ мѣста, удержится оный до ночи и защититъ городъ, чтобъ имѣть свободное отступленіе. Совершенно удивлены мы были, увидѣвъ, что при нашемъ приближеніи непріятель ее оста-

вилъ. Быстро взшли войска наши на возвышенія и умножая на каждомъ шагѣ замѣшательство въ полкахъ непріятельскихъ, вѣдѣвъ съ нами ворвались въ городъ. Изъ числа нѣхъ подчиненныхъ войскъ, первый вошелъ генераль-майоръ Паскевичъ, встрѣтилъ непріятеля въ улицѣ, проложилъ штыками путь по тѣламъ его, и ни на мгновение не остановленный въ теченіи своемъ, перешелъ рѣку и на вѣншей чертѣ города остановился. Со стороны генерала Милорадовича первые вошли въ городъ полки Перновскій и Кексгольмскій и съ ними генераль-майоръ Чоголковъ; встрѣтившая ихъ непріятельская колонна гренадеръ истреблена. Адъютантъ мой, поручикъ Граббе, находившійся при генералѣ Милорадовичѣ, съ двумя орудіями конной артиллеріи и со стрѣлками, вошелъ впереди сихъ полковъ. Партизаны Фигнеръ и Сеславинъ въ то же время ворвались въ городъ съ другой стороны. Войска наши расположились въ городѣ и кругомъ, атаманъ Платовъ перешелъ за рѣку, дабы на завтра преслѣдовать ранѣе. Въ сей день взято въ плѣнъ: одинъ генералъ, много офицеровъ и болѣе двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ, два знамя и нѣсколько пушекъ. Непріятель имѣлъ три корпуса: вице-короля италіянскаго, маршаловъ Даву и Нея, всего, по словамъ плѣнныхъ, 40 тыс. человекъ.... Гвардія Наполеона была за одинъ маршъ отъ Вязьмы въ селѣ Семлевѣ. Самъ Наполеонъ былъ еще въ городѣ, но при началѣ дѣйствія поѣхалъ къ гвардіи.... Фельдмаршалъ, обѣщавшій прибыть 21-го числа въ окрестности Вязьмы, пришелъ сутками позже и такъ рано, что могъ бы участвовать въ дѣлѣ, но остановился за восемь верстъ по дорогѣ, на Юхновъ идущей. Въ семъ распоряженіи можно повѣсть то, что дежурному генералу Коновницыну и полковнику Толю больно было, что мною сдѣлано предложеніе придти арміи къ Вязьмѣ.

.
Вся армія двинулась по направленію на Ельню.

Въ Вязьмѣ въ послѣдній разъ видѣли мы войска непріятельскія, въ послѣдній встрѣтили сопротивленіе, каковое ожидать могли отъ войскъ, побѣдами вселившихъ ужасъ повсюду.... На другой день не было войскъ.... исчезло повиновеніе солдатъ.... каждый изъ нихъ болѣе или менѣе былъ жертвою голода, истощенія и жестокости погоды.

.

Въ Дорогобужѣ я, по приказанію фельдмаршала, отправился въ главную квартиру. *

Давыдовъ сообщаетъ здѣсь опять много любопытныхъ подробностей:

„Ермоловъ, слѣдуя послѣ малоярославскаго сраженія съ войсками Милорадовича, отдавалъ именемъ Кутузова приказъ по отряду; отправляя его, Кутузовъ сказалъ ему: „Голубчикъ, не все можно писать въ рапортахъ, извѣдай меня о важнѣйшемъ записками“. Милорадовичъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ 2 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ корпуса, могъ легко отрѣзать арріергардъ или другую часть французской арміи. Ермоловъ приказалъ потому, именемъ Кутузова, на-

* Приводимъ здѣсь слѣдующія письма:

Письмо Давыдова къ А. П. Ермолову.

Почтеннѣйшій братъ

Алексѣй Петровичъ!

Ради Бога употребите стараніе ваше къ умноженію партій въ окрестностяхъ Вязьмы и Дорогобужа или къ усиленію моего отряда. Орда казачья, прибывшая къ арміи, боате затрудняетъ ее, нежели приноситъ ей пользу. Дабы не изнурить нашихъ регулярныхъ такъ-сказать *легкихъ войскъ*, довольно будетъ оставить нѣсколько казачьихъ полковъ на аванпостяхъ, прочіе же должно употребить на большую Смоленскую дорогу къ Вязьмѣ и Дорогобужу.

Я не о себѣ хлопочу, теперь о себѣ хлопотать не время, но, ей-ей, я ходатайствую о томъ, имѣя лишь въ виду общую пользу. Если не найдутъ меня способнымъ къ исполненію всего мною предлагаемаго, то пусть пришлютъ партизана съ лучшими способностями и съ сильнѣйшимъ отрядомъ, и я съ удовольствіемъ пойду къ нему подъ начальство, хотя бы онъ былъ моложе меня по службѣ.

Денсъ Давыдовъ.

Письмо А. П. Ермолова къ Давыдову.

Любезнѣйшій братъ!

Ты не худо дѣлаешь, что иногда пишешь ко мнѣ, ибо я о заслугахъ другихъ всегда кричать умѣю... Мы ожидаемъ непріятеля; войска будутъ драться съ ожесточеніемъ и будутъ умѣть мстить за взятіе Москвы. Озлобленіе ужасное! если непріятель будетъ маневрировать, то мы его непремѣнно атакуемъ, такъ по крайней мѣрѣ говорятъ старшіе! Партизаны наши открыли партію пѣхотныхъ нашихъ, слѣдующую по Смоленской

блюдать головнымъ войскамъ возможную тишину и порядокъ, дабы не встревожить непріятеля, который могъ бы расположиться вблизи на ночлегъ. Однажды, главныя силы Французовъ оставались для ночлега близъ корпуса принца Евгенія Виртембергскаго, у самой дороги, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись насыпи. Эта узкая и длинная дорога, значительно испортившаяся вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, представляла какъ бы дефиле, чрезъ которое непріятелю и намъ надлежало слѣдовать. Войска безстрашнаго принца Виртембергскаго, всегда находившагося при головныхъ своихъ полкахъ, открыли сильный огонь противъ непріятеля, который, снявшись съ позиціи, двинулся поспѣшно далѣе въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ; это лишило насъ возможности, атаковать

дорогѣ, въ числѣ 1500 человекъ, ихъ прикрываютъ два орудія и 200 человекъ несчастныхъ Вестфальцевъ; надѣемся, что ты ее не пропустишь. Дерзави, любезный братъ: въ этомъ случаѣ пѣвныя помогутъ тебѣ! Партизаны распространили ужасъ по Смоленской дорогѣ, непріятель дрожитъ за свои сообщенія. Прощай!

Твой вѣрный братъ Алексѣй Ермоловъ.

Письмо Платова къ Ермолову.

Милостивый гусударь мой

Алексѣй Петровичъ!

Представленіе ваше и оригинальное г-ла генералъ-майора Паскевича къ вамъ я получалъ. Отдавая онымъ и съ моей стороны должную справедливость, еще и болѣе, и какое сдѣлаю представленіе къ его свѣтлости, вы увидите, и васъ, сколь возможно, къ достоинству вашему, въ ономъ побраню.

По дружбѣ вашей, извѣщаю васъ: вчерашняго числа Богъ даровалъ намъ побѣду надъ вице-королемъ италійскимъ Евгениемъ, на дорогѣ, идущей отъ Дорогобужа на Духовщину, при деревнѣ Марковсѣй, побито и въ пѣны взято довольно, въ сію пору еще не сдѣлаано, въ разсужденіи дурной погоды и разсыпанности оныхъ, вѣрнаго счета. Орудій артиллеріи взято точно болѣе десяти съ ящиками, но полагаю гораздо болѣе; ибо какъ сіе было въ разныхъ мѣстахъ, то вѣрнаго и опредѣлительнаго числа неизвѣстно по сіе время. Самъ вице-король чуть-чуть два раза не попался, какъ пѣвныя офицеры показываютъ, которыхъ взяли близъ самого его.

Пребываю къ вамъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію навсегда и непремѣнно

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Матвѣй Платовъ.

Октября 27, 1812 года.

Д. Маягорово.

завъ его на разсвѣтъ, отрѣзать какую-либо колонну. Французы, побросавъ на дорогѣ много орудій, значительно задержали тѣмъ наши войска, которыя были вынуждены заѣхать на другой день въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ разчищеніемъ пути, по коему имъ надлежало продолжать свое дальнѣйшее движеніе. Милорадовичъ ограничился лишь весьма легкимъ замѣчаніемъ принцу, но Ермоловъ объявилъ ему именемъ Кутузова весьма строгій выговоръ. Ермоловъ просилъ не разъ Кутузова спѣшить съ главною арміею къ Вязьмѣ и вступить въ этотъ городъ не позже 22-го ноября; я видѣлъ у него записку, писанную рукою Толя, слѣдующаго содержанія: „Мы бы давно явились въ Вязьму, еслибы получили отъ васъ болѣе частыя увѣдомленія и съ казаками болѣе исправными; мы будемъ 21-го близъ Вязьмы“. Князь, разчитывавшій, что онъ можетъ довершить гибель Французовъ, не подвергая пораженію собственныхъ войскъ, подвигался весьма медленно; хотя онъ 21-го находился близъ Вязьмы, но остановившись за 8 верстъ до города, онъ не рѣшился приблизиться къ нему.

. . . . онъ выслалъ къ этому городу гвардейскую кавалерію съ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ, который, чтобы не подвергать батарею Козена напрасной потерѣ, отвелъ ее назадъ, ограничившись ничтожною канонадою по городу черезъ рѣчку.

„Федоръ Петровичъ Уваровъ, отличавшійся рыцарскимъ благородствомъ и мужествомъ, пользовался всегда полнымъ благоволеніемъ государя, которому онъ не разъ говаривалъ: „выслушайте, ваше величество, со вниманіемъ все то, что я вамъ скажу; это принадлежитъ не мнѣ, а людямъ, несравненно меня умнѣйшимъ.“ Ермоловъ, потерявъ весьма много по службѣ въ послѣдніе годы царствованія императора Павла, былъ даже нѣсколько старѣе въ чинѣ Уварова и князя Багратиона во время штурма Праги въ 1794 году; они были потому въ близкихъ между собою сношеніяхъ, и во время отечественной войны Уваровъ не разъ говаривалъ Ермолову: „мнѣ скучно, ты меня сегодня еще не приласкалъ“.

Прибывъ изъ отряда Милорадовича въ главную квартиру, находившуюся въ Ельнѣ, Ермоловъ засталъ Кутузова и Беннигсена за завтракомъ; онъ долго и тщетно убѣждалъ князя преслѣдовать непріятеля съ большею настойчивостію. При извѣстіи о томъ, что, по доносеніямъ партизановъ, Наполеонъ

съ гвардіей уже близь Краснаго, лицо Кутузова просіяло отъ удовольствія и онъ сказалъ ему: „голубчикъ, не хочешь ли позавтракать?“ Во время завтрака, Ермоловъ просилъ Беннигсена, на кофѣяхъ котораго онъ не разъ въ дѣтствѣ сиживалъ, поддержать его, но этотъ генералъ упорно молчалъ. Когда князь вышелъ изъ комнаты, Беннигсенъ сказалъ ему: „любезный Ермоловъ, есаубъ я тебя не зналъ съ дѣтства, я бы имѣлъ полное право думать, что ты не желаешь наступленія; мои отношенія къ фельдмаршалу таковы, что мнѣ достаточно одобрить твой совѣтъ, чтобы князь никогда ему не посмѣдовалъ“.

Обратимся снова къ разказу Ермолова.

Фельдмаршалъ Кутузовъ представилъ государю сраженіе при *Красномъ* генеральною баталіей, продолжавшеюся нѣсколько дней, уничтожившею силы непріятели.... Онъ не отвергалъ возможности (при Березинѣ) взять и самого Наполеона. Баталія при *Красномъ* состоитъ изъ частныхъ сраженій нѣсколькихъ корпусовъ, раздѣленными силами дѣйствовавшихъ, сраженій, не въ одно время происшедшихъ, и тогда какъ весьма многія части арміи не имѣли ни малѣйшаго въ дѣлѣ участія.

7-го числа фельдмаршалъ, къ отряду генералъ-майора барона Розена присоединивъ нѣсколько батальоновъ пѣхоты, поручилъ мнѣ его въ команду и приказалъ изъ мѣстечка Ляды идти впередъ, но отнюдь не далѣе Дѣвпра; если же бы атаманъ Платовъ (близъ Дубровны и Орши) имѣлъ надобность въ пѣхотѣ, то отправить ему часть оной. Не выходя изъ комнаты фельдмаршала, рѣшился я, высказавъ пристойный предлогъ, перейти Дѣвпръ.

Армія для удобства продовольствія пошла изъ Краснаго на Копысь. Отрядъ генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго отправленъ въ Могилевъ. Подполковникъ Давыдовъ съ партией слѣдовалъ къ Дѣвпру по направленію на Александрію. Отряды генералъ-майора Бороздина и капитана Сеславина шли впереди меня къ Оршѣ. Я прибылъ въ Дубровну и съ досадою увидѣлъ, что, пробывши тамъ сутки, генералъ-майоръ Бороздинъ не помыслилъ исправить сожженный непріятеlemъ мостъ, но лучше хотѣлъ гнаться до Орши за

нѣсколькими усталыми и полузамерзшими людьми слабого неприятельскаго аррьергарда. Я пришелъ въ Дубровну въ самое то время, когда на другомъ берегу Днѣпра, въ виду моемъ, атаманъ Платовъ преслѣдовалъ маршала Нея. Онъ требовалъ отъ меня одного батальйона пѣхоты, но не было ни одной лодки, чтобы его переправить, а между тѣмъ пришли изъ Орши въ подкрѣпленіе войска и маршалъ Ней соединился съ арміею. Полторы сутки непрерывно строилъ я мостъ, быстрое Днѣпра теченіе и сильный ледъ мѣшали его сдѣлать порядочно, и я съ величайшимъ затрудненіемъ переправилъ войска, наконецъ разорвало его льдомъ и всѣ обозы мои и часть патронныхъ ящичковъ долженъ я былъ оставить. Въ первый разъ въ жизни моей случилась мнѣ столько чудесная переправа, и конечно одни русскія войска могутъ дѣлать подобныя! За Днѣпромъ въ 15-ти верстахъ имѣлъ я ночлегъ въ селеніи Погость, гдѣ распечаталъ депеши, * посланныя отъ генерала графа Витгенштейна къ фельдмаршалу. Онъ доносилъ, что маршалъ Викторъ стоитъ въ прежней позиціи при Черее, и что, превосходя его числомъ кавалеріи, много препятствуетъ наблюдать за нимъ. Я осмѣлился написать фельдмаршалу, что маршалъ Викторъ въ сей позиціи легко можетъ выиграть одинъ или два марша у графа Витгенштейна и соединиться съ Наполеономъ.....

При арміи составилъ авангардъ подъ начальствомъ генерала Милорадовича, и ему велѣно перейти за Днѣпръ при Копысѣ, мнѣ же предписано, буде еще не перешелъ я мѣстечко Толочинъ, дожидаться въ немъ прибытія авангарда и съ нимъ соединиться. Я имѣлъ въ предметѣ догнать неприятеля, имѣлъ хорошіе въ отрядѣ полки и одно всѣмъ общее желаніе драться! Неприятно повелѣніе остановиться Я рѣшился не повиноваться. Удержавъ сутки присланнаго съ повелѣніемъ, между тѣмъ перешелъ мѣстечко Толочинъ и рапортовалъ, что остановиться потому не могу, что атаману Платову нельзя безъ пѣхоты преслѣдовать неприятеля, которому мѣста лѣсистыя много способствуютъ. Дежурный генералъ Коновницынъ и полковникъ Толь, желая лишить меня случая сдѣлать что-либо полезное, именемъ фельдмаршала прислали мнѣ вторичное предписаніе остановиться. Вторично дерзнулъ

* Мнѣ дана была сіа довѣренность. (Ерм.)

я ослашаться, и наѣрвѣнь былъ продолжать поступать такимъ образомъ, ибо увѣрвѣнь былъ, что рапорты мои не доходятъ до фельдмаршала, и что въ случаѣ оправданія моего онъ выскнетъ въ истину.

Непріятель отступалъ съ необычайною поспѣшностію, атаманъ Платовъ тѣснилъ его на каждомъ шагу и малѣйшаго не давалъ отдохновенія. Дорога покрыта была тысячами замерзшихъ и умирающихъ людей.....

Между тѣмъ отрядъ генераль-адъютанта графа Ожаровскаго занялъ Могилевъ и взялъ тамъ плѣнныхъ и госпитали. Партизанъ подполковникъ Давыдовъ, переправясь вплавь черезъ Днѣпръ, схватилъ кирасирское депо, приготовляемое для гвардіи. Капитанъ Сеславинъ шелъ по правую сторону атамана Платова, иногда по обстоятельствамъ переходя на другую сторону. Генераль-майоръ Бороздинъ съ отрядомъ наблюдалъ дороги, изъ Могилева идущія. Но столько осторожно выдавался онъ впередъ, столько мало онъ развѣдывалъ о непріятелѣ, что едва около мѣстечка Бобръ не былъ я атакованъ въ тылъ четырьмя тысячами свѣжихъ польскихъ войскъ, проходящихъ изъ Могилева, что въ тогдашнемъ положеніи войскъ моихъ не могло быть выгоднымъ, и сіе потому только не случилось, что я остановился для исправленія сожженнаго моста, и отрядъ непріятельскій успѣлъ пройти между тѣмъ.

Такимъ образомъ, борясь съ затрудненіями, недостаткомъ продовольствія и ощутительнымъ отъ скорости марша изнуреніемъ, умножаемымъ жестокостію холода, достигъ я рѣки Березины, пункта по обстоятельствамъ чрезвычайно важнаго, гдѣ по предположенію фельдмаршала долженъ былъ Наполеонъ погибнуть, въ чемъ увѣрить если не успѣлъ государя, то утвердилъ въ сей мысли столицу и народъ.

Во время пребыванія арміи въ селеніи Красная Пахра, по окончаніи фланговаго на Калужскую дорогу марша... изъ С.-Петербурга флигель-адъютантъ Чернышевъ привезъ... планъ кампаніи, по которому армія адмирала Чичагова, оставивъ нѣкоторую часть войскъ въ сторонѣ Бреста-Литовскаго..... должна была идти къ рѣкѣ Березинѣ и открыть сообщеніе съ корпусомъ генерала графа Витгенштейна, который къ тому времени.... долженъ былъ овладѣть Полоцкомъ и оттѣснить непріятеля къ Березинѣ... Такимъ образомъ 3-я западная армія вмѣстѣ съ корпусомъ графа

Витгенштейна составила бы сильную армию въ тылу непріателя... прежде нежели могъ онъ помышлять объ отступленіи изъ Москвы. Плавъ сей принадлежитъ собственному императора соображенію и безпрекословно съ большимъ познаніемъ составленный!

Адмиралъ Чичаговъ... пришелъ къ Березинѣ, имѣя подъ ружьемъ только 22 тысячи человекъ. Онъ... будучи совершенно одинъ, и ни съ которыми изъ войскъ нашихъ не имѣя сношенія... встрѣчается съ польскимъ генераломъ Домбровскимъ, который изъ Могилева привелъ съ собою войска, во всю кампанію нигдѣ не употребленныя и свѣжія, и заваялъ противъ Борисова укрѣпленія, на правомъ берегу Березины нами прежде устроенныя...

Командующій авангардомъ адмирала Чичагова, генералъ-адъютантъ графъ Ламбертъ атаковалъ укрѣпленія, предъ Борисовымъ лежація, и столько рѣшительно, что, несмотря на упорную оборону непріателя, въ короткое время, съ большимъ его урономъ, взяты оны штурмомъ и притомъ шесть пушекъ и до двухъ тысячъ пѣхотныхъ. Къ сожалѣнію, самъ графъ Ламбертъ раненъ при семъ случаѣ. Генералъ Домбровскийій переправился на лѣвый берегъ и въ Борисовѣ не остановился... Генералъ-майоръ графъ Паленъ (Павелъ) заступившій мѣсто графа Ламберта, посланъ вслѣдъ за непріателемъ...

Генералъ Домбровскийій, отошедши 15 верстъ отъ Борисова, получалъ подкрѣпленіе, въ то самое время, какъ авангардъ генералъ-майора графа Палена начиналъ появляться предъ его передовыми постами... Онъ атаковалъ графа Палена, который... не въ состояніи будучи удержаться, привелъ съ собою непріателя къ Борисову. Адмиралъ Чичаговъ, обо всемъ предупрежденный, не разсудилъ за благо усилить графа Палена, что необходимо было для того, чтобы самому имѣть время отойти въ порядкѣ. Непріатель былъ уже въ виду Борисова, но... адмиралъ готовился покойно обѣдать въ своей квартирѣ... Между войсками въ городѣ большое сдѣлалось замѣшательство, все стѣснилось на мосту, едва успѣли вывезти артиллерію. Обозы чиновниковъ главной квартиры, нѣкоторые казенные, нѣсколько артиллерійскихъ ящиковъ и множество лошадей достались непріателю. Войска, перебѣжавъ мостъ, загляли его за

собою. Непрiятель занялъ городъ, и адмиралъ съ лѣвыми берегомъ потерялъ всякое сношенiе.

Атаманъ Платовъ съ донскими войсками и я съ моимъ отрядомъ, имѣя случаи * (узнать) о прiобрѣтенныхъ прежде генераль-адъютантомъ графомъ Ламбертомъ успѣхахъ и ничего не зная о послѣднемъ происшествiи, идемъ ускоренными маршами къ Борисову, проговоря предъ собою непрiятеля. На послѣдней почтовой станции не доходя Борисова, атаманъ Платовъ получилъ отъ генерала графа Витгенштейна извѣщенiе, что непрiятель ниже Борисова переправляется у селенiя Ухолодь, и что корпусъ, имѣ командуемый, находится не въ большомъ уже отъ почтовой дороги разстоянiи, имѣя противъ себя корпуса маршаловъ Гувiонъ-Сенъ-Сира и Виктора. Онъ предлагалъ атаману идти къ означенной имъ переправѣ. Я, обязавъ будучи идти въ подкрѣпленiе атаману, представлялъ ему, что извѣдомленiе о направленiи непрiятеля подвержено сомнѣнiю, и успѣлъ согласить его идти на Борисовъ, куда и отправился онъ тотъ же день. Я далъ отдохновенiе пѣхотѣ у селенiя Лошницы, съ тѣмъ чтобы за нѣсколько часовъ до свѣта выступить туда же и атаковать непрiятеля при переправѣ.

15-го числа ноября въ ночи атаманъ Платовъ пришелъ съ донскимъ войскомъ къ Борисову.... городъ остался за нами.... Ночью атаманъ Платовъ далъ знать адмиралу о своемъ прiбытiи и моего отряда....

Показавшаяся въ 28 верстахъ ниже Борисова часть непрiятельской кавалерiи, и полученныя извѣстiя, что тамъ учреждается переправа, отвлекли адмирала Чичагова къ тому пункту.... Настоящая переправа предназначена была непрiателемъ у селенiя Бытча.... Маршалы Гувiонъ-Сенъ-Сиръ и Викторъ соединились съ Наполеономъ 14 числа. Аррiергардъ ихъ удерживалъ генерала графа Витгенштейна въ далекомъ еще отъ рѣки разстоянiи.... Графъ Витгенштейнъ думалъ, что онъ гонитъ всѣ ихъ силы предъ собою. Онъ не зналъ, что отъ самой позиции у Черей непрiятель выигралъ у него два марша и прiбылъ очень покойно къ переправѣ. Я смѣю предполагать, что графъ Витгенштейнъ съ намѣренiемъ не тѣшилъ непрiятеля, дабы дать время Наполеону

* жителей, спасшихся отъ непрiятеля.

пройти съ войсками и дѣло имѣть съ однимъ аррьергардомъ маршала Виктора.*

Адмиралъ Чичаговъ, примѣтя сдѣланную имъ важную ошибку отдаленіемъ войскъ своихъ отъ селенія Бытча, возвратился поспѣшно въ прежнюю позицію, но уже нашелъ непріятеля въ такихъ силахъ, которыя достаточны были обезпечить его переправу, и которыя сверхъ того овладѣли и Зембинскимъ мостомъ и дефиле....

16-го числа вмѣстѣ съ разсвѣтомъ началась горячая перестрѣлка.... Отрядъ мой въ 9 часовъ утра былъ уже въ Борисовѣ, но сдѣлавъ 18 верстъ марша и имѣя еще 12 верстъ до мѣста сраженія, дѣлалъ небольшой привалъ. Четыре адъютанта адмирала Чичагова присланы были, чтобы я шелъ сколько можно поспѣшнѣе, и я пришелъ на занимаемую имъ позицію прежде прибытія многихъ его войскъ.

Въ Борисовѣ нашелъ я генерала графа Витгенштейна со всею его главною квартирою. Нигдѣ не видѣлъ я столько пустаго и ни на что не надобнаго народа, такихъ дерзкихъ и глупыхъ вралей!... Рѣдкій изъ нихъ не былъ причиною выигранной баталіи....

16-го числа въ десять часовъ утра передовыя войска генерала графа Витгенштейна показались предъ позиціей, удерживаемою непріятелемъ на лѣвомъ берегу рѣки; прибывшій авангардъ его началъ канонаду, мало весьма вредную для непріятеля, весь же его корпусъ не прежде собрался, какъ къ первому часу по полудни.

Между тѣмъ съ стороны адмирала Чичагова сраженіе продолжалось съ жестокостію.... Неимовѣрная храбрость войскъ нашихъ могла удержать мѣсто, но переправа была закрыта, и не только препятствовать ей, ниже видѣть ея было невозможно.

По собственному пѣвнымъ признанію, потеря непріятеля простирается до 20 тысячъ человекъ убитыми, утонувшими и отдавшимися въ плѣнъ....

Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ того, что генералъ графъ Витгенштейнъ мало весьма участвовалъ въ сраженіи при Березинѣ.... служатъ самые пѣвные, взятые.... адмираломъ Чичаговымъ на правомъ берегу Березины.

* Въ запискахъ своихъ Е. видитъ Витгенштейна въ другихъ описаніяхъ.

Князь Кутузовъ старался обратить вину на адмирала, что армія Наполеона не истреблена при Березинѣ; обвиняла его и вся армія, потому перешло въ столицу, гдѣ въ преступленіе поставлено и то, что Наполеонъ не попался.

Фельдмаршалъ князь Кутузовъ съ арміей принялъ направленіе между Борисовымъ и Минскомъ, но былъ еще въ далекомъ весьма разстояніи...

Въ мѣстечкѣ Сморгони утомленному отряду моему далъ я одинъ день отдохновенія. Передовыя войска адмирала Чичагова перешли Опшяны, главная его квартира была одинъ маршъ впереди отъ меня. Фельдмаршалъ, желая войти въ Вильну съ первыми войсками, оставилъ армію и прѣхалъ на ночлегъ въ Сморгонь. Мнѣ приказалъ выступить на завтра и слѣдовать послѣшнѣе въ Вильну.

Имѣвъ съ фельдмаршаломъ продолжительный разговоръ о сраженіи при Березинѣ, успѣлъ я объяснить ему о всѣхъ происшествіяхъ, при томъ бывшихъ, и что адмиралъ Чичаговъ не столь виноватъ, какъ многіе его представить желаютъ. Не извинилъ я слѣвавшихся имъ ошибокъ, не скрылъ однакоже и графу Витгенштейну принадлежащихъ.

...Ноября 29 дня прибылъ командуемый мною отрядъ и занялъ караулы въ городѣ....

Фельдмаршалъ князь Кутузовъ былъ въ Вильнѣ, покоился на прибрѣтенныхъ имъ лаврахъ и достигшихъ той степени славы, которой онъ конечно не ожидалъ

. и потому, предавшись бездѣйствию, готовъ онъ былъ продолжать его, но получилъ извѣстіе, что скоро прибудетъ императоръ. Между тѣмъ собрались генералы наши въ главную квартиру, и послѣ трудовъ каждый искалъ отдохновенія и наслажденій, въ которыхъ обстоятельства отказывали долгое время. Все вдругъ покорено праздности, забыто, что есть непріятель, хотя не опасный на то время, но могущій возстать. О войнѣ воспоминалъ намъ господствующій самовластно безпорядокъ. Воспоминали

сотнями ежедневно умирающие пленные, тѣлами которых завалены были цѣлые дома и покрыты самыя улицы. . . .

Продолжая званіе начальника главнаго штаба, нѣкоторыя изъ подобныхъ дѣяній не укрылись отъ моего свѣдѣнія, хотя приближенные къ Кутузову и управляющие имъ, сколько можно, старались отдалить меня.

Между тѣмъ вышли для арміи награжденія за нѣкоторыя дѣла. Между прочими и мнѣ за сраженіе при Заболотѣ 7 августа объявленъ чинъ генераль-лейтенанта, и хотя прежде многихъ произведень въ оный, но всѣмъ вообще предложено надо мною старшинство. Бывшій главнокомандующій, генераль Барклай-де-Толли за сраженіе при Бородинѣ представилъ меня къ ордену Св. Георгія 2-го класса. Я былъ увѣренъ, что онаго не получу по многимъ причинамъ, и не трудно мнѣ признаться, что подобное награжденіе принадлежитъ бѣльшимъ заслугамъ, нежели каковую оказать мнѣ случилось, но всеконечно не анненскую ленту долженъ я былъ ожидать, которую дали мнѣ наравнѣ со многими, весьма мало имѣвшими заслуги или никакихъ совершенно.

Тотчасъ по прибытіи государя къ войскамъ рѣшено переходить за Нѣманъ.

.... Должность начальника главнаго штаба при 1-й арміи найдена ненужною, и я наименованъ былъ начальникомъ артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ армій. вмѣстѣ съ звучнымъ симъ именемъ получилъ я часть обширную, разстроенную и запутанную, тѣмъ болѣе что въ каждой изъ армій были особенные начальники артиллеріи и не было общаго. Я видѣлъ, что устроить ее было трудно, что продолжительною кампаніей средства всѣ истощены и способы исправленія сопряжены съ неизбѣжною медленностію. Послѣ виднаго мѣста, которое я занималъ, и въ такое время, когда, по несчастнымъ обстоятельствамъ дѣла нашихъ, никому другому не хотѣли предложить его, и которое, благодаря предмѣстникамъ моимъ, не занималъ я хуже ихъ, въ новомъ званіи моемъ предстояли мнѣ безплодные и невидные труды, безконечныя хлопоты и неминуемыя непріятности и неудовольствія. Я просилъ фельдмаршала и съ согласія его объяснилъ съ государемъ, чтобъ избавиться сего назначенія, признавая себя не

довольно знающимъ внутреннее управление артиллеріи. Государь въ облегченіе мнѣ приказалъ въ случаяхъ затруднительныхъ относиться къ графу Аракчееву, и мнѣ оставалась обязанность повиновенія.

Итакъ былъ я въ званіи начальника главнаго штаба 1-й западной арміи со вступленія оной въ лагерь при Дриссѣ и до возвращенія въ Литву и на границы наши, то-есть въ продолженіи всей отечественной войны. Со времени отъѣзда изъ арміи генерала Барклая-де-Толли занимался я должностію повременно и находилъ выгоду не быть въ главной квартирѣ.

Послѣднія войска наши перешли за рѣку Нѣманъ 1 числа января 1813 года, и государь отправился.

....Прекращаю я описаніе. Приятно мнѣ будетъ въ послѣдствіи времени привести на память, отъ какихъ опасностей, съ какою славой возстало любезное отечество. Не буду я равнодушенъ въ воспоминаніяхъ о тѣхъ людяхъ, коихъ пользовался я просвѣщенною опытностію, или съ которыми раздѣлялъ труды и опасности того времени. Не забуду о неприятеляхъ моихъ не по злобѣ или желанію мщенія, которыхъ ружда душа моя. Вѣчно буду помнить о людяхъ благотворившихъ мнѣ или желавшихъ добра, и сладостно сообщать чувство уваженія къ нимъ, тѣмъ, кому прочту я замѣчанія мои. Не знаю, въ чемъ винить себя болѣе: въ той ли колкости, съ каковою иногда описывалъ незначущихъ людей, или въ той рѣдкой истинѣ, которую говорилъ насчетъ многихъ почитаемыхъ отличными? Людямъ превосходныхъ дарованій, необычайныхъ способностей, нельзя отказать въ почтеніи, ихъ познавать легко, съ ними сравниться невозможно. И такимъ завидовать я не умѣю.

III.

1813—1825.

Начало этой статьи состоитъ изъ разказовъ Д. В. Давыдова, съ дополненіемъ изъ моихъ отмѣтокъ, и нѣсколькихъ подлинныхъ писемъ; продолженіе, относящееся къ Кавказу, составляютъ подлинныя письма, приказы, донесенія, рескрипты, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, съ дополненіемъ изъ разныхъ замѣчаній и разказовъ.

Д. В. Давыдовъ начинаетъ описаніе дѣйствій Ермолова въ кампанію 1813 года съ сраженія при Люценѣ.

„Графъ Витгенштейнъ, не отличающійся большими способностями, потерпѣлъ здѣсь пораженіе; онъ приписалъ, какъ извѣстно, свою неудачу недостатку зарядовъ въ артиллеріи. Это несправедливое обвиненіе, повторенное позднѣе нашими военными историками, опровергается слѣдующимъ: во первыхъ, положительно извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, кои нѣкоторые наши военные историки не хотѣли принять во вниманіе, что Ермоловымъ, бывшимъ начальникомъ артиллеріи всѣхъ армій, было приготовлено зарядовъ несравненно болѣе чѣмъ было ихъ выпущено въ Бородинскомъ сраженіи; а во вторыхъ, паркы, наполненные зарядами, оставаясь нетронутыми въ теченіи боя, находились во все время лишь въ шести верстахъ отъ поля сраженія*.

Ермоловъ, лишившійся, вслѣдствіе этого вполнѣ недобросовѣстнаго обвиненія, мѣста, былъ замѣненъ мужественнымъ, дѣятельнымъ и остроумнымъ княземъ Яшвилемъ (бывшимъ начальникомъ артиллеріи Полоцкаго корпуса, къ коему осо-

* Все мною здѣсь сказанное основано на документахъ, хранящихся въ артиллерійскихъ архивахъ. *Прим. Дав.*

бенно благоволилъ Витгенштейнъ), который, будучи старше его въ чинѣ, находился однако подъ его начальствомъ въ этомъ сраженіи. Ермолову было кромѣ того приказано главнокомандующимъ доложить нашему государю и королю прусскому о неблагопріятномъ исходѣ этого сраженія; такимъ образомъ Витгенштейнъ, желая еще болѣе повредить ему въ глазахъ его величества, избралъ его вѣстникомъ неудачи. Этотъ поступокъ Витгенштейна, столь благороднаго и великодушнаго въ другихъ случаяхъ, можетъ быть объясненъ тѣмъ, что онъ и прочія лица его партіи глубоко ненавидѣли Ермолова за его язвительныя насмѣшки: не будучи въ состояніи возражать ему съ успѣхомъ, они старались вредить ему по возможности по службѣ. Они при этомъ случаѣ достигли своей цѣли, что подтвердилъ оберъ-гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой, сказавшій о Ермоловѣ: „ему деревня Гёршенъ“ (въ которой ночевали ихъ величества и куда прибылъ Ермоловъ съ донесеніемъ) „много повредила въ глазахъ Государя.“

„Послѣ сраженія при Бауценѣ, Ермоловъ, находясь въ арріергардѣ, блистательно выдержалъ главные натиски Французовъ, коими близъ Рейхенбаха предводительствовалъ самъ Наполеонъ. Дойдя до знаменитой позиціи, вѣкогда занятой великимъ Фридрихомъ послѣ Гохкирхенскаго сраженія, Ермоловъ отразилъ здѣсь всѣ натиски непріятеля. Графъ Витгенштейнъ, отдавая ему здѣсь полную справедливость, доложилъ по этому случаю Государю: „я оставилъ на полѣ сраженія на полтора часа Ермолова, но онъ, удерживаясь на немъ съ свойственнымъ ему упрямствомъ гораздо долѣе, сохранилъ тѣмъ вашему величеству около 50 орудій.“ *

* Къ этому времени относится слѣдующее письмо Фигнера къ А. П. Ермолову:

Милостивый государь,

Алексѣй Петровичъ!

Прискорбно мнѣ, что я не могу, по причинѣ болѣзни, имѣть счастье быть у вашего превосходительства и при отъѣздѣ своемъ изъ арміи принять вашего благословенія. Вы бы лучше на лицѣ моемъ усмотрѣли, что я къ вамъ чувствую, нежели изъ письма, ибо тутъ я ничего не пишу, а

„Знаменитая Кульмская побѣда, въ первый день этого великаго по своимъ послѣдствіямъ боя, принадлежа преимущественно Ермолову, служить однимъ изъ украшеній военнаго поприща сего генерала. Здѣсь, какъ подъ Витебскомъ въ 1812 году, гдѣ, лишь вслѣдствіе настойчивыхъ и рѣзкихъ его представленій, Барклааи не принялъ сраженія сперва предъ городомъ, а потомъ позади него, какъ и при Малоярославцѣ, суждено было Ермолову, неиспровергнувъ замыслы враговъ нашихъ, спасти наши арміи отъ пораженій, послѣдствія которыхъ могли бы быть неисчислимы. Хотя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что побѣдой при Кульмѣ Европа въ особенности обязана Ермолову, но многочисленныя и сильныя враги его сидели и сядутся доказать противное; по мнѣнію нѣкоторыхъ, главнымъ героемъ дѣла былъ графъ Остерманъ, по мнѣнію другихъ— принцъ Евгенийъ Виртембергскій, по мнѣнію Барклааи, весьма не благоволившаго къ Ермолову, квартирмейстерскій офицеръ Діестъ, мужеству и совѣтамъ котораго наша гвардія была будто бы обязана своею блестящею побѣдой. Такое разнорѣчіе во мнѣніяхъ относительно одного изъ важнѣйшихъ событій войны 1813 года проистекаетъ, во первыхъ, изъ весьма естественнаго желанія иностранныхъ писателей выставить принца Виртембергскаго главнымъ героемъ подвига, въ коемъ этотъ мужественный и достойный генералъ принималъ дѣятельное участіе, а во вторыхъ, изъ недоброжелательства многихъ нашихъ соотечественниковъ къ Ермолову, блестяція достоинства котораго возбуждали въ нихъ лишь чувство зависти. Цѣня высоко заслуги графа Остермана и принца Виртембергскаго во всю

буду дожидаться случая доказать вамъ, что я по гробъ свой буду почитать и любить васъ.

Вашъ благодарный и чувствительный
А. Фиглеръ.

Іюля, 1813.

Г. Фридштаттъ.

Р. С. Подателя письма сего просилъ я собрать съ должниковъ моихъ деньги, ибо я нахожусь въ великой крайности; сего ради прошу ваше превосходительство сдѣлать ему по сему предмету полную довѣренность.

Насъ это писано Фиглеромъ не за долго предъ смертью.

эпоху наполеоновскихъ войнъ и въ Кульмокомъ сраженіи въ особенности, я, основываясь на свидѣтельствѣ всѣхъ непристрастныхъ очевидцевъ и участниковъ этого боя, и не опасаясь возраженій, положительно признаю Ермолова главнымъ виновникомъ побѣды, стяжавшей русской гвардіи столь справедливую признательность и удивленіе Европы. Не входя въ подробное описаніе этого сраженія, я упомяну лишь о нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ подробностяхъ, изъ которыхъ читатели мои ясно усмотрятъ, кому принадлежитъ главная честь одержанной побѣды. Во время сраженія изъ Богеміи въ Саксонію русской гвардіи, кою временно командовалъ Ермоловъ, вмѣсто заболѣвшаго Лаврова, 2-я дивизія была впереди, а 1-я, при которой находился самъ Алексѣй Петровичъ, остановилась въ Донтѣ; графъ Остерманъ, имѣвшій пребываніе въ Пираѣ, получилъ изъ главной квартиры съ офицеромъ Новосильцовымъ предписаніе, на основаніи котораго ему надлежало со вторымъ корпусомъ и русскою гвардіей двинуться на Максень. Мужественный и хладнокровный графъ Остерманъ никогда не отличался большими умственными способностямъ; совѣтъ, поданный имъ въ 1812 г. въ Филяхъ о необходимости оставить Москву безъ боя, былъ причиною того, что онъ нѣсколько разъ сходилъ съ ума; ему казалось, что армія почитаетъ его послѣ того первѣйшимъ трусомъ. Но, къ счастью, здѣсь душою всѣхъ дѣйствій вновь является Ермоловъ, соединяющій въ себѣ рѣдкую провицательность и энергію съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Получивъ вышесказанное предписаніе, Остерманъ успѣшилъ извѣстить о томъ Ермолова чрезъ того же Новосильцова, бывшаго въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ благороднымъ П. Н. Ермоловымъ, состоявшимъ въ то время въ должности адъютанта при двоюродномъ братѣ своемъ Алексѣѣ Петровичѣ. Хотя въ предписаніи не было положительно упомянуто объ отступленіи союзниковъ отъ Дрездена въ Богемію, но онымъ извѣщали Остермана, что они отходятъ отъ этой столицы съ намѣреніемъ расположиться на окрестныхъ высотахъ; въ случаѣ атаки Наполеона на ихъ правый флангъ (чего они напрасно ожидали отъ столь прозорливаго полководца),

они, какъ было сказано, не замедлять, перейдя тотчасъ въ наступленіе, опрокинуть его въ Эльбу. Новосильцовъ объявилъ конфиденціально П. Н. Ермолову, что ему положительно извѣстно, что вся союзная армія въ полномъ отступленіи на Богемію. Сбѣжавшись съ Остерманомъ среди дороги между Доной и Пирной, и объявивъ ему о истинномъ движеніи союзниковъ, послѣшно отступающихъ въ Богемію, Ермоловъ настоятельно требовалъ немедленнаго движенія всего отряда на Петерсвальде. Какъ бы предчувствуя, что гвардіи придется отступать въ Богемію, Ермоловъ послалъ заблаговременно адъютанта своего Фонъ-Визина и состоявшаго при немъ лейбъ-гусара Мамонова для осмотра дорогъ; эти офицеры донесли ему, что дорога отъ Кричвица на Кенигштейнъ крайне неудобна, впервыхъ, по причинѣ пересѣченной мѣстности, а ввторыхъ, потому что близкое соседство съ неприступною Кенигштейнскою крѣпостью могло быть для насъ весьма опасно. Ермоловъ, основательно изучившій классическія страны: Саксонію и Богемію, и имѣвшій при себѣ всегда карту Бакебергера, объяснилъ по ней Остерману всю необходимость движенія на Петерсвальде. „Прибывъ лишь наканунѣ изъ Гигсгюбеля, гдѣ я обѣдалъ у Цесаревича, я еще „короче ознакомился съ этою мѣстностью, которую ужъ хорошо знаю изъ походовъ великаго Фридриха. Если вы направитесь на Максень, продолжалъ онъ, то весь отрядъ „вашъ будетъ неминуемо окруженъ неприятелемъ, и не избѣгнетъ совершеннаго пораженія; въ доказательство того я „предлагаю отправить по этому пути обозъ съ инструментами, который насъ такъ много затрудняетъ, и я вамъ ручаюсь, что вы его болѣе не увидите *.“

Въ самомъ дѣлѣ этотъ обозъ и денежный ящикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, двинушіеся на Максень, сдѣ-

* Въ моихъ отиѣткахъ, со словъ А. П. записано: Остерманъ хотѣлъ идти на... Ермоловъ, основываясь на картѣ.. убѣдилъ его оставить это намѣреніе, которое погубило бы насъ, и, вообще, безъ Кульмскаго сраженія, даю бы другой видъ войнѣ. „Покажите для пробы вотъ этотъ ненужный для насъ обозъ, сказалъ онъ Остерману, и вы увидите, что онъ придетъ не прежде.“ Тотъ согласился. Въ началѣ сраженія Остерману оторвало ядромъ ногу и оно было ведено однимъ Ермоловымъ.

ладись добычею Французовъ; во время этого совѣщанія, на которомъ не присутствовалъ принцъ Виртембергскій, рѣшено было сѣдовать на Петерсвальде. Храбрыя войска наши, предводимыя Ермоловымъ и принцемъ Виртембергскимъ, опрокинули непріятеля у Кричвица, Котты и Кольберга; безстрашные лейбъ-егери, коими командовалъ достойный Карлъ Ивановичъ Бистромъ, выбили по приказанію Ермолова Французовъ съ высотъ близъ Цегиста. Кавалерія наша, предводимая принцемъ Леопольдомъ Саксенъ-Кобургскимъ, нынѣ королемъ Бельгійцевъ, Кноррингомъ и другими неустрашимыми генералами, совершила блестящія атаки на французскую пѣхоту, которая была ею опрокинута и вогнана въ дѣсъ. Принцъ Леопольдъ, командовавшій кирасирскимъ ея величества полкомъ и называвшій одного Ермолова *mon commandant*, получилъ за этотъ подвигъ, по ходатайству Алексѣя Петровича, знаки Св. Георгія 3-го класса; послѣ этого ряда славныхъ дѣлъ отрядъ двинулся къ Гигсгюбелю. Когда храбрый Кноррингъ, особенно отличившійся въ послѣдствіи, прибылъ къ Остерману съ довереніемъ объ одержанныхъ успѣхахъ, Ермоловъ, приказавъ ему въ присутствіи графа тотчасъ возвратиться къ своимъ войскамъ, сказалъ: „вы сперва дождайте, а потомъ уже прѣзжайте доказывать.“ Такъ какъ петерсвальдскій путь былъ въ двухъ мѣстахъ перерѣзанъ Французами у Гигсгюбеля и Геллендорфа, то Остерманъ, вида, что весь отрядъ, имѣвшій при себѣ до 30 легкихъ орудій, значительно растянулся по извилистой дорогѣ, начиналъ уже раскаиваться въ томъ, что послѣдовалъ совѣту Ермолова. Приказавъ войскамъ идти тише и запретивъ имъ заряжать ружья, Ермоловъ сказалъ графу: „*je vous reponds, Mr. le comte, que nous passerons facilement par là; я беру на себя предъ его величествомъ всю отвѣтственность за все то, что можетъ приключиться съ гвардіей.*“ Широкоплечіе и усастые ветераны преображенскіе выбили Французовъ изъ гигсгюбельской позиціи, а неустрашимые Семеновцы штыками проложили себѣ дорогу у Геллендорфа; сюда почти перпендикулярно къ петерсвальдской дорогѣ сходится другая, идущая чрезъ селеніе Макербахъ на Кенигштейнъ по ущелью, образуемому рѣчкою Баръ; по этой дорогѣ могла даже удобно сѣд-

довать неприятельская тяжелая артиллерія. Оцѣнивъ всю важность этого пункта, занятіе котораго Французами могло имѣть для насъ самыя гибельныя послѣдствія, Ермоловъ, съ свойственными ему рѣшительностію и провѣдательностію, остановивъ слѣдовавшую къ Петерсваальде гвардейскую артиллерійскую роту Ладыгина, и лично расположивъ пушки этой роты на важнѣйшихъ пунктахъ, приказалъ тотчасъ открыть изъ нихъ огонь. Неприятель, двигавшійся по ущелью съ тяжелою артиллеріей, приведенный въ замѣшательство этимъ неожиданнымъ огнемъ, остановился. Французы, введенные въ заблужденіе фальшивыми донесеніями лазутчиковъ насчетъ численности нашихъ войскъ, еще болѣе убѣдились послѣ того, что мы ихъ значительно превосходимъ въ пѣхотѣ и артиллеріи. Такъ какъ надлежало, спустившись съ горъ, занять позицію у выхода ихъ, то Ермоловъ приказалъ оберъ-квартирмейстеру 2-го корпуса Гейеру расположить стрѣлковъ и пѣхоту въ садахъ и виноградникахъ, находившихся на воллендорфскихъ высотахъ, и удерживать ихъ по возможности долѣе, дабы дать остальнымъ войскамъ время и возможность избрать позицію и удобно расположиться на ней. Но такъ какъ это приказаніе не было приведено въ исполненіе, а, напротивъ, Французы, овладѣвъ высотами и расположивъ на ней свою артиллерію, открыли сильный огонь по отступавшимъ войскамъ, то Ермоловъ сказалъ Гейеру въ присутствіи Остермана: „благодарите Бога, что я нѣсколько моложе графа, „а то бы я васъ разстрѣлялъ здѣсь на мѣстѣ“. Остерманъ, будучи раненъ въ 10-мъ часу утра 17-го августа, сдалъ начальство надъ всѣми войсками Ермолову, принявшему на свой щитъ всѣ удары превосходнаго въ числѣ неприятеля. Когда прибылъ съ кавалеріей князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, Ермоловъ поспѣшилъ явиться къ нему, но этотъ отлично благородный человѣкъ сказалъ ему: „побѣда „за вами, довершайте ее; если вамъ нужна будетъ кавалерія, я охотно и немедленно вышлю ее, по первому вашему „требованію.“ * Къ вечеру прибылъ корпусъ Раевского; Ер-

* Въ моихъ отиѣткахъ записано: подъ конецъ сраженія подоспѣлъ князь Д. В. Голицынъ, и, какъ старшій, долженъ былъ принять команду,

моловъ, которому удалось уже отстоять поле сраженія, просилъ его не высылать къ нему на помощь никакихъ войскъ. Такимъ образомъ, слава этого блистательнаго подвига, имѣвшаго столь огромное вліяніе на войну, есть исключительно достояніе гвардіи и ея предводителя. Императоръ Александръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: „Ермоловъ укрѣпилъ за собою гвардію.“ ** Реляція объ этомъ сраженіи была написана самимъ Ермоловымъ; относя весь успѣхъ дѣла непоколебимому мужеству войскъ и распоряженіямъ графа Остермана, онъ почти умолчалъ о себѣ. Остерманъ, прочитавъ ее, не взирая на жестокія страданія, написалъ весьма неразборчиво слѣдующую записку, которая хранится у генерала Ермолова:

„Довольно возблагодарить не могу ваше превосходительство, находя лишь только, что вы мало упомянули о генералѣ Ермоловѣ, которому я всю истинную справедливость отдавать привычекъ; впрочемъ

съ должнымъ имѣю честь быть...“ ***

„Когда флигель-адъютантъ князь Голицынъ привезъ графу Остерману знаки Св. Георгія 2-го класса, этотъ мужественный генералъ сказалъ ему: „этотъ орденъ долженъ бы

но благородно отъ нея отказался. „Вы уже рѣшили дѣло, сказалъ онъ Ермолову, я не хочу похищать вашего звѣзда, а если вамъ нужны мои войска, вы можете распоряжаться ими.“

** У меня слова эти приписаны великому князю Константину Павловичу. Сраженіе Кульмское рѣшило судьбу кампаніи и погибель Наполеона. Государь былъ въ восторгѣ. На мѣстѣ битвы онъ надѣлъ на побѣдителя орденъ Св. Александра Невскаго, а великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ: „Ермоловъ укрѣпилъ за собою гвардію“. До Кульмскаго сраженія Ермоловъ имѣлъ гвардію только ad interim. Государь былъ на него даже въ неудовольствіи и вотъ по какому случаю (не по люцернскому ли? см. выше). Послѣ онъ далъ ему бригаду, къ которой въ досадъ Ермоловъ не хотѣлъ являться.... во время Бауцевскаго сраженія.... Тогда государь далъ ему аррьергардъ.

*** Въ одно изъ моихъ путешествій, кажется въ 1846 г., мнѣ случилось встрѣтиться въ Парижѣ съ жемевскимъ священникомъ Качеловскимъ, который передалъ мнѣ, что старикъ Остерманъ, жившій тогда въ Жемевѣ, велѣлъ ему непремѣнно достать портретъ Ермолова. Я тогда же передалъ это желаніе Алексѣю Петровичу, и оно доставило ему большое удовольствіе.

принадлежать не мнѣ, а Ермолову, который принималъ важное участіе въ битвѣ и окончилъ ее съ такою славой.“ *

„Прибывъ въ 7-мъ часу пополудни къ Кульму въ первый день знаменитой битвы, главнокомандующій Барклай приказалъ собрать военную думу для награжденія отличившихся. Имѣя въ особенности въ виду дать георгиевскій крестъ покровительствуемому имъ офицеру квартирмейстерской части Діесту, называемому Ермоловымъ деиствомъ, онъ далъ предписаніе, въ коемъ этотъ офицеръ былъ выставленъ какъ руководитель и наставникъ графа Остермана во время боя. Одинъ изъ старшихъ членовъ думы Ермоловъ вошелъ по этому случаю къ ближайшему своему начальнику Милорадовичу съ рапортомъ, въ коемъ, заступившись за честь графа Остермана, онъ опровергъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ показанія Барклая; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ ему мнѣнія членовъ думы, весьма неблагопріятныя для Діеста. Милорадовичъ, имѣя въ виду сдѣлать удовольствіе Барклаю, затерялъ съ намѣреніемъ этотъ рапортъ; увидавъ Ермолова и объявивъ ему эту утрату, онъ приказалъ войти съ новымъ рапортомъ, прося измѣнить содержаніе и смягчить выраженія. Ермоловъ представилъ ему новый рапортъ, который былъ лишь копіей перваго. Узнавъ о томъ, Барклай сдѣлалъ строгое замѣчаніе Милорадовичу за допущеніе Ермолова входить съ подобными рапортами; онъ при этомъ повторилъ свое требованіе относительно Діеста, подтвердилъ еще разъ, что подвиги этого офицера съ самаго начала битвы и отличные совѣты, данныя имъ графу Остерману, будто бы значительно содѣйствовали къ отраженію непріятеля. Ермоловъ нашелся вынужденнымъ войти къ Милорадовичу съ новымъ рапортомъ, въ коемъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: „Мнѣ извѣстно, что на основаніи законовъ, на одному главнокомандующему не предоставлено права наклонять по своему желанію рѣшеніе военной думы; это тѣмъ болѣе удивительно, что главнокомандующій, описывая подробно подвига, совершенные

* Однажды, среди разговора, Алексѣй Петровичъ начертилъ мнѣ карандашомъ на попавшейся подъ руку желтой четверткѣ плакъ Кульмского сраженія. Эта четвертка съ прочими моими автографами поступила въ Петербургскую бібліотеку.

„будто бы Діестомъ съ самаго начала битвы, прибылъ самъ на поле сраженія лишь въ 7-мъ часу пополудни. Мнѣ, какъ главному начальнику сражавшихся войскъ, и прочимъ подкомандуемымъ генераламъ, совершенно неизвѣстны подвиги, оказанные Діестомъ, который, честь имѣю довести, ни когда не подавалъ никакого совѣта графу Остерману, запечатлѣвшему кровью своею славную свою побѣду подъ Кульмомъ.“ Вслѣдствіе этого рапорта Діестъ не получилъ за это сраженіе знаковъ Св. Георгія 4-го класса, которые были ему позднѣе пожалованы государемъ по ходатайству Барклая. Послѣ Кульмскаго сраженія великій князь Константинъ Павловичъ, услыхавъ, что повозка Ермолова пропала, и зная его скудное состояніе, предложилъ ему свой новый, шитый золотомъ, генеральскій мундиръ: „Я тебя хорошо знаю“, сказалъ ему его высочество, „ты не станешь просить вспомошествованія, хотя ты на то имѣешь полное право, тѣмъ болѣе что многія лица, ничего не потерявшія, хлопотали себѣ денежное вознагражденіе; я теперь безъ денегъ и не могу предложить тебѣ ихъ, но возьми въ знакъ дружбы мой мундиръ“. Ермоловъ, поблагодаривъ великаго князя за его вниманіе, не принялъ предлагаемаго мундира.

„Реляція генерала Ермолова о Кульмской битвѣ помѣщена въ запискахъ графа Толя.

„Подробности о Кульмскомъ сраженіи были мнѣ переданы графомъ Остерманомъ, Милорадовичемъ, К. И. Бистромомъ, флигель-адъютантомъ княземъ Голицынымъ, Ладыгинымъ и подполковникомъ Бистромомъ. Этотъ послѣдній, будучи сильно раненъ, едва не истекъ кровью; слабость его была причиною того, что онъ, послѣ рюмки вина, которую ему дали для подкрѣпленія силъ, совершенно опьянѣлъ. Императоръ Александръ, подѣхавъ къ нему, замѣтилъ это: къ счастью, Ермоловъ, находившійся вблизи, оправдалъ Бистрома въ глазахъ государя....

„Ермоловъ пользовался во все время особымъ расположеніемъ князя Шварценберга, рекомендовавшаго его императору и императрицѣ австрійскимъ. Слѣдуя въ 1814 году въ городъ Мо по мосту черезъ Сену, Ермоловъ не хотѣлъ пропустить впереди гвардіи обоза генералиссимуса, сопровождаемаго однимъ изъ его адъютантовъ. Такъ какъ сей послѣдній сталъ надменно и дерзко настаивать въ своемъ намѣреніи, Ермоловъ, въ присутствіи почтеннаго и отлично

способнаго И. В. Сабанѣва, объявилъ ему, что онъ его не пропуститъ; онъ грозилъ даже сбросить его въ воду. Эта рѣшительность Ермолова заставила адъютанта уступить, Шварценбергъ, узнавъ вскорѣ послѣ того объ этомъ обстоятельстве и увидавъ Ермолова, сказалъ ему: „J'ai ar-
„pris, général, les impertinences faites par un de mes aides-
„de-camp en votre présence, aussi je viens de le renvoyer de
„chez moi à l'armée.“ Проходя съ гвардіей мимо памятника великаго Тюрена, находящагося близъ Засбаха въ Баденскомъ герцогствѣ, Ермоловъ, не взирая на то что мы въ то время были въ войнѣ съ Французами, рѣшился отдать честь памяти этого полководца; напомнивъ въ приказѣ, что права великихъ людей на уваженіе народовъ вездѣ равны, онъ приказалъ войскамъ слѣдовать мимо памятника въ полной парадной формѣ и съ музыкой. Прибывъ въ 1814 году къ городу Баръ-Сюръ-Объ, въ которомъ проживалъ Удино у престарѣлаго отца своего, Ермоловъ, знавшій, сколь много этотъ маршалъ обладалъ лѣннаго его адъютанта фонъ-Визина, рѣшился оказать ему съ своей стороны вниманіе; къ его квартирѣ былъ приставленъ почетный караулъ, что весьма тронуло Удино, отклонявшаго, однако, отъ себя эту честь. Во время сраженія подъ Парижемъ, Ермоловъ, увидавъ, что солдаты дивизіи генерала Пышницкаго, коему онъ былъ нѣкогда, въ войну 1794 года, поручень, нагибаются послѣ каждого пушечнаго выстрѣла, воодушевилъ ихъ слѣдующими словами: „стыдно, ребята, вамъ кланяться, „вѣдь вы ядра рѣже видите чѣмъ сухари“. Хотя всѣ Пруссаки, поздравляя Ермолова съ успѣхомъ, говорили ему, что „сегодня вашъ Красный Орелъ почернѣетъ“; но прусскій король, оставшись недовольнымъ потерей, повсемѣнно прусскою гвардіей, которую Ермоловъ, по его собственному выраженію, вывелъ „въ расходъ, не пожаловалъ ему этого ордена.“

Манифестъ о занятіи Парижа писалъ Ермоловъ, за отсутствіемъ Шашкова, уѣхавшаго въ Прагу.

Барклаевъ приказъ къ арміи, очень неловкій, съ порицаніями Французовъ, не понравился государю. Константинъ Павловичъ указалъ на Ермолова. Ермоловъ заимствовалъ кое-что изъ Тита Ливія, и въ проектѣ приказа въ первый разъ употребилъ слово „товарищу!“ Была также

фраза: „я знаю каждаго изъ васъ; по крайней мѣрѣ мѣсто, ознаменованное его подвигами.“ Ермоловъ прочелъ государю, потомъ въ другой разъ, и тотъ подписалъ.

Въ Парижѣ государь былъ недоволенъ смотромъ и велѣлъ посадить трехъ полковниковъ подъ арестъ. Ермоловъ заступился и настаивалъ на своемъ. „Позвольте напомнить вашему величеству, что караулъ у васъ иностранный“. Государь не убѣдился, но Ермоловъ не исполнилъ приказанія и спокойно отправился въ театръ. Тамъ нашелъ его поздно вечеромъ полковникъ Чебышевъ, посланный княземъ Волховскимъ отыскать Ермолова, гдѣ бы онъ ни былъ. Надо было повиноваться.

На другой день Ермоловъ имѣлъ горячій разговоръ объ арестованныхъ полковникахъ съ великимъ княземъ, Николаемъ Павловичемъ....

„Послѣ взятія Парижа въ 1814 году, продолжаетъ Давыдовъ, командиръ прусской гвардейской пѣхотной бригады генералъ *Альвенслебенъ*, бывший свидѣтелемъ мужества и искусства одного русскаго артиллерійскаго офицера, принадлежавшаго къ гренадерскому корпусу генерала Раевского, близъ деревни *Rautin*, ходатайствовалъ чрезъ Ермолова о его награжденіи. Этотъ благородный Прусакъ оканчиваетъ письмо свое, писанное по этому поводу Ермолову, слѣдующими словами: „*Es ist mir leid seinen Namen nicht angeben zu können; Euer Excellenz bekannte gütige Fürsorge—das verborgene Verdienst zu heben, wird aber diesen Offizier bald erkennen lassen.*“ (Мнѣ жаль, что я не могу сказать имени этого офицера, но извѣстная заботливость вашего превосходительства возвышать скрытыя заслуги ручается за то, что имя этого офицера будетъ скоро извѣстно). Этотъ офицеръ, имя котораго я забылъ, было отысканъ и награжденъ.“

Во время Вѣнскаго конгресса Ермолову поручена обсервационная армія на австрійской границѣ.

Въ Парижѣ государь говорилъ Алексѣю Петровичу, что въ скоромъ времени пошлетъ его въ Прагу, но до времени приказалъ молчать о томъ.

Наконецъ, наканунѣ своего отъѣзда въ Англію, въ ночь, онъ призвалъ его къ себѣ и далъ формальное словесное приказаніе. Оно было весьма поспѣшное, потому что дѣла

были такого рода. За дальнѣйшими соображеніями государь велѣлъ ему явиться къ графу Аракчееву. На другой день Алексѣй Петровичъ является къ графу. Инструкція получена. Алексѣй Петровичъ спросилъ насчетъ прогонныхъ денегъ. Но графъ Аракчеевъ не получалъ отъ государя никакихъ распоряженій насчетъ дорожныхъ расходовъ. Таково было положеніе Алексѣя Петровича. Скорый и поспѣшный отъѣздъ, невозможность видѣть государя, потому что онъ былъ уже въ дорогѣ,—вотъ были тогдашнія его обстоятельства; онъ былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ, одному своему жалованью. Между тѣмъ какъ другія подобныя лица, отправляемые съ различными порученіями, сверхъ прогонныхъ, получали еще огромныя суммы на непредвидѣнные расходы, Алексѣй Петровичъ (тогда генераль-лейтенантъ) не имѣлъ и необходимаго. Но графъ Аракчеевъ нашелъ средство помочь горю. Онъ послалъ своего адъютанта, Клейнмихеля, къ банкиру, у котораго открытъ былъ счетъ нашимъ государемъ расходамъ во время пребыванія въ Парижѣ, и занялъ на имя государя необходимую сумму. (С.)

„Командуя въ 1815 году, говоритъ Давыдовъ, авангарднымъ корпусомъ въ Краковѣ, Ермоловъ получилъ двѣ диспозиціи Барклая и князя Шварценберга для движенія войскъ къ предѣламъ Франціи, куда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы. Такъ какъ маршрутъ Барклая во многомъ различествовалъ отъ маршрута князя Шварценберга, Ермоловъ отправилъ въ Вѣну адъютанта своего Граббе, который явился къ нашему государю. На вопросъ его величества, какъ поступить въ этомъ случаѣ Алексѣй Петровичъ? Граббе отвѣчалъ: „онъ мнѣ приказалъ доложить вашему величеству, что это его нисколько не затруднитъ, но онъ будетъ лишь сообразоваться съ обстоятельствами.“ Австрійцы, желавшіе задержать наши войска по возможности долѣе, требовали, чтобы во время марша они располагались не въ городахъ, но въ приготовленныхъ лагеряхъ, куда заблаговременно долженъ былъ быть свезенъ весь фуражъ и провіантъ. Ермоловъ грозно объявилъ австрійскому комиссару, фельдмаршалъ-лейтенанту Роткирху, что онъ съ 40.000 человекъ вездѣ найдетъ себѣ провіантъ и квартиры; онъ до того устроилъ сего послѣдняго, что комиссаръ, согласившись на все, снабдилъ его

большимъ противъ положенія количествомъ подводъ. Такимъ образомъ нашъ авангардъ прибылъ къ берегамъ Рейна гораздо ранѣе прочихъ войскъ. * Войска графа Ланжерона и Раевского, находившагося въ то время въ отпуску, расположенныя близъ Галиціи, остались далеко назади по той лишь причинѣ, что графъ подчинился требованіямъ Австрійцевъ. Ермоловъ, слѣдуя чрезъ Германію къ Рейну, поручилъ адъютанту своему Штраудману благодарить отъ своего имени жителей городовъ, кои оказывали нашимъ войскамъ радушный приемъ. Въ этомъ году фельдмаршалъ Барклай, находившійся съ Ермоловымъ въ весьма холодныхъ отношеніяхъ, инспектировалъ близъ Гейдельберга завѣдываемый имъ 6-й корпусъ; во время осмотра Мариупольскаго гусарскаго полка, въ коемъ числился раненый въ 1812 году ротмистръ Горичъ, не получившій, не взирая на оказанныя имъ отличія, никакой награды, Ермоловъ, не предупредивъ Барклая, вызвалъ его изъ фронта и сказалъ ему: „благодарите фельдмаршала за жалуемый вамъ слѣдующій чинъ“. Барклай, не уважившій бы, быть-можетъ, въ другое время ходатайства Ермолова, нашелся вынужденнымъ подтвердить это въ приказѣ“. **

* Точно также записано въ моихъ отчетахъ.

** Около этого времени Аракчеевъ писалъ Ермолову.

„Милостивый государь мой,
„Алексѣй Петровичъ!

„Вы явкогда позволили мнѣ адресоваться къ вашему превосходительству съ моими препорученіями: нынѣ я онымъ хочу воспользоваться. Податель сего письма, гвардіи артиллерійской бригады прапорщикъ, князь Долгорукій (покойный генералъ-адъютантъ, князь Илья Андреевичъ), находящійся при мнѣ въ должности адъютанта, молодой и хорошо воспитанный человекъ и самый усердный къ службѣ офицеръ, пожелалъ быть въ дѣйствующей арміи; почему я рѣшился просить объ немъ никого больше, какъ только васъ, моего милостиваго государя, дабы вы сдѣлали мнѣ ваше одолженіе принятіемъ его къ себѣ въ штатъ, съ употребленіемъ на службу государя императора, но собственно при вашемъ превосходительствѣ. Вы исполненіемъ сей моей просьбы обяжете того, который съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію всегда пребудетъ

„вашего превосходительства покорный слуга

„графъ Аракчеевъ.

„С.-Петербургъ.

„Юля 23 дня 1815 года.“

„Графъ Аракчеевъ, бившійся съ Ермоловымъ въ 1815 г. объ закладъ о томъ, что онъ будетъ военнымъ министромъ, сказалъ въ томъ же году въ Варшавѣ государю слѣдующія замѣчательныя слова * : „армія наша, изнуренная продол-
„жительными войнами, нуждается въ хорошемъ военномъ ми-
„нистрѣ; я могу указать вашему величеству на двухъ гене-
„раловъ, кои могли бы въ особенности занять это мѣсто съ
„большою пользою: графа Воронцова и Ермолова. Назначе-
„нію перваго, имѣющаго большія связи и богатства, всегда
„любезнаго и пріятнаго въ обществѣ и не лишеннаго дѣя-
„тельности и тонкаго ума, возрадовались бы всѣ; но ваше
„величество вскорѣ усмотрѣли бы въ немъ недостатокъ
„энергіи и бережливости, какія намъ въ настоящее время
„необходимы. Назначеніе Ермолова было бы для многихъ
„весьма непріятно, потому что онъ начнетъ съ того, что
„перегрызется со всѣми; но его дѣятельность, умъ, твер-
„дость характера, безкорыстіе и бережливость его бы впол-
„нѣ въ послѣдствіи оправдали.“

Когда Ермоловъ возвратился въ Петербургъ, государь объявилъ ему назначеніе въ Грузію. „Я никакъ не думалъ бы, что такое назначеніе было для тебя пріятно, сказалъ онъ, но такимъ свидѣтелямъ, какъ графъ Алексѣй Андреевичъ и князь Петръ Михайловичъ, я долженъ повѣрить.“

Надо было повиноваться. Вѣроятно, графу Аракчееву не хотѣлось, чтобы при государѣ оставался человекъ, къ ко-
торому онъ сталъ сильно привыкать.

Дневникъ А. П. Ермолова. **

1815 г. апрѣля 4. Покинулъ Краковъ вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ. Краковъ для него безцвѣненъ воспоминаніями и для нѣкоторыхъ другихъ, адъютанта Граббе, генералъ-майора Полторацкаго.

5. Перешелъ границу.

* Этотъ разговоръ былъ передавъ знаменитымъ нашимъ гр. М. И. Платовымъ, въ присутствіи котораго онъ происходилъ. *Прим. Дав.*

Точно также записано въ моихъ отиѣткахъ.

** Мѣстами сокращенный г-номъ С. Такія сокращенныя мѣста поставлены въ скобкахъ.

(Австрійцы дурно доставляли провіантъ и проч. Многія войска должны были останавливаться. Ермоловъ настаивалъ на противоположномъ и у Австрійцевъ, и у своего государя, и несмотря на 30 тысячъ войскъ, бывшихъ у него, онъ сдѣлалъ ускореннымъ маршемъ. С.)

20. Трудный переходъ черезъ гору Шенгенгетъ.

26. Прага. Начальникъ города фельдмаршалъ Коловатъ; прѣхали фельдмаршалъ Барклая-де-Толли и г.-а. Закревскій.

(Мая 5. Австрійскій генералъ баронъ Роткирхъ съ восхищеніемъ расстался съ Ермоловымъ, потому что Ермоловъ простосердечно рассуждалъ объ гофъ-кригс-ратѣ. С.)

(Ермоловъ австрійскимъ комиссарамъ давалъ похвальные листы и они были въ восторгѣ. С.)

Нюренбергъ. Начего въ Германіи не видалъ еще я скучнѣе Нюренберга. Рѣдко два или три человѣка встрѣчаешь въ безконечныхъ его улицахъ; городъ кажется опустошеннымъ моровою язвой. Любопытенъ я былъ видѣть забавы жителей. Въ собраніяхъ ихъ не менѣе важности, какъ въ засѣданіяхъ инквизиціи; многихъ лица не веселѣе приговоренныхъ къ смерти. Я думалъ отдохнуть за городомъ, но окрестности несносныя, пески какъ въ степяхъ Ливійскихъ.

Ласковаго хозяина моего услужливый садовникъ умѣлъ сдѣлать полезное употребленіе: изъ задней двери сада являлись красавицы за цвѣтами, которыхъ конечно никогда не продавалъ онъ выгодаѣ.

(У Ермолова новый начальникъ графъ Ланжеронъ. С.)

Князю Мадатову поютъ стихи, какъ побѣдителю, хотя еще мы не сдѣлали выстрѣла, и даже не знаемъ, какъ далеко непріятель по ту сторону Рейна.

(Юня 7. Въ Некеръ-Гемюнде. Ермоловъ видѣлся съ Государемъ, который осыпалъ его ласками. С.)

(8. Первый переходъ войскъ Ермолова черезъ Рейнъ, въ Мангеймъ. С.)

Гейдельбергъ. Возвратился генералъ-лейтенантъ Толь изъ арміи фельдмаршала Блюхера съ извѣстіемъ, что Наполеонъ атаквалъ его, не собравшагося въ полныхъ силахъ, приобрѣлъ большіе надъ нимъ успѣхи, и разбилъ два его корпуса; ихъ преслѣдуетъ. Пруссаки потеряли болѣе 30 орудій.

Извѣстіе сіе произвело сильное дѣйствіе на Австрій-

цевъ, которые уже не спѣшили переходить Рейвъ, вѣроятно выжидая послѣдствій сраженія.—Прискакалъ баварскій фельдмаршалъ князь Вреде, прося подкрѣпить войска его, расположенныя за Рейномъ. И меня даже осыпалъ онъ пріѣтствіями, какъ перваго изъ Русскихъ, переходящаго за Рейвъ. Какихъ не выслушалъ я похвалъ!

(9. Пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о побѣдѣ Веллингтона и Блюхера и совершенномъ разбитіи Наполеона. С.)

15. Франкфуртъ. Проходила гвардія короля прусскаго, которую онъ осматривалъ. Я командовалъ ею при взятіи въ прошедшемъ году Парижа. Офицеры и солдаты увидѣли меня съ удовольствіемъ. Каждый взводъ, прошедши короля, такъ громко меня пріѣтствовалъ, что я долженъ былъ отойти далѣе, чтобы король не слышалъ того. Я не замѣчалъ въ немъ ко мнѣ благаговленія.

26. Получено извѣстіе о занятіи Парижа, Веллингтономъ и Блюхеромъ. Государь поспѣшно туда отправился. Радость о преодѣлннн гордаго непріятеля не менѣе сожалѣнія, что Русскіе не были участниками побѣды.

Юля 4. Нанси. Я пріѣхалъ осмотрѣть присоединяющуюся къ корпусу 2-ю гренадерскую дивизію подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Паскевича.

Торжество о возвращеніи Лудовика XVIII въ Парижъ. Не примѣтно ни малѣйшей радости въ народѣ.

(8. Получено извѣстіе, что Наполеонъ предалъ себя англійскому правительству. Ермоловъ усмирилъ коменданта крѣпости Голе, не признававшаго Лудовика XVIII. С.)

20. Пріѣхалъ по почтѣ въ Парижъ. Остановился у Закревскаго. Квартира мнѣ назначена въ St.-Honore.

Представлялся Государю. Приказано носить фракъ и въ немъ неловкость моя была замѣчена.

28. Назначенъ парадъ, и дивизія проходила городъ. Состояніе войскъ превосходно! Три взвода сбились съ ноги отъ неправильности музыки, государь приказалъ арестовать 3 полковыхъ командировъ, и они посажены подъ иностранный караулъ. Я просилъ о прощеніи отличныхъ офицеровъ, мнѣ отвѣтствовано со гнѣвомъ. Я вспомнилъ объ иностранномъ караулѣ. Подтверждено о исполненіи повелѣнія.

(Августа 11. Государь хвалилъ Ермолову англійскія войска. Ермоловъ возражалъ. Государь разсердился. С.)

(16. После ученья английской кавалерии былъ обѣдъ. С.)

За обѣдомъ Государь, превознося ученье, обратился ко мнѣ. Я представилъ, что превосходство конницы не определяется кампаніей, продолжавшеюся двѣ недѣли, однимъ сраженіемъ и переходомъ отъ границъ Бельгіи. Я указалъ на одинъ изъ нашихъ драгунскихъ полковъ, въ которомъ много еще было людей и даже лошадей, которые провожали въ Китай посла графа Головкина. Въ прошломъ году изъ армии генерала барона Беннингсена полкъ сей, возвратясь въ отечество, имѣлъ квартиры въ Малороссіи, гдѣ не болѣе пробывши четырехъ мѣсяцевъ, пришелъ сюда, и теперь находится близъ Парижа, ни мало не уступая въ исправности английской кавалеріи. Я сослался на генералъ-адъютанта Винценгероде, у коего онъ состоялъ въ командѣ. Онъ не возразилъ противъ моего сужденія, хотя въ понятіи его не было ничего совершеннѣе конницы австрійской, но онъ сомнѣвался, чтобы могла она вытерпѣть подобное испытаніе.

(На одномъ изъ обѣдовъ, на коихъ былъ Ермоловъ, многіе изъ офицеровъ, находившихся въ сраженіи при Ватерлоо, отбросивъ всякое хвастовство, даже не скрывая собственныхъ ошибокъ, рассуждали о семъ сраженіи, и легко видно было, что Веллингтонъ былъ въ затруднительномъ положеніи. С.)

Я осматривалъ все любопытное въ Парижѣ, посѣщалъ театры, почти неразлучно былъ съ Вельяминовымъ, начальникомъ штаба моего корпуса, офицеромъ рѣдкихъ достоинствъ, котораго называю я тескою. Подражая ему, я обходилъ по вечерамъ Итальянскій бульваръ, но не избѣжалъ искушеній въ Variétés. Встрѣтилась красавица въ тѣснотѣ. Забыты осторожности, и ты, любезный теска, долго будешь ждать меня изъ улицы Св. Амвросія! Можетъ-быть, завтра новый случай Пикудину оказать искусство врачеванія. Не такъ я жилъ въ прошломъ году....

Было странное ученье нашего гренадерскаго полка имени короля прусскаго вмѣстѣ съ прусскимъ полкомъ имени императора. Команда на разныхъ языкахъ производила довольно несвязное дѣйствіе. Веллингтонъ былъ свидѣтелемъ и желаніе сдѣлать угодное государю вложило въ уста его непростительную лесть. Онъ даже старался казаться удивленнымъ!

20. Дивизія гренадеръ выступила. Я остался по приказанію государя, дабы осмотрѣть устройство англійской артиллеріи. Герцогъ Веллингтонъ далъ повелѣніе показать мнѣ двѣ батареи, и мой офицеръ допущенъ былъ снять чертежъ лафета и описать укладку зарядовъ.

(25. Государь догналъ всю русскую армію на возвратномъ пути въ Россію. С.)

26. Былъ маневръ или приуготовленіе къ настоящему маневру. Государь былъ весьма доволенъ. Корпусные командиры приглашены къ обѣду.

28. Прибыли императоръ австріискій, король прусскій, ихъ сыновья, фельдмаршалъ князь Шварценбергъ, герцогъ Веллингтонъ, князь Вреде и множество иностранныхъ генераловъ и другихъ особъ.

29. Настоящій маневръ въ присутствіи государей. Армія около 150 тысячъ человекъ предстала въ удивительномъ блескѣ, въ одеждѣ по большей части новой, лошади были въ наилучшемъ состояніи. Не только иноземцевъ, но и самихъ насъ удивлялъ величественный и красивый видъ войскъ! Не для каждаго былъ онъ пріятнымъ зрѣлищемъ; многіе конечно вспомнили о сѣдствѣхъ! Такія превосходныя войска и столько страшныя силы заслуживаютъ вниманіе, соединенныя вмѣстѣ, тогда какъ союзники, слабѣйшіе числомъ, разсѣяны по большому пространству. Какого не успеешь подписать трактата при такомъ числѣ negociаторовъ, и какой министръ не покажется краснорѣчивымъ!

Сентября 7. Метцъ. Переодѣвшись во фракъ, я ѣздилъ въ Метцъ, куда приглашенъ былъ полковникомъ Marion, бывшимъ въ плѣну въ Россіи. Какъ ближній, я пріятью молодою и любезною его женою и семействомъ. Входъ въ крѣпость запрещенъ иностранцамъ, для того чтобы не впускать Пруссаковъ.

23. Франкфуртъ. Корпусъ мой проходилъ бригадами, изъ которыхъ каждую смотрѣла великая княгиня (Екатерина Павловна), и я почти каждый день приглашаемъ былъ обѣдать съ генералами. Она оказывала самое милостивое вниманіе. Я не видывалъ женщины болѣе очаровательной!

Октября 9. Веймаръ. Я былъ у великой княгини Маріи Павловны. Никто не отходитъ отъ нея безъ особеннаго

чувства почтенія и привязанности. Нельзя не удивляться неподобной сей женщиной, образцу добровравія, кротости и скромности.

21. Lieberose. Одинъ Саксонецъ справедливо сказалъ мнѣ, что отъ Парижа до Тоб. конечно нѣтъ такой гаусвой стороны.

Ноября. Познань. Здѣсь командованіе корпусомъ сдавъ я генераль-лейтенанту Паскевичу и отправился въ Россію.

Декабря. Вильно. Подъ глазами брата своего провелъ я часть молодости моей, началъ первую противъ непріятеля службу. Здѣсь проводилъ я нѣсколько пріятнѣйшихъ лѣтъ моей жизни, и случились происшествія, которыхъ я никогда не забуду.

14. Смоленскъ. Я вѣхалъ со стороны города, наиболѣе потерпѣвшей отъ непріятеля. Такъ свѣжи опустошенія, какъ будто непріятель только что оставилъ городъ. На прекраснѣйшей вѣкогда площади поправлены только два дома. Сердце сжалось отъ горести, увидя ужасы разоренія. Повсемѣстная бѣдность отъемлетъ надежду, чтобы городъ когда-нибудь возвратится въ первобытное состояніе. Судьба въ сихъ развалинахъ назначала мнѣ пребываніе. Здѣсь квартира гренадерскаго корпуса.

20. По несносной дорогѣ, испытывая ужасные морозы, доѣхалъ я до Ораа къ моимъ родителямъ.

Здѣсь, по долговременномъ отсутствіи, послѣ войны продолжительной и трудной, предался я совершенному бездѣйствію, которое у военныхъ людей нерѣдко замѣняетъ спокойствіе. Я имѣлъ нужду въ отдохновеніи, и уже начиналъ скучать службою, которая не представляла впереди никакихъ пріятныхъ занятій, особенно въ гренадерскомъ корпусѣ.

(Государь неоднократно звалъ Ермолова *захватъ* въ С.-Петербургъ. С.)

1816. Апрѣля 22. Въ Смоленскѣ прочелъ въ газетахъ назначеніе мое въ Грузію.

(29?) 24. Петербургъ. Я представленъ Государю, который, объявивъ мнѣ о назначеніи въ Грузію, прибавилъ: „Я бы не повѣрилъ, что ты можешь желать сего назначенія, еслибы не предстали свидѣтели графъ Аракчеевъ и князь Волконскій, ручавшіеся, что оно согласно съ твоимъ

намѣреніемъ.“ Государь былъ чрезвычайно милостивъ, предузналъ, что я пожелаю имѣть начальникомъ корпуснаго штаба служившаго со мною полковника Вельямина (теску), и потому не приказалъ до того занимать этого мѣста.

Іюль. Сообщено мнѣ назначеніе чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Персію и на достоинство сіе принялъ я присягу въ иностранной коллегіи. Страшнымъ я казался самому себѣ, и всего болѣе страшился я репрезентации, которая необходима между азіатскими народами, особенно же у двора, который славился пышностію.

Составляется многочисленный для посольства штатъ, я представляю о совершенной перемѣнѣ оного, которая высочайше утверждена. Я отказался отъ положеннаго жалованья послу, и потому ежемѣсячно положена сумма на содержаніе посольства, которою буду я пользоваться равно какъ и каждый изъ чиновниковъ. Я не искалъ особенныхъ выгодъ.

По части гражданскаго управленія въ Грузіи я представилъ о необходимости распространенія власти. Разсуждаемо о томъ въ комитетѣ министровъ. Мнѣ дѣламы возраженія, я дѣлалъ ихъ съ своей стороны, и наконецъ въ пользу мою, кромѣ двухъ, всѣ голоса и даже могущественнаго графа Аракчеева. Государю представлено дѣло въ превратномъ видѣ и какъ будто о намѣреніи разрушить существующій порядокъ. Комитетъ получаетъ замѣчаніе, мнѣ предписано входить съ представленіями, когда обстоятельства потребуютъ какихъ-либо измѣненій. Легко замѣтилъ я досаду графа Аракчеева, что оспаривали его мнѣніе и даже могли имѣть успѣхи противъ него.

Я познакомился съ персидскимъ посломъ Мирзою-Абдуль-Гассанъ-ханомъ, человекомъ довольно хитрымъ, который, долго живши съ Англичанами и бывши въ Лондонѣ, къ чрезвычайной гибкости персидской присоединилъ вѣжливость европейскую. Онъ отправляется прежде меня съ полною увѣренностію, что мнѣ приказано стараться сдѣлать шаху всевозможныя угожденія. Въ понятіи его угожденіе не чтѣ иное, какъ уступка провинцій.

Откланиваюсь императорской фамиліи; Государь приказалъ ожидать въ Москвѣ его прибытія. Милости его обращаютъ на меня вниманіе всего двора и я дѣлаюсь извѣстнымъ людямъ, которые едва подозрѣвали о моемъ

бытіи. Ни одинъ не смѣетъ сказать, чтобы не зналъ меня давно и не съ лучшей стороны. Но вмѣстѣ съ успѣхами моими приобрѣтаю я и сильныхъ непріятелей.

Москва, 15 августа. Пріѣзжаетъ Государь въ первый разъ послѣ отечественной войны. Народъ встрѣчаетъ его съ восторгомъ, изъявляетъ привязанность къ нему въ высочайшей степени. Онъ не дѣлалъ шагу, не будучи окруженъ толпами. Мысль о немъ казалась единственнымъ занятіемъ каждого. Забыто разрушеніе Москвы, забыты бѣдствія! Государь оказываетъ всѣмъ благоволеніе, каждому доступъ къ нему свободный. И моя незнакомая фигура является посреди окружающихъ его и между прочими обращаетъ на себя вниманіе.

16. Большой обѣдъ у государя. Казалось, посадили за оный всю галерею древностей. Государь разсуждалъ о происшествіяхъ войны. Вдругъ встаетъ со стула и пьетъ здоровье мое, какъ главнаго виновника побѣды при Кульмѣ, объясняетъ, какъ важны были слѣдствія сего сраженія. Всѣ, угождая ему, пьютъ мое здоровье, и весьма многіе не знаютъ, кто я. Я смѣшался, не зналъ ничего сказать и готовъ бы былъ лучше выдержать порядочную перестрѣлку. Это былъ день перваго сраженія при Кульмѣ.

26. День Бородинскаго сраженія. Парадъ войскъ. Я получаю позволеніе отправиться къ своему мѣсту.

Сентября 17. Ново-Черкасскъ. По калмыцкому порядку въ Донскомъ войскѣ я во многихъ мѣстахъ ухожу пѣшкомъ отъ почтовыхъ лошадей. Узнаю, что для войскового атамана графа Платова выставлены отъ дворянства лошади, я отправляюсь самъ въ степь верхомъ на почтовой лошади, отгоняю табунъ и въ добычу достаю прекрасныхъ лошадей *. Казаки, бывшіе при табунѣ, поражены были удивленіемъ, видя хищника, украшеннаго разными знаками. Я поѣхалъ покойно до самаго Черкаска.

20. Пріѣзжаю на границу Кавказской губерніи. Ступилъ на землю, ввѣренную моему управленію. Не радуюсь встрѣченному на первомъ шагу порядку. Нахожу выставленные для меня конвои линейныхъ казаковъ, составленные по большей части изъ малолѣтнихъ, къ службѣ неспособ-

* Онъ тутъ поколотилъ урядника коломъ, но уѣзжая, далъ ему три червонца.

выхъ, ибо предвѣстникъ мой отпустилъ шесть донскихъ полковъ, саужившихъ на линіи, и ихъ замѣнили старыми и малыми.

22. Георгіевскъ. Крѣпость для насъ смѣшная, для неприятелей нашихъ страшная! Я избѣгалъ обыкновенной встрѣчи, и отослалъ (?) ожидавшихъ меня и пріѣхалъ на перекладной перевозкѣ, никѣмъ не будучи узнавъ.

Первое сдѣланное мною распоряженіе состояло въ томъ, чтобы остановить шесть донскихъ полковъ, отправленныхъ на Донъ, и приказать имъ вступить на посты, которые занимали они прежде. Линейные казаки обращены въ свои дома.

Все было въ состояніи совершеннаго разрушенія!

Октября 5. Дарьялъ. Мѣсто ужасной наружности.

Катауръ. Переѣзжая Крестовую гору, мы пили здоровье императора въ воспоминаніе вступленія въ Лейпцигъ послѣ пораженія французской арміи.

На Кавказѣ. Другая казалась земля, другое небо!

Тифлисъ. 10. Переправившись у селенія Мехешъ (чрезъ) Арагу, я поѣхалъ лѣвымъ берегомъ Куры, приказавъ дорожнымъ товарищамъ моимъ слѣдовать по обыкновенной дорогѣ. Я прибылъ предъ самымъ вечеромъ, и какъ ожидали меня съ другой стороны, то и избѣгалъ встрѣчи. Проводникомъ моимъ былъ мой адъютантъ князь Бебутовъ, уроженецъ тифлисскій. Никто не узналъ меня, принимая меня за посланнаго впередъ чиновника. Я тотчасъ явился у генерала отъ инфантеріи Ртищева. Добрый старикъ сей давно ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ, ибо желалъ возвратиться въ Россію послѣ шести-лѣтняго пребыванія его на линіи и въ Грузіи.

Тутъ нашелъ я возвращающагося посла персидскаго, который нарочно отложилъ отъѣздъ свой, чтобъ видѣться со мною.

18. Генералъ Ртищевъ отправился въ Россію, и я вступилъ въ командованіе корпусомъ и Грузіей. Повидимому долговременное назначено мнѣ здѣсь пребываніе!

Получилъ курьера объ открывшейся чумѣ на кавказской линіи и что проходившіе пять донскихъ полковъ заразились. Поки оставлены въ двадцати семи верстахъ отъ Тифлиса. Конвой отъ силъ полковъ сопровождалъ меня въ пути чрезъ горы, и люди изъ онаго имѣли свободное

обращеніе въ городѣ, слѣдовательно предосторожности были уже невозможны. Съ робостію ожидалъ я послѣдствій, но мнѣ покровительствовало счастье.

Приготовляясь къ отъѣзду въ Персію, зная желаніе и домогательство шаха персидскаго, чтобы возвращена была ему часть Карабахскаго ханства, я долженъ былъ осмотрѣть ту часть границъ, дабы удостовѣриться, можно ли безъ нарушенія прочности оныхъ сдѣлать какую-либо уступку, если не найду я другихъ средствъ сдѣлать шаху угожденіе въ пользу дружественныхъ связей, недавно утвержденныхъ, которыхъ сохраненіе поставлено мнѣ было главнѣйшею цѣлью и обязанностію.

Декабря 4. Зардобъ, селеніе Ширванскаго ханства. Г.—л. Мустафа, ханъ Ширванскій, дожидался моего пріѣзда. Я увидѣлъ человѣка полудикаго, зналъ недовѣрчивыя его свойства. Онъ тотчасъ пришелъ ко мнѣ, и я посѣтилъ его. На другой день угощалъ меня безконечнымъ обѣдомъ.

Со мною были три генераль-майора, два адъютанта и двадцать казаковъ конвою. Мустафа-ханъ замѣтилъ мнѣ, сколько неосторожно имѣть такъ малый конвой. Онъ говорилъ: „Ко мнѣ пришли вы шесть человѣкъ, а конечно не предприиму ничего противъ васъ, но могу ли я быть увѣренъ, чтобы между окружающими меня не было людей дерзкихъ. Точно также предостерегалъ я покойнаго князя Циціанова, когда онъ проходилъ съ войсками къ крѣпости Баку. Мнѣ извѣстны были вѣроломныя свойства бакскаго хана. Здѣсь не должно быть довѣрчивымъ.“ Я поблагодарилъ за пріязненный совѣтъ и мы продолжали обѣдать весьма покойно. Ему странною казалась наша безпечность.

7. Миншчауръ. Здѣсь встрѣтилъ меня г.—м. Измаиль, ханъ Шекинскій. Множество поступило уже жалобъ на жестокіе и безчеловѣчныя его поступки съ подданными, на корыстолюбіе необузданное и тягостныя налоги разнаго рода. Толпы народа окружили меня, любопытствуя видѣть, какъ я приму хана, и не менѣе, вѣроятно, — какъ приму приготовляемые подарки. Я отвергъ сіи послѣдніе, хану сказалъ я, что я внимательно буду наблюдать за его поведеніемъ, что, перемѣнивъ прежнее, онъ можетъ надѣяться на пріязненное расположеніе начальства. Поручилъ имѣть попеченіе о благосостояніи народа.

12. Тифлисъ. Между прочими занятіями по службѣ дѣлаются приготовленія къ отъѣзду въ Персію.

1817. Января. Вл. С. Мазаровичъ отправленъ въ Персію съ письмами къ Аббасу-Мирзѣ въ Тавризы и въ Тегеранъ къ шаху. Умный и ловкій сей чиновникъ способенъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія къ моему пріѣзду.

Отправленъ курьеръ въ Константинополь къ посланнику нашему барону Строганову, дабы узнать, въ какихъ Порты къ намъ отношеніяхъ.

Февраля. Донесеніе государю о примѣченныхъ движеніяхъ, о заготовленіяхъ въ большомъ количествѣ продовольствія въ сосѣднихъ областяхъ Анатолиі. Я изложилъ мнѣніе, что, въ случаѣ непріязненныхъ намѣреній Порты, отсутствіе мое въ Персію можетъ быть вреднымъ. Думать надобно, что замѣчанія мои были не безъ основанія, ибо я получилъ изъ Петербурга бланкетъ кредита къ шаху персидскому, и государю угодно было предоставить мнѣ усмотрѣніе, отправиться ли мнѣ самому или по избранію моему назначить посломъ одного изъ подчиненныхъ мнѣ генераловъ.

Мартъ. Отъ принца Аббаса-Мирзы приславъ чиновникъ узнать, когда я намѣреваюсь выѣхать и что по первому извѣщенію моему сдѣланы будутъ всѣ приготовленія.

Получивъ изъ Анатолиі извѣстія, которыя не давали причины къ большимъ безпокойствамъ, удостовѣривъ изъ сообщенія посланника барона Строганова, что Порты принимаетъ мѣры къ усмиренію одаго изъ возмутившихся нашей, я рѣшился отправиться въ Персію.

Я послалъ къ Аббасу-Мирзѣ курьера съ извѣстіемъ о моемъ выѣздѣ. Къ сардару эриванскому отправилъ я квартирмейстерской части поручика Бобарыкина, дабы сообщить ему о всѣхъ необходимыхъ приуготовленіяхъ для удобнѣйшаго слѣдованія посольства. *

О посольствѣ въ Персію Алексѣй Петровичъ велъ особый дневникъ, извѣстный по многимъ спискамъ. Мы выбираемъ здѣсь изъ этого дневника черты, наиболѣе

* Здѣсь оканчивается сокращеніе дневника Алексѣя Петровича Ермолова, сдѣланное г-мъ С. Увидимъ ли мы когда-нибудь этотъ драгоценный дневникъ сполна?

характеристическія. Варіанты приложены по списку, напечатанному въ *Чтеніяхъ*.

...Заключенный съ Персією миръ въ исходѣ 1813 года положилъ конецъ продолжительной войнѣ, которая хотя и не была для Россіи опасною, могла однакоже во время вторженія непріятели въ отечество наше и занятія Москвы имѣть худыя слѣдствія; наче сопровождаема будучи внутренними въ Грузіи безпокойствами. Счастливымъ оборотъ дѣлъ нашихъ, изгнаніе непріятели изъ предѣловъ Россіи, ужасное повесенное имъ пораженіе и войска наши, путемъ побѣдъ прошедшія до сердца Германіи, вразумили Персіанъ, что для спокойствія ихъ надлежало искать мира съ Россіей, отложивъ тщетную надежду пріобрѣсти его оружіемъ. Персія отеклась отъ правъ своихъ на покоренныя оружіемъ нашимъ и присоединенныя по трактатамъ провинціи; но отправивъ чрезвычайнаго посла въ Петербургъ, вознамѣрилась просьбами и убѣжденіями склонить великодушіе государя императора на возвращеніе сихъ провинцій. Посоль прибылъ въ отсутствіе государя, который, начальствуя арміями, находился внѣ предѣловъ Россіи, озабоченный успокоеніемъ Европы, которую воззвалъ отъ замѣшательства къ устройству, освободилъ отъ ига Наполеона и возвратилъ къ первобытнымъ властямъ и порядку. По прибытіи императора въ С.-Петербургъ, посоль персидскій представилъ просьбу шаха, и получилъ въ отвѣтъ, что во взаимство дружбы отправлюсь я * посломъ къ его величеству шаху, имѣя порученіе сообщить по сему предмету мысли императора, и сколько пріятно ему во всемъ соотвѣтствовать желанію шаха. Посоль выѣхалъ изъ С.-Петербурга, а вскорѣ послѣ него и я отправился. Въ Грузіи пробылъ я нѣкоторое время, объѣхалъ нѣкоторыя мѣста границы на случай тотъ, еслибы Персіане настоятельно требовали измѣненія оной; дабы знать, возможно ли безъ вреда допустить оное, а по сей причинѣ принужденъ былъ уеждать отъѣздомъ моимъ въ Персію.

1816 года, апрѣля 17, сдѣлавъ заблаговременно всѣ нужныя къ отъѣзду моему въ Персію распоряженія, отправился я изъ Тифлиса....

* *Варіантъ по другому списку:* Въ доказательство искренней пріязни назначаюсь я....

.....
Мая 1. Эчмядзиль, престольный армянскій монастырь. За пять верстъ встрѣченъ я былъ пятью епископами верхомъ, кои, сойдя съ лошадей, поздравляли съ прїездомъ. Больше нежели за версту выѣхалъ самъ патріархъ. Я сошелъ съ лошади, и онъ также, сколько я его ни удерживалъ. У воротъ монастыря напелъ я духовенство съ крестами и образами въ великолѣпнѣйшей одеждѣ, и съ колокольнымъ звономъ и пѣніемъ препровожденъ я былъ до назначеннаго въ монастырѣ дома. Я хотѣлъ идти прямо въ церковь, но съ намѣреніемъ не сдѣлалъ того, дабы не привести съ собою толпы встрѣчавшихъ меня Персіянъ, кои въ храмахъ нашихъ обыкновенно не оказываютъ никакого уваженія святынь. Тутъ же я узналъ, что множество приставлено шпионовъ, дабы наблюдать за патріархомъ и нашимъ поведеніемъ съ нимъ. Это первый опытъ недоувѣрчивости къ намъ, которой Персіяне скрыть не умѣли.

2. Эчмядзиль. Чиновники персидскіе настаивали, чтобы, не дѣлая роздыха, ѣхалъ я прямо въ Эривань, но я остался по причинѣ праздника Вознесенія. Отслушалъ обѣдню и молебень. Патріархъ говорилъ прекрасную рѣчь, въ которой призывалъ благословеніе Божіе на исполненіе возложенныхъ на меня государемъ императоромъ порученій, и всѣми вами замѣчено, что когда патріархъ упоминалъ о императорѣ, всегда тотчасъ за нимъ долженъ былъ громко прокричать имя шаха, дабы могли слышать Персіяне, или иначе онъ подвергался взысканію, за избавленіе отъ коего Персіяне берутъ всегда хорошія деньги *. Съ прискорбіемъ видѣлъ я, что чиновники персидскіе во время богослуженія требовали студья и сидѣли, не взирая на то, что я не только не сѣлъ на предложенныя мнѣ кресла, ниже не сталъ на коверъ, нарочно для меня разостланный. Замѣтитъ должно, что сіи самые чиновники не смѣютъ сидѣть при сердарѣ эриванскомъ, если онъ имъ не позволитъ **, что весьма бываетъ рѣдко и принимается за великую милость.

.....
4. Эривань. Мнѣ показана квартира въ домѣ командира

* Подвергается большому взысканію.

** Они нѣсколько разъ заставляютъ повторить себя о томъ приглашеніи

батальйона регулярной пѣхоты. Пуншъ и ликеръ начали и утвердили знакомство, веселый мой хозяинъ пьязъ каждый день по нѣскольку разъ.

5. Эривань. Сардаръ по требованію моему сдѣлалъ мнѣ постъщеніе первый. Вскорѣ потомъ былъ я у него со всею свитой, были угощаемы обѣдомъ и сластями. Насъ забавляли пѣніемъ, которому одинъ несноснѣйшій крикъ уподобленъ быть-можетъ, и ужаснымъ коверканіемъ и кривляніемъ, которое Персіяне (называютъ) пляскою. Они съ восторгомъ на то смотрять.

6. Я со свитою приглашенъ былъ въ садъ сардаря. Таковой же данъ былъ намъ обѣдъ. Такъ же мучили насъ пѣвцы и плясуны. Съ нами была музыка посольства, которая всѣмъ очень понравилась. Мы угощали сардаря нашими конфектами и мороженымъ. Крѣпкіе ликеры и пуншевое мороженое были въ общемъ вкусѣ. Изъ благопристойности мы то и другое назвали лѣкарственнымъ составомъ для желудка. Наименованіе лѣкарства наморщило персидскія рожи *; но пріятный вкусъ, а паче очаровательная сила, оживили ихъ веселіемъ, и въ честь закону твоему, великій пророкъ, не вырвался ни одинъ вздохъ раскаянія **.

.....

До прибытія моего въ Эривань разнесся слухъ, что я въ свитѣ своей веду войска, и ужасъ былъ общій. Глупому персидскому легковѣрію казалось возможнымъ, что везу съ собою ящички, въ которыхъ скрыты солдаты, долженствующіе овладѣть крѣпостію. Невидимые мои легионы составляли 24 человекъ пѣхоты и только же казаковъ, а регулярная моя конница заключалась въ одномъ драгунскомъ унтеръ-офицерѣ, который присматривалъ за единственною моею лошадыю. Вотъ всѣ силы, приводившія въ трепетъ сардаря, твердую подпору *** персидской монархіи. Гордость персидская и искусство притворствованія не могутъ скрыть страха, который нагнали Россіяне.

* Лица.

** Главный докторъ сардаря болѣе всѣхъ вкусилъ цѣлительнаго состава, а имъ ободренный сардаръ подаль собою примѣръ прочимъ собесѣдникамъ. Долго на лицѣ одного изъ священнослужителей видны были слѣды невоздержанія, но дѣйствіемъ ликера смягчилось ожесточеніе мусульманина.

*** Приводившія въ трепетъ пограничныя провинціи персидской монархіи.

11 и 12. Городъ Нахичевань. Ханъ, управляющій небольшою сей областію, человекъ весьма веселый и отлично вѣжливый, лишился глазъ во время обладанія Персіей злодѣя Али *-Мехметъ-Хана, одного изъ родоначальниковъ нынѣ царствующей фамиліи. Его тронуло особенное уваженіе, оказанное мною къ несчастному его состоянію. Вырвалась горькая жалоба на жестокость тирана. Состояніе рабства не удаляетъ отъ человека чувства оскорбленія, и если судьбы опредѣленія строги иногда, то благодѣтельная природа улаживаетъ горестъ оскорбленія надеждою отмщенія. Но сей несчастный уже въ лѣтахъ клонящихся къ старости, лишенный зрѣнія, двадцати лѣтъ ** отлученный отъ приверженныхъ къ нему подданныхъ ***, не можетъ и сего имѣть утѣшенія. Осторожное правительство удерживаетъ сына залогомъ вѣрности. Какія новыя чувства испытываетъ при подобной встрѣчѣ человекъ, живущій подъ кроткимъ правленіемъ и наслаждающійся свободою! Здѣсь, между врагами свободы надобно научиться боготворить ее. Здѣсь съ ужасомъ видимъ власть царей, преступающую предѣлы **** въ отношеніи къ подданнымъ, съ сожалѣніемъ смотримъ на подданныхъ, не уважающихъ самихъ себя, не чувствующихъ достоинствъ человека. Благословяю стократъ участь любезнаго моего отечества, и ничто не изгладитъ въ сердцѣ моемъ того презрѣнія, которое почувствовалъ я къ правительству Персіи †.

13. Въ обѣихъ областяхъ, Нахичеванской и Эриванской, не сдѣлали мы шагу безъ сопровожденія войскъ, и весьма примѣтно было, что старались сколько возможно показать ихъ болѣе, и, сколько умѣли, въ большемъ видѣ. Въ городахъ не осталось ремесленника, на котораго бы не навязали

* Аги.

** Въ продолженіе 20 лѣтъ.

*** Подвластныхъ.

**** Видимъ, что люди, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть, не познаютъ предѣловъ ея въ отнош. и пр.

† Благословяя стократъ любезное отечество, я преисполнился презрѣніемъ къ персидскому правительству. Весьма удивлялись моему соблазнованію провожавшіе меня Персіяне; эти рабы изъ подобострастія готовы почитать излеществомъ самые глаза.

ружья. Хватали проезжающих изъ окрестностей на торгъ поселаяъ и вооружали, дабы вразумить насъ, какими страшными силами ограждаемы пограничныя Персїи области. (Строгое соблюденіе благопристойности не скрыло во мнѣ чувства презрѣнія, а смѣяся, но не столько то было смѣшно Персіянамъ*.)

19. Въ Тавризѣ чрезъ пристава нашего посредствомъ обыкновеннаго разговора сообщено мнѣ было весьма вѣжливымъ образомъ объ обычаяхъ и церемонїяхъ, употребляемыхъ при персидскомъ дворѣ: что въ комнату къ наследнику нельзя войти въ сапогахъ, но должно надѣть красные чулки, что одинъ я могу быть въ комнатѣ съ совѣтниками посольства, а прочіе чиновники должны стоять на дворѣ подъ окошками, и прочія вѣкоторыя другія глупыя** предупрежденія. Во время Наполеона, когда искалъ онъ дѣлать возможный вредъ Россїи, присланный отъ него въ Персїю генераль Гарданъ, дабы вкраться въ довѣренность Персіянъ, дѣлалъ всѣ имъ угожденія и ему послѣ краснаго копака вольности не трудно было надѣвать красные чулки лести. Посланники англійскіе и всѣ теперь въ Персїи живущіе чиновники ихъ, быть-можетъ не съ тѣми видами какъ Французы, но всеконечно, съ намѣреніемъ тѣсною связію прїобрѣсть выгоды торговли, также не дѣлаютъ затрудненій въ предложенїяхъ Персіянъ насчетъ этикета***. Посланники къ шаху и наследнику ходятъ въ красныхъ чулкахъ, а офицеры и къ**** мурзѣ Бузіорку не смѣютъ войти иначе. Но какъ я не прїѣхалъ ни съ подлыми чувствами французскаго шпіона, ни съ корыстолюбивыми желанїями прикащика торговой націи, то † и не согласился на красные чулки и прочія условія. Итакъ Аббасъ-Мурза по долгомъ разсужденіи мудраго его совѣта рѣшился прїять насъ не въ комнатѣ, но на дворѣ, не сидя на коврахъ своихъ, которыхъ не дерзалъ поцирать ни одинъ сапогъ

* Мѣста, заключающагося въ скобкахъ, вѣтъ въ другомъ спискѣ.

** И многія довольно страшныя.

*** Чиновники и лица занимающіяся торговлей безпрекосовно подчиняются существующему этикету.

**** Каймакаму (вм. мурзѣ Бузіорку).

† Такъ какъ я прїбылъ не въ качествѣ Наполеонова шпіона, то....

цаи, башмакъ, но стоя и просто на каменномъ Упомощи
внутренняго двора у самыхъ окошекъ дворца, подъ порт-
ретомъ родителя своего.

На другой день я хотѣлъ ѣхать за городъ, но Аббасъ-
Мирза прислалъ предложилъ мнѣ ѣхать послѣ обѣда съ
нимъ вмѣстѣ, и что онъ покажетъ * мнѣ свою конницу.....

Мы проѣхали мимо **, и онъ говорилъ мнѣ, что за-
вести артиллерію научили его Русскіе. (Я хвалилъ камѣре-
ріе и что онъ выбралъ хорошій образецъ для подражанія,
ибо английская (?) артиллерія известна своимъ устрой-
ствомъ и искусствомъ, а что если Русскіе причиною, что
онъ завелъ оную, то онъ вразумилъ другихъ, сколько она
необходима. Ибо) *** народъ самый же просвѣщенный Трух-
менцы, чувствуя какъ пользу, просили у нихъ завести оную.
Примѣтно было, что онъ съ большимъ любовитствомъ слу-
шалъ разговоръ сей, и даже спросилъ, къ кому отнеслись
съ своею просьбою. Я отвѣчалъ, что мнѣ отомъ объявилъ
желаніе въ бытность мою съ Грузіи, но что не имѣвъ вре-
мени тѣмъ заниматься, передавъ я заступившему моему
сто. начальнику **** (Всѣ бывшіе сомномъ, будучи отъ меня
о томъ предупреждены, смотрѣли, что произведетъ въ немъ
сіе извѣстіе, и всѣ вообще изамѣтили, что) онъ не могъ
скрыть, сколько не равнодушно о томъ слышитъ, даже пе-
реговаривалось лицо его, и онъ еще сдѣлалъ некоторые вопро-
сы (Трухменскій народъ имѣетъ вѣчную вражду съ Персіей.)

Аббасъ Мирза пригласилъ насъ въ свой садъ, который
онъ разводитъ съ недавняго времени. Мы прошли въ бе-
сѣдку, гдѣ камѣреръ онъ былъ угощать насъ, а самъ по
какъ предложилъ онъ мнѣ, чтобы всѣ бывшіе чиновники
вышли въ другую комнату, гдѣ для нихъ приготовлено уго-
щеніе, и какъ я отвѣчалъ, что и самъ съ ними выйду, то
онъ удержалъ насъ при себѣ, (но вмѣсто чаю далъ намъ
немного щербету, и то потому что ему самому дить хо-
тілось †.) Изъ саду мы поѣхали обратно въ городъ. Вер-

* И хотѣлъ показать.

** Оной (артиллеріи).

*** Вм. поставленнаго въ скобкахъ: „Я весьма одобрилъ это все и при-
совокупилъ: Трухменцы“ и пр.

**** Зависающагося въ скобкахъ, мѣтъ въ другомъ спискѣ.

† Тоже.

ховыя лошади были за стѣною сада. Одна только лошадь Аббасъ-Мирзы была ему подведена. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ далъ знать ординарцу, и тотчасъ подѣвъ лошади Мирзы явилась и моя лошадь, что Персіянцѣмъ показалось страннымъ, но мы не менѣе выѣхали изъ сада вмѣстѣ. Нѣтъ случая, нѣтъ обстоятельства, въ которомъ бы Персіане не почитали за нужное оказать гордость свою, и я воображаю удивленіе ихъ, когда въ возвратъ получаютъ они гордость гораздо бѣольшую, и сверхъ того и самое прѣрѣвіе. Такимъ образомъ продолжалъ я поступать съ ними. Возвратясь въ городъ *, разстался мы у воротъ дворца, и я поѣхалъ домой. Поутру былъ у меня съ визитомъ визирь, сынъ каймакана, послѣ него меньшей сынъ, женившійся недавно на дочери шаха. Всѣ главнѣйшія особы посылали меня каждый съ чиновниками, ему подчиненными. Одни не были военные регулярныхъ войскъ, ибо не съ кѣмъ было прислать ихъ, кромѣ начальствующихъ ими Англичанъ, которые, какъ я полагаю, посовѣтались представлять мнѣ тѣхъ, которыхъ они въ глазахъ офицеровъ моихъ многихъ во фронтѣ били кулаками въ зубы. Сею полезною операціей Англичане Персіянцѣмъ истолковываютъ правила чести, что сдѣхъ послѣднихъ хотя и оскорбляетъ, но они въ свою очередь передаютъ подчиненнымъ и весьма тѣмъ доводны; одни нижніе чины остаются безъ удовлетворенія. Но судьба справедлива, можетъ и имъ представить благоприятный случай, и при первой перемѣнѣ въ правительствѣ могутъ англійскіе военные ростовщики ** расплатиться за кулачные удары...

За день было до отъѣзда моего, Аббасъ-Мирза прислалъ пригласить меня ѣхать съ нимъ за городъ. Я отозвался, что какъ я завтра выѣзжаю, то нынѣшній день берегу глаза мои, въ которыхъ чувствую боль, и потому не могу имѣть удовольствія сего видѣть, а прошу позволенія прислать одного изъ чиновниковъ моихъ, который имѣетъ порученіе отъ меня принести наслѣднику благодарность за

* ...Въ которомъ бы Персіане не желали выказать невыносимую гордость свою, и хотя въ возвратъ бывають награждаемы бѣольшимъ или меньшимъ прѣрѣвіемъ, но перенося его равнодушно, они остаются вѣрны пріятому правилу. Въ городъ мы разстаемся...

** Экзерцирмейстеры (им. войскъ ростовщики.)

благодарный и милостивый прием его и все вѣжливости и вниманіе, которое онъ всемъ намъ оказывалъ. Прибавилъ я къ тому, что я, конечно, дождался бы облегченія моей болѣзни, чтобъ имѣть у него прощальную аудіенцію; но какъ я не былъ принятъ имъ приличнымъ образомъ, и встрѣтился съ нимъ на дворѣ, и за аудіенцію то не считаю, то и не полагаю себя въ обязанности ему откланяться *; впрочемъ, какъ съ человѣкомъ любезнымъ и милымъ, съ которымъ мнѣ пріятно было сдѣлать знакомство, желалъ бы я еще гдѣ-нибудь встрѣтиться, еслибы болѣзнь мнѣ не препятствовала. Сей неожиданный отвѣтъ на предложеніе тронулъ каймакана и за нимъ послѣдовало продолжительное объясненіе, въ которомъ старался онъ увѣрить, что приемъ былъ на дворѣ самымъ величайшимъ доказательствомъ уваженія, которое до того времени никому оказываемо не было; но что все прежніе послы надѣвали красные чулки, если хотѣли быть приняты въ комнатахъ. Я приказалъ сказать ему, что въ сравненіе съ прочими идти не могу, ибо я не пріѣхалъ за собственными выгодами, и что они должны разумѣть, ** что я посолъ державы сильнѣйшей въ мірѣ и имъ сосѣдственной, которой дружественное расположеніе слишкомъ ощутительныя доставляетъ Персіи выгоды. Если же чулки красные и прочіе подобныя этикетки должны непременно служить основаніемъ дружбы между обѣихъ державъ, и что въ пользу утвержденія связи нельзя отступить отъ красныхъ чулковъ, то я прошу каймакана предупредить шаха, что я чулокъ не надѣву; а чтобы не дѣлать бесполезно изаишняго пути,—я на дорогѣ буду ожидать извѣстія, что могу возвратиться въ Россію. Сіе извѣстіе ужаснуло каймакана, и безъ сомнѣнія не было въ разчетѣ ***.

.
Я устыдился, что Тифлисъ въ 15 лѣтъ правленія русскаго представляетъ еще безпорядочную кучу неоправданныхъ каменьевъ; но ожидаю съ нетерпѣніемъ видѣть Испа-

* Официально...

** Что не ставлю себя на одну доску съ другимъ, будучи посломъ....

*** Онъ зналъ, что отъ меня не укрылась его ненависть къ Русскимъ, и что я его разумью за величайшаго изъ плутовъ, потому не могъ сомнѣваться, что вѣскою всехъ могущихъ случиться неудовольствій выставленъ будетъ онъ.

гань, и тогда рѣшено будетъ, должны ли Персіяне почтить Тифлисъ за восьмое чудо въ свѣтъ *. (Домъ мой въ Тифлисъ... можно назвать памятникомъ, воздвигнутымъ въ ознаменованіе того, что какъ архитектура, такъ и поэзія не благопріятствовали Сергѣю Алексѣевичу Тучкову. Сей есть строитель нестройныхъ стиховъ и нелѣпаго дома **).

28. Въ Уджанѣ. Младшій сынъ каймакана присланъ отцомъ, чтобы присутвіемъ своимъ вселить веселость и и удовольствіе въ скучное наше обиталище. Юноша сей, не имѣющій 17 лѣтъ, и другой уже годъ женатый на шахской дочери, пріѣхалъ съ довольно большою свитой, въ которой изъ первѣйшихъ лицъ былъ мулла, обучающій его читать и писать. Мнѣ кажется, что его прислали сюда для того, чтобъ отдалить отъ молодой жены, которою онъ конечно болѣе занимается, нежели азбукой въ его лѣта. Жена не всегда лучшій путеводитель къ мудрости, здѣсь мулла заставитъ его вытвердить нѣкоторыя поученія изъ Алкорана, которымъ верѣдко оканчивается воспитаніе молодого челоѣка, и онъ чрезъ недѣлю отсутствія возвратится къ супругѣ своей гораздо совершеннѣйшимъ ***. Правила въ жизни свѣтской, надобно думать, даетъ ему отецъ его, ибо юноша сей весьма гордъ и надмѣнень (едва пошевѣливался съ мѣста и съ видомъ покровительства принимаетъ онъ приходящихъ къ нему знатныхъ особъ ****.) Ходитъ къ нему † и приставъ нашъ, любезный старикъ, Оскерь-Ханъ †*, но онъ давно служитъ при дворѣ, кто же †** дастъ младшимъ придворнымъ урокъ подлости? надлежало бы, чтобы люди †*** придворные во всемъ мірѣ составляли одну націю особенную; ибо тогда какъ народы

* Ибо въ самой Испани, кромѣ малаго числа зданій, свидѣтельствующихъ нѣкогда о великолѣпнн города во времена Софіевъ, все прочее въ развалинахъ и гораздо болѣе половины города оставлена жителями.

** Въ другомъ спискѣ нѣтъ этого мѣста.

*** Къ такимъ совершенствамъ надо присоединить знатную породу, и это возведетъ его на высочайшія степени въ государствѣ.

**** Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

† Предъ нимъ работнествовалъ (вм. ходить).

†* Аскерь-ханъ.

†** Лучше.

†*** Съ удивленіемъ замѣтилъ я, что люди придворные... составляютъ...

между собою не только больших сходствъ во нравахъ, ниже легчайшаго подобія въ свойствахъ не имѣютъ, они всегда одинаковы; разность ощутительна только въ степени * утонченія подлости, которая уже опредѣляется просвѣщеніемъ.

19 (іюня?) Селеніе Верзаганъ. Здѣсь пріѣхалъ изъ Тегерана коллежскій совѣтникъ Мазаровичъ, послѣ отсутствія его болѣе 4 мѣсяцевъ изъ Тифлиса. Радость, съ каковою встрѣтился онъ съ нами, истолковала намъ тѣ удовольствія, какихъ лишился онъ, оставивъ столицу обладателя Персіи.

Іюля 5. Лагерь при урочищѣ Самонархія, 25½ вер. Здѣсь нашелъ я ожидающаго меня министра и любимца шаха, Мирзу-Абдуль-Вахаба, (хотя) г. Мазаровичъ поѣхалъ ** впередъ условиться, что для меня не нужно никакой встрѣчи, ни церемоніи.... Мирза-Абдуль-Вахабъ сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе, которое я ему на другой день отдалъ. Встрѣча сопровождается была обыкновенными персидскими привѣтствіями и естествомъ, отъ которыхъ давно уже болитъ у меня голова, и (отъ которыхъ въ отчаяніи ***) наговорилъ я ему болѣе еще вѣжливостей и въ ихъ безстыдномъ и нагломъ **** родѣ. Послѣ двухъ сихъ свиданій я сдѣлался немного нездоровъ, и прошло нѣсколько дней, что мы не видали одинъ другаго. Я предупрежденъ уже былъ, что шахъ поручилъ ему вступить со мною въ переговоры, дабы до прибытія своего развѣдать, чего отъ меня ожидать можно. Я очень хорошо зналъ, что мнѣ, не имѣвши у шаха аудіенціи и не представя ему грамоты, не причествуетъ ни съ кѣмъ имѣть переговоры, а по той причинѣ и не сказалъ † я имѣть ежедневныя свиданія и поставить себя на короткую ногу.

9. Мирза-Абдуль-Вахабъ прислалъ мнѣ чрезъ г. Мазаровича грамоту шаха, которою довѣряетъ онъ ему вступить со мною въ переговоры, потомъ вскорѣ приехалъ самъ, и

* Просвѣщенія и ловкости (см. дальше слѣдующихъ словъ).

** Послалъ былъ.

*** Этыхъ словъ нѣтъ.

**** Въ самомъ нагломъ (см. въ ихъ безстыдномъ и нагломъ).

† Я уклонялся (см. не сказалъ).

я объяснилъ ему, что не имѣвши аудиенціи у шаха, не могу я ни съ кѣмъ имѣть переговоровъ, но что зная его за человѣка отличнаго ума и способностей, вмѣляю за особенную честь искать его дружбы, и потому не хочу отнять у себя удовольствія разсуждать съ нимъ какъ съ пріятелемъ о томъ, чего въ качествѣ посла нельзя мнѣ открытъ ему, какъ государственному человѣку. Разговоръ продолжался не менѣе 4 часовъ съ подтвержденіями самыми утомительными, и я рѣшительно объявилъ, что не пріѣхавъ пріобрѣсти дружбу шаха къ моему государю пожертвованіемъ областей, которыхъ жители прибѣгаю подъ покровительство Россіи, что есть много другихъ выгодъ, которыя Персія можетъ извлечь изъ благорасположенія руссійскаго императора, что можно почестъ убѣдительнымъ доказательствомъ великодушія его и залогомъ пріязни, что, не взирая на непрочность границъ Россіи съ Персіей, не намѣренъ онъ улучшить ихъ на счетъ своихъ сосѣдей, и что всѣ имѣя средства исполнить то, что пожелать можетъ *, не хочетъ онъ поступать вопреки выгодъ державы, которой уважаетъ онъ доброе согласіе и дружбу; я приглашалъ взглянуть на карту и убѣдиться, что безъ нарушенія существенныхъ выгодъ Россіи и не давая повода къ неизбѣжнымъ раздорамъ въ послѣдствіи, не возможно уступить шаху земли. Переговоръ сего дня продолжался съ соблюденіемъ съ обѣихъ сторонъ возможной умеренности и хладнокровія, мы разстались, и вслѣдъ за нимъ отославъ я не распечатанную грамоту шаха. Послѣ сего видѣлись мы не менѣе 10 или 12 разъ, и все повторяемы имѣ были тѣ же вопросы и настоянія, какъ будто не довольно ясны, или не довольно вразумительны были мои возраженія и отказы. Съ такою наглостію выхвалялъ онъ мнѣ свое правительство, и ** что не только требуемыхъ ими земель жители, но и самая Грузія конечно пожелаетъ быть уступленною Персіи. Съ какимъ *** безстыдствомъ ичислялъ свои силы и сколько участь ихъ военныхъ людей завиднѣе нашей.

* (Вм. „что всѣ имѣя“ и проч.) не взирая на свои большія средства не хочетъ...

** Увѣряя, (вм. и).

*** Съ такимъ-то.

Нѣкоторыя изъ свиданій нашихъ были весьма шумныя. Мирза-Абдуль-Вахабъ говорилъ, что безъ возвращенія областей онъ сомнѣвается, чтобъ удержалъ я дружественныя связи, и что шахъ оскорбленъ будетъ отказомъ въ томъ, чего такъ давно ожидаетъ и на что имѣеть надежды въ самомъ отвѣтѣ къ нему государя и въ тѣхъ словахъ, которыя сказалъ онъ, отпуская персидскаго посла изъ Петербурга, что онъ не возьметъ на себя объявить шаху войны, опасаясь его гнѣва. Я отвѣчалъ, что государь императоръ по уваженію къ шаху будетъ крайне сожалѣть о разрывѣ, ибо онъ намѣревался постоянно сохранять дружбу; но что между тѣмъ знаетъ онъ, что ничего не должно щадить на защиту вѣрныхъ ему народовъ, которые все счастье свое полагаютъ въ его покровительствѣ, что я также со стороны своей знаю мои обязанности соблюдать достоинство моего государя и Россіи, и что, если въ пріемѣ шаха увижу холодность, а въ переговорахъ съ тѣмъ, кому поручено будетъ разсуждать со мною о дѣлахъ, замѣчу намѣреніе нарушить миръ, я не допущу до того, и самъ объявлю войну и потребую по Араксъ; притомъ истолковалъ я, какой должно употребить способъ для завладѣнія по Араксъ, который заключался въ томъ, что надобно взять Тавризъ, и потомъ изъ великодушія уступивъ Адербиджанскую провинцію, удержать области по Араксъ, и что вы должны будете признать за примѣрную умѣренность. Жаль мнѣ, сказалъ я ему, что вы почтете это за хвастовство, которое между нами не должно имѣть мѣста, а я бы назначилъ вамъ день, когда русскія войска возьмутъ Тавризъ. Я желалъ бы только, чтобы вы дали мнѣ слово дожидаться меня тамъ для свиданія. Я присоединилъ также, что для Персіи война несчастная должна имѣть пагубныя слѣдствія; ибо конечно есть люди, могущіе воспользоваться междуусобіемъ, которое произведутъ неудачи, и даже могутъ желать престола, (къ которому проложилъ дорогу нынѣшній шахъ, соблазнительную для каждаго предприимчиваго человѣка *), и что многочисленное семейство шаха тѣмъ менѣе въ состояніи будетъ удержать за собою престолъ, ибо истребленіе онаго есть средство единственное избѣжать отщепенія. Итакъ первая несчастная война должна разрушить нынѣшнюю династію. Вотъ что ожидаетъ Персію, и неужели

* Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

сосѣди, изъ коихъ нѣкоторые теперь уже безпокойны, останутся равнодушными зрителями мятежей и раздоровъ. Въ сей день мы оба не сохранили прежняго нашего хладнокровія, хотя изрѣдка дѣлали другъ другу величайшія привѣтствія; но кажется, что мои доказательства были убѣдительнѣе; ибо у него вырвалось слово: неужели и Талышинское ханство отдать невозможно, когда главнѣйшая и лучшая онаго часть уже во владѣніи Персіи, и когда осталая столь ничтожна. Я отвѣчалъ, что онъ очень хорошо знаетъ Талышинское ханство (и что оно очень таково *); но потому его отдать невозможно, что оно есть звено, связывающее наши границы, и что оно въ рукахъ Персіянъ будетъ вѣчнымъ яблокомъ раздора съ Россіей. Вы можете судить о невозможности удовлетворить желанію шаха возвращеніемъ земель; ибо и самого Талышинскаго ханства предложить я не намѣренъ, сколько впрочемъ сама по себѣ потеря сія ни маловажна для Россіи.

20. До прибытія шаха любопытенъ я былъ видѣть внутренность дворца, и нашелъ его столько малообширнымъ, что на каждую изъ женъ недостаетъ даже по одной комнатѣ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ спогаяли по нѣскольку въ одну комнату. Меня поразила повсюду отвратительная неопрятность. Рѣдкія изъ комнатъ были оконченны, по большей части встрѣчаются деревянныя грубыя рѣшетки, совершенно подобныя тѣмъ, что дѣлаютъ надъ яслями для закладыванія сѣна. Есть между прочими строеніями одна осмиугольная башня, гдѣ жены живутъ нѣсколько пристойнѣйшимъ образомъ. Но въ ней помѣщается ихъ только четыре съ таковымъ же числомъ прислужницъ. Въ другой башнѣ находится уединенный кабинетъ шаха, посвященный сладострастію, господствующей его склонности. Здѣсь проводитъ онъ большую часть времени, забывая, что онъ уничтожаетъ себя какъ государь, какъ человѣкъ. Нѣсколько сотъ женъ, изъ коихъ каждая не можетъ быть часто удостоиваема свиданія съ шахомъ, въ ожиданіи онаго, какъ единственнаго счастья, изощряетъ себя на всѣ роды обольщенія, расточаетъ отраву лести, и царь женоподобный въ семъ жилищѣ срама и безчестія мечтаетъ быть превыше всѣхъ во вселенной.

* Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

Прежде нежели имѣть у шаха аудиенцію, я посетилъ верховнаго визиря, такъ называемаго Садръ-Азама. Останавливаюсь, чтобы сдѣлать краткое описаніе сего вельможи. Ему 80 лѣтъ; болѣе 40 отпроявляетъ онъ свою должность, служивши при трехъ государяхъ.

Шахъ еще при жизни Садръ-Азама захватилъ часть его имѣнія и объявляетъ полнымъ наследникомъ по смерти. Онъ назначилъ дочь его въ жены одному изъ своихъ сыновей. Ей теперь не болѣе 10 лѣтъ, но уже другой годъ, какъ дѣшлась своего жениха. Шахъ однакоже, не теряя времени, замѣнилъ его другимъ, и сей несчастный имѣть спасенія; ибо у шаха 70 сыновей и въ такомъ количествѣ выборъ не затруднителемъ. Хитрый сей вельможа сдѣлалъ мнѣ привѣтливый приемъ, осыпалъ обыкновенными вѣжливостями. Изъ учтивости долженъ я былъ платити тѣмъ же, и чтобы расположить его болѣе къ себѣ, я сталъ показывать удивленіе къ высокимъ его качествамъ и добродѣтелямъ. Старикъ принялъ лестъ за настоящую правду, и я смаскалъ довѣріе къ моему простосердечію; свелъ съ нимъ знакомство, просилъ его наставленія, какъ умнаго и опытнаго и мудраго человека, и увѣрялъ, что руководимый имъ, я не могу не сдѣлать полезнаго. Въ знакъ большаго къ нему приверженности я далъ ему названіе отца, и какъ покорный сынъ, обѣщалъ ему откровенно говорить обо всемъ. Когда мнѣ не выгодно было трактовать съ нимъ, какъ съ верховнымъ визиремъ, я обращался къ нему, какъ отцу; а когда надобно было возражать ему, или даже побѣждать; то, храня почтеніе какъ сынъ, я облекался во образъ посла. Сею згидою покрывалъ я себя въ однихъ крайнихъ случаяхъ и всегда выходилъ торжествующій. Я однакоже частымъ употребленіемъ сего средства не хотѣлъ истощивать его дѣйствія. Великій визирь сдѣлалъ мнѣ также почтеніе.

31-го іюля. Шахъ далъ мнѣ приемную аудиенцію. Для сего назначена была близь дворца поставленная палатка. Церемоніалъ сдѣланъ былъ для меня отличный, противъ всѣхъ бывшихъ прежде иностранныхъ пословъ. На всѣхъ пословъ надѣвались красные чулки и вводили ихъ безъ туфель, а же вошелъ просто въ сапогахъ и privato было за особое

угроженіе съ моей стороны, что одинъ изъ лакеевъ моихъ, за 100 шаговъ не доходя палатки, стеръ пыль съ моихъ сапогъ. Прочимъ посламъ поставляли кресла на каменномъ помостѣ подъ наружнымъ наметомъ палатки; мнѣ же противъ трона и на томъ же коврѣ, на которомъ стоялъ тронъ; около меня стояли два совѣтника посольства. Смышлыми мнѣ были сіи мелочи, но въ званіи моемъ не могъ я не наблюдать ихъ и не желать отличнаго отъ предѣлителей приема. Въ назначенный часъ для аудіенціи присланъ былъ пригласить меня на оную второй генералъ-адъютантъ шаха. Отъ ставки моей и до дворца, по обѣимъ сторонамъ дороги, поставлена была регулярная пѣхота...

Гордость персидская избрѣла обыкновеніе, что входящій въ комнату не прежде на себя обращаетъ вниманіе хозяина и тѣхъ, кои вмѣстѣ съ нимъ, какъ пройдя половину комнаты, и тогда только присутствующіе встаютъ съ мѣста. Такимъ образомъ принялъ меня Садръ-Азамъ. Точно также принялъ и я его. Здѣсь, въ палаткѣ тѣлохранителей, я ожидалъ испытать ту же встрѣчу, и потому, войдя въ оную, я ни малѣйшаго не обратилъ вниманія на тѣхъ, кои тамъ въ ожиданіи меня находились, и которые точно сидѣли, со стульевъ не вставая. Я избралъ ближайшій стулъ, на другомъ преспокойнымъ образомъ расположилъ свою шляпу и перчатки и началъ заниматься размышленіемъ моихъ чиновниковъ. Генералъ-адъютантъ * шаха подбѣжалъ ко мнѣ и началъ упрасивать, чтобы сѣлъ я на первое мѣсто въ палаткѣ. Я не всталъ со стула, нѣсколько минутъ заставилъ его постоять предъ собою, наконецъ согласился сѣсть на предлагаемое мѣсто. Подали кофе, чай и калянъ, и вскорѣ потребовали меня къ шаху...

Шахъ привѣтствовалъ всѣхъ самымъ благосклоннымъ и приятнымъ образомъ, но въ разговорахъ съ нѣкоторыми изъ офицеровъ, не умѣлъ скрыть чрезвычайной гордости, которая не показалась добрымъ предвѣщаніемъ для дѣлъ моихъ, въ чемъ я весьма обманулся. Аудіенція продолжалась не болѣе часа, и я отправился домой...

Августа 8-го числа ** призванъ я былъ къ нему во дво-

* Зять.

** 3 го числа.

рецъ; а прочіе офицеры, которыхъ не могъ я всѣхъ представить въ первый разъ, ожидали въ палаткѣ, гдѣ разставлены были подарки. Шахъ, не долго удержавъ меня у себя, попросилъ меня показать ему подарки, и сказалъ, что совершивъ обыкновенную свою молитву, онъ не замедлитъ явиться и долго ждать меня не заставитъ. Менѣ нежели чрезъ часъ онъ пришелъ, восхищенъ былъ подарками, удивляясь многимъ вещамъ, а паче зеркаламъ изумительнымъ по величинѣ, и говорилъ, что легче имѣть милліоны и что онъ имъ предпочелъ бы сіи подарки; былъ чрезвычайно веселъ, шутилъ весьма пріятнымъ образомъ, и взявши рюмку, сказалъ, что кристаллъ такъ превосходно выработанъ, что можетъ дать охоту употреблять вино. Словомъ, не упускалъ ни одного пристойнаго случая сказать насчетъ вниманія государя императора самымъ лестнымъ привѣтствіемъ. По выходѣ изъ палатки, спустя нѣкоторое время, просилъ, чтобы я представилъ офицеровъ, и не соблюдая никакой пышной наружности, обошелся съ ними самымъ простымъ образомъ. Силь кончилась вторая аудіенція, и шахъ говорилъ послѣ всѣмъ, что онъ чрезвычайно доволенъ мною и что предъ государемъ не можно быть болѣе почтительнымъ какъ я.

Отдавъ подарки шаху первому, отослалъ я также присланные отъ императора нѣкоторымъ изъ сыновей его и другимъ вельможамъ. Потомъ, боясь терять напрасно время, объяснился я съ Садръ-Азамомъ словесно, что нужно приступить къ дѣлу, и условился, чтобы сообщать одинъ другому на бумагѣ, ибо много разъ испытано предмѣстниками моими, что Персіане не считаютъ за стыдъ или безчестіе утверждать противное тому, въ чемъ уже совершенно согласились или божитья, что не сказали того, о чемъ даже публично говорили. Не хотѣлось мнѣ первому начать бумагою, но примѣтивъ, что они съ намѣреніемъ медлятъ, того выжидая, я, взявъ за предлогъ разговоръ съ Садръ-Азамомъ, вызвался первоначально самъ*, совершенно пустою бумагою, дабы завязать переписку. Всѣ нужныя по дѣламъ бумаги писаны собственною моею рукою и сію предосторожность взялъ я потому, что обстоятельства были немного затруднительны; то, чтобы отвѣтственность на

* И началъ...

одномъ мнѣ возлежала, и чтобы несправедливо не были сдѣланы упреки другому въ неосмотрительности, непредвидѣннѣи и даже самомъ незнаніи.

Будучи самъ * военнымъ человѣкомъ, никогда не имѣлъ я въ предметъ подобныхъ порученій, и потому никогда не приготавливалъ себя къ таковымъ должностямъ, слѣдовательно и погрѣшности въ нихъ не могутъ для меня быть постыдными, ибо происходятъ отъ новости предмета, отнюдь не отъ недостатка усердія или нехотѣнія добра; (симъ новымъ занятіемъ, по счастью моему временнымъ, знаю я, что не сдѣлаю себѣ имени; и потому не вхожу въ расчетъ мой скрывать мои ошибки) **. Я говорю о нихъ и охотно надъ собою смѣяться буду ***.

Главнѣйшій предметъ дѣлъ моихъ былъ тотъ, чтобы удержать за нами области, которыхъ возвращенія столько усиленно домогалась Персія; отказъ самъ по себѣ есть уже непріятель, а намъ еще надобно было не только сохранить, но утвердить связь дружества. И такъ избралъ я пути лести и похвалы шаху и на словахъ и на письмѣ, и сей способъ, впрочемъ, въ отношеніи къ царямъ весьма обыкновенный, вреда никакого не дѣлающій, принесъ не малую мнѣ пользу.

Начались наконецъ переговоры о дѣлахъ, и Садръ-Азамъ обѣщавъ мнѣ нѣсколько конференцій; первая, которую я имѣлъ и гдѣ предложилъ я объясниться **** рѣшительно, заставила его потерять охоту къ прочимъ, и окончилась † одной.

Я въ послѣдній разъ сказалъ имъ, что я, какъ главнокомандующій въ Грузіи, сдѣлалъ обзорѣе границы, и донесите императору, что ни малѣйшей уступки сдѣлать невозможно, что государь, давъ мнѣ власть говорить его именемъ, непременно то же скажетъ въ подтвержденіе; а чтобы болѣе увѣрились они, что я не премѣню мнѣнія моего, то сказалъ я имъ, что если во снѣ увижу, что имъ отдають

* Всегда.

** Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

*** (Вм. я говорю... и пр.): я отдаюсь на судъ всякаго, болѣе меня знакомаго съ этимъ дѣломъ и откровенно сознаюсь во всѣхъ ошибкахъ, на которыя даже прошу указать.

**** Я объяснился рѣшительно...

† Окончилось все дѣло одной.

земца, то конечно не проснусь во вѣки. Я примѣтилъ, что объясненіе было нѣсколько вразумительно*, ибо послѣ сего слабо были повторяемы требованія. На сей конференціи не знаю какимъ образомъ наклонился** разговоръ насчетъ каймакана Мирзы-Бузіорка, втораго министра въ государствѣ, которому шахъ ввѣрилъ управление Азербиджаномъ и прочими смежными съ нами провинціями, кои поручены*** Аббасъ-Мирзѣ, любимому сыну, наименованному наслѣдникомъ престола. Сей министръ, явно намъ недоброжелательствующій, худо расположилъ меня къ себѣ въ провѣздѣ мой чрезъ Тавризъ****, и я имѣлъ къ нему не меньшую ненависть. Я объявилъ Садръ-Азаму и Мирзѣ-Абдуль-Вахабу, что злоба каймакана противъ Русскихъ можетъ имѣть печальныя слѣдствія для Персіи, что сей подлый мошенникъ † будетъ причиною разрыва дружбы и многихъ слезъ вашихъ;—но будетъ жалѣть, и поздно, что оны не только не способствуютъ утвержденію добраго согласія, напротивъ, вымышляя самыя грустнѣйшія несправедливости, возбуждаетъ противъ насъ народы пограничныхъ Персіи областей.

Оба министра на сей панегирикъ не осмѣливались возражать ни слова; ибо я бралъ на себя доказать подлые его поступки; невозможно имъ было защищать его, ибо каждый изъ нихъ, если не въ семь случаевъ, то всеконечно въ другихъ двѣхъ (?) и зналъ, что подобныя мерзости и ругательства противъ каймакана были общій всѣмъ приговоръ †*. Вотъ новый способъ трактовать о двѣхъ государственныхъ и тотъ, который помогъ мнѣ удалить сего подлаго мошенника отъ участія въ конференціяхъ.

16го августа получилъ я отъ мирзы-Шефи бумагу, которою объявлено было, что шахъ пріязнь государя императора предпочитаетъ пользѣ, которую могъ бы получить отъ пріобрѣтенія земель.

* Сіе объясненіе имѣло полный успѣхъ...

** На сей конференціи явелъ я разговоръ...

*** ...Провинціями подъ начальствомъ Аббаса-Мирзы...

**** Тифлисъ.

† Пауль.

†* Ибо каждый изъ нихъ сознавался въ справедливости моихъ обвиненій. Такимъ образомъ мнѣ удалось удалить величайшаго пауга...

2 го августа, шахъ, похваставшись однимъ разъ на охоту, приказалъ въ отсутствіе свое показать мнѣ свои сокровища. Я былъ приглашенъ и со мною всѣ офицеры. Мы видали алмазъ такой величины, которому, можетъ-быть, нѣтъ подобнаго въ свѣтѣ; видѣли нѣсколько другихъ, каковыхъ мадо кто имѣеть изъ царей. Цвѣтныхъ камней много и чрезвычайной величины. Чиновникъ, показывающій ихъ, увѣрялъ, что большая часть сихъ сокровищъ обыкновенно остается въ Тегеранѣ, но что шахъ беретъ съ собою весьма немногіе. Нельзя усомниться, чтобы не было ихъ болѣе того, что намъ показывали; извѣстно однакоже, что онъ имѣеть съ собою драгоценнѣйшія, не вѣряя ихъ никому другому, кромѣ одного внука, который всегда съ нимъ неразлученъ и который въ дорогѣ имѣеть ихъ на себѣ. Въ Персіи не одинъ былъ примѣръ, что кто обладаетъ сокровищами, въ рукахъ того можетъ-быть престолъ персидскій, и потому нынѣ царствующій шахъ, услышавши о смерти своего дяди Али*-Магмедъ-Хана, весьма хорошо зналъ, что надобно поспѣшнѣе захватить сокровища, бывшія въ Тегеранѣ. Хранившій сокровища былъ человекъ ему преданный, шахъ имѣлъ хорошихъ лошадей, и потому прибылъ въ пять дней изъ Шираза въ Тегеранъ. Здѣсь не всегда нужны права, болѣе основательныя. Въ государствѣ, какое есть Персія, гдѣ столько людей беззаконными путями входятъ на тронъ, гдѣ столько соблазнительныхъ примѣровъ для предприимчиваго неовѣжа, жаждущаго владычества, гдѣ нѣтъ законовъ, правилъ чести, гдѣ и самая вѣра не сильныиъ служить обуздателемъ и часто искусный лодкнателями получаютъ направленіе ольстящее страстямъ, тамъ нѣтъ безопасности для царствующаго и для сѣдущаго дня не пробѣгаютъ надеждъ **.

На другой день я былъ приглашенъ къ шаху, и онъ мнѣ упоминалъ о томъ разговорѣ. Никто не могъ ожидать, чтобы шахъ, въ видѣ шутки, сталъ бы мнѣ выговаривать самыя любезныя образы о томъ, что обманулся онъ въ своихъ ожиданіяхъ и что не исполнились надежды, кото-

* Али-Магмедъ-Ханъ былъ сыномъ Шаха Аббаса Великаго, и въ 1629 году вступилъ на престолъ. Онъ былъ очень добродѣтеленъ и любилъ справедливость. Онъ умеръ въ 1666 году.
** Тамъ нѣтъ обозначеннаго престола для кого-бы то ни было; но онъ принадлежитъ лишь самому сильному, ловкому и предприимчивому дворянину.

рыя питалъ онъ въ продолженіе столькаго времени. Обращая къ зятю своему, онъ сказалъ: „Взгляни на посла: какъ ему совѣстно, что не исполнилъ моего желанія, когда я, съ моей стороны, готовъ сдѣлать все угодное его государю. Онъ не говоритъ ни слова, и не имѣетъ что сказать противъ этого. Но я въ дружбѣ всѣмъ жертвую охотно.“ Многое другое говорилъ онъ въ этомъ тонѣ, и спросилъ меня, перекажу ли я государю; я отвѣчалъ, что обо всемъ доведу непременно, и прибавлю къ тому, что его величество шахъ говорилъ мнѣ о томъ самымъ благосклоннымъ образомъ, что въ глазахъ его не было не только ни малѣйшаго негодованія, но напротивъ прочелъ я въ нихъ намѣреніе шаха всегда быть истиннымъ другомъ Русскихъ. Онъ восхищенъ былъ отвѣтомъ*.

Вскорѣ послѣ сего имѣлъ я отпускную аудіенцію со всеми вмѣстѣ офицерами. Церемоніаль оной былъ тотъ же какъ и первой аудіенціи. Шахъ былъ чрезвычайно ко всѣмъ благосклоненъ, и непременно каждому сказалъ самыя пріятнѣйшія привѣтствія, такъ что всѣ остались весьма чувствительными къ его лестному вниманію. Мнѣ собственноручно отдалъ отвѣтъ на письмо императора, сказавъ, что онъ столько ко мнѣ расположенъ, что языкъ его не хочетъ произнести, что онъ со мной прощается. (Я по истинѣ разошелся съ нимъ съ сожалѣніемъ.) За день до прощанія мнѣ и всѣмъ чиновникамъ посольства присланы были ордена Льва и Солнца и подарки, и я представился шаху въ его орденѣ, что принято имъ было съ особеннымъ удовольствіемъ.

Не задало передъ симъ, по просьбѣ Мирзы-Шефи и мирзы Абдуль-Вахаба, согласился я прекратить неудовольствіе мое на каймакама. Мирза-Шефи пригласилъ меня къ себѣ, и тамъ нашелъ я каймакама, уже преду-

* При этомъ коснулся шахъ своей власти, которую почиталъ несравненно выше власти всѣхъ европейскихъ государей, уподобляя себя тѣни Божіей на землѣ. Я отвѣчалъ ему, что весьма пріятна тѣнь, падающая отъ человека, подъ скипетромъ котораго благоденствуетъ нѣсколько милліоновъ народонаселенія, исчисляющаго свои дни его благотвореніями, но при этомъ осмѣлился сдѣлать вопросъ: производила ли то же самое дѣйствіе тѣнь дядюшки его, Аги-Магмедъ-Хана? Шахъ былъ столь милостивъ ко мнѣ, что принялъ вопросъ мой безъ неудовольствія и даже усмѣхнулся.

предденнаго, что я готовъ все забыть и быть пріятелемъ. Мы согласились безъ объясненія, и увѣрили одинъ другаго въ дружбѣ, которой между нами никогда быть не можетъ. Съ обѣихъ сторонъ были одинаковы чувства и степень довѣрія къ обѣщаніямъ, но всему даны были самыя благовидныя наружности. Шахъ весьма былъ тѣмъ доволенъ, ибо онъ досадовалъ, что каймакамъ могъ дать мнѣ причину къ неудовольствію, и жалѣлъ, что я трактовалъ его какъ каналью. Каймакамъ тотчасъ сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе, и я у него былъ также, и видѣлись всякій день какъ пріатели.

Когда я приглашался обѣдать, всегда выпрашиваемы были мои приборы и стаканы *; и тогда какъ Персіане всегда ѣдятъ на коврахъ, по землѣ посланныхъ, ** для насъ дѣлались широкіе столы, на коихъ ставилось безчисленное множество блюдовъ, ибо для каждого особенное есть кушанье и никогда одно изъ нихъ не служитъ для двоихъ человѣкъ. Посреди стола оставляется проходящая дорога, на которой является прислуга, предупреждающая желанія ваши: понравилось ли вамъ кушанье? тутъ готова уже услуживающая рука, и отрывая часть мяса, кладетъ предъ вами на тарелку. Хотите ли вы жирнаго пилава, котораго бѣлизна, подобная сѣбгу, восхищаетъ вкусъ вашъ? уже касается его рука, и цвѣтъ кирпичный, которымъ она выкрашена, и красные ногти, рѣдко обрѣзываемые, сочетаются съ бѣлизною пшена, и услуживающій вамъ гордится мыслию что удвоитъ наслажденіе ваше. Вдругъ вы видите ту же самую руку, богатую *** остатками пилава, вырывающую внутренность арбуза къ вашимъ услугамъ. По счастью нашему руки сіи не всегда мѣшаются въ распоряженіе жидкостей, ибо изобрѣтательный умъ Персіанъ создалъ для того деревянныя ложки. Я забылъ сказать, какъ прислуга

* Безъ затрудненія дозволяли употреблять намъ вино, и нерѣдко даже доставляли вино весьма хорошее, испаганское и ширазское.

** (Вм. ниже сѣд. словъ до точки:) Для насъ нарочно поставлены были столы и стулья. Блюдовъ приготавливается безчисленное множество, каждому подается въ особенной посудѣ и на особенномъ деревянномъ раскрашенномъ подносѣ, на которомъ помѣщается не мѣше пятнадцати блюдовъ. Посреди стола... и пр.

*** Еще покрываю (вм. богатую).

является посреди стола *. Она входитъ послѣ того, какъ уже каждый занялъ за столомъ свое мѣсто, и плечо ваше служить ей опорой. Если не уклонили вы головы, черезъ нее переступаютъ безъ затрудненія, и длинныя полы безобразной персидской одежды скрываютъ васъ отъ глазъ товарищей. Едва проглянули вы, какъ уже другой подобный покровъ васъ затмѣваетъ. За такимъ столомъ можно объѣдать, что никто подозрѣвать не будетъ, что вы приглашены были **. Не знаю я, принадлежитъ ли сіе къ роскоши восточной, о которой столько слышимъ мы баснословныхъ разказовъ.

Не вспоминалъ у мѣста сказать объ одномъ странномъ случившемся со мною происшествіи. Званъ будучи на обѣдъ *** къ министру Низаму-Довла ****, былъ я принятъ съ чрезвычайною вѣжливостію, отличающею сего вельможу во всѣхъ его поступкахъ †. Онъ взялъ меня по-пріятельски за руку, чтобы провести въ другую палату, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ, и сталъ пристрастнымъ образомъ перебирать пальцы на лѣвой рукѣ моей. Я позволилъ ему сію забаву, думая, что въ восточныхъ обычаяхъ значить то изъявленіе пріязни; но вдругъ почувствовалъ я на одномъ пальцѣ ужасной величины перстень. Я оторвалъ руку, и объяснилъ ему, что подобныхъ подарковъ и такимъ образомъ предложенныхъ, я не принимаю, и что завтра ему могу удобнѣе сказать тому причину. Хозяинъ принялъ сіе за величайшую обиду и конечно, еслибы могъ онъ за обѣдомъ сидѣть со мною рядомъ, то онъ пустился бы на другое какое предаріятіе. Но меня спасъ высокій мой чинъ, ибо по приличію долженъ онъ былъ мѣсто возлѣ меня предложить людямъ знатнѣйшимъ. Въ продолженіе однакоже обѣда, онъ не переставалъ пересылаться черезъ переводчика, что если я не могу имѣть перстня, то онъ предложить мнѣ неоправленный камень, и я расстался

* На самомъ столѣ.

** Объѣдать, не обнаруживая своего существованія.

*** Уживъ.

**** Низамутъ-Довла...

† Угаживаемы были совсѣмъ другимъ образомъ. Прислуга не ходила по столу и не попирала бесѣдующихъ. То же число блюдъ, но всѣхъ ихъ пожирать не принуждали. Хозяинъ, извѣстный въ Персіи богатствомъ, хотѣлъ выказать свою серебряную и золотую посуду.

съ намъ, никакъ не будучи въ состояніи истолковать, что можно отказаться отъ пріобрѣтенія драгоценнаго подарка. На другой день показывалъ онъ переводчику моему необыкновенной величины синій ахотъ, съ которымъ онъ намъ-реть * сдѣлать на меня наступленіе, но я избавился, угрожая прерваніемъ дружбы. Точно такимъ образомъ верховный визирь ** Мирза-Шефи одному изъ англійскихъ пословъ подарилъ перстень, и Англичанинъ не устыдился *** его отказомъ. Конечно, обстоятельно разсмотрѣвши достоинство камня, пріятно мнѣ по крайней мѣрѣ думать, что Персіане поступокъ мой не приняли въ видѣ корыстолюбія, чего объ англійскомъ послѣ они не говорили, ибо безстыдно **** рассказывали, что онъ весьма богатую сумму вывезъ съ собою подарковъ. Верховный визирь † Мирза-Шефи на другой день также прислалъ мнѣ въ подарокъ жемчуги, но я равновѣрно и отъ нихъ отказался. Сей вельможа не вынуждалъ на принятіе ихъ моего согласія, напротивъ воспользовался именемъ моимъ, чтобы достать отъ другихъ дорогихъ лошадей, извѣстныхъ красотою въ Персіи, будто мнѣ въ подарокъ. А вмѣсто ихъ прислалъ мнѣ не тѣхъ †* лошадей, а ихъ удержалъ у себя. Онъ кажется отщивалъ за похищеніе у него шахомъ подарковъ, отъ государя императора ему присланныхъ, которые у него взяли онъ, даже не выждавши выѣзда моего изъ Султаніи. Такими способами собираются въ Персіи сокровища государственныя. За нихъ въ замѣну обыкновенно ничего не предлагается, кромѣ всемилостивѣйшаго подтвержденія о скромности, чтобъ о томъ ни слова произносимо не было никогда. Шахъ, отечески (спускодя) нерѣдко испытуетъ въ сей добродѣтели. Вельможи въ свою очередь низкаго состоянія людей приучаютъ къ презрѣнію богатствъ, и такъ до самаго простаго народа, которому, если и остается кусокъ желѣза, и тотъ безжалостная судьба изковываетъ въ цѣпи рабства, и рѣдко въ острый мечъ на отщепеніе угнетенія.

* Вновь дѣлалъ...

** Садр-Азамъ Мирза Шефи.

*** Не оскорбилъ...

**** И м.б. даже живо.

† Садр-Азамъ:

†* Весьма обыкновенныхъ (см. не тѣхъ,...)

30 августа праздновали мы въ городѣ Зенганѣ день имени государя. Здѣсь все казалось намъ въ новомъ видѣ,— два мѣсяца жаркаго и непріятнаго времени провели въ палаткахъ. Здѣсь отвели намъ весьма хорошій домъ. Отсутствіе управляющаго * шахъ-Зады, и съ нимъ всѣхъ властей дало свободу жителямъ, и въ первый азъ видѣли мы множество женщинъ, которыя смѣли не закрываться. Я вступилъ въ управленіе полиціей и запретилъ сгонять ихъ съ крышекъ, что здѣсь обыкновенно дѣлается весьма простымъ и деркимъ образомъ, т. е. камень въ голову или въ лицо. Я думаю, что я былъ первый столько явный защитникъ прекраснаго пола въ землѣ мусульманской. Удѣлъ женщинъ есть сердце чувствительное, и я видѣлъ сожалѣніе ихъ, что не могутъ доказать своей благодарности. Сему препятствовали, сколько примѣтить можно было, ** и какъ кажется отъ нѣкоторой благоразумной осторожности, дабы незнаніе языка не заставило изобрѣсти другое средство къ объясненію. (Но что можетъ удержать стремленіе сердца и добродѣтели, каковою безъ сомнѣнія должна быть почтена благодарность, и я бы могъ сказать одинъ примѣръ. ... Но я говорю о Зенганѣ ***). Музыка наша привлекала тѣмъ слушателей, которые находили ее весьма пріятною. Слухъ ихъ никогда не поражали звуки стройныя, и нѣжная музыка въ Персіи такова, что наша волюшка (и рыль) могли бы занимать важное между инструментами мѣсто. Предпочтеніе **** дается трубѣ и бубнамъ. Мнѣ не случилось слушать ни одного даже голоса хотя нѣсколько споснаго: щегольство въ пѣвѣи и высокое искусство состоитъ въ ужасномъ во все горло крикѣ, самыми дикими оборотами голоса. Такова музыка самого шаха, которой всѣ удивляются, и меня спрашивали, есть ли у насъ такое искусство и столько чувствами обладающая музыка. † Для Персіянъ крикъ ословъ ничего не имѣетъ противнаго; жаль,

* ...Городомъ (им. шахъ-Зады)...

** Мужчины...

*** Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ др. руки.

**** Однако предпочтеніе...

† (Вм. нижеслѣд. до слова: о мелодіи) Лица способныя восхищаются музыкой персидской, должны находить мелодію и въ крикѣ ословъ.

что не понятенъ языкъ оловъ, можно бы навѣдаться и о мелодіи.

Сент. 3. Растахъ. Англичане, бывшіе въ Султаніи, пріѣхали, дабы предупредить насъ въ Тавризъ; они представили письмо мнѣ отъ Садръ-Азама, исполненное отчаянія послѣ разлуки со мною, въ которомъ увѣряетъ, что онъ чувствуетъ приближеніе свое ко гробу съ тѣхъ поръ, какъ лишился надежды увидѣться со мною. Я долженъ былъ отвѣчать такими же неясностями и чувствовалъ, что мы не такъ легко сіе дѣлать умѣемъ. Между Европейцами иногда и нерѣдко непонятное относится къ высшему (sublime), и нѣсколько умѣста точекъ...., какъ будто выщающихъ сокровенный смыслъ, выводить изъ затрудненія. Но съ Персіянами того дѣлать невозможно, они сихъ тонкостей не понимаютъ и требуютъ, чтобы все непрѣнно дописано было *. Итакъ должно было отвѣчать въ восточномъ вкусѣ, что „со дня разлуки солнце печально освѣщаетъ природу, ували розы и припахиваютъ полынью, (что) померкъ свѣтъ въ глазахъ моихъ“, и (что) какъ я обратился спиною къ тѣмъ мѣстамъ, которыя украшаетъ онъ присутствіемъ своимъ, то „глаза мои, единымъ зрѣніемъ оныхъ насыщаясь, желаютъ переселиться въ затылокъ“. Я не оспаривалъ въ немъ чувства приближенія къ гробу, ибо казалось мнѣ нѣсколько недолгимъ хвалить цвѣтущую молодость въ человѣкѣ около 90 лѣтъ. Не правда ли, что по обыкновенію нашему можно было нѣкоторую часть письма замѣнить точками, и въ томъ не много было бы потери Персіане долго еще лишены будутъ сихъ выгодъ.

9. Городъ Тавризъ... Лишь только пріѣхалъ я въ домъ каймакана, отведенный мнѣ, первое, что услышалъ, былъ наглый поступокъ одного, служащаго въ войскѣ Аббасъ-Мирзы, французскаго офицера г. Мерше, называющагося полковникомъ наполеоновой гвардіи и кавалеромъ почетнаго легіона. Онъ музыкантамъ свиты моей не только не позволялъ занять назначенную имъ на одномъ дворѣ съ нимъ квартиру, но выгналъ ихъ вонъ и осмѣлился дать

* Сажусь писать и создаю слѣдующій образецъ въ восточномъ видѣ „со дня....

одному два удара саблею. Я послалъ сказать Аббасъ-Мирзѣ, что я прошу удовлетворенія, и что я не могу снести подобной наглости. Онъ тотчасъ прислалъ чиновника увѣрить меня, что онъ наказанъ будетъ, но когда я потребовалъ, чтобы со стороны моей былъ тому свидѣтель, то примѣтилъ, что намѣрены были меня обмануть. Я послалъ тотчасъ своего адъютанта * и шесть человекъ гренадеръ взять Француза подъ караулъ; а какъ его не застали дома, то велѣлъ его дожидаться (и тѣмъ изъ музыкантовъ, которыхъ онъ дерзнулъ обидѣть, наказанъ его плетью) **. Г. Мерше пришелъ въ квартиру, и когда спросили его, какъ онъ смѣлъ сдѣлать такой поступокъ, онъ хотѣлъ продолжать дерзости, но *** его сбили съ ногъ ловкимъ ударомъ въ щеку, и разложи выскли плетью. А саблю взявъ, отослалъ я къ наслѣднику, и объяснилъ притомъ, что мнѣ пріятно надѣяться, что подобный подлецъ въ службѣ его терпимъ не будетъ. Отвѣтъ данъ мнѣ былъ, что онъ выгнанъ будетъ изъ города, саблю однакоже не приняла ****, ибо, предупрежденъ будучи, Аббасъ-Мирза спасся въ своемъ гаремѣ, чтобы не допустить моего послааннаго.

На другой день дава была мнѣ аудіенція, (и я увидѣлъ дѣйствіе шахскаго фирмана, ибо не смѣли никакихъ предложить условій о церемоніалѣ), я и чиновники посольства введены были въ комнату, поставлены мнѣ были кресла; для поднесенія подарковъ государя императора имѣлъ я другое свиданіе, и привѣтствіе и вѣжливости взаимно расточаемы были безъ пощады. Вскорѣ послѣ сего приглашенъ я къ Аббасъ-Мирзѣ.

Послѣ обѣда разговоръ былъ продолжительный о разныхъ предметахъ, и коснулось до того, что какъ я требую возвращенія павшихъ и бѣглыхъ, то не долженъ досадовать, если многіе изъ нихъ не объявятъ согласія возвратиться, что ему, говорилъ онъ, гораздо прискорбнѣе должно быть, что цѣлая область, Персія принадлежащая, въ рукахъ нашихъ, и онъ на то не жалуется †. Я весьма учтиво

* Муравьева.

** Этого мѣста нѣтъ въ друг. спискѣ.

*** Но оскорбленный имъ музыкантъ... сбилъ... и наказанъ розгами.

**** Долго не принимали...

† Покоряясь силѣ обстоятельствъ....

отвѣчалъ ему, что когда его величество, шахъ, рассудилъ за благо не требовать ихъ изъ уваженія къ доброй дружбѣ и благорасположенію государя императора, то уже не приличествуетъ намъ обоимъ никакое сужденіе о томъ; въ разсужденіи же принадлежности Персіи тѣхъ областей, я присоединилъ, что это легко тѣмъ доказывается *, что онѣ всегда признавали себя независимыми, и что не будучи покорены російскимъ оружіемъ, добровольно прибѣгли подъ покровительство императора. Еслибы покровительствовали ** они Персіи, то могли ли они по произволу своему располагать собою. Если ваше высочество почитаете ихъ потому принадлежащими, что шахъ Надиръ внесилъ въ нихъ оружіе, то не всегда тѣ земли, которыя въ продолженіи войны временно занимаются войсками, навсегда остаются покоренными, и сему тотъ же шахъ Надиръ можетъ служить примѣромъ: ибо когда оставилъ онъ часть войскъ своихъ въ Дагестанѣ и съ главными силами удалился, то жители тѣхъ странъ, не желая покорствоваться власти его, напали на оставленныя войска и ихъ истребили. Обратимся еще къ ближайшимъ временамъ, сказалъ я ему: Ага-Махмедъ-Ханъ, родственникъ *** вашъ, какимъ образомъ осаждалъ Шушу, собственную крѣпость? ибо вы считаете ханство Карабахское вамъ принадлежащимъ; (какой же подвасный ханъ защищался противъ своего государя?) Онъ отвѣчалъ мнѣ, что имѣющіяся въ ханствахъ грамоты шаховъ и персидская монета могутъ служить доказательствомъ, что Персія простирада владычество свое на сіи земли. Я возразилъ, что грамоты не могутъ быть доказательствомъ, особливо въ то время данныя, когда боязнь и страхъ выпрашивали оныя у власти (насильственной и) беззаконной, что монету **** бьютъ и теперь такія земли, которыя Персіи не принадлежатъ. Аббасъ-Мирза сказалъ мнѣ, что онъ конечно лучше знаетъ исторію своей земли нежели я. Я отвѣчалъ, что не смѣю спорить въ томъ, что † я не хуже знаю исторію тѣхъ странъ,

* Опровергается...

** Еслибы завасылъ онъ отъ Персіи...

*** Дядя...

**** Персидскую.

† ...Но что во всякомъ случаѣ я не хуже...

которых Персія въ себѣ не заключада, какъ. напримѣръ, Азербиджанской области и самого Тавриза, въ которомъ вы теперь имѣете пребываніе; шахъ Аббасъ Великій взялъ его отъ Турокъ, присоединилъ и умѣлъ удержать во власти Персіи, но въ то же время трудно согласить меня, что Аванды и Индія должны принадлежать Персіи потому, что шахъ Надиръ былъ тамъ съ войсками, точно какъ былъ онъ въ Карабахѣ и Дагестанѣ *. И того и другаго завоеванія, Персія по причинѣ внутреннихъ безпокойствъ сохранить была не въ состояніи, а потому народы, уразумѣвшіе возможность возвратить потерянную независимость, воспользовались обстоятельствами и встали противъ насилій и угнетеній. Россія въ послѣдствіи приняла эти независимыя области подъ свое покровительство. Онъ клялся въ вѣрности государю, который подданныхъ своихъ безъ защиты не оставляетъ. Аббасъ-Мирзѣ непріятель былъ сей разговоръ, и онъ старался доказать мнѣ, что я несправедливо о томъ разсуждаю, и возраженія свои началъ сопровождать нѣкоторою горячностью. Я замѣтилъ ему, что можно оставить этотъ разговоръ, но что я справедливую сторону привыкъ защищать смѣло, и что ежели здѣсь не въ обыкновеніи разсуждать свободно, то я еще не успѣлъ сдѣлать къ тому привычки. Онъ говорилъ мнѣ, что не полагаетъ, чтобъ обязанность посла состояла въ томъ, чтобъ уречать его въ присвоеніи власти и оспаривать его коренныя права. Я отвѣчалъ, что должность моя и въ томъ заключаться не можетъ, чтобы то, что по всѣмъ правамъ принадлежитъ намъ, согласиться принять отъ нихъ въ видѣ снисхожденія.

На другой день приставъ при посольствѣ ** предупредилъ меня, что Аббасъ-Мирза желаетъ меня звать обѣдать. Я зналъ этикетъ персидскій, что, какъ шахъ, и сыновья его никогда не обѣдаютъ какъ одни, а всѣ прочіе угащаются особенно. Поблагодаривъ за приглашеніе, я объяснился, что мнѣ какъ послу, неприлично быть призвану для накормленія, тогда какъ невозможно быть вмѣстѣ за столомъ съ Аббасъ-Мирзою. Меня хотѣли убѣдить,

* И Шарвани.

** (Мегмедаръ).

что всё до меня то дѣлали, но я не согласился. Аббасъ-Мирза, угождая мнѣ, избралъ новое средство. Въ обѣденное время позванъ я былъ въ загородный его домъ, съ моею свитой, гдѣ мы нашли его занимающагося устройствомъ сада. Погулявъ съ нами нѣкоторое время, онъ пригласилъ меня и обоихъ совѣтниковъ въ бесѣдку, будто имѣя нѣчто говорить со мною, а одному изъ знатнѣйшихъ чиновниковъ поручилъ заниматься съ остальными лицами моей свиты. Разговоръ со мною начался извиненіями въ томъ, что говорилъ наканунѣ съ нѣкоторою горячностію и дѣлалъ, можетъ-быть, непріятныя мнѣ возраженія. Я отвѣчалъ ему, что самъ прошу извиненія, если неумѣство былъ чистосердеченъ и не умѣлъ въ разсужденіяхъ своихъ забыть того, что я посолъ россійскаго императора. Онъ признался мнѣ, что его тронуло сдѣланное мною замѣчаніе, что и самый Тавризъ не есть древняя принадлежность Персіи, но полученное отъ Турокъ пріобрѣтеніе. Послѣ того онъ сказалъ: если посолъ сильнаго государя разсуждаетъ такимъ образомъ, то я и въ столицѣ своей не долженъ почитать себя въ безопасности. „Мнѣ легко отвѣчать на сіе вашему высочеству и совершенно оправдаться. Если можно вывить государство въ сдѣланныхъ завоеваніяхъ, то ни одно не заслуживаетъ столько упрековъ за то, какъ Россія. Покореніе Персіей Азербиджанской области не иначе относиться можетъ какъ къ славѣ ея.“ Въ продолженіи разговора мы оба сидѣли въ креслахъ; послѣ сего предъ нимъ и предо мною поставили столы и закуски. Это былъ первый примѣръ, что сынъ шаха, а что еще болѣе, наследникъ престола, обѣдалъ въ одной комнатѣ и въ одно время съ кѣмъ-либо, а паче съ иностранцемъ. Я принялъ сіе знакомъ особеннаго уваженія, но еще болѣе удивленъ былъ, когда, вставъ изъ-за стола, говорилъ онъ слишкомъ часъ безъ соблюденія всякихъ церемоній: въ знакъ, что между нами не должно быть никакого неудовольствія, онъ подавъ мнѣ руку и мы пріятельски пожали одиавъ другому руку. Чиновники мои также были пріятельски угаживаемы особенно, въ саду. Сей родъ вѣжливости со стороны Аббасъ-Мирзы былъ выше всякаго ожиданія.

.....
Аббасъ-Мирза постигаетъ необходимость въ ученыхъ

офицерахъ, и потому нѣсколько молодыхъ людей знатнѣйшаго рода обучаются въ Англіи на его иждивеніе. Чѣмъ оправдаются * многія изъ европейскихъ державъ, если со временемъ въ Персіи образованіе военныхъ людей будетъ тщательнѣйшее. Сосѣди не должны взирать съ равнодушіемъ на сіи предпріятія, извѣдавъ въ народѣ отличную способность къ подражанію. Знатные люди изъ опасенія, чтобы преимущества и награды, доселѣ переходившія отъ отца къ сыну, не сдѣлались наградой достойнѣйшаго, будутъ стараться затруднять, по возможности, успѣхи просвѣщенія. У всѣхъ знатныхъ сего міра обнаруживается та же боязнь. Еще не мало препятствовать будутъ обстоятельства, отдавшія образованіе Персіянъ въ руки Англичанъ, которыхъ сухой и холодный характеръ изъ пламеннаго свойства Персіянъ неудобно извлекать всѣхъ возможныхъ средствъ. Грубое обращеніе ихъ мертвитъ добрую волю Персіянъ; малое снисхожденіе къ недостаткамъ ихъ порождаетъ злобу. Еслибы Французы были въ Персіи столько времени, какъ Англичане, съ ихъ искусствомъ возжигать честолюбіе, давать наклонностямъ согласное съ намѣреніемъ направленіе, Персія недавно уже была бы на себя не похожа. (Какимъ быстрымъ ходомъ приблизили бы они военныя званія (?), простѣйшими правилами, изъ обширной опытности извлеченными. Персіянъ надобно увлекать обольщеніями, лаская страсти ихъ, льстя самолюбію, и тогда можно давать волю имъ **). Французы были короткое время въ Персіи и оставили о себѣ пріятнѣйшія воспоминанія. Англичане большими деньгами перекупили себѣ расположеніе персидскихъ министровъ и самаго шаха, но въ памяти народа не изгладили Французовъ и въ мнѣніи о достоинствахъ далеко остались позади ихъ, и никогда не сравнятся.

.....

Дѣла, о которыхъ я долженъ былъ разсуждать съ каймаканомъ, шли своимъ порядкомъ. Мы условились о времени для начертанія границъ между обѣими державами, и все между нами происходило самымъ пріятельскимъ образомъ; но когда коснулись до возвращенія пленныхъ и тѣхъ

* Какое истолкованіе дадутъ (см. чѣмъ оправдаются).

** Нѣтъ въ друг. сп.

изъ бѣглыхъ нашихъ солдатъ, которые сами того пожелають, каймаканъ, слывущій праведникомъ, началъ употреблять всѣ мошенничества и уловки. (Я объяснилъ ему, что сколько ни почитается онъ за мудраго, но въ дѣлѣ столь ясномъ, одинъ онъ думаетъ, что можетъ обмануть *), прибѣгая къ божбѣ и клятвѣ алкораномъ. Разказывайте то ребятамъ, говорилъ я ему: неужели я не вижу, что столь же трудно вамъ произнести клятвы, сколько для меня понюхать табакъ. Неужели возможнымъ почитаете скрыть злодѣйства и подлые поступки съ русскими пѣвными? Не удерживаете ли вы теперь насильственно тѣхъ, которые желаютъ возвратиться? Развѣ не заключаете вы ихъ въ темницу, боясь, чтобы не объявили они мнѣ о своемъ желаніи. Не дерзайте говорить болѣе, ибо сегодня одинъ изъ сихъ несчастныхъ, обманувъ стражу, бросился съ крыши къ стоящему у обоза русскому караулу. Онъ въ моихъ рукахъ, и я, снявъ съ него показаніе подъ присягою, опубликую безчестное и гнусное ваше поведеніе. Если въ первый разъ жизни вашей вы слышите человѣка, говорящаго вамъ и о васъ самихъ правду, и она вамъ непріятна, дерзайте заставить меня молчать. Насъ здѣсь 200 человѣкъ. Вы въ столицѣ наследника престола и среди войскъ вашихъ, прибавьте еще къ нимъ 100 баталіоновъ, и я не лучше буду уважать васъ. Предупредите вашего наследника, что если во дворцѣ его я увижу въ числѣ его тѣлохранителей русскаго солдата, не взирая на его присутствіе, возьму за груды его и вырву отъ васъ... Каймаканъ былъ въ величайшемъ смятеніи, тѣмъ болѣе, что нѣсколько свидѣтелей видѣли, какъ обращаются съ вельможею, котораго всѣ трепещуть. Онъ упрекалъ мнѣ, что я поступаю насильственно и не хочу выслушать оправданія. Я рѣшился слушать но какъ онъ по обыкновенію своему началъ отъ сотворенія міра, то я посоветовалъ ему оставить пустые разказы и говорить дѣло, буде можетъ, или по крайней мѣрѣ отвѣчать на вопросы. (Опять была ужасная схватка, и я его уничтожилъ совершенно **.) Я спросилъ его, что столько привязываетъ его къ нашимъ бѣглымъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что Аббасъ-Мирза имѣетъ къ нимъ большую довѣренность,

* Нѣтъ въ друг. св.

** Тоже.

составилъ изъ нихъ внутреннюю свою стражу и ввѣрилъ имъ особу свою. Слѣдовательно, сказалъ я ему, не достаточно только того, чтобъ отличная сія гвардія проложила ему путь къ престолу персидскому, чего я, какъ добрый союзникъ, весьма желаю. Я надѣюсь, г. каймаканъ, что вы согласитесь съ тѣмъ, что о подобныхъ происшествіяхъ необходимо знать главнокомандующему въ Грузіи, какъ ближайшему сосѣду. Прекративъ такимъ образомъ разговоръ, я съ нимъ расстался. Еще было одно, въ такомъ же родѣ, дружеское свиданіе.

Имѣлъ я прощальную аудіенцію у Аббасъ-Мирзы и вмѣстѣ со мною были многіе изъ чиновниковъ. Онъ принялъ насъ съ возможною вѣжливостію, говорилъ мнѣ, что онъ увѣренъ, что я остаюсь весьма доволенъ и, конечно, не увожу съ собою ни малѣйшей непріятности, что * каймаканомъ донесено ему о согласіи моемъ оставить чиновника, для отобранія показанія отъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, желающихъ возвратиться. Увѣренія въ искренности были взаимныя и, кажется, сей трактатъ добраго согласія и дружбы обязались мы сохранить и въ будущей жизни. Съ Персіянами къ подобнымъ условіямъ надобно приступать безъ затрудненія, страшиться будущей жизни не должно, ибо рѣдкій изъ Персіянъ въ настоящей жизни не измѣнитъ ** своимъ обязанностямъ. (Всегда безтрепетно призывалъ я въ свидѣтели великаго пророка Магомета и спискивалъ довѣренность къ обѣщаніямъ моимъ, ибо ***) я увѣрилъ, что предки мои были Татары, что весьма еще недавно ближайшіе родные мои перемѣнили законъ. Имъ пріятно было думать, что во мнѣ кровь мусульманская. Я выдалъ себя за потомка Чингисъ-хана, и нерѣдко, разсуждая съ ними о превратностяхъ судьбы, удивлялъ ихъ замѣчаніями моими, что я нахожусь посломъ въ той самой землѣ, гдѣ владычествовали мои предки, гдѣ все покорствовало страшному ихъ оружію, и утверждаю миръ, будучи посломъ народа, насъ побѣдившаго. О семъ доведено было и до шаха, и онъ съ уваженіемъ **** смотрѣлъ на потомка столь ужаснаго завоевателя.

* Хотя (зм. что).

** Не попытается сплутовать (зм. возм. своимъ и пр.)

*** Нѣтъ въ друг. см.

**** Съ благоговѣніемъ.

Доказательствомъ происхожденія моего служилъ бывшій въ числѣ чиновниковъ посольства, двоюродный братъ мой, полковникъ Ермоловъ, которому, по счастью для меня, природа создала черные подслѣповатые глаза и, выдвинувъ впередъ скуластыя щеки, расширила лицо на подобіе калмыцкаго. Шаху доведено было о сихъ явныхъ признакахъ моей природы, и онъ приказалъ его показать себѣ. Одинъ изъ вельможей спросилъ меня, есть ли у меня родословная? Рѣшительный отвѣтъ, что она сохраняется у старшаго въ нашей фамиліи, утвердилъ навсегда принадлежность мою къ Чингисъ-хану. Однажды я даже намекнулъ, что могу отыскивать права на персидскій престолъ, но замѣтилъ, что Персіане подобными шутками не любятъ забавляться. Въ народѣ же столько легковѣрномъ и частыми перемѣнами привыкшемъ къ непостоянству, шутка сія можетъ имѣть важныя слѣдствія. Въ случаѣ войны, потомокъ Чингисъ-хана, начальствуя самъ надъ необходимыми російскими войсками, можетъ имѣть на народъ великое вліяніе.

Простясь съ Аббасъ-Мирзою и приготовивъ все къ отъѣзду будущаго дня, оставалось мнѣ въ послѣдній разъ видѣться съ каймаканомъ.

Поутру былъ я у него, и когда требовалъ онъ, чтобы по условію оставилъ я чиновника для извѣданія отъ плѣнныхъ и бѣглыхъ о желаніи ихъ возвратиться, я отказалъ; ибо въ ту самую ночь, боясь, чтобы русскіе солдаты, узнавъ о выѣздѣ моемъ, не явились ко мнѣ, не только посадили * ихъ подъ караулъ, но нѣкоторымъ надѣли колодки на ноги. Я представилъ всю гнусность поступка, и разругавъ каймакана, какъ человѣка безчестнаго, хотѣлъ только отправиться въ путь, какъ Аббасъ-Мирза прислалъ пригласить меня къ себѣ, вѣроятно, узнавши о томъ, что у меня съ каймаканомъ происходило. Я извинился, что будучи одѣтъ по-дорожному, не смѣю къ нему представиться, что съ самаго утра отправлены мои экипажи и я не имѣю съ собою другой одежды. Каймаканъ старался меня увѣрить, что все будетъ сдѣлано въ мое угожденіе, что я не буду имѣть причины роптать, и что они, для оправданія своего, просятъ, чтобы я оставилъ чиновника. Я отвѣ-

* Онъ посадивъ... велѣлъ рабѣть колодки...

чаль, что обмануть быть не хочу, и жалю, что прежде позволялъ столь нагло себя обманывать—и ухмалъ.

.....

День выезда изъ Тавриза былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Я ждалъ его съ нетерпѣніемъ, ибо смертельно наскучило мнѣ непрерывное притворство, одни и тѣ же увѣренія въ дружбѣ тѣхъ, которые очевидно желаютъ намъ зла, и скрыть не могутъ къ намъ своей ненависти. Безконечныя повторенія самыхъ мучительныхъ привѣтствій, которыя по всему государству какъ будто отданы при пароли, утомили меня до крайности. Вырвался я наконецъ изъ сего ненавистнаго мѣста, которое я не иначе соглашусь увидѣть, какъ съ оружіемъ въ рукахъ, для раззоренія гявзда всѣхъ враждующихъ намъ. Здѣсь въ образѣ каймакана предсидитъ коварство въ сомнѣ всѣхъ злодѣяній и нечестія, и уста его изрекаютъ законъ, развязующій всѣ преступленія. Аббасъ-Мирза (образовавшему юность его) отдалъ полную власть и въ простотѣ своей служить орудіемъ злодѣйствъ его. Природа не дала ему персидскихъ наклонностей, но съ ребячества, будучи свидѣлемъ всякаго рода неестовствъ, согласовалъ оныя съ ними свои правила и готовъ на всѣ безчестныя дѣянія.

.....

Городъ Нахичеванъ. Здѣсь съ удовольствіемъ увидѣлъ я свѣтлаго хана, ибо оныи одинъ во всей силѣ чувствуетъ гнусность правленія, которому крайность одна заставляетъ повиноваться.

.....

.....Последніе дни жизни моей, говорилъ оныи, успокою я подъ сильною защитой оружія вашего. Нѣкоторое предчувствіе меня въ томъ увѣряетъ, ибо зная Персіанъ, не полагаюсь я на прочность дружбы, которую вы столько утвердить старались; я не сомнѣваюсь, что или она нарушить оную своимъ вѣроломствомъ, или васъ заставятъ нарушить ее, вынуждая мстить за вѣроломство

.....

Октября 2. Урочище Башабаранъ. Граница россійская въ сторонѣ Персіи. Далеко не доѣзжая, встрѣченъ я былъ командою доносскихъ казаковъ, высланныхъ для конвоя. Вскорѣ послѣ сего, на возвышеніи усмотрѣли мы развѣвующіея знамена храбрыхъ войскъ нашихъ. Удовольствіе

мое было выше всякаго выраженія и теперь не вспоминаю я о томъ равнодушно. Далеки были отъ меня горделивыя помышленія, что я начальствую въ странахъ сихъ, что мнѣ повинуются страшныя сіи войска. Я сталъ бы въ рядахъ сихъ храбрыхъ воиновъ, и товарищемъ ихъ въ равномъ съ ними состояніи я нашелъ бы удовлетвореніе моеѣ гордости. Никогда неразлучно со мною чувство, что я Россіянинъ.

Тебѣ, Персія, не дерзающая расторгнуть оковы поноснѣйшаго рабства, которая налагаетъ ненасытимая власть, никакихъ предѣловъ не признающая; гдѣ подлыя народа свойства уничтожаютъ достоинство человѣка и отънимаютъ познаніе правъ его; гдѣ вѣра научаетъ злодѣяніямъ, дѣла добрыя не получаютъ возмездія; гдѣ нѣтъ законовъ, преграждающихъ своеволю и насилие; гдѣ обязанности каждаго истощиваются раболѣпнымъ угожденіемъ властителя; тебѣ, тебѣ посвящаю я ненависть мою, и отягчая проклятіемъ, прорицаю паденіе твое.

Октября 10. Городъ Тифлисъ. Въ то самое время возвратился я изъ Персіи, въ которое прошлаго года пріѣхалъ изъ Петербурга. Съ какихъ противоположныхъ сторонъ! Въ какое непродолжительное время! Здѣсь нашелъ я бездну дѣлъ, и нѣтъ времени помышлять о семъ журналь. Оканчиваю мои записки, которыя писалъ я для того, чтобы прочесть какъ шутку друзьямъ моимъ, или въ послѣдствіи привести на память происшествія *, которыя странностію своею всегда казаться будутъ новыми.

Письмо А. П. Ермолова, къ графу А. А. Закревскому.

Любезный и почтеннѣйшій
Арсеній Андреевичъ!

Съ чудесною скоростью окончивъ дѣла мои въ Персіи, и сходно съ волею государя императора, возвращаюсь къ половинѣ будущаго ноября въ Тифлисъ.

Сначала приняли было меня лозко Персіане, но кончилось тѣмъ, что я ихъ встрѣчалъ такъ, что они отказались отъ конференцій со мною и

* Нѣсколько любопытныя (им. которыя... новыми).

оставили всё свои претязаніи на возвращеніе имъ земель, нами завоеванныхъ. Я верхка не уступилъ, хотя предоставляемо мнѣ было найдти возможность сдѣлать шагу угодное. Приходилось такъ, что я объявилъ министрамъ персидскимъ, что если малѣйшую услугу я холодностью или намѣреніе прервать дружбу, то я, для достоинства Россіи, не потерплю, чтобъ они первые объявили войну, а тотчасъ потребую по Аракъ и назначу день, когда приду въ Тавризъ. Надо замѣтить, что это столичный городъ любимаго сына, называющаго наследникомъ. Угрюмая рожа моя всегда хорошо изображала чувства мои, и когда я говорилъ о войнѣ, то она принимала на себя выраженіе чувствъ чловѣка, готоваго схватить зубами за горло. Къ несчастію ихъ, я замѣтилъ, что они того не любятъ, и тогда всякій разъ, когда недоставало мнѣ убедительныхъ доказательствъ, я дѣйствовала звѣрскою рожей, огромною своею фигурой, которая произвела ужасное дѣйствіе, и широкимъ горломъ, такъ что они убѣждались, что не можетъ же чловѣкъ такъ сильно кричать, не имѣя справедливыхъ и основательныхъ причинъ. Когда доходило до шаха извѣстіе, что я чловѣкъ—звѣрь неприступный, то при первомъ свиданіи съ нимъ я отравлялъ его лестью, такъ что уже не смѣли ему говорить противъ меня, и онъ готовъ былъ обвинять того, кто мнѣ угодить не можетъ.

Не говори, братъ Арсеній, не разъ случалось, что я, выхваляя рѣдкія и высокія души его качества, и увѣряя, сколько я ему предаю и тролуть его совершенствами, призывалъ слезу на мои глаза и такъ и таялъ отъ удивленія. На другой день только и говорено было обо мнѣ, что не было такого чловѣка подъ солнцемъ. Послѣ чего не смѣлъ никто говорить противъ меня, и я съ министрами поступалъ самозащитнымъ образомъ. Чего они не смѣли докладывать, я самъ объявлялъ, и до того довелъ шаха, что онъ, шутя и смѣясь, спрашивалъ, почему я ему никакой области не отдаю. Сему повѣрить невозможно, чтобъ о томъ предметѣ, котораго исполненія ожидалъ онъ съ такимъ нетерпѣніемъ и такъ долго, могъ онъ разсуждать равнодушно и даже съ шуткой. Министры удивлялись сему происшествію и говорили, что я ворожея: вотъ могу сказать по справедливости, радуясь важно, но сіе потому извинительно, что тутъ ничего не возможно сдѣлать порядочнымъ образомъ.

Теперь ясколко спѣшу отправаеніемъ курьера, но изъ Тифлиса буду писать обстоятельнѣе, или если успѣю кончить собственный мой журналъ, то лучше пришлю его, чтобы ты, когда свободно, прочитывалъ. При немъ будутъ и всё мои бумаги, которыя всё безъ исключенія писалъ я собственною рукою, дабы никто не могъ взять чего-либо на свой счетъ. Меня отправили, какъ девизаго юношу, и дали мнѣ наставниковъ, а я ихъ оставилъ въ покоѣ и самъ жаралъ, какъ Богъ положитъ по сердцу. Избави Богъ, еслибъ я посаждовалъ обыкновенному порядку, то мнѣ бы смѣли Персіане на плечи, а теперь я задаю такого страха, что думаютъ, что довольно мнѣ задумать о гибели Персіи, то я сдѣлаю, что и государь не провѣдаетъ, а его имя... Здѣсь подлые Англичане, живущіе на жало-

ваши Персіяны, въ угожденіе имъ дѣлали самыя гнусныя расчеты нашъ вѣрушенія. Разкажи государю пресмѣшную, случившуюся со мною, исторію. Я пріѣзжаю въ Таврисъ; одинъ бѣглый Французъ, находившійся при лицѣ Наполеона и въ персидской службѣ полковникомъ, осмѣлился двухъ моихъ музыкантовъ, поставленныхъ на квартиру въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, ударить саблею и выгнать вонъ. Я послалъ требовать отъ насаждника, чтобы Французъ былъ наказанъ за дерзость, мнѣ обѣщали удовлетвореніе, но ничего не сдѣлали. Я среди столицы, занятой большими персидскими силами, поставилъ свой караулъ, велѣлъ взять полковника наполеониста подъ стражу и обиженнымъ музыкантамъ отомстить за обиду. Онъ былъ наказанъ пощечиной и высѣченъ розгами, а саблю его я отослалъ къ насажднику, и Французъ былъ тотчасъ исключенъ изъ службы и выгнанъ вонъ. Вотъ какимъ образомъ въ безтолаковой сей землѣ поступать надежить, или иначе ни до чего не добьешься. Это не дипломатическій поступокъ, но вполнѣ удачный и рѣшительный. Прощай, поклонись брату Василью и Кикину, буде они въ Москвѣ; изъ Тифлиса буду ко вамъ писать.

12 окт. 1817. *

Два письма великаго князя Константина Павловича,
къ А. П. Ермолову.

I.

Варшава, 25-го іюля, 1816 года.

Почтеннѣйшіи, любезнѣйшіи и храбрѣйшіи сосоварищи,
Алексеѣ Петровичи!

Имѣлъ я удовольствіе читать начертаніе ваше къ единственному нашему Куруту,** за которое благодарю весьма васъ, патеръ Ермоловъ, видя въ немъ старое ваше ко мнѣ расположеніе. Будьте увѣрены всегда въ моихъ къ вамъ чувствахъ дружбы и уваженія. Поздравляю васъ съ новымъ вашимъ назначеніемъ и съ довѣренностью, которую въ семъ случаѣ оказалъ всемогущѣйшій государь императоръ къ заслугамъ вашимъ. Признаюсь, что эта довѣренность штука не изъ посажднихъ, и во времена оны самъ бы Пашероль и товарищи задумались, но тутъ какъ онъ не опасенъ, то думаю, что великіе нынѣшняго вѣка Кустепрене съ большимъ удовольствіемъ узнаютъ о семъ. Ибо по словамъ старой пословицы: que tout chemin conduit à Rome. Позже не сворачивали ни мало прогуляться въ мѣстѣ расположенія всегда богатыхъ армій сухимъ путемъ. О посольствѣ вашемъ совѣмъ не удивляюсь. Я вамъ сказывалъ всегда и повторялъ вамъ слова, что единственный Ермоловъ генералъ на все, но, избави

* Это должно быть ошибка: Ермоловъ воротился изъ Персіи въ 1816 г.

** Гр. Дмитрій Дмитріевичъ Курута.

Боже, отрыжка et сонни, toutes les extrémités se touchent, чтобы, по поводу путешествія вашего, не сдѣлалось съ нашей стороны всеобщей прогулки по частямъ чуждымъ. Шпанскія мухи много перевела народу во Франціи. Избави Богъ, чтобы Персія тоже бы не перевела много православныхъ, можетъ бы, не утопила намъ нашихъ. Впрочемъ все зависитъ отъ милосердства насаждника общества Грубера. * У насъ все мирно и, слава Богу, хорошо дѣлао идетъ впередъ, но хлопотъ и работы много. Заднихъ дверей у насъ нѣтъ, и хотя вы и увѣрены, что я насаждникъ Грубера, но, въ оправданіе скажу вамъ, что для этого я слишкомъ горячъ, строгъ и откровененъ. Въ доказательство чего прошу васъ быть увѣрену во всегдашнемъ моемъ къ вамъ уваженіи и во всегдашней дружбѣ.

II.

Алексѣй Петрович!

На записку вашу, что Ермоловъ два года проситъ о переводѣ извѣстнаго Граббе въ гвардію, съ тѣмъ чтобы ояъ остался въ командѣ начальника своего Дмитрія Дмитриевича, его высочество изволилъ обѣщать сдѣлать. Дмитрій Дмитриевичъ обѣщавъ исполнить; великій князь и не такія дѣлава милости; скажу вамъ, что я охотно бы исполнилъ ваше желаніе, но препятствіе къ тому состоитъ въ томъ, что если его представить перевести въ старую гвардію, то государь изволилъ потребовать: былъ ли ояъ въ походѣ и сраженіи, какія оказалъ отауція? Ибо безъ этого князь не переводитъ, а ояъ, какъ извѣстно, не былъ; въ молодую же гвардію его перевести никакой нѣтъ для него выгоды, потому что Дворянскаго полка офицеры маравятъ съ оной пользуются однимъ чиномъ противъ арміи! Вотъ вамъ причины, въ чемъ состоитъ остановка; но дѣлать вамъ пріятное есть для меня всегда большое удовольствіе, и прошу васъ вѣрить въ искреннемъ и совершенномъ моемъ къ вамъ уваженіи и дружбѣ.

25 іюня 1816 года. **

Отъ А. П. Ермолова къ хану Шекинскому.

Г-къ генералъ-майоръ ханъ Шекинскій!

Едва я пріѣхалъ сюда, какъ уже закидалъ просьбами на васъ. Не хочу вѣрить имъ безъ изслѣдованія, ибо въ каждой изъ нихъ описаны дѣйствія, одному заоравному и жестокому челоуѣку приличныя. Я поручаю удостовѣриться о всемъ томъ чиновнику, заслуживающему вѣры. Если

* Извѣстно, что Ермолова называли именемъ езуита патера Грубера

** Здѣсь должна быть ошибка: этимъ же числомъ помѣчено и предыдущее письмо, см. выше.

точко откроетъ оны тѣ жестокости, которыя дѣлаемы по волѣ вашей, что могутъ доказать оторванныя щипцами носы и уши, то я приказалъ всѣхъ таковыхъ несчастныхъ помѣстить въ домѣ вашемъ до тѣхъ поръ, пока вы ихъ не удовлетворите. Чюловника вашего, который былъ одного жителя палками до того, что оны умеръ, и тѣло его было брошено въ ровъ, я приказалъ взять и, по учиненію надъ нимъ суда, будетъ лишенъ жизни. Совѣтую вамъ, г-нъ генераль-майоръ ханъ Шекинскій, быть осмотрительнѣй въ выборѣ чюловниковъ, назначаемыхъ для приведенія въ исполненіе вашей воли; паче совѣтую вамъ, чтобы воля ваша не была противна милосердію и великодушію государя, который управленіе ханствомъ ввѣрилъ вамъ совѣмъ не въ томъ намѣреніи, чтобы народъ, его населяющій, страдалъ въ дни славнаго его царствованія, и ручаюсь вамъ, что если найдю жалобы основательными, я научу васъ лучше исполнять намѣренія всемогущѣйшаго вашего государя. Знайте, что я ни шутить, ни повторять своихъ приказаній не люблю.

IV.

Дневникъ Алексѣя Петровича Ермолова въ продолженіе командованія въ Грузію до Кючиды императора Александра (въ извлеченіи г-на С.).

1818. Апрѣля 5. Казбекъ. Въ октябрѣ мѣсцѣ обрушился съ горъ Кавказскихъ свѣговой обвалъ, какого не помнятъ старики. Сначала высота его была въ 50 саж. Почти на сутки остановлено было теченіе рѣки Терека.

Мая 8. Темнолѣсская крѣпость. Осматривалъ единственный казенный дѣсъ, истребленный попеченіемъ оберъ-форстмейстеровъ.

18. Червленая станица. Сдѣланы приуготовленія къ движенію. Составленъ отрядъ изъ 2 батальоновъ 8-го егерскаго полка (по большей части изъ рекрутъ), 2 батальоновъ 16-го егерскаго полка, 1 батальона Троицкаго и 1 батальона Кабардинскаго пѣхотнаго полковъ, изъ 6 батарей 8 легкихъ и 6 конныхъ орудій и 400 линейныхъ и донскихъ казаковъ. Число войскъ, по-здѣшнему, непреодолимое!

Лагерь на Сунжѣ. Заложена крѣпость, которая названа Грозною. Безпрестанныя стычки съ Чеченцами.

Октябрь. Полученъ рапортъ генераль-майора Пестеля о занятіи города Башлы въ Каракайтаской области. Глубое соображеніе! Слабый отрядъ среди многолюднаго города, жителей неблагонамѣренныхъ, въ мѣстоположеніи самомъ невыгодномъ.

6. Прохладная, селеніе. Собраны владѣльцы и уздени кабардинскіе, которымъ сдѣлалъ я строгое замѣчаніе за гнусныя и подлые ихъ поступки и разбои. Они дали мнѣ обѣщаніе быть лучшими, и я зналъ, сколько вѣрить должно подобнымъ обѣщаніямъ. Доселѣ всѣ данныя ими присяги нарушены.

Генераль-лейтенантъ шамхалъ Тарковский былъ все время до вельза вѣреть данной присягѣ. Отъ 13 октября онъ извѣщалъ, что владѣнія его возмущились и соединились съ горцами, что самъ онъ въ опасности и долженъ былъ удалиться, и что большія силы обратились противъ генераль-майора Пестеля.

(Ермоловъ поспѣшно выступилъ въ Дагестанъ; съ нимъ было всего войска подъ ружьемъ до трехъ тысячъ человекъ.)

(Въ Андреевѣ Ермоловъ слышалъ, что будто въ Дагестанѣ было сильное сраженіе и войска наши разбиты.)

31. Переправлялись черезъ Койсу. Для пѣхоты слѣланъ мостъ изъ арбъ.

Ноября 3. Тарки, городъ. Здѣсь подтвердились слухи о сраженіи въ Дагестанѣ. Въ окрестныя селенія привезены раненыя во множествѣ. Непрiятель, по извѣстіямъ, былъ въ числѣ не менѣе 20 тысячъ. Имъ предводительствовалъ измѣнникъ генераль-майоръ Султанъ-Ахмедъ-ханъ Аварскій и братъ его Гассанъ-ханъ-бекъ Джангутайскій. (Были проливныя дожди.)

11. Я выступилъ. Въ Таркахъ оставлены больные и вагенбургъ. Возвратился Татаринъ, посланный къ генераль-майору Пестелю. Онъ доноситъ, что сраженіе было сильное и продолжалось два дня; жители Башлы измѣнили, впустили непрiятеля въ городъ и съ нимъ соединились. Со стороны нашей былъ большой уронъ, но пушки не потеряны, какъ о томъ были слухи. Войска выступили изъ Башлы.

(Въ этомъ дѣлѣ лагерь былъ у подошвы горы Талино (?), вершина которой занята была укрѣпившимся непрiателемъ.)

Ночью большою Кабардинскій полкъ обошелъ укрѣпленіе, занялъ часть вершины хребта, разбилъ непрiятельскій отрядъ, который расположенъ былъ на оной. Въ бѣгствѣ непрiятель оставилъ много добычи.

12. Весь отрядъ взомель по сей дорогѣ, артиллерія поднята съ величайшимъ трудомъ. Непріятель, боясь быть отрѣзанъ, бѣжалъ.

14. Непріятель, пользуясь выгодными высотами, сдѣлалъ нападеніе на наши окопы и завалы. Лишь только началась перестрѣлка, чрезвычайно густой туманъ покрылъ землю, и невозможно было осмотрѣть мѣстоположеніе. Сіе способствовало непріятелю и противиться упорно, и отойти безопасно. Одинъ изъ окоповъ взятъ былъ штыками, ротою Кабардинскаго полка.

15. Выпалъ глубокій снѣгъ и сдѣлался сильный морозъ. Селеніе Джангутай раззорено. Небольшой отрядъ посланъ сжечь селеніе Малый Джангутай. Аварскій ханъ и Акушицы *, не подавъ помощи жителямъ, бѣжали поспѣшно въ горы. Пришли въ покорность многія изъ окрестныхъ селеній; владѣнія Шамхала приведены въ повиновеніе.

19. Главные зачинщики мятежа наказаны смертію.

(Этимъ окончилась экспедиція, и Ермоловъ возвратился въ Тифлисъ.)

1819. (Январь, февраль, мартъ. Между тѣмъ Дагестанъ продолжалъ непріязненные намѣренія. Сурхай-ханъ возмущалъ горскіе народы и старался соединить ихъ вмѣстѣ.) Акушинскій народъ, сильнѣйшій всѣхъ прочихъ, воинственный, удерживалъ у себя неблагонамѣренныхъ людей, вредныхъ правительству, и способствовалъ имъ составлять партіи. Возмущеніе разлилось до самыхъ земель Кумыкскихъ, гдѣ даже Андреевцы обязались между собою присягою противиться Русскимъ и не исполнять ихъ требованій. Чеченцы продолжали быть непокорными. Надобно было до прибытія войскъ изъ имперіи, сколько возможно, воспрепятствовать всеобщему соединенію. Сдѣланы всѣ нужныя распоряженія. Генералъ-майоръ Вельяминовъ долженъ былъ по прибытіи къ Андрею сдѣлать предварительныя распоряженія, требовать отъ жителей нужныя, для построенія крѣпости, матеріалы и ожидать моего пріѣзда. (Ермоловъ отгравился на линію.)

Іюнь. (Ермоловъ торопилъ прибытіе войскъ изъ имперіи.)

Іюль 2. Андрей. (Ермоловъ соединился съ отрядомъ генералъ-майора Вельяминова. Войска было 6 тысячъ и 22 орудія. Всѣ окрестные народы въ возмущеніи. Лѣсистое мѣсто, занимаемое лагеремъ, даетъ возможность беспокоить

* Возвратившіеся въ числѣ пяти тысячъ изъ Башлы.

его ночными перестрѣлками. Для Андрея учрежденъ сильный постъ.)

Августъ. (Началось построение крѣпости Вязанной. Жители Андрея разбѣжались и городъ остался пустой. Дагестанцы собрались въ большихъ силахъ и приближались.) Усилены были работы крѣпости и производились непрерывно, даже въ ночное время, при разложенныхъ огняхъ. Шамхаль Тарковскій привосилъ жалобы, что Акушинцы возмущили его владѣнія и грозятъ изгнать его изъ Тарки.

(Между тѣмъ Дагестанцы пришли до 16 верстъ отъ Андрея. Съ ними соединились Солотавцы. Ермоловъ выступилъ къ нимъ навстрѣчу. Не доходя 2 верстъ, непріятель ударилъ на авангардъ и привелъ его въ разстройство, но приспѣвшій батальонъ Кабардинскаго полка опрокинулъ непріятеля штыками и преслѣдовалъ его до его укрѣпленій въ ущельѣ. Деревня Боуртугай была занята. Непріятель стѣсненъ въ ущельѣ, отрѣзано сообщеніе съ плоскостію, откуда онъ получалъ продовольствіе. Ожидая раздора между собравшихся горцевъ, Ермоловъ не хотѣлъ атаки, избѣгая потери людей. И дѣйствительно, черезъ 4 дня, непріятель бѣжалъ съ величайшею поспѣшностію.)

Сентябрь. Слѣдовалъ маршъ чрезвычайно трудный и опасный. Находящіяся при войскахъ 2 орудія, надлежало разбирать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

(Непріятельскія селенія раззорены и сожжены.)

15. Отрядъ войскъ подъ командою Войска Донскаго генералъ-майора Сысоева, взялъ штурмомъ качалыковское селеніе Даданъ-юртъ. Жители защищались отчаянно до послѣдняго. Въ плѣнъ взяты одаѣ женщины и ребята и многіе изъ нихъ ранены. Женщины бросались съ кинжалами въ толпы солдатъ. Потеря наша, судя по здѣшнимъ дѣламъ, была весьма значащая. Надобно было почти каждый домъ брать штыками; многіе изъ нихъ окружены были каменными стѣнами. Нельзя было употребить всѣхъ войскъ, ибо могла придти помощь изъ другихъ селеній.

(Въ Андрей Чеченцы отогнали 400 нашихъ лошадей. Аксаевскіе князья, мирные съ нами, знали объ этомъ намѣреніи, а потому Ермоловъ велѣлъ взять у нихъ 400 лошадей на выборъ, а самъ выступилъ для наказанія Качалыковъ, способствовавшихъ набѣгу.)

Октябрь. Батальонъ Апшеронскаго полка взялъ одно селеніе на штыкахъ. Другія два селенія атакованы вдругъ. Непріятель защищался слабо. Въ домахъ не было ни женщинъ, ни имущества, а безъ нихъ Чеченцы дерутся слабо. Даданъ-юртъ былъ ужаснымъ примѣромъ.

(Между тѣмъ одинъ Удмей съ частію войскъ бѣжалъ въ горы. Акушинцы опять поднялись. Шамхаль Тарковскій просилъ противъ нихъ помощи. Ермоловъ выступилъ изъ Андрея.)

Декабря 1. Тарки. Выпалъ снѣгъ, необычайно глубокій. Каждый день артиллерія и обозы были откапываемы. (Отъ Акушинцевъ Ермоловъ требовалъ покорности, они дали совершенный отказъ. Прибылъ отрядъ генераль-майора князя Мадатова. 2000 жителей расчищали дорогу.)

2. Вся артиллерія, паркъ и провіантскіе транспорты поднимались на гору Калантау въ продолженіи трехъ сутокъ. Непріятель усмотрѣвъ въ большихъ силахъ.

16. (Соединилась весь отрядъ.)

17. Я самъ осматривалъ расположеніе непріятели и своихъ укрѣпленій. Непріятель старался препятствовать перестрѣлкою. Къ нему присоединились многіе народы.

Шамхаль Тарковскій находился при мѣѣ. Акушинцы были съ нимъ въ сношеніи и требовали, чтобы войска русскія вышли изъ горъ, и что тогда войдутъ они со мною въ переговоры. Представлены мнѣ 5 старшинъ акушинскихъ; на требованія мои они отвѣтствовали дерзко и неуважительно.

Я отпустилъ ихъ въ полночь, и приказалъ войскамъ быть въ готовности.

19. Войска пришли ночью на ближайшее разстояніе отъ непріятели, и до разсвѣта устроились въ боевой порядокъ. Отрядъ князя Мадатова, мѣстами скрытыми, спустился къ рѣкѣ и быстро обошелъ правое крыло непріятели. Немедленно поставлена была батарея на продолженіи линіи непріятельскихъ окоповъ. Не болѣе двухъ часовъ продолжалось сраженіе, и непріятель, не взирая на чрезвычайно твердое мѣстоположеніе и обширные окопы, не дождавшись къ симъ послѣднимъ приближенія, обратился въ стремительнѣйшее бѣгство. Едва вѣрнѣе возможно, съ какихъ ужасныхъ крутизнь спускались бѣгущіе, дабы укрыться отъ дѣйствія артиллеріи. Съ праваго нашего фланга, подѣ дѣйствіемъ артиллеріи. Вельяминовъ послалъ казаковъ и татарскую конницу преслѣдовать непріятели. Она нанесла ему уронъ, но въ мѣстахъ неприступныхъ, въ землѣ незнакомой, не могла она идти далеко. Потеря съ нашей стороны была немовѣрно ничтожная. Изъ собственнаго признанія непріятели, силы его простиралась до 21 тысячи. Мы имѣли подѣ ружьемъ до 6 тысячъ человекъ и сильную артиллерію.

20. (Ковница догнала непріятельскіе обозы. Вместе съ ними взяла еще нѣсколько плѣнныхъ.)

(По весьма труднымъ проходамъ Ермоловъ приблизился къ городу Акушѣ и готовился взять его. Но скоро наша конница заняла городъ, который не защищался.)

21. Всѣ окрестныя горы наполнены были спасающимися семействами и вывезеннымъ имуществомъ. Я запретилъ преслѣдовать ихъ, и не приказалъ брать добычи. Нельзя представить себѣ распространеннаго повсюду ужаса, ибо Акушинцы легко могли имѣть подъ ружьемъ 15 тысячъ человекъ и сверхъ того вспомошествоваемые сосѣдями, въ состояніи были защищать тѣсныя проходы, ведущіе къ городу, и самый городъ, лежащій среди стѣнныхъ, почти неприступныхъ горъ. Я могъ потерять много времени, могла перемѣниться благоприятствовавшая погода, судя по позднему времени, въ которое бываютъ нередко глубокіе снѣга, и войска начинали имѣть недостатокъ въ продовольствіи.

Городъ оставленъ съ такою поспѣшностію, что найдено не мало жизненныхъ припасовъ. Вскорѣ собрались всѣ главные старшины и прибылыя киди, управляющій народомъ. За ними стали возвращаться жители города. Неизбѣсна благодарность ихъ за сохраненіе домовъ. Главная мечеть, здѣсь чрезвычайно обширная, и всѣ прочія мечети были оберегаемы карауломъ. Дана жителями присяга въ подданствѣ императору, взяты аманаты лучшихъ фамилій, наложена дань въ знакъ покорности, и взята контрибуція провіантомъ и скотомъ на продовольствіе войскъ. Я перемѣнилъ прежняго киди и назначилъ ему жалованье отъ казны.

1820. Января 1. Въ первый разъ въ сей странѣ войска наши расположены были на продолжительное пребываніе. Жителямъ истолковано, что симъ наказываются они за непрерывные мятежи. Продовольствіе войскъ назначено изъ дербентскихъ и кизлярскихъ магазиновъ. Жители взять его безъ платы отъ казны за наказаніе.

17. Назначена коммиссія судить мятежниковъ, получавшихъ деньги изъ Персіи отъ Аббаса-Мирзы. Возвратился Муравьевъ изъ посольства въ Хиву. Въ Дербентѣ предположено расширить улицы и открыть площади, дабы уменьшить болѣзни. Составляется проектъ.

Взглянулъ я мимоѣздомъ на остатки батареи, которую командовалъ я въ 1796 г., будучи капитаномъ артиллеріи.

Февраль 12. Кизляръ. Собралъ нужныя свѣдѣнія о необходимости пособія городу, знаменитому промышленностію.

29. Моздокъ. (Получены извѣстія о признакахъ возстанія въ Имеретіи. Это заставило Ермолова отложить отъѣздъ въ Пе-

тербургъ. Духовенство возбуждало неудовольствіе въ народѣ, дабы, затруднивъ правительство, отклонить приведеніе въ извѣстность церковныхъ имуществъ, коими управляло оно безотчетно.)

Марта 18. Продолжая путь въ Тифлисъ, я встрѣтился съ царевною и двумя митрополитами, вывезенными изъ Имеретіи за возбужденіе народа къ бунту.

19. Дорога въ земля Чеченцевъ окончена, и съ этихъ поръ входъ туда не затруднителенъ.

23. Я возвратился въ Тифлисъ.

Апрѣль. Въ Имеретіи распространился мятежъ и охватилъ уже почти всю область. Экзархъ Грузіи Θεофилактъ возвратился, и, справедливѣе сказать, бѣжалъ отсюда, не успѣвъ сдѣлать описанія церковныхъ имуществъ. Онъ при семъ случаѣ показалъ большую робость. Въ мятежъ участвовали многія изъ лучшихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій.

Получено извѣстіе о злодѣйскомъ убійствѣ полковника Пузыревскаго, отличнаго офицера, начальствовавшаго войсками въ Имеретіи. Одинъ князь, дядя родной владѣтельнаго князя Гурійскаго, пригласилъ его на свиданіе, подослалъ одного изъ своихъ прислужниковъ убить его, когда безпечно проѣзжалъ онъ чрезъ лѣсъ.

Вотъ мои слова при первомъ о семъ извѣстіи: „Не при мѣхъ умирать достойному офицеру безъ отщепенія!“

20. Въ то же время посланъ отрядъ для изгнанія Сурхай-хана, который, извѣстенъ будучи многими измѣнами и неблагонамѣренностію, не переставалъ возбуждать противъ насъ горекіе народы. Одинъ изъ довѣренныхъ ему людей будучи схваченъ, открылъ всѣ гнусныя его дѣйствія.

Августъ. (Имеретинскій мятежъ Вельяминовымъ подавленъ совершенно, мятежники схвачены или разсѣяны.) Замокъ Шамекети, принадлежащій убійцѣ полковника Пузыревскаго, князю Кайхосро Гуріелу, взятъ штыками и разрушенъ до основанія. Убійца, не смѣя нигдѣ показаться, бѣжалъ въ турецкія границы. Прислужникъ, сдѣлавшій изъ ружья выстрѣлъ, коимъ убитъ Пузыревскій, наказанъ смертію на самомъ мѣстѣ преступленія. Сдѣлаю описаніе церковныхъ имуществъ и введенъ новый порядокъ управленія оными.

Сентябрь. Самымъ счастливымъ образомъ кончивъ экспедицію, войска, посланная противъ Сурхай-хана, возвратились. Самъ онъ бѣжалъ. Ханство его отдало было вѣропреданному Асланъ-хану.

26. Тифлисъ. Генераль-лейтенантъ Мустафа-ханъ Шир-

вазскій, тѣсными узами родства соединенный съ измѣнникомъ Сурхай-ханомъ и подобный ему въ неблагонамѣренности, узнавши, что сего послѣдняго приверженецъ будучи схваченъ, и боясь, чтобы не открылъ его самого мошенничества, бѣжалъ съ семействомъ и людьми, ему преданными, въ Персію. Ханство Ширванское, большое и прекрасное, взято въ казенное управленіе. Бѣгство было столь поспѣшно, что онъ оставилъ одну изъ малолѣтнихъ дочерей своихъ, которую я, снабдивши нужною прислугой и всѣми на дорогу необходимыми вещами, приказалъ отправить къ отцу въ Персію. Самъ ханъ едва не былъ схваченъ при переправѣ черезъ Куру, подвластными ему беками, преданными правительству.

По водвореніи повсюду порядка и спокойствія, я отправился въ Петербургъ, получа извѣстіе, что государь къ новому году ожидается изъ Тронавскаго конгресса. Въ послѣдствіи конгрессъ перенесенъ въ Лайбахъ.

1821. Февраля 11. С.-Петербургъ. Я представляю императорской фамиліи и принять милостиво. Ожидаютъ приѣзда государя.

Получено извѣстіе о возстаніи Грековъ и о дѣйствіяхъ князя Ипсиданти въ Молдавіи.

Мартъ. Въ Піемонтѣ возникла революція. Предполагалось, что она будетъ сигналомъ всеобщаго возстанія въ Италіи.

Государь отложилъ отъѣздъ свой изъ Лайбаха на неопредѣленное время. Я былъ въ затруднительномъ положеніи. Столько же неловко было и его дожидаться долго, и долго быть въ отсутствіи изъ Грузіи.

19. Получаю высочайшій рескриптъ, дабы я прибылъ въ Лайбахъ. Начальникъ главнаго штаба князь Волконскій сообщаетъ мнѣ, чтобъ я приѣхалъ поспѣшнѣе. Дежурнаго генерала Закревскаго увѣдомляетъ онъ, чтобы на нѣкоторое время скрылъ я назначеніе мое главнокомандующимъ арміей, идущей въ Италію въ помощь Австріяцамъ. Сколько удивленныхъ, а, кажется, не менѣ завидующихъ!

Невозможно было мнѣ утаить моего назначенія, ибо о томъ получено извѣстіе отъ цесаревича изъ Варшавы, и уже напечатано о томъ въ гамбургскихъ газетахъ. Приключившаяся болѣзнь удержала меня до 2-го апрѣля.

Апрѣля 3. Встрѣтилъ генералъ-адъютанта гр. Ожаровскаго, который былъ свидѣтелемъ, когда государь объявилъ императору австрійскому о моемъ назначеніи. Онъ везъ распоряженія о составѣ арміи и повелѣніе войскамъ о выступленіи. Корпусъ Литовскій уже собирался на границу.

Я былъ еще слабъ послѣ болѣзни.

24. (Въ Вѣнѣ Ермоловъ удостовѣрился объ отступнѣ движенія арміи нашей въ Италію и о скоромъ отъѣздѣ государя изъ Лайбаха.)

26. Лайбахъ. Немедленно представился государю. Неаполь уже былъ взятъ Австрійцами. Начальствовавшій ими генералъ Фримонъ робкимъ дѣйствиємъ своимъ сдѣлалъ честь Неаполитанцамъ. Но они не долго его обманывали, перепугались, бросили сооруженныя ими укрѣпленія въ мѣстахъ самыхъ крѣпкихъ, и бѣжали подлѣйшимъ образомъ, едва появилась неприятель. Они не измѣнили прежней своей военной славы!!!

Въ Пиемонтѣ едва вспыхнуло возмущеніе и угасло! Слшкомъ малое число войскъ приняло въ немъ участіе, и Австрійцы въ первыя минуты и безъ затрудненія преодолѣли.

Государь удивленъ былъ, когда сказалъ я ему, что безъ сожалѣнія услышалъ я объ отступнѣ движенія арміи, которой назначенъ я былъ главнокомандующимъ. „Суворовъ, говорилъ я ему, начальствовалъ Австрійцами и не избѣжалъ зависти ихъ. Трудно было ему преодолевать препятствія, которыя ему дѣлали. Я бы желалъ видѣть, продолжалъ я, того, кто безъ робости явится на сценѣ, которую сей необыкновенный человѣкъ, и не задолго предъ нимъ Наполеонъ, ознаменовали великими военными дѣлами.“ Разсужденія мои, вѣроятно, казались основательными. Я представленъ императору и императрицѣ, и приглашенъ былъ къ нимъ на обѣдъ. Обращеніе обоихъ было самое благосклонное.

У государя, бывалъ я по два и по три часа и не въ состояніи выразить его милостей. Приближался день его отъѣзда, и я выпросилъ позволеніе пробить нѣсколько времени въ Вѣнѣ и проѣхать черезъ Варшаву.

Мая 20. Варшава. Великій князь принялъ меня благосклонно. Почти ежедневно бывалъ я у развода; видѣлъ парады, ученья всякаго рода войскъ, смотры и маневры.

Я отказался отъ квартиры во дворцѣ государя и остановился въ гостиницѣ.

По приказанію цесаревича, всѣ польскіе генералы и прочие чиновники на другой день по пріѣздѣ моемъ сдѣлали мнѣ посѣщеніе. Я просилъ объ отступнѣ его приказанія, но не успѣлъ. Я не принялъ ихъ, не желая дѣлать имъ безпокойства, зная притомъ, что изъ нихъ знакомые охотно увидятся со мною и безъ объявленнаго приказа. Цесаревичъ былъ въ большомъ негодованіи на меня, и начальнику штаба генералу Курутѣ поручилъ объясниться со мною самымъ неприятнымъ образомъ.

Я хотѣлъ отправиться въ Петербургъ, но цесаревичъ объявилъ мнѣ, что государю угодно, чтобы я дожидался вступленія въ лагерь польской арміи. Я долженъ былъ повиноваться! Приказано показать мнѣ: главный штабъ, принадлежащую оному литографію, арсеналъ, конгрововы ракеты; наводили мостъ изъ цилиндрическихъ повтоновъ. Я видѣлъ военный госпиталь, казармы и конюшни. Словомъ, все въ удивительномъ устройствѣ, и возможная похвала есть только должная справедливость.

Іюля 13. Вильно. Приѣхалъ съ братомъ (Каховскимъ) взглянуть на городъ, въ коемъ проведенъ я нѣсколько лѣтъ лучшей молодости оставили пріятнѣйшія воспоминанія.

20. Царское Село. Мнѣ уже назначены были во дворцѣ комнаты, и приказаніе жить въ немъ объявлено начальникомъ главнаго штаба Е. И. В. Какъ все дико для человѣка, никогда не бывшаго близкимъ ко двору, и конечно всѣхъ забавлялъ я моею неловкостью. Но никто не говорилъ о ней, ибо у двора кромѣ похвалъ ничего не говорятъ о томъ кого весьма ласкаетъ государь!

Іюль. Инсурреція Грековъ была въ самой силѣ. Порта принимала мѣры къ наказанію, т.-е. къ истребленію возмущившихся. Война съ Турціей казалась неизбежною. Переписка съ иностранными кабинетами была непрерывная. Приказано показывать мнѣ оную, и я видѣлъ усилія не допустить Россіи до войны. Государь часто говаривалъ со мной о Грекахъ, я утверждалъ о необходимости войны въ защиту ихъ, въ спасеніе! Безуспѣшно! государь старался доказать мнѣ противное.

Августъ. Изъ примѣчательныхъ происшествій, случившихся со мною, было то, что императоръ въ 30 день августа пожаловалъ мнѣ аренду. Не допустивъ подписать о томъ указа, я имѣлъ случай объясниться по сему предмету, и государь не только выслушалъ меня благосклонно, но съ похвалою отозвался насчетъ моей деликатности, и когда отпустилъ меня, еще вторично говорилъ мнѣ объ оной. Рѣдко, думаю, скучаютъ государямъ подобными объясненіями!

Сентябрь. Продолженіе пребыванія моего въ Петербургѣ заставляло многихъ думать, что я не возвращусь въ Грузію, но получу другое назначеніе, и я имѣлъ причины то же предполагать.

(Въ Москвѣ, возвращаясь въ Грузію, Ермоловъ провелъ очень весело время у генераль-адъютанта Закревскаго.)

Октября 28. (Въ Екатеринодарѣ на Кавказѣ Ермоловъ

осматривалъ войсковую канцелярію, всѣ заведенія войска.)
Какое во всѣхъ частяхъ расхищеніе!

(Во Владикавказѣ Ермоловъ былъ остановленъ непрерывными мятежамъ. Сообщение съ Грузіей прервано уже двѣ недѣли и остановлены почты.)

1822. Январь. Тифлисъ. Отсутствіе мое продолжалось двѣ-
лѣтъ годъ. Въ продолженіе онаго я сдѣлалъ болѣе 10.000
верстѣ.

(Въ Грузіи и Имеретіи совершенное было спокойствіе.
Но Абхазія была въ мятежѣ.)

(Окончена крѣпость Бурная.)

(Подавленъ мятежъ Мехтулинцевъ, возбужденный измѣн-
никомъ султанъ-Ахмедомъ, бывшимъ ханомъ аварскимъ.)

Кабардинцы, переселившись съ позволенія ближе къ го-
рамъ, умножали разбои и хищничества. Съ военныхъ по-
стовъ нашихъ нельзя было сдѣлать нападенія, о коемъ бы не
были они предупреждены, и всегда имѣли время скрыться
въ мѣстахъ неприступныхъ съ семействами и имуществомъ,
удалить стада и табуны, составляющіе главное ихъ бо-
гатство. Подполковникъ Коцаревъ, посланный съ неболь-
шими отрядами, въ продолженіе зимы нанесъ Кабардинцамъ
чувствительное наказаніе раззореніемъ многихъ ауловъ и
не допуская въ долины стада ихъ. Повсюду появлялся онъ
внезапно и съ чрезвычайною скоростію, но не могъ про-
никнуть въ сокровенныя ихъ убѣжища, въ которыхъ пре-
бывали они безбоязненно.

Со стороны Закубанцевъ продолжались разбои, и въ ок-
тябрѣ мѣсяцѣ прошедши горы въ числѣ болѣе 1000 чело-
вѣкъ отборной кавказцы, сдѣлали они нападеніе на земли
Войска Черноморскаго. Войска Донскаго генералъ-майоръ
Власовъ 3-й, офицеръ столько же храбрый (какъ) и бди-
тельный, прислѣлъ съ казаками, но въ меньшихъ силахъ.
Ночное время скрыло ихъ недостатокъ, повсюду на постахъ
произведенная тревога, зажженные маяки и пушечные сиг-
нальные выстрѣлы привели Закубанцевъ въ замѣшательство,
которые до того гнали небольшую гартію казаковъ, про-
изводившихъ съ ними безвредную перестрѣлку. Видя себя
открытыми, они пустились въ обратный путь, но встрѣ-
чены были генералъ-майоромъ Власовымъ, который скры-
вался въ камышахъ. Картечные выстрѣлы довершили ихъ
замѣшательство, и они, видя себя отрѣзанными отъ пе-
реправы чрезъ Кубань, бросились на обширный заливъ,
поросшій камышомъ, гдѣ быстро преслѣдуемые казаками,
тѣсными страхомъ, погибли до 1000 человекъ, и въ числѣ

ихъ многіе изъ знаменитѣйшихъ вѣздниковъ. Изъ собственнаго признанія плѣнныхъ извѣстно, что они никогда подобнаго пораженія не испытали. Симвъ предпріятіемъ Закубанцы дали поводъ къ дѣйствіямъ съ нашей стороны.

Мартъ. Пользуясь совершеннымъ спокойствіемъ въ Грузіи и провинціяхъ закавказскихъ, я предположилъ заняться перенесеніемъ части линіи въ земли Кабардинцевъ и тѣмъ положить конецъ ихъ непрерывнымъ возмущеніямъ и столько же разъ нарушеннымъ клятвамъ на вѣрноподданничество. Надобно было въ понятіи ихъ уничтожить ложную мысль о нашемъ безспіи и чрезвычайномъ уваженіи ихъ храбрости, что наиболѣе поощряло ихъ къ возобновенію безпокойствъ.

Дабы отвратить Закубанцевъ, которые могли подать имъ помощь, я приказалъ генералъ-майору Власову, командующему Войскомъ Черноморскимъ, производить наступательныя дѣйствія противъ нихъ. До сего воспрещено было переходить за Кубань по боязни заразительной болѣзни, и сіе Закубанцамъ придавало большую дерзость, ибо они знали, что возвратясь въ свои земли, они уже не подвергались опасности преслѣдованія.

Апрѣля 9. (Выѣхалъ изъ Тифлиса.)

Май, июнь. (Трудные переходы и переправы, развѣзды, разсматриваніе мѣстностей, частыя, но незначительныя стычки и перестрѣлки. Такъ, напримѣръ, полковникъ Коцаревъ ходилъ съ отрядомъ въ горы за рѣку Баксанъ, гдѣ захватилъ до 4 т. барановъ.) Въ мѣстахъ сихъ въ первый разъ появились русскія войска. Переденныя крутизны столько были ужасны, что срывавшіяся съ оныхъ казачьи лошади разбивались совершенно.

Въ этой экспедиціи изъ отряда генералъ-майора Сталя 400 человекъ пѣхоты, скрывъ за хребтомъ движеніе свое, спустились къ Баксану въ нѣкоторомъ разстояніи выше Мишустова аула, дабы зайдти въ тылъ сидѣвшему въ завалахъ неприятелю, но онъ до того уже бѣжалъ отъ дѣйствія артиллеріи и оставилъ всѣ мѣста, гдѣ безъ всякихъ усилій могъ онъ остановить насъ долгое время и гдѣ мы не могли имѣть съ собою пушекъ. Посланные 400 человекъ должны были спускаться по одинокѣ въ тѣсную щель, наклонно проходящую. Первые люди спустились по веревкѣ, прикрѣпленной у отверстія, наконецъ всѣ прочіе скатывались какъ по жолобу, обхвативъ ружье обѣими руками. Начальствовавшій командою Кабардинскаго пѣхотнаго полка майоръ Якубовичъ, человекъ довольно толстый,

нашелъ щель тѣсною, и его протаскивая за ноги, изодрали на немъ шуртукъ и почти не осталось пуговиць. Мѣсто сіе осталось подъ названіемъ дыры Якубовича.

Выгнавъ непріятеля изъ заваловъ, войска двинулись впередъ, проходя по одному человѣку, ибо во многихъ мѣстахъ тропинка не шире аршина извивалась по скаламъ, нависшимъ надъ Баксаномъ на большомъ возвышеніи. Я въ какое-то разстояніе переправилась не иначе, какъ ползкомъ, ибо кружилась голова отъ вида воды Баксана, кипящихъ подъ ногами. Такъ шли на протяженіи трехъ верстъ.

(Однажды горныя орудія протаскивались на жолобахъ, окованныхъ желѣзомъ; заряды были на людяхъ.)

(Выгнанный изъ заваловъ непріятель бѣжалъ.) По высотамъ въ отдаленіи видны были спасающіяся семейства Кабардинцевъ, угоняемая стада. Майоръ Якубовичъ преслѣдовалъ одну часть бѣгущихъ и долженъ былъ проходить близко высоты, съ вершины которой спускали на него ужасныя камни, но оныя, ударяясь о нависшую скалу, безвредно пролетали поверхъ головы и не потеряли ни одного человѣка.

Далѣе нѣтъ уже пути и стоятъ громады горъ покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ,—(и войска воротились.)

На первомъ возвратномъ ночлегѣ, отрядъ генералъ-майора Стала расположенъ на противномъ берегу на одной высотѣ. Разстояніе между нами часто бывало не болѣе 30 и даже 20 сажень. Ужасный шумъ воды не допускалъ однако же звука голоса, и потому сношенія производились письменно, и бумаги съ привязаннымъ камнемъ перебрасываемы были чрезъ рѣку.

28. Великій ужасъ распространила между Кабардинцами сія экспедиція, ибо они не вѣрили, чтобы таковая могла быть предпринята.

Юля 9. (Прогнаны Абазинцы за Кубань за то, что они были сообщниками Закубанцевъ, и за то, что восслали къ намъ моровую язву.)

Гора Эльбрусъ представляетъ величественный и вмѣстѣ ужасный видъ. Высотою своею онъ далеко превосходитъ прилегающій хребетъ Кавказа, вѣчно покрытый льдомъ, на который опираясь горделиво, кажется презирающимъ его ничтожность. Ниспадающіе съ него источники наполняютъ окрестныя поля, которыя славятся тучною и роскошною травою.

24. Въ Константиногорскѣ осматривалъ въ подробности всѣ источники минеральныхъ водъ. Назначилъ мѣсто

для казенныхъ зданій, которыхъ чертежи, высочайше утвержденные, испрошены мною въ бытность мою въ Петербургѣ.

Августъ. Войска неожиданно счастливо перешли оба Терека (въ землю Кабардинцевъ). Нѣсколько человекъ увлечены ужасною быстротою рѣки, но всѣ спасены. Пѣхота переходила по нѣскольку человекъ рядомъ, держась между собою. Въ глубокихъ мѣстахъ поставленные казаки верхомъ составляли улицу. Протянуты канаты отъ одного орудія къ другому, и тамъ, гдѣ было наиболѣе быстроты, люди переходили, держась за оные. Кабардинцы не вѣрили, чтобы могла перейти пѣхота и даже съ обозами, но при переправѣ столько опасной, утрачено только 5 ружей и до 20 овецъ изъ порціоннаго скота. Я ускорялъ переправую, ибо войска не имѣли провіанта.

22. Екатериноградъ. Сдѣланы дальнѣйшія о Кабардѣ распоряженія. Даны правила на учрежденіе временнаго суда; назначены членами оного благонадежнѣйшіе изъ князей и узденей. Росписаны войска, которыя должны занимать новую по Кабардѣ линію. Определено число тѣхъ, которыя въ случаѣ безпокойствъ должны быть въ дѣйствиі въ продолженіи зимы. Укрѣпленія снабжены крѣпостною артиллеріей. Приказано учредить особыя рабочія команды для приготовленія въ большомъ количествѣ строеваго дѣса, какъ для жилищъ солдатъ, равно и для мостовъ черезъ рѣки Терекъ и Урухъ. Поручено произвести съемку прямѣйшей дороги на Урухъ, которая со временемъ обратится въ военную дорогу въ Грузію. Она будетъ несравненно выгоднѣе прежней и менѣе подвержена опасности отъ набѣговъ. Останется въ сторонѣ Моздокъ, чрезвычайно не здоровый своимъ мѣстоположеніемъ. Я назначилъ мѣсто для карантинна, который перенесется изъ Моздока.

Изъ Екатеринограда отправленъ въ С.-Петербургъ проектъ о преобразованіи управленія Кавказской губерніи, пополненный нѣкоторыми статьями, заимствованными изъ постановленія о Сибири, съ которымъ приказано было сколько возможно сообразоваться.

Сентября 6. Опрокинуты дрожки, и я ушибся довольно больно.

7. Тифлисъ. Повсюду было совершенное спокойствіе. Въ одной Абхазіи продолжался мятежъ и народъ не повиновался своему владѣтельному князю.

Октябрь. Въ Карабагѣ между семействомъ хана не прекращались ужасные раздоры и безпрерывныя ко мнѣ жалобы.

16. Въ первый разъ я посѣтилъ богатую и роскошную Кахетію.

Ноябрь. Тифлисъ. Послѣ побѣга въ Персію Карабахскаго хана, предположилъ я взглянуть на Карабахскую провинцію и послѣ осмотрѣть Ширванскую и Шекинскую, чего доселѣ не имѣлъ я времени сдѣлать по множеству занятій.

Декабря 21. Встрѣтили меня знатнѣйшіе беки всѣхъ трехъ ханствъ.

23. Во время пребыванія моего въ г. Шумѣ, жители города приведены къ присягѣ на вѣрноподданство императору и то же приказано сдѣлать во всей провинціи. Открыты провинціальныи суды, членами коего назначены отличнѣйшіе изъ бековъ и люди другихъ состояній подъ предѣлительствомъ коменданта, начальствующаго въ провинціи. Жители въ память присоединенія области и прекратившагося безпорядка ханскаго управленія, поднесли мнѣ саблю съ надписью.

1823 г. Января 9. Старая Шемаха. Жители по причинѣ раззоренія города живутъ еще въ шалахахъ и развалинахъ. По невѣрности въ сѣмкѣ, я сдѣлалъ перемѣну въ направленіи улицъ и частію въ самомъ плавлѣ города, который со временемъ извѣстеея будетъ своею торговаею.... Для привлеченія торгующихъ, я далъ наставленіе, дабы во многихъ отношеніяхъ допущена была свобода, которую изгоняютъ правительства, омраченныя исламизмомъ. Я имѣлъ въ предметѣ и то, чтобы въ самомъ городѣ поклонникъ Магомета находилъ всѣ роскоши прославляемаго Ширази!

Въ Ширванской провинціи сдѣлалъ я нѣкоторые перемѣны въ хозяйственномъ управленіи, и уничтоживъ часть обширныхъ казенныхъ посѣвовъ, отягощающихъ жителей, приказалъ замѣнить оныя разведеніемъ шелковичныхъ деревьевъ въ весьма значительномъ количествѣ.

24. Нуха. Я нашелъ жителей блаженствующихъ послѣ злодѣйскаго правленія послѣдняго хана, котораго жестокость и алчность равно были безпредѣльны.

Февр. 1. (Была ночь.) Пѣхотный конвой мой остался въ 2 часахъ позади. Со мною было 50 нухинскихъ бековъ.

Три или четыре года назадъ, хотѣлъ бы я видѣть, чтобы главный въ семъ краю начальникъ, извѣстный строгостію, могъ въ ночное время прохъать съ тѣми самыми людьми, которыхъ, смиряя своевольство и грабежи, противъ себя вооружаетъ,—прохъать въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Лезгійя непокорныхъ. На него могло быть обра-

чено, со всѣмъ правдоподобіемъ, всякое преступное предпріятіе! Я хорошо познакомился съ народами!

(Тутъ слышались различныя поселенія—солдатъ, Нѣмцевъ и казенныхъ крестьянъ.)

Юля 9. Я видѣлъ солдатскихъ женъ, недавно прибывшихъ изъ Россіи, которыя хорошо стрѣляли въ цѣль.

Августа 19. Тифлисъ. Получено донесеніе, что посланъ съ частью войскъ полковникъ Верховскій, привести въ повиновеніе нѣкоторыя изъ деревень шамхальскихъ, которыя, возмущаясь, отказались давать рабочихъ и подводы для крѣпости Бурной. На возвратномъ пути, полковникъ былъ убитъ родственникомъ шамхала, который, служа при немъ три года, пользовался благодѣяніями его, какъ ближній. Убійца бѣжалъ въ горы.

Послѣ сего происшествія, обнаружился мятежъ во владѣніяхъ шамхала; къ мятежникамъ присоединились Мехтулинды, которые были находившагося при нихъ пристава хорулжаго Батырева.

Генералъ-майоръ Краббе послѣдовалъ съ войсками въ Дагестанъ, и уже съ мятежниками были два сраженія.—Предписавъ ему расположиться въ мехтулинскихъ владѣніяхъ до моего прибытія, я долженъ былъ отправиться, дабы присутствіемъ моимъ удержать въ повиновеніи Акушинцевъ, которые, еслибы приняли участіе въ возмущеніи, могли бы вооружить весь Дагестанъ.

Сентября 22. (Въ Табасаранѣ обнаруживаются безпокойства.)

Со мною было до четырехъ тысячъ человекъ.

1824 г. Январь. Въ первый день года вѣдиль я въ Эрпеди видѣться съ шамхаломъ, которому поручено требовать аманатовъ отъ нѣкоторыхъ горскихъ народовъ.

Пріѣзжали ко мнѣ измѣнники кабардинскіе, укрывающіеся за Кубанью, изъявляя желаніе возвратиться въ свою землю. Отказано въ безмѣрныхъ ихъ требованіяхъ, позволено заслужить равныя выгоды, предоставленныя соотечественникамъ ихъ, которые не переставали быть вѣрными подданными. Они вразумились, что несправедливо было бы дать имъ преимущество надъ сими.

Въ то же время пріѣхалъ извѣстный разбойникъ Чеченецъ Бейбулатъ просить прощенія въ прежнихъ злодѣяніяхъ. За довѣренность къ начальству принять благосклонно.

Процень молодой джангутайскій владѣлецъ Ахмадъ-ханъ, сынъ мехтулинскаго Гассанъ-хана, который бунтовалъ противъ насъ. Онъ бѣжалъ отъ родственниковъ своихъ изъ Авара, съ довѣренностію явился ко мнѣ, и я, возвратя

ему большую часть владѣній отца его, взявъ присягу на вѣрнопопданство императору.

Явились многіе прислужники бывшего дербентскаго Шихъ-Али-хана, умершаго въ бѣгахъ; они просили позволенія возвратиться въ отечество. Оно отказано только тѣмъ, коихъ извѣстны были непростительныя преступленія, но они отпущены даже безъ упрека, какъ люди предавшіе себя моей власти. Одному изъ чиновниковъ позволено отправиться въ Персію къ наслѣднику Аббасъ-мирзѣ, просить о уплатѣ долговъ за жену Шихъ-Али-хана, которую не выпускали заимодавцы. Я даже не отказалъ ему въ письмѣ, въ которомъ просилъ о томъ Аббаса-мирзу. Онъ никогда не отказывалъ ему въ деньгахъ, чтобы возбуждать противъ насъ народы Дагестана.

Наказаны смертію главнѣйшіе изъ виновниковъ мятежа и убійцы пристава Батырева, въ страхъ прочимъ измѣнникамъ. Народъ принималъ съ признательстію наказаніе только трехъ человекъ, когда самъ указывалъ гораздо большее число.

Взяты отъ народа Койсубойлинскаго первые аманаты, въ надеждѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ прекратятся безпокойства, которыхъ они по большей части бывали причиною.

Главный кади и старшины акушинскіе нерѣдко бывали у меня. Они также склонили нѣкоторые общества представить аманатовъ. Ихъ польза была въ томъ, что войска, для наказанія непокорныхъ, не проходили чрезъ ихъ владѣнія.

Февраль. Во все сіе время не подверглись они ни малѣйшему упреку въ поведеніи, напротивъ, достойны были по справедливости особеннаго уваженія. Я угощалъ ихъ праздникомъ, далъ многимъ подарки. Утвердилъ ихъ въ вѣрности императору, обѣщаніемъ сложить со временемъ платимую ими дань. Это составляло единственное ихъ желаніе!

Я отправился въ Дербентъ.

19. Я былъ у преданнаго намъ Аславъ-хана. По случаю пріѣзда моего собралъ онъ много родственниковъ и знатнѣйшихъ старшинъ, которымъ казалось непонятнымъ, что между ними находился я безъ русскаго караула и безъ всякаго конвоя. Со мною были три казака, присматривающіе за лошадьми.

22. Куба. Собралъ главнѣйшихъ изъ священныхъ особъ, сдѣлалъ я постановленіе, дабы воспрепятствовать чрезмѣрному размноженію муллъ или священниковъ. Нашлись многіе не умѣющіе читать и писать, каковыхъ не позволялъ я

допускать въ сіе званіе. Назначилъ число мечетей по числу дворовъ или семействъ, дабы муллы могли имѣть приличное содержаніе и не подвергались презрѣнію по ихъ бѣдности. Оказалось, что надобно было уменьшить и муллъ, и мечети. Приказаль сдѣлать разборъ бекскихъ фамилій, дабы отличить древніе роды, которые называютъ они коренными, отъ новѣйшихъ, ибо между послѣдними многіе пользовались несправедливо преимуществами своего состоянія. Нѣкоторые возвышены въ сіе достоинство мятежниками и даже бѣглыми ханами.

Преобразована кубинская конница. И столько желающихъ поступить въ оную, что я долженъ былъ ограничить количество. Бывшая со мною сотня служила усердно, и примѣтно старалась подражать нашему порядку.

Въ 12 верстахъ отъ города есть мѣсто, во всѣхъ отношеніяхъ превосходное. Со временемъ и самый городъ Куба долженъ быть туда перенесенъ.

Марта 14. Шемаха. Отъ Кубы до Шемахи проѣхалъ я съ конвоемъ кубинской конницы изъ 25 человекъ и не могу желать лучшей стражи. Безъ сомнѣнія ни одинъ изъ начальниковъ здѣшняго края не былъ подобнымъ образомъ охраняемъ.—Въ Шемахѣ занялся я экономической частью и въ особенности обращено вниманіе на шелководство. Городъ, строящійся по новому плану, дѣлается прекраснымъ.

29. Тифлисъ. Не предвижу возможности кончить дѣло желаемымъ образомъ! (Распределеніе границъ съ Персіей.) Персіяне дѣлаютъ самыя подлѣйшія затрудненія! Я имѣю сношенія съ Аббасъ-Мирзою.

1825. Юня 25. Отправилъ я фельдъ-егеря съ письмомъ къ императору, въ которомъ объяснилъ подозрѣнія мои насчетъ войны съ Персіянами. Просилъ подкрѣпленія корпуса одною дивизіей пѣхоты.

Повѣренный въ дѣлахъ при персидскомъ дворѣ, г. Мазаровичъ, отправленъ къ шаху съ предложеніями, дабы отдалить войну.

Юля 2. Получилъ извѣстіе, что въ ночи съ 7 на 8 юня, возмущившіеся Чечевы, возбужденные лжепророкомъ, напавъ на укрѣпленный постъ Амиръ-Аджи-Юртъ, сожгли оный. Неосторожный начальникъ почти былъ атакованъ внезапно, хотя неоднократно предупреждаемъ былъ о намѣреніи.—Гарнизонъ (1 рота), потерпѣвъ чувствительный уронъ, переплылъ чрезъ Терекъ. Генераль-лейтенантъ Лисаневичъ и генераль-майоръ Грековъ нанесли имъ пораженіе и разсѣяли ихъ совершенно. За симъ должно было послѣ-

довать совершенное укрощеніе мятежа, но въ то же время одинъ изъ аксаевскихъ жителей, котораго генераль-лейтенантъ Лисаневичъ приказалъ взять подъ стражу, какъ измѣнника, бросился на него съ кинжаломъ. нанесъ ему тяжелую рану и закололъ генераль-майора Грекова.... Я хотѣлъ тотчасъ ѣхать на днѣю, но сильная болѣзнь меня удерживала.

24. Болѣзнь моя въ дорогѣ очень усилилась отъ чрезвычайнаго жару.

Генераль-лейтенантъ Лисаневичъ умеръ.

28. Возобновилась болѣзнь съ жестокостію, и лѣкаря отчаялись въ жизни.

Слышаю было, что Чеченцы собираются въ силахъ и лжепророкъ имѣеть большое въ народѣ вліяніе. Партіи ихъ переходятъ на правый берегъ рѣки Сулжи. Уничтожилъ 4 нашихъ редута по невыгодности мѣстоположенія.

Августа 10. Къ удивленію, Чеченцы оставили меня въ совершенномъ покоѣ.

22. По прибытіи войскъ, смятеніе въ городѣ (Андрѣ) прекратилось. Еще нѣсколько дней, и жители впустили бы Чеченцевъ въ городъ. Была сильная партія, которая того требовала. Главнѣйшіе возмутители бѣжали соединиться съ ними.

Сентября 4. Жители Аксаа участвовали съ Чеченцами въ нападеніи на укрѣпленіе и большая часть оныхъ съ нами соединилась. Я предположилъ перенести городъ Аксай, дабы отдалить его отъ горъ и прекратить связи съ Чеченцами. Я приказалъ истребить часть города, лежащую къ лѣсистому ущелью, въ которомъ появлялись измѣнники.... Князьямъ неприятна сія перемѣна, ибо въ новомъ положеніи города лишились они продолжать дружественныя связи съ мошенниками и уклоняться отъ повиновенія начальству. Простой народъ весьма былъ доволенъ, ибо близки отъ назначеннаго мѣста находится ихъ хлѣбопашество и обширныя пастбища для скотоводства.

(Чеченцы въ силахъ появились въ виду Андрея, думая взбунтовать городъ, но удалились безъ дѣйствій.)

18. Получено извѣстіе о возгорѣвшемся въ Кабардѣ мятежѣ. Нѣкоторые изъ владѣльцевъ укрылись въ горы, дабы пройти за Кубань. Измѣнники, вспомошествоваемые пришедшею на помощь партией Закубанцевъ, напавъ на село Солдатское, большую часть онаго раззорили. Предувдомленный штабъ офицеръ не взялъ надлежащихъ мѣръ отворотить нападеніе. И наконецъ догнавъ хищниковъ, увле-

кающихъ павныхъ, не смѣлъ ударить на нихъ Я понудилъ сего труса оставить службу.

Октября 27. Крѣпость Внезапная. Приѣхалъ для того чтобы разсѣять слухи объ отъѣздѣ моемъ отъ войскъ и успокоить вѣтренныхъ и наклонныхъ къ безпорядкамъ жителей города, между которыми Чеченцы имѣли соумышленниковъ.

(Построено новое укрѣпленіе. Была драка съ Чеченцами, для нихъ съ урокомъ.)

Ноября 7. Получилъ отказъ въ награду полковника кн. Бековича-Черкаскаго, который, подъ командою начальника корпуснаго штаба, за Кубанью съ одними казаками безъ артиллеріи прошелъ въ горы, и внезапно напавъ на укрывающихся кабардинскихъ измѣнниковъ, истребилъ большое число оныхъ, гдѣ погибли многіе изъ князей и узденей. Предпріятіе отлично смѣлое и самымъ удачнымъ образомъ исполненное.

Черезъ семь дней дана та же награда, но за другое сраженіе: за дѣла противъ Абадзеховъ.

20. Выѣхавъ изъ Червленой станицы въ чрезвычайно туманную погоду, не былъ я замѣченъ чеченскою партіей до 600 чел., нарочно выѣхавшею, чтобы схватить меня. Она скрывалась у самаго Терека и ударила на большую дорогу полчаса послѣ того, какъ я проѣхалъ. Ковной, провожавшій меня, состоялъ изъ 120 линейныхъ казаковъ, слѣдовательно трудно было бы противостать числу столько превосходному. Въ ясную погоду я былъ бы усмотрѣнъ въ далекомъ разстояніи и надлежало бы драться за свободу!

22. Первый слухъ о кончинѣ государя съ подробностями, которыя не оставляли мѣста сомнѣнію.

Декабрь. Официальное извѣстіе о смерти императора и указъ сената о присягѣ императору Константину Павловичу.

24. Прибылъ фельдъ-егерь съ извѣстіемъ объ отреченіи отъ престола Константина Павловича, привезъ манифестъ о вступленіи на престолъ императора Николая Павловича.

Перечень нѣкоторыхъ происшествій на Кавказѣ и въ Грузіи въ дополненіе къ дневнику Алексѣя Петровича Ермолова.

1817. Мая 14. Архіепископъ Теофилактъ назначенъ экзархомъ Грузіи.

Октября 1. Открытіе Тифлисской духовной семинаріи.

1818. Заложеніе крѣпости Грозной.

Декабря 28. Учрежденіе эпархій въ Грузіи, Имеретіи, Мингреліи и Гуріи.

1819. Заложеніе крѣпости Везапной.

Пораженіе многочисленнаго скопища Лезгинъ при селеніи Болтухай.

Поселеніе 500 виртембергскихъ семействъ въ Грузіи.

1820. Апрѣля 17. Черноморское Войско причислено къ составу войскъ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса.

Апр. Переселеніе 25.000 малороссійскихъ казаковъ на земли Черноморскаго Войска.

Окт. 11. Переименованіе отдѣльнаго Грузинскаго корпуса въ отдѣльный Кавказскій.

Усмиреніе генераль-майоромъ Вельяминовымъ 3-мъ бунта въ Имеретіи и Гуріи.

1821. Заложеніе крѣпости Бурной.

Походъ Вельяминова противъ измѣнника Аларь-хана.

Установленіе 5% таможенной пошлины съ привозимыхъ изъ-за границы товаровъ въ Грузію.

Генераль-майоръ Горчаковъ усмиряетъ мятежъ въ Абхазіи.

Атаманъ генераль-майоръ Власовъ наноситъ неоднократно сильныя пораженія Закубанцамъ, вторгнувшимся въ Черноморію.

Юля 14 (19?) Ковчина митрополита Теофилакта въ монастырь Св. Нины.

Окт. 1. Митрополитъ Иона назначенъ вѣздархомъ Грузіи.

1822. Авг. 10. Кавказская губернія переименована въ область. Ставрополь назначенъ областнымъ городомъ.

1823. Юня 26. Открыты въ Грузіи дворянскія опеки.

Съ октября 1823 по февраль 1824 походъ Ермолова для усмиренія Дагестана.

1824. Окт. 2. Переведены областныя присутственныя мѣста изъ Георгіевска въ Ставрополь.

Два приказа Алексѣя Петровича Ермолова по Грузинскому отдѣльному корпусу.

I.

Господину генераль-майору, командиру войсками на Кавказской линіи и кавалеру, Делацио.

Изъ поступающихъ ко мнѣ о происшествіяхъ на Кавказской линіи донесеній вижу я, сколь слаба и неисправна

кордонная наша стража, сколь незначительны и худо исправляютъ должность свою командующіе постами офицеры. Я предагаю вашему превосходительству употребить свою строгость и внушить имъ точныя ихъ обязанности. Я препровождаю у сего копію съ рапорта о происшествіи, случившемся съ 9 на 10 число, въ ночи, у Прохладной, изъ коего усмотрите, какъ строгаго наказанія достойны оплошныя посты, въ такомъ близкомъ разстояніи находившіеся и ни малой не подавшіе помощи. Извольте, ваше превосходительство, истребовать гражданскаго чиновника за депутата, приказать произвести подробнѣйшее изслѣдованіе надъ начальниками поста и козвойной при портѣ команды, и виновныхъ предать суду, который непременно кончить въ восемь дней и ко мнѣ представить на заключеніе. Я требую отъ вашего превосходительства возможной въ семь случаевъ строгости, ибо оскорбительно для меня слышать справедливыя насчетъ неисправности воинской стражи укоризны, и въ правилахъ моихъ нѣтъ снисхожденія къ нерадивымъ. Я полагаю, что въ описанномъ мною происшествіи легко можно открыть, гдѣ пропали хищники на возвратномъ ихъ пути, ибо стража скоро о томъ извѣщена была; то, удостовѣрясь точно отъ мирныхъ ауловъ, чрезъ коихъ земля они проходили, потребовать непременно удовлетворенія, ибо извѣстно уже, что они даютъ свободный пропускъ разбойникамъ, а иногда и у себя ихъ укрываютъ.

Извольте, ваше превосходительство, отъ всѣхъ, мирными называющихся, мошенниковъ, взять аманатовъ, и соблюдая отъ заразы предосторожности, выдержавъ въ карантинѣ, содержать ихъ подъ присмотромъ въ Георгіевскѣ. требую отъ нихъ лучшихъ и богатѣйшихъ семействъ въ случаѣ разбоя; и когда точно доказано будетъ, что чрезъ землю мирныхъ приходили хищники, а паче если доказано будетъ, что они укрываемы были, извольте объявить мирнымъ мошенникамъ, что есть мое повелѣніе наказывать смертію аманатовъ.

Извольте до полученія сего объявить всѣмъ ауламъ, вблизи отъ кордона нашего живущимъ, что если они не будутъ воспрепятствовать прохода хищникамъ, или не давать извѣстія, то я накажу ихъ оружіемъ, изгоню въ горы, гдѣ истребятъ ихъ или непріатели, или моровая язва. Внушите имъ, что если они способствовать будутъ хищникамъ, то намъ не нужны мирные мошенники, и что я столько же мало уважаю ихъ пріязнь, сколько боюсь имѣть ихъ непріателями.

Не знаю, что поводомъ было къ размноженію между кордонной стражи казаками мѣнѣя, что хищниковъ вооруженныхъ воспрещено бить, а непремѣнно приказано брать живыми, когда они защищаются оружіемъ. Я прошу повелѣніемъ вашимъ удалить сію, здравому разсудку противящуюся, мысль и внушить, что сколько строго накажу я всякаго изъ нашихъ, кто учинитъ нападеніе, столько же не упущу взыскать и съ того, кто не будетъ употреблять всѣхъ средствъ къ наказанію за сдѣланное нападеніе. Противъ оружія средство—оружіе, внушите строго нападающимъ на насъ. Съ истинными пріятелями нашими употребляйте великодушіе и кротость, вамъ свойственныя, и которыя въ особѣ вашего превосходительства я столько почитать и уважать умѣю.

Генералъ-лейтенантъ Ермоловъ.

28-го октября 1816 года. № 388.

II.

Посланный отъ меня капитанъ гвардіи Жемчужниковъ, для осмотра оставленныхъ въ большомъ количествѣ людей отъ ротъ Бѣлевскаго пѣхотнаго и 15-го егерскаго полковъ, выступившихъ въ Карталинію, представилъ мнѣ объ нихъ списки, за подписаніемъ гг. полковыхъ командировъ. Большое число больныхъ меня не удивило, ибо если причиною тому нездоровый край, то не менѣ мною замѣченъ и недостатокъ попеченія гг. командировъ. Лазаретъ 15-го егерскаго полка содержится лучше Бѣлевскаго, но весьма далеко отъ того устройства, въ которомъ могъ быть при должной о немъ заботливости. Лазаретъ Бѣлевскаго полка являю свидѣтельствуеть нерадѣніе о немъ бывшаго командира, г. генераль-майора Мерлина. Долгое время командуя полкомъ довольно уже давно на одномъ мѣстѣ, можно бы имѣть его въ лучшемъ порядкѣ. Нѣтъ удобнаго для помѣщенія больныхъ строенія, тогда какъ въ близости есть много дѣса. Больные лежатъ тѣсно, мало лазаретныхъ вещей, и то худыя. Я предупреждаю гг. начальниковъ, что не только не буду, подобно имъ, равнодушнымъ къ состоянію больныхъ солдатъ, напротивъ того, обращаю ихъ строгими мѣрами къ ихъ обязанностямъ. Г-ну генераль-майору Мерлину, уважая въ немъ чинъ его, даю способъ взглянуть вину нерадѣнія его предложеніемъ на лазаретъ собственнаго его дома, въ построеніи коего участвовали солдаты, которые въ то время съ большею пользой могли обращены быть,

по крайней мѣрѣ, на построеніе прежде лазарета, о чемъ ожидаю отъ него донесенія. Въ свискахъ означены оставленныя по приказанію бригаднаго командира, для употребленія на службу, 55 человекъ Бѣлевскаго и 65 человекъ 15-го егерскаго полковъ. Если люди тѣ мастеровые, то, по числу выступившихъ ротъ, ихъ слышкомъ много; если же оставлены по прихотямъ полковыхъ командировъ, то не выполнена цѣль, для которой роты выведены. Въ свискахъ показано, что Бѣлевскаго пѣхотнаго полка 1 унтеръ-офицеръ и 26 рядовыхъ находятся при генераль-майорѣ Мерлинѣ. Если то для охраненія его особы, то ова въ Кутаисѣ безопасна; если же для почести для того есть поставленный узаконеніями караулъ. Въ крѣпости Св. Николая лазаретъ Турійскаго гарнизоннаго полка въ жалкомъ положеніи. Я не взыскаваю за недостаточное больныхъ содержаніе; ибо, по всегдашнему числу больныхъ, полкъ собственныхъ на то средствъ не можетъ имѣть достаточныхъ, но, по крайней мѣрѣ, присмотрѣ за больными никакихъ не требовалъ отъ полка издержекъ. Лазаретъ въ верхнемъ укрѣпленіи довольно хорошъ и занять малымъ числомъ больныхъ; другой, несравненно худшій, такъ наполненъ, что одного стѣсненія довольно, чтобы между людьми размножить и усилить болѣзнь. Лѣкарь часто пьянъ и рѣдко бываетъ въ лазаретѣ; его, держа подъ карауломъ, вытрезвить и расположить жить въ лазаретѣ, всегдашнимъ занятіемъ отнять праздность—причину пьянства. Больные размножаются отъ беспорядочнаго употребленія людей на службу, отъ несоблюденія очереди между ними; чрезъ одну смѣну ходятъ они въ караулъ. Прекращеніе многихъ беспорядковъ зависитъ отъ лучшаго надзора начальствующаго войсками, г. генераль-майора Хатуацова, которому о семъ дается на замѣчаніе.

Генераль-лейтенантъ Ермоловъ.

Отношеніе Ермолова къ дежурному генералу Закревскому.

При отношеніи, отъ 2-го ноября, за № 9603, ваше превосходительство препроводить мнѣ изволили копію съ отзыва господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о томъ, что полковой оберъ-священникъ, во ожиданіи достовѣрныхъ свѣдѣній о исправности тифлискаго военнаго госпиталя протоіерея Джевахова, отказывается просимую ему награду.

Господиъ оберъ-священникъ, въ премудрой осторожности своей противъ свидѣтельствованія моего объ усердіи протоіерея, конечно, не проститъ мнѣ суетнаго сужденія, что, въ званіи командира корпуса, и удостоиваемый важной довѣренности чиновникъ, могъ бы не подпасть подозрѣнію въ пристрастіи въ подобномъ случаѣ; но какъ ожидаемая имъ достовѣрныя свѣдѣнія, конечно, не сообщаются ему откровеніемъ свыше, и, подобно мнѣ, долженъ онъ разсматривать предметы, даетъ онъ, оберъ-священникъ, поводъ, довольно правдоподобный, къ заключенію, что, въ разстояніи трехъ тысячъ верстъ, не лучше можетъ онъ видѣть ихъ, какъ и я самъ, когда оныя у меня подъ глазами. Не чуждо было бы, по крайней мѣрѣ, приличія, еслибы господиъ оберъ-священникъ благоволилъ изыскать лучшую причину къ опроверженію представленія моего къ награжденію протоіерея.

Письмо великаго князя Константина Павловича.

Любезный и почтеннѣйшій Алексѣй Петровичъ!

Зная то особенное искреннее участіе, которое вы принимаете въ любезнѣйшемъ другѣ и товарицѣ, генералъ-лейтенантѣ князѣ Яшвилѣ, и хотя мы теперь съ вами далеко другъ отъ друга находимся, но я, помня ваше душевное дружеское къ нему расположеніе, хотя и знаю, что вамъ будетъ весьма непріятно слышать неудачу съ его стороны, но что же дѣлать, не могу вамъ объ оной не рассказать. Посланы были офицеры выбирать изъ артиллеріи, въ его командѣ состоящей, въ гвардейскую артиллерію людей; онъ не допустилъ, отославъ назадъ офицеровъ, отозвавшись, что люди прежде уже были взяты. Но вынѣтъ, по моему представленію, государь императоръ приказать изволилъ сдѣлать выборъ, котораго князю Яшвилю не хотѣлось; это, кажется, значитъ не солово слѣбнулъ; а какъ все это дѣло происходило, вы можете увидѣть подробно изъ прилагаемыхъ при семъ копій съ моего представленія и съ отвѣта князя Волховскаго.

Мнѣ весьма прискорбно, что я вамъ дѣлаю большую непріятность, писавши о неудачѣ любезнѣйшаго вашего единственнаго друга и товарища, но, по искренности моей къ вамъ, я не могъ предъ вами объ этомъ умолчать. И затѣмъ примите, ваше превосходительство, увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго уваженія.

15 ноября, 1816 года, Варшава.

Рескриптъ.

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса господину генералъ-лейтенанту Ермолову.

Прежде прибытія вашего къ мѣсту назначенія, составлена смѣта о потребной на 1817 годъ суммѣ на продовольствіе отдѣльнаго кавказскаго корпуса, по коей цѣны изчислены превосходятъ прошлогоднихъ: на четверти муки 2 руб. 91 $\frac{1}{2}$ коп., на четверти овса 3 руб. 52 $\frac{1}{4}$ коп., и на пудъ сѣна 3 $\frac{3}{4}$ коп. Разсмотрѣвъ предварительно изчисленія всего военнаго департамента, замѣтилъ я, что по первой арміи, напротивъ, исчислены цѣны съ пониженіемъ противъ 1816 года: на четверти муки 62 коп., крупъ 2 руб. 64 $\frac{3}{4}$ коп., овса 1 руб. 96 $\frac{1}{2}$ коп., и на пудъ сѣна 5 коп. Соображая состояніе государственнаго казначейства и принявъ въ уваженіе, что когда въ первой арміи сдѣлано пониженіе въ цѣнахъ, то безъ сомнѣнія должно оно быть и въ другихъ мѣстахъ, приказалъ я военному министру, въ соразмѣрность цѣнъ первой арміи, требовать и для внутренняго вамъ корпуса сумму на будущій годъ, рѣшительно считая четверть муки 12 руб. 77 $\frac{1}{2}$ коп., четверть крупъ 15 руб. 2 $\frac{5}{12}$ коп., четверть овса 4 руб. 85 $\frac{3}{10}$ коп., и пудъ сѣна 10 коп. Извѣщая васъ о семъ, я увѣренъ, что при усердіи вашемъ и дознанной попечительности о пользѣ казенной, вы не упустите ничего къ выгодному отдѣльному грузинскаго корпуса продовольствію и къ дешевѣйшей транспортировкѣ оного какъ моремъ, такъ и въ линейныя магазейны, дабы въ теченіи будущаго года изворотиться тою суммою, какая по назначеннымъ мною цѣнамъ исчислена будетъ.

Александръ.*

С.-Петербургъ.

28 ноября 1816 года.

Письмо королевы Виртембергской, великой княгини Екатерины Павловны.

Стутгардъ, 4 января (23 декабря) 1817 г.

Алексѣй Петровичъ! Съ откровеннымъ удовольствіемъ я получила вчера письмо ваше и прекраснѣйшую нѣдь,

вами мнѣ присланную. Не только сей драгоценный даръ, но болѣе еще воспоминаніе ваше очень меня обрадовали. Вы давно знаете, сколь высоко я почитаю ваши воинскія качества и услуги, которыя вы столь часто любезному нашему отечеству оказывали. Я крайне тронута, что и въ отсутствіи вы обо мнѣ вспомнили, и буду всегда сію отмѣнную шапъ съ удовольствіемъ носить. О вашихъ дипломатическихъ успѣхахъ для меня было любопытно въ вѣдомостяхъ читать, и я не сомнѣваюсь, что вы и на семъ новомъ поприщѣ будете Россіи полезнымъ. Желая вамъ во всѣхъ случаяхъ жизни счастья, съ отмѣннымъ уваженіемъ пребываю вамъ доброжелательная

Екатериана.

Письмо великаго князя Константина Павловича.

Алексѣй Петровичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 9 января, и читалъ то, что вы пишете любезнѣйшему нашему Дмитрію Дмитріевичу. Отъ всего сердца благодарю васъ за тѣ же ваши чувства ко мнѣ, которыми я имѣлъ удовольствіе прежде пользоваться; съ моей же стороны, ежели бы вы были на краю свѣта, а не только въ Грузіи, то я всегда былъ и буду одинаковъ съ моею къ вамъ искренностію, и оттого между нами та разница, что я всегда къ вамъ былъ, какъ въ душѣ, такъ и на языкѣ, а вы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ и товарищъ, иногда съ обманцемъ бывали. Впрочемъ, скажу вамъ, что у насъ здѣсь, хотя мы и не въ Персіи и не на носу у насъ Индія, но, однако, все, благодаря Бога, хорошо и своимъ порядкомъ, какъ водится, идетъ.

Въ заключеніе сего повторяю вамъ истинное увѣреніе, что никакая отдаленность не перемѣнитъ особеннаго и всегдашняго къ вамъ искреннаго уваженія.

11 февраля 1817 года.

Два письма графа Аракчеева.

I.

Милостивый государь мой,
Алексѣй Петровичъ!

Я получилъ письмо вашего превосходительства изъ Тифлиса, отъ 9 января сего года, и цѣлю довѣренность,

которая побудила васъ обратиться ко мнѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я предоставляю безпристрастію вашему разрѣшить, могу ли я участвовать въ отклоненіи неудобствъ, встрѣчающихся въ продовольствіи вѣрренныхъ вамъ войскъ, когда дѣло сіе остается для меня совершенно стороннимъ? Напротивъ того, важность предмета требовала бы, по мнѣнію моему, чтобы вы, милостивый государь мой, настоятельное сдѣлали объ ономъ представленіе военному министру, который, имѣя въ завѣдываніи своемъ все то, что относится до продовольствія войскъ, въ обязанности находится дать полное на требованіе ваше разрѣшеніе. Сочтя за нужное упомянуть о семъ вашему превосходительству и зная, впрочемъ, благоразуміе, которое отличало всегда дѣйствія ваши, я спѣшу повторить вамъ здѣсь увѣреніе отличнаго почтенія, съ коимъ имѣю честь быть.

вашего превосходительства покорный слуга,
графъ Аракчеевъ.

11 февраля 1817 года.

II.

(Собственноручно.)

Милостивый государь,

Алексѣй Петровичъ!

Я радуюсь, что вашею помощію окончилось дѣло князя Эристова, и я спѣшу доставить къ вашему превосходительству копию съ указа, на имя ваше послѣдовавшаго, прося принять истинное мое увѣреніе въ почтеніи, которое я всегда сохраняю къ вашему превосходительству, и пребуду навсегда покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.

Приказъ Ермолова по Грузинскому отдѣльному корпусу.

При обзорѣ мною границъ, высочайше порученныхъ управленію моему, областей, владѣтели ханствъ: Ширванскаго, Шекинскаго и Карабахскаго, по обычаю здѣшнихъ странъ, предложили мнѣ въ даръ верховыхъ лошадей, золотые уборы, оружіе, шали и прочія вещи.

Не хотѣлъ я обидѣть ихъ, отказавъ принять подарки. Неприличнымъ почталъ и воспользовался ими, и потому, вмѣсто дорогихъ вещей, согласился принять овецъ (отъ

разныхъ ханствъ 7.000). Сихъ дарю я полкамъ; хочу, чтобы солдаты, товарищи мои по службѣ, видѣли, сколько пріятно мнѣ стараться о пользѣ ихъ. Обѣщаю имъ и всегда о томъ заботиться (здѣсь слѣдуетъ порядокъ, сколько на какой полкъ и откуда получить). Овцы сіи принадлежатъ артелямъ, какъ собственность, въ распоряженіи коей никто не имѣетъ права мѣшаться. Стада должны пастись вмѣстѣ всего полка, не допуская мельчайшихъ раздѣленій, дабы караулами не отяготить людей и солдаты не сдѣлались бы пастухами. Команды при табунахъ должны быть при офицерахъ и въ строгомъ военномъ порядкѣ. За сохраненіе табуна не менѣе отвѣтствуетъ офицеръ, какъ за военный постъ. Полку вообще не сдѣлаетъ чести, если офицеръ его не будетъ умѣть сберечь собственности солдатской. Овецъ въ первый годъ въ пищу не употребляютъ; но сколько можно стараться разводить ихъ. Для выбора способныхъ къ заводу будутъ отъ меня отправлены знающіе люди; для перегнанія стада ханы дадутъ опытныхъ отправщиковъ. Въ послѣдствіи времени будетъ и мясо, и полшубки, которые сэберегутъ дорогое здоровье солдата, а полшубки, сверхъ того, сохранять и аммунацію. Для выдѣлки шкуръ я помогу полкамъ деньгами; каждыя полгода полки должны представлять мнѣ вѣдомости объ успѣхѣ разведенія овецъ, по которому буду заключать о заботливости гг. командировъ. Солдатамъ позволено, если найдутъ выгодаше имѣть рогатый скотъ, продать, или промѣнять овецъ. Къ отправленію пріемщиковъ и командъ должно полкамъ приступить немедленно. Приказъ сей прочесть въ ротахъ.

Генералъ-лейтенантъ Ермоловъ.

Февраля дня 1817 г. Тифлисъ.

Рапортъ Алексѣя Петровича Ермолова государю императору.

Вникая въ способы введенія въ здѣшнемъ краю устройства, хотя вижу я большія затрудненія, надѣюсь, однакожъ, со временемъ и терпѣніемъ, въ свойствахъ Грузинъ ослабить закоренѣлую наклонность къ безпорядкамъ; но области, ханаму управляемая, долго противостанутъ всякому устройству, ибо даныя имъ трактаты предоставляютъ имъ прежнюю власть безъ малѣйшаго оной ограниченія казны,

на которую они права не имѣютъ. Управление ханствами даровано имъ наследственно. Благодѣтельные русскіе законы не иначе могутъ распространиться на богатые и изобильныя области сіи, какъ въ случаѣ прекращенія наследственной линіи, или измѣны хановъ. Покойный генералъ князь Цициановъ, при недостаткѣ средствъ со стороны нашей, и сихъ вѣшнихъ и внутри земли сильныхъ непріятелей присоединилъ ханства къ Россіи. Необходимость вырвала у него въ пользу хановъ трактаты снисходительныя. Въ послѣдствіи ощутительно было, сколько они противны пользамъ нашимъ, отяготительны для народовъ и сколько потому съ намѣреніями вашего императорскаго величества не согласуются. Никто, однакожь, не воспользовался возможностью переимѣнить ихъ. Измѣна хана Шекинскаго вручила намъ богатые его владѣнія, главный городъ взять былъ нашими войсками, ханъ бѣжалъ въ Персію и введено было русскіе управление. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ безъ всякой нужды вызвалъ на ханство одного изъ бѣжавшихъ хановъ изъ Персіи, и сынъ его, генералъ-майоръ Измаиль-ханъ, имъ управляетъ. Такимъ же образомъ измѣнилъ и ханъ Карабахскій, но былъ убитъ.

Послѣ него остались дѣти вѣрныя и приверженныя, и фельдмаршалъ графъ Гудовичъ долженъ былъ вести сына на ханство, которымъ доселѣ владѣлъ, но онъ бездѣтенъ и здоровья весьма слабого; по немъ наследникъ, племянникъ его, полковникъ Джафаръ-Кули-Ага, который въ 1812 году измѣнилъ намъ, бѣжалъ въ Персію, вводилъ персидскія войска въ свое отечество неоднократно, съ ними вмѣстѣ на одинъ батальионъ нашъ, слабый числомъ, попалъ и истребилъ его. Предѣстникъ мой, генералъ Ртищевъ, призвалъ его изъ Персіи высочайшимъ манифестомъ 1814 года, простилъ его преступленія, призналъ его вѣрнѣйшимъ полковникомъ и ввелъ въ прежнія права наследника ханства. Оба сіи ханства, положеніемъ своимъ важныя, произведеніями богатѣйшія, должны непремѣнно быть управляемы русскіими законами на томъ основаніи, какъ Влассаветопольскій округъ, некогда бывшій ханство Ганжикское.

Довода о семъ до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше прошу полковника Джафаръ-Кули-Агу не утверждать наследникомъ ханства Карабахскаго; и хотя генералъ Ртищевъ, именемъ вашего величества, призналъ его въ семъ достоинствѣ, я найду благовидныя причины не допустить его управлять ханствомъ.

Хана Шекинскаго, озлобившаго управленіемъ народъ, его

ненавидящій, жестокаго свойствами и преступающаго дарованныя ему трактатомъ права, я началъ уже усмирять весьма строгими мѣрами. И даю направленіе общему мнѣнію, что онъ ханомъ быть не достоинъ.

Я не испрашиваю вашего императорскаго величества на сей предметъ повелѣнія; обязанности мои истолкуютъ мнѣ попеченіе вашего величества о благѣ народовъ, покорствующихъ высокой державѣ вашей; правила мои не призывать власти государя моего тамъ, гдѣ она благотворить не можетъ; необходимость же наказанія предоставляю я законамъ. По возвращеніи изъ Персіи, согласуясь съ обстоятельствами, приступаю я къ нѣкоторымъ необходимымъ преобразованіямъ.

Февраля дня 1817 года. Тифлисъ.

Рескриптъ.

Командиру отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, господицу генералу отъ инфантеріи, Ермолову.

Предположенія ваши о надѣленіи землями казаковъ, по Кавказской линіи поселенныхъ, были рассмотрѣны въ комитетѣ министровъ, и потомъ представлены мнѣ.

Обративъ вниманіе на сіи предположенія, нахожу оныя совершенно основательными, и пропорцію земли, казакамъ предназначаемую, достаточною. А потому повелѣваю вамъ учредить особую, подъ руководствомъ вашимъ, комиссію изъ членовъ одного военной стороны, министерства финансовъ и одного землемѣра, вмѣнивъ ей въ обязанность заняться надѣленіемъ собственно казаковъ землями, коихъ пропорцію отмежевать по вашему предположенію, а именно: для полковъ, расположенныхъ по правому флангу линіи, въ уѣздахъ Александровскомъ, Ставропольскомъ и Георгіевскомъ, гдѣ земля удобная къ хлѣбопашеству, на каждую валичную душу служащихъ и не служащихъ казаковъ по 30 десятинъ; чиновникамъ же ихъ штабъ-офицерамъ по 300, а прочимъ старшинамъ по 60 десятинъ. Что же касается до тѣхъ, которые жительствоуютъ на лѣвомъ флангѣ по рѣкѣ Тереку, какъ-то: полковъ Моздокскаго, Гребенскаго, Терскаго, Семейнаго и прочихъ, то, по уваженію, что земля у нихъ большею частію песчаная и для хлѣбопашества весьма не выгодная, назначить каждому казаку, служащему и неслужащему, по 50 десятинъ, штабъ-офицерамъ ихъ по 400, а прочимъ старшинамъ по 100 десятинъ. Сверхъ сего количества, для каждаго селенія тѣхъ и другихъ полковъ,

ответь особъ по 30 десятинъ для разведенія лѣсу, и особо для церквей, гдѣ оныя имѣются, узаконенную пропорцію.

При такомъ раздѣленіи земель коммиссія должна:

1) Имѣть въ виду всевозможное сохраненіе выгодъ казенныхъ поселянъ и азіятскихъ народовъ, ведущихъ осѣдлую и кочевую жизнь, и чтобы тѣ и другіе не почувствовали при томъ никакого стѣсненія.

2) Изыскать способы, куда по мѣстнымъ удобствамъ лучше обратить отдавныя отъ казны Волжскому полку пять оброчныхъ статей, и какихъ полковъ казакамъ ближе и справедливѣе предоставить право пользоваться рыбными ловлями, въ оныхъ статьяхъ находящимися.

3) Определить, нужно ли будетъ нынѣ Моздокскаго полка казакамъ отвѣсть изъ пустопорожныхъ земель, къ дачамъ ихъ прилегающихъ, 5709 десятинъ, въ замѣнъ таковаго же количества земли, на коей произрастаетъ трава желтинникъ, и которую предположено взять изъ владѣнія того полка въ казенное вѣдомство.

Вы не оставите, по ближайшей вамъ извѣстности всѣхъ обстоятельствъ, до сего относящихся, снабдить коммиссію нужнымъ наставленіемъ, и наблюсти за точнымъ исполненіемъ возлагаемаго на нее порученія; по исполненіи жь довести мнѣ что подъ руководствомъ вашихъ учинено будетъ.

Александръ.

С.-Петербургъ, 6 марта, 1817 года.

Рапортъ Ермолова государю.

Въ представленіяхъ моихъ о вознагражденіи чиновниковъ никогда не обращалъ я вниманія начальства на недостойныхъ, и не особеннымъ усердіемъ и трудами, или похвальнымъ безкорыстіемъ онаго не заслужившихъ. Здѣсь, по недавнему моему пребыванію, наиболее строгъ я въ выборѣ. Но, государь, бесполезно одобряю трудящихся; не внимааетъ начальство моимъ представленіямъ, не достигаютъ они правосуднаго вашего императорскаго величества воззрѣнія, и я, по волѣ вашего величества, занимая мѣсто, съ которымъ неразлучно должно быть довѣріе правительства, въ первый разъ, въ продолженіе службы моей, не смѣю ручаться подчиненнымъ за справедливое воздаяніе трудовъ ихъ, а потому и довѣріе къ правительству внушить имъ не могу.

Управляющему министерствомъ полиціи представляю я о

исходатайствованіи награжденія чиновникамъ за труды въ прекращеніи заразы. Я былъ свидѣтелемъ, каковыхъ стоить трудовъ и самой опасности тщательное исполненіе сихъ должностей; но мнѣ отвѣтствуютъ, что высочайше повелѣно остановиться представленіями до назначенія времени и формъ докладовъ по сему предмету. Въ то же время по министерству полиціи и по другимъ частямъ безпрестанно награждаемые чиновники утверждаютъ меня въ мнѣніи, что нѣтъ формъ правосудію и милосердію.

Государь! здѣсь надежда на справедливое воздаяніе за вѣрность и усердіе должны вознаграждать лишеніе всѣхъ прочихъ выгодъ. Родъ жизни служащихъ здѣсь — отреченіе всѣхъ удовольствій и отдаенность достойны особеннаго вниманія. Никто не служитъ здѣсь, кому сильныя связи и могущественныя покровительства представляютъ выгоднѣйшее служеніе въ другомъ мѣстѣ. Я требую трудовъ, и здѣсь все надобно доставать трудами.

Къ милостямъ, вашимъ императорскимъ величествомъ издаваемымъ, присовокупите, государь, и то, чтобы могъ я достойнымъ обѣщать достойное воздаяніе.

12 марта, 1817 года.

Рескриптъ Ермолову.

Алексѣй Петровичъ! Я весьма доволенъ трудами и усердіемъ, подъемаемыми вами на пользу края и войскъ, вамъ ввѣренныхъ. Каждое донесеніе ваше принимаю я доказательствомъ неусыпнаго вашего рвенія къ водворенію устройства въ Грузіи и къ исполненію моихъ ожиданій. Желая доказать вамъ, сколь мнѣ пріятно содѣйствовать вашему попеченію, я, при соблюденіи всѣхъ правилъ строжайшей умѣренности въ государственныхъ расходахъ, далъ мое повелѣніе министру финансовъ отпускать ежегодно въ распоряженіе ваше по 159.744 руб. асигнац. для довольствія войскъ Грузинскаго корпуса мясною и винною порціею, по вашему назначенію, будучи увѣренъ, что коль скоро устройство земли и войска, сходно предположеніямъ, дозволитъ прекратить издержку сію изъ суммъ государственнаго казначейства, вы ускорите сообразнымъ сему распоряженіемъ. Пребываю вамъ навсегда благосклоннымъ.

Александръ.

С.-Петербургъ, 24 мая, 1817 года.

Два письма великаго князя Константина
Павловича.

I.

Алексѣй Петровичъ!

При почтенномъ письмѣ ко мнѣ вашего превосходитель-ства, имѣвъ честь получить описаніе, сдѣланное полковникомъ Ермоловымъ персидскихъ регулярныхъ войскъ, и азіятскую саблю работы художника Геурка, я пріятнымъ долгомъ обязываюсь обратиться къ вамъ за оное и за память старинной дружбы съ истинною моею благодарностію, и скажу вамъ, храбрѣйшій и любезнѣйшій товарищъ, что я на первый разъ, прочитавъ помянутое описаніе, нахожу, что оное кто сдѣлалъ, видно былъ съ глазами: написано прекраснѣйше, и я только что взглянулъ, увидѣлъ, что устройство и порядокъ англійскихъ войскъ, но чтобы лучше о семъ знать, я буду оное чаще читать. Прошу васъ за сіе поблагодарить отъ меня полковника Ермолова, равно и за саблю Геурка, которая, какъ оружіе, никогда такъ не принимается, а посылается за сіе 10 коп. серебромъ. Вамъ не знаю, что послать отсюда новаго; если ваши уставы, то вамъ оныя извѣстны; развѣ надобно бы было отыскать и послать по дружбѣ къ любезнѣйшему патеру Груберу старинныя езуитскія установленія.

Впрочемъ, прошу, любезнѣйшій и почтеннѣйшій товарищъ, содержать меня попрежнему въ вашей памяти, и принять увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго съ дружбой почтенія и уваженія.

27 іюня, 1817 г.

II.

Милостивый государь,
Алексѣй Петровичъ!

Для меня весьма пріятно было получить письмо вашего превосходительства отъ 9-го іюня; полковникъ Джонсонъ и капитанъ Солтеръ проѣхали чрезъ Варшаву въ отсутствіе мое; крайнѣ сожалѣю, что сей случай лишилъ меня удовольствія исполнить ваше желаніе касательно ихъ пріема, ибо хотя мы находимся другъ отъ друга въ весьма большой отдаленности, но прошу васъ быть увѣрену, что я

какъ прежде былъ, такъ и всегда останусь, съ искреннимъ и особеннымъ къ вамъ уваженіемъ и дружбой.

8-го сентября, 1817 года.

Выпуски изъ біографіи князя Мадатова.

Вновь вышедшая біографія князя Мадатова, * одного изъ главныхъ помощниковъ Ермолова на Кавказѣ, даетъ возможность полнѣе обозрѣть дѣятельность Алексѣя Петровича, въ первые годы его управленія.

Въ 1818 г. генераль Ермоловъ предпринялъ рѣшительныя мѣры для усмиренія Чеченцевъ, самаго воинственнаго народа между кавказскими племенами, народа, который быстрыми своими набѣгами и непрерывными разбоями наводилъ повсюду ужасъ до того, что по военно-грузинской дорогѣ невозможно было слѣдовать иначе, какъ съ сильнымъ прикрытіемъ, при коемъ всегда долженствовали находиться и орудія. Мѣры сіи состояли въ томъ, что все низменное пространство земли, лежащее между рѣками Терекомъ и Сунжею, и служившее Чеченцамъ для посѣва лошадей, а огромные и прибыльные луга для прюкормленія лошадей, рогатаго и прочаго скота, было отнято у нихъ посредствомъ перенесенія линіи съ Терека на Сунжу и построенія на сей послѣдней рѣкѣ достаточнаго числа редутовъ и крѣпостей, которые совершенно лишили бы Чеченцевъ возможности пользоваться этимъ пространствомъ земли. Набѣдничество ихъ дѣлалось съ тѣхъ поръ весьма затруднительнымъ, и часто влекло за собою совершенное уничтоженіе цѣлыхъ партій. Вскорѣ обнаружилия между ними пагубныя послѣдствія общаго недостатка въ хлѣбѣ и скотѣ. Вынужденные спускивать себѣ скудную пищу въ гористыхъ и необитаемыхъ мѣстахъ, и потерявъ уже значительную часть своего скотоводства, они подверглись болѣзнямъ, опустошавшимъ цѣлыя селенія. Благomyслящая часть народа явилась съ покорностію и получила прощенье, съ условіемъ покинуть горы и со всѣмъ своимъ имуществомъ перейти на жительство въ низменныя мѣста между Терекомъ и Сунжею, подъ охраненіемъ нашихъ крѣпостей. Вотъ первоначальное основаніе такъ называемыхъ мирныхъ Чеченцевъ.... Нельзя было и сомнѣваться, чтобы

* Князь Мадатовъ, находившійся во время Вѣнскаго конгресса въ авангардѣ, расположенномъ въ Краковѣ подъ командою Ермолова. Высочайше назначенъ въ Кавказскій отдѣльный корпусъ въ 1816 г., въ вѣдѣніе представленія Ермолова. 1817 года возложена на него должность военно-окружнаго начальника въ ханствахъ Шекинскомъ, Ширванскомъ и Карабахскомъ.

выборъ сего единственнаго способа къ скорому и прочному покоренію горскихъ народовъ вообще могъ ускользнуть отъ прозорливаго генія Ермолова.

При первомъ появленіи войскъ нашихъ на рѣкѣ Сунжѣ, Чеченцы, видя свое безсиліе и невозможность воспрепятствовать новой линіи, которая должна была лишить ихъ главнѣйшихъ способовъ къ пропитанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности дѣлать набѣги на станицы, находящіяся на старой линіи по берегу рѣки Терека, всѣми мѣрами старались выставить оскорбленіе, имъ нанесенное, какъ обиду общую для всѣхъ вольныхъ кавказскихъ народовъ: они предсказывали въ будущемъ такую же участь и всѣмъ другимъ племенамъ, если они заблаговременно и соединенными силами не отвратятъ угрожающей гибели. Нѣкоторые народы, жившіе въ сосѣдствѣ Чеченцевъ, какъ-то: Койсубуйлинцы и другіе, дѣйствительно присылали къ нимъ толпы вооруженныхъ, съ коими Чеченцы отчаянно нападали на наши лагери и транспорты, стараясь нанести намъ какъ можно болѣе вреда и препятствовать учрежденію новой линіи. Всѣ усилія ихъ въ этой странѣ оставались тщетными; но имъ удалось склонить на свою сторону сильнѣйшіе народы сѣвернаго Дагестана, какъ-то: Акушинцевъ, Казыкумыковъ, Каракайдаговъ и другихъ, которые, пользуясь малочисленностію въ то время русскихъ войскъ за Кавказомъ, производили по большимъ дорогамъ грабежи, и возмущали народы, съ давняго времени подвластные Россіи.

Для наказанія одного изъ главнѣйшихъ между ними, находящагося по близости г. Дербента, именно Башлинцевъ, посланъ былъ въ 1818 году отрядъ войскъ. Башлинцы пригласили на помощь къ себѣ всѣ сосѣдственные народы; болѣе же другихъ помогали имъ Акушанцы, сильнѣйшіе въ цѣломъ Дагестанѣ и до сихъ поръ еще славящіеся пораженіемъ самого Надиръ-Шаха при Иранѣ-Харабѣ въ 20 верстахъ отъ Дербента.

Отрядъ нашъ взшелъ въ городъ Башлы, окруженный лѣсами и крутыми возвышеніями, господствующими надъ нимъ, расположился въ его тѣсныхъ улицахъ. Внезапное нападеніе горцевъ, не дерзающихъ въ полѣ сражаться съ нами, было слѣдствіемъ неосторожнаго расположенія отряда, а отчаяніе нападающихъ и выгоды, которая доставляла свойственный имъ бой въ разсыпную, принудили Русскихъ отступить въ безпорядкѣ съ значительною потерей. Эта неудача послужила поводомъ къ общему торжеству для всѣхъ народовъ сѣвернаго Дагестана, въ числѣ коихъ

находились и владѣнія Уцмѣя, селенія терекемѣнскія и другія, давно уже покорствовавшія руссiйскому правительству, но съ того времени явно оказавшія непослушаніе. Тотъ же духъ непокорности распространился наконецъ и во владѣніяхъ шамхала Тарковскаго, челоѣка лично преданнаго руссiйскому престолу, но слабо управлявшаго народами, ему подвластными.

Старшины обществъ дѣлали воззванія къ народамъ, приглашая ихъ къ всеобщему вооруженію для истребленія враговъ, не вѣрующихъ въ Магомета, и положилъ всѣми силами помогать Чеченцамъ, а для главнаго управленія злоумышленныхъ намѣреній своихъ избрали хана Казыкумык-скаго и Акушинцевъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Дагестанѣ въ 1819 году, когда генералъ Ермоловъ вознамѣрился приступить къ постройкѣ крѣпости въ Андреевской деревнѣ. Эта мѣра долженствовала положить предѣлъ всѣмъ набѣгамъ и грабежамъ Чеченцевъ. Окончательнаго построенія сей крѣпости нельзя было предположить прежде глубокой осени; но до того времени невозможно было оставить безъ наблюденія возмущившіеся народы въ Дагестанѣ, которые уже собрали значительныя силы для подкрѣпленія Чеченцевъ. При томъ затруднительное положеніе шамхала Тарковскаго, съ большимъ трудомъ удерживавшаго народъ свой отъ явнаго участія во всеобщемъ возмущеніи, требовало скорыхъ мѣръ къ отвращенію самыхъ пагубныхъ послѣдствій. Посему генералъ Ермоловъ положилъ немедленно собрать войска въ Дагестанѣ и нанести рѣшительный ударъ Акушинцамъ, какъ самому главному и храбрѣйшему въ томъ краѣ народу, вѣнчавшемуся во всѣ чужія распри. Послѣдствіемъ пораженія Акушинцевъ неминуемо долженствовало быть усмиреніе и всѣхъ другихъ племенъ, хотя не столь сильныхъ, но также непокорныхъ.

Между тѣмъ экспедиція эта не могла быть предпринята прежде глубокой осени, а до того времени Дагестанцы, имѣя способы посылать значительныя подкрѣпленія къ Чеченцамъ, могли бы препятствовать окончанію крѣпости. Для отвращенія сего надлежало имѣть въ Дагестанѣ отрядъ войскъ, который безпрерывно угрожалъ бы тамошнимъ народамъ и не позволялъ вооруженнымъ жителямъ собираться въ значительномъ числѣ. Крайняя малочисленность войскъ, которыми можно было располагать на этотъ предметъ въ Дагестанѣ, совершенная неизвѣстность мѣстоположеній гористаго и покрытаго лѣсами края, чрезвычайная трудность дорогъ для слѣдованія войскъ и перевоза орудій, были не

единственными затрудненіями къ исполненію сего предпріятія: надлежало еще отыскать, для командованія отрядомъ генерала опытнаго, предприимчиваго, рѣшительнаго и особенно быстрого въ движеніяхъ. Командиромъ отряда назначенъ былъ генераль-майоръ князь Мадатовъ.

Въ началѣ августа въ селеніи Исталаяръ соединился небольшой отрядъ войскъ, изъ двухъ батальоновъ пѣхоты, роты артиллеріи, 500 казаковъ и 650 человекъ конницы, составленной изъ Карабахцевъ, Ширванцевъ и Шекинцевъ, которыхъ генераль-майоръ князь Мадатовъ, какъ областной начальникъ, склонилъ къ предпріятію похода противъ ихъ единовѣрцевъ. Первый и неслыханный дотолѣ примѣръ... Къ сему отряду присоединился съ 500 всадниковъ Асланъ-ханъ Куриискій, совершенно преданный россійскому правительству.

Съ разсвѣтомъ, отрядъ находился на вершинѣ высокой горы, покрытой облаками; крутой и лѣсистый спускъ велъ къ подошвѣ ея, гдѣ видно было множество утхавшихъ огней. Это былъ непріятельскій бивуакъ, окружавшій селеніе Хошви...

Пальба и дикіе крики раздавались со всѣхъ сторонъ. Изумленные неожиданнымъ нападеніемъ горцы не могли долго обороняться и бросились искать спасенія по единственному оставшемуся направленію въ ущелья... Въ этомъ дѣлѣ убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ было весьма немного... Въ числѣ раненыхъ находился и самъ возмутитель Абдуль-бекъ Герсинскій, зять бѣглаго Шихъ-Али-хана Дербентскаго, бывшаго долгое время въ Персіи и дружественно принятаго Аббасъ-Мирзою... На другой день явились съ покорностію въ лагерь всѣ старшины шести табасаранскихъ магаловъ... Князь Мадатовъ именовъ государя объявилъ прощеніе всѣмъ имъ, исключая Абдульбека... поручилъ народъ въ управленіе зятю шамхала Тарковского, Абдуль-Разахъ-беку.... Такъ... покорена вся Табасарань.

Генераль Ермоловъ, получивъ объ этомъ донесеніе отъ 22-го августа 1819 года, писалъ князю Мадатову между прочимъ: „Вы все то сдѣлали, чего только могъ я ожидать, и что, какъ знаю, не такъ легко было исполнить. Разбитіе Абдульбека должно необходимо имѣть хорошее вліяніе на всѣ наши дѣла, ибо увидятъ непріятели, что, не употребляя войскъ нашихъ въ дѣйствіе, подъ благоразумнымъ начальствомъ вашимъ, и самые жители сражаются

храбро. Зная хорошо отличную всегда службу вашу, возлагая на васъ порученія, я зналъ уже и самыя слѣдствія.“

Во всеподданѣйшемъ донесеніи о семъ государю императору, генераль Ермоловъ, между прочимъ, говоритъ: „Излишними считаю похвалы храбрости офицера, имѣющаго счастье быть извѣстнымъ вашему величеству, но долженъ отдать справедливость, что разбитіе непріятеля, паче когда горскіе народы дали присягу соединиться противъ насъ, имѣетъ большое вліяніе на наши дѣла, и что пріобрѣтенный генераль-майоромъ княземъ Мадатовымъ успѣхъ принадлежитъ вѣрному его соображенію и быстрому исполненію предпріятія. Смѣю надѣяться, что ваше императорское величество, съ благоволеніемъ принять изволите, что генераль-майоръ князь Мадатовъ разбилъ непріятеля одними татарскими войсками, и нѣтъ ни одного русскаго ни убитаго, ни раненаго.“

Отрядъ.... расположился лагеремъ при редутѣ Дарбахѣ, по большой дорогѣ къ Тарки... Многіе мятежные беки терекеменскихъ селеній, ближайшихъ къ лагерю, собравшись съ войсками въ подвластныхъ Эмиръ-Гамзѣ селеніяхъ: Улу-Тарекема, Джими-кентъ и въ мѣстечкѣ Берекей, принадлежащемъ Ибахъ-беку, старались возмущать Каракайдагъ. Владѣтель сей многолюдной и воинственной провинціи — Уцмей.... Вскорѣ.... въ терекеменскихъ селеніяхъ собрались всѣ беки съ войскомъ... Князь Мадатовъ... мгновенно напалъ на деревню Улу-Тарекема... вступилъ въ дѣло съ Лезгинами, разбилъ ихъ на всѣхъ пунктахъ....

Между тѣмъ Уцмей не только самъ измѣнилъ, но склонилъ къ побѣгу и сына своего, который за нѣсколько дней предъ тѣмъ, въ Дербентѣ, присягнулъ на вѣрноподданство.

Жители терекеменскіе... не потерпѣли ни малѣйшей обиды... они просили назначить имъ изъ среды ихъ управляющаго всѣми табасаранскими (каракайдагскими?) селеніями; князь Мадатовъ возложилъ сію обязанность на Эмиръ-Гамзу-бека, ближайшаго родственника Уцмея.

....Узнавъ, что въ Башлахъ собрались непріятели, въ томъ числѣ 3.000 человекъ со стороны Уцмея, подъ командою Абдуль-бека Герсинскаго, и что Башлынды намѣревы сопротивляться Русскимъ, князь Мадатовъ отправился туда 4-го октября...

На другой день Башлынды, храбро оборонявшіеся, обратились въ бѣгство. Горцы скрылись въ лѣса и ущелья горъ. Побѣда стоила Русскимъ часть времени, трехъ

убитыхъ и 20 раненыхъ... Черезъ часъ явились старшины, присягнули на вѣрнопопданство императору...

20-го октября, первые лучи солнца озарили отрядъ уже въ быстромъ движеніи по дорогѣ къ городу Энгикенту, послѣднему убѣжищу Уцмея...

Князь Мадатовъ атаковалъ его 22 числа... Войска наши заняли и Энгикентъ. Непріятель, оставивъ, послѣ упорнаго сраженія, около 100 убитыхъ, разсѣялся, спасаясь стремительнымъ бѣгствомъ. Въ семь дѣлъ потеря наша состояла въ 4 убитыхъ и 7 раненыхъ. Народъ выгналъ Уцмея изъ послѣдняго его убѣжища... Послѣ сего отрядъ предпринялъ обратный путь къ лагерю при редутѣ Дарбахъ.

Итакъ въ три мѣсяца, съ горстью отважныхъ, въ мѣстахъ вовсе неизвѣстныхъ и большею частію неприступныхъ, князь Мадатовъ покорилъ всю Табасарань и весь Каракайдагъ, навсегда уничтожилъ владычество Уцмея, и тѣмъ заставилъ трепетать самыя отдаленныя племена дагестанскихъ народовъ.

Генераль Ермоловъ, свидѣтельствуя предъ лицомъ государя императора объ успѣхахъ князя Мадатова, писалъ: „Не могу, государь, довольно похвалить отличное служеніе генераль-майора князя Мадатова, коего каждое дѣйствіе служить доказательствомъ вѣрности, дѣятельности и храбрости неограниченныхъ; долженъ и то вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести, что, хорошо зная здѣшніе народы *, оны употребляемъ здѣсь съ особливою пользою, имѣя способность внушить мусульманамъ усердіе къ службѣ вашего императорскаго величества.“

По достиженіи первой и главнѣйшей цѣли, для которой составленъ былъ отрядъ князя Мадатова, оны остался въ лагерѣ близъ Дербента ждать дальнѣйшихъ повелѣній генерала Ермолова, который, окончивъ въ сіе время построеніе въ Андреевской станицѣ крѣпости Везанной, намѣревался уже безъ отлагательства приступить къ покоренію Акушинцевъ, чему отрядъ князя Мадатова долженъ былъ содѣйствовать.

Вслѣдствіе предписанія генерала Ермолова, князь Мадатовъ 18 ноября выступилъ съ своимъ отрядомъ... Генераль Ермоловъ прибылъ съ значительными силами въ городъ Тарки, куда, для совѣщанія о дальнѣйшихъ пред-

* Князь Мадатовъ родился въ Карабагѣ.

пріятіяхъ военныхъ дѣйствій, приглашенъ былъ и князь Мадатовъ.... Въ селеніи Шора отрядъ князя Мадатова соединился съ частію войскъ генерала Ермолова. Князю Мадатову вѣрно было командованіе авангардомъ..... По мѣрѣ приближенія авангарда къ селенію Урума (первому акушинскому, у подошвы высотъ Калантау).... по ту сторону села, въ разстояніи почти 10-ти верстъ, виденъ былъ высокій хребетъ горъ, представляющій амфитеатромъ три высоты, постепенно понижающіяся къ сторонѣ селенія. Горы сіи были усыяны толпами народа, скопившагося въ безчисленномъ множествѣ около небольшихъ укрѣпленій, въ которыхъ развѣвались сотнями разноцвѣтныя знамена. Это была первая укрѣпленная позиція двадцати-тысячнаго акушинскаго ополченія. 12-го декабря авангардъ занялъ селеніе Урума безъ выстрѣла.

16 числа прибылъ генералъ Ермоловъ съ главными силами. Вскорѣ явились уполномоченные старшины Акушинскаго народа. Генералъ Ермоловъ принялъ ихъ ласково. Неожиданный пріемъ произвелъ на нихъ дѣйствіе совершенно противное тому, которое произвелъ бы онъ на представителей народовъ образованных: вѣжливость генерала была приписана страху и желанію кончить всѣ распри миролюбиво. Надобно сознаться, что трудности мѣстоположенія, по которому войска должны были проходить въ сіе позднее время года, и несравненно важнѣйшія затрудненія, которыя еще предстояли, какъ при самомъ овладѣніи крѣпчайшею позиціей, защищаемою многочисленнымъ войскомъ, такъ и дальнѣйшее послѣ того слѣдованіе, къ самому городу Акушѣ, лежащему въ 80 верстахъ отъ оной, и при томъ по мѣстамъ чрезвычайно гористымъ, весьма населеннымъ и вовсе намъ неизвѣстнымъ, подали старшинамъ поводъ усомниться въ успѣхѣхъ предпріятія. Ежели присовокупить къ сему славу непобѣдимости, которая искони приписывалась этому народу въ Дагестанѣ, особенно же со времени разбитія войскъ страшнѣйшаго во всей Азіи завоевателя Надиръ-шаха, то самонадѣянность уполномоченныхъ старшинъ народа Акушинскаго объяснится весьма естественнымъ образомъ.

Самыя умѣренныя предложенія генерала Ермолова къ возобновленію согласія и предупрежденію пролитія крови были отвергнуты съ высокоумрѣемъ.

Упорство старшинъ акушинскихъ, обнаружившее мнѣніе всего народа, огорчило генерала Ермолова... Какъ вовсе неудобно было дѣйствовать съ успѣхомъ артиллеріей, въ коей состоитъ главное преимущество оружія нашего

протівъ горцевъ, то генералъ Ермоловъ весьма основательно страшился потерять, можетъ-быть, нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ... и приступилъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ... съ особенною осторожностію и осмотрительностію. Въ продолженіе двухъ дней предпринимаемы были форсированныя рекогносцировки по всему фронту непріятельской позиціи, пролегавшей по тремъ хребтамъ горъ, параллельно одинъ надъ другимъ, возвышающимся; все протяженіе оной составляло около 10 верстъ, примыкая обоими флангами къ неприступнымъ утесамъ. У подошвы хребта праваго фланга позиціи пѣнилась рѣчка Манасъ и пролегла дорога въ Акушу; продолженіе же сего высокаго и скалистаго хребта, отвѣсисто какъ бы разсѣченнаго рѣчкою, не было занято непріателемъ, вѣроятно потому что онъ чрезвычайно гористыя мѣста, лежація по ту сторону рѣчки, почиталъ совершенно неприступными. Это обстоятельство обратило на себя особенное вниманіе генерала Ермолова, поему онъ лично предпринялъ усиленную рекогносцировку. Непріатель почелъ ее за намѣреніе начать рѣшительный приступъ, и нисколько не препятствуя движенію генерала, съ большимъ крикомъ ожидалъ его въ своихъ укрѣпленіяхъ.

Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что непріятельскою позиціею можно овладѣть безъ большой потери, если только откроется хотя малая тропинка, ведущая къ возвышеніямъ по ту сторону рѣчки, тропинка, по которой бы возможно было втащить артиллерію. Но ближайшее подробное разысканіе мѣстности не могло быть предпринято днемъ; ибо всѣ эти мѣста были открыты взорамъ непріятеля, для коего намѣреніе сіе долженствовало оставаться тайною, дабы онъ не занялъ крутыхъ возвышеній, лежащихъ по ту сторону рѣчки, и тѣмъ не уничтожилъ послѣдней надежды къ отысканію средствъ обойти позицію. Для отвращенія подозрѣній и чтобы не дать повода непріятелю думать, что обозрѣвающіе обращаютъ какое-либо вниманіе на означенныя высоты, войска возвращались въ лагерь вдоль подошвы хребта, занятаго непріателемъ, и останавливались при каждомъ выходящемъ изъ онаго ущеліи, какъ бы отыскивая удобныхъ мѣстъ для приступа. Едва только смерклось, какъ нѣсколько Татаръ и линейныхъ казаковъ были посланы для отысканія дорожки къ упомянутымъ высотамъ. Около полуночи они возвратились и привезли радостное извѣстіе, что есть тропинка, хотя весьма трудная, по которой съ помощью людей можно будетъ артиллерію втащить на высоты. Въ два часа приказано было всемъ войскамъ выступить (19-го декабря).

Огни неприятельскіе уже угасали, когда весь отрядъ находился не далѣе, какъ на пушечный выстрѣлъ отъ укрѣпленій; передовые посты повидимому заснули, ибо они ничѣмъ не возвѣстили о приближеніи Русскихъ. Это благоприятное обстоятельство не только дало генералу Ермолову время расположить главныя силы отряда въ надлежащій боевой порядокъ, но и доставило возможность князю Мадатову, долженствовавшему ночью обойти правое крыло неприятельской позиціи, преодолѣть неимоверныя препятствія, которыя природа представляла слѣдованію войскъ съ артиллеріей по тропинкѣ, едва проходимой для однихъ пѣшихъ. Когда совершенно разсвѣло, неприятель съ удивленіемъ увидѣлъ предъ собою главныя силы генерала Ермолова, а съ праваго фланга позицію обойденную отрядомъ князя Мадатова.

Генералъ Ермоловъ первый открылъ огонь изъ орудій. Невозможно было дѣйствовать пѣхотою, по причинѣ неприступности неприятельской позиціи, которая, сверхъ всего, еще была укрѣплена тремя линіями редутовъ. Къ счастью, отрядъ князя Мадатова успѣлъ уже занять главныя высоты безъ выстрѣла. Безчисленныя толпы неприятельскія, видя опасность съ праваго фланга, въ большихъ силахъ спѣшили перейти за рѣчку, и съ ужаснымъ крикомъ и ругательствами бросились на его отрядъ, который встрѣтилъ ихъ картечью, а вся пѣхота, раздѣленная на три колонны, бросилась въ штыки. Неприятель нигдѣ не выдерживалъ атаки и бѣжалъ съ одной позиціи на другую на пространствѣ 5 верстъ; тогда отрядъ князя Мадатова по мѣстоположенію не только уже находился во флангъ неприятельской позиціи, но даже, къ счастью, и высоты, имъ занимаемыя, господствовали надъ оною въ самомъ близкомъ разстояніи, хотя отдѣлялись отъ оной непроходимымъ оврагомъ, орошаемымъ рѣчкою Манасъ. Не смотря на уронъ, наносимый горцамъ дѣйствіемъ артиллеріи генерала Ермолова, они не поколебались въ своей позиціи, а старались только укрываться за укрѣпленіями, пока артиллерія князя Мадатова съ праваго фланга открыла жестокою пальбою вдоль всей ихъ линіи; тогда, не выдержавъ перекрестнаго огня, они обратились въ бѣгство такъ стремительно, что многіе убились, падая съ отвѣсныхъ скалъ, и спасшіеся въ короткое время скрылись въ безчисленныхъ ущельяхъ горъ. По собственному признанію неприятелей, силы ихъ простирались за 15 тысячъ человекъ; между ними были измѣнники: Шихъ-Али-ханъ Дербентскій, Уцмѣй Каракайдагскій, Сурхай, сынъ хана Казыкумыкского, и другіе не столь

значачіе владѣльцы. Кромѣ акушинскихъ войскъ, были тутъ и соотѣственныя имъ народы Дагестана. Послѣ сего славнаго дѣла весь отрядъ имѣлъ ночлегъ у селенія Лаваша, по коему наименовано и сраженіе сіе, стоившее намъ только 28 человекъ убитыми и ранеными.

Отъ селенія Лаваша до города Акуши отрядъ совершилъ три перехода въ два дня, несмотря на трудности и встрѣчаемыя на каждомъ шагу препятствія, представляемыя природою, въ особенности въ столь позднее время года. По приказанію генерала Ермолова, князь Мадатовъ, по прибытію въ Акушу, въ большой мечети сего города привелъ кадіевъ онаго и старшинъ всѣхъ акушинскихъ селеній къ присягѣ, которую они соблюдали столь свято, что, шесть лѣтъ спустя, когда Персіане вторглись въ Грузію, Акушинцы не только не участвовали въ мятежахъ, но присылали къ главнокомандующему генералу Ермолову всѣ письма Персіанъ, коими ихъ уговаривали къ возстанію противъ Русскихъ, общая имъ богатые подарки и большія суммы денегъ.

Побѣда, одержанная подъ Лавашею, имѣла еще то важное послѣдствіе, что Сурхай-ханъ Казыкумыкскій, съ сильнымъ ополченіемъ въ этотъ самый день ворвавшійся уже у Чираха въ Курахскую провинцію, въ коей у насъ, какъ и въ Кубинской, оставалось весьма немного войскъ, услышавъ о пораженіи Акушинцевъ, поспѣшно возвратился въ Казыкумыкъ, и край спасся отъ неисчислимыхъ бѣдствій, всегда сопровождающихъ удачный набѣгъ полудикихъ Кавказцевъ.

Въ 1820-мъ году возобновленъ былъ походъ въ сѣверный Дагестанъ, и начальство надъ войскомъ, назначеннымъ въ эту экспедицію, ввѣрено было князю Мадатову. Поводомъ къ походу было возмущеніе Сурхай-хана Казыкумыкскаго, который, нарушивъ присягу, принялъ сторону Чеченцевъ.

Вавъ-Галенъ (находившійся въ чинѣ майора въ отрядѣ князя Мадатова) въ своихъ запискахъ... сказываетъ, съ какимъ благоразуміемъ и осторожностію обходился князь Мадатовъ съ ханами, отъ коихъ, по предписанію генерала Ермолова, долженъ былъ требовать вспомогательныхъ войскъ для усиленія татарскою конницею русскаго отряда...

Асланъ-ханъ Кюринскій назначенъ командующимъ всею татарскою конницею.

(Въ селеніи Хозрекъ) готовилось отчаянное сопротивленіе.... Непріятель бѣжалъ.... Русскіе преслѣдовали....

(Хорошее обращеніе Русскихъ съ жителями Хозрека) убѣдило жителей Казыкумыка, что война была ведена не съ ними, а съ вѣроломнымъ притѣснителемъ ихъ (Сурхай-ханомъ, котораго они и не впустили боѣе въ городъ). А... Асланъ-ханъ былъ объявленъ владѣтелемъ ханства Казыкумыкского и вступилъ въ управленіе.... Старшины присягали на вѣрноподданство императору....

Дорогою (отъ Казыкумыка) князь принималъ отъ старшинъ разныхъ мѣстъ присягу на вѣрность императору Всероссійскому. Въ числѣ ихъ былъ и акушинскій кадіѣ, чрезъ котораго сурхайскіе жители, устрешенные покореніемъ Казыкумыка, просили помилованія....

Такимъ образомъ окончена въ двѣ недѣли война въ Казыкумыкѣ, тогда какъ предполагали, что она продолжится нѣсколько мѣсяцевъ....

Главнокомандующій, генералъ Ермоловъ, отдалъ слѣдующій приказъ: „Еще наказуя противныхъ, надлежало, храбрые воины, возвести знамена наши на вершины Кавказа и войти съ побѣдою въ ханство Казыкумыковъ. Сильный мужествомъ вашимъ, далъ я вамъ это приказаніе, и вы, не пріятеля въ числѣ превосходнаго, въ мѣстахъ и окопахъ твердыхъ упорно защищавшагося, ужаснымъ пораженіемъ наказали. Бѣжить коварный Сурхай-ханъ и владѣнія его вступили въ подданство великому нашему Государю. Нѣтъ противящихся намъ народовъ въ Дагестанѣ.

„О дѣлахъ вашихъ, храбрые воины, доведу императору: знаетъ онъ и труды воиновъ и опасности раздѣлять съ ними.“

Князь Мадатовъ, возвратясь изъ этихъ походовъ, которыхъ послѣдствіемъ было совершенное покореніе сѣвернаго Дагестана, занялся благоустройствомъ ханствъ, порученныхъ его управленію. Они, въ особенности въ это время, требовали необходимаго наблюденія, по причинѣ побѣга хановъ въ Персію, Ширванскаго въ 1820-мъ году и Карабахскаго въ 1822-мъ году. Оставленные ими ханства, многочислѣннѣйшія и богатѣйшія азъ всѣхъ закавказскихъ областей, поступили въ завѣдываніе руссійскаго правительства. Надлежало приучить къ повиновенію людей, чуждыхъ гражданскому благоустройству....

Во все время (управленія русскаго) ханства эти процвѣтали и наслаждались полнымъ спокойствіемъ и внутреннею безопасностію, отчего вошла въ употребленіе половица, что „женщина въ Карабагѣ можетъ ходить безопасно съ блюдомъ золота на головѣ.“

...Въ 1825 г... одними жителями, безъ всякихъ издержекъ со стороны правительства... была совершенно устроена дорога отъ Аскерана въ кр. Шушу и оттуда почти до Ахъ-Оглана. Съ того времени... купечество избавилось отъ затрудненія, стѣснявшаго торговлю.

....Размножены и улучшены шелковичные сады, которые въ Ширванской и Шекинской провинціяхъ приносятъ правительству значительный доходъ... Князь Мадатовъ старался поощрять жителей къ распространенію и улучшенію разныхъ отраслей земледѣльской промышленности. Съ этою цѣлію онъ производилъ въ собственномъ своемъ имѣніи, въ Карабагѣ, первые удачные опыты посѣвовъ сѣмянъ хлопчатой бумага, выписанныхъ съ острова Бурбона, заботился объ улучшеніи конскихъ заводовъ, изъ которыхъ карабахскіе славилась въ особенности во всемъ Закавказскомъ краю и даже въ Персіи. Въ 1823-мъ году приступлено было къ точному опредѣленію границъ между Россіей и Персіей, на основаніи трактата гюлистанскаго. Между назначенными на этотъ конецъ съ обѣихъ сторонъ уполномоченными комиссарами произошли несогласія, для прекращенія которыхъ генераль Ермоловъ позволилъ князю Мадатову имѣть личное свиданіе съ Аббасъ-Мирзою.

Письмо Ермолова къ барону Петру Ивановичу
Меллеру-Закомельскому *.

„Моздокъ 15 декабря 1818 года.

Достойный и всеми почитаемый начальник!

Мнѣ кажется, все вниманіе ваше обращено было на Ахенъ, и вы страну Кавказа не удостоиваете минутою воспоминанія. Теперь отдохнули вы, ибо судить по видимому возможно, что судьба позволила царямъ наслаждаться миромъ; даже самые вѣмецкіе редакторы, все обыкновенно предугавающие, не грозятъ намъ бурю несогласія и вражды.

* Бывшій инспекторъ артиллеріи.

Спокойно стакавъ пива наливается мирнымъ гражданномъ, къ роскошному дыму кастанера не примѣшивается дымъ пороха, и картофель растеть не для реквизицій. Одинъ я, отчужденный миролюбивой системы, наполняю Кавказъ звукомъ оружія. Съ Чеченцами употреблялъ я кротость ангельскую шесть мѣсяцевъ, пѣвналъ ихъ простотой и невиновностію лагерной жизни, но никакъ не могъ внушить равнодушія къ охраненію ихъ жилищъ, когда приходилъ превращать ихъ въ бивуакъ, столь удобно уравнивающей всѣ состоянія. Только успѣлъ пріучить ихъ къ нѣкоторой умѣренности, отнявъ лучшую половину хлѣбородной земли, которую они уже не будутъ имѣть труда воздѣлывать. Они даже не постигаютъ самаго удобопонятнаго права—права сильнаго! Они противятся. Съ ними опредѣлялъ я систему медленія, и, какъ римскій императоръ Августъ, могу сказать: „Я медленно спѣшу“. Здѣсь мало истребилъ я пороку, почтеннѣйшій начальникъ; но одинъ изъ вѣрноподданнѣйшихъ слугъ нашего государя вырвалъ меня изъ этого бездѣйствія; онъ мучился совѣстью, что безъ всякихъ заслугъ возведенъ былъ въ достоинство хана, получилъ чинъ генераль-майора и 5.000 руб. въ годъ жалованья. Собралъ войска, онъ напалъ на одинъ изъ нашихъ отрядовъ, успѣха не имѣлъ, былъ отраженъ, но отрядъ нашъ не былъ довольно силенъ, чтобъ его наказать. Я выступилъ, и когда нельзя было ожидать, чтобъ я въ глубокую осень появился въ горы, я прошелъ довольно далеко, * прямо къ владѣніямъ измѣнника, разбилъ, разсѣялъ Лезгинъ и землю *важно обработалъ*. Вотъ что значитъ *отложиться*. Сдѣлалъ честно и роптать на меня нельзя; вѣдь я не шелъ на *задоръ*, и даже князь П. М. Волконскій придратъся не можетъ: неужели потерпѣть дерзость Лезгинъ? Однако, поговорите съ нимъ, почему я слышу не совѣмъ покойнымъ человѣкомъ; по справедливости, надлежало бы спросить предвѣстниковъ моихъ, почему они, со всею ихъ патріаршею кротостію, не умѣли внушить гордамъ благочестія и миролюбія? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, упрекнуть нельзя, чтобъ я металъ бисеръ предъ свиньями; я уже не берусь дѣйствовать на нихъ силою Евангелія, да и самой Библіи жаль для сихъ омраченныхъ невѣжествомъ. Итакъ 30 ноября я возвратился на линію и собираюсь теперь въ Грузію, можетъ-быть пѣшкомъ, какъ въ апрѣлѣ переходилъ горы. Проклятая

* Въ письмѣ къ Д. В. Давыдову (см. ниже), между другими подробностями, Ермоловъ говоритъ: „я прошелъ трудными дорогами до самыхъ неприступныхъ утесовъ Кавказа и далѣе уже не было пути“.

гора Казбекъ не уважаетъ проконсула Кавказа. Вотъ, батюшка Петръ Ивановичъ, какую здѣсь должно жизнь вести; тому, кто хочетъ служить усердно, не много случится сидѣть на мѣстѣ; за то въ Тифлисѣ возвращусь, какъ въ роскошную столицу; а чтобы таковою показалась она, стоить прожить семь мѣсяцевъ, не выдавши крышки. Но должно ли спросить, чего добиваюсь я такими мученіями? Станешь въ пень съ отвѣтомъ. Я думаю, что лучшая причина тому та, что я терпѣть не могу безпорядковъ, а паче не люблю, что и самая каналья, каковы здѣшніе горскіе народы, смѣютъ противиться власти государя. Здѣсь нѣтъ такого общества разбойниковъ, которое не думало бы быть союзниками Россіи. Я того и смотрю, что отправятъ депутаціи въ Петербургъ съ мирными трактатами! Никто не повѣритъ, что многіе подобные тому депутаты бывали принимаемы.

Напишите, почтеннѣйшій начальникъ, какъ вы живете? Занимаетъ ли васъ пріятнѣйшее увеселеніе—театръ, и столица, воспріявшая блескъ отъ возвращенія государя, представляетъ ли вамъ развлеченіе, или каминь принимаетъ вѣрныя ваши размышленія?

Продолжите милостивое расположеніе ваше покорнѣйшему слугѣ

Ермолову.

Предписанія Ермолова.

I.

Господину генералъ-майору и кавалеру князю Мадатову.

Рапортъ вашего сіятельства о выступленіи съ отрядомъ за рѣку Самуръ получилъ. Когда соберется пѣхота и артиллерія, должествующія въ отрядъ вашъ поступить въ скоромъ времени, вы, остановясь въ Кюрагскомъ округѣ и наблюдая дорогу въ Табасарань, соберите свѣдѣнія о движеніи Шихъ-Али-хана, который, какъ извѣстно мнѣ достовернѣйшимъ образомъ, настоятельно требовалъ отъ Акушинцевъ идти на Кубинскую провинцію, обѣщая имъ, что приведенные ему люди облегчатъ успѣхъ предпріятія. Происшедшая тогда между Акушинцами ссора и убійство оставили исполненіе намѣренія, но какъ многіе весьма были согласны съ онымъ, то легко ожидать возможно, что, узнавъ о прибытіи вашемъ съ войскомъ, а паче не подалеку отъ

Табасарана, гдѣ живетъ мотенникъ Абдуль-бекъ Герсискій, зять Шихъ-Али-хана, сей послѣдній соберетъ шайку разбойниковъ. Въ такомъ случаѣ, ваше сіятельство стараться будете выманить ихъ на чистыя мѣста и истребить превосходствомъ вашей конницы. Если же Акушинцы возьмутъ участіе въ предпріятіяхъ Шихъ-Али-хана, то могутъ они имѣть большія силы, и тогда, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, каковыя можно имѣть чрезъ Асланъ-хана Кюринскаго, вамъ надобно съ большею осмотрительностію расположить ваши дѣйствія, всегда согласуя оныя съ главнѣйшею цѣлью, которая въ томъ состоитъ, чтобы до общаго движенія, осенью, охранить спокойствіе Кубинской провинціи и не допустить непріятеля ворваться въ оную. Еслибы случилось, что Акушинцы пришлютъ къ вамъ письмо или людей для переговоровъ, принимая ласково, вы скажите имъ, что отъ начальства воспрещено вамъ входить въ ихъ земли и дѣлать имъ зло; но если они, сопровождая Шихъ-Али-хана или другихъ, желающихъ дѣлать вредъ Русскимъ, вступятъ на земли наши, вы должны разумѣть ихъ непріятелями. Письменно не давайте имъ никакихъ обѣщаній, отъзываясь, что испросите моего на то разрѣшенія. Отъ генералъ-майора барона Вреде узнаете людей, намъ вѣрныхъ въ Табасаранѣ, которымъ, въ случаѣ дѣйствій, давать защиту, и войска ваши воздерживать отъ утѣсненія ихъ. Вообще прошу ваше сіятельство имѣть въ виду, что единодушное дѣйствіе съ начальствующимъ въ провинціи дастъ вамъ лишнія средства къ исполненію порученія. Въ разсужденіи Эмиръ-Гамзы и брата его, вы снеситесь съ генералъ-майоромъ барономъ Вреде, который имѣетъ на сей предметъ наставленіе.

Уцмѣй Карадакайдагскій не упустилъ вступить съ вами въ сношеніе, ибо онъ всѣми пользуется случаями оказать намъ преданность, когда то не стоить ему ни труда, ни малѣйшихъ пожертвованій, и когда надѣется онъ, ничего болѣе въ пользу нашу не дѣлая, сохранить къ себѣ довѣренность непріятелей нашихъ. Ему вы, какъ человекъ къ посторонній, откровенно будете говорить, что не такимъ, какъ его, поведеніемъ, доказывается вѣрность государю, и что того не довольно, чтобъ явно не участвовать въ намѣреніяхъ непріятелей, но должно вѣроподданному быть явно противъ оныхъ.

О важныхъ происшествіяхъ давайте мнѣ знать, отъ меня будете получать нужныя, по обстоятельствуамъ, предписанія.
Генералъ Ермоловъ.

1 августа 1819 г. Андрей.

II.

Господину генераль-майору и кавалеру князю Мадатову.

Не находя нужнымъ дѣлать повторенія прежнихъ моихъ предписаній, зная, сколько ваше сіятельство вѣрно исполните оныя, скажу только вамъ о здѣшнихъ происшествіяхъ.

Мошенникъ, аварскій ханъ, возмущаетъ окрестныя горскіе народы, обѣщая симъ легковѣрнымъ, едва, по глупости своей, уподобляющимся людямъ, что онъ истребитъ насъ можетъ. Чеченцы пришли уже, въ небольшихъ силахъ, и, въ ожиданіи прибытія другихъ, укрываются въ лѣсахъ, не подалеку; Лезгинцы не всѣ еще въ собраніи. Мошенникъ разсвѣдаетъ слухи, что многіе народы идутъ съ нимъ для освобожденія вѣры, но, вмѣсто того, и то не весьма большое число, которое успѣлъ онъ обмануть, идетъ не съ большою охотой.

Не думаю, однакоже, чтобы мошенникъ смискалъ столько довѣренности, чтобы подъ начальствомъ его стали они драться съ нами, или, если нѣкоторые и могутъ столько быть глупы, то, по обыкновенному порядку, бѣжить онъ прежде всѣхъ. Большая часть людей, коихъ онъ ведетъ, не выдывали еще Русскихъ и не знаютъ силы ихъ оружія. Одну можемъ мы испытать непріятность, что мошенники сіи, струся, лишатъ насъ возможности наказать ихъ, и лѣса повсюду въ окрестности скроютъ подлое ихъ бѣгство.

Большая часть селеній, принадлежащихъ андреевскимъ владѣльцамъ, въ заговорѣ съ Лезгинцами и дали мошеннику Султанъ-Ахметъ-хану присягу, что будутъ исполнять его волю.

Послѣ завтра одинъ изъ полковъ, идущихъ изъ Россіи, будетъ сюда въ лагерь.

Генераль Ермоловъ.

15 августа 1819 г. Андрей.

III.

Господину генераль-майору и кавалеру князю Мадатову.

Получивъ рапортъ вашего сіятельства, поздравляю васъ съ успѣхомъ. Вы все то сдѣлали, чего только могъ я желать, и что, знаю я, не такъ легко было исполнить. Разбитіе Абдуль-бека должно необходимо имѣть хорошее вліяніе на всѣ наши дѣла, ибо увидятъ непріатели, что, по употребленію войскъ нашихъ въ дѣйствіе, подъ благоразумнымъ

начальствомъ вашимъ и самые жители сей страны сражаются храбро. Зная отличную хорошо всегда службу вашу, возлагая на васъ порученіе, я зналъ уже и самыя свѣдѣнія, и мнѣ остается только предложить вамъ въ совѣтъ, чтобы вы имѣли въ виду, сколько коварны окружающіе васъ непріатели.

По окончаніи столь счастливой экспедиціи и покореніи столько быстромъ всего Табасарана, вамъ нужно будетъ приблизиться къ Дербенту, ибо по трудности пути неудобно вамъ имѣть продовольствіе въ отдаленіи отъ оного.

Поручивъ вѣрнымъ людямъ управленіе Табасараномъ, нельзя не надѣяться, чтобы, для собственной пользы, не употребляли они всѣхъ средствъ для защиты оного. Впрочемъ, еще нѣкоторое время, и ваше сіятельство должны находиться по близости, и одна боязнь присутствія вашего положить границы дерзости Абдуль-бека: развѣ Шихъ-Али-ханъ същещъ помощь Акушинцевъ, но въ такомъ случаѣ вы въ правѣ послать имъ сказать, чтобы они не въ принадлежащія имъ дѣла не мѣшались, ибо войска россійскія не идутъ на ихъ владѣнія, и потому не должны они брать участія въ дѣлахъ ихъ непріателей.

Государю императору донесу я обстоятельно о дѣйствіяхъ вашихъ.

22 августа 1819 г. Андрей.

Письмо Ермолова къ князю Мадатову.

Цѣлую тебя, любезный мой Мадатовъ, и поздравляю съ успѣхомъ. Ты предпринялъ дѣло смѣлое и кончилъ славно!

Весьма хорошо, что сіе произошло въ самое то время, когда дагестанская каналья дѣлаетъ противъ насъ заговоръ и присягу. Теперь не время помышлять имъ о истребленіи невѣрныхъ, надобно думать о собственной защитѣ.

Нѣкоторое время долженъ я, любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ, стѣснить твою дѣятельность, но сего требуютъ обстоятельства. Потерпи немного, не далеки случаи, гдѣ службѣ царя нашего полезна будетъ храбрость твоя и усердіе.

Еслибы могъ я столько положиться на каждаго изъ моихъ товарищей, то не столько было бы мнѣ трудно, ибо ты не менѣе каждаго дѣлаешь по должности, и не мало еще свѣлаешь по дружбѣ ко мнѣ и давней свычкѣ.

Ты не воображаешь, сколько я восхищенъ, что подѣ тво-

имъ начальствомъ служить Татары храбро. Я все то опишу въ рапортѣ государю и увѣрять, что онъ будетъ весьма доволенъ.

По причинѣ невѣрности въ сообщеніяхъ буду я впредь писать тебѣ такъ, чтобы бумага, доставшись въ руки неприятеля, ничего не могла открыть ему.

Ne provoquez point les Akouschi, je voudrais qu'ils fussent tranquilles jusqu'à mon arrivée en Daguestan. S'ils veulent prendre la défense d'Abdulla Beck, vous prendrez alors une position pour défendre Kouba d'une invasion. Quoique votre détachement n'ait pas des forces considérables, ils ne descendront pas dans la plaine pour vous attaquer, et vous pourrez, en cas qu'ils hasardent quelques parties, tomber sur eux avec votre cavalerie, car ils ne peuvent en avoir ni d'aussi bonne que la vôtre, ni même de plus forte. Je ne prétends pas que vous restiez toujours dans la position, je veux seulement, que s'ils allaient passer le Samour, vous soyez à portée de le leur défendre, ou les battre au passage; car si vous passiez d'abord—vous ne pourriez le faire à tems. Vous savez que la province de Kouba reste sans troupes et Schih-Ali-Khan y a beaucoup de partisans.

Je crois que la défaite d'Abdulla-Beck, produit une terreur dans les montagnes et n'influera pas peu sur la conduite du scélérat Sourhai-Khan, dont vous devez strictement observer toutes les démarches; aussi bien que du traître Mustapha, sans toutefois les aigrir tous les deux, jusqu'à un certain tems.

Je désirerais que les sujets d'Outzmeï lui fussent obéissants, mais soupçonneux et fourbe comme il est, il ne les emploie pas contre nous. Tâchez de lui insinuer que sans la protection du gouvernement il ne peut que perdre, et que jamais il n'y aura de repos dans ses possessions.

Adieu cher Madatow; je n'ai qu'une chose à vous recommander, c'est de prendre garde aux Akouschis, et qu'ils ne vous arrivent avec de trop grandes forces. Le moindre mouvement retrograde de votre part pourra les encourager et faire du tort à nos affaires. Tâchez de tenir la plaine où vous serez invincible, mais quittez au plutôt le pays montagneux de Tabassaran, d'où il ne vous sera pas facile de sortir en leur présence.

У меня нѣсколько дней жилъ нашъ Франкъ, бывшій при Воронцовѣ. Онъ былъ у водъ и вчера только поѣхалъ отсюда. Не можно представить, какія забавныя разказываетъ онъ вещи.

Върнутъ Ермоловъ.

22 августа 1819 г. Андрей.

Предписанія Ермолова.

I.

Господину генералъ-майору и кавалеру князю Мадатову.

Государю императору доместъ я о дѣйствии вашемъ въ Табасарани, отдавая должное уваженіе благоразумнымъ распоряженіямъ вашего сіятельства и быстрому исполненію оныхъ.

Я не упустилъ поставить на видъ довѣренность, свисканную вами у подчиненныхъ вамъ мусульманъ, которые столько храбро сражаются подъ вашею командой.

Мнѣ не менѣе пріятно будетъ донести и о послѣднихъ успѣхахъ, приобрѣтенныхъ вами надъ Эмиръ-Гамзою и прочими собравшимися съ ними нашими непріятелями. Изъ послѣднихъ дѣйствии вашихъ сужу я, что долженъ быть большой страхъ между врагами нашими, ибо и добыча досталась войскамъ богатая, и что всего болѣе, что захвачены были жены и дѣти. Здѣсь рѣдки весьма подобные случаи, и потому должны производить полезное впечатлѣніе и послужить къ убѣжденію ихъ уклоняться безпокойствъ и искать покровительства нашего. Потеря имущества не легко и не скоро вознаграждается. Одобряю весьма, что возвратили захваченныхъ женщинъ; не говорю ничего и противъ освобожденія плѣнныхъ, ибо полезно вразумить, что Русскіе великодушно даруютъ и самую жизнь, когда не дѣлаютъ упрямой и безразсудной защиты. Весьма хорошо изволили сдѣлать, что нукеровъ отправили въ крѣпостную работу въ Дербентъ. Они не прежде должны получить свободу, какъ господа ихъ окажутъ намъ опыты несомнѣнной вѣрности. Въ разсужденіи плѣнныхъ, предлагаю вашему сіятельству, къ соблюденію впредь, слѣдующія замѣчанія: внушить войскамъ, чтобы не защищающагося, или паче бросающаго оружіе, щадить непременно; при малѣйшей защитѣ истреблять необходимо, и, тѣмъ пользуясь, не обременять себя излишнимъ и тягостнымъ числомъ плѣнныхъ; отдавшихъся, по усмотрѣнію, освобождать, но всегда сдерживать бековъ и всякихъ приближенныхъ людей и служителей, принадлежащихъ измѣнникамъ, противъ насъ дѣйствующимъ; и тѣхъ и другихъ отправлять въ крѣпостныя работы, какъ то весьма основательно сдѣлали ваше сіятельство съ нукерами Ибахъ-бека.

11 сентября 1819 г. Андрей.

II.

(Писано на французскомъ.)

Господинъ генералъ-майоръ князь Мадатовъ!

Гнусная измѣна Уцмея въ то время, когда вы заботились единственно о благѣ его семейства и о средствахъ возратить ему милости правительства, поставила васъ въ необходимость прибѣгнуть къ оружію, и я вполнѣ доволенъ какъ мѣрами, благоразумно вами принятыми, такъ и исполненіемъ оныхъ, доказывающимъ дѣятельность и мужество, васъ отличающія. Многочисленные народы, противъ коихъ вы должны дѣйствовать, не могутъ быть иначе предупреждаемы въ своихъ предпріятіяхъ, какъ быстрою, вами такъ успѣшно приводимую въ дѣйствіе; возвращаясь всегда въ вашъ укрѣпленный лагерь, вы лишаете ихъ способовъ нападать на васъ и оставляете ихъ въ неизвѣстности о вашихъ намѣреніяхъ.

Они не будутъ въ возможности долго переносить сего тягостнаго для нихъ положенія; дѣйствуя такимъ образомъ съ малочисленнымъ вашимъ отрядомъ, вы избрали самый лучший путь къ достиженію желаемаго успѣха. Я васъ прошу, генералъ, не имѣть болѣе никакихъ сношеній съ Уцмеемъ, развѣ только если сей послѣдній согласится послать старшаго своего сына въ видѣ аманата въ Дербентъ, и побудить своихъ подданныхъ присягнуть въ вѣрности государю императору. Вы не должны съ нимъ имѣть свиданій, ни переписываться, и я долженъ еще вамъ замѣтить, господинъ генералъ, что вы поступили не совсѣмъ благоразумно, принявъ приглашеніе Уцмея видѣться съ нимъ въ Иранъ-Харабѣ, ибо сей злодѣй готовъ рѣшиться на всякое преступленіе. *

Письмо Ермолова къ Д. В. Давыдову.

Любезный братъ Денисъ!

Какъ житель Азіи, неловкій и одичавшій, изъ мрачнаго Дагестана нашель время писать къ тебѣ, пирующему между друзей, среди шумныхъ веселостей контрактовъ; но, любя

* Переговоры съ непріятелемъ князь Мадатовъ всегда велъ лично, не страшась коварства горцевъ, являясь на мѣста, назначенныя для свиданія, безъ оружія, чтобы показать, что онъ не подозреваетъ никакой измѣны, и тердо былъ увѣренъ, что, перемиравъ въ этомъ свой образъ дѣйствій, онъ потерялъ бы то вліяніе на эти народы, которое успѣлъ приобрести.

тебя, забылъ неприличіе времени. Благодарю за письма, хотя, къ сожалѣнію, чрезвычайно рѣдкія; скажу коротко и о себѣ, ибо Александръ Раевскій, сопутствующій мнѣ изъ любопытства видѣть здѣшній край, или, лучше сказать, бѣжавшій отъ лѣкаря, истреблявшаго горькіе плоды сладостѣйшихъ воспоминаній, и долгое время шатавшійся со мною въ горахъ, подробно тебѣ обо всемъ перескажетъ. Мнѣ остается прибавить, что я пріятное лицо мое омрачилъ густыми усами; ибо, не пѣвляя именовъ, не бесполезно страшить наружностью. Здѣсь всякое безобразіе у мѣста.... Я многихъ, по необходимости, придержалъ азіатскихъ обычаевъ, и вижу, что проконсулъ Кавказа жестокость здѣшнихъ нравовъ не можетъ укротить мягкосердіемъ. И я ношу кинжалъ, безъ котораго ни шагу. Тебѣ истодкуетъ Раевскій слово *камлы*, значащее взаимную нѣжность. Онѣ здѣсь освящены закономъ, утверждены временемъ и приняты чистѣйшею нравственностію. Мы въ подобныхъ случаяхъ не столько великодушны, и взаимная нѣжности покрываемъ тайною. Я думаю ѣхать нынѣшнюю зиму въ Петербургъ и приготавлиюсь на оныя. Не обвиняйте меня, если я появлюсь въ панцырѣ. Тутъ плохо будетъ со мною раздѣлываться. Скажи, братъ любезный, проси меня достать тебѣ бурку, не подозрѣвалъ ли ты чего о щеголеватомъ одѣяніи? Я бы жалѣлъ о тебѣ, ибо ты многимъ уже пріятностями въ жизни долженъ быть привязанъ къ спокойствію.

Еще скажу тебѣ, что я половину каждаго года, иногда и болѣе, проживаю въ лагерѣ, шатаюсь по горамъ, непріятели повсюду, измѣны рождаются новыя на каждомъ шагу, спокойствія нѣтъ, трудовъ много и славы никакой! Недавно кончилъ я въ здѣшнемъ родѣ знаменитую экспедицію: Раевскій тебѣ о ней скажетъ. Счастіе, ласка меня, кажется, себя нѣжить, мнѣ все достается дешевымъ образомъ, хотя друзья мои въ столицахъ ежегодно меня и моихъ товарищей по нѣскольку разъ убиваютъ. Боюсь, чтобы не явилось много Язововъ, смотря на мое счастіе. Здѣсь золота уже ни золотника давно не находятъ.

Прощай, поклонись сестрѣ и поцѣлуй ручку. Досадно мнѣ, что письмо, посланное чрезъ канцелярію Арсенія Андреевича, могло не дойти до тебя. Я поздравляю тебя съ женитьбой, писалъ вмѣстѣ и къ сестрѣ любезной, новой родной моей.

Вѣрный Ермоловъ.

6-го января, 1820 г. С. Параулъ, въ Дагестанѣ.

П. П. Посылаю тебѣ приказъ мой въ войска. По сему

предмету хвастать нечѣмъ, въ старину все выболтано, но хочу, чтобы видѣлъ ты, что не многіе смѣли называть солдатъ товарищами, и еще менѣе печатать то, когда прочитываемо оно бываетъ. Приказъ возьми у Раевского, свидѣтеля жизни нашей и дѣйствій легионовъ римскихъ.

Приказъ въ войска, находящіяся при покореніи Акушинской области.

Января 1-го дня, 1820 г., № 1. Въ Дагестанѣ.

Труды ваши, храбрые товарищи, усердіе къ службѣ, положили намъ путь въ средину владѣній акушинскихъ, народа воинственнаго, сильнѣйшаго въ Дагестанѣ. Страшныя ми явились вы предъ лицомъ непріятеля, и многія тысячи не противостояли вамъ, разсѣялись и бѣгствомъ снискали спасеніе. Область покорена, и новые подданные великаго нашего государя благодарны за великодушную пощаду. Вѣжу, храбрые товарищи, что не вамъ могутъ предлежать горы неприступныя, пути непроходимыя. Скажу волю императора — и препятствія исчезаютъ предъ вами, заслуги ваши смѣло свидѣтельствуютъ предъ государемъ императоромъ, и кто достойный изъ васъ не одаренъ его милостью?

Командиръ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса
генералъ Ермоловъ.

Касательно послѣдняго приказа, очевидецъ, Д. Н. Бѣгичевъ (*Москвит.* 1851 г. № „Воспоминанія о службѣ на Кавказѣ“) говоритъ:

„Главнoкомандующій, желая доставить отдыхъ войскамъ, подвизавшимся съ такимъ рвеніемъ, храбростію и неустранимостью при покореніи Акушинской области, расположилъ ихъ на нѣкоторое время по селеніямъ шахмала Тарковского, и отдалъ по корпусу приказъ, который привелъ всѣхъ насъ въ восторгъ. Мы безпрестанно читали, повторяли этотъ приказъ и вскорѣ знали его наизусть.“

Тотъ же очевидецъ рассказываетъ слѣдующее по этому случаю:

„Послѣ совершеннаго пораженія на рѣкѣ Макаѣ и взятія нами, съ величайшими усиліями, одинъ за другимъ, семи укрѣпленій, устроенныхъ въ ущеліяхъ и утесахъ, всѣ сопротивлявшіеся намъ Акушинцы разбѣжались, а мы, продолжая уже безпрепятственно слѣдованіе наше къ городу

Акуши, узнали, что на встрѣчу къ намъ посланы всѣ старшины въ числѣ 150 человекъ; между ними былъ и кадій (изъ селенія Мокагу). Я былъ личнымъ свидѣлемъ тому, что этотъ кадій вышелъ впередъ всѣхъ, и остановившись въ недалекомъ разстояніи отъ корпуснаго командира, началъ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ говорить, что одержанная нами побѣда ничтожна, и что хотя потеря съ ихъ стороны довольно значительна, но для дѣлаго народа, извѣстнаго храбростію и воинственнымъ духомъ своимъ, полученная нами временная поверхность ничего не значить, что у нихъ осталось еще много войска и они могутъ не только прогнать Русскихъ, но и истребить всѣхъ до послѣдняго. — „Взгляни,“ продолжалъ онъ, указывая на узкія тропинки по горамъ, — „вспомни, что это тѣ самыя мѣста, на которыхъ была разсѣяна, разбита и совсѣмъ уничтожена предками нашими, въ десять разъ могущественнѣе русскаго государя многочисленная армія Надиръ-шаха, который самъ избавился отъ смерти поспѣшнымъ бѣгствомъ: такъ можетъ ли послѣ тсго горсть Русскихъ покорить и предписать намъ законъ?“ — Глаза его блистали отъ ярости. Я былъ въ это время ближе всѣхъ къ генералу, и опасаясь, чтобы фанатикъ, въ иступленіи своемъ отъ ярости, не бросился на него съ кинжаломъ, приготовился встрѣтить его при первомъ малѣйшемъ движеніи, и не спускалъ съ него глазъ, держа въ рукѣ пистолеть съ взведеннымъ куркомъ; многіе изъ окружавшихъ генерала обнажили было свои сабли, но онъ удержалъ насъ, и съ величественною, грозною осанкою своею, опершись на саблю, выслушалъ его хладнокровно, смотрѣвши прямо ему въ глаза; когда же онъ умолкнулъ, то, обращаясь къ прочимъ старшинамъ, приказалъ имъ обезоружить его и взять подъ стражу, что и было ими тотчасъ безпрекословно исполнено; потомъ генералъ объяснилъ имъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ всю важность преступленія безумца, позволившаго себѣ оскорблять священное имя императора обширнаго, могущественнаго государства, при вѣрноподанныхъ его и въ присутствіи главнаго начальника надъ здѣшнею странкою; потомъ онъ настоятельно потребовалъ, чтобы этотъ дерзкій мятежникъ былъ тотчасъ ими же самими осужденъ и наказанъ. — Судъ старшинъ не долго продолжался; они сами объявили генералу, что онъ болѣе всѣхъ причиною бѣдствій, претерпѣнныхъ соотечественниками ихъ, что онъ возбуждалъ злонамѣренными внушеніями своими къ сопротивленію и непокорности; послѣ того они схватили его, разложили на землю и такъ жестоко отодрали бывшими въ рукахъ ихъ

нагайками, что онъ не могъ самъ встать; его подняли, кое-какъ усадили на лошадь и отправили домой.... Очень вѣроятно, что смерть его была послѣдствіемъ претерпѣннаго имъ жестокаго наказанія..

„Послѣ блистательной побѣды на берегахъ рѣки Макаса, послѣдствіемъ коей было покореніе самаго сильнѣйшаго во всемъ Дагестанѣ и воинственнаго народа Акушинскаго, былъ я командированъ, по должности моей офицера генеральнаго штаба, для съемки дороги отъ главнаго города всей области Акуши до большаго и многолюднаго селенія Мокагу и оттуда далѣе до селенія Губдена, принадлежащаго шахмалу Тарковскому, гдѣ мнѣ и предлежало присоединиться къ отряду, находившемуся подъ личнымъ начальствомъ Ермолова, на возвратномъ пути отряда изъ Акуши на кавказскую линію.

„Ковной мой состоялъ изъ одного бывшаго при мнѣ казака, переводчика и проводника.... Пройхать.... не совѣтъ было безопасно съ ковоемъ изъ трехъ человекъ; но нечего было долго разсуждать. *Алексѣй Петровичъ приказалъ, Алексѣй Петровичъ послалъ, и безотлагательное исполненіе было всегдашнимъ послѣдствіемъ его приказаній....*

„....Фамилія Ермолова между горскими народами была очень извѣстна, и одно имя его приводило въ страхъ каждаго изъ нихъ.“

Рескрипты.

I.

Господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Согласно съ представленіемъ вашимъ, я утверждаю полковника Асланъ-хана Кюринскаго ханомъ Казыкумыкскимъ. О дальнѣйшихъ же распоряженіяхъ по сему предмету, какія могутъ быть нужны, повелѣваю вамъ свестись съ управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. С.-Петербургъ. 1820 года, іюня 22 дня.

Александръ.

II.

Господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Признавая основательными представленныя вами причины, по коимъ находите вы справедливымъ и полезнымъ,

дабы генераль-майоръ князь Мадатовъ воспользовался имѣніемъ *, предлагаемымъ ему отъ хана Карабахскаго въ замѣнъ другаго, принадлежавшаго предкамъ его въ семь ханствѣ, я предоставляю вамъ допустить князя Мадатова принять оное имѣніе въ вѣчное потомственное владѣніе. Ни мало не сомнѣваюсь, что владѣлецъ, благоразумными распоряженіями своими и лучшимъ образомъ обхожденія съ поселянами, покажетъ примѣръ превосходства управленія благоустроеннаго предъ своеравнымъ господствованіемъ азіятскимъ, и чрезъ то болѣе расположитъ сердца жителей къ державѣ, всегда готовой споспѣшествовать благу своихъ подданныхъ.

Александръ.

Царское село. 23 августа, 1821 года.

Письмо великаго князя Николая Павловича къ Ермолову.

Милостивый государь мой,

Алексѣй Петровичъ!

Я имѣлъ удовольствіе вручить женѣ моей шаль, которую вы поручили мнѣ ей доставить; симъ изъявляю вамъ чувствительную благодарность мою за знакъ вашего воспомнанія обо мнѣ, и прошу васъ быть увѣрену, что съ удовольствіемъ помышляю о времени, которое съ вами нѣкогда проводилъ. Мнѣ весьма пріятно было слышать объ успѣхахъ вашего посольства, столь же затруднительнаго, сколь любопытнаго и важнаго для нашего отечества; тѣмъ болѣе вамъ чести и удовольствія, что исполнили оное, какъ надлежитъ государеву избранному.

Прилагаю при семъ письмо жены моей; вы простите, если не собственноручно къ вамъ пишетъ; она душой уже Русская, но не довольно знаетъ языкъ нашъ, чтобы могла сама на немъ писать.

Прошу васъ быть увѣрену въ искреннемъ моемъ благорасположеніи и дружбѣ, съ коими пребываю вамъ доброжелательнымъ

Николай.

о́тва. 27 января, 1818 г.

* Это имѣніе состояло изъ 102.462 десятинъ земли, населенныхъ 1245 семействами.

Письмо Аракчеева.

(Собственноручное.)

Милостивый государь,
Алексѣй Петровичь!

Если я немного замедлил благодарить ваше превосходительство за подарокъ вашего прекраснаго персидскаго ковра, то причиною оному мое объ немъ размышленіе, что съ нимъ приличнѣе мнѣ дѣлать должно было; сперва я хотѣлъ препроводить его почтенному вашему родителю, которому приличнѣе оныя принадлежить, нежели мнѣ, какъ память о вашихъ отечественныхъ заслугахъ; но совѣстился опять оное дѣлать, дабы вы, милостивый государь, не сочли оное моею грубостію и пренебреженіемъ къ дружбѣ вашей, послѣ чего и рѣшился я оный препроводить въ соборную церковь села моего Грузина, отъ имени вашего яко присланный, и прося духовное начальство внести оный въ опись церковную подъ именемъ вклада военнаго губернатора и бывшаго посланника въ Персію Алексѣя Петровича Ермолова, что и остается на грядущія времена памятникомъ вашей ко мнѣ дружбы.

Примите мое повтореніе благодарности, которою я обязанъ вашему превосходительству за незабытіе меня въ вашей памяти, и тому истинному почтенію, съ коимъ я пребуду на всегда

Вашего превосходительства покорный слуга.

Графъ Аракчеевъ.

Москва. 14 февраля 1818 г.

Письмо великаго князя Константина Павловича.*

Почтеннѣйшій, любезнѣйшій, храбрѣйшій, старинный другъ и товарищъ, Алексѣй Петровичь!

Достойному достойное! Истинно отъ всего сердца и весьма обрадованъ повышеніемъ вашимъ, и отъ всей искренности спѣшу ваше высокопревосходительство поздравить съ онымъ. Всякъ, кто не пристрастенъ и не терзаемъ завистью, знаяши ваши дарованія, вѣрно будетъ для пользы отечества доволенъ симъ, и, кажется, теперь истинный вашъ другъ князь Левъ Михайловичъ** остался назади.

* При производствѣ Ермолова въ генералы отъ инфантеріи.

** Князь Яшвилъ.

Остается мнѣ желать, любя и уважая васъ, успѣховъ во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ, и прошу быть удостовѣрену въ чувствахъ особеннаго моего къ вамъ всегдашняго уваженія и дружбы.

5 марта, 1818 года.

Письмо графа Аракчеева.

(Собственноручно.)

Милостивый Государь,

Алексѣй Петровичъ!

Вопервыхъ поздравляю ваше высокопревосходительство съ полученіемъ монаршей милости; вотъ всегда исполняется пословица старинная: „за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ.“ Желаю весьма вамъ, милостивый государь, дай вамъ Богъ теперь здоровья, а тамъ дасть Богъ, будете и фельдмаршаломъ, и тогда не откажитесь меня принять въ начальники главнаго штаба вашего.

Теперь адресуюсь къ вашему высокопревосходительству съ моею покорнѣйшею просьбой; у васъ находится артиллерійскій подпоручикъ Ильинъ, сынъ моего пріятели, котораго я рекомендую вамъ, не откажите ему въ вашемъ покровительствѣ. Я приму съ большою благодарностію сдѣланное мнѣ вами одолженіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга
Графъ Аракчеевъ.

Москва, 1818 г. 2 августа.

Письмо великаго князя Константина Павловича.

Любезнѣйшій, почтеннѣйшій и храбрѣйшій патеръ,
Алексѣй Петровичъ!

Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ письмо ваше къ любезнѣйшему нашему товарищу, Дмитрію Дмитріевичу, и для меня особенно было пріятно знать, что вы здоровы. На желаніе ваше имѣть у себя Оренбургскаго уданскаго полка полковника Столыпина, скажу вамъ, что онъ произведень уже 17 по Петербургу въ генераль-майоры, но по какому случаю, какъ и куда его употребятъ, я ничего не знаю, и въ это дѣло не мѣшаюсь. Вы, вспоминая древнія

римскія времена, теперь проконсуломъ Грузіи, а я здѣсь префектомъ или начальствующимъ легионами на границѣ Европы, или лучше сказать въ срединѣ оной; вы это лучше разберете, и я нахожусь въ отдаленности отъ всѣхъ петербургскихъ дѣлъ.

Душевно желаю вамъ блестящихъ успѣховъ въ вашихъ предпріятіяхъ. Я искреннее принимаю участіе во всемъ томъ, что касается до любезнѣйшаго и храбрѣйшаго сослуживца; прошу васъ при теперешнемъ случаѣ принять увѣреніе въ моей къ вамъ всегдашней дружбѣ и особенномъ уваженіи.

3 августа, 1818 года.

Письмо Ермолова къ Д. В. Давыдову.

Любезный братъ Денисъ!

Письмо твое отъ 3 ноября, изъ Херсона, получилъ, и благодарю тебя за него душевно. Не лѣнись писать, возьми нѣсколько минутъ у твоихъ упражненій, если должность не дастъ тебѣ времени свободнаго. Письма твои всегда одинаково пріятны, и если даже ты не хочешь говорить о дѣлѣ, никогда, однакоже, не скажешь пустаго. Я прочитываю ихъ съ пріятелями, которые понимаютъ ихъ могутъ, и сохраняю. Теперь отвѣчаю тебѣ для вѣрности чрезъ За-кревскаго; ибо обтекающіе вселенную приказы возвѣстили мнѣ, что ты, боясь развѣжиться на полудни, нерываешь знакомства твоего со снѣгами сѣвера.

Вижу ропотъ твой противъ конгресса и боязнь, чтобъ отдохновеніе Европы не навело ржавчины на острую саблю гусара-партизана. Примирись со снокойствіемъ: оно въ нынѣшнія времена не бываетъ слухомъ продолжительнымъ, но всеконечно весьма нужнымъ. Цари съѣзжались два раза, и разстались дружелюбно, въ третій, кажется, изъ предусмотрительности предположено спускать министровъ. Посмотримъ, что будетъ? Мы, люди обыкновенные, нерѣдко изъ театра не умѣемъ развѣхаться безъ шума.

Я одинъ живу въ такой сторонѣ, гдѣ хотя не дѣлаю ничего порядочнаго, но крайней мѣрѣ пушки прочищаю порохомъ. Недавно я ходилъ въ Дагестанъ—землю гористую, и, по мнѣнію здѣшнему, населенную воинственными народами, которые въ большихъ силахъ дерзнули напасть на одинъ изъ отрядовъ нашихъ. Я прошелъ трудными дорогами до самыхъ неприступныхъ утесовъ Кавказа, и далѣе уже не было пути. Появленіе войскъ нашихъ въ тѣхъ мѣстахъ,

гдѣ никогда еще они не бывали, преодолимая препятствія самаго положенія земли, разсѣяли величайшій ужасъ. Возмутившіеся наказаны, и вознаграждены сохранившіе намъ вѣрность. Одному изъ сихъ послѣднихъ далъ я въ управленіе 16 т. душъ съ обширною и прекраснѣйшею страной. Такъ награждаетъ проконсулъ Кавказа. Ты не удивишься, когда скажу тебѣ объ употребленныхъ средствахъ. Въ мѣстахъ, гдѣ я былъ, въ первый разъ слышалъ былъ звукъ пушекъ. Такое убѣдительное доказательство правъ нашихъ не могло не оставить выгодъ на моей сторонѣ. Весьма любопытно видѣть первое дѣйствіе сего невиннаго средства надъ сердцемъ чловѣка, и я уразумѣлъ, сколько полезно владѣть первымъ, если не вдругъ можно приобрѣсть послѣднее.

Присылай прочесть обѣщанный опытъ о партизанахъ: въ семь родѣ не случилось мнѣ ничего прочесть порядочнаго. Можно было думать, что Нѣмцы нѣкогда отлчались въ томъ преимущественно передъ прочими, но сблизясь съ ними по обстоятельствамъ прошедшей войны, я пересталъ тому вѣрять, и мнѣ кажется, ни сами они на то не созданы, и даже всякая благоустроенная земля наименѣе къ тому способна. Перваго видали мы изъ Нѣмцевъ партизана Дабича, служившаго съ нами въ Пруссіи въ 1806 году. Я ничего не замѣтилъ въ немъ чрезвычайнаго, а ты и лучше меня гораздо судить о томъ можешь.

Любопытенъ я очень видѣть записки твои о войнѣ въ Пруссіи въ 1806 и 1807 годахъ. Нельзя лучшаго имѣть источника, какъ самъ Беннигсенъ, изъ записокъ коего, какъ самъ ты говоришь, взялъ ты многія свидѣнія. Мнѣ остается ко всему тому одинъ присоединить вопросъ: говорилъ ли ты съ нимъ подробно о сей войнѣ? ибо есть нѣкоторыя обстоятельства, которыя онъ, конечно, не описалъ, и нѣкогда говорилъ мнѣ о нихъ.

Хорошо, любезный братъ, что и Музы, столько всегда тебѣ благосклонныя, не престають улыбаться тебѣ. Заставь и насъ, жителей края отдаленнаго, усмѣхнуться на твои, острою и замысловатостю оригинальныя произведенія; а меня, хотя на минуту, спаси отъ убійственной судебной прозы, которая въ переводѣ съ грузинскаго языка, говорятъ, будто еще мучительнѣе, нежели языкъ самый. Здѣсь нечего читать между врагами книгопечатанія, и у меня, вмѣсто книгъ, въ шкафѣ развѣшено оружіе.

Прощай, помни и люби вѣрнаго брата

А. Ермолова.

Февраля 10, 1819 г. Тифлисъ

Рескрипты.

I.

Господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Обратя должное вниманіе на донесенія ваши, въ разные времена мною полученныя, усматриваю изъ оныхъ, что вы находите необходимымъ усиленіе корпуса, вамъ ввѣреннаго, тремя полками пѣхоты, двумя ротами артиллеріи, и причисленіе къ оному же 8 егерскаго полка, находящагося временно подъ начальствомъ вашимъ.

Не ограничиваясь симъ, вы полагаете для обороны крѣпостей нужнымъ прибавленія въ три года еще 14.000 человекъ, а именно:

Для Куае	3.000.
Гумри	3.000.
Карабага	2.400.
Баки	1.000.
Дербента	1.600.
Старой Шемахи	2.000.
Гарцискала	1.000.
<hr/>	
Итого 14.000.	

Все же требуемое вами прибавленіе въ Грузинскому корпусу, полагая пѣхотный полкъ въ 3000, составитъ болѣе 26.000 человекъ.

Правда, что при составленіи сей непремѣнной обороны для крѣпостей, вы предполагаете убавить по одному батальону въ каждомъ полку, оставя единственно оныхъ основанія. Но въ то же время вы желаете, чтобы сіи крѣпостныя войска не назывались гарнизонными, чтобы заплачены они были, и производство въ оныхъ основано было наравнѣ съ армейскими полками, и даже, чтобы часть оныхъ была подвижна.

Вслѣдъ за донесеніями вашими, въ коихъ сіи предположенія начертаны, хотя и получилъ я отъ васъ письмо 12 февраля, въ коемъ между прочимъ употребляете вы слѣдующія выраженія; „я просилъ дополненія Грузинскаго отдѣльнаго корпуса тремя пѣхотными полками. и смѣю утвердить, что сколько безъ оныхъ обойтись невозможно, столько большее число было бы изданнымъ.“

Но не умѣя согласить сего увѣренія съ прежними вашими требованіями, единственно заключаю изъ онаго, что дошли до васъ побочнымъ и неудовлетворительнымъ образомъ

нѣкоторыя извѣстія о назначенныхъ войскахъ въ Грузію, и какъ вѣроятно, тотъ, кто писалъ, не зналъ самъ настоящихъ предположеній, по сему не могъ и васъ надлежащимъ образомъ извѣстить.

Сообразивъ внимательно всѣ ваши донесенія и требованія, сообщаю по онымъ вамъ слѣдующую мою рѣшимость.

Перемѣнить составъ корпуса вашего я не имѣю возможности, ибо, прибавя къ оному число полковъ, разстрою я устройство прочихъ армій, коихъ число и составъ опредѣлены по зрѣлымъ размышленіямъ. Но надѣюсь, однакоже, достигнуть до желаемой вами цѣли слѣдующимъ образомъ:

Я могу временно выслать подъ начальство ваше десять полковъ пѣхоты, съ тѣмъ предположеніемъ, чтобы ими укомплектовать единовременно надежнымъ образомъ грузинскій корпусъ, чего присылкою рекрутъ никогда ни достигалось, ибо отъ столь дальняго перехода и непривычки переносить трудности, потеря въ оныхъ была всякій разъ весьма чувствительна.

Укомплектованіе сіе я нахожу нужнымъ произвести на слѣдующемъ основаніи: число полковъ, составляющихъ грузинскій корпусъ, останется прежнее, т.-е. 8 пѣхотныхъ, 4 егерскихъ, 2 гренадерскихъ и 1 карабинерный, итого 15 полковъ. Каждый изъ сихъ полковъ предписываю привести въ 3900 человекъ, разумѣя 300 унтеръ-офицеровъ и 3600 рядовыхъ; каждый же батальонъ будетъ изъ 100 унтеръ-офицеровъ и 1200 рядовыхъ. Если по сему числу людей вы найдете нужнымъ прибавить и число офицеровъ, то дозволяется вамъ на каждую роту прибавить по одному, что составитъ на полкъ прибавки 12 офицеровъ: положенное число по 7 на полкъ нахожу я достаточнымъ.

Такимъ образомъ, корпусъ, вамъ вѣренный, конечно можетъ имѣть всегда подъ ружьемъ здоровыхъ болѣе 50.000 человекъ.

Симъ же средствомъ равномерно можетъ быть выполнено предположеніе ваше о назначеніи непремѣнной обороны для крѣпостей. Я назначаю для сего вторые батальоны всѣхъ пѣхотныхъ полковъ грузинскаго корпуса, кромѣ гренадерской бригады. По новому образованію полковъ, ихъ число составитъ въ сложности 15.600 человекъ, превышающее даже вами требуемое.

За симъ отчисленіемъ крѣпостной обороны, вы будете имѣть въ готовности для движеній, въ дѣйствующихъ батальонахъ двухъ дивизій и въ 9 батальонахъ гренадерской бригады, болѣе 40,000 подъ ружьемъ, число, конечно, совершенно достаточное. Въ 10 полкахъ, къ вамъ назначен-

ныхъ, и въ 8 егерскомъ валичное число людей составляетъ до 26.000 человекъ, то-есть, почти то же, которое вы требуете.

Я предпочитаю сіе знатное число войскъ отправить въ вашъ корпусъ образованными полками, со всѣмъ нужнымъ числомъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ, нежели составными временно командами, единственно для прохода до новаго мѣста ихъ назначенія.

Прибывшіе полки къ вамъ въ корпусъ принесутъ съ собою ружья новаго образца, чѣмъ исполнится равномерно желаніе ваше о перемѣнѣ старыхъ ружей, находящихся въ полкахъ въ Грузіи. На перевозку же оныхъ обыкновеннымъ образомъ требовалось 115.000 руб.

Назначенные мною полки въ Грузію собираются, пять изъ оныхъ у границъ земли войска Довскаго, а именно: Аншеронскій, Тевгивскій, Навагинскій, 41, 42 егерскіе; пять же въ Крыму, а именно: Ширванскій, Куринскій, Мингрельскій, 43, 45 егерскіе.

Вамъ предоставляю опредѣлить дальнѣйшее ихъ движеніе и время, въ которое каждый изъ сихъ полковъ долженъ выступить, что все вы сообразите съ удобностію продовольствія въ краѣ, вамъ ввѣренномъ. Съ симъ фельдъегеремъ получите вы отъ начальника главнаго штаба моего, на имя командировъ 10 вышеупомянутыхъ полковъ, повелѣнія, дабы, по мѣрѣ доставленій отъ васъ оныхъ, сіи полки уже состояли въ вашей командѣ.

Постепенному укомплектованію полковъ, долженствующихъ оставаться въ Грузіи и на линіи, дабы избѣгнуть второй путь тѣмъ же войскамъ, предписываю вамъ прислать назадъ кадры слѣдующихъ полковъ: Севастопольскаго, Троицкаго, Суздальскаго, Вологодскаго, Каванскаго, Бѣлевскаго, 8-го, 9, 15, 16 и 17-го егерскихъ. Изъ оныхъ предоставляю вамъ перевести въ корпусъ, вамъ ввѣренный, всѣхъ тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, коихъ служба и опытность признана будетъ вами полезна въ Грузіи и на линіи. Вы пришлете имъ списки, съ означеніемъ, въ которыхъ полки они будутъ вами переведены. Симъ же самымъ образомъ вы укомплектуете по лишнему офицеру въ роту.

Мингрельскій полкъ назначается быть слитъ съ Бѣлевскимъ. Если дорога черезъ Кутаисъ удобна, то полезнѣе оный симъ путемъ направить, нежели перевозить водою по Черному морю. Въ противномъ случаѣ, извѣстите меня, дабы суда приготовить отъ Черноморскаго флота. Кадръ Бѣлевскаго полку вернется тѣмъ же путемъ, коимъ прибудетъ Мингрельскій полкъ.

Полки: Аншеронскій, Ширванскій, Куринскій, Тифлисскій, 41 и 42 егерскіе, должны составлять 20-ю дивизию.

Полки же Кабардинскій, Текинскій, Навагинскій, Мингрельскій, 43 и 45 егерскіе 19-ю.

Двѣ легкія артиллерійскія роты равномерно, по требованію вашему, назначены въ Грузинскій корпусъ, а именно № 15-го и № 52-го.

Сими распоряженіями вы будете имѣть средство единойды на всегда устроить превосходнымъ образомъ Грузинскій корпусъ въ надлежащую силу. Но въ то же время составъ прочихъ армій не потерпѣть разстройства. Кадры возвратившихся полковъ росписаны будутъ по разнымъ дивизиамъ и всѣ мѣры къ приведенію ихъ въ надлежащее опять устройство уже приспособлены.

Александръ.

С.-Петербургъ. 19 апрѣля, 1819 года.

II.

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Предположенія ваши о прочной оборонѣ Грузіи, я признаю весьма основательными и желаю, чтобы въ постепенномъ исполненіи оныхъ могъ я видѣть плоды того благоразумія, съ коимъ вы начертали планъ сей, дѣлающій честь вашему соревнованію на пользу отечества.

Сообразно симъ начертаніямъ, составленъ уже особый инженерный округъ Грузинскій вмѣсто Астраханскаго, и въ числѣ штатныхъ крѣпостей по Грузіи остались только три: Тифлисъ, Баку и Дербентъ, о чемъ извѣстно вамъ изъ положенія, мною апробованнаго 1 января сего года; затѣмъ всѣ прочія крѣпости въ Грузіи, причисляясь къ укрѣпленнымъ постамамъ перваго и втораго разряда, остаются въ вашемъ вѣдѣніи и распоряженіи.

Касательно устройства новыхъ крѣпостей: въ Старой Шамахѣ, у Александровскаго брода, въ Елизаветполѣ, въ Гумри, Редуть-Кале, Гардискалѣ, Кутаисѣ, я нахожу необходимымъ, чтобы и самыя проекты на возведеніе сихъ крѣпостей были составлены на мѣстѣ, по вашему соображенію и подъ вашимъ наблюденіемъ; для чего предлагаю командиру грузинскаго инженернаго округа назначить и начальникомъ инженеровъ внутренняго вамъ корпуса съ исправленіемъ обихъ должностей.

Округъ сей, согласно вашему предположенію, подчиняется

вамъ, какъ начальнику отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, во всемъ, кромѣ части искусственной, управляемой департаментомъ инженернымъ, для чего и самые проекты, по мѣрѣ ихъ составленія, должны поступать на разсмотрѣніе сего департамента.

Что же касается до усиленія войскъ вѣреннаго вамъ корпуса, то и насчетъ сего предположенія вы удовлетворительно разрѣшены указомъ моимъ отъ 19-го минувшаго апрѣля.

Александръ.

С.-Петербургъ. 2 мая, 1819 года.

III.

Алексѣй Петровичъ! Прочитавъ письмо ваше отъ 8-го апрѣля, о генераль-майорѣ Вельяминовѣ, я долженъ вамъ сказать со всею откровенностію, что изъ уваженія моего къ вашимъ представленіямъ, я никого изъ рекомендованныхъ не оставилъ безъ награды, но мѣру оной всегда оставлялъ и вынѣ оставляю по порядку въ собственномъ моемъ усмотрѣніи; что же касается до генераль-майора Вельяминова, то, не ослабля къ нему признательности, какъ къ чиновнику достойному и способному, я почитаю награду, ему сдѣланную, достаточною, потому что онъ въ недавнемъ времени получилъ настоящій чинъ. Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Царское Село. 24 мая, 1819 года.

IV.

Алексѣй Петровичъ! Прочитавъ рапортъ вашъ къ начальнику главнаго штаба моего отъ 28-го апрѣля, № 1-й, считаю не излишнимъ содержаніе указа моего, 19-го минувшаго апрѣля вамъ даннаго, противопоставить мнѣнію вашему о маломъ попеченіи правительства насчетъ обстоятельствъ вѣреннаго вамъ края, тогда какъ Грузинскій корпусъ выше, чѣмъ когда-либо, усиливается. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Царское Село. 20-го іюля, 1819 года.

Письмо великаго князя Николая Павловича.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Петровичъ!

Я получилъ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ изъясняете мнѣ положеніе отставленнаго отъ службы, по высочайшему приказу, за дурное поведеніе, инженеръ-подполковника Герасимова. Такъ какъ вы полагаете, что офицеръ этотъ страждетъ несправедливо, то и считаю нужнымъ изъяснить вашему высокопревосходительству, что, принявъ начальство надъ инженернымъ корпусомъ, старался я, сколько возможно, избавить хорошихъ офицеровъ оного отъ недостойныхъ товарищей, дабы тѣмъ возбудить ревнованіе въ первыхъ; въ семъ не могъ я руководствоваться иначе, какъ аттестаціей частныхъ начальниковъ, коимъ хорошія и дурныя качества подчиненныхъ должны быть извѣстны. Подполковникъ Герасимовъ аттестованъ былъ начальникомъ инженеровъ 2-й арміи, генералъ-майоромъ Ферстеромъ, весьма непохвальнымъ образомъ и, вслѣдствіе предпринятаго намѣренія, представленъ къ исключенію изъ службы. Ваше высокопревосходительство согласитесь со мною, что теперь, хотя генералъ-майоръ баронъ Вреде и хорошо отнесется о подполковникѣ Герасимовѣ, но какъ онъ не былъ его начальникомъ, то и неизвѣстно ему прежнее его поведеніе и служба, а потому и засвидѣтельствованіе его не можетъ перевѣсить аттестацію генералъ-майора Ферстера.

Невозможность, въ коей нахожусь, по симъ причинамъ, помочь подполковнику Герасимову, принятіемъ его опять на службу, заставляетъ меня тѣмъ болѣе чувствовать несчастное положеніе семейства его, которому, желая помочь, сколько отъ меня зависитъ, прошу покорнѣйше ваше высокопревосходительство доставить мнѣ къ тому случай.

Прошу васъ быть увѣреннымъ въ истинномъ моемъ къ вамъ уваженіи, съ коимъ остаюсь,

Вамъ доброжелательнымъ

Николай.

Юляя 26-го дня, 1819 года.

Лагерь близъ Краснаго Села.

Письма Ермолова къ N. N.

(Собственноручно.)

I.

Милостивый государь мой,
С. С.

Письмо ваше, отъ 27-го марта, изъ Сальянъ, получилъ; при немъ была записка о злоупотребленіяхъ по Астрахани, никѣмъ не подписанная.

Свиданіемъ съ вами въ Кизлярѣ въ первый разъ въ жизни и по свойствамъ нашимъ, смѣю думать, весьма различными, не могъ я приобрести довѣренности вашей, и потому не рѣшился вѣрить, чтобы подобная записка могла быть вами ко мнѣ доставлена; напротивъ, по вѣльному сплетенію оной, паче по гнусной клеветѣ на астраханскаго губернатора, извѣстнаго правительству примѣрнымъ усердіемъ и строгими правилами чести, долженъ я былъ думать, что она составлена какимъ-либо злобнымъ донощикомъ и, въ поруганіе вамъ, подослана при письмѣ отъ имени вашего; но знающіе почеркъ вашъ утверждаютъ, что записка вся вашей руки.

Еще изъ уваженія къ лѣтамъ вашимъ и носимому званію благороднаго человѣка колебался я дать вѣроятіе. Прочелъ я въ концѣ пасквиль, описаніе грабителей астраханской таможи, описаніе равнодушія неблагодарнаго правительства къ подвигамъ вашимъ, неподражаемому безкорыстію и добродѣтели вашей, и не осталось ли малѣйшаго сомнѣнія, что составленный пасквиль принадлежитъ вамъ. Боюсь быть нескромнымъ, описывая чувство, которое произвелъ во мнѣ благородный и великодушный вашъ поступокъ. Предоставляю вамъ опредѣлить мѣру почтенія, коимъ я вамъ обязанъ.

Милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга.

А. Ермоловъ.

№ 1446. 19-го мая 1820 года. Тифлисъ.

II.

Милостивый государь мой,
С. С.

Письмомъ изъ Сальянъ, отъ 27 іюня, вы увѣдомляете меня, что, по истеченіи срока прежняго контракта, заклю-

чили вы съ г. генераль-лейтенантомъ Мустафою ханомъ Ширванскимъ, новое условіе на отдѣльное содержаніе сальянскихъ и другихъ рыбныхъ промысловъ еще на десятилѣтнее время.

Ширванскій ханъ увѣдомляетъ меня, умалчивая о условіяхъ, имъ сдѣланныхъ, и позволилъ себѣ не представить ихъ на мое разсмотрѣніе и утвержденіе. У обоихъ васъ въ предметъ: незаконное пріобрѣтеніе денегъ! И мусульманскій невѣжда, и откупщикъ корыстолюбивый возмечтали безъ наказанія уклониться отъ установленнаго порядка, который, впрочемъ, извѣстенъ обоимъ: ибо, при заключеніи въ 1814 году контракта, утвержденіе предметника моего найдено было необходимымъ. По сей причинѣ и другимъ, не менѣ важнымъ, уничтожилъ я сей новый тайный контрактъ, въ отвращеніе нестерпимаго зла, каковое влекутъ подобныя своевольства, повсюду давъ знать, что оный признаваемъ былъ не имѣющимъ законной силы.

Вы, милостивый государь мой, лишены той выгоды, чтобы завести ябеду о томъ, что вы потерпѣли раззореніе отъ сдѣланныхъ вами пріготовленій и издержекъ, ибо не было времени сдѣлать оныхъ по недѣльно заключенному контракту и по тому, что дѣйствіе онаго за четыре года впереди.

Имѣю честь быть и проч.

Ермоловъ.

№ 1837. 3-го іюня, 1820 года. Тифлисъ.

III.

Милостивый государь мой

С. С.

На прошеніе ваше прошедшаго 1819 года, октября 8 дня, заключающее въ себѣ жалобу на содержателя кизларскихъ водокъ, г. Углева, по собраніи нужныхъ свѣдѣній, отвѣтствую. Содержатель, Гаврило Углевъ, ловъ рыбы производитъ собственно въ водахъ Талышинскаго ханства, отнюдь не захватывая водъ генераль-лейтенанта Мустафы, хану Ширванскому принадлежащихъ. Напротивъ, симъ послѣднимъ отданы вамъ въ откупное содержаніе острова: Штри-ты, Гордореллъ, Улазъ, Калобукамъ, которые, по всѣмъ правдоподобнымъ показаніямъ, прежде и весьма недавно составляли собственность Талышинскаго ханства. Есть даже на нѣкоторыхъ островахъ остатки жилищъ Талышин-

цевъ, и отцомъ нынѣшняго хана Талыша отдаваемы были сіи острова въ откупъ. Самые контракты и условія, заключаемые съ вами генераль-лейтенантомъ Мустафю ханомъ, всего наиболѣе доказываютъ, что вышеозначенные острова ему не принадлежали; свидѣнія сіи собраны при предѣствникѣ моемъ, генералѣ графѣ Торماسовѣ.

Не имѣя права нарушать контракта, паче же охраняя важность утвержденія оного бывшимъ здѣсь главнокомандующимъ, г. Ртищевымъ, уклонился я всякаго разбирательства о присвоеніи, ширванскимъ ханомъ сдѣланномъ. Жалоба, вами, милостивый государь мой, принесенная, заставила меня сдѣлать такое. И я побуждаюсь предвартить васъ, чтобы впредь воздержались беспокоить начальство затѣйливыми вашими просьбами, отвлекая чрезъ то его вниманіе отъ дѣлъ гораздо нужнѣйшихъ, и сдѣлали бы вашимъ прикащикамъ наставленіе не размножать ябедъ.

Думая утвердить основательность вашего иска, вы упоминаете о предписаніи г. Ртищева, данномъ генераль-лейтенанту Родгофу; но вы, конечно, забыли, милостивый государь мой, что содержаніе предписанія сего взято изъ записки, поданной вами г. Ртищеву, которую, не хочу обманывать себя, не вы сочинили, но списали у какого-то ябедника, худо знающаго обстоятельства дѣшняго края, списали рукою вашего писаря, и, по неосмотрительности вашей, оставленная здѣсь, хранится при дѣлахъ. Итакъ, ссылаясь на защиту предѣствника моего, вы только обнаруживаете чрезмѣрную его къ вамъ свисходительность, которой я не имѣю, и не желаю оказывать вамъ, вопреки моихъ обязанностей.

Отвѣтствуя собственною рукою, хочу доказать вамъ, милостивый государь мой, что каждое дѣло, относящееся до васъ, разсматриваю я самъ. Впрочемъ же, при мнѣ и нѣтъ правителя канцеляріи, мошенника Чуксина, который во зло, но въ пользу вашу, употребилъ довѣренность моего предѣствника, наклонивъ къ признанію контракта, заключающаго въ противность установленій, запрещающихъ дѣлать заботы въ рѣкахъ судоводныхъ.

Предупреждая васъ, милостивый государь мой, что отъ меня даны будутъ приказанія разрушить заботы по фарватеру рѣки Куры и сдѣлать ихъ на такое разстояніе, чтобы суда безпрепятственно проходить могли, и что впредь отъ повѣренныхъ вашихъ, ясно дѣлающихъ по наставленію вашему ябеды, не будутъ принимаемы жалобы, которыя

не должны имѣть мѣста послѣ точныхъ предписаній, полагающихъ и границы водамъ ханствъ Ширванскаго и Талышскаго.

Имѣю честь быть и проч.

А. Ермоловъ.

№ 2125. 27 июля, 1820 года. Тифлисъ.

IV.

Милостивый государь мой

С. С.

На письмо ваше, отъ 27 августа, отвѣтствую. Напрасно вы изыскиваете причины, по коимъ не хотѣлъ я васъ принять у себя: вы безъ ошибки найдете ихъ въ собственныхъ вашихъ поступкахъ, которые даютъ всѣ права не имѣть къ вамъ, по крайней мѣрѣ, ни малѣйшаго уваженія.

Первый контрактъ, заключенный вами съ Мустафой Ширванскимъ на десятилѣтнее содержаніе сальянскихъ рыбныхъ ловлей, не могъ имѣть силы безъ моего утвержденія, и потому приказалъ я признавать его недѣйствительнымъ. Въ немъ, сверхъ того, внесены были урочища, Мустафѣ не принадлежащія, которыя потому только предоставлены вамъ были въ откупное содержаніе, что вы нагло обманули моего предѣстника, утвердившаго контрактъ съ чрезмѣрною для васъ снисходительностью. Итакъ за контрактъ, не имѣвшій законнаго утвержденія, весьма сомнительно, чтобы въ родѣ задатка могли вы дать болѣе нежели на 100 тысячъ рублей вещами и деньгами, а если и дали что-нибудь, то, безъ сомнѣнія, по прежнимъ расчетамъ, до которыхъ мнѣ нѣтъ ни малѣйшей нужды. Я разсматриваю однѣ квитанціи, которыя должны вы имѣть отъ бывшаго хана, въ полученіи имъ отъ васъ откупной суммы.

Второго контракта вы не должны были заключать съ бывшимъ ханомъ, ибо когда, 2 августа, прибыли къ нему въ Сохутъ, то явна уже была его измѣна. Безпрестанно производились совѣщанія, отправлялось имущество за Куру, и намѣреніе бѣжать не прикрывалось никакою тайной.

Приставу, капитану князю Макаеву, подробно были извѣстны злодѣянія измѣнника Мустафы и его замыслы: имъ доведено было о томъ начальству. Въ сіе самое время вы заключили вторичный контрактъ, и утвердили меня

въ прежнихъ о васъ мѣнιάхъ, что корыстолубивому откупщику нѣтъ приличій, и для него деньги свѣше всего прочаго.

Вы готовы утверждать, что о поведеніи Мустафы ничего не знали, ибо безсовѣстно объясняете въ письмѣ вашемъ, что не могли отказаться отъ принятія контракта, по силѣ вновь послѣдовавшаго отъ меня Мустафѣ предписанія; но что вы скажете противъ показанія князя Макаева, что вы обнадёживали измѣнника Мустафу поправить дѣла его, и чему, сверхъ того, имѣю я доказательство:

Подлинное къ вамъ письмо измѣнника, въ коемъ видно условіе употребляетъ пять тысячъ червонныхъ, которые вы на счетъ его обязались дать изъ вашихъ денегъ? Привезшія письмо сіе измѣнника Мустафы чиновникъ показываетъ, что сіи деньги должны были обращены быть на подарки. Мустафа злодѣянїями своими, а наконецъ бѣгствомъ своимъ, доказалъ, что ходатайствовать за него, по крайней мѣрѣ, безчестно, а ходатайство сіе вы приняли на себя, стараясь дѣянїямъ его придать другой видъ, единственно изъ побужденія корыстолубія, которому честь ваша и въ должностяхъ прежде вами занимаемыхъ не была обузданїемъ.

Ограждены будучи чиномъ, дающимъ право на дворянство, вы отъемлете у меня право дать вамъ приличнѣйшее наименованіе и, конечно, не благороднаго человека.

Въ заключеніе скажу вамъ объ откупахъ, что если желаете имѣть въ содержаніи сальянскія рыбныя ловли, отъ васъ зависть будетъ явиться къ торгамъ и удержать ихъ за собою, предложивъ казнѣ выгодыѣшїя цѣны.

За симъ, надѣюсь, вы сдѣлаете мнѣ честь прекращенїемъ вашей со мною переписки.

Вашего благородїя покорный слуга

А. Ермоловъ.

№ 2988. 6 сентября, 1820 года. Тифлисъ.

Коменданту астраханскому Делпоцу.

Любезный старикъ Иванъ Петровичъ!

Имѣя весьма справедливыя причины думать, что г. Н. Н., по возвращеніи своемъ въ Астрахань, или вовсе скроетъ отъ публики безвыгодную его изъ Сальян со мною переписку, или же, по обыкновеннымъ его правиламъ, постарается исказить оную и выказать не въ томъ видѣ, въ какомъ дѣйствительно она есть, чрезъ нужнымъ, во избѣ-

жаніе, чтобы вы, любезный старикъ, не подверглись ложнымъ слухамъ, препроводить къ вамъ при семъ со всей переписки точную копию, повторяя, съ тѣмъ вмѣстѣ, увѣреніе въ томъ почтеніи, съ коимъ пребываетъ къ вамъ покорнѣйшій слуга

Ермоловъ.

6 сентября 1820 года, Тифлисъ.

Рескрипты.

I.

Алексѣй Петровичъ! Принятая вами мѣры къ усмирению народовъ буйныхъ, уничтожили возмущенія въ Гуріи, Мингреліи и Имеретіи. Дагестанъ покоренъ Россіи твердостью и благородными во всѣхъ случаяхъ распоряженіями вашими. Я считаю справедливымъ долгомъ изъяснить вамъ полную Мою признательность за успешныя дѣйствія ваши, будучи притомъ увѣренъ, что вы усугубите стараніе къ водворенію тишины и благоустройства въ областяхъ, управленію вашему вѣренныхъ. Пребываю навсегда вамъ доброжелательный

Александръ.

Въ Варшавѣ. 18 августа, 1820 года.

II.

Алексѣй Петровичъ! Обстоятельства, содѣлавшія необходимымъ присутствіе мое за границею, продолжаясь нынѣ въ послѣдствіяхъ своихъ, не дозволяютъ мнѣ съ достовѣрностію опредѣлить времени къ возвращенію моему въ С.-Петербургъ, а потому, не желая чтобы ожиданіемъ вашимъ въ сей столицѣ служба лишилась той пользы, которую вы трудами своими всегда ей приносили, признаю за лучшее, чтобы вы для свиданія со мною отправились немедленно въ мѣсто настоящаго моего пребыванія.

Ожидая скорого пріѣзда вашего, пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ г. Лайбахѣ, 3 марта, 1821 года.

Письмо Ермолова къ Д. В. Давыдову.

Любезный братъ Денисъ!

Слухи о движеніи войскъ, молва, и, можетъ-быть, неосновательная, о войнѣ, возмущили спокойствіе твое, и ты порываешься на поле ратное. Но за что пылаешь ты гнѣвомъ на Турокъ? Чье сосѣдство можетъ быть менѣе опасное?

Доселѣ съ бѣльшимъ правдоподобіемъ можно вѣрить, что острить мечи не о пески молдавскіе! Слышно о движеніи войскъ въ предѣлы Австріи; не даромъ въ прокламаціи Австрійцевъ сказано, что государь даетъ имъ помощь войсками, и хотя взять уже Неаполь, позволительно думать, что дурное состояніе сѣверной Италіи не заставитъ пренебречь помощью.

Итакъ, желаніямъ твоимъ могутъ представиться другіе виды.

Если Австрійцы должны будутъ укрощать оружіемъ порывы къ свободѣ своихъ владѣній въ Италіи, ихъ ожидаютъ въ будущемъ война народная; если вѣрно, что Пьемонтцы обратились на занятіе Милана, будетъ война единомышленная, и не Австрійцамъ удобно преодолѣть льнѣніе. Если будемъ содѣйствовать имъ, по количеству движущихся войскъ, надобно ожидать отдѣльнаго дѣйствія, слѣдовательно, и авангарда, числомъ значительнаго. Партизаномъ въ войнѣ народной быть неудобно, въ твоемъ чинѣ надобно имѣть большую команду; войско вспомогательное не можетъ имѣть такой конницы, отъ которой можно бы было отдѣлять большую часть. Если рѣшаешься просить государя о назначеніи тебя на службу, мое мнѣніе не стѣснятъ выборомъ его непосредственной воли. Представятся въ послѣдствіи удобные, а теперь непредвидимые, случаи: и кто же начальникъ, могущій замѣнить тебя въ толькѣ генераловъ? По крайней мѣрѣ, между главными изъ нашихъ полководцевъ нельзя найти, столько мало прозорливыхъ.

Дни черезъ два ѣду я въ Лайбахъ; желаніе сократить бесполезное мое здѣсь пребываніе и удаленіе отъ моихъ легионовъ понудило меня искать позволенія туда отправиться. Прощай!

Вѣрный братъ

А. Ермоловъ.

30 марта, 1821. С.-Петербургъ.

Рескрипты.

I.

Александръ Петровичъ! При утвержденіи мною, въ прошломъ 1820 году, извѣстнаго вамъ положенія о переселеніи на земли Черноморскаго войска 25.000 малороссійскихъ казаковъ, обращено было вниманіе на открывшееся изъ донесеній генералъ-майора Киселева, обстоятельство, что нѣкоторые изъ чиновниковъ войска Черноморскаго учредили изъ земель оного частныя владѣнія и поселили на оныхъ крестьянъ.

Предусматривая, что изъ сего произойти могутъ стѣсненія казаковъ въ земляхъ ихъ и другія злоупотребленія, предположено: сіе несообразное съ существованіемъ войска Черноморскаго и по единому послабленію допущенное, установленіе уничтожить; крестьянъ же, на земляхъ войсковыхъ поселенныхъ, коихъ чиновники, ими владѣющіе, не пожелаютъ перевести на земли, или въ имѣнія, въ другихъ губерніяхъ имъ принадлежатія, обратить въ казаки, сдѣлавъ имъ надлежащее за нихъ удовлетвореніе.

Но дабы мѣру сію привести можно было въ исполненіе съ лучшею удобностію, то я призналъ нужнымъ поручить вамъ, вникнувъ со всею подробностію во всѣ обстоятельства, до положенія Войска относяціяся, представить мнѣ заключеніе ваше:

Во 1-хъ, какія распоряженія къ приведенію упомянутой мѣры въ дѣйствіе учинены быть могутъ такъ, чтобы при соблюденіи главнѣйше пользы Войска, чиновники, крестьянъ на земляхъ войсковыхъ водворившіе, наипаче повесели убитковъ, и

Во 2-хъ, какое денежное вознагражденіе за крестьянъ, коихъ они не переселятъ, сдѣлано имъ быть можетъ?

По полученіи отъ васъ подробныхъ по сему предмету соображеній, когда обстоятельства позволятъ вамъ ихъ представить, сдѣлано будетъ окончательное постановленіе.

Пробываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Царское Село. 7 іюля, 1821 года.

II.

Господину главнокомандующему Грузіей, генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Усмотрѣвъ изъ представленныхъ отъ васъ свѣдѣній, что состояніе промышленности и торговли въ Грузіи, по недостатку капиталовъ и торговыхъ заведеній, не имѣетъ еще надлежащаго пространства и движенія, и, находя, что части сіи, къ благосостоянію края толико нужны, не могутъ съ успѣхомъ быть устроены на общихъ правилахъ и требуютъ особенныхъ поощреній, настоящему состоянію сего края свойственныхъ, признали мы нужнымъ постановить слѣдующія въ пользу ихъ распоряженія:

1. Права гильдейскія. Всемъ торгующимъ россійскимъ подданнымъ и иностраннымъ, кои въ теченіи десяти лѣтъ, считая съ 1 іюля, 1822 года, учредятъ въ семь краѣ торговые дома и будутъ производить оптовую торговлю, присвоятся права первой гильдіи, безъ всякаго платежа въ теченіи означеннаго времени податей, по сей гильдіи положенныхъ; но по истеченіи сего срока, какъ тѣ, кои пожелаютъ продолжать торговлю, такъ и тѣ, кои вновь въ оную вступятъ, обязаны будутъ производить оную на общемъ положеніи, неся всѣ повинности, съ гильдейскими правами сопряженныя. Само собою разумѣется, что тѣ, кои прежде истеченія означеннаго срока прекратятъ торговля дѣла, лишатся тѣмъ самымъ и гильдейскаго права, имъ по сей торговлѣ принадлежащаго.

2. Льгота отъ личныхъ податей и службы. Въ теченіи того же срока торгующіе, какъ россійскіе подданные, такъ и иностранные, освобождаются въ тѣхъ мѣстахъ отъ личной службы и личныхъ податей, а дома ихъ и магазины отъ военного постоя и налоговъ, исключая, однакожь, мѣстныхъ городскихъ расходовъ, въ коихъ они, какъ владѣльцы домовъ, обязаны участвовать.

3. Приобрѣтеніе недвижимой собственности. Всемъ торгующимъ, какъ россійскимъ подданнымъ, такъ и иностраннымъ, дозволяется въ томъ краѣ прибрѣтать недвижимую собственность и продавать ее съ платежомъ узаконенныхъ пошлинъ, хотя бы торгующіе иностранцы и не вступили въ подданство. Но съ прекращеніемъ торговли и съ остав-

леніемъ сего края, они обязаны внести подати, въ городскомъ положеніи на сей случай опредѣленныя.

4. Приобрѣтенія земель. Торгующимъ россійскимъ подданнымъ и иностраннымъ, будутъ уступлены отъ правительства участки земель для заведеній ихъ, въ томъ краѣ нужныхъ, за обыкновенную цѣну, по коей земли тамъ продаются. Какъ цѣна сія, такъ и условія сей продажи имѣютъ быть опредѣлены съ точностію по свидѣніямъ, кои отъ васъ представлены будутъ.

5. Льгота въ таможенныхъ пошлинахъ. Всѣ товары, привезенные въ Грузію изъ иностранныхъ земель, не будутъ подлежать другому платежу, какъ по пяти со ста по цѣнѣ объявленной, сообразно тому, какъ по силѣ гюлистанскаго трактата взимается пошлина съ товаровъ изъ Грузіи въ Россію, платятъ они установленную пошлину по тарифамъ азіатскому и европейскому, сообразно происхожденію товаровъ. Для сего, по сношенію вашему съ министромъ финансовъ, учреждены будутъ въ приличныхъ мѣстахъ заставы и таможи, съ одной стороны на путяхъ, ведущихъ въ Грузію изъ иностранныхъ земель, а съ другой на путяхъ изъ Грузіи въ Россію.

6. Правила карантиннаго очищенія. Распоряженія, въ указѣ 1819 года означенныя, по коимъ товары, изъ портовъ Средиземнаго моря приходящіе въ тюкахъ и ящикахъ съ двойною оболочкою и запломбированные въ россійскіе черноморскіе порты, не подвергаясь карантинному очищенію распространяются и на порты мингрельскіе, если всѣ условія, въ томъ указѣ означенныя, будутъ съ точностію исполнены.

7. Охраненіе транспортовъ на торговыхъ путяхъ. Для безопасности торговыхъ транспортовъ, какъ по рѣкѣ Фазу, такъ и на сухомъ пути, съ одной стороны отъ Баку, а съ другой отъ Редуть-Кале и Мараня до Тифлиса, и обратно, снабжать оныя транспорты надлежащимъ военнымъ прикрытіемъ.

8. Устройство караванъ-сараявъ. На пути, лежащемъ между Баку и Чернымъ моремъ, каждый изъ торгующихъ можетъ устроить караванъ-сарай по азіатскому обычаю, по усмотрѣнію собственныхъ его выгодъ. Мѣстное начальство будетъ содѣйствовать къ заведенію ихъ назначеніемъ и отводомъ нужнаго къ сему дѣла и другихъ матеріаловъ.

9. Устройство приставей на Черномъ морѣ. На первый разъ назначается къ сему пристань на берегу Чернаго моря, при Редуть-Кале состоящая: въ послѣдствіи же мѣст-

ное начальство сего края не оставит употребить во все способы къ открытію и устройству другихъ приставей безопасныхъ и удобныхъ.

10. Пространство и предѣлы сихъ правилъ. Сила всѣхъ вышеозначенныхъ правилъ распространяется на всѣхъ вообще торгующихъ, какъ російскихъ подданныхъ, такъ и иностранныхъ, кои пожелаютъ въ томъ краѣ учредить заведенія промышленности и торговли, но она ограничивается единственно и исключительно Грузіей и Имеретіей и областями, къ нимъ принадлежащими, и никакъ не относится къ російскимъ губерніямъ, по сию сторону Кавказа лежащимъ.

11. Впрочемъ, при допущеніи иностранцевъ, на особенное попеченіе ваше возлагается наблюдать, дабы, подъ предлогомъ торговли, не вкрались туда люди подозрительныхъ правилъ и худаго поведенія.

Посему всѣ иностранцы, въ Грузію пріѣзжающіе, должны имѣть паспорта отъ російскихъ миссій, кои на сей конецъ снабжены будутъ особенными отъ министерства иностранныхъ дѣлъ предписаніями.

Александръ.

Царское Село, 8 октября, 1821 года.

III.

Господину главнокомандующему Грузіей генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Вслѣдствіе общихъ распоряженій, для поощренія промышленности и торговли въ Грузіи принятыхъ, и подробно означенныхъ въ указѣ, на имя ваше вмѣстѣ съ симъ данномъ: 1) Иностранцу Гамбѣ, предъявившему желаніе устроить торговля въ томъ краѣ заведенія, дозволить учредить оныя на основанія правилъ, въ вышеозначенномъ указѣ изображенныхъ, и съ присвоеніемъ симъ торговымъ заведеніямъ тѣхъ правъ и выгодъ, какія въ томъ указѣ означены. 2) Въ уваженіе того, что иностранецъ Гамбѣ первый изъявилъ желаніе и приступилъ къ мѣрамъ устройства въ томъ краѣ торговыхъ заведеній, отвѣсть ему въ собственность до шестнадцати тысячъ десятинъ земли въ мѣстахъ, кои, по избранію его и по усмотрѣнію вашему, найдены будутъ свободными и къ заведеніямъ сего рода

способными, со взысканіемъ съ него по одному рублю за десятину, разсрочивъ платежъ денегъ на пять лѣтъ по равнымъ частямъ.

Александръ.

Царское Село. 8-го октября 1821 года.

О способахъ Ермолова упрочить за Россіей Кабарду.

Генералъ Ермоловъ, желая навсегда упрочить за Россіей Кабарду и чтобъ прекратить постоянныя сношенія кабардинцевъ съ другими враждебными намъ народами, привудилъ Кабардинцевъ выселиться изъ горъ и поселиться на плоскости, а чтобъ заградить обратный имъ путь, построилъ крѣпости передъ ущельями Терекскимъ, Чегемскимъ, Урванскимъ, Нальчикскимъ и Баксанскимъ, которыя названы по именамъ тѣхъ ущелій. Кромѣ того онъ перенесъ военногрузинскую дорогу съ праваго берега Терека на лѣвый и прикрылъ ее укрѣпленіями Пришибскимъ, Урухскимъ, Минаретскимъ и Ардонскимъ. Всѣ эти укрѣпленія, начатыя въ 1820 году, окончены въ 1822 году. Это такъ взволновало Кабардинцевъ, что болѣе виновные тайно уходили за Кубань. По этому посылаемы были войска въ Кабарду, чтобъ воспрепятствовать переселенію Кабардинцевъ за Кубань и для наказанія болѣе виновныхъ отъ поручено было артиллеріи-подполковнику Коцареву.

Кабардинскому народу.

Безпрестанныя набѣги внутри нашихъ границъ, раззореніе жителей и самыя убійства, явно производимыя Кабардинскимъ народомъ, вынудили меня употребить силу оружія войскъ и наказатъ ихъ.

Сколько времени безъ пользы терпѣлъ и жалѣлъ я ихъ и сколько я отвратилъ отъ нихъ бѣдствій—это знаетъ Кабардинскій народъ. Въ 1818 году эфендіи и владѣльцы лично дали мнѣ обѣщаніе; но это обѣщаніе, какъ и прежнія, много разъ данныя мнѣ клятвы, не исполнены и, вмѣсто исполненія обязанности подданныхъ, разбои и убійства умножились. Я приказалъ войскамъ вступать въ Кабарду и объявляю народу:

Владѣльцы, чувствующіе себя виновными, могутъ съ довѣренностію обратиться ко мнѣ; они сохраняютъ свои права, сохраняютъ власть надъ подвластными ихъ и они

признаны будутъ владѣльцами. Владѣльцы же, которые не явятся къ начальникамъ русскихъ войскъ, бывъ прежде замѣчены въ злодѣяніяхъ, изгоняются изъ Кабарды. Подвластнымъ ихъ объявляется свобода и независимость отъ нихъ, послѣ чего явтъ надъ ними власти, кромѣ власти милостиваго государя императора, и награжу ихъ въ самой Кабардѣ землями и выгодами. Убѣждаю васъ, народъ Кабардинскій, не вѣрять обольщеніямъ владѣльцевъ вашихъ; они обманываютъ васъ и въ крайности первые же васъ оставятъ. Не спасутъ ихъ твердыни, гдѣ они думаютъ укрѣпиться, и явтъ мѣста, куда не проникли бы войска наша. Не защитятъ васъ мошенники, не знающіе ничего, кромѣ подлага воровства и разбоевъ. Я не мщу простому народу, и наконецъ еще така общаю вамъ покой, счастье и свободу; послѣ поздно будетъ просить о пощадѣ. Генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ. 1822 года, января мѣсяца. Г. Тифлисъ.

Письмо Ермолова къ Графу Гурьеву.

Милостивый государь,
Графъ Дмитрій Александровичъ!

Желая избѣгать случаевъ, въ которыхъ объявленія официальные не могутъ быть приятными, я имѣю согласіе вашего сіятельства на переписку партикулярную, и симъ пользуясь, прошу покорнѣйше взглянуть на сообщеніе, писанное ко мнѣ отъ 3-го марта. Ваше сіятельство изволите увидѣть, что можно было избавить меня отъ заключающагося въ концѣ вопроса. Вы, конечно, не сдѣлали бы такового, еслибы хотя минуту остановили вниманіе ваше на томъ, что провинцію Шекинскую присоединилъ я къ управленію нашему, принявъ на себя исполненіе въ пользу нашу дарованнаго хаву трактата, ясно представляющаго наследственное онымъ владѣніе, тогда какъ провинція сія приносить болѣе полумилліона доходу, а сдѣланныя мною издержки не составляютъ и десятой доли оного. Сверхъ того, онѣ употреблены на предметы, дѣлающіе честь и достоинство правительству, ибо уплачены долги законныя, да на содержаніе фамиліи умершаго владѣтеля.

Я не имѣлъ на сіе высочайшаго разрѣшенія, что вамъ не можетъ быть неизвѣстно, и мнѣ, когда нужно было дѣйствовать, затруднительно ожидать оного, единственно для того, чтобы соблюсти установленный порядокъ, который

рыѣ, впрочемъ, на провинцію, вновь ко управленію присоединенную, до прочнаго основанія въ ней устройства, распространиться не можетъ. Передавъ уже разъ сборъ доходовъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ, я не вошелъ ни въ какое распоряженіе оными; но за прежнее до того время и по законамъ, и по собственнымъ правиламъ чести, я ничѣмъ не обязанъ, кромѣ ясной отчетности, и такая отдача правительству. Можетъ-быть, не знакомъ я вашему сіятельству со стороны бережливости, но въ теченіи довольно продолжительной, а иногда и видной, службы, хорошо будучи замѣченнымъ оскорбительны подобныя вопросы, а если сдѣланы съ намѣреніемъ, то и нестерпимы. Вамъ, милостивый государь, въ поступкѣ моемъ, когда я ищу только приличія, угодно видѣть присвоеніе излишней власти. Увѣрьтесь, ваше сіятельство, что я не кичусь воспользоваться ничтожностью.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
вашего сіятельства покорный слуга

А. Ермоловъ.

17-го іюня, 1822 г. Лагерь въ Кабардѣ.

Рескриптъ.

Господину главноуправляющему въ Грузіи.

Указами моими, въ разное время данными, даровано прощеніе и возвращены имѣнія князьямъ и дворянамъ грузинскимъ, участвовавшимъ въ бунтѣ кахетинскомъ.

Но какъ донынѣ не воспользовались еще такимъ сънисхожденіемъ дворяне Телавскаго уѣзда: Заворъ Таріеновъ и Эліозъ Гулбатовъ, то, согласно представленію о томъ вашему, я повелѣваю: распространяя и на нихъ все-милостивѣйшее прощеніе, возвратитъ ихъ имѣнія.

Александръ.

Петергофъ. 22 іюля, 1822 года.

Предписаніе Ермолова.

Предсѣдателю кавказской уголовной палаты Чекалову.

Давно доходить до меня ропотъ несчастныхъ, коихъ дѣла поступаютъ на сужденіе уголовной палаты, и слухъ насчетъ

васъ не дѣлаеть вамъ чести. Готовъ я вѣрить, что, безопасны будучи отъ явныхъ изобличеній, вы слуховъ сихъ не устраситесь; но глазъ общій, извѣстныя многимъ нѣкоторыя дѣла, поступки ваши окажутся правдоподобными, и могутъ быть свидѣствія для васъ невыгодны.

По обязанности званія моего и собственно для огражденія себя отъ справедливаго упрека, что виновнымъ свихожденіемъ даю поводъ распространяться злоупотребленіямъ, я убѣждаю васъ, милостивый государь, оставить занимаемое вами мѣсто, и оставить его безъ замедленія; бесполезны въ семъ случаѣ объясненія, и я письмо сіе провождая къ вамъ чрезъ г. областного начальника, поручилъ ему дать мнѣ знать, если по полученію оного къ первой почтѣ не изволите представить просьбы объ увольненіи васъ отъ должности; не скрою отъ васъ, милостивый государь, что буду я просить государя императора объ удаленіи васъ, и долженъ буду, съ обыкновеннымъ упованіемъ моимъ на правосудіе его, объявить побуждающія меня къ тому причины.

23 апрѣля, 1823 г.

Рескрипты.

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

I.

Видя изъ донесенія вашего отъ 30 минуваго іюля, что вы благоразумными своими распоряженіями и сбереженіемъ остатковъ отъ прошлыхъ годовъ, сокращаете весьма значительную сумму изъ сѣтны на будущій 1824 годъ, по продовольствію войскъ вѣрвнаго вамъ корпуса, я принимаю сіе новымъ доказательствомъ отличнаго вашего усердія къ службѣ и попеченія о пользѣ государственной, за что изъявляю вамъ мою признательность, поручая объявить равномѣрно мое удовольствіе и подчиненнымъ вашимъ, кои трудятся и усердствуютъ по сбереженіямъ въ продовольствіи.

Впрочемъ, пребываю къ вамъ всегда благосклоннымъ

Александръ.

Въ Черновицахъ. 26 сентября, 1823 года.

II.

Алексѣй Петровичъ! Съ истиннымъ удовольствіемъ читалъ я донесеніе ваше изъ Дагестана отъ 25 января. Мнѣ весьма пріятно было видѣть изъ оного счастливое во всѣхъ отношеніяхъ окончаніе предпріятія вашего къ возстановленію спокойствія, нарушеннаго въ томъ краю мятежаствующими горскими народами; но особенную мою благодарность заслуживаютъ благоразумныя мѣры кротости, принятыя вами для достиженія сей цѣли. Онѣ совершенно соотвѣтствуютъ намѣреніямъ моимъ; почитая жителей Дагестана вмѣстѣ и обитателями части Россійской Имперіи, я всегда съ крайнимъ сожалѣніемъ принималъ извѣстія объ употребленіи силы оружія къ обузданію ихъ своеволія; тѣмъ болѣе остаюсь довольнымъ настоящимъ укрощеніемъ ихъ, безъ всякаго кровопролитія въ дѣйствиіе приведеннымъ, за что, повторяя вамъ благодарность мою, пребываю навсегда къ вамъ благосклоннымъ

Александръ

С.-Петербургъ. Февраля 15, 1824 года.

III.

Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ я донесеніе ваше отъ 22 прошедшаго іюля. Сохраненіе по вѣренному вамъ корпусу отъ нынѣшняго года къ будущему продовольственной суммы до двухъ милліоновъ рублей ассигнаціями, относя единственно къ неутомимымъ трудамъ и благоразумнымъ распоряженіямъ вашимъ къ пользѣ государственной, и оставаясь въ полной увѣренности, что вы всегда будете соединять оное съ отличною вашею службою, пребываю навсегда къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ Перми. Октября 2 дня, 1824 года.

IV.

Алексѣй Петровичъ! По причинамъ весьма уважительнымъ, о коихъ вы доноситѣ мнѣ въ рапортѣ своемъ отъ 6 минушаго сентября, я разрѣшаю вамъ, согласно съ пред-

ставленіемъ вашимъ, перевезть нынѣ же изъ Георгіевска всѣ областныя присутственныя мѣста въ Ставрополь, и помѣщая оныя тамъ въ наемныхъ домахъ, пока будутъ построены для нихъ новыя зданія, употреблѣть на сей предметъ изчисленную вами сумму, до десяти тысячъ рублей въ годъ, на счетъ экстраординарныхъ суммъ. Впрочемъ, пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ Перми. 2 октября, 1824 года.

Письмо Ермолова къ Полковнику Б.....ву *.

Милостивый государь!

Мнѣ надобно было пройти чрезъ всю Кабарду, чтобъ удостовѣриться, до какой степени простиралось неблаго-разумное поведеніе ваше. Здѣсь же я узналъ, до какой степени простиралась и подлая трусость ваша, когда, догнавъ шайку разбойниковъ, уже утомленную разбоемъ и обремененную добычей, вы не смѣли напасть на нее. Слышны были голоса нашихъ, просящихъ о помощи, но васъ заглушила подлая трусость; рвались подчиненные ваши освободить своихъ соотечественниковъ, но вы удержали ихъ. Изъ мыслей ихъ нельзя изгнать, что вы были или подлый трусъ, или измѣнникъ. И съ тѣмъ, и съ другимъ титуломъ нельзя оставаться между людьми, имѣющими право гнушаться вами и съ трудомъ удерживающимися отъ изъясненія достойнаго къ вамъ презрѣнія, а потому я прошу васъ успокоить ихъ поспѣшнымъ отъѣздомъ въ Россію. Я принялъ мѣры, чтобы, проѣзжая село Солдатское, вы не были осрамлены оставшимися жителями; конечно, я это сдѣлалъ не для спасенія труса, но сохраняя нѣкоторое уваженіе къ носимому вами чину.

Примите увѣреніе въ томъ почтеніи, которое только вы заслуживать можете.

Ермоловъ.

Два рапорта императору Александру Павловичу **

I.

По высочайшей конfirmaціи вашего императорскаго величества, служившіе въ бывшемъ составѣ лейбъ-гвардіи

* Это письмо относится къ происшествію, упомянутому въ *Дневникѣ* Ермолова подъ 18 сентября 1824 г.

** Подъ первымъ изъ этихъ рапортовъ не выставлено числа въ *Чтеніяхъ*, подъ вторымъ выставлено ошибочное.

Семеновскаго полка и лишенные чиновъ и орденовъ, и изъ полковниковъ Ермолаевъ, изъ майоровъ князь Щербатовъ, тотчасъ по доставленіи ко мнѣ, опредѣлены на службу 41 егерскаго полка въ батальионъ, дѣйствовавшій противъ возмущившихся Чеченцевъ.

Менѣе нежели черезъ два часа по доставленіи ихъ съ малою частію войскъ дѣлать долженъ я былъ обзоръ, и уже видѣлъ я ихъ подъ ружьемъ. Послѣ сего, во все продолженіе экспедиціи протавъ Чеченцевъ, въ каждомъ дѣйствиіи они были впереди, не уступая ни одному изъ солдатъ ни въ трудахъ, ни въ опасностяхъ.

Не вырывается у нихъ ни одна жалоба на ихъ состояніе, и я всякій разъ вижу съ уваженіемъ похвальное повиновеніе ихъ къ власти, надежду твердую на великодушіе милосердаго государя.

Ничего не дерзаю я испрашивать для нихъ, но столько же, какъ и я, знаютъ они, что не безконеченъ гнѣвъ великаго государя.

II.

Объ отличной службѣ и усердіи рядоваго Литинскаго, свидѣтельствуютъ всѣ начальники, и я самъ, въ продолженіи 10 мѣсяцевъ, престарѣлаго сего человека видѣлъ въ трудахъ наравнѣ съ солдатами, въ сраженіи во всѣхъ случаяхъ впереди съ храбрѣйшими. Для загаженія вины я позволилъ ему быть съ другими войсками, когда рота коей онъ принадлежитъ, оставалась безъ дѣйствія.

Дерзаю думать, что государь въ великодушіи своемъ проститъ прежнее преступленіе его. Служить далѣе по дряхлости не способенъ. Не смѣю испрашивать ему при увольненіи прежняго 8 класса, но столь же не смѣю полагать предѣла милосердію императора.

С. Червляяское. 1826 г. (?) мая 30.

Рескрипты.

I.

Алексѣй Петровичъ! Съ прискорбіемъ получилъ я донесеніе ваше отъ 30-го прошлаго іюля о случившихся въ Чечнѣ при Амиръ-Аджи-Юртъ и въ Аксаѣ неприятныхъ происшествіяхъ.

Раздѣляя мнѣніе ваше, что причиною несчастія въ первомъ мѣстѣ была оплошность командовавшаго капитана Осипова, и что смерть генераль-лейтенанта Лисаневича послѣдовала отъ собственной его неосмотрительности, допустивъ на подобный переговоры людей несовершенно обезоруженныхъ, не могу, однакожь, согласиться, чтобы сей генераль былъ совершенно неспособенъ къ командованію, ибо, доказавъ въ продолженіи долговременной службы многократные опыты своего усердія, онъ и въ настоящемъ случаѣ первоначально успѣлъ удачнымъ дѣйствіемъ арсѣять превосходныя силы непріятели, и тѣмъ освободилъ укрѣпленіе Гарзели-ауль.

Какъ по послѣднему строевому рапорту считается войскъ въ краю, вамъ ввѣренномъ, болѣе 60 тысячъ,—число, каковаго тамъ въ прежнія времена никогда не бывало, то я полагаю и надѣюсь, что сихъ способовъ, при вашемъ благоразуміи, искусствѣ и испытанной дѣятельности, весьма достаточно будетъ, чтобы потушить возникающій мятежъ и возстановить прежнее спокойствіе и порядокъ.

На мѣсто покойнаго генераль-лейтенанта Лисаневича, сходно представленію вашему, я соглашаюсь назначить командира 3 бригады 22 пѣхотной дивизіи, генераль-майора князя Горчакова, командующимъ оною 22 пѣхотною дивизіей и исправляющимъ должность кавказскаго областного начальника, бывши увѣренъ сколько по извѣстнымъ его достоинствамъ, а вапаче по отличному вашему объ немъ свидѣтельству, что, подъ распоряженіемъ вашимъ, онъ оправдываетъ сей выборъ принятіемъ благоразумныхъ мѣръ противу мятежниковъ и кроткимъ обращеніемъ съ мирными народами, устраивая строгимъ образомъ всякіе случаи, могущіе оскорбить тѣхъ, кои не изобличены во враждѣ.

На мѣсто же убитаго генераль-майора Грекова, предоставляю вамъ избрать командующимъ бригадою одного изъ отличнѣйшихъ полковыхъ командировъ ввѣреннаго вамъ корпуса, по собственному усмотрѣнію вашему способности и благонадежности.

Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ

— Александръ.

Въ Царскомъ Селѣ. 18 августа 1825 года.

II.

Алексѣй Петровичъ! Содержаніе письма вашего ко мнѣ отъ 12 іюля и отношеній вашихъ того же числа къ графу

Нессельроду, которыя оны докладывалъ мнѣ, поставили меня въ необходимость войти въ нѣкоторыя разсужденія по предмету, въ нихъ заключающемуся.

Препорученіе, данное вами г. Мазаровичу, я совершенно одобряю. Оно согласно съ миролюбивыми моими видами и общимъ ходомъ нашей политики. Личныя объясненія съ шахомъ о предполагаемомъ разграниченіи, вслѣдствіе данныхъ вами наставленій, будутъ персидскому правительству новымъ доказательствомъ, сколь искренно мы желаемъ утвердить дружескія съ нимъ связи и отклонить всѣ возможныя поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ.

Отдавая полную справедливость усердію вашему къ пользамъ отечества, и уважая мнѣнія ваши одѣлахъ службы, я не могу, однакожь, раздѣлять опасеній вашихъ насчетъ военныхъ замысловъ Персіянъ противъ Россіи. Быть-можетъ, что еще встрѣтится много затрудненій въ переговорахъ съ министрами шаха и Аббасъ-мирзы, быть-можетъ что они пребудутъ неуклончивы и долго еще не согласятся уступить то, чего мы, по увѣреніямъ ихъ, не имѣемъ права требовать, на основаніи точныхъ словъ гюлистанскаго трактата. Но изъ сего трудно заключить, чтобъ они рѣшительно заготовились къ нападенію и хотѣли силою овладѣть уступленными и присоединенными къ Грузіи областями. До сихъ поръ мы не видали въ персидскомъ правительствѣ признаковъ подобнаго ослѣпленія, ни въ шаховоинственнаго духа, напротивъ того, всѣ дошедшія до насъ извѣстія и самыя донесенія нашего повѣреннаго въ дѣлахъ свидѣтельствуютъ о его склонности къ миру. Въ такомъ выхъ мысляхъ утверждаетъ меня и послѣднее письмо Мирзы-Абуиль (?) Гассанъ-Хана, съ коего посланецъ доставитъ вамъ графъ Нессельродъ, равно какъ и съ его отвѣта, мною одобреннаго.

По симъ причинамъ я не могу предполагать въ шахѣ намѣренія дѣйствовать наступательно противъ Россіи, и ожидаю отъ Персіи, если не искренней дружбы, то, по крайней мѣрѣ, соблюденія мира.

Съ другой стороны, происшествія на Кубани, и въ особенности случившіяся въ Чечнѣ, неприятыя послѣдствія общаго въ той странѣ возмущенія, о коихъ вы донесли мнѣ отъ 30 Іюля, дѣлаютъ всякое наступательное движеніе противъ Персіи весьма неумѣстнымъ. Намъ нужно прежде возстановить въ собственныхъ нашихъ владѣніяхъ спокойствіе и порядокъ; нужно стараться истребить возмущеніе рѣшительнымъ дѣйствіемъ, для наказанія тѣхъ изъ возмутителей, кои покажутъ себя упорнѣйшими, а увлеченныхъ.

но готовыхъ къ покорности, привести къ повиновенію мѣрами кротости. На каковой конецъ войска будутъ съ пользою употреблены въ своихъ границахъ.

Итакъ, съ нашей стороны нужно принять непремѣннымъ правиломъ охраненіе существующаго съ Персіей мира. Все дѣйствія ваши должны быть устремлены къ сей главной и полезной цѣли, и я желаю, чтобы вѣрныя надзору вашему сношенія съ Персіей были соотвѣтственно тому учреждены.

Пребываю, впрочемъ, вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. Августа 31-го дня, 1825 года.

Письмо Ермолова къ правящему должность
астраханскаго губернатора.

(Собственноручно.)

Милостивый государь,
Владиміръ Савичъ!

По увѣдомленію вашему и подтверждающимся отовсюду слухамъ, нѣтъ сомнѣнія, что императоръ изволитъ посѣтить Астрахань.

Официально писалъ я къ вамъ о всемъ что касается до службы; теперь скажу мнѣніе мое о томъ, что не мѣшало бы сдѣлать, дабы могъ государь найти нѣкоторое удовольствие во время отдохновенія отъ трудовъ.

Не удивимъ баломъ государя, мы, живущіе въ сторонѣ азіатской, и по малочисленности общества и по невозможности достать того, что можетъ сдѣлать праздникъ блистательнымъ, а потому прилично было бы изобрѣсти такой праздникъ или собраніе, чтобы въ немъ участвовали все лучшія или извѣстныя лица разныхъ народовъ, во множествѣ обитающихъ въ Астрахани.

Весьма жаль, что у многихъ изъ нихъ не въ обыкновеній показывать женъ своихъ, и въ такомъ случаѣ надобно, чтобы были женщины наши и тѣ, которыя бывають въ обществѣ изъ иностранныхъ. Думаю, что въ числѣ сихъ послѣднихъ будутъ однѣ Армянки.

Государю пріятно будетъ видѣть купечество всѣхъ націй, а съ ними можно соединять и главныя лица священнослужителей иноземныхъ народовъ.

Конечно, не пробудеть государь тамъ долго, чтобы

нельзя занять было всего времени, и потому пишу я къ господину Сапожникову, чтобы сдѣланъ былъ завтракъ, гдѣ бы было все наше купечество и ивоземное.

Разумѣется, что при томъ должны быть знатнѣйшіе изъ чиновниковъ.

Впрочемъ я увѣренъ, что вы, милостивый государь, сдѣлать изволите все то, что можетъ быть пріятнымъ императору, и лучше то знаете, нежели я, простой солдатъ, чуждый всѣхъ праздниковъ.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ милостиваго государя покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

21 сентября 1825 г., въ лагерь на Терекъ.

Рескриптъ.

Алексѣй Петровичъ! Получивъ донесенія ваши отъ 20-го мая, отъ 9-го и 23-го юня, о сдѣланныхъ поискахъ во владѣніяхъ Закубанцевъ и объ истребленіи генераль-майоромъ Власовымъ нѣсколькихъ ауловъ, а полковникомъ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ одного селенія, въ коемъ было до 300 домовъ, я не могу перемѣнить объявленное вамъ прежде убѣжденіе мое, что подобныя поиски и истребленіе селеній, коихъ жители не изобличены въ дѣйствительномъ участіи при нападеніи на подданныхъ или союзниковъ нашихъ, не усмиряютъ ихъ, но по духу сего народа, склоннаго и обычаями и законами ко мщенію за обиды, ведутъ только къ большому его противу насъ ожесточенію. Почему, повторяю вамъ желаніе мое, чтобы поиски въ земляхъ сосѣдственныхъ намъ народовъ были дѣланы только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, какъ-то: для избавленія плѣнныхъ подданныхъ нашихъ, или союзниковъ, еслибы таковыя увлечены были по какой-либо оплошности, или недостаточной осмотрительности по военной нашей линіи, или же въ такомъ разѣ, когда вѣрныя извѣстія о сборѣ и намѣреніи разбойничьихъ шаекъ напасть на границы наши представлятъ полезнымъ дѣломъ предупредить и разогнать ихъ сборища. Но и въ сихъ случаяхъ, кои могутъ быть рѣдки, я желаю, чтобы вы внушили войскамъ и въ особенности начальникамъ, подъ строжайшею ихъ отвѣтственностію, чтобы всѣ дѣйствія были соображаемы болѣе съ видами существенной пользы и мими на то поведѣніями, и что истинная военная храбрость уважается и отличается только тогда, когда она употреблена

противу вооруженнаго непріятеля, и соединена съ тою необходимою воинскою дисциплиною, которая въ минуту побѣды въ состояніи пощадить побѣжденнаго, и остановить всякое мщеніе надъ безоружными, надъ женами и дѣтьми, столь нетерпимое въ побѣдосныхъ россійскихъ войскахъ и помрачающее всякую славу побѣдителей. Сіе самое оставиваетъ меня и въ испрашиваемомъ вами награжденіи полковника князя Бековича-Черкаскаго орденомъ Св. Георгія; ибо если распоряженіе его къ первоначальному нападенію на непріятельское селеніе и овладѣнію онымъ безъ потери заслуживаетъ одобренія, то съ другой стороны, онъ теряетъ право на награду тѣмъ, что благоразумно начатое было окончено совершеннымъ истребленіемъ болѣе 300 семействъ, изъ коихъ, конечно, большая часть была женщинъ и дѣтей, невинныхъ и вѣрно не участвовавшихъ въ защитѣ, еслибы даже нѣкоторые жители, при должномъ обществѣ пощады, и могли быть увлечены упорнѣйшими къ оборонѣ. Умнѣе удержать подчиненныхъ въ должномъ повиновеніи при побѣдѣ, равно какъ и въ несчастіи, есть изъ первыхъ достоинствъ военнаго начальника, и я не намѣренъ награждать тѣхъ, кои не дѣйствуютъ въ семъ важномъ случаѣ во всей точности моихъ повелѣній.

Пребываю къ вамъ благожелательнымъ

Александръ.

Въ Таганрогѣ. Сентября 29 дня, 1825 года.

Предписаніе Ермолова.

Господину правящему должность астраханскаго гражданскаго губернатора.

Въ разрѣшеніе рапорта вашего высочородія, отъ 29-го сентября № 4577, симъ поспѣшаю васъ увѣдомить, что въ разсужденіи встрѣчи государя императора, при посѣщеніи его величествомъ города Астрахани, всеконечно должны вы соображаться съ высочайшею волею, которая о семъ вамъ объявлена будетъ.

Если же вы по сему предмету не получите никакого предварительнаго повелѣнія, то встрѣтить его величество должны вы будете на границѣ губерніи.

Генераль Ермоловъ.

1 октября 1825 г. № 25. Амиръ-Аджи-Юртъ.

Письмо Ермолова къ правящему должность астраханскаго губернатора.

Милостивый государь,
Владиміръ Савичъ!

Изъ письма вашего, отъ 27 сентября, крайне пріятно для меня было видѣть вѣрноподданническое усердіе, съ коимъ всѣ сословія жителей города Астрахани готовятся встрѣтить достойнымъ образомъ государя императора, въ случаѣ если его величеству благоугодно будетъ удостоить городъ сей своимъ посѣщеніемъ.

Жаль будетъ, если по краткости времени пребываніе императора, какъ то и предполагать должно, невозможно будетъ привести къ исполненію всѣхъ празднествъ, которыя предназначаются. Впрочемъ, конечно, вы не оставите распорядиться такимъ образомъ, дабы и въ сіе короткое время всѣ состоянія городскихъ жителей были участниками въ изъявленіи общей радости, ощущаемой ими при лицезрѣніи всѣми обожаемаго монарха.

Благодаря васъ, съ своей стороны, за попеченія ваши по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые, въ случаѣ прибытія его величества въ Астрахань, должны обратить его вниманіе, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

Октября 1825 г. Амиръ-Аджи-Юрть.

Предписанія Ермолова.

I.

Господину правящему должность астраханскаго губернатора.

Изъ донесеній вашего высокородія, отъ 24 и 30 ноября, №№ 5589 и 5652, пріятно мнѣ было видѣть дѣятельныя мѣры, вами принятыя къ прекращенію безпокойствъ, возникшихъ было въ Яндыковскомъ улузѣ, и благоразумныя распоряженія, учиненныя вами къ предупрежденію оныхъ на будущее время.

Въ обязанность себѣ поставляя изъявить вамъ за сіе истинную мою благодарность, я остаюсь въ полной увѣренности, что попечительностію вашею, при содѣйствіи

нынѣ прибывшаго г. главнаго пристава Калмыцкаго народа, будутъ водворены, какъ въ семь улусѣ, такъ и во всѣхъ прочихъ, прочный порядокъ и устройство.

Генераль Ермоловъ.

№ 184. 8 декабря 1825 г. Екатериноградъ.

II.

Господину правящему должность астраханскаго гражданскаго губернатора.

Признавая весьма основательными всѣ распоряженія вашего высочородія, изъясняемая въ рапортѣ отъ 7 сентября № 4111, относительно приведенія въ порядокъ Яндыковскаго улуса, въ разсужденіи тѣхъ предметовъ, по коимъ вы требуете моего разрѣшенія, симъ васъ увѣдомляю: 1) подвластный владѣлецъ Надमितъ-Зайсангъ-Батырь-Амуръ долженъ быть непременно обращенъ въ совладѣнне, ибо иначе дакъ бы былъ поводъ къ своевольнымъ откочевкамъ и другимъ зайсангамъ, и 2) зайсанга сего, равно Габжу-Гелена, по моему мнѣнію, весьма бы полезно было, пока Яндыковский улусъ успокоится совершенно, въ предупрежденіе могущихъ произойти отъ внушенія ихъ новыхъ раздоровъ, удержать въ Астрахани.

Генераль Ермоловъ.

№ 185. 8 декабря 1825 г. Екатериноградъ.

Замѣчанія Д. В. Давыдова, относящіяся къ періоду управления Грузіей Алексѣя Петровича Ермолова.

Не смотря на то, что Ермоловъ прибылъ въ Тегеранъ послѣ обѣщанія, даннаго государемъ персидскимъ посланъ, возвратитъ нѣкоторыя присоединенныя къ намъ области, онъ выказалъ при этомъ случаѣ такъ много искусства и энергіи, что шахъ отказался отъ своихъ требованій. Въ случаѣ несогласія шаха, Ермоловъ, не могшій поддержать своихъ представленій войскомъ, котораго въ то время не было подъ рукой, что было не безызвѣстно Персіанамъ, нашелся бы вынужденнымъ уступить. Не смотря на то что всемогущій въ то время Аббасъ-Мирза нисколько не скрывалъ своихъ къ намъ непріязненныхъ чувствъ, Ермоловъ успѣлъ склонить шаха къ уступкамъ. Ермоловъ, всегда выказывавшій большое уваженіе къ обычаямъ народовъ, съ коими ему приходилось дѣйствовать, внушилъ Персіанамъ высокое къ Русскимъ уваженіе, какимъ они даже не

пользовались въ послѣдствіи, послѣ нашихъ успѣховъ надъ ними. Мнѣ говорилъ одинъ значительный персидскій савонникъ, что своевременная присылка войскъ въ Грузію предупредила бы войну съ Персіянами, коихъ самонадѣянность постоянно возрастала въ слѣдствіе убѣжденія, что мы къ ней не готовы, и что мы можемъ противопоставить ихъ полчищамъ лишь ничтожныя силы.

Извѣстно, что къ Мазаровичу явился однажды Армянинъ, нѣкогда захваченный Персіянами въ плѣнъ; хотя этотъ евнухъ былъ помощникомъ Манучаръ-хана, хранителя сокровищъ и любимца шаха, но онъ обратился къ Мазаровичу съ просьбой похотѣтайствовать ему позволеніе возвратиться къ намъ въ Грузію. Такъ какъ это могло дать поводъ къ различнымъ обвиненіямъ, потому что, въ случаѣ пропажи чего-либо наше посольство и Армянинъ были бы подозрѣваемы въ похищеніи шахскихъ сокровищъ, то Ермоловъ совѣтовалъ Мазаровичу убѣдить Армянина отказаться отъ своего намѣренія; такимъ образомъ удалось предупредить большія непріятности.

Возвратившись изъ Персіи, Ермоловъ занялся устройствомъ края; его попеченіями была улучшена, при всевозможномъ соблюденіи казеннаго интереса, военно-грузинская дорога, созданы Имеретинская и Кахетинская линіи, и положено основаніе Сунженской. Придвинувъ правый флангъ къ предгоріямъ Кавказа, онъ воздвигъ укрѣпленія у подошвы горъ и переселилъ сюда казаковъ, которые жили до того времени между Георгіевскимъ и Черноморьемъ. До 1820 г. въ Черноморіи, зависѣвшей отъ герцога Ршелье и премьера его графа Ланжерона, устроены были конные заводы, для которыхъ покупались богатые англійскія заводскія лошади, существовалъ огромный штатъ конюховъ и возведены были племянникомъ Ршелье флигель-адъютантомъ Roche-Chouage нѣсколько малыхъ крѣпостей въ болотахъ. Ермоловъ, уничтоживъ бесполезныя и крайне дорогіе конные заводы и упразднивъ все ненужное, распустилъ конюховъ; имъ были возведены укрѣпленія: Грозная, Внезапная, Бурная, и создана столица Тифлисъ тамъ, гдѣ были лишь кучи саклей и два караванъ-сарая. Шелководство и винодѣліе были также предметами его особенной заботливости; не согласившись на просьбу иностранца Кастелла, требовавшего большую сумму для выписыванія изъ Франны женщннъ, привыкшихъ разматывать шелкъ, онъ приказалъ заняться этимъ солдатскимъ женамъ, подъ наблюденіемъ корпуснаго дежурнаго штабъ-офицера; онъ былъ объявъ,

приложивъ печать къ моткамъ, пересылать ихъ въ мѣсто нахождения Ермолова. Когда въ послѣдствіи выданы были Кастелль, по приказанію графа Паскевича, 8.000 рублей бумажками, онъ бѣжалъ за границу. Желая также приучить туземцевъ къ подражанію нѣмецкому хозяйству, онъ водворилъ нѣмецкія колоніи.

Ермоловъ былъ человекъ такой, какой былъ необходимъ для Кавказа. Смирная желѣзною рукой дикихъ хищниковъ, онъ мудрою справедливостью привлекалъ различные народы къ признанію надъ собою власти нашего государя. Его продолжительному и славному управленію обязанъ былъ Кавказъ своимъ устройствомъ, спокойствіемъ и безопасностью; не взирая на большіе расходы, не проходило года, чтобы Ермоловъ не представлялъ одинъ или два милліона экономіи. Тифлисскій госпиталь и коммиссаріатскія зданія были имъ построены на счетъ суммъ, оставшихся послѣ его посольства въ Персію, и которыя онъ имѣлъ право оставить у себя. (Все мною сказанное основано на официальныхъ документахъ; я могу даже присовокупить, что бережливость Ермолова въ отношеніи къ казеннымъ деньгамъ, была часто весьма тягостна для его подчиненныхъ.) Грозный для враговъ и ослушниковъ своихъ велѣній, Алексѣй Петровичъ, будучи постоянно весьма привѣтливъ относительно своихъ подчиненныхъ, позволялъ себѣ во время похода короткое съ ними обращеніе; но кажущаяся фамиллярность этого энергическаго человека не была въ состояніи поколебать дисциплины, столь необходимой въ военномъ сословіи. Онъ атимъ путемъ ознакомился со всѣми почти офицерами своего корпуса, и когда до его свѣдѣнія доходило, что полезный офицеръ на мѣревался оставить службу, онъ не почиталъ для себя униженіемъ или слабостью, письменно просить его отказаться отъ того. Мы большею частью видимъ, что начальники, щедро разсыпающіе вокругъ себя награды, болѣе любимы своими подчиненными. Алексѣй Петровичъ приобрѣлъ всеобщую любовь совершенно инымъ путемъ: онъ награждалъ офицеровъ лишь послѣ нѣсколькихъ отличій, а потому всякая награда, полученная по его ходатайству, цѣнилась весьма высоко. Жестокое, повидимому, обращеніе его съ туземцами было лишь слѣдствіемъ необходимости и глубокаго пониманія духа и характера народа, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло. (Хотя плодами его грозной и энергической военной системы было обузданіе горцевъ, но ему не удалось, однако, вполне возбранить одинокимъ наѣзникамъ вторгаться въ наши

предѣлы. При всемъ томъ, хищническіе набѣги, кои имѣли всегда мѣсто даже при знаменитомъ князѣ Циціановѣ, сумасбродномъ графѣ Гудовичѣ, благородномъ и изящно одѣтомъ Тормасовѣ и слабомъ Ртищевѣ, значительно уменьшились. Никто, даже пастырскія увѣщанія К. Г., не были въ силахъ обратить къ мирной жизни отважныхъ всадниковъ, алчущихъ лишь добычи, и у коихъ разбой введены на степень добродѣтели.) Приведа однажды въ трепетъ непокорныхъ горцевъ, онъ могъ въ послѣдствіи лишь изрѣдка прибѣгать къ мѣрамъ строгости. (Весьма замѣчательно то, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, вопреки увѣреніямъ многочисленныхъ его недоброжелателей, весьма рѣдко наказывалъ виновныхъ въ послѣдніе годы своего командованія; эта система прямо противоположна образу дѣйствій многихъ филантроповъ, кои, начиная баловствомъ, находятя вскорѣ вынужденными слыхкомъ часто обращаться къ мѣрамъ строгости, которыя уже не могутъ оказывать желаемого дѣйствія.) Онъ зналъ, что одна строгость безсилна, если ея не сопровождаютъ—неуклонное правосудіе и безкорыстіе. Эти качества, идя рука объ руку, обильны по своимъ послѣдствіямъ;—вотъ истинная причина того благоговѣнія и необычайной преданности, цитаемыхъ къ нему жителями края. Народы Азіи, еще не знакомые съ филантропическимъ возрѣніемъ Европейцевъ, уважаютъ лишь начальника, умѣющаго сочетать строгость съ справедливостію; отсутствіе строгости почитается ими лишь признакомъ слабости. Весьма часто, когда Ермолову не хотѣлось карать незначительныхъ преступниковъ, онъ заблаговременно предупреждалъ о томъ своего неразлучнаго и вѣрнаго начальника штаба, Алексѣя Александровича Вельяминова *, чтобъ онъ о нихъ ходатайствовалъ; уступая повиди-

* А. А. Вельяминовъ, имя котораго займетъ, безъ сомнѣнія, блестящую страницу въ кавказскихъ военныхъ лѣтописяхъ, и слыхкомъ рано покинутый смертію для пользы и благоденствія Кавказа и славы нашего оружія, обращалъ на себя справедливое вниманіе своими замѣчательными способностями, рѣдкою самостоятельностью въ характерѣ, необыкновенно вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, обширными свѣдѣніями и умѣнемъ превосходно излагать на бумагѣ свои мысли. Вельяминовъ, будучи еще штабсъ-капитаномъ 1-й гвардейской артиллерійской бригады, обратилъ на себя съ 1811 года вниманіе Ермолова, при которомъ онъ состоялъ въ послѣдствіи въ званіи начальника штаба въ теченіи почти 13 ти лѣтъ. Хотя характеръ его былъ совершенно противоположенъ характеру Ермолова, но эти двѣ личности, превосходно понимавшія другъ друга, выходились постоянно въ самыхъ дружескихъ между собою отношеніяхъ. Вельяминовъ, любившій и почитавшій Ермолова какъ отца, приноравливался, во время продолжительнаго своего при немъ служенія, къ его умѣренному образу жизни ставлявшій самостоятельнымъ начальникомъ Вельяминовъ любившій

тому его убѣжденіямъ, Алексѣй Петровичъ смягчалъ приговоры свои и даже нерѣдко совершенно прощалъ виновныхъ. Вотъ почему слава о его справедливости и безкорыстіи распространилась далеко за предѣлы Грузіи. Правитель дѣлъ Аббасъ-Мирза, нѣкто Мирза-Сале, извѣстный по своему уму, образованію и знанію многихъ языковъ, заказывавшій нѣкогда для Персіи оружіе въ Англіи и Франціи, и потому значительно разбогатѣвшій, навлекъ на себя гнѣвъ принца, который, желая овладѣть всѣмъ его имуществомъ, возмѣрился его умертвить. Мирза-Сале, предупрежденный объ этомъ заблаговременно, бѣжалъ въ Грузію, гдѣ прибѣгнулъ подъ покровительство Ермолова; онъ съ полною довѣренностью передалъ ему на сохраненіе всѣ свои сокровища, въ числѣ коихъ находились богатые подарки отъ короля англійскаго и Лудовика XVIII. Въслѣдствіе требованія Аббаса-Мирзы выдать бѣжавшаго савонника, Ермоловъ совѣтовалъ ему удалиться сперва въ Астрахань, а потомъ далѣе. Въ послѣдствіи, онъ, возвратившись въ свое отечество, сопровождалъ Хозрева-Мирзу въ Петербургъ. Ермоловъ, желая ознаменовать чѣмъ-нибудь свое вступленіе въ командованіе грузинскимъ корпусомъ, исходатайствовалъ у государя прощеніе 40 грузинскимъ князьямъ, сосланнымъ въ Сибирь, въслѣдствіе несправедливыхъ наветовъ генераль-лейтенанта князя Орбелиани. Еще до назначенія Ермолова командиромъ корпуса, открыта была по всей Россіи подписка для собранія суммы, необходимой для выкупа взятаго близъ Кизляра въ плѣнъ храброго въ послѣдствіи командира Куринскаго полка,

давать всему тому что онъ ни предпринималъ огромные размѣры, сдѣлался крайне расточителемъ въ отношеніи къ собственному своему столу; такъ, напримѣръ, во всемъ, что онъ ни покупалъ или заказывалъ, онъ бралъ за единицу дюжину. Ермоловъ шилъ въ немъ и нѣкоторыхъ другихъ генералахъ и штабъ-офицерахъ превосходныхъ сотрудниковъ. Въ числѣ генераловъ находился и доблестный казачій атаманъ полка Донскаго Власовъ, прославившійся на Кавказѣ знаменитою побѣдой надъ Закубанцами; Ермоловъ, отдававшій всегда полную справедливость его рѣдкимъ военнымъ и гражданскимъ достоинствамъ, но знавшій любовь его къ крайне дикимъ донесеніямъ, былъ однажды вынужденъ просить его „воздержаться отъ страсти къ многописанію“. Отправивъ къ нему листъ бумаги, обрѣзанный форменнымъ образомъ, онъ просилъ его не выходить изъ этого предѣла; хотя донесенія Власова умѣщались послѣ того лишь на одномъ форменномъ листѣ бумаги, но къ этимъ листамъ привязывалась снизу довольно толстая тетрадь съ подробнѣйшимъ изложеніемъ всего хода дѣлъ. Между гражданскими чиновниками канцеляріи Ермолова, число коихъ нѣкогда не превосходило девянацати, находились также отличныя способности и благонамѣренныя лица.

полковника Швецова. Ермоловъ предписалъ командовавшему войсками на линіи генералу Дельпоццо посадить въ кизлярскую крѣпость всѣхъ окрестныхъ туземныхъ князьковъ, чрезъ земли которыхъ слѣдовали хищники, коимъ они явно содѣйствовали въ плѣненіи этого офицера, и содержать ихъ дотолѣ, пока не будетъ собрана необходимая сумма. Захваченные князья поспѣшно собрали 7000 рублей, вмѣсто требуемыхъ сперва 15.000 руб. Шведовъ былъ скорѣе освобожденъ, а потому приказано было выпустить изъ-подъ ареста и князей. До 1820 года назначалась изъ военнаго министерства сумма для выкупа плѣнныхъ въ Черноморіи, гдѣ до времени Ермолова было строго воспрещено нашимъ войскамъ переходить черезъ Кубань. Захвативъ однажды большое количество плѣнныхъ Чеченцевъ, Ермоловъ выдалъ лучшихъ плѣнницъ замужъ за Имеретянъ, а прочихъ продалъ въ горы по рублю серебромъ. Это навело такой ужасъ на Чеченцевъ и прочихъ горцевъ, что они съ этого времени лишь изрѣдка захватывали нашихъ въ плѣнъ, и то не иначе какъ по одиночкѣ; пользуясь тѣмъ, Ермоловъ предложилъ обратить вышесказанную сумму на другое употребленіе. Въ 1820 годахъ было прислано изъ Ахена на имя Ермолова Высочайшее повелѣніе объ уступленіи Турціи областей, лежащихъ близъ Чернаго моря: онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщенъ, что послу нашему въ Константинополѣ, барону Строганову, было приказано обѣщать султану скорое возвращеніе этихъ земель, жители которыхъ уже обратились въ христіанскую вѣру. Ермоловъ, написавъ государю всеподданнѣйшее письмо, въ коемъ были изложены гибельныя послѣдствія столь несвоевременной уступки, окончилъ его слѣдующими словами: „Если воля В. В. неотвратима, то прошу прислать мнѣ преемника, для приведенія ея въ исполненіе.“ Государь, милостиво оцѣнивъ представленіе Ермолова, тотчасъ повелѣлъ барону Строганову не давать вышесказаннаго обѣщанія; если оно было уже сдѣлано, то присовокупить, что это будетъ приведено въ исполненіе лишь въ томъ случаѣ, когда дружественныя сношенія между Россіей и Турціей не измѣнятся въ теченіи 15 лѣтъ. Ермоловъ, находившійся въ С.-Петербургѣ въ 1821 году, послѣ возвращенія своего изъ Лайбаха, куда онъ былъ вызванъ для начальствованія арміей въ Италіи, отказался отъ высочайше пожалованной ему аренды въ 40.000 рублей бумажками на 12 лѣтъ, въ пользу бѣд-

ныхъ служащихъ, обремененныхъ семействами. Государь, узнавъ о томъ, сказалъ ему: „Хотя я знаю, что у тебя ничего нѣтъ; но я благодарю тебя за твой вполне делкатный и безкорыстный поступокъ.“ Постигивъ однажды Шушу, и увидавъ близъ великолѣпнаго дворца безнравственнаго Мехти-Кули хана Карабахскаго маленькую и некрасивую мечеть, приходившую въ упадокъ, Ермоловъ грозно сказалъ ему: „Я требую, чтобы къ моему будущему прїѣзду, на мѣсто этой развалившейся мечети, была выстроена другая, которая бы соотвѣтствовала великолѣпнѣю вашего дворца.“ Эти слова, сказанныя на татарскомъ языкѣ, произвели чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе на туземное населеніе, которое еще болѣе усилилось, вслѣдствіе построенія самимъ Ермоловымъ мечетей въ нѣкоторыхъ аулахъ. Во время пребыванія барона Дибича въ Тифлисъ, Лезгины взяли въ плѣнъ молодаго офицера, барона Фиркса; узнавъ о томъ, Ермоловъ потребовалъ немедленной его выдачи, грозя въ противномъ случаѣ страшно наказать виновныхъ. Лезгины поспѣшили доставить не только плѣннаго, но и всѣ принадлежашія ему вещи, какъ-то: лошадь и часы. Ермоловъ, не желая потворствовать незаконнымъ дѣйствіямъ многихъ хановъ и продолжать выдачу получаемыхъ ими большихъ содержаній, изгналъ ихъ и замѣнилъ ханскія управленія народными судами. Извѣстившись, въ 1818 году, о набѣгѣ въ наши предѣлы генераль-майора Ахметъ-хана Аварскаго, получавшаго 5000 руб. содержанія, онъ издалъ прокламацію, въ силу которой этотъ ханъ былъ объявленъ измѣнникомъ, съ лишеніемъ чина и содержанія; онъ возбудилъ противъ него, хотя не способнаго, но принадлежавшаго къ ханскому дому Сурхая. Жена Ахметъ-хана, жестокосердая Гейлиге-Буке, злодѣйски умертвившая жену своего, прислала къ Ермолову муллу, съ предложеніемъ отравить мужа за извѣстную сумму; но онъ отвѣчалъ, что жизнь такого презрѣннаго негодяя не стоить ничего. Теща преданнаго намъ шахмала Тарковскаго, значительно содѣйствовавшая къ возстанію Акушинцевъ, коиъ она просила доставить евозможность выпить стаканъ крови своего зятя, была ослана сперва въ Черный Яръ, а потомъ въ Красный Яръ, гдѣ и умерла; владѣтельный князь аула Брагуны, умертвившій самымъ измѣнническимъ образомъ своего отца и брата, былъ сосланъ въ Сибирь. Такъ какъ Уцмей Кайтахскій былъ духовная особа, кото-

рая могла быть намъ опасна, то званіе его было уничтожено. Ермоловымъ были также изгнаны подъ разными предлогами: ханъ Талышинскій, умный, но коварный генераль-лейтенантъ Мустафа-ханъ Ширванскій, котораго нашъ знаменитый атаманъ Платовъ тщетно старался захватить еще въ 1796 году, и беззавѣстный Мехти-Кули ханъ Карабахскій. Учреждены были народные суды, на коихъ собирались представители бековъ и другихъ сословій, подъ предсѣдательствомъ комендантовъ и ихъ адъютантовъ, причѣмъ татарскій подлинникъ сопровождался русскимъ переводомъ. Ермоловъ написалъ, по совѣту майора Якубъ Шардарова, уставъ для Кабардинцевъ, коимъ они руководствуются доселѣ; у нихъ въ судахъ предсѣдательствуетъ эфенди; Ермоловъ, вполне убѣжденный, что миръ между Россіей и сосѣдними восточными государствами не могъ быть продолжителенъ, въ особенности съ Персіей, гдѣ старшій сынъ шаха, умный и расположенный къ намъ Мамадъ-Али-Мирза, родившійся отъ христианки, былъ лишенъ престола въ пользу постоянно враждебнаго намъ Аббасъ-Мирзы, коего мать принадлежала къ фамиліи Каджаръ, старался приобрести себѣ тамъ союзниковъ на случай войны. Онъ потому сблизился съ Мамадъ-Али-Мирзой, который не хотѣлъ добровольно уступить престола брату своему, непризнавшему еще Россіей наследникомъ его. Ермоловъ, не взирая на увѣренія многочисленныхъ его враговъ, утверждавшихъ, что онъ давно искалъ повода къ войнѣ и возбудилъ ее лишь изъ честолюбивыхъ видовъ, избѣгалъ ея однако, сколько было возможно; онъ, напротивъ, совѣтовалъ нетерпѣливому Мамадъ-али-Мирзѣ выждать благоприятнаго времени для явнаго возстанія противъ брата, тѣмъ болѣе что въ силу статьи гюлистанскаго договора, мы были обязаны помогать шаху въ случаѣ междоусобной войны въ Персіи; этотъ принцъ, приносившій даже жалобу въ Петербургъ на Ермолова, который, по его мнѣнію, слишкомъ медлил объявленіемъ Персіи войны, былъ, къ сожалѣнію, скоро отравленъ. Ермоловъ, узнавъ, что турецкій султанъ, подъ предлогомъ смѣны гарнизона въ Трапезунтѣ, посылаетъ войско для наказанія умнаго и самостоятельнаго паша Тутчи-Оглу, рѣшился предупредить его о томъ и тѣмъ приобрести вѣрнаго союзника, на случай войны Россіи съ Турціей. Онъ отправилъ къ нему письмо, наполненное лишь привѣтствіями въ восточномъ вкусѣ, съ довѣренными Армяни-

номъ, бывшимъ некогда дядькой знаменитаго князя Багратіона; ему было приказано изустно извѣстить объ угрожавшей опасности пашу, который принялъ всѣ необходимыя мѣры; двѣ турецкія арміи, потерявъ всѣ свои орудія, были имъ на голову разбиты. Тутчи-Оглу прислалъ, въ свою очередь, послѣ того въ Тифлисъ довѣренное лицо, которое, передавъ Ермолову письмо съ привѣтствіями, сказало ему: „паша обязанъ жизнью своему отцу, но тебѣ гораздо болѣе, а потому разумѣй его какъ самаго преданнаго къ тебѣ человека.“ Онъ былъ, къ несчастью, вскорѣ измѣннически задушенъ. Ермоловъ приобрѣлъ также большое вліяніе въ окрестностяхъ Багдада и Бассоры; двое сыновей пожилой крѣпостной женщины князя Лаурсаба, сдѣлавшись багдадскимъ и бассорскимъ пашами, просили Ермолова препроводить къ нимъ ихъ мать. Ермоловъ, убѣдивъ князя Лаурсаба отпустить на волю эту старуху, приказалъ одѣть ее въ богатые парчевыя платья и передать съ почетомъ посланнымъ, которые вручили значительную сумму ея прежнему владѣльцу. Эти оба паша прислали въ послѣдствіи позволенія перейти въ Россію съ сохраненіемъ своихъ правъ. Отправленный Ермоловымъ въ Хиву Муравьевъ (нынѣ членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ) былъ сперва посаженъ подъ арестъ ханомъ, намѣревающимся предать его жестокой казни, но вслѣдствіе распространеннаго астраханскими Армянами слуха, будто бы Ермоловъ хочетъ мстить Хивинцамъ за истребленіе отряда Бековича еще во время Петра Великаго, его отпустили съ подарками въ Тифлисъ; онъ прибылъ туда въ сопровожденіи двухъ знатныхъ Хивинцевъ, которые оставались тамъ довольно долгое время. Ермоловъ приобрѣлъ также вліяніе въ землѣ Туркменцевъ; владѣтель острова Черекеме, Кіать-ханъ Туркменскій, прислалъ даже сына своего, который поступилъ къ намъ на службу въ Эриванскій полкъ. Всѣ эти случаи, которыми я здѣсь ограничиваюсь, вполне обрисовываютъ характеръ Алексѣя Петровича и свидѣтельствуютъ о степени нравственнаго вліянія его на подчиненныхъ; но главная его заслуга состояла въ неутомимой дѣятельности и умѣньемъ возвышать духъ своихъ подчиненныхъ. Заботы Ермолова о войскѣ, нужды котораго онъ хорошо зналъ, были при мѣрны; неуклонно наблюдая за хорошимъ содержаніемъ войскъ, онъ строго запретилъ изнувать ихъ фронтowymi ученьями и дозволилъ имъ носить вмѣсто касокъ папахи,

а вмѣсто рязцевъ холщевые мѣшки съ сухарями. Это, къ сожалѣнію, подало многимъ поводъ обвинить въ либеральномъ образѣ мыслей Ермолова, явно, по ихъ мнѣнію, бадовавшаго войска, въ коихъ чрезъ то будто бы обнаружилась упадокъ дисциплины, и осмѣливагося постоянно нарушать установленныя формы и правила службы. Лучшимъ опроверженіемъ тому служатъ слова барона Дибича генералу Сабанѣеву, по возвращеніи своемъ изъ Грузіи: „Я нашелъ тамъ войска, одушевленныя духомъ екатериинскимъ и суворовскимъ,“ и наши успѣхи въ войнахъ съ Персіянами и Турками. Прослуживъ въ теченіи 25 лѣтъ и участвовавъ во многихъ кампаніяхъ, я, положи руку на сердце, могу по истинѣ сказать, что я не видалъ въ нашихъ войскахъ такого рвенія и мужества, какими были одушевлены кавказскіе солдаты. Слова: *ребята! по-сходь!* возбуждали въ каждомъ какую-то ребяческую радость. Никогда наша конница не могла догнать пѣхоты, дѣлавшей по 50 верстѣ въ сутки, въ особенности когда ея предводительствовалъ самъ Ермоловъ: ни заоблачныя выси, ни дикія ущелья, ничто не могло остановить ея гигантскихъ шаговъ. Ермоловъ, убѣжденный въ неизбежности близкой войны съ Персіянами и желая упрочить спокойствіе и порядокъ между невѣжественными и фанатическими жителями Дагестана, прибылъ сюда въ 1823 году. Омъ провелъ въ аулѣ Казаници всю зиму съ 1823 на 1824 годъ, гдѣ имѣлъ при посредничествѣ умнаго и вполне преданнаго намъ шахмаала Тарковского ночныя свиданія съ Саидомъ-эффенди, ученымъ наставникомъ значительнѣйшихъ туземныхъ муллъ, пользовавшимся въ горахъ огромнымъ влияніемъ. Во время этихъ свиданій, о коихъ не знали многіе изъ самыхъ приближенныхъ къ Ермолову лицъ, ему удалось склонить Саида-эффенди употребить въ нашу пользу свое влияніе въ горахъ и принять на себя наблюденіе за своими единовѣрцами: этому ученому мужу была обѣщана значительная сумма денегъ, которая выплачивалась до 1827 года. Извѣстившись въ 1824 году о явномъ ослушаніи одного изъ дагестанскихъ муллъ, Ермоловъ приказалъ Асланъ-хану Кюринскому захватить виновнаго и переслать его въ Тифлисъ. Не видя на то, что этотъ ханъ привыкъ, подобно прочимъ туземнымъ властителямъ, къ безпрекословному повиновенію волѣ Ермолова, но омъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, пытался на сей разъ его обмануть и медлить

приведеніемъ въ исполненіе его приказанія. Вскорѣ Ермоловъ, не знаяшій объ этомъ обстоятельстве, подтвердилъ свое повелѣніе хану, который, опасаясь раздражить его, захватилъ виновнаго и принялъ уже всѣ мѣры къ немедленному отправленію его въ Тифлисъ.

Крестовая гора, самая возвышенная точка высотъ, по коимъ ѣдешь отъ Коби до Тифлиса, есть истинный пунктъ перевала чрезъ Кавказъ. Вокругъ нея находятся горы гораздо выше ея. Она получила сіе названіе отъ креста, который былъ водруженъ на ней первыми Русскими, перешедшими за Кавказъ въ Грузію во времена Екатерины, но такъ какъ крестъ деревянный сгнилъ, то Ермоловъ замѣнилъ его огромнымъ крестомъ, высѣченнымъ изъ гранита, съ такимъ же подножіемъ.

Въ бумагахъ Д. В. Давыдова найдена еще слѣдующая замѣтка: „Не принадлежа къ числу тѣхъ, кои безусловно восторгаются всѣмъ что дѣлалось на Кавказѣ во времена Ермолова, я почитаю однако нужнымъ сказать, что, не смотря на извѣстную любовь къ общественному благу и способности этого генерала, система гражданскаго управленія, коею онъ слѣдовалъ, не будучи лишена большихъ недостатковъ, требовала не мало улучшеній и преобразованій; причину этого надо искать въ личныхъ свойствахъ Ермолова, который, будучи исключительно отличнымъ военнымъ человекомъ, не былъ никогда приготовленъ къ административной дѣятельности. Не имѣя ни опытности, ни специальныхъ по этой части свѣдѣній, Ермоловъ, не смотря на замѣчательную заботливость о благоденствіи вѣрннаго края, не могъ однако быть ему полезенъ въ той мѣрѣ, какъ бы онъ того желалъ. Алексѣй Петровичъ, вполне сознававшій въ себѣ недостатокъ свѣдѣній и опытности, и почитавшій себя всегда невѣждой въ административномъ отношеніи, скромно относилъ все сдѣланное въ гражданскомъ отношеніи во время своего правленія краемъ лишь совѣтамъ и дѣятельности нѣкоторыхъ отличныхъ чиновниковъ, коими онъ успѣлъ себя окружить. Ермоловъ, умѣвшій цѣнить заслуги своихъ подчиненныхъ по ихъ достоинству, и никогда не перестававшій свидѣтельствовать о нихъ, внушилъ имъ тѣмъ къ себѣ безграничную любовь и преданность. Получивъ однажды повелѣніе из-

ложить свое мнѣніе насчетъ управленія Калмыками, Ермоловъ нашелся вынужденнымъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ подтвердительныхъ о томъ приказаній, не дождавшись отзыва астраханскаго губернатора Бухарина, коему нужды этого народа были ближе извѣстны, послать въ С.-Петербургъ свое о томъ заключеніе. Прочитавъ вскорѣ послѣ того замѣчанія на этотъ счетъ почтеннаго и отлично-умнаго Н. Я. Бухарина, коему онъ исходатайствовалъ въ послѣдствіи аренду, и отправивъ ихъ также въ С.-Петербургъ, онъ не преминулъ донести, что почитаетъ мнѣніе сего послѣдняго несравненно основательнѣе и полезнѣе своего. Хотя безпокойства въ Дагестанѣ, Чечнѣ и другихъ областяхъ отрывали часто Ермолова отъ гражданскихъ занятій, но нельзя, безъ явнаго нарушенія справедливости, не сказать, что его девятилѣтняя административная дѣятельность, при всѣхъ ея несовершенствахъ и большихъ недостаткахъ, была благотворна для Кавказскаго края; это могутъ подтвердить всѣ безпристрастные очевидцы и самые туземцы.“

IV.

Дневникъ А. П. Ермолова, въ извлеченіи г-на С.

1826 января. Крѣпость Грозная. (Было нѣсколько горячихъ перестрѣлокъ съ Чеченцами.) Со мною случилось смѣшное происшествіе: квартира моя была на самомъ концѣ селенія, и когда начали пули достигать оной, поваръ мой отказался готовить обѣдъ, говоря, что онъ не созданъ быть на пуляхъ чеченскихъ. Кажется, онъ желалъ заставить думать, что онъ менѣе гнушается пуль народа просвѣщеннѣйшаго!

28-го. Въ Малой Атагѣ на правомъ берегу Аргуна замѣчены большіе огни, слышны были выстрѣлы и крикъ въ ознаменованіе радости о прибытіи на помощь сосѣдей, и тогда же узнано отъ лазутчиковъ, что пришли Чеченцы, по р. Мичику живущіе, и нѣсколько Дезгинъ.

(Посланъ отрядъ истребить селеніе Чахкери, гдѣ собиранся непріятель и имѣлъ покойное пристанище.)

Предъ разсвѣтомъ приблизились войска къ селенію, но были примѣчены караулами, и потому, не теряя времени, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ пушекъ, одинъ батальонъ бросился въ селеніе, изъ коего испуганный непріятель спасся бѣгствомъ. Превративъ въ пепелъ селеніе, батальонъ выступилъ безпрепятственно, но когда на обратномъ пути войска были уже за версту отъ селенія, разостался по землѣ чрезвычайно густой туманъ, съ коимъ соединялся дымъ горящаго селенія, до того затмили свѣтъ, что ниче-го не возможно было различить въ самомъ близкомъ разстояніи. Въ сіе время приспѣлъ стоявшій за Аргуномъ непріятель. Онъ не могъ видѣть числа войскъ нашихъ, равно какъ и его прибытіе познано было по одному ужасному его крику. Ковница его, проскакавъ стрѣлковъ, столкнулась съ казаками, которые, ударивъ въ шашки, ее опрокинули. Вскорѣ большія толпы атаковали нашу пѣхоту. Артиллерія дѣйствовала картечью не даже какъ въ 50 шагахъ, такъ что были отрываемы оною члены, тѣла были раздираемы. Третье нападеніе было сильнѣйшее, ибо всѣми силами стремительно ударилъ непріятель. Встрѣченный картечью и ружейнымъ огнемъ пѣхоты и спѣшившихся казаковъ, онъ обратился въ бѣгство съ ужаснѣйшимъ урономъ, и съ сего времени не было уже ни одного выстрѣла, вѣроятно потому, что поднявшійся туманъ обнаружилъ число войскъ нашихъ. Непрianteля было до 3 т. чел., и когда удалились наши войска, видно было, что онъ, собравъ тѣла отдичнѣйшихъ изъ убитыхъ, разсѣялся въ разныя стороны. Отрядъ съ весьма малою потерею возвратился въ лагерь.

Февраль. (Жгли въ Чечнѣ селенія, нѣкоторыя сдавались, присылали аманатовъ. Въ февралѣ) настали жестокіе морозы, въ здѣшней странѣ необыкновенныя, ибо средю нѣсколько дней было не менѣе 20 градусовъ, и я долженъ былъ пережидать ихъ, боясь потерять людей. (Драки въ Гихинскихъ лѣсахъ, въ завалахъ.) Я имѣлъ случай замѣтить, какъ линейные казаки могутъ стоять подъ пулями... Я приказалъ сжечь сіе гнѣздо (селеніе Гихи) величайшихъ мошенниковъ, которые отовсюду принимаютъ къ себѣ злодѣевъ.

18-го февраля Войска на разсвѣтѣ пришли къ Гихинскому лѣсу. Непріятель не успѣлъ собраться, ожидая меня на

другой дорогѣ. Я могъ потерпѣть не малый уронъ, ибо дорога тѣсная извивается въ частомъ лѣсу и за большими деревьями удобно было и укрываться и остановить движеніе одѣланными застѣками. Я почелъ не малою удачею переходъ сего лѣса безъ сопротивленія. (Брали селенія приступомъ.)

19-го. Селеніе Казахъ-Кечу выслало старшинъ съ хлѣбомъ и солью, которые, раскаяваясь въ сдѣланныхъ ими преступленіяхъ, въ дѣятельномъ участіи въ мятежъ, вѣрили себя великодушію войскъ. Не приличествовало наказывать таковыхъ и имъ прощено!

22. Крѣпость Грозная. По недостатку продовольствія оставлено при войскахъ сто казаковъ, прочіе отпущены по домамъ. При артиллеріи оставлено по одному ящику и обозы весьма уменьшены.

Погода продолжается ненастная; прочищать лѣса не возможно; войска распущены на линію.

Мартъ. Пріѣхалъ генералъ-майоръ князь Меншиковъ, отправленный въ Персію съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ императора. Главною цѣлью были переговоры о границѣ, дабы положить конецъ давно продолжающимся спорамъ и неудовольствіямъ. Правительство, вѣроятно побуждаемое особенными причинами, готово было, не взирая на сдѣланныя мною весьма выгодныя предложенія персидскому шаху и даже значительныя уступки, сдѣлать еще вновь нѣкоторыя для удержанія мира. Хорошо, если Персіяне по невѣжеству своему не почтутъ сего за боязнь войны!

Я весьма буду доволенъ, что наконецъ увидать, сколько нечистосердечно поведеніе персидскаго правительства и наглъ его требованія.

Въ продолженіе всего почти марта мѣстная погода была самая гнусная, и дорога въ самомъ худомъ состояніи, почему и невозможно было выступить въ походъ.

Апрѣль. (Началось прочищеніе лѣсовъ; во многихъ селеніяхъ вырубались сады въ наказаніе жителей. Брались селенія.)

Май. (Слѣдствіемъ этихъ порубокъ, движеній и сшибокъ было то, что) по всему пространству Чечни сдѣланы удобныя дороги и войска даже въ маломъ количествѣ могутъ

обращаться безопасно. Расчищенные даѣе выстрѣла отъ дороги дѣла лишаютъ непріятеля возможности дѣлать нечаянныя нападенія, которыя одни доселѣ были опасными. Взяты отъ большого числа селеній аманаты.

Іюнь. Новая дорога отъ Екатеринограда, судя по недавнему ея учрежденію, по количеству произведенныхъ работъ, при малыхъ средствахъ, можетъ по справедливости называться удивительною. Она несравненно безопаснѣе и удобнѣе прежней, которая проходила гористыми и безводными мѣстами. Теперь проходя, я весьма улучшалъ ее, много расчистивши дѣла.

Іюль. Тифлисъ. Отсутствіе мое продолжалось 11 мѣсяцевъ и 10 дней.

Я намелъ тѣ же продолжавшіеся съ Персіей споры о границахъ, но ожидалъ, что оныя приведены будутъ къ концу княземъ Меншиковымъ, который, для большаго успѣха въ переговорахъ и желая сдѣлать угожденіе Аббасъ-мирзѣ, потребовалъ отъ генераль-лейтенанта Вельяминова 1-го, командовавшаго въ отсутствіе мое, дабы прекращено было построеніе временнаго укрѣпленія при урочищѣ Миракъ на границѣ Эриванскаго ханства. Извѣстно уже было, что князь Меншиковъ весьма хорошо принятъ въ Тавризѣ и отправляется къ шаху въ Султанію.

Я получилъ извѣстіе, что сардаръ эриванскій въ большихъ силахъ атаковалъ постъ миракскій и войска наши, вышедшія изъ онаго, преслѣдовалъ до укрѣпленія Гумры что сообщеніе между онымъ и Каракимшою совершенно прервано. Въ то же время на рѣчкѣ Гамзачиманъ отогнавъ казенный табунъ Тифлискаго пѣхотнаго полка, и около Каракимша и селенія Амамлы появились персидскія войска.

Итакъ, при всѣхъ постоянныхъ усиліяхъ отдалить войну съ Персіей, при готовности для достиженія того на нѣкоторыя даже пожертвованія, возгорѣлась она совершенно неожиданнымъ образомъ, тогда особенно, какъ князь Меншиковъ находился въ Персію единственно по сему предмету.

Августъ. Прибылъ генераль-адъютантъ Паскевичъ, назначенный командовать войсками подъ главнымъ моимъ начальствомъ. Онъ сообщалъ мнѣ, что государь представлялъ себѣ дѣла наши въ столь худомъ положеніи, что при отправ-

деви его сказалъ, что, быть-можетъ, онъ встрѣтится со мною уже на Кавказской линіи. Не знаю, что могло дать поводъ къ такому заключенію?

Аббасъ-мирза со всѣми регулярными войсками и конницей, всего вообще до 25 т. человекъ, перешедши Араксъ, вступилъ въ Карабагскую провинцію.

Полковникъ Реутъ, оставивъ квартиры свои въ селеніи Чанахчи, укрылся въ крѣпости Шушъ. Три роты его полка съ двумя орудіями находились при селеніи Герюсы, и хотя г. Реутъ имѣлъ предписаніе присоединить къ полку отрядъ сей, но онъ командующему онымъ подполковнику Назимкѣ позволилъ остаться нѣсколько дней, и онъ атакованъ былъ Персіянами, съ которыми соединившись, измѣнники карабагскіе его окружили. Нѣкоторые изъ приверженныхъ намъ бековъ предлагали ему отступить горами къ Шушъ, чему непріятель не могъ воспрепятствовать; но онъ не рѣшился бросить орудій, долженъ былъ драться въ невыгодномъ мѣстоположеніи, потерялъ много людей и съ остальными взять въ плѣнъ.

Аббасъ-мирза окружилъ крѣпость Шушу. Одинъ изъ его братьевъ съ частью войскъ вступилъ въ Ширванскую провинцію, съ нимъ вмѣстѣ прибылъ прежній Мустафа-ханъ, и провинція возмущилась. Также прислаанъ изъ Персіи бывший бакнискій ханъ. Онъ, обложивъ крѣпость Баку, наклонилъ къ бунту жителей провинціи.

Въ Кубинской провинціи обнаружались признаки мятежа, и войска наши, занимавшіе Старую Шамаху, должны были ее оставить, дабы сохранить Кубу, гдѣ находились всѣ средства продовольствія, и куда изъ Ширвани послѣдовалъ братъ Аббасъ-мирзы. Надлежало воспрепятствовать ему въ успѣхахъ.

Дагестанъ оставался спокойнымъ, не взирая на всѣ старанія Аббасъ-мирзы возмутить оный, и сильнѣйшій въ ономъ Акушинскій народъ непоколебимою своею вѣрностію удержалъ многихъ другихъ.

Вѣрный генераль-майоръ Асланъ-ханъ Кюринскій и Казыкумыкскій отразилъ прежняго владѣтеля Сурхай-хана, который, изгнанъ будучи прежде, жилъ въ Тавризѣ весьма уважаемый Аббасъ-мирзою и былъ главнѣйшимъ его совѣтникомъ. Онъ прислаалъ его для возбужденія Дагестана;

но оны вскорѣ умеръ, всѣми презираемый и никого не склонивъ къ возмущенію.

Я приказалъ выступить двумъ ротамъ, находившимся въ Елисаветпольскомъ округѣ, которыхъ положеніе сдѣалось опаснымъ послѣ того, какъ жители Шампадильской дистанціи передались Персіанамъ. При выступленіи изъ Елисаветполя роты выдержали нападеніе жителей города.

Также должно было оставить Нухинскую провинцію, гдѣ находившаяся одна только рота выступила тогда уже, какъ прежній владѣтель, бывшій въ бѣгахъ въ Персію, вступилъ въ предѣлы провинціи. Чарскіе Лезгины совокупно съ жителями взбунтовавшихся владѣній Елисаветпольскаго султана не успѣли отрѣзать отступленія роты.

Сомнительно было поведеніе жителей Барчалинской и Казахской дистанцій. Послѣдніе явно уклонились отъ содѣйствія ротѣ Тифлискаго полка, которая послана была подкрѣпить Балыкчайскій постъ. Дабы удержать ихъ отъ возмущенія, я расположилъ отрядъ войскъ въ земляхъ ихъ, и они повиновались.

Нельзя было отвѣчать за спокойствіе Грузіи и особенно въ Кахетіи. Чарцы ожидали прибытія Александра царевича, который имѣлъ приверженцевъ въ Кахетіи и между ними довольно легкомысленныхъ, которые вѣрили его обольщеніямъ. Въ самомъ Тифлисѣ многіе предавались отчаянію, что и повудило меня не оставлять города, который успокоивало мое присутствіе.

Я пригласилъ грузинское дворянство составить ополченіе по примѣру прежняго времени. Оно совершенно было бесполезно; но я имѣлъ въ виду занять молодыхъ людей, которые, будучи правдами, могли быть вредными не только кривыми толками, умножая страхъ по легкомысленности, но иногда и самую неблагонамѣренностию. Ополченіе составилось съ неимоверною скоростію и съ большимъ усердіемъ.

Сардаръ эриванскій не имѣлъ воспользоваться превосходствомъ своихъ средствъ и нашею малочисленностию, не успѣлъ воспрепятствовать соединенію разбросанныхъ частей войскъ. Отрядъ изъ укрѣпленія Гумры, рота съ Балыкчайскаго поста пришли безъ затрудненія въ Каракалису. Я приказалъ тогда оставить оную и войскамъ, перейдя за гору Безобдалъ, расположиться на Каменной

рѣчкѣ, гдѣ устроено укрѣпленіе для прикрытія продовольствія и запасовъ, которые должны заготовляться для наступательныхъ дѣйствій.

Сентябрь. Между тѣмъ Аббасъ-мирза одного изъ сыновей своихъ прислалъ въ Елисаветполь съ частію регулярной пѣхоты, 4 орудіями и конницею, всего до 8 тыс. человекъ. Въ наставники ему данъ былъ Амиръ-ханъ, сардаръ, родной дядя Аббасъ-мирзы. Войска сіи, занявъ небольшую частію оставляемую по неудобству крѣпость Елисаветпольскую, подвинулись къ селенію Шамхоръ.

Генераль-майоръ князь Мадатовъ, находившійся съ отрядомъ въ Казахской дистанціи для удержанія въ повиновеніи неблагонадежныхъ жителей и для наблюденія Дилижанскаго ущелья, по которому сардаръ эриванскій могъ пройти весьма удобно, имѣя связи съ жителями дистанціи, пошелъ къ Шамхору, сбилъ передовые посты Персіянъ и, стремительно преслѣдуя ихъ, атаковалъ самую ихъ позицію. Непріятель встрѣтилъ войска наши сильнымъ огнемъ, но вида, что не могъ остановить ихъ, пустился въ бѣгство. Конница ушла первая, но пѣхота регулярная, на разстояніи 30 верстъ до Елисаветполя, утомленная сильнымъ жаромъ, истреблена въ числѣ до 2 т. человекъ, взято 1 орудіе, 11 фалькометовъ (замбураки) и до 150 пѣвныхъ. Сынъ Аббаса-мирзы, при первыхъ подвигахъ своихъ, уподобился уже родителю, ибо началъ ихъ бѣгствомъ. Сынъ отличался родителемъ въ прежнюю войну противъ Русскихъ и конечно не меньшею также расторопностію. Къ общему всѣхъ удивленію, извѣстный трусостію Амиръ-ханъ сардаръ остался въ числѣ мертвыхъ на полѣ сраженія. Елисаветполь занятъ нашими войсками. Персіяне оставили лагерь и всѣ тяжести.

Прекрасная виртембергская колонія близъ Елисаветполя совершенно раззорена Персіянами. Жители, однакоже, не увлечены.

Сентября 8-го. Дабы усилить генераль-майора князя Мадатова, я отправилъ войска и генераль-адъютанта Паскевича, подъ начальство котораго онъ долженъ былъ поступить. Какъ не знающему образа войны Персіянъ, ни связи обстоятельствъ, присоединилъ я начальника корпуснаго

штаба, генераль-майора Вельяминова 3-го, офицера отличных дарований, большой опытности.

Войска, соединясь въ Елисаветполѣ, состояли изъ 7 батальоновъ пѣхоты, каждый болѣе 1,000 человекъ; 600 человекъ Нижегородскаго драгунскаго полка, 2-хъ казачьихъ полковъ войска Донскаго, 300 человекъ грузинскаго коннаго ополченія, 16 батарейныхъ и 8 легкихъ орудій артиллеріи. Сіе самое число войскъ, если бы не былъ присланъ генераль-адъютантъ Паскевичъ, должно было состоять въ распоряженіи генераль-майора князя Мадатова. и также назначено быть съ нимъ начальнику корпуснаго штаба.

Генераль-адъютанту Паскевичу приказалъ я слѣдовать въ Карабагъ по направленію на Агуглянъ, т.-е. на сообщенія Аббасъ-мирзы, что должно было принудить его оставить блокаду крѣпости Шуши, гдѣ по свойству мѣстоположенія атаковать его было невыгодно. Далѣе долженъ онъ былъ дѣйствія свои согласовать съ обстоятельствами и искать случая дать ему сраженіе.

Со стороны Эривани сильныя толпы конницы появились по направленію отъ Гумри и старались пробраться на дорогу, лежащую чрезъ Агзабеукъ, дабы прервать сообщенія наши. Пѣхота наша изъ укрѣпленія на Каменной рѣчкѣ, съ частію казаковъ, отразила оныя и преслѣдовала чрезъ урочище Карагачъ. Еслибъ оставилъ я войска по ту сторону горы Безобдала, не переведя ихъ въ сіе укрѣпленіе, непріятель безъ сомнѣнія занялъ бы дорогу, идущую изъ Тифлиса, и трудно было бы выгнать его изъ твердыхъ мѣстъ Агзабеука, откуда могъ онъ дѣлать набѣги внутрь Борчалинской дистанціи.

Одна сильная партія конницы, пройдя чрезъ дефиле Думанисъ и селеніе Квечи, навала на расположенную недалеко отъ онаго виртембергскую колонію, раззорила оную и увлекла въ плѣвъ не менѣе 100 человекъ жителей обоаго пола и всякаго возраста. Въ партіи сей находились многіе изъ турецкихъ подданныхъ, жителей Карскаго пашалыка; проводниками служили ей бѣглые наши Татары.

Возвратился изъ Персіи генераль-майоръ князь Меншиковъ. Онъ испыталъ возможныя непріятности, долженъ былъ покупать нѣкоторое свисхожденіе подарками и деньгами. Въ Эривани содержали его въ лагерѣ подъ такимъ строгимъ присмотромъ, что не прежде какъ чрезъ три

ведѣли могъ онъ найдти случай дать мнѣ о себѣ извѣстіе. Одинъ Аїмянцъ, въ темную ночь, подѣлкомъ прокрадся сквозь цѣпь караула и доставилъ мнѣ записочку.

Прибывшаго по высочайшему повелѣнію генераль-майора Давыдова (Девиса, извѣстнаго поэта и партизана) назначилъ я командовать войсками противъ сардара Эриванскаго. (Отрядъ его былъ незначителенъ).

Я получилъ извѣстіе, что сардаръ эриванскій частію войскъ занялъ хребетъ горъ Чардахлы въ Шамшадильской дистанціи и что конница его появилась на плоскости. Она прерывала сообщеніе съ Елисаветполемъ и безпр. прятственно могла дѣйствовать въ тылу войскъ генераль-адъютанта Паскевича, къ которому на встрѣчу шелъ Аббасъ-мирза изъ Карабага. Поспѣшно выступилъ я въ Казахскую дистанцію, откуда могъ я дѣйствовать на войска сардара эриванскаго, еслибы покусились они идти на Елисаветполь; не допускалъ соединиться съ нимъ чарскихъ Лезгинъ, отъ коихъ для условій съ нимъ посланы были избранные старшины. Еслибы генераль-майоръ Давыдовъ не въ состояніи былъ противиться превосходному непріятелю, я могъ удобно подкрѣпить его и въ два форсированные марша совершенно закрыть Тифлисъ.

Въ Тифлисъ оставался одинъ самый необходимый караулъ не болѣе батальона и до 100 линейныхъ казаковъ.

Тотчасъ по прибытіи моемъ на Гассанъ-су, войска эриванскаго сардара оставили Шамшадильскую дистанцію и вскорѣ за тѣмъ хребетъ Чардахлы. Жители начали собираться въ свои жилища и возмущившіеся ихъ старшины пришли просить помилованія и получили оное. Ни одного изъ нихъ не подвергъ я наказанію. Жители Казахской дистанціи утвердились въ покоѣности и многіе изъ нихъ даже служили въѣро.

13-го. Генераль-адъютантъ Паскевичъ одержалъ побѣду надъ Аббасъ-мирзою близъ Елисаветполя.

Аббасъ мирза, узнавъ о пораженіи сына его при Шамхорѣ, оставилъ малую часть войскъ для наблюденія за крѣпостью Шуша, и со всѣми силами въ числѣ болѣе 20 т. человекъ и до 15 орудій, со множествомъ фальконетовъ, пошелъ на Елисаветполь въ намѣреніи атаковать наши войска, но встрѣтилъ ихъ идущія къ нему на встрѣчу.

Надѣясь на чрезвычайное превосходство своихъ силъ и видя весьма малое количество кованцы съ нашей стороны, онъ приказалъ большимъ толпамъ своей кованцы обойти правое наше крыло, подкрѣпивъ ихъ небольшимъ числомъ пѣхоты. Они исполнили сіе безпрепятственно, отбросивъ казаковъ нашихъ и грузинское ополченіе. Нѣкоторые партіи повеселись по направленію на Елисаветполь. Въ то самое время поставленная въ центрѣ его артиллерія производила довольно сильный огонь и регулярная пѣхота, выславъ впередъ большое число стрѣлковъ, подъ огнемъ ихъ смѣло двинулась противъ лѣваго нашего фланга, стараясь обойти его.

Въ центрѣ наши 12 батарейныхъ орудій вскорѣ заставили молчать слабаго калибра персидскую артиллерію, и замѣчено, что при первыхъ выстрѣлахъ орудія ихъ начали отъѣзжать назадъ. Картечные выстрѣлы произвели тотчасъ ужасное замѣшательство въ пѣхотѣ. Часть оной, выдвинувшись впередъ, удачно атаковалъ одинъ дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка, и достаточно было одному батальону Грузинскаго гренадерскаго и одному Шарванскаго пѣхотнаго полковъ ударить въ штыки, чтобы всѣ силы непріятеля обратить въ стремительнѣйшее бѣгство. Кованца персидская, по обыкновенію, побѣжала первая, за нею вся пѣхота. Но не столько удобно было уходить той части пѣхоты, которая подкрѣпляла кованцу, далеко уже обогнѣвшую правое наше крыло. Ея отрѣзано уже было отступленіе 6-ю ротами карабинернаго полка и она бросилась въ прилежація горы, гдѣ вскорѣ окруженная, отдалась въ плѣнъ въ числѣ 1,100 человекъ съ тремя знаменами. Это были одни плѣнные, взятые въ семь сраженіи, и одни знамена. Въ преслѣдованіи найдено одно орудіе, брошенное Персіянами.

Люди, отягченные ношею, не могли быстро преслѣдовать, и авангардъ посланъ былъ спустя нѣкоторое время. Впрочемъ трудно было бы догнать Персіянъ, ибо они никакого движенія не производягъ съ такимъ искусствомъ, какъ бѣгство, и въ шестой день были уже они на той сторонѣ Аракса.

Въ оставленномъ лагерѣ найдена большая добыча, въ большомъ количествѣ брошены военные запасы. Одна изъ вѣстная трусость Аббасъ-мирзы можетъ совершить съ тѣмъ

быстрое бѣгство! Крѣпость Шуша осталась свободною, и въ Карабагской провинціи не было ни одного непріятеля!

Я не приказалъ генераль-адъютанту Паскевичу переходить за Араксъ, ибо потеря Аббасъ-мирзы была незначительна, онъ всё силы имѣлъ вмѣстѣ, ибо для переправы чрезъ Араксъ должны онъ были собраться непременно; въ Карадагѣ находилась шахъ съ войсками, которыя, подкрѣпивъ его, имѣли бы противъ насъ большія выгоды, дѣйствуя въ землѣ гористой, куда не могли мы провезть артиллерію. Непріятель имѣлъ продовольствіе изъ Тавриза, мы не могли находить оное въ землѣ скудной, которой средства недостаточны были для пропитанія собственныхъ жителей и присутствіемъ войскъ еще болѣе истощены. Подвозить оное было бы затруднительно, или бы надлежало сопровождать транспорты большими конвоями, ослабляя тѣмъ войска. Непріятель, имѣя многочисленную конницу, излишнюю по гористому мѣстоположенію Карабагскаго ханства, могъ употребить ее въ тылу нашихъ войскъ и обратитъ ее на истребленіе нашихъ запасовъ. По симъ причинамъ войска остановлены въ Карабагской провинціи, наблюдая переправы чрезъ Араксъ. Аббасъ-мирза расположился неподалеку, на той сторонѣ оного.

Генераль-майоръ Давыдовъ далъ знать, что онъ атаковалъ стоявшія противъ него персидскія войска подъ командою Гассанъ-хана, брата сардаря эриванскаго. Непріятель хотя въ превосходныхъ былъ силахъ, но сопротивлялся непродолжительное время и былъ опрокинутъ, разсѣянъ и преслѣдованъ въ персидскихъ предѣлахъ два перехода. Генераль-майоръ Давыдовъ былъ уже недалеко отъ армянскаго Эчмиадзинскаго монастыря. Потеря непріятеля, по быстротѣ бѣгства, не была чувствительною, но со стороны нашей большіе успѣхи не произвели бы большаго ужаса, ибо сардаръ эриванскій заперся въ Эривани и даже ворота крѣпости приказалъ засыпать землею. Непріятель избѣгалъ употреблять свою пѣхоту, ибо, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлалась бы она жертвою.

Октябрь. (Невозможность переправы чрезъ Куру заставила Ермолова воротиться въ Тифлисъ).

4. Я пошелъ въ мусульманскія провинціи, дабы, прекративъ возмущенія ихъ, возстановить прежній порядокъ, тѣмъ

болѣе необходимый, что въ оныхъ учреждались запасы продовольствія для наступательныхъ противъ Персіянъ дѣйствій. Счастливый оборотъ дѣлъ нашихъ водворилъ спокойствіе въ Грузіи, и я могъ безпрепятственно отлучиться изъ оной.

16. Переправа чрезъ Алазаль. Пѣхота переходила въ бродъ; патровныя сумы на головахъ. Въ первый разъ испытала сіе гвардія, и удачно!

(Шекинскій ханъ бѣжалъ ночью; онъ успѣлъ сдѣлать множество мерзостей и раззореній).

(Персіяне оставили Кубу).

(Поведеніе Чарцевъ было подозрительно).

24. Перехвачены нѣкоторые Шекинцы, посылаемые къ Аббасъ-мирзѣ. Отвѣты его хану наполнены пышными обѣщаніи!

(Мустафа-ханъ бѣжалъ изъ Шарвани).

31. Фаигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій отправленъ въ Карабагъ для объясненій по разнымъ предметамъ съ генераль-адъютантомъ Паскевичемъ, который думалъ, что я не позволялъ ему идти за Араксъ, дабы отнять у него славу.

Ноябра 5. Старая Шамаха. Множество опустошеній произведено Персіянами, которыхъ до 1,000 человекъ находилось при Мустафѣ-ханѣ.

(Баку покинута осаждавшимъ ханомъ).

(Въ Кубинской провинціи возстановленъ порядокъ и всюду спокойно).

Въ сопровожденіи 200 домскихъ казаковъ отправился я въ Баку.

15: Тамъ отъ генераль-майора Краббе узналъ я въ подробности обо всѣхъ обстоятельствахъ матажа въ здѣшней странѣ и, къ удовольствію, удостовѣрился, что правительство имѣетъ людей, непоколебимыхъ въ приверженности къ нему, и таковыхъ не мало даже между беками.... Сдѣлалъ распоряженіе, дабы продовольствіе и военные снаряды, доставляемые изъ Астрахани, были отправляемы поспѣшно.

Декабря 1. Я узналъ въ подробности объ экспедиціи генераль-адъютанта Паскевича за Араксъ, гдѣ онъ никого не видалъ, ничего не сдѣлалъ и прошелъ весьма небольшое разстояніе.

(Прибыла изъ Россіи 20-я пѣлотная дивизія. Чарцы покорились; въ наказаніе за возмущенія у нихъ были поселены войска этой дивизіи).

26. Тифлисъ. Я нашель возвратившагося изъ Карабага генерала Паскевича. При первомъ свиданіи съ нимъ не трудно мнѣ было замѣтить его неудовольствія на меня, которыя тѣмъ болѣе умножились, что онъ почиталъ себя въ правѣ требовать, чтобъ я сообщалъ ему о моихъ намѣреніяхъ, о моихъ предпріятіяхъ, на что отвѣчалъ я ему, что не имѣю нужды въ его совѣтахъ; что знаю одинъ случай, въ которомъ требуется разсужденіе подчиненныхъ, и тогда мнѣнне не только офицера въ его высококомъ чинѣ, но даже въ несравненно меньшемъ, приеждется съ уваженіемъ; но таковые случаи рѣдки, и я еще не нахожусь въ подобномъ. Всѣ получаемыя мною повелѣнія препровождались ему въ копіи изъ Петербурга, и онъ всегда желалъ знать мои отзывы на оныя. Я не имѣлъ нужды сообщать ему о томъ и полезно было нѣкоторые хранить въ тайнѣ. Онъ въ одно время предложилъ мнѣ, чтобъ объяснилъ я ему планъ предполагаемой мною кампаніи, увѣряя, что государю императору пріятно будетъ знать мнѣнне о томъ каждаго изъ насъ. Я отвѣчалъ, что я представляю мое предположеніе и что онъ можетъ сдѣлать то же съ своей стороны, изъ чего государь не менѣе усмотритъ понятіе наше о дѣлѣ. Возраженія сіи умножали его злобу на меня, и я разумѣлъ, сколько она можетъ быть мнѣ вредною при особенной довѣренности, при отличномъ благоволеніи къ нему государя. Къ тому же зналъ я, сколь часты были доверсенія его въ собственныя руки.

Я занимался приуготовленіями, дабы сколько возможно ранѣ весной начать кампанію. Безпрерывныя дѣла и заботы не оставляли мнѣ достаточнаго времени на отдохновеніе, и вся дѣятельность моя вполнѣ была напряженная. Предположенія мои насчетъ военныхъ дѣйствій, хотя они опровергали планъ, начертанный въ Петербургѣ, были однакоже утверждены. Не оставлены безъ вниманія замѣчанія мои въ разсужденіи новыхъ границъ при заключеніи мира, не взирая, что онѣ не согласовались съ предположеніями, составленными въ Петербургѣ.

Прибыль генераль-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й, назначенный по высочайшему повелѣнію командовать при войскахъ всею кавалеріей.

1827. Февраля 20. Приѣхалъ начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества генераль-адъютантъ баронъ Дибичъ. Отъ меня требовались всѣ свѣдѣнія о приуготовленіяхъ къ войнѣ. Нерѣдко въ видѣ разсужденій представлялись мнѣ на видѣ такія вещи, о которыхъ я по крайней мѣрѣ не менѣе имѣлъ понятія самого наставника. Нерѣдко я долженъ былъ заключать, что во мнѣ не предполагалось даже посредственныхъ свѣдѣній о военномъ ремеслѣ.

Мартъ. Не разъ подтверждено мнѣ, что государь чрезвычайно недоволенъ моею медленностію.

Во время пребыванія барона Дибича, началось движеніе войскъ къ сборнымъ пунктамъ. Составился въ Карабагъ отрядъ лѣваго фланга подъ начальствомъ генераль-лейтенанта кн. Мадатова. Выступили уже войска, составляющія авангардъ подъ командою генераль-адъютанта Бенкендорфа 2-го, который долженъ былъ вступить въ иванское Эрханство.

Генераль баронъ Дибичъ осматривалъ войска авангарда на урочищѣ Джалалъ-Отлу и напелъ ихъ въ хорешемъ состояніи. Онъ видѣлъ на горѣ Агзабеукъ брошенные ихъ обозы, ибо по причинѣ распутицы дороги были непроходимы, по мѣстамъ лежалъ еще снѣгъ, въ долинахъ не было еще подножнаго корма. Господинъ начальникъ главнаго штаба по крайней мѣрѣ въ семь случаевъ не могъ винить мою медленность. Онъ объявилъ мнѣ волю государя, если невозможно двинуть всѣ войска, то чтобы часть оныхъ была въ движеніи, и войска выступили. Еслибъ я имѣлъ волю, они не были бы въ семь состояніи при самомъ началѣ компаніи.

28. Начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, получилъ высочайшее повелѣніе объявить мнѣ, чтобы командованіе войсками и управленіе краемъ сдалъ я генераль-адъютанту Паскевичу, а самъ отправился въ Россію.

Такимъ образомъ заключилось служеніе мое въ Грузіи въ продолженіи болѣе 10 лѣтъ.

Я не отставленъ отъ службы, не уволенъ въ отпускъ, не сказано, чтобы состоялъ по арміи

Болѣ мѣсяца жилъ я въ Тифлисѣ частнымъ человѣкомъ и наконецъ оставилъ страну сію.

Со времени удаленія моего отъ должности, я не видался съ генераломъ Паскевичемъ, который, отзываясь болѣзнію, принималъ дѣла или чрезъ начальника корпуснаго штаба, или сношеніями со мною письменно.

Новое начальство не имѣло ко мнѣ и того вниманія, чтобы дать мнѣ конвой, въ которомъ не отказываютъ никому изъ отъѣзжающихъ. Въ Тифлисѣ я его выпросилъ самъ, а на военныхъ постахъ по дорогѣ давали мнѣ его постовые начальники по привычкѣ повиноваться мнѣ.

Мая 3. Проѣзжая Дигамское поле, видѣлъ я осадную артиллерию, идущую въ Тифлисѣ. Она по распоряженію моему, не смотря на затруднительную въ зимнее время дорогу, перевезена чрезъ горы.

12-го. Укрѣпленіе на Урухѣ. Однимъ часомъ прежде нашего (Ерм. и Давыдова) проѣзда, чеченская партія отогнала табунъ у Татарханова аула, гдѣ и самъ Татарханъ, храбрѣйшій изъ Осетинъ и намъ приверженный, къ сожалѣнію, убитъ.

Встрѣтился дѣйствительный статскій совѣтникъ Обрѣсковъ, который, по дипломатической части, долженъ быть употребленъ при заключеніи съ Персіянами мира. Для безопасности въ пути, я отдалъ ему большую часть моего конвоя.

(Ермоловъ пробылъ нѣсколько дней въ селеніи г. Реброва.)
Какая тишина послѣ шумной жизни! какое удивленіе послѣ всегдашняго множества людей!

Юня 4-го. Московская станица. Проѣзжая Ставрополь, я остановился на одинъ часъ. Начальникъ Кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Эммануэль посылалъ меня. Много говорилъ мнѣ о свойствахъ горскихъ народовъ, о готовности ихъ покорствоваться, о желаніи ихъ мирной жизни! Кажется, хотѣлъ онъ дать мнѣ разумѣть, что въ 10 лѣтъ моего командованія я не умѣлъ составить объ нихъ надлежащаго понятія и что онъ долженъ поправлять ошибки моихъ распоряженій. Надобно знать, что г. Эммануэль менѣе полугода на линіи и еще не выѣзжалъ никуда изъ Ставрополя. Онъ говорилъ мнѣ, что находитъ въ одеждѣ горцевъ большое сходство съ венгерскою одеждою и даже въ языкѣ ихъ замѣтилъ многія похожія слова. Я ожидаю отъ него весьма ученыхъ открытій! Я просилъ покойнаго

императора (Александра Павловича) объ опредѣленіи генерала Эммануэля начальникомъ Кавказской линіи и не было на то его соизволенія. Не знаю, съ чьей стороны въ семь случаевъ большая ошибка. Въ продолженіи получаса бесѣды, а хорошо съ нимъ познакомился.

8. Тагарогъ. Никогда не бывалъ я (здѣсь) прежде и прѣхалъ единственно для того, чтобы видѣть мѣсто кончины императора Александра, вмѣстѣ съ которымъ похоронено и мое счастье.

15. Пріѣхалъ въ деревню отца моего, с. Лукьянчиково, близъ Орла.

Съ кончиной императора Александра Ермоловъ дѣйствительно похоронилъ свое счастье, какъ выразился въ концѣ дневника. Сколько въ томъ было его вины, нельзя еще теперь рѣшить окончательно. Показанія современниковъ разнорѣчивы. Но вотъ въ чемъ они всѣ почти сходятся, хоть и безотчетно: Ермоловъ въ описанныхъ обстоятельствахъ перехитрилъ. И это кажется очень вѣроятнымъ. Сколько мнѣ случалось говорить съ знакомыми Алексѣя Петровича, сколько удалось наблюдать самому, эта черта преобладала въ его характерѣ, при всѣхъ его достоинствахъ и гениальныхъ способностяхъ. Ясный, рѣшительный, твердый на счетъ, на поприщѣ дѣйствій, за кудисами онъ дѣлался, кажется, другимъ человекомъ, и въ самыхъ маловажныхъ обстоятельствахъ, безъ всякой нужды, онъ не могъ дѣйствовать прямо, всегда были у него какъ-будто заднія мысли, и искренности, простоты, или, какъ нынѣ говорятъ, непосредственности, задумчивости отъ него никогда ждать было нельзя. Вотъ почему, можетъ-быть, люди характеровъ противоположныхъ не могли съ нимъ сойтись.

Надо сознаться, что и положеніе его на Кавказѣ было необыкновенное, и все содѣйствовало къ увеличенію затрудненій. Внезапность кончины императора Александра, извѣщеніе о присягѣ великому князю Константину, первому покровителю и другу Ермолова, отреченіе великаго князя Константина и присяга новому государю Николаю Павловичу, происшествіе 14 декабря, слѣдовавшія одо за другимъ такъ быстро, не давали, такъ-сказать, образумиться Ермолову, — можетъ-быть, онъ промедлилъ присягой

нѣсколько дней въ ожиданіи подтвердительныхъ извѣстій, по закону благоразумія, даже въ государственномъ смыслѣ (извѣстно, напримеръ, что онъ посылалъ нарочнаго къ Веронцову узнать вѣрахе о происшествіяхъ),— а это промедленіе враги сильные могли истолковать въ дурную сторону.* Персидское вторженіе представляло новыя соображенія и ему, и его врагамъ. Дѣла и мысли запутывались, хуже и хуже,—и Ермоловъ долженъ былъ сойдти съ столь блистательнаго поприща, гдѣ онъ принесъ отечеству столько пользы и снискалъ себѣ столько славы. Согласно съ своею цѣлю собрать матеріалы для его біографіи, представляю ка-сающіеся описаннымъ происшествіямъ документы.

Рескрипты императора Николая Павловича.

I.

Алексѣй Петровичъ! Военный министръ докладывалъ мнѣ отношенія ваши къ начальнику главнаго штаба моего, отъ 26 и 29 ноября, коими уведомляете, что распространившійся между Чеченцами и прочими горскими народами мятежъ проникъ въ Кабарду, и что подтверждается дошедшее къ вамъ извѣстіе о намѣреніи Закубанцевъ вторгнуться въ предѣлы наши большими силами. По такому

* Для будущихъ соображеній о числахъ и мѣстахъ, прилагаю два документа, полученные мною по благосклонности бывшего въ то время астраханскаго губернатора Владимира Савича Смирнова.

I.

„Господину исправляющему должность астраханскаго гражданскаго губернатора.

„Получивъ донесеніе вашего высочородія, отъ 10 декабря за № 5839, съ нарочнымъ чиновникомъ присланное, относительно приведенія къ присягѣ на вѣроподданство Его Императорскому Величеству Государю Императору Константину Павловичу гражданскихъ чиновниковъ и жителей губерніи Астраханской, кои такую присягу выполнять должны, я совершенно одобряю всѣ учиненныя вами по сему предмету распоряженія и отдаю полную справедливость дѣятельности, въ этомъ важномъ случаѣ вами оказанной.

„Генералъ Ермоловъ.

„№ 192. 14 декабря 1825 г. Екатериноградъ.“

II.

„Господину исправляющему должность астраханскаго гражданскаго губернатора.

„Получивъ донесеніе вашего высочородія, отъ 27 декабря № 6114, объ учиненномъ вами распоряженіи касательно приведенія къ присягѣ на вѣроподданство Его Императорскому Величеству Государю Императору

положенію дѣль на Кавказской линіи, я заключаю, что весьма легко можетъ встрѣтиться надобность въ усиленіи пѣхотнаго праваго фланга войскъ Кавказскаго корпуса:

Дабы заблаговременно предупредить сію необходимость и преподать вамъ надежные способы къ успѣшному дѣйствию противу мятежниковъ, я предназначилъ на сей конецъ 20-ю пѣхотную дивизию, въ Крыму расположенную. По сему предоставляю вамъ, единственно въ крайней только нуждѣ, непосредственно обратиться къ главнокомандующему 2-ю арміею, объ откомандированіи на время самонужнѣйшаго числа войскъ изъ оной дивизіи. Ожидаю впрочемъ, что, съ прибытіемъ къ вѣренному вамъ корпусу седьмыхъ взводовъ изъ 1-й арміи, измѣнится необходимость употребленія таковой мѣры, и что, по извѣстной мнѣ предусмотрительности и дѣятельности вашей, не должно опасаться неприятныхъ послѣдствій отъ предпріятій хищниковъ. Въ сихъ мысляхъ, ожидая отъ васъ лучшихъ извѣстій о положеніи дѣлъ нашихъ въ отношеніи къ горцамъ, за удовольствіе поставляю пребыть къ вамъ всегда благосклоннымъ.

Николай.

С.-Петербургъ. Декабря 16, 1825 года.

Николаю Павловичу и наслѣднику Его Величества Его Императорскому Высочеству Великому князю Александру Николаевичу гражданскихъ чиновниковъ и гѣхъ изъ жителей Астраханской губерніи, кои таковую присягу выполнить должны, одобряю совершенно дѣятельность и успѣшность въ семъ случаѣ, вамъ оказанная.

„Генераль Ермоловъ.

„№ 264. 30 декабря 1825 г. Станица Червленая.“

В. С. Смирновъ оставилъ вскорѣ Астрахань и получилъ слѣдующій отзывъ отъ Ермолова, какъ главнаго начальника.

„Милостивый Государь,

„Владиміръ Савичъ!

„Я получилъ письмо ваше, въ которомъ уведомляете меня о сдачѣ вамъ должности.

„По обязанности, и особеннымъ почтутъ удовольствіемъ, скажу я, милостивый государь, что во все время управленія вами губерніей, дѣятельность ваша и успѣшный по всѣмъ частямъ ходъ дѣлъ, приобрѣли вамъ совершенное уваженіе. Лучше мнѣнія моего общій отзывъ, и онъ совершенно въ пользу вашу!

„Свидѣтельствуя предъ начальствомъ о трудахъ вашихъ, я увѣрю васъ, что еслибы служба могла болѣе васъ сблизить, я не иначе почту васъ, какъ весьма полезнымъ сотрудникомъ, и слѣдуя всегдашнему правилу моему, отдамъ принадлежащее достойному.

„Имѣю честь быть съ отличными почтеніемъ и преданностію.

„Милостиваго государя покорнѣйшій и уга

„Алексѣй Ермоловъ.

„22 марта 1826. Ст. Червленая.“

II.

Алексѣй Петровичъ! По вступленіи моемъ на престолъ, предпріявъ обзоръ сношеній нашихъ съ иноземными державами, я обратилъ особенное вниманіе на дѣла персидскія. Вслѣдствіе моего приказанія, управляющій иностраннымъ министерствомъ графъ Нессельродъ, представилъ мнѣ всѣ, принадлежащія къ онымъ, бумаги, между прочими послѣднее отношеніе къ нему ваше подъ лит. А. и высочайшій рескриптъ покойнаго государя императора, послѣдовавшій на ваше имя 31-го минувшаго августа. Вникая въ предлежащія обстоятельства, я не могъ не признать необходимости удерживать заключенный съ Персіей миръ, на основаніи Гюлистанскаго договора, доколѣ сія держава сама не нарушитъ оного. Вѣрность данному слову и существенныя выгоды Россіи того отъ меня требуютъ. Нынѣ, когда почти всѣ горскіе народы въ явномъ противъ насъ возмущеніи; когда дѣла въ Европѣ, а особливо дѣла съ Турціей, по важности своей, заслуживаютъ внимательнѣйшее наблюденіе, неблагоразумно было бы помышлять о разрывѣ съ Персіянами, или умножать взаимныя неудовольствія. Напротивъ того, мы должны всемѣрно стараться прекратить дружельбно возникшія распри, и увѣрить ихъ въ искренности желанія нашего утвердить мирныя съ ними связи. Таковое порученіе дано и генералъ-майору князю Меньшикову, отправляемому къ шаху и къ Аббасъ - Мирзѣ съ извѣщеніемъ о горестной кончинѣ любезнѣйшаго моего брата и о вступленіи моемъ на престолъ всероссійскій. Между тѣмъ, соглашаясь въ полной мѣрѣ съ правилами, начертанными въ помянутомъ рескриптѣ, отъ вашей прозорливости и усердія къ пользамъ отечества ожидаю ревностнаго содѣйствія для достиженія желаемоу дѣлу.

Николай.

Января 31 дня, 1826 года. С.-Петербургъ.

III.

Алексѣй Петровичъ! Я съ удовольствіемъ получилъ доносеніе ваше отъ 10-го января. Неутомимая дѣятельность ваша, неразлучная съ свойственными вамъ твердостью и благоразуміемъ, послужитъ мнѣ надежнѣйшимъ ручательствомъ, что всѣ, предпріятыя вами мѣры къ водворенію

тишины и порядка на Кавказской линіи увѣщаются желаемымъ успѣхомъ.

Но дабы удовлетворить настоящему желанію вашему о усиленіи Кавказскаго корпуса, я поручилъ начальнику главнаго штаба моего привести оное безъ потери времени въ исполненіе. Отъ него вы получите подробѣйшее по сему предмету увѣдомленіе.

Мнѣ пріятно увѣрить васъ при семъ во всегдашнемъ дружескомъ моемъ къ вамъ расположеніи и быть взаимно увѣрену, что по многолѣтнему опыту могу ожидать отъ васъ въ полной мѣрѣ тѣ же чувства преданности ко мнѣ и усердія къ пользѣ отечества, кои постоянно отличали служеніе ваше покойному императору, общему нашему благодѣтелю.

Пребываю навсегда вамъ благосклоннымъ.

Никóлай.

Въ С.-Петербургѣ. Февраля 16, 1826 года.

IV.

Алексѣй Петровичъ! Изъ донесенія генераль-адъютанта Стрекалова, окончившаго порученное ему изслѣдованіе о поступкахъ командовавшаго Черноморскимъ войскомъ генераль-майора Власова *, съ крайнимъ неудовольствіемъ усмотрѣлъ я противозаконныя дѣйствія его противу Черкесъ Натухайскаго народа, превышающія еще степень первоначальныхъ обвиненій, дошедшихъ до меня. Ясно видно, что не только одно лишь презрительное желаніе приобрѣсть для себя и подчиненныхъ знаки военныхъ отличій легкими трудами, при раззореніи жилищъ несчастныхъ жертвъ, но непростительное тщеславіе и постыднѣйшіе виды корысти служили имъ основаніемъ. Вслѣдствіе чего я повелѣлъ предать генераль-майора Власова военному суду при войскѣ Довскомъ, а на мѣсто его въ званіи командующаго Черноморскимъ войскомъ утвердилъ генераль-майора Сисоева. Несоблюденіе мѣрѣ кротости въ дѣйствіяхъ противу горскихъ народовъ, Россіи пріязненныхъ, тѣмъ болѣе увеличиваетъ вину генераль-майора Власова, что неоднократно подтверждено было, блаженныя памяти императоромъ Александромъ Павловичемъ, руководствоваться въ сношеніяхъ съ мирными Горцами

* Атаманъ Власовъ, послѣ сдѣлствія, произведеннаго г. Стрекаловымъ, отданъ былъ подъ судъ, но это не помѣшало ему получить послѣ чина и много наградъ и принять назначеніе Наказнаго атамана войска Довскаго.

правилами умѣренности и снисхожденія, какъ средствомъ, могущимъ вселить въ нихъ большую къ намъ довѣренность и утвердить ихъ въ чувствахъ покорности. Правила сіи подтверждены мною въ полной мѣрѣ, и я желаю, чтобы вы взяли строжайшія мѣры, дабы оныя исполняемы были всеми частными начальниками непремѣнно, во всей точности, подъ личною ихъ отвѣтственностію за малѣйшее отступленіе. Мнѣ пріятно думать, что вы, по испытанной вашей дѣятельности, твердости и усердію на пользу государства, положите надлежащую преграду дѣйствіямъ, подобнымъ тѣмъ, кои позволялъ себѣ генераль-майоръ Власовъ при нападеніи на Натухайскихъ Черкесъ, и что свѣдѣнія о таковыхъ случаяхъ впредь до меня доходить не будутъ.

Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ

Николай.

Въ Москвѣ. Іюля 29 дня, 1826 года.

V.

Москва, 1-го августа, 1826 года.

Съ прискорбіемъ читалъ я доведеніе ваше, Алексѣй Петровичъ! Стало, не всегда добрыя намѣренія вѣнчаются успѣхомъ, и за скромность и миролюбіе наше платятъ намъ коварствомъ.

Сколь ни избѣгалъ я войны, сколь ни избѣгаю я оной до послѣдней крайности, но не дозволю никогда, чтобы достоинство Россіи терпѣть могло отъ наглости сосѣдей, безумныхъ и неблагодарныхъ. Хотя надѣюсь и полагаю, что происшедшія военныя дѣйствія суть собственное нахальство сардаря эриванскаго, но въ государствахъ, столь благоустроенныхъ, каково Персидское, можно, требуя удовлетворенія, и самимъ оное себѣ доставлять; а потому и предписавъ вамъ немедленно выступить противъ эриванскаго сардаря, ожидаю скорого извѣщенія вашего, что, съ помощію Божіею, нѣтъ сардаря и Эривань съ его областію заняты вами; вы и 15 т. Русскихъ достаточный мнѣ залогъ успѣховъ. Прочее увидите въ предписаніи. Одно здѣсь прибавлю: вы христіанинъ, вождь русскій, докажите Персіянамъ, что мы ужасны на полѣ битвы, но что мирный житель можетъ найти вѣрный покровъ и всегдашнее кровительство среди стана нашего. На вашу отвѣтственность возлагаю и полненіе сей моею непремѣнною воли.

За симъ Богъ съ вами! Былъ бы Н. П. прежній человекъ, можетъ-быть явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлечь изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ, и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ начальствомъ вашимъ пожинать лавры. Еще разъ Богъ съ вами! Буду ожидать частныхъ донесеній вашихъ, о которыхъ прошу доставленія по возможности.

Вамъ искренно доброжелательный

Николай.

VI.

Алексѣй Петровичъ! Изъ доставленной вами къ начальнику главнаго штаба моего смѣты расходамъ на продовольствіе отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ будущемъ 1827 году, съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я, что сумма для сего предмета уменьшена противу настоящаго года болѣе двухъ сотъ тысячъ рублей. Относя такое сокращеніе расходовъ къ постоянному усердію и неусыпной попечительности вашей къ пользѣ государственной, я не могу не изъясить вамъ за сіе совершенной моей признательности. Оставшіеся отъ прошлыхъ годовъ въ сбереженіи 1 м. 500 т. рублей ассигнаціями, согласно съ предположеніемъ вашимъ, предоставляю вамъ обратить въ расходъ на продовольствіе тѣхъ войскъ, кои прибавляются во вѣрныи вамъ корпусъ на случай, если военныя дѣйствія противу Персіанъ должны продолжиться. Я въ полной мѣрѣ увѣренъ, что въ употребленіи сей суммы будете вы руководствоваться тѣми самыми правилами бережливости, коими многократно уже ознаменованы дѣйствія ваши по хозяйственному управленію вѣрныи вамъ корпусомъ.

Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ.

Николай.

Въ Москвѣ. Августа 5 дня, 1826 года.

VII.

Москва, 10-го августа, 1826 г.

Съ душевнымъ прискорбіемъ и, не скрою, съ изумленіемъ получилъ я ваше донесеніе, отъ 28-го іюля.

Русскихъ превосходствомъ силъ одолѣвали, истребляли, но въ плѣнъ не брали. Сколько изъ бумагъ понять я могъ, вездѣ въ частномъ исполненіи видна оплошность неимо-

вѣрная; предвидѣлись военныя обстоятельства, должно было къ нимъ и протготовиться.

Я надѣюсь, что вы нашли способъ выручить полковника Реута, а тутъ замѣчу, что мнѣ непонятно, чтобы въ Шушѣ, въ сборномъ пограничномъ мѣстѣ, не было достаточныхъ запасовъ, чтобы держаться столько, чтобы ближнія войска могли подоспѣть на помощь.

Первое письмо и посланные приказанія вамъ достаточно объясняютъ намѣреніи мои; я не вижу еще причины измѣнять ихъ, ибо все считаю васъ довольно сильными, чтобы хотя на время перейти въ наступательныя дѣйствія. — Они тѣмъ вынѣ необходимы, что, послѣ несчастьяго начала, надо ободритъ войска блестящимъ успѣхомъ. Сколько отсюда судить мнѣ можно, предстоитъ вамъ возможность разбить Персіанъ по частямъ, начавъ съ отряда, показавшагося противъ Шуши; если сіе движеніе вамъ удастся, въ чемъ съ помощію Божіею я и сомнѣваться не хочу, другою отрядъ, идущій вдоль морскаго берега, не можетъ далеко проникнуть, и еслибъ и осмѣлился на то, вы его безъ наказанія назадъ не пропустите.

Ваше опасеніе къ сторонамъ Турціи не имѣю я до сихъ поръ причины раздѣлять; переговоры съ Турками въ Аккерманѣ продолжаются мирно, и на Дунаѣ имѣтъ приготовленій; впрочемъ, мы тамъ готовы ихъ принять; вамъ же рѣшительно я не имѣю на первый случай что прислать, кромѣ 20-й дивизіи, которой уже велѣно переправляться; съ прибытіемъ ея на линію, вся 22-я дивизія будетъ у васъ свободна, и вы ею себя подкрѣпите; къ тому же времени будетъ и одна уланская дивизія. Сухумъ-Кале безъ нужды не ведите оставлять; но еслибъ и тутъ Турки принуждали къ отступленію, я надѣюсь, что вы возьмете мѣры, чтобы все собралось заблаговременно, и назначьте вынѣ же мѣсто, гдѣ и куда войскамъ собраться. Между тѣмъ вѣду я адмиралу Грейгу съ флотомъ обезпечить берега Мингреліи.

Я посылаю вамъ двухъ вамъ извѣстныхъ генераловъ, генералъ-адъютанта Паскевича и генералъ-майора Дениса Давыдова. Первый, бывший мой начальникъ, пользуется всею моею довѣренностію; онъ лично можетъ вамъ объяснить все, что по краткости времени и по безызвѣстности, не могу я вамъ письменно приказать. Назначивъ его командующимъ подъ вами войсками, далъ я вамъ отличнѣйшаго сотрудника, который выполнить всегда всѣ, ему дѣлаемыя, порученія съ должнымъ усердіемъ и понятливостію. Я желаю, чтобы онъ, съ вашего разрѣшенія, сообщалъ

мнѣ все, что отъ васъ поручено ему будетъ мнѣ давать знать, что я прошу дѣлать какъ научаще.

За симъ прощайте, Богъ съ вами! Ожидаю съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій и, съ помощію Божіей, успѣховъ.

Николай.

VIII.

Алексѣй Петровичъ! Съ истиннымъ прискорбіемъ получилъ я донесеніе ваши о вторженіи Персіанъ въ наши границы и о тѣхъ неблагоразумныхъ частныхъ распоряженіяхъ, по коимъ частицы россійскихъ войскъ подвергались неудачамъ и потери отъ непріятели, доселѣ ими всегда презрѣваго. Вы увидѣли изъ прежнихъ моихъ приказаній, объявленныхъ вамъ начальникомъ главнаго штаба моего, что твердое мое есть намѣреніе наказать Персіанъ въ собственной ихъ землѣ, за наглое нарушеніе мира, и что я, будучи увѣренъ, что находящееся подъ начальствомъ вашимъ многочисленное и храброе войско достаточно къ достиженію сего, не менѣе того приказалъ и 20-й пѣхотной дивизіи идти на усиленіе оныхъ. Усматривая же изъ послѣдняго донесенія вашего намѣреніе ограничиться оборонительными дѣйствіями, до прибытія сихъ подкрѣпленій, я на сіе согласиться не могу, и повелѣваю вамъ дѣйствовать, по собраніи возможнаго числа войскъ, непремѣнно наступательно, сообразно обстоятельствамъ, по усмотрѣнію вашему, противъ раздѣльныхъ силъ непріятельскихъ. — Увѣренъ, что вы истребите ихъ по частямъ, и заставите ихъ почитать славу россійскаго войска и святость границъ нашихъ. Для подробнѣшаго изъясненія вамъ намѣреній моихъ посылаю къ вамъ генераль-адъютанта моего, Паскевича, коему, сообщивъ оныя во всей подробности, увѣренъ, что вы употребите съ удовольствіемъ сего храбраго генерала, лично вамъ извѣстнаго, для приведенія оныхъ въ дѣйствіе, препоручая ему командованіе войскъ подъ главнымъ начальствомъ вашимъ.

Николай.

Въ Москвѣ. Августа 11 дня, 1826 года.

Вѣрно: генераль-адъютантъ Паскевичъ.

IX.

Алексѣй Петровичъ! На основаніи учрежденія о большой дѣйствующей арміи, въ случаѣ болѣзни, или отсутствія главнокомандующаго, или командира отдѣльнаго корпуса, вмѣнемъ ихъ управляютъ арміями, или корпусами, начальники ихъ штабовъ. Искренно желая, чтобы случай не могъ представиться въ отношеніи къ вамъ, я нужнымъ, однакоже, считаю, въ предосторожность, для предупрежденія всякаго недоразумѣнія, разрѣшить вамъ, въ случаѣ нездоровья вашего, или какого другаго непредвидимаго препятствія, ввѣрить начальство надъ корпусомъ генералъ-адъютанту Паскевичу, какъ старшему послѣ васъ.

Николай.

Въ Москвѣ. Августа 11 дня, 1826 года.

X

Москва, 16-го сентября, 1826 г.

Извѣстіе о первыхъ успѣхахъ войскъ нашихъ дошло до меня сего утра; въ слѣдъ за тѣмъ получилъ я и донесеніе князя Меншикова, служащее развязкой тому, что для благородныхъ душъ и для добрыхъ сосѣдей было доселѣ непонятно.

Вникнувъ во все, я наиболѣе убѣждаюсь, что прежнія мои къ вамъ предписанія совершенно согласны съ обстоятельствами, съ правотою нашего дѣла, съ честью нашего государства. Мнѣ остается, стало, вполне одобрить послѣднія, принятая вами, мѣры и ожидать справедливыхъ послѣдствій, т.-е. успѣховъ. Обѣщанныя подкрѣпленія къ вамъ слѣдуютъ, резервные 6 бат. 20 дивизии не могутъ скоро послѣдовать прочимъ, ибо ихъ должно укомплектовать, что безъ рекрутскаго набора нельзя выполнить; а сію мѣру я скоро принять не могу по другимъ, гораздо важнѣйшимъ обстоятельствамъ. Предписано отъ меня выслать къ вамъ нѣкоторое число миверовъ на почтовыхъ; отъ васъ зависѣть будетъ ихъ взять въ Грузію, или оставить на мѣстѣ до сформированія остальныхъ двухъ ротъ 8 батал. Уланская дивизія съ конною артиллеріей сего дня пошла въ походъ.

Стало, что можно, слѣдуетъ на усиленіе вашего корпуса. Видѣвъ отчетъ расхода людей, присланный вами, я

замѣтилъ роты женатыхъ; сколь ни благоразумна мѣра сія, но я не считаю полезнымъ сихъ людей оставлять въ военное время въ домахъ своихъ, равно и показанныя роты въ штабахъ. Я желаю, елико возможно, чтобы вы велѣли полкамъ выступить въ полномъ числѣ людей, оставляя, для спокойствія земли, особый полкъ, или часть войскъ, чѣмъ дробить полки въ ихъ составѣ.

Прошу васъ также настоятельно, при первомъ случаѣ, выѣзжать нашихъ плѣнныхъ, и вообще не упускать случая къ избавленію сихъ несчастныхъ. Вступая въ бунтовавшія провинціи, я желаю, чтобы, въ мѣрахъ необходимой строгости, вы ограничили всякое мщеніе частныхъ начальниковъ, за что вы отвѣчаете; лучше прощать чѣмъ мщеніемъ походить на подлыхъ нашихъ противниковъ.

Богъ съ вами! продолжайте какъ начали, и тогда будьте увѣрены въ искреннемъ моемъ уваженіи.

Вамъ доброжелательный

Николай.

XI.

Алексѣй Петровичъ! Я получилъ донесеніе ваше отъ 30-го сентября. Оставляясь столь долгое время безъ всякаго отъ васъ увѣдомленія, тогда какъ вы имѣли въ виду повелѣніе мое, объявленное вамъ начальникомъ главнаго штаба моего, доносить мнѣ непременно черезъ каждые четыре дня. Я началъ опасаться, нѣтъ ли на то какихъ-либо неблагопріятныхъ причинъ, или не затруднено ли сообщеніе съ вами черезъ горы обвалами и разлитіемъ Терека. Сіе послѣднее обстоятельство побудило меня приказать начальнику главнаго штаба моего, принять нѣкоторыя мѣры осторожности, насчетъ слѣдованія 20-й пѣхотной и 2-й уланской дивизій, о которыхъ вы должны уже быть извѣстны изъ его къ вамъ отношеній. Я очень радъ, что опасенія мои оказались неосновательными, но тѣмъ болѣе долженъ изъяснить вамъ мое неудовольствіе за неточное исполненіе воли моей, и потому подтвердительно повелѣваю вамъ доносить мнѣ, если не черезъ каждые четыре дня, то непременно черезъ всякіе семь дней съ нарочными, хотя бы въ сей промежутокъ времени и ничего не произошло достопримѣчательнаго.

Съ успешнымъ прогнаніемъ Аббасъ-мирзы за Араксъ, я васъ поздравляю и благодарю, и поручаю вамъ изъяснить

мое особенное за то благоволеніе генераль-адъютанту Паскевичу. Я совершенно раздѣляю съ вами мнѣніе ваше касательно дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій противу Персіанъ. Я весьма согласенъ, что прежде нежели перейдти Араксъ, лучше очистить наши провинціи совершенно отъ непріятели, упрочить спокойствіе оныхъ и, обезпечивъ продовольствіе войскъ на дальнѣйшее дѣйствіе, внести тогда уже войну въ предѣлы Персіи и дѣйствовать рѣшительно. Не должно, однакожь, упускать случая, еслибы таковой представился, къ овладѣнію Эриваномъ, силою и оружія, посредствомъ денегъ, или тайныхъ сношеній съ эриванскимъ сардаремъ. Я все сіе поручаю вашему усмотрѣнію. Начальникъ главнаго штаба моего сообщитъ вамъ подробности моихъ предположеній.

Разсматривая распоряженія ваши насчетъ образованія отрядовъ, я замѣтилъ, что ни въ одномъ изъ нихъ не соединены полки цѣлыми ихъ составами, но что каждый отрядъ составленъ изъ частей разныхъ полковъ. Мнѣ сію я не одобряю, ибо ничто не можетъ такъ разстроить военный порядокъ въ полку, какъ раздробленіе оного на отдѣльныя команды, и потому я настоятельно требую, дабы вы, въ сіе время бездѣйствія, озаботились о соединеніи таковыхъ по всей возможности, и избѣгали всегда и впредь раздробленія оныхъ безъ крайней необходимости, стараясь, дабы каждый полкъ, сколь возможно, поступалъ въ отрядъ въ цѣломъ своемъ составѣ и подъ командою собственныхъ своихъ командировъ, и наблюдая сіе еще болѣе во вновь прибывающихъ 20-й пѣхотной и 2-й уланской дивизіяхъ.

Со взятымъ въ плѣнъ Угурау-ханомъ предоставляю вамъ поступить по ближайшему вашему убѣжденію. Если предложенія его чистосердечны и свѣдѣнія, имъ сообщенныя, достовѣрны, то можно принять его съ благосклонностію. Онъ, конечно, по связямъ своимъ съ Персіей, можетъ быть вамъ полезенъ.

При семъ случаѣ я повторяю вамъ то, о чемъ не однократно къ вамъ писалъ. Всегда лучше подобнаго ему смирять великодушіемъ, чѣмъ наказывать за давнопрошедшіе проступки.

Впрочемъ, пребываю къ вамъ всегда благосклоннымъ.

Николай.

Въ С.-Петербургѣ. Октября 24 дня, 1826 года.

ХІІ.

Алексѣй Петровичъ! По важности военныхъ обстоятельствъ въ Грузіи и Персіи, и дабы имѣть, съ одной стороны, самыя подробныя и вѣрнѣйшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и всѣхъ приуготовительныхъ мѣрахъ, а съ другой усилить и ускорить оныя кратчайшимъ личнымъ сношеніемъ съ вами, отправляю я въ Грузію начальника главнаго моего штаба, объяснивъ ему подробно о предположеніяхъ моихъ, и уполномочиваю его на всѣ мѣры, дабы привести въ точное и безотлагательное исполненіе данныя ему отъ меня личныя наставленія.

Николай.

С.-Петербургъ. 3-го февраля, 1827 года.

Предписаніе Ермолова князю Мадатову во время Персидской войны.

(На французскомъ языкѣ.)

Господину генераль-майору князю Мадатову.

Я получилъ сегодня рапортъ вашего сіятельства, отправленный ко мнѣ съ переводчикомъ Макаровымъ.

Если и справедливо, что Амиръ-ханъ-сардаръ съ сыномъ Аббасъ-мирзы вступаетъ въ Шамшадильскую дистанцію, то у него, судя по полученнымъ нами извѣстіямъ, не можетъ быть большихъ силъ, или, по крайней мѣрѣ, войска его весьма дурны. Вы должны дѣйствовать по обстоятельствамъ, но во всякомъ случаѣ, имѣя достаточно войска и сильную артиллерію, можете заставить этихъ мошенниковъ раскаться въ дерзости. Я собралъ грузинскую милицію и посылаю къ вамъ ту, которая изъ Кузиха, и часть Телавской, — что составляетъ около 500 человекъ конницы. За ними послѣдуютъ Горцы, подъ начальствомъ подполковника Кананова, въ числѣ 200 человекъ конницы и столько же пѣшихъ, — хорошихъ стрѣлковъ, могущихъ быть вамъ полезными.

Хотѣлъ отправить къ вамъ и превосходную милицію изъ Гори, но предпочелъ оставить ее для наблюденія за Борчалинцами, въ вѣрности которыхъ имѣю полное основаніе сомнѣваться.

Третьяго дня Персіане напали на нѣмецкую колонію возлѣ Квеша, разорили ее и безпощадно перерѣзали

несчастныхъ жителей. Борчалинскіе Татары дѣйствовали вмѣстѣ съ непріателемъ и служили ему проводниками.

Со стороны князя Севарземидзева все спокойно. Онъ, по приказанію моему, оставилъ Караклисъ и занимается постройкою укрѣпленія на Желалъ-Оглу. Сардаръ въ совершенномъ бездѣйствіи, старается только взбунтовать казахскихъ и борчалинскихъ Татаръ.

Завтра прибудутъ гвардейскій полкъ и 2-й батальионъ Ширванскаго. Въ невродолжительномъ времени я оставлю Тифлисъ и расположусь лагеремъ по близости.

Постараюсь отправить къ вамъ еще одинъ батальионъ и два орудія; вы же, любезный князь, употребите всѣ силы, чтобы не допустить этой сволочи подаваться впередъ. Каджарамъ никогда еще не приходилось имѣть дѣло съ столь значительными соединенными силами. Ваше мужество и многолѣтнія заслуги ручательствомъ въ томъ, что вы успеете внушить непріателю тотъ ужасъ, какой должны вселять въ него храбрыя русскія войска подъ начальствомъ опытнаго генерала.

Генералъ Ермоловъ.

№ 278.

16 августа, 1826 г.

Тифлисъ.

Два письма Ермолова къ князю Мадатову.

(По-французски.)

I.

Любезный князь!

Провіанту отправлено къ вамъ сегодня не менѣе какъ на 16 дней. Прикажите испечь хлѣбъ поскорѣй, выступайте съ Богомъ. Подковнику Попову поручилъ я передать вамъ мои приказанія по этому предмету.

Сегодня я получилъ отъ князя Меньшикова письмо, которое ему удалось переслать ко мнѣ тайно. Съ 2-го августа онъ находится въ Эривани, гдѣ содержится по приказанію шаха, какъ бы въ ожиданіи отвѣта на сдѣланное имъ предложеніе насчетъ границъ. До Эривани онъ доѣхалъ безъ всякаго сопровожденія, но тамъ учрежденъ за нимъ караулъ, никого не допускающій къ нему. Всѣ офицеры его свиты при немъ.

Князь уведомляетъ, что шахъ переходитъ изъ Ардебилъ и Агаръ въ Уджинъ; но человекъ, доставившій письмо, утверждаетъ, что шахъ все еще въ Ардебилѣ, и при немъ все войско, которое онъ могъ набрать. Эриванская крѣпость ослаблена огромнымъ количествомъ провіанта.

У зриванскаго сардаря 4 батальйона регулярныхъ, 2.000 человекъ пѣхоты изъ милиціи и 5.000 конницы.

Шахъ-Заде, въ Карабагѣ, располагаетъ 9-ю батальйономъ регулярныхъ войскъ, а всего 15.000 человекъ всѣхъ оружій. Податель письма увѣряетъ, что у шаха много регулярныхъ войскъ, но это не совсемъ правдоподобно, потому что прежде у него не было болѣе пяти батальйоновъ.

По словамъ того же человека, сардаръ ничего не предприметъ до тѣхъ поръ, пока Аббасъ-мирза не перейдетъ за Елисаветполь атаковать насъ. Тогда нападеть съ своей стороны и сардаръ.

Онъ же увѣряетъ, что царевичъ, съ 300 человекъ конницы, намѣренъ вступить въ Кахетію, чрезъ Дилижанское ущелье, гдѣ нынѣ находится. Нѣтъ сомнѣнія, что измѣнники Казахцы пропустятъ его. Постарайтесь узнать, кто изъ Агаларовъ окажетъ ему помощь, чтобы въ послѣдствіи наказать виновныхъ.

Преданный вамъ Ермоловъ.

22 августа, 1826 г.

Тифлисъ.

II.

Любезный князь!

Меграли-Ага объяснилъ мнѣ сію минуту, что самъ сардаръ и братъ его Гассанъ-ханъ перешли съ войсками на Майданъ въ Шамшадильскую дистанцію, и что уже вѣроятно спустились съ горъ на Елисаветпольскую дорогу.

Если это правда, то должно полагать, что они намѣрены соединиться съ войсками, находящимися въ Таузѣ и Елисаветполѣ, и атаковать насъ. Не мѣшало бы вамъ имѣть объ этомъ обстоятельныя свѣдѣнія, хотя я и не вѣрю полному извѣстію.

Во всякомъ случаѣ непріятель не могъ прибыть съ большими силами и, по трудности дороги, не могъ взять съ собой артиллеріи. Тѣмъ не менѣе осторожность необходима. Получивъ высланные мною провіантъ и подкрѣпленіе, атакуйте эту негодную сволочь. Вы разобьете ее въ пухъ, если она не разбѣжится. Слѣдуетъ однако полагать, что, состоя преимущественно изъ кавалеріи, непріятель не вступитъ въ серьезное дѣло, а станетъ, по удаленіи нашемъ къ Елисаветполю, тревожить тѣхъ, кои останутся на Акстафѣ, или же отправится вслѣдъ за вами.

Это обстоятельство требует особеннаго вниманія. Может также быть, что непріятель намѣренъ прикрыть движеніе царевича въ Кахетію чрезъ Шамшадильскую дистанцію.

Преданный вамъ Ермоловъ.

23 августа.

Предписанія.

I.

(На франц.)

Господину генераль-майору князю Мадатову.

Татаринъ, присланный ко мнѣ подполковникомъ Грековымъ, объяснилъ моему переводчику, что принцъ Аббасъ-мирза находится на Тертерѣ, что Мехти-ханъ занимаетъ крѣпость, которая взята или сдалась: онъ не знаетъ, что въ Елисаветполѣ непріятель имѣлъ 4.000 регулярнаго войска. Татаринъ, о которомъ я говорю, братъ Мегарди-Али; на него, какъ мнѣ кажется, полагаться нельзя.

Старайтесь, князь, повѣрить свѣдѣнія, доставленные этимъ человѣкомъ, ибо, если они подтвердятся, вамъ придется совершенно переменить планъ дѣйствій, и, не отправляясь къ Елисаветполю, ожидать прибытія къ вамъ войскъ, оставшихся позади.

Я совершенно не вѣрю рассказамъ Татарина именно потому, что, по его словамъ, непріятельскіе аванпосты находятся въ Таузѣ, черезъ который вы перешли два дня уже тому назадъ.

Генераль Ермоловъ.

4 сентября, 1826 г.

Тифлисъ.

II.

Господину генераль-майору и кавалеру князю Мадатову.

Съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ я рапортъ вашего сіятельства объ успѣхѣ, приобретенномъ войскамъ подъ начальствомъ вашимъ. Обстоятельство сіе, чрезвычайно полезное для общей связи дѣлъ, должно произвести ужасное впечатлѣніе на непріятеля, которое слѣдующимъ впередъ войскамъ много облегчитъ успѣхи.

Я со вниманіемъ распросилъ присланнаго вами офицера, и пріятно было мнѣ усмотрѣть, что совершенное разбитіе значительныхъ силъ, нанесенный непріятелю чрезвычайный уронъ, произведены не только не всѣми войсками вашими, но почти безъ дѣйствія пѣхоты, которая состав-

ляла главную вашу силу. Я долженъ отнести сіе къ познанію вами непріятеля и что искусно воспользовались вы благоприятною минутою. Сіе даетъ мнѣ мѣру того, что можно произвести, употребивъ пѣхоту нашу, и какимъ непріятеля силамъ противостать можно съ совершенною на успѣхъ надеждою.

Согласенъ съ мнѣніемъ вашего сіятельства, что едва ли разбитый непріятель остановится въ Елисаветполѣ, ибо когда въ сраженіи были и сынъ Аббасъ-мирзы и Амиръханъ сардаръ, то вѣроятно, что ихъ сопровождали всѣ въ распоряженіи ихъ состоящія войска, и нынѣ нѣтъ резерва въ Елисаветполѣ.

Ожидать можно, что Аббасъ-мирза, принявъ къ сердцу нанесенное пораженіе, вышлетъ въ подкрѣпленіе конницу, не имѣя нужды въ оной при блокадѣ Шуши; напротивъ того, ваше сіятельство примите нужныя предосторожности до прибытія прочихъ нашихъ войскъ.

Принесли вашему сіятельству благодарность за начало, по истинѣ столько блистательное, я съ равною признательностію вижу усердіе храбрыхъ товарищей моихъ, бывшихъ подъ вашимъ начальствомъ, которыхъ, увѣренъ я, не разъ еще будете вы провождать къ побѣдѣ.

7 сентября, 1826 г.
Тифлисъ.

Два письма Ермолова къ князю Мадатову.

I.

Любезный князь Валеріанъ Григорьевич!

Сейчасъ получилъ извѣстіе о занятіи Елисаветполя. Радъ чрезвычайно, что дѣла ваши идутъ блистательно, и не сомнѣваюсь, что Государь будетъ доволенъ, ибо невозможно показалось положеніе наше опаснымъ. Вы узнаете отъ тески Вельяминова, что отъ того послѣдовало.

Истинно почитающій Ермоловъ.

7 сентября, 1826 г.
Тифлисъ.

II.

Любезный князь Валеріанъ Григорьевич!

Вижу изъ послѣдняго письма вашего причины, по коимъ полагаете вы нужнымъ ускорить движеніе въ Карабахъ. Я съ вами согласенъ, но въ одномъ сомнѣваюсь, чтобы могло быть персидскихъ войскъ 50.000 человекъ. Это ариеметака

здѣшнихъ народовъ. Такое число людей, при персидскомъ порядкѣ, уморили бы съ голоду, и потому я не слышомъ сему вѣрю.

Вы, конечно, успѣете, при появленіи въ Карабагъ, многихъ изъ жителей отвлечь отъ хана и, можетъ быть, даже обратить на Персіянъ, — что симъ послѣднимъ было бы весьма невыгодно, ибо малые ихъ отряды, фуражиры, транспорты и тому подобное подверглись бы опасности, и поставило бы ихъ въ большое затрудненіе. Старайтесь, любезный князь, наносить всякій вредъ злодѣямъ. Вы знаете всѣхъ, и къ вамъ жители имѣютъ довѣренность. Лучше васъ никто успѣть не въ состояніи. Пошлите отъ себя бумаги въ Карабагъ, доставьте Реуту свѣдѣніе объ успѣхахъ вашихъ. Теперь найдутся желающіе оказать услуги.

Не оскорбитесь, ваше сіятельство, что вы лишаетесь случая быть начальникомъ отряда, тогда какъ предлежитъ ему назначеніе блистательное *. Конечно, это не сдѣлаетъ вамъ удовольствія, но случай сей не послѣдній, и вы, безъ сомнѣнія, успѣете показать, сколько давнее пребываніе ваше здѣсь, столько знаніе непріателя и здѣшнихъ народовъ можетъ принести пользы службѣ Государя. Употребите теперь дѣятельность вашу и помогайте всѣми силами новому начальнику, который, по незнанію свойствъ здѣшнихъ народовъ, будетъ имѣть нужду въ вашей опытности.

Обстоятельства таковы, что мы всѣ должны дѣйствовать единодушно.

Давайте мнѣ свѣдѣнія о Карабагѣ; и кто усердствуетъ и кто измѣнилъ вамъ.

Прощу васъ, любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ, трудиться всѣми силами. Надобно выгнать изъ Карабага злѣйшаго изъ враговъ нашихъ, Аббасъ-мирзу. Способствуйте сему всѣми зависящими отъ васъ средствами.

Прощайте.

Душевно почитающій Ермоловъ.

9 сентября, 1826 г.

Тифлисъ.

* Передъ прибытіемъ къ войску генерала Паскевича, Мадатовъ прислалъ Ермолова о присылкѣ въ дополненіе къ его отряду 3 батальоновъ пѣхоты и 1 казачьяго полка, и намѣренъ былъ дать генеральское сраженіе.

Дѣйствія князя Мадатова, въ началѣ Персидской войны, по предписаніямъ Ермолова.

По Гюлистанскому договору, часть Чаундурскаго и Капанскаго магаловъ, со всѣми землями по лѣвую сторону Капанъ-Чая и Чаундуръ-Чая, отошли къ Россіи и поступили въ составъ Карабагской области; пространство между Мигри-Чаемъ, Капанъ-Чаемъ и Араксомъ оставалось еще спорнымъ и не размежеваннымъ. Сіи-то земли послужили предлогомъ къ войнѣ.... Персія, захвативъ ихъ вопреки договору, вынудила закавказское начальство двинуть наблюдательный отрядъ къ горамъ, окружающимъ озеро Тохча, въ сѣверной части Эриванской провинціи..... Лѣтомъ 1826 г., Аббасъ-Мирза принялъ главное начальство надъ войсками и внезапно вторгся въ наши предѣлы. Одинъ отрядъ подъ его личнымъ предводительствомъ, бросился въ Карабагъ, а другой, подъ командою эриванскаго сардара Гусейнъ-хана, въ Бамбахскую дистанцію и провинцію Шурагель. Аббасъ-Мирза, разбивъ батальонъ 42-го егерскаго полка въ сел. Гарюсы... и тѣсно обложивъ крѣпость Шушу, послалъ передовой отрядъ для занятія Елисаветполя.

..... 10 августа, Мадатовъ получилъ въ Тифлисѣ предписаніе принять въ свою команду 9 ротъ пѣхоты, съ 6-ю орудіями, которыя были уже на маршѣ, слѣдовать въ Казахскую дистанцію, на рѣку Акстафу, и тамъ принять въ свое начальство отрядъ подполковника графа Симонича, состоявшій изъ одного батальона Грузинскаго гренадерскаго и одного батальона Ширванскаго пѣхотнаго полковъ....

Главная цѣль назначенія этого отряда состояла въ томъ, чтобъ удержать жителей Казахской дистанціи отъ возмущенія, къ которому склоняли ихъ Персіане разными нелепыми средствами, и прекратить разбои уже возмущившихся жителей Елисаветпольскаго округа и Шамшадильской дистанціи. Движеніе этого отряда генераль Ермоловъ почиталъ нужнымъ и потому, чтобъ успокоить жителей Грузіи, испытывавшихъ въ минувшія времена ужасныя бѣдствія отъ вторженія Персіанъ и, при настоящемъ нашествіи, приходившихъ въ чрезвычайное уныніе. Но до прибытія ожидаемыхъ войскъ съ Кавказской линіи главнокомандующій не желалъ начинать никакого дѣйствія, развѣ бы самъ неприятель подалъ къ тому поводъ и представился случай

вѣрнаго успѣха; посему и приказалъ ему князю Мадатову, если непріятель придетъ изъ Карабага въ несоразмѣрныхъ силахъ и поставитъ отрядъ его въ затруднительное положеніе имѣть въ то же время дѣло со всѣми войсками сардаря Эриванскаго, — отступить въ Борчалинскую дистанцію, оставя передъ собою Красный мостъ (на рѣкѣ Храмѣ). Если же непріятель не будетъ наступать на него съ большими силами, тогда велѣно было ему остаться наблюдать Дилижанское ущелье, и не иначе дѣлать движеніе, какъ только частью войскъ, которая бы могла безпрепятственно соединяться, когда надобность того потребуетъ. „Привозите къ себѣ благонамѣреннѣйшихъ изъ Агаларовъ,“ говоритъ генералъ Ермоловъ въ инструкціи, данной князю Мадатову, „внушите имъ ихъ обязанности быть вѣрными подданными своему Государю. Я имѣю извѣстіе, нѣсколько уже подтвержденное, что они ведутъ переговоры съ сардаремъ эриванскимъ и допустили непріятеля въ Дилижанское ущелье, чего, безъ измѣны, произойти не могло, ибо непріятель нашелъ бы тамъ свою гибель. Если вашему сіятельству представится случай имѣть сообщеніе съ Нухою, то объявите жителямъ ея въ прокламаціи, чтобъ она немедленно изгнала людей коварнаго Салимъ-хана, или кровью своею заплатятъ за гнусную измѣну, и что однимъ изгнаніемъ бродягъ сихъ они могутъ снискать себѣ прощеніе. Весьма правдоподобно, что они сего исполнить не пожелаютъ, но легко быть можетъ, что боязнь наказанія за неисполненіе произведетъ несогласіе, и пришлецъ будетъ опасаться онаго.

„Старайтесь, ваше сіятельство, достать въ дистанціи провіантъ для войскъ, въ командѣ вашей состоящихъ; когда жители казахскіе спустятся съ горъ въ свои жилища, къ чему сколько возможно побудить ихъ необходимо, то учредить изъ нихъ почты для препровожденія бумагъ. При всей надеждѣ на бдительность вашего сіятельства, я не могу не подтвердить вамъ, что осторожность необходима, что сколько робкимъ ни замѣченъ непріятель, презирать его не должно, что гораздо полезнѣе противопоставить непріятелю соединенныя силы для большей вѣрности въ успѣхъ, нежели подвергнуться опасности дѣйствовать силами недостаточными, изъ одного тщеславія противоборствовать сильнѣйшему.“

.

21-го августа неприятельскій отрядъ (грузинскаго царевича Александра, состоявшій изъ 2000 персидскихъ войскъ и приставшихъ къ нему Татаръ, на Шамхорокихъ горахъ, близъ рѣчки Загамъ) былъ разбитъ, и войска его, преслѣдуемая Русскими, бѣжали въ безпорядкѣ къ Елисаветполю.... „Благодарю васъ, любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ,“ — писалъ послѣ этого генералъ Ермоловъ, 27 августа, „за прогнаніе мерзавцевъ и ожидаю отъ того хорошихъ послѣдствій. Хорошо сардаръ, если точно справедливо, что онъ отошелъ отъ Соухбулика. Вамъ предлежитъ прогнать еще одного сардаря изъ Елисаветполя. Воображаю, что ханъ не располагаетъ своего царствованія на долгое время, и надобно изгнать мошенника. Прикажете, любезнѣйшій князь, артиллерійскимъ офицерамъ сберегать снаряды и не пріучать неприятеля къ пустой пальбѣ. Пороху и свинцу трудно къ вамъ доставлять, для грузинской милиціи можете взять патроны изъ батальоновъ, но вдругъ по маюгу не выдавать. Остерегайтесь, чтобы Грузины не бросились на грабежъ въ Елисаветполь, особенно.....за когорта, ибо голы совершенно и..... преужасны. Особенно хваите отъ нихъ Армавъ, ибо они никого не разбираютъ.

„Не умедлю отправить и остальныхъ войска, назначенныя на дальнѣйшія предпріятія. Теперь спѣшу приугодвленіемъ парка, ибо артиллерія должна играть важную роль. Будетъ довольно патроновъ; умножу и артиллерию. Предупредите моихъ товарищей, что требую отъ нихъ подвиговъ, достойныхъ Кавказскаго храбраго корпуса. Прощай, любезный. Дай Богъ, князь, тебѣ счастья.“

Между тѣмъ положеніе Закавказскаго края становилось часъ отъ часу затруднительнѣе. Крѣпость Шуша, въ которую полковникъ Реутъ едва успѣлъ войти съ 6-ю ротами 42-го егерскаго полка, имѣвшаго штабъ-квартиру въ селеніи Чанахчи, была тѣсно обложена войсками Аббасъ-мирзы. Весь Елисаветпольскій округъ занятъ былъ Персіянами; всѣ сообщенія между Грузіей и мусульманскими провинціями прерваны, ближайшія нѣмецкія колоніи раззорены неприятелемъ, жители увлечены въ плѣнъ. Съ другой стороны сардаръ эриванскій, съ 5-ю батальонами пѣхоты и 8,000 конницы, ожидалъ только возможности соединиться съ Аббасъ-мирзою, чтобы совместно открыть наступательныя дѣйствія; оба они всѣми способами старались

возмущать жителей противъ Россіи. Угрозы, награды, общианія, фанатизмъ, ничто не было забыто, и самые Грузины, вспоминая несчастную эпоху 1795-го года и звѣрство персидскаго шаха Ага Магмедъ-хана, который сжегъ Тифлисъ и увелъ до 70 тысячъ семействъ въ плѣнъ, въриди нелѣпнымъ слухамъ, распространяемымъ непріятельскими агентами, и нѣкоторые даже зарывали свои имущества въ землю.

При такомъ положеніи дѣлъ, угрожавшемъ гибельными послѣдствіями, въ странѣ, населенной единоувѣрцами непріятелей, необходимы были рѣшительныя и скорыя мѣры. Генераль Ермоловъ, извѣщенный о движеніи непріятели, разрѣшилъ князю Мадатову, по заготовленіи десяти-дневнаго продовольствія, слѣдовать, съ частію своего отряда, къ Елисаветполю и открыть наступательныя дѣйствія.

„Не перемѣняй ничего въ моемъ распоряженіи, пишетъ генераль Ермоловъ (28 августа), и ступай съ Богомъ! Будь остороженъ въ Елисаветполѣ, и если точно придетъ Аббасъ-Каджаръ, то имѣй средства узнать заблаговременно, и во всегдашней будь готовности двинуться. Противу силъ несоразмѣрныхъ не здавайся въ дѣло. Намъ надобенъ вѣрный успѣхъ, и таковой приобрѣтешь ты со всеми твоими войсками, безъ сомнѣнія; а я даю еще батальонъ и артиллерию, тогда не дожидаться Каджаровъ, но и самихъ ихъ отыскивать возможно! *Суворовъ* не употреблялъ слова *ретирата*, а называлъ оную *прогулкою*. И вы, любезнѣйшій князь, прогуляйтесь вовремя, когда будетъ не подъ силу; стыда ни мало въ томъ нѣтъ. Если, любезный князь, разсѣяніе непріятельской конницы въ Таузѣ произвело впечатлѣніе, то я ожидаю, что изгнаніе Персіянъ и пришлеца хана изъ Елисаветполя сдѣлаетъ большое и для насъ полезное дѣйствіе. Ожидаю извѣстій о Реутѣ, но ихъ нѣтъ, и я боюсь ужасно, чтобъ онъ не далъ себя обмануть. Неужели никто не пройдетъ изъ столькихъ людей посланныхъ и мы ничего не узнаемъ? Прощайте, любезный князь; дай Богъ вамъ счастья, и я надѣюсь!“

....Персіяне, перебравшись чрезъ рѣку Шамхоръ, построились въ боевой порядокъ на правомъ ея берегу.... подъ предводительствомъ Махмедъ-мирзы, старшаго сына

Аббасъ-мирзы, и Амиръ-хана сардаря, зятя шаха и главнокомандующаго его арміей.

Мадатовъ велѣлъ кареямъ быстро подаваться впередъ и самъ повелъ ихъ въ дѣло..... Магмедъ-мирза первый обратился въ бѣгство..... На мѣстѣ сраженія палъ самъ главнокомандующій.... Амиръ-ханъ-сардаръ.....

(Князь Мадатовъ вступилъ въ Елисаветполь, оставленный непріателемъ.)

Князь Мадатовъ, представляя генералу Ермолову, отъ 10-го сентября, подробности шамхорскаго дѣла, заключаетъ донесеніе свое: „такъ храбрые воины императора нашего исполнили приказаніе вашего высокопревосходительства: идти съ малыми силами и побѣдить непріателя, *въ пять разъ* числомъ превосходившаго.“

Самое важное послѣдствіе (шамхорской побѣды) было снятіе осады Шуши, которую осаждалъ самъ Аббасъ-мирза съ главною арміей.

...11 сентября, генераль-адъютантъ Паскевичъ прибылъ къ Елисаветполю и принялъ начальство надъ всѣми войсками.

Генераль-адъютантъ Паскевичъ преслѣдовалъ непріателя 12 верстъ по большой дорогѣ до рѣчки Куракчая.... объялъ Мадатова, благодарилъ....

...17-го сентября разбитая армія Аббасъ-мирзы переправилась за Араксъ; 18-го уже ни одного непріателя не оставалось въ Карабагѣ. Аббасъ-мирза съ небольшимъ числомъ прискакалъ въ Таврисъ....

Въ первыхъ числахъ декабря, князь Мадатовъ, по требованію генерала Ермолова, пріѣхавшаго въ то время въ Нухинскую провинцію, вызванъ былъ для личнаго совѣщанія, и получилъ секретное предписаніе сдѣлать экспедицію за Араксъ.

9-го января (1827 года) князь предпринялъ обратный путь къ предѣламъ Россіи....

Эта экспедиція принесла намъ слѣдующую пользу: силь-

вый страх былъ наведенъ на персидское правительство и на вѣроломныя сосѣднія племена; огромные запасы провѣанта и фуража, приготовленные Персіянами для предстоящей въ слѣдующемъ году кампаніи, были истреблены; русскіе подданные были освобождены и могли возвратиться въ предѣлы Россіи; отбитые 2000 верблюдовъ у Шахсванцевъ, главныхъ пограничныхъ грабителей, были употреблены для перевозки провѣанта въ кампанію 1827 года,* и наконецъ собраны были не только подробныя свѣдѣнія о семь краѣ, но вообще о внутреннемъ состояніи Персіи, которыя и были сообщены княземъ Мадатовымъ графу Дибичу, находившемуся тогда въ Тифлисѣ.

Въ 1827-мъ году, 17-го марта, генералъ Ермоловъ (за 10 дней до своей отставки) поручилъ князю Мадатову командованіе отдѣльнымъ отрядомъ, съ которымъ ему назначено было дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ въ предстоящемъ весеннемъ походѣ... Князь Мадатовъ, первый, открылъ наступательныя дѣйствія... Въ первый же день очищенъ былъ отъ непріятеля лѣвый берегъ Аракса, а на другой день и правый. Персидскій пятитысячный отрядъ удался... 22-го апрѣля получено отъ Паскевича повелѣніе о сдачѣ отряда князя Мадатова генералъ-майору Панкратьеву... Потомъ Мадатовъ получалъ позволеніе отправиться въ Петербургъ...

Письмо Ермолова къ императору Николаю Павловичу, коимъ просилъ онъ о своемъ увольненіи.

Ваше Императорское Величество!

Не имѣвъ счастья заслужить довѣренность Вашего Императорскаго Величества, долженъ я чувствовать, сколько можетъ беспокоить Ваше Величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены чловѣку, не имѣющему ни довольно способностей, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣрен-

* Когда русскій отрядъ пришелъ въ Нахичеваль, то все продовольствіе оставалось изъ Карабага, и доставка эта производилась на верблюдахъ.

ности Вашего Императорскаго Величества поставляетъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается мыслію, что не буду я имѣть исполнить волю Вашу, Всемилоостави́шій Государь.

Въ семь положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю однакоже просить объ увольненіи меня отъ командованія Кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ это быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодолимыми. Но устраивая всѣ виды личныя выгоды, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общеою, которая всегда была главною цѣлью всѣхъ моихъ дѣйствій.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

Ермоловъ.

Письмо Ермолова къ г. Устрялову, по поводу выраженной употребленныхъ имъ въ его исторіи царствованія Императора Николая.

Милостивый Государь,

Николай Герасимовичъ!

Увлекаясь общимъ любопытствомъ прочитатъ исторію достославнаго царствованія нашего Государя Императора, долго не могъ я приобрѣсть сочиненія вашего, всѣми отыскиваемого съ большимъ желаніемъ, и потому недавно ознакомился съ его содержаніемъ.

Не разсуждая объ историческомъ изложеніи труда вашего, я почитаю себя въ правѣ говорить, что въ немъ упомянувши обо мнѣ, вы изволили изобразить меня въ чертахъ совершенно несвойственныхъ ни личному моему характеру, ни поприщу пройденному мною на службѣ, и что прежде нежели приступить къ тому, не было бы излишнимъ принять въ руководство свѣдѣнія болѣе основательныя или по крайней мѣрѣ правдоподобныя, хотя впрочемъ долженъ я, не желая подозрѣвать другую причину, предположить, что въ изложеніи вы искали собласта добросовѣстность.

Не въ защиту свою, въ которой не имѣю надобности, рѣшился я обнаружить ошибку вашу, но малѣйшее искаженіе истины оскорбляетъ достоинство исторіи и потрясаетъ довѣріе къ цѣлому труду.

По произволу вашему приписавъ мнѣ недостатокъ способностей, вы отрицаете прозорливость покойнаго императора, котораго продолжительная борьба съ величайшимъ своего времени полководцемъ и изложеніе его поставили на такую высокую степень славы, каковой судьба немногимъ достигнуть предоставляетъ. Послѣ сего нельзя безъ дерзости предположить, чтобы въ лицахъ имъ избираемыхъ недостатки способностей могли легко укрываться отъ его провидѣтельности и легко быть замѣчаемы другими. Всѣ назначенія мои по службѣ опредѣляемы были непосредственною его волей. Такъ, въ 1812 году, эпоху отечественной войны, былъ я начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи; въ 1814 году поручено мнѣ было болѣе 80 т. войскъ, расположенныхъ на границѣ съ Австріей; наконецъ, за шесть лѣтъ предъ удаленіемъ моимъ изъ Грузіи, я былъ назначаемъ начальствовать арміею въ Италіи, болѣе нежели изъ ста тысячъ человѣкъ составленною, и для того вызванъ въ Лайбахъ, гдѣ отзвѣвъ обо мнѣ покойнаго императора императору австрійскому могъ быть лествѣншею наградою для каждаго.

Прежняя война съ Персіей была современною войнѣю отечественной и, не взирая на ограниченность средствъ командовавшаго тогда на Кавказѣ генерала Ртищева, кончена со славою для оружія нашего и съ пріобрѣтеніями. Во время пребыванія моего въ Грузіи отличныя войска Кавказскаго корпуса значительно умножены, и сверхъ того нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ усилены были двумя дивизіями. Персіянами предводительствовалъ сынъ шаха Аббасъ-марза, столько же извѣстный отсутствіемъ воинственныхъ дарованій, сколько знаменитый пораженіями русскихъ войскъ. Вамъ, милостивый государь, многое не извѣстно; но я, зная хорошо обстоятельства, войну съ Персіянами не могъ встрѣтить безъ основательной надежды на успѣхъ и чувствовать въ себѣ недостатокъ способностей, когда во многихъ изъ подчиненныхъ мнѣ находилъ ихъ достаточными для Персіянъ.

Не оскорбленное самолюбіе, но признательность къ довѣрію, котораго удостоенъ я былъ покойнымъ императоромъ до конца его царствованія, и уваженіе къ памяти обо мнѣ

прежнихъ моихъ сослуживцевъ вызвали меня замѣтить вамъ милостивый государь, эту непопозволительную ошибку.

Съ должнымъ уваженіемъ имѣю честь быть,
милостиваго государя, покорнѣйшій слуга,
Ермоловъ.

Представивъ подлинныя документы объ этомъ важнѣйшемъ и несчастнѣйшемъ для Ермолова событіи въ его жизни, прилагаемъ отзвыы и сужденія князя Н. Б. Голицына и Д. В. Давыдова.

Къ біографіи Алекся Петровича Ермолова.

(Изъ записки князя Николая Борисовича Голицына, доставленной М. П. Погодину.)

Находясь при немъ, когда онъ уволенъ былъ отъ командованія Кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ, я могу передать нѣсколько изъ тѣхъ событій, когорыя постепенно готовили и ускорили его паденіе.

Онъ первый вступилъ въ бой съ черкесскими племенами горныхъ обитателей, населяющихъ цѣпь горъ, простирающуюся отъ Чернаго до Каспійскаго моря; въ Грузіи, Имеретіи и прочихъ Закавказскихъ провинціяхъ предстояло вводить гражданское и военное управленіе. Задача огромная и трудная, требующая неограниченной власти. Армію онъ образовалъ по своему разумнью, создалъ непобѣдимыхъ воиновъ, для которыхъ онъ былъ родъ кумира, — такъ велика была любовь, которую онъ умѣлъ внушить всѣмъ своимъ подчиненнымъ Ермоловъ дѣйствовалъ какъ начальникъ обширнаго края, соображаясь съ обстоятельствами, иногда самыми непредвидимыми. По дѣлу о неопредѣленіи точныхъ границъ между нашими и персидскими владѣніями, послѣ Гюлистанскаго мира въ 1813 году, Ермоловъ отправился еще въ 1817 году въ качествѣ посла въ Тегеранъ. Тамъ онъ убѣдился, что

Персія, по настроенію Англіи, ожидала только удобнаго случая, чтобы вторгнуться въ наши предѣлы и объявить намъ войну, заставъ насъ врасплохъ. Съ военными средствами, которыми располагалъ Ермоловъ, ему было невозможно привести въ исполненіе всѣ необходимыя мѣры для обороны противу неожиданнаго вторженія. Надобно было усилить армію, укрѣпить Ленкоранъ и другіе пункты, изготовить запасы продовольствія и всего, что нужно для дѣйствующаго войска. Но какъ вопросъ этотъ, по существу своему, былъ чисто политическій, то Ермоловъ разсудилъ списаться предварительно съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, чтобы сообщить ему свои убѣжденія относительно Персидскаго двора. Но тутъ онъ нашелъ совершенное сопротивленіе его понятію о положеніи дѣла. Переписка продолжалась довольно долго и безъ успѣха. Между тѣмъ узнали, что персидскій шахъ оскорбился неприличнымъ обхожденіемъ русскаго посла, который будто ни шубы, ни теплыхъ сапогъ ни скидывалъ въ присутствіи азіатскаго монарха. Не знаю, насколько это справедливо, но знаю, что Алексѣй Петровичъ, при прощаніи съ шахомъ, сказалъ ему, что онъ желалъ бы имѣть *глаза на затылкъ*, чтобы созерцать лицо его, когда поѣдетъ обратно. Понравился ли этотъ азіатскій комплиментъ шаху, не знаю; но свиданіе не склонило къ миролюбивымъ чувствамъ никого съ обѣихъ сторонъ. Графъ Нессельродъ между тѣмъ не переставалъ твердить, что ему хорошо извѣстна политика Англіи, и что она во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительна.
При такомъ положеніи дѣла, Ермолову не было повода относиться къ военному министру объ усиленіи арміи и прочаго. Съ того времени * и начали распространяться разные неаппетитные толки о Ермоловѣ.
Вдругъ получено было извѣстіе, что Аббазъ-мирза вторгнулся въ наши Закавказскія владѣнія съ огромнымъ числомъ войска. Такое событіе было приписано оплошности Ермолова. Къ счастью, что Аббазъ-мирза, ожидавшій сильнаго сопротивленія, оставался три мѣсяца въ бездѣйствіи при осадѣ ничтожной крѣпости Шуши: онъ могъ бы идти на Тифлисъ и овладѣть этимъ городомъ безъ боя. . . .

* Но вѣдь война Персидская началась чрезъ десять лѣтъ послѣ посольства, въ продолженіи коихъ Ермоловъ управлялъ Грузіей съ полною властію, и пользовался неограниченною довѣренностью императора Александра. Слѣдовательно, едва ли есть такая связь между сими событіями.
М. П.

Тогда былъ отправленъ въ Грузію генералъ-адъютантъ Паскевичъ, чтобы сообщая съ Ермоловымъ принять всѣ нужныя мѣры въ такихъ обстоятельствахъ. Война съ Персіею была объявлена.

Въ это время я проживалъ въ деревнѣ, бывъ подполковникомъ по арміи. Сейчасъ подалъ я прошеніе о назначеніи меня въ Кавказскій отдѣльный корпусъ, и я назначень состоятъ при главнокомандующемъ, генералѣ Ермоловѣ. Прѣзжая черезъ Ставрополь, въ февралѣ 1827 г., я видѣлся съ бывшимъ начальникомъ моимъ генераломъ Еммануелемъ, командовавшимъ тогда всѣми войсками, на Кавказской линіи расположенными. Отъ него узналъ я, что происходитъ въ Тифлисѣ.

Время проходило очень пріятнымъ образомъ, большею частію у Ермолова. Въ Тифлисѣ нашелъ я корнета лейбъ-гвардіи Коннаго полка, князя Суворова, нынѣ с. петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, флигель-адъютанта князя Николая Андреевича Долгорукова, и нѣсколько другихъ петербургскихъ знакомыхъ. Разъ какъ-то я пошелъ въ тифлисскую почтовую контору, и почтмейстеръ спрашиваетъ меня, ожидаютъ ли сюда начальника штаба барона Дибича, что на имя его полученъ конвертъ съ экстра-почтой. Эту вѣсть передалъ я за обѣдомъ генералу Ермолову, но онъ замѣтилъ, что это ошибка; прибыть долженъ въ Тифлисъ братъ его, полковникъ Дибичъ, который назначень недавно на службу въ Кавказскій корпусъ. Но едва успѣли встать изъ-за стола, какъ приносятъ конвертъ, по вѣстафетѣ посланный изъ Георгіевска: тутъ извѣщается, что баронъ Дибичъ будетъ къ двумъ часамъ по полудни на слѣдующій день, и чтобъ ему высадили на послѣднюю станцію дрожки. Былъ я свидѣтелемъ, какъ явился къ Ермолову во всей формѣ Дибичъ. Свиданіе было не продолжительное, и онъ отправился на площадь, гдѣ его ожидалъ Паскевичъ для представленія всѣхъ наличныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Чтò послѣ того происходило между этимъ триумвиратомъ высшихъ сановниковъ, никому не извѣстно, только въ концѣ марта того же 1827 года объявленъ въ Тифлисѣ высочайшій приказъ въ тотъ самый день, какъ онъ напечатанъ въ Петербургѣ: Ермоловъ увольняется отъ занимаемой должности, а на мѣсто его назначень Паскевичъ. Въ послѣдствіи оказалось, что пріѣздъ Дибича въ Тифлисъ имѣлъ главною цѣлью узнать мнѣніе каждаго изъ начальниковъ, какъ они полагаютъ покончить начатую войну противъ Персіи. Этотъ вопросъ имѣлъ свою важность, потому

что предвидѣлась война съ Турками; слѣдовательно нужно было какъ можно скорѣе кончить начатую войну. Здѣсь Ермоловъ въ отвѣтъ своему сдѣлалъ огромную ошибку, которая была единственною причиною его удаленія
 Онъ изложилъ, что онъ, Ермоловъ, не предвидитъ, когда можно будетъ положить конецъ этой неожиданной войнѣ. Паскевичъ отвѣчалъ, что онъ кончитъ войну въ томъ же году, и что миръ будетъ немедленно заключенъ. По полученіи этихъ двухъ мнѣній, состоялся вышеупомянутый приказъ, и Дибичъ остался на нѣсколько времени, чтобы все приготовить къ предстоящей кампаніи, которая и положила конецъ войнѣ

Отзывъ и извѣстія Д. В. Давыдова.

Два раза Алексѣй Петровичъ Ермоловъ представлялъ покойному императору о назначеніи меня областнымъ начальникомъ линіи и два раза получалъ отказъ; мнѣ предпочли Лисаевича и князя Горчакова.

Хотя генералъ Ермоловъ, во время командованія своего въ семь край, перенесеніемъ съ лѣваго крыла линіи на рѣку Сулжу и построеніемъ крѣпости *Грозной* на ея берегу, обуздалъ Чеченцевъ, но, не смотря на то, одинокіе наѣзды изрѣдка пробіраются сквозь войска наши и являются небольшими толпами на дорогѣ между Екатериноградомъ и Владикавказомъ.

(При представленіи государю во время коронаціи) Дибичъ спросилъ (генерала Петра) Ермолова: „Давно ли вы получали письма отъ Алексѣя Петровича?“ Ермоловъ отвѣчалъ ему: „Давно уже,“ — и Дибичъ отошелъ прочь. Услышавъ это, я сказалъ Ермолову: „Видно, братъ, въ Кавказскомъ корпусѣ что-то нездорово!“ Я полагалъ, что Черкесы, сдѣлавъ какой-нибудь набѣгъ, разграбили какое-нибудь селеніе и увели въ плѣнъ жителей, какъ иногда случалось. Многочисленные и сильные недоброжелатели Ермолова, извѣстныя своими посредственными способностями и весьма сомнительнымъ безкорыстіемъ, силились, вѣроятно, придать этому обстоятельству наибольшее значеніе.

Ермоловъ, доносившій покойному государю, тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Тегерана, о враждебныхъ противъ насъ намѣреніяхъ Персіянъ, извѣщалъ ежегодно по нѣсколько разъ его величество о приготовленіяхъ къ войнѣ Аббасъ-мирзы, находившагося подъ вліяніемъ окружавшихъ

его Англичанъ. Присылка новыхъ войскъ и заготовленіе провіанта въ Астрахани и Баку, о чемъ Ермоловъ не разъ тщетно ходатайствовалъ, становились вполне необходимыми. Выѣхавшій изъ С.-Петербурга въ срединѣ декабря 1825 года англійскій полковникъ Шиль, встрѣтившій въ проѣздѣ свой черезъ Грузію лишь слабыя отряды наши, убѣдилъ принца, полнымъ довѣріемъ котораго онъ пользовался, не откладывать болѣе своего наступленія; по мнѣнію Шила, невозможно было открыть непріязненныя дѣйствія при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Князь Меншиковъ, отправленный посломъ въ Тегеранъ, встрѣтилъ уже близъ самой границы наступающія полчища Аббасъ-мирзы, вѣроломно нарушившаго миръ. Полковникъ Назимокъ, находившійся на границѣ и коему надлежало послѣшно отступать для присоединенія къ главнымъ силамъ, не оправдалъ полководца имъ въ прежней войнѣ съ Персіянами Георгіевскаго креста; непріятель, воспользовавшись огромнымъ превосходствомъ своимъ въ силахъ, истребилъ двѣ роты и овладѣлъ двумя пушками. (Разказавъ объ этомъ съ очевиднымъ неудовольствіемъ, государь отпустилъ Давыдова, передавъ нѣкоторыя приказанія Алексѣю Петровичу).

(Наканунѣ отъѣзда Давыдовъ узналъ отъ прибывшаго изъ Грузіи адъютанта Алексѣя Петровича Ермолова, Талызина), что Аббасъ-мирза... вступилъ со ста тысячами войска въ Карабахъ, обложилъ крѣпость Шушу, въ коей заперся полковникъ Реуць съ частью своего полка, ибо нѣсколько ротъ, стоявшія на границѣ, погибли уже при ихъ вторженіи; Персіяне идутъ усиленными маршами къ Тифлису, отъ котораго, по послѣднему извѣстію, они лишь въ 150 верстахъ. Со стороны Эриванской крѣпости сардаръ эриванскій съ братомъ своимъ Гассанъ-ханомъ, овладѣвъ Бамбакскою и Шурегельскою провинціями, протерли наѣзды свои до Квеша за 50 верстъ отъ Тифлиса, гдѣ, разграбивъ нѣмецкую колонію, увели жителей въ Персію. Съ нашей стороны Алексѣй Петровичъ, располагающій самыми ничтожными средствами, собираетъ войска и даже послалъ повелѣнія нѣкоторымъ батальонамъ, находящимся на линіи, спѣшить къ Тифлису, гдѣ, при всемъ томъ, ему нельзя собрать болѣе 8000 человекъ, не обнаживъ другихъ пунктовъ, занятіемъ которыхъ обезпечивается спокойствіе въ горахъ и повиновеніе дикихъ и воинственныхъ народовъ, обитающихъ на единственномъ сообщеніи его съ Россіей.

..... (Въ Ставрополѣ) сообщилъ мнѣ Горчаковъ... что гвардейскій сводный полкъ, подъ командою полковника

Шипова, и батальонъ Ширванскаго полка находились на походѣ къ Тифлису, куда имъ вѣрно было идти усиленными переходами.

Въ Владикавказѣ... полковникъ путей сообщенія Гозиусъ, недавно пріѣхавшій изъ Тифлиса для исправленія дороги и мостовъ, испорченныхъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ, вслѣдствіе заваловъ Казбека ночью съ 15-го на 16 число августа... сказалъ мнѣ, что Ермоловъ собираетъ войска въ Тифлисъ и еще лично тамъ; что Аббасъ-мурза съ 100,000-ю его арміею въ Елисаветполѣ, авангардъ его въ Шамхорѣ; что Шуша блокирована (и пр.)... что противъ Аббасъ-мурзы князь Мадатовъ съ 3-мя тысячами, а противъ сардаря полковникъ князь Сивардземидзевъ съ Тифлискимъ пѣхотнымъ полкомъ на Каменной рѣчкѣ въ урочищѣ Джелаль-Оглу близъ Лори. Въ Тифлисъ все покойно и нисколько не опасаются неприятеля, полагаясь во всемъ на Ермолова, обнаруживающаго невозмутимое хладнокровіе.

Паскевича... Ермоловъ пріялъ ласково

...Даровитый писатель (Грибоѣдовъ) долженъ былъ бы довольствоваться славой, столь справедливо, заслуженною имъ въ литературномъ мірѣ. Онъ довольно долго служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ и числился одно время совѣтникомъ при нашемъ посланникѣ въ Тегеранѣ Мазаровичѣ, человѣкъ весьма полезномъ и способномъ. По представленію Ермолова, оцѣнившаго рѣдкія способности Мазаровича, который былъ медикомъ, онъ былъ назначенъ первымъ постояннымъ посланникомъ при Персидскомъ дворѣ. Грибоѣдову, незнакомому ни съ какими формами, приходилось иногда, за отсутствіемъ Мазаровича, писать бумаги въ Тифлисъ, гдѣ онъ возбуждали въ канцеляріи Ермолова лишь смѣхъ. Ермоловъ, разумѣвшій Грибоѣдова человѣкомъ, одареннымъ блестящими способностями, вполне пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ, почиталъ его однако совершенно бесполезнымъ для службы. Алексѣй Петровичъ, не охотно увольнявшій въ отпускъ людей полезныхъ и усердныхъ, позволяя Грибоѣдову отлучаться часто и на продолжительное время. Онъ однако очень любилъ Грибоѣдова и былъ въ полномъ смыслѣ слова его благодѣтелемъ; не говоря уже о всевозможномъ его вниманіи къ знаменитому автору *Горе отъ ума*, онъ оказалъ ему такую услугу, какую Грибоѣдовъ былъ въ правѣ ожидать лишь отъ роднаго отца. Онъ спасъ его отъ послѣдствій одного весьма важнаго дѣла, которыя могли бы быть для Грибоѣдова крайне неприят-

ны * Увлечшись честолюбивыми побужденіями, Гробоѣдовъ, подобно многимъ лицамъ, нѣкогда благодѣтельствованнымъ Ермоловымъ отплатилъ ему также за все прошлое неблагодарностью. Вытребованный въ С.-Петербургъ, ояъ былъ вскорѣ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, получилъ довольно значительную сумму денегъ и вновь присланъ на Кавказъ, гдѣ его поведеніе не могло не возбудить во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ истиннаго удивленія и сожалѣнія Будучи отправленъ во второй разъ въ С.-Петербургъ для подвесенія Государю Туркманчайскаго договора, ояъ сказалъ другу своему С. Н. Бѣгичеву: „Я вѣрный злодѣй Ермолова“ **. Ояъ говорилъ около того же времени на одному слѣдующее: я на сей разъ не иначе возвращусь въ Грузію, какъ въ качествѣ послаанника при Тегеранскомъ дворѣ.“ Ояъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и, благодаря покровительству графа Паскевича, получилъ желаемое назначеніе въ Тегеранъ, гдѣ сдѣлался жертвою своей ошибки.

Ермоловъ не имѣвшій ни малѣйшаго повода опасаться военныхъ дарованій Аббасъ-мирзы, съ которымъ ояъ весьма коротко познакомился еще въ 1817 году, и его безпорядочнаго, хотя и многочисленнаго войска, въ коемъ было лишь нѣсколько 6-ти-фунтовыхъ пушекъ и много пушечекъ, навьюченныхъ на верблюдахъ, которыхъ ояъ не могъ быть опаснымъ, отправилъ противъ Персіянъ генерала Паскевича; ояъ снабдилъ его всеми нужными наставленіями: самъ начертилъ диспозицію войскъ на случай встрѣчи съ главными неприятельскими силами, и совѣтовалъ ему, за неимѣніемъ значительнаго количества пѣхоты, строить ее въ двухъ-ротныхъ каре, при чемъ самъ нарисовалъ такую на своемъ предписаніи, которое, вѣроятно, и нынѣ хранится въ Кавказскомъ штабѣ. Избравъ въ Карабахѣ опорнымъ пунктомъ Шушу, куда были заблаговременно свезены довольно большіе запасы всякаго рода, Ермоловъ усилилъ гарнизонъ этой крѣпости, которая, будучи сильна своимъ положеніемъ, могла оказать персидскимъ толпамъ довольно продолжительное сопротивленіе. Не зирая на то что солдаты гарнизона, не будучи еще тревожимы непри-

* Все, здѣсь мною сказанное, сообщено мнѣ лицами, заслуживающими довѣрія, которыя были не только очевидцами этого событія, но принимали въ немъ весьма дѣйствительное участіе.

** Мнѣ это сообщилъ братъ его, добрый и благородный зять мой, Д. Н. Бѣгичевъ.

телемъ, безопасно спускались съ горы, на коей возвышалась крѣпостца, въ лощину, гдѣ они спокойно молили себѣ муку, и вооружившіеся жители Армяне готовы были мужественно встрѣтить непріятеля, комендантъ послалъ къ Ермолову майора Кляуки, съ донесеніемъ, въ которомъ было между прочимъ сказано: „мы люди добрые, за чтѣ вы насъ покинули? Мы не въ состояніи долго сопротивляться непріятелю.“ Майоръ Кляуки, захваченный Персіянами, былъ привезенъ въ лагерь Аббасъ-мирзы, который, прочитавъ съ удовольствіемъ это донесеніе, отпустилъ посланнаго въ Тифлисъ. Такъ какъ въ Персидскомъ войскѣ были Англичане и Французы, Ермоловъ написалъ шуминскому коменданту сильный выговоръ, который былъ переведенъ на польскій языкъ; онъ послалъ его съ нарочнымъ Аджихаювымъ, взятымъ въ плѣнъ Персіянами и убитымъ имъ послѣ Елисаветпольскаго сраженія. Между тѣмъ Паскевичъ, прибывъ къ войскамъ послѣ блестящаго Шамхорскаго дѣла гдѣ былъ убитъ Аминъ-сардаръ, и въ которомъ князь Мадатовъ разсылалъ сильный непріятельскій авангардъ, донесъ Ермолову, что все пространство отъ Шамхора до Елисаветполя было устлано непріятельскими трупами. .

.....
Непріятельская пѣхота, будучи довольно хорошо обучена иностранцами, выславъ своихъ стрѣлковъ, открыла по насъ сильный огонь; смѣлое наступленіе нашей пѣхоты, въ особенности неустрашимаго Ширванскаго батальона, заставило однако непріятеля обратиться въ поспѣшное бѣгство. Персидскій саркангъ, или полковникъ, съ своими сарбазами, или регулярною пѣхотой, нѣкогда стоявшій въ караулѣ у Ермолова во время пребыванія сего послѣдняго въ Судтаніи, гдѣ онъ часто у него обѣдывалъ, и вообразившій, что самъ Ермоловъ предводительствовалъ нашими войсками, сдался лишь потому въ плѣнъ Мадатову. Известно уже, что особенныя обстоятельства, въ коихъ былъ въ то время поставленъ Ермоловъ, требовали новыхъ, блестящихъ съ его стороны подвиговъ; онъ вполне создавалъ это, но благоденствіе края, коимъ онъ такъ долго и славно управлялъ, и въ особенности глубокое убѣжденіе въ томъ, что отъѣздъ его изъ Тифлиса, гдѣ оставался лишь 400 человекъ гарнизона и гдѣ жители, опасавшіеся скорого появленія Аббасъ-мирзы, спѣшили зарывать въ землю свои сокровища, — неминуемо повлечетъ за собою всеобщее противъ насъ возстаніе, все это побудило его не выступать лично противъ непріятеля, но предоставить Паскевичу саучай

украситься свѣжими лаврами. Эта высокая жертва Ермолова, сдѣланная въ ущербъ всемъ своимъ личнымъ выгодамъ и вполне доказавшая всю возвышенность его души, почитается людьми, незнакомыми съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Грузіи, и преимущественно тѣми, кои руководствуются лишь мелочными и эгоистическими цѣлями, — величайшею съ его стороны ошибкою

Но Ермоловъ, столь высоко стоящій въ общественномъ мнѣніи, не могъ и не долженъ былъ поступить иначе. Оставя Кавказъ вскорѣ послѣ изгнанія Персіянъ изъ нашихъ предѣловъ, онъ могъ утѣшаться мыслію, что ему была Россія обязана сохраненіемъ края, стоившаго ей уже много крови и усилій.

Никогда гражданская доблесть Ермолова не проявилась въ столь высокой степени, какъ во время вторженія Персіянъ въ наши Закавказскія владѣнія; Алексѣй Петровичъ находился въ это время въ обстоятельствахъ, которыя болѣе чѣмъ когда-нибудь, требовали съ его стороны особыхъ подвиговъ, чтобъ удержаться на той высотѣ, на которой онъ былъ поставленъ. Все и всѣ говорили, что ему надо было лично нанести рѣшительный ударъ Персіянамъ; но онъ, зная сомнительное состояніе умовъ въ Закавказскихъ провинціяхъ, встревоженныхъ приближеніемъ многочисленныхъ полчищъ Аббасъ-мирзы, и сознавая чрезмѣрную слабость нашихъ военныхъ силъ на Кавказѣ, пожертвовала своими личными выгодами; онъ послалъ на вѣрную побѣду Паскевича, вѣривъ ему начальство надъ небольшимъ количествомъ превосходныхъ войскъ, коими онъ могъ лишь въ то время располагать. Ермоловъ, давъ ему своихъ лучшихъ сподвижниковъ: Вельяминова и князя Мадатова, коимъ Паскевичъ былъ вполне обязанъ своею первою побѣдой надъ Персіянами, остался лично въ Тифлисѣ съ самыми ничтожными силами, которыя могли быть сильны лишь его именемъ, потому что одно присутствіе его въ этомъ городѣ и пріобрѣтенное имъ необычайное нравственное вліяніе въ краѣ могли не допустить всеобщаго противу насъ взрыва. * Это безпримѣрное самоотверженіе, переносящее

* Майоръ князь Григорій Челокаевъ, принимавшій нѣкогда участіе въ возстаніи противъ насъ, пріѣзжалъ въ это время изъ Кахетіи въ Тифлисъ съ порученіемъ узнать о положеніи дѣлъ; найдя не только спокойнымъ, но даже въ весьма веселомъ расположеніи духа Ермолова, ежедневно расхаживающаго по городу и производящаго пальбу по окрестнымъ горамъ изъ единственной батареи, остававшейся въ Тифлисѣ и вскорѣ также отошедшей въ дѣйствующія войска, онъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно истинныхъ средствъ, коими мы могли въ то время располагать.

часъ въ лучшія времена великаго Рима, было оцѣнено лишь самымъ ограниченнымъ числомъ людей, а большинство ставить этотъ великій подвигъ въ важнѣйшую ошибку въ жизни этого человѣка, подвигъ, который, несмотря на многіе другіе, совершенныя имъ въ теченіе жизни, составляетъ едва ли не самый блестящій алмазъ въ его славномъ вѣдѣ.

V.

Въ отставку.

Читатели помнятъ, можетъ-быть, о тетради, въ которой я набросалъ очеркъ жизни Алексѣя Петровича по его разказамъ, и которую отдалъ ему для дополненій въ пробылахъ. Ермоловъ началъ вписывать въ этой тетради и кой-что показывалъ мнѣ, но куда она дѣлась, по его комичнѣ, я до сихъ поръ не могъ получить свидѣнія. Недавно я нашелъ у себя черновыя замѣтки, изъ которыхъ послѣднія, относящіяся къ московской его жизни, оказались столько ясными, что я могу передать ихъ въ этой статьѣ сполна: читатели не должны терять изъ виду, съ какой цѣлю набросанъ былъ первоначально мой очеркъ. За ними прилагаются извѣстія другихъ свидѣтелей, изъ разныхъ лагерей.

...Не успѣла еще, судя по времени, дойти до Петербурга просьба Ермолова, какъ фельдъ егеръ привезъ ему увольненіе, которое и вручилъ Дибичъ, можно вообразить, въ какомъ смущеніи.

Горько было Ермолову удалиться съ Кавказа, съ прищипки своихъ подвиговъ и побѣдъ, гдѣ онъ, въ продолженіи десяти лѣтъ, имѣя подъ начальствомъ малое количество войска, смирилъ дикихъ горцевъ, навелъ на нихъ ужасъ,

такъ что матери стращали его именемъ своихъ младенцевъ, покорилъ цѣлыя области, утвердилъ русское владычество, построилъ крѣпости на всѣхъ важныхъ пунктахъ, открытыхъ его ораивнымъ взоромъ, образовалъ и приготовилъ Суворовское войско, готовое идти хоть въ преисподнюю по гласу любимаго начальника, и бросалъ русско-Петровскіе взоры на Турцію, Персію, Бухару, Хиву, Индію.... горько было Ермолову, но, вѣрный подданный, онъ оставилъ жезлъ начальства безъ прекословія, въ надеждѣ, что сердце Царя во въ руки Божіей, подвигнется когда-нибудь съ гнѣва на милость.

Что сказать о гражданскихъ его заслугахъ въ Грузіи? Онъ утвердилъ безопасность жителей, водворилъ порядокъ, привлекъ поселенцевъ, возбудилъ промышленность, открылъ новые источники доходовъ для правительства.

Дѣятельность его была неимовѣрная: въ одно время онъ и сражался, и строилъ, и распоряжался, награждалъ и наказывалъ, заводилъ, повѣрялъ, свидѣтельствовалъ. Спалъ онъ по четыре и пяти часовъ въ день, на простомъ войлокѣ, гдѣ случалось. Такъ провелъ онъ десять лѣтъ, всегда преданный службѣ, не зная семейныхъ наслажденій, не пользуясь обществомъ, никакими удобствами, съ единою мыслию объ общей пользѣ, о славл и могуществѣ Россіи.

Послѣ увольненія (1827 г.) мѣсяць прожилъ онъ еще въ Тифлисѣ, приводя въ порядокъ свои дѣла. Дибичъ, который высоко цѣнилъ Ермолова и отдавалъ полную справедливость его первокласснымъ способностямъ и вообще его управленію, совѣтовалъ Алексѣю Петровичу оставить скорѣе Тифлисъ, ставя на видъ, что Паскевичъ можетъ сдѣлать ему непріятности.

Ермоловъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ простой кибиткѣ, въ которой и пріѣхалъ туда за десять лѣтъ, съ третьимъ жалованьемъ въ кармаиѣ, съ глубокою раню въ сердцѣ.

Жить онъ расположился близъ Орла, въ родовой деревушкѣ, у престарѣлаго отца. Отецъ чрезъ годъ переселился въ монастырь, гдѣ вскорѣ и скончался.

Жалованье Ермолова было обращено въ пенсію—по 14 тыс. руб. ассиг. Вотъ все, что онъ имѣлъ. Никакихъ денежныхъ наградъ онъ не принималъ никогда. Однажды императоръ Александръ предложилъ ему богатую аренду. Ермоловъ

отказался, сказавъ, что на малыя его нужды доставить ему жалованья. Графиня А. А. Орлова, услышавъ о такомъ скудномъ содержаніи заслуженнаго генерала, сказала у себя за столомъ, что она почла бы себя счастливою, еслибъ Алексію Петровичу угодно было взять въ свое распоряженіе ея подмосковное имѣніе — Островъ (за которое она получила послѣ больше милліона). Тогда Государь велѣлъ обратить столовыя деньги также въ пенсію Ермолову, и онъ началъ получать по 30 т. р. асс. ежегодно, которыя и сдѣлались, сберегаемыя, основаніемъ состоянія, оставленнаго имъ дѣтямъ.

Въ деревнѣ обратился онъ къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ — читалъ книги о военномъ искусствѣ, и въ особенности о любимомъ своемъ полководцѣ, Наполеонѣ. Утомительно долго тянулось для него время въ тишинѣ, въ бездѣйствіи, среди полей и огородовъ, лѣсовъ и пустынь. А между тѣмъ Паскевичъ пошелъ впередъ, взялъ Эривань, Таврисъ, Ахалцыхъ, проникнулъ далеко въ Персію. А между тѣмъ Дибичъ, вскорѣ, перешелъ Балканы, занялъ Адрианополь. Чтò происходило въ то время на душѣ Ермолова, то знаетъ только онъ, то зналъ Суворовъ, въ Кобринѣ читая италіанскія газеты о побѣдахъ молодаго Бонапарте, то зналъ, разумѣется, больше всѣхъ, этотъ новый Прометей, прикованный къ скалѣ Св. Елены. Но они испили по крайней мѣрѣ свои чаши почти до дна, а Ермоловъ только что налилъ свою, и поднесъ было къ устамъ.

И вотъ польская война, вотъ Русскіе вытѣснены, разбиты, почти прогнаны къ границамъ. Шестъ мѣсяцевъ продолжаются неудачи. Поляки ободряются, мечтаютъ, неистовствуютъ. Они вспомнили объ Ермоловѣ, и не зная русской души, почитая его оскорбленнымъ, расположеннымъ къ мести, вздумали отъ его имени провозгласить мятежную прокламацію къ русскому войску. Первые экземпляры ея попались, по странному случаю, Денису Давыдову, командовавшему авангардомъ.

Сочтено было за нужное довести о ней до свѣдѣнія Ермолова. Давыдовъ, по порученію, позабылъ чьему, написалъ къ нему офиціальное письмо.

Ермоловъ отвѣчалъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, упрекалъ, какъ можно было удостоить вниманія

такую нелѣпную клевету. „Вы узнали о моихъ походахъ, писалъ онъ въ отвѣтъ Давыдову, — этого мало: вы вѣрно услышите скоро о моихъ побѣдахъ, въ которыхъ жестокая судьба такъ долго отказывается генералу Дибичу!“

Переписка продолжалась нѣсколько времени—для Ермолова написать подобное письмо значило дать сраженіе.... Не имѣя возможности дѣйствовать оружіемъ, онъ разилъ враговъ своихъ по крайней мѣрѣ насмѣшками.

Поляки между тѣмъ продолжаютъ брать верхъ. Во враждебной Европѣ проносится отъ края до края гулъ радости, поднимается говоръ въ безмолвномъ отечествѣ; взоры всѣхъ устремлены на Ермолова. Нѣтъ — вызванъ Паскевичъ изъ Грузіи. Онъ пришелъ въ Польшу, двинулся къ Варшавѣ, и, счастливецъ, взялъ ее приступомъ. А Ермоловъ все живетъ въ деревнѣ, читаетъ ремаціи, переплетаетъ книги.

Здѣсь посѣтилъ его Пушкинъ, по дорогѣ на Кавказъ, и описалъ свое посѣщеніе въ началѣ статьи, извѣстной подъ заглавіемъ: „Путешествіе въ Арзерумъ. Это начало до сихъ поръ не было напечатано, и только недавно сообщено П. И. Бартеневымъ въ его *Русскомъ Архивѣ*.

„Изъ Москвы поѣхалъ я въ Калугу, Бѣлевъ и Орелъ, и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ; за то увидѣлъ Ермолова. Онъ живетъ въ Орлѣ, близъ коего находится его деревня. Я пришелъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извозчикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего—простаго, набожнаго старика, что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ, я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностью. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненные, сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ, голова тигра на геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда же задумывается и хмурится, то онъ становится прекра-

себя, и разительно напоминает поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ, повидимому, нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ, и всегда язвительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго графомъ Ериховскимъ. „Пускай нападетъ онъ“, говорилъ Ермоловъ, „на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напримѣръ на пашу, начальствовавшего въ Шумлѣ, и Паскевичъ пропалъ“. Я передалъ Ермолову слова гр. Толстаго, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую кампанію, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобъ отлучиться отъ него. „Можно бы было сберечь людей и издержки“, сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ или думаетъ писать свои записки. Онъ не доволенъ исторіей Карамзина; онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говорить онъ соп атоге. Нѣмцамъ досталось: „Дѣтъ черезъ 50“, сказалъ онъ, „подумаютъ, что въ вышншемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такими-то нѣмецкими генералами.“ Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что не помнилъ моего полнаго имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоедова говорить онъ, что отъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова.

„Когда онъ служилъ при мѣѣ (Грибоедовѣ), говаривалъ Ермоловъ, то могъ отлучаться на 3 и на 4 мѣсяца: я не чувствовалъ его отсутствія. Онъ, какъ Державинъ, не былъ способенъ ни на какое важное дѣло.“ Не слышится ли здѣсь мѣткіе противной партіи? *

Въ 1831 году Ермолову случилось быть въ Москвѣ въ то время какъ пріѣхалъ туда государь. Ермоловъ написалъ письмо (у меня не отмѣчено, по какому поводу). Государь

* Ко времени пребыванія А. П. Ермолова въ деревнѣ отнесены слѣду-

назначилъ ему аудіенцію. Ермоловъ прѣзжаетъ во дворецъ, но государь еще не возвращается. Онъ дожидается часъ, другой. Начинаютъ накрывать столъ. Ермоловъ, не желая оставаться предъ собирающимися лицами къ обѣду, поручилъ камердинеру донести, что былъ въ назначенный

юція его письма, которыя мы и помѣщаемъ чтобы познакомить читателя съ его приемами и письменнымъ слогомъ:

Къ Василью Назаровичу Каразину.

I.

Милостивый государь

Василій Назаровичъ!

Благодарю васъ покорнѣе за нѣсколько №№ журнала. Вы и самого меня, какъ кажется, не менѣе удивлены были смѣлостію упомянушаго объ имени роковаго. Довольно дерзко! Или уже слухъ не оскорбляется произнесеніемъ оного? Не вѣроятно!

Жалѣю чрезвычайно, что не имѣю никакихъ манускриптовъ на восточныхъ языкахъ; я послѣдовалъ бы мнѣнію вашему, дабы воспользоваться ученостію столь обязательно предлагающаго труды свои, и пріятно было бы извлечь изъ оныхъ пользу общественную.

Нѣтъ у меня ничего рѣдкаго въ семь родѣ! О предводительствѣ и до меня дошелъ слухъ страшный, и едва не сказалъ было—непонятный для меня, но пересталъ удивляться, ибо выборъ меня не первый былъ бы ошибочный. Не выгодно было бы для меня подвергнуть испытанію неспособность. Я, по правиламъ моимъ, не потаился бы въ кезначіи, а признаніе не исправило бы невѣжества. На что такіе люди надобны?

Смѣшонъ союзъ, описанный вами. Огражденные почтеннымъ состояніемъ гражданъ, не подвергаемся мы опасности отъ непріятеля. Станутъ за насъ храбрые наши соотечественники, и кто противъ нихъ? Вы еще и сына имѣете среди непобѣдимыхъ! Грустно о разлукѣ съ нимъ, вы видите сыны бранные. Онъ заводитъ на васъ Турокъ. Но воображаю восторгъ отца, когда возвѣститъ сынъ о паденіи Византіи. Тогда, по справедливости, гордиться вы станете

Жалѣю о болѣзни хозяина вашего, (кажется — генерала Базилевича; въ домѣ котораго, близъ Арбата, жилъ тогда В. Н. Каразинъ) какъ когда сослуживца моего. Какъ много продолжительное нездоровье перемѣнило сего благороднѣйшаго и почтенныхъ правилъ человѣка.

Прошу принять увѣреніе и пр., покорнѣйшій слуга

А. Ермоловъ.

3-го февраля 1829 года. Орелъ.

часъ. Тотъ отвѣчалъ: „вы приглашены и къ столу“. Ермоловъ остался. Государь вскорѣ пріѣхалъ и увелъ его съ собою въ кабинетъ, гдѣ они оставались очень долго. Между тѣмъ собрались приглашенные гости. Государь вышелъ къ нимъ изъ кабинета, ведя за руку Ермолова.

За столомъ былъ очень милостивъ.

На другой день было представленіе императрицы, которой Ермоловъ до сихъ поръ не видалъ, далекій отъ двора.

Записавшись послѣ московскихъ дамъ, онъ спокойно дождался вызова, какъ вдругъ прежде всѣхъ былъ приглашенъ въ кабинетъ.

Нѣсколько минутъ не подходилъ онъ къ рукѣ, опасаясь исподлической наружностію испугать вдругъ императрицу, и уже послѣ, какъ она привыкла къ его виду, онъ приблизился къ ней смѣлѣе.

II.

Милостивый государь

Василій Назаровичъ!

Благодарю васъ за письмо, и я тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ получилъ его, что вы извѣщаете меня о производствѣ сына вашего. Чувствуя, что вы утѣшены тѣмъ столько же, какъ утѣрены въ успѣхѣхъ служебнаго его, ибо, называя его какъ отца попочетельный, вы, конечно, утвердили его въ тѣхъ свойствахъ, которыя должны обратить на него вниманіе начальства. Дарованія необходимо должны открыть путь. Познакомившись съ Вельяминовымъ, вы, конечно, не безвыгодно заключили о томъ, кому въ продолженіи 14 лѣтъ хотѣлъ онъ быть товарищемъ по службѣ. Это одно хвастовство, которое почитаю я себя позволительнымъ. Такъ же поступилъ бы со мною и вашъ хозяинъ, еслибы болѣзнь его васъ не разлучила.

Какую великолѣпную цитату выписали вы мнѣ изъ Тредьяковского. Но не болѣе ли себя подвергли вы казни эрмитажной, нежели меня, ибо не легче, конечно, было переписать. Какъ багоскопны вы въ уподобленіяхъ. Но едва ли бы выгодна была справедливость ваша уподобляемому? Теперь можетъ сіе относиться къ другому, лицу гораздо примѣчательнѣйшему. *Roma quanquam vetes, sed capta fuit; Petropolis nunquam!*

Благодарю за обѣщаніе прислать слѣдующій № *Архива*, но я терпѣливо буду ожидать его, когда возвращаться вы будете чрезъ страну нашу. Преправьте четыре № препровождаю. Кто сей преповѣдающій въ пустынь? Видно истощившійся издатель журнала искалъ средства наполнить свои книжки.

Что вы не указали мнѣ на страницу 86-ю нумера 7-го? Достойна при-

Императрица была очень благосклонна. Вскорѣ пришелъ и государь. Вместе трое вышли они изъ кабинета, передъ взорами удивленной московской знати. Начались толки. На какомъ-то слѣдующемъ балѣ государь императоръ остановилъ Ермолова въ дверяхъ между заломъ и буфетомъ, и разговаривалъ съ нимъ болѣе часа, прерывая сообщеніе въ комнатахъ, и привлеки общее вниманіе.

Всѣ глаза устремились на Ермолова. Всѣ чаяли его скорое возвышеніе, и придворные паразиты посыпали къ нему съ визитами. Ермоловъ на своихъ антресоляхъ принималъ всякихъ грандовъ.

Онъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта, и долженъ былъ отправиться въ Петербургъ.

.....
Ермоловъ былъ назначенъ засѣдать въ комитетъ о преобразованіяхъ карантиннаго учрежденія, еще въ какомъ-то подобномъ, а въ комитеты по военной части: о военныхъ

мѣчанія, и сочинитель искусно поклапалъ Французовъ, или избѣгалъ строгости цензуры. Любопытно было бы знать, что сдѣлала бы она еслибъ упомянуто было о Нѣмцахъ?

Весьма благосклонно вспомнили вы е моихъ ребятишкахъ, а я научу ихъ быть благодарными.

Имѣю честь быть и пр. покорнѣйшій слуга
Алексѣй Ермоловъ.

16-го февраля 1829 года.

Орелъ.

Къ издателю *Московского Вѣстника*.

Милостивый государь
Михаилъ Петровичъ!

Сопровождаю письмомъ самымъ обязательнымъ, вамъ угодно было прислать мнѣ сочиненія ваши, переводы и журналъ, вами издаваемый. Благодаря вамъ, милостивый государь, за вниманіе ко мнѣ; пріятно мнѣ воспользоваться случаемъ изъявить то уваженіе, которое давно имѣлъ я къ полезнымъ трудамъ вашимъ, обогащающимъ словесность, расширяющимъ свѣдѣнія объ отечественной исторіи.

Имѣю честь быть и пр.,

покорнѣйшій слуга
Алексѣй Ермоловъ.

23-го апрѣля 1828 года.

Москва.

дорогахъ Россіи и о преобразованіи конныхъ полковъ, онъ не былъ назначенъ, хотя предсѣдателя, перваго—Толь, и втораго—Паленъ, не имѣя нужныхъ для нихъ свидѣній, обращались къ нему частнымъ образомъ съ вопросами.

Въ совѣтъ онъ не ѣздилъ, подъ разными предлогами.

Въ Петербургѣ всѣ говорили, что онъ смѣется надъ совѣтомъ, а Каякинъ объяснялъ иначе. Все это было не-пріятно государю.

Военный министръ Чернышевъ спросилъ его, согласенъ ли онъ принять на себя званіе предсѣдателя въ главномъ аудиторіатѣ.

„Единственнымъ утѣшеніемъ была для меня всегда привязанность ко мнѣ войска, „отвѣчалъ Ермоловъ,“ и я не хочу потерять ее. Готовъ принять всякую должность, какую государю угодно возложить на меня, но только не могу быть наказателемъ.“

Наконецъ Ермоловъ, потерявъ терпѣніе, написалъ просительное письмо къ государю, объ увольненіи и получилъ позволеніе уѣхать въ Москву. Враги его торжествовали. Графиня N. N., пріѣхавъ однажды къ своей знакомой, воскликнула: „кончено, съ интриговали!“

Такъ записано у меня, но вотъ какъ разказываетъ объ этомъ періодѣ изъ жизни Ермолова приверженецъ его, Д. В. Давыдовъ.

„Въ бытность государя въ Москвѣ осенью 1831 года, Ермоловъ былъ приглашенъ во дворецъ, куда онъ поѣхалъ въ отставномъ мундирѣ; государь, принявши его необыкновенно радушно, вышелъ изъ кабинета въ сопровожденіи Ермолова, что было принято многими за знакъ особеннаго къ нему благоволенія. Императрица, увидя его, не скрыла своего смущенія; она сказала ему: „je vous aurais reconnu à l'instant même, général; tous vos portraits vous ressemblent.“ Будучи позванъ къ императорскому столу, онъ едва не навлекъ гнѣва государя принятіемъ участія въ вѣкторыхъ польскихъ генералахъ... Государя, начинавшаго вышаты голось, Ермоловъ успокоилъ лишь словами: „Никто ихъ конечно не убѣдитъ, что милосердіе государя никогда не обратится на нихъ.“ Государь, ожидавшій, что Ермоловъ, обласканный имъ, вступитъ вновь въ службу, былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что онъ даже не намекалъ ему о подобномъ желаніи. Графъ Бенкен-

дорфъ, посѣтивъ Ермолова, сказалъ ему, по порученію государя, слѣдующее: „Его величеству весьма непріятно то, „что вы, будучи столь милостиво приняты имъ, не изъявили до сего времени желанія поступить на службу.“ Графъ А. Ѡ. Орловъ, посѣтивъ Ермолова въ то время, какъ онъ собирался въ подмосковную, объявилъ ему о волѣ государя, дабы онъ вступилъ вновь въ ряды войска. Написавъ въ этомъ смыслѣ письмо къ государю, Ермоловъ самъ отправился къ Хруцову, куда прибылъ генералъ Адлербергъ съ объявленіемъ, что приказъ о принятіи его въ службу состоялся. Такимъ образомъ Ермоловъ вновь надѣлъ мушкетеръ; это было съ его стороны (по мнѣнію многихъ) ошибкою, сильно потрясшею его огромную популярность. *

„Государь былъ однако первое время чрезвычайно милостивъ и внимателенъ къ Ермолову, которому удалось, по кончинѣ доблестнаго Н. Н. Раевского, выхлопотать вдовѣ его слѣдующія милости: ей было прощено 300 тысячъ руб. ассигнаціями казеннаго долга, а взносъ должныхъ покойнымъ мужемъ еще 500 тысячъ руб. былъ разложенъ на весьма продолжительные срски.

„По предложенію Ермолова, указавшаго государю на невыгоду безсрочныхъ вещей, какъ напримѣръ штыковъ, которые, не будучи отточены, дѣлаются весьма часто на Кавказѣ добычей Горцевъ; послѣдовала отиѣна прежде бывшихъ распоряженій по этому предмету.

„Засѣдая въ государственномъ совѣтѣ, Ермоловъ, никогда не почитавшій себя (!) администраторомъ, не принималъ почти никакого участія въ преніяхъ. Онъ однако предложилъ отиѣнить званіе первоприсутствующихъ въ департаментахъ сената: для наблюденія за правильнымъ ходомъ дѣлъ было, по его мнѣнію, достаточно оберъ-прокурора.

„Ермолова назначили членомъ комитета о преобразованіи Оренбургскаго края, предсѣдателемъ котораго былъ П. К. Эссевъ, и членомъ о преобразованіи карантиннаго устава, гдѣ онъ не могъ оказать никакой пользы. Онъ отдалъ здѣсь полную справедливость отличнымъ спо-

* Мнѣ кажется, это ложное мнѣніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ большинству.

собностямъ графа Павла Сухтелена, столь рано умершаго для Оренбургскаго края.

„Хотя Ермолова не назначали присутствовать въ комитетахъ о военныхъ дорогахъ, и о преобразованіи конныхъ полковъ, но многіе обращались къ нему за совѣтами.

„Не взирая на то, что государь сказалъ ему: „Я хочу васъ, всѣхъ, стариковъ, собрать около себя и беречь какъ старыя знамена,“ онъ не былъ употребляемъ. Ермоловъ, видя себя бесполезнымъ, сказалъ однажды государю: „ваше величество вѣроятно потеряли изъ виду, что я лишь военный человѣкъ; всѣ мои назначенія доселѣ убѣждаютъ меня въ томъ, что я совершенно бесполезенъ, и что всѣ возлагаемыя на меня порученія не соотвѣтствуютъ моимъ свѣдѣніямъ, и могу сказать, моею опытностію.“ На это государь отвѣчалъ: „вѣрно ты слишкомъ любишь отечество, чтобы желать войны; намъ нуженъ миръ для преобразованій и улучшеній, но въ случаѣ войны я употреблю тебя.“ Ермолову предложили мѣсто предсѣдателя въ генералъ-аудиторіатѣ; графъ Чернышевъ, предложившій ему это мѣсто отъ имени государя, сказалъ ему, что не онъ самъ, а лишь его канцелярія будетъ подчинена военному министру. Ермоловъ отказался, подъ слѣдующимъ предлогомъ: „Единственнымъ для меня утѣшеніемъ была привязанность войска; я не приму этой должности, которая бы возлагала на меня обязанности наказывать.“ Государь сказалъ на это: „Ермоловъ не такъ это понимаетъ.“ Графиня Бенкендорфъ, посѣтивъ скорѣ послѣ того графиню N. N., сообщила ей о томъ, что государь повѣрилъ гусскимъ навѣстамъ на Ермолова своихъ окружающихъ, и сказала: „Ермолова съинтриговали.“ Между тѣмъ Ермоловъ, возвратившись въ Петербургъ, просилъ графа Бенкендорфа объяснить его величеству желаніе его быть уволеннымъ отъ засѣданія въ государственномъ совѣтѣ по той причинѣ, что бывъ лишь военнымъ человѣкомъ, онъ почитаетъ себя неспособнымъ исполнять обязанность высокой важности, къ какой онъ призванъ милостию государя.

„Графъ Бенкендорфъ не рѣшался будто бы доложить о томъ его величеству въ теченіи двухъ недѣль; а между тѣмъ увѣрялъ, что онъ избираетъ лишь благопріятную минуту, тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ, скъ ль бу-

деть неприятно его величеству уклоненіе отъ занимаемой должности Ермолова, который непременно навлечетъ тѣмъ на себя гнѣвъ государя. „Его обезоружить чистосердечное мое признаніе“, говорилъ Ермоловъ, не перестававшій настаивать на своей просьбѣ. Однажды графъ Бенкендорфъ, не заставъ Ермолова дома, оставилъ нижеслѣдующую записку:

„Mon t:ès honoré général, sa Majesté m'a chargé de vous dire, qu'elle desire que vous lui ecriviez ce que je lui ai dit sur les raisons, qui vous engagent à quitter le Conseil.“

„Ермоловъ написалъ слѣдующее письмо.

„Его Императорскому Величеству,*

„Генераль-адъютантъ графъ Бенкендорфъ объявилъ мнѣ высочайшую волю вашу, всемилостивѣйшій государь, дабы я поыменно изложилъ причины, заставляющія меня просить увольненія отъ засѣданія въ государственномъ совѣтѣ. Исполняю волю сію съ откровенностью солдата, гордящагося честью сорокалѣтняго служенія государямъ и отечеству.

„Я вполне постигаю, государь, сколь высоко званіе члена государственнаго совѣта, гдѣ могутъ обрѣсти самую лестную награду лица, оказавшія важныя услуги отечеству. Исполняю я удивленіемъ къ неизреченному великодушію монарха, вѣдряющаго малому числу избранныхъ разсмотрѣніе важнѣйшихъ административныхъ дѣлъ, измѣненіе въ законахъ, предложеніе новыхъ, не прежде освящая ихъ державною властью своей, какъ по выслушаніи ихъ мнѣнія.

„Но, государь, всю жизнь свою провелъ я на военномъ поприщѣ, на которомъ не успѣлъ ознакомиться съ занятіями, къ которымъ я нынѣ призванъ. Они мнѣ чужды и усиливаютъ во мнѣ лишь убѣжденіе и горестную мысль, что я бесполезенъ, и потому не могу оправдать ожиданій моего государя.

„Какъ Русскій и какъ солдатъ, я не избѣгалъ трудовъ и не робѣлъ передъ опасностями на службѣ государя; не оставаясь ни минуты вступить вновь на службу, когда мнѣ было объявлено повелѣніе о томъ вашего величества, я устыжусь однако самого себя, если позволю себѣ желать остаться въ настоящемъ положеніи, съ коимъ неразлучно

* Помѣщено въ *Чтеніяхъ Ист. Общества* 1862 г. ч. III.

убѣжденіе, что дѣла, опытность, усердіе недостаточны, а необходимы свѣдѣнія, коихъ у меня нѣтъ.

„Простите, государь, смѣлость съ которою я всеподданнѣйше повергаю просьбу мою о увольненіи меня отъ присутствія въ государственномъ совѣтѣ.“

„10 марта, 1839.“

Черезъ нѣсколько дней Ермоловъ получилъ отъ военнаго министра графа Чернышева слѣдующія двѣ бумаги:

„Милостивый государь,
„Алексѣй Петровичъ!

„Государь императоръ, прочитавъ всеподданнѣйшее письмо вашего высокопревосходительства, отъ 10 числа сего мѣсяца, поручить мнѣ соизволилъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что его величество весьма сожалѣетъ, что вы, несмотря на долголѣтнее управленіе вами Закавказскаго края и по гражданской части, не предполагаете нынѣ въ себѣ способностей, къ которымъ вы призваны высочайшею довѣренностью, и что вслѣдствіе того, удовлетворя желанію вашему, его величество увольняетъ васъ въ отпускъ до излѣченія болѣзни.

„Сообщивъ высочайшую сію волю предсѣдателю государственнаго совѣта, честь имѣю и васъ объ оной, милостивый государь, увѣдомить.

„14 марта, 1839. № 1552.“

„Милостивый государь,
„Алексѣй Петровичъ!

„Я доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія о желаніи вашего высокопревосходительства воспользоваться зимнимъ путемъ для выѣзда изъ С.-Петербурга и о просимомъ вами дозволеніи откланяться Государю Императору. Его величество поручить мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что чрезвычайно увеличившіяся занятія препятствуютъ принять васъ въ скоромъ времени, а потому не желая васъ задерживать, его величество разрѣшаетъ вашъ отъѣздъ.

„№ 1574. Марта 16, 1839 г.“

Такъ разказываетъ приверженецъ и родственникъ. Выслушаемъ теперь другую сторону. Audiatur et altera pars.

Въ совѣтѣ никто никогда не слышалъ его голоса и даже большую часть времени онъ проводилъ въ полудремотѣ, или по крайней мѣрѣ съ закрытыми глазами, не обращая, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на все, что докладывалось; когда же, при встрѣчавшихся разногласіяхъ, секретари подходили спрашивать о его мнѣніи, обыкновенный отвѣтъ его былъ: „съ тою стороною, на которой окажется больше голосовъ“. По одному дѣлу (кажется Строгановыхъ со Всеволожскими), очень сложному и запутанному, онъ просто оказалъ, что не можетъ произнести никакого мнѣнія, потому что „не понимаетъ этого дѣла“. Когда же тогдашній предсѣдатель, графъ Новосильцовъ, возразилъ, что не считаетъ себя въ правѣ принять такой отвѣтъ, какъ неумѣстный со стороны члена государственнаго совѣта, то, послѣ довольно продолжительнаго уклоненія, возвратился къ стереотипному своему отвѣту: „съ большинствомъ голосовъ“.

Наскучила ли ему наконецъ эта, по всей вѣроятности, преднамѣренная роль, или были на то другія причины, только, въ первыхъ числахъ іюня 1838 года, Ермоловъ вдругъ объявилъ, что на дняхъ опять уѣзжаетъ въ свою подмосковную и нарочно избѣгаетъ прощанія съ государемъ, чтобы не подпасть подъ затруднительный вопросъ, когда онъ думаетъ снова воротиться въ Петербургъ. „Мнѣ нечего скрывать—продолжалъ онъ, что я здѣсь совѣтъ лишній человекъ: ко двору не гожусь, а въ Совѣтѣ совершенно бесполезенъ, и говорю это, право, не для того, чтобы вымолить какой-нибудь комплиментъ: я въ самомъ дѣлѣ чувствую, что уже отжилъ свой вѣкъ!“

Къ 1839 г. принадлежитъ слѣдующее письмо Ермолова къ Паскевичу, собственноручное, найденное мною въ бумагахъ, доставленныхъ Я. М. Кириловымъ.

„Милостивый государь
„князь Иванъ Федоровичъ,

„Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо, которымъ ваша свѣтлость увѣдомить меня изволили о послѣдовавшемъ по докладу вашему, милостивый государь, его императорскаго величества высочайшемъ позволеніи мнѣ пріѣхать въ Варшаву и осмотрѣть Царства Польскаго крѣпости.

„Опасаясь, чтобы обближающеея осеннее время не воспрепятствовало осмотрѣть со вниманіемъ, котораго требуютъ знаменитыя сооруженія, подѣ распоряженіемъ вашей свѣтлости возводимыя, я, для удобнѣйшаго исполненія сего, отложилъ поѣздку мою до будущей весны.

„Съ отаичнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашей свѣтлости, милостивый государь, вѣкорнѣйшій слуга, Алексѣй Ермоловъ.

„18 сентября, 1839 г. Москва.“

Странно, что это письмо осталось собственноручное. Развѣ Ермоловъ вслѣдствіе одной помарки вздумалъ переписать его, и не уничтожилъ.

Кстати разкажу здѣсь, что Паскевичъ приглашалъ его къ себѣ въ Варшаву, по дорогѣ въ чужіе края. „Зарѣзалъ онъ меня,“ сказалъ Ермоловъ, разказывая о томъ Б.

Въ 1841 году Ермоловъ, говорятъ противники, снова явился въ Петербургъ къ бракосочетанію Наслѣдника Цесаревича, и въ качествѣ военного генерала, тотчасъ по пріѣздѣ просилъ военного министра доложить государю о его пріѣздѣ и желаніи представиться. Но день проходилъ за днемъ, и наконецъ наступилъ и канунъ свадьбы, а отвѣта все еще не было; безъ представленія же невозможно было присутствовать и при церемоніи. Вслѣдствіе того Ермоловъ рѣшился вторично написать Чернышеву, и государь хотя напослѣдокъ и принялъ его, уже въ самый день свадьбы, но безъ особой аудіенціи, а просто передъ разводомъ, въ толпѣ другихъ являвшихся, откланявавшихся и пр. Въ совѣтѣ, какъ считавшійся въ безсрочномъ отпускѣ, онъ въ этотъ пріѣздъ не присутствовалъ.

Ермоловъ опять заключилъ въ деревню, изъ коей не выѣзжалъ ни лѣтомъ, ни зимой, утѣшался подчасъ слухами общей преданности, до него доходившими, доказательствами преданности его старыхъ сослуживцевъ, которые, одни за другими, пріѣзжали навѣщать его въ уединеніи, и наконецъ звуками русской лиры, возвышавшей всегда свой благородный голосъ въ пользу униженнаго достоинства.

Приведемъ здѣсь кстати нѣкоторыя стихотворенія въ честь Ермолова, изъ разныхъ періодовъ:

1. Жуковский.

(1812.)

Хвала сподвижникамъ — вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ;
И страхъ твои перуны.

2. Пушкинъ.

Но се Востокъ подымаетъ вой!..
Покинулъ сѣвѣной головой,
Смирись Кавказъ—идеть Ермоловъ.
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все Русскому мечу подымаетъ!

3. Лермонтовъ.

(1841.)

Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ;
И дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ съдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумы какъ потокъ,
Страшно медленны какъ тучи,
Прямо на Востокъ.

Страсти утихали, вспыхивая только изрѣдка въ острыхъ словахъ или въ удерживаемыхъ движеніяхъ, волосы побѣлѣли, ораниый взоръ началъ угасать. Въ 1840 (?) Ермоловъ купилъ себѣ деревянный домъ въ Москвѣ тысячь въ 15

асс., и съ этого времени, какъ Мугаммедъ съ бѣгства изъ Мекки въ Медину, считаетъ онъ свою мудрость.

Жизнь свою проводитъ онъ слѣдующимъ образомъ: встаетъ въ 6 часовъ, читаетъ, пишетъ, съ 10 часовъ начинаются посѣщенія, преимущественно навѣщенія, кушаетъ однажды въ день, но плотно, послѣ обѣда переплетаетъ, читаетъ, и принимаетъ гостей, которыхъ любитъ удерживать до поздней ночи. Въ табельные дни является онъ въ собраніи, на балахъ, ѣздитъ въ театръ. Приверженные къ нему русскіе люди, старые и молодые, оборачиваются всегда въ ту сторону, гдѣ стоитъ Ермоловъ, опершись на вѣрную свою саблю, и смотрятъ въ задумчивости на его бѣлые волосы, на эту львиную голову, стоящую еще твердо на исполинскомъ туловищѣ, и ищутъ въ потускнѣвшихъ глазахъ его глубоко запавшія мысли. Государь во время посѣщеній своихъ Москвы осыпаетъ его ласками.

Въ день открытія Кульмскаго памятника Ермоловъ получилъ Андреевскій орденъ, котораго не имѣлъ до тѣхъ поръ.

Въ 184.... г. Ермоловъ получилъ приглашеніе на Вознесенскій смотръ. Изъ Вознесенскаго вся свита пріѣхала въ Одесу. Государь отправился оттуда въ Грузію. Предусмотрительность враговъ Ермолова, опасавшихся, чтобы государь не взялъ его въ Грузію, гдѣ дѣла были тогда въ очень дурномъ положеніи, была такъ велика, что они наканунѣ отъѣзда не постыдились обмануть его, сказавъ, что государь поѣдетъ безъ парада. Ермоловъ пришелъ на берегъ и смѣшался съ толпою; какъ вдругъ явился государь съ многочисленною свитою, провожавшею его въ военныхъ мундирахъ... *

На открытіе Бородинскаго памятника, Ермоловъ былъ также приглашенъ и разказывалъ государю о подробностяхъ сраженія. Преслѣдуя графа Витта, вмѣстѣ съ Государемъ, Ермоловъ не утерпѣлъ сказать: „графъ Виттъ бѣжить въ самомъ дѣлѣ, какъ отъ непріятеля“.

Въ послѣднее время государь началъ говорить съ нимъ даже о Грузіи.

Въ 1845 г. Ермоловъ получилъ приглашеніе на свадьбу великой княжны Ольги Николаевны. Государь осыпалъ его

* Это происшествіе записано у меня не ясно.

новыми ласками. За обѣдомъ провозглашенъ былъ тостъ: за здоровье оставшихся въ живыхъ героевъ Бородинскаго сраженія. Государь подошелъ къ Алексѣю Петровичу „Пью за твое здоровье“, сказалъ онъ ему. Ермоловъ благодарилъ за такую честь, и замѣтилъ, что здѣсь находился еще старшій представитель, именно кн. Горчаковъ, бывшій въ сраженіи корпуснымъ начальникомъ.

Однажды Государь взялъ Ермолова вмѣстѣ съ Паскевичемъ въ Кронштатъ.

Ихъ встрѣтилъ адмиралъ Биллинггаузенъ, уже старикъ. До тѣхъ поръ Ермоловъ не былъ съ нимъ знакомъ.

— „Предъ вами стоитъ обладатель острова на Тихомъ Океанѣ“, сказалъ ему Алексѣй Петровичъ вмѣсто привѣтствія.

Островъ этотъ былъ открытъ Биллинггаузенемъ и названъ имъ островомъ Ермолова.

— Вы-то меня не знали, отвѣчалъ ему адмиралъ,—а я то васъ давно ужъ зналъ.

Биллинггаузенъ, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, ни слова не зналъ по-нѣмецки, и очень сошелся съ Ермоловымъ.

Въ 1843 году имѣлъ я честь представиться Алексѣю Петровичу, и описалъ первое посѣщеніе въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* прошлаго года. *

Пользуясь его расположеніемъ, я началъ посѣщать его, и наконецъ осмѣлился часто предлагать ему вопросы объ его жизни, и услышалъ подробности, послужившія основаніемъ предложеннаго очерка.

Въ 1847 году, въ іюлѣ, ободренный его ласками, я поѣхалъ къ нему въ деревню.

Алексѣй Петровичъ былъ очень огорченъ однимъ мѣстомъ въ исторіи царствованія Николая Павловича, которое касается до увольненія его изъ Грузіи. Онъ написалъ письмо къ автору, и прочелъ мнѣ уже переписанное на бѣло. Я сказалъ нѣсколько словъ за Устрялова; Ермоловъ началъ по обыкновенію отклоняться: „это правда, я напрасно сердилъ“

* Статейка моя подава поводъ къ присылкѣ ко мнѣ съ разныхъ сторонъ многихъ матеріаловъ, которыхъ скрывать подъ спудомъ я не считалъ себя въ правѣ.

ся на него, онъ не виновать“ и проч. Тогда же онъ сообщил мнѣ въ собственноручной копіи, хранящейся у меня до сихъ поръ, свое письмо къ Государю, которымъ просилъ объ увольненіи отъ должности главнокомандующаго въ Грузіи въ 1827 году.

Въ 1848 году Алексѣй Петровичъ собирался ѣхать за границу, избравъ себѣ спутниками И. В. и Г. В. Лахачевыхъ, которыхъ всегда любилъ, но не получилъ, кажется, разрѣшенія. Тогда сжегъ онъ множество своихъ бумагъ, какъ я слышалъ отъ его управляющаго, находившагося при немъ неотаучно сорокъ лѣтъ.

Въ 1849 году, царское семейство прожило нѣсколько времени въ Москвѣ. Я написалъ статью „Черты изъ пребыванія царскаго семейства въ Москвѣ“, которая не была напечатана. Вотъ отрывокъ изъ нея, относящійся къ А. П.: „Апрѣля 9 освященъ былъ камень или доска въ Георгіевской залѣ, въ воспоминаніе объ учрежденіи Преображенскаго полка. По окончаніи торжественнаго обряда главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, великій князь Михаилъ Павловичъ, и начальникъ всей гвардейской пѣхоты Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ, въ сопровожденіи командира Преображенскаго полка генералъ-адъютанта Катенина, всѣхъ батальонныхъ начальниковъ и наличныхъ офицеровъ гвардіи, удостоили своимъ посѣщеніемъ знаменитаго ветерана русской арміи, одного изъ первыхъ подвижниковъ войны 1812, 1813 и 1814 годовъ, подъ начальствомъ котораго императорская гвардія покрылась первыми лаврами и Преображенскій полкъ получилъ Георгіевскія знамена,—Алексѣя Петровича Ермолова.

„Какъ пріятно, сладко, было видѣть торжественный поѣздъ сына царева, государя наследника, брата царева, со всеми представителями русской гвардіи, къ деревянному семиоконному домику на арбатскомъ бульварѣ, гдѣ живетъ убѣленный сѣдинами герой Бородина, Кульма, Кавказа,—гдѣ надъ низменною крышею ярко горитъ лучъ русской славы.“

(Съ этого времени начинаютъ у меня опять замѣтки о посѣщеніяхъ и разговорахъ съ Алексѣемъ Петровичемъ,

ивныя даже съ означеніемъ чиселъ. Другихъ можно приблизительно опредѣлить время, судя по содержанію. Я передаю ихъ здѣсь. Между ними вставляю бесѣды Ермолова съ другими лицами, означенныя также числами.

О Венгерской кампаніи Ермоловъ отзывался съ величайшимъ неуваженіемъ: „Гергей вышелъ изъ Коморна съ обоими, думая, что ихъ тотчасъ отобьютъ. Ни тутъ-то было, все въ цѣлости. Онъ дожидался только случая, чтобы Паскевичъ собралъ столько силъ, дабы не стыдно было положить предъ нимъ оружіе. Гергей видѣлъ съ перваго раза, какъ и всѣ, что Венгерцамъ бороться нельзя, а мы выставили столько силы, чтобы хоть Наполеона встрѣтить.“

„Гайнау просилъ Паскевича прикрывать крѣпость, и Паскевичъ отрядилъ было Граббе, а потомъ ему показалось недостойнымъ послушаться австрійскаго генерала, и онъ послалъ контръ-ордеръ къ Граббе, который получилъ его уже въ третій день, сдѣлавъ два дня перехода.“

„Гергей молодой человѣкъ безъ опытности, но не безъ достоинствъ.“

„Теперь на Кавказѣ, говорилъ Алексѣй Петровичъ, 20 генераловъ, а при мнѣ былъ одинъ Вельяминовъ, котораго я вызвалъ къ брату. Теперь въ каждомъ изъ пяти отдѣленій такой штабъ, какъ былъ у меня во всемъ корпусѣ. Теперь войска подъ ружьемъ 250 тысячъ, а у меня было 70. Теперь получаетъ намѣстникъ на свое содержаніе 150 тысячъ р. с., а я получалъ 40 ассигн. * и жилъ полгода въ лагерь, чтобы скопить денегъ на балъ или обѣдъ.“

О Воронцовѣ Ермоловъ говорилъ: „Напрасно употребляетъ онъ столько дѣятельности. Если главнокомандующій будетъ повѣрять всякаго генерала и полковника, ему не останется времени для собственныхъ дѣлъ. Надо предоставлять участіе подчиненнымъ, тѣмъ болѣе, что они возведены уже на такую степень. Напрасно ходитъ онъ на такія дѣла, въ успѣхъ

* Можетъ-быть, меня обманывала память, и я ошибаюсь въ нѣкоторыхъ показаніяхъ.

которых не увѣренъ. На востокъ это имѣеть нехорошее дѣйствиѣ.воротись оны теперь въ Тифлисъ, на лицахъ увидить оны свою неудачу. Въ такихъ случаяхъ посылай своего генерала, а самъ хоть чрезъ два года являйся уже такъ, чтобы порѣшить. Главнокомандующій долженъ вдругъ по ихъ мнѣнью побѣдить. Я, бывало, замѣтивъ, что не по зубамъ, никогда не выходилъ.

„Экспедицію Воронцовъ кончитъ бластательно, разумѣется, хоть можетъ-быть и безъ большой пользы.

„Просить увольненія я теперь не совѣтовалъ бы, надо нарѣзать колеи погубже, начертить планъ, по которому бы пошла преемники, а не на удачу. Я писалъ къ нему объ этомъ слухъ, пришедшемъ изъ Петербурга, который мы здѣсь украсили, распространили и раздаемъ.“

„На продовольствіи войска я сберегъ въ первый годъ около двухъ милліоновъ. Провіантскія книги оставались часто бѣлыми: у меня бывало изъ Дербента въ Бураую привезеть одинъ урядникъ съ накладной, и сами Татары хлопчуть, чтобы воза шли не близко одинъ за другимъ, и чтобы не просыпалась мука. Баранину, ячмень, сѣно, ставили они вездѣ въ благодарность, что я берегъ ихъ.

„Амаваты стоили прежде ужасно дорого; иной получалъ 3 р. с. въ день. Я началъ брать ребятишекъ, которые играли у меня въ бабки, а родители пріѣзжали навѣдываться. Я кормилъ ихъ пряниками, и тѣ были предовольны, разчищали просѣки.

„Грузинскій корпусъ, прежде такъ-называвшійся, государь назвалъ кавказскою арміею въ знакъ благоволенія къ моей службѣ.“

„26-го декабря (1854 г.), рассказываетъ г. Бартевель въ *Русскомъ Архивѣ*, я сидѣлъ у Г., съ которымъ жилъ на одномъ дворѣ. Часовъ около 4 послѣ обѣда меня неожиданно вызвали. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ прислалъ человека звать меня къ себѣ. Хотя тотчасъ я догадался, что вѣрно есть письмо или посылка отъ В.*, но этотъ

* Я былъ представленъ А. П. Ермолову, лѣтомъ 1854 г., на дачѣ графини В. Желая имѣть поводъ ближе познакомиться съ нимъ, я просилъ гр. Б.

зовъ взволновалъ меня, тѣмъ болѣе, что вчера * за холодомъ и усталостью я не съѣздилъ поздравить Ермолова, предоставляя себѣ исполнить эту обязанность въ Новый годъ. Было ровно 5 часовъ, когда я шелъ по темной лѣстницѣ и пустыннымъ комнатамъ Пречистенскаго дома, гдѣ *никнетъ главою лавровой* славный нашъ полководецъ. Направо изъ большого корридора ввели меня въ кабинетъ его. Онъ недавно отобѣдалъ, сидѣлъ насупившись за широкимъ столомъ своимъ, съ увеличительнымъ стекломъ въ рукахъ, и разбиралъ какое-то письмо. „Здравствуйте, милостивый государь! Прошу покорно садиться. Я не рѣшился бы васъ беспокоить, еслибы графиня Н. Н. не приказала мнѣ,“ — проговорилъ онъ мнѣ съ обыкновенною своею учтивостью. Я отвѣчалъ, что мнѣ много чести въ этомъ, и что я очень благодаренъ графинѣ, доставившей мнѣ случай видѣть его высокопревосходительство. „Она прислала съ моимъ сыномъ письмо къ вамъ и подписала, чтобы передать изъ руки въ руку.“

„Тутъ онъ мнѣ подалъ письмо, придвинулъ свѣчки, и сказалъ, чтобъ я читалъ, и, что можно, прочелъ бы въ слухъ. Нѣсколько смущенный, я старался читать скорѣе; но онъ самъ попрежнему взялся за увеличительное стекло. Пробѣжавъ письмо, на вопросъ его, вѣтъ ли чего новаго, я прочелъ въ слухъ то, что сообщала Н. Н. о твердомъ намереніи Государя отстать отъ Россію, хоть бы пришлось на Москвѣ и на Уралѣ, и о рвеніи молодыхъ Великихъ Князей.** Не помню, какъ-то, послѣ минутнаго молчанія (которое меня бѣсило, ибо я боялся, что придется мнѣ раскаиваться и окончить эту дорогую бесѣду), запла рѣчь о вчерашнемъ днѣ. Онъ сказалъ, что видѣлъ мое имя на росписномъ листѣ, но чтобъ я извинилъ его, что онъ въ большіе праздники никого, даже и родственниковъ, не принимаетъ, зная, какъ тяжелы минутные визиты, что добраго знакомаго пріятнѣе ему видѣть запросто и пр. Я не зналъ, что подумать: искусный ли это упрекъ, или можетъ-

помочь мнѣ, и она была столько обязательна, что нарочно прислала Ермолу письмо ко мнѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ вызвалъ меня для получения этого письма.

* На праздникъ Рождества Христова.

** Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи отправлялись тогда подъ Севастополь.

быть оъ ошибся и принялъ за мое имя кого-нибудь другаго.

„Говоря о вчерашнемъ днѣ, я упоминалъ о плавномъ гулѣ большого Ивановскаго колокола, и его замѣткой о томъ, что Наполеонъ нарочно заставлялъ въ Москвѣ звонить въ колокола, наслаждаясь ихъ звуками, завязался разговоръ. Алексѣй Петровичъ сталъ вспоминать сдачу Москвы. Онъ проѣхалъ изъ Дорогомилловской во Владимірскую заставу позднее всѣхъ, потому что, когда проходила армія, онъ оставался на Дорогомилловскомъ мосту, дожидаясь Милорадовича, командовавшаго арріергардомъ, дабы передать ему нѣкоторыя приказанія Кутузова, (при которомъ онъ былъ начальникомъ штаба). Онъ видѣлъ въ Москвѣ отъѣзжающіе экипажи, въ церквахъ еще попадались люди. Кутузова онъ нагналъ уже за Владимірскою заставою Тамъ, вечеромъ, они услышали взрывъ, раздавшійся въ Москвѣ. Тутъ Ермоловъ вспомнилъ слова, сказанныя Ростопчинымъ по утру того дня, на совѣщаніи въ Филяхъ. Графъ Федоръ Васильевичъ говорилъ генераламъ: „Напрасно заботятся о Москвѣ: изъ нея все вывезено. Непріатель найдетъ въ ней французскія вина, богатую мебель, и ничего для арміи. Все драгоценное спасено. Да притомъ же, она скоро запьлаетъ.“ Ростопчинъ сопровождалъ главную квартиру нѣсколько времени. Въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, Ермоловъ заслушивался его умныхъ рѣчей.

„Тутъ мы вспомнили о Жуковскомъ, и Ермоловъ замѣтилъ о томъ, что онъ помогалъ Скобелеву писать бюллетени, и по своей скромности дозволилъ ему пользоваться не заслуженною славой. Андрея Кайсарова, который завѣдывалъ походною типографіей фельдмаршала, онъ не помнитъ, а называлъ брата его Паисія, который былъ любимцемъ Кутузова. Послѣдній, по словамъ Ермолова, цѣнилъ Жуковскаго за его сочиненія.

„Я замѣтилъ, что великіе наши полководцы отличались образованіемъ. Да, отвѣчалъ онъ, нынче все говорятъ про университеты; они не были въ нихъ, а исполнены были обширныхъ познаній.“ Особенно хвалилъ онъ князя Рѣпина, при которомъ служилъ въ Ригѣ, и Михаила Федотовича Каменскаго. Онъ помнитъ, какъ разъ, поѣхавши къ нему въ Сабурово (42 версты отъ Ора, они были со-

сѣду) съ отцомъ своимъ, онъ засталъ его за пюпитромъ: фельдмаршалъ читалъ новое математическое сочиненіе и повѣрялъ алгебраическія его выкладки. При этомъ Каменскій отличался необыкновенною скромностью. Никогда не скажетъ: *я знаю*; но его—*кажется* было евангельскому истиной.

„Разумѣется, разговоръ зашелъ и о Суворовѣ. Алексѣй Петровичъ, начавшій службу при Рѣпнинѣ, поступилъ къ Суворову въ 1794 году, и за взятіе Праги получилъ Георгіевскій крестъ. Онъ еще прежде разказывалъ мнѣ, какъ въ Варшавѣ Суворовъ принималъ новопоступившихъ офицеровъ въ великолѣпныхъ покояхъ примаса, въ которыхъ велѣлъ выставить окна. Былъ страшный морозъ, и Суворовъ говорилъ, что онъ вымораживаетъ изъ нихъ *немогу-зайство*. Суворовъ сдѣлалъ для нихъ обѣдъ: поставлены были какія-то глубокія чашки съ отвратительными щами; потомъ подали ветчину въ коколянномъ маслѣ. Никто не смѣлъ отказываться, и всѣ ѣли, потому что фельдмаршалъ самъ безпрестанно похвалявалъ. По взятіи Праги, Ермоловъ поѣхалъ въ отпускъ и былъ на прощаніи у Суворова. Когда Ермоловъ упоминалъ, что поѣдетъ на Гродно, (гдѣ была главная квартира Рѣпнина), Суворовъ не утерпѣлъ, чтобы не затронуть Рѣпнина: „ты не застанешь его въ городѣ, онъ разтѣзжаетъ передъ фронтомъ.“ Это была язвительная насмѣшка: въ то время какъ взята Прага, Рѣпнинъ только чванился своимъ саномъ и показывалъ себя солдатамъ. Суворовъ былъ непримиримымъ врагомъ Рѣпнина. По словамъ Ермолова, Рѣпнинъ по великодушію прощалъ его, но Суворовъ не былъ къ тому способенъ. Какъ-то заговорили о зятѣ Суворова, Зубовѣ, и Ермоловъ отозвался о его ничтожествѣ, замѣтивъ, что Суворовъ прочилъ дочь любимому своему полковнику Золотареву, погибшему на штурмѣ Измаила. Отдавая дочь свою за Зубова, Суворовъ не покаралъ протекціи: она уже была не нужна ему. Ермоловъ съ увлеченіемъ говорилъ о великомъ нашемъ героѣ. „Написать его исторію никто не можетъ; его характеръ ускользаетъ отъ описанія. Фуксъ приставленъ былъ къ нему въ соглядатаи, и чрезъ нѣсколько дней, побѣжденный его величіемъ, предался ему навсегда.“

„Ермоловъ очень часто видѣлся съ Фуксомъ. По его словамъ, очень многихъ анекдотовъ Фуксъ не рѣшился обна-

родовать. У Ермолова лежатъ 4 фоліанта копій съ переписки Суворова съ разными лицами, данныя ему для прочтенія.

„Упомянувъ о томъ, что во время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ послѣ взятія Праги, Суворовъ отлично принималъ въ Таврическомъ дворцѣ Державина, я завязалъ разговоръ про нашихъ поэтовъ, и мало-по-малу довелъ до Пушкина. Я весь былъ вниманіе, когда наконецъ зашла о немъ рѣчь. „Конечно, бесѣда его была занимательна?“ — „Очень, очень, очень!“ отвѣчалъ съ одушевленіемъ Алексѣй Петровичъ. Онъ видѣлся съ нимъ въ Орлѣ, вскорѣ послѣ своей отставки. Пушкинъ самъ отыскалъ его. „Я принималъ его со всѣмъ должнымъ ему уваженіемъ.“ О предметъ своихъ разговоровъ съ нимъ Ермоловъ не говорилъ. Онъ утверждаетъ, что это было въ іюль 1827 года; но я не знаю, зачѣмъ Пушкину быть тогда въ Орлѣ. Не въ 1829 ли, проѣздомъ на Кавказъ? Больше они не видались. Какъ хорошъ былъ сребровласый герой Кавказа, когда онъ говорилъ, что поэты суть гордость націи. Съ какимъ сожалѣніемъ онъ выразился о ранней смерти Лермонтова! „Ужъ я бы не спустилъ этому Н. Н. Есаубъ я былъ на Кавказѣ, я бы спровадилъ его; тамъ есть такія дѣла, что можно послать, да вынувши часы считать, черезъ сколько времени посланнаго не будетъ въ живыхъ. И было бы законнымъ порядкомъ. Ужъ у меня бы онъ не отдѣлался. Можно позволить убить всякаго другаго человѣка, будь онъ вельможа и знатный: такихъ завтра будетъ много, а этихъ людей не скоро дождешься!“ И все это съдой генералъ говорилъ, по своему слегка притопывая ногою. На мои глаза онъ былъ истинно прекрасенъ. Это слововое могущество, эта неповоротливая шея съ шалашомъ сѣдыхъ волосъ, и этотъ умъ, это одушевленіе на 78 году возраста! Передо мною сидѣлъ человѣкъ бравшій съ Суворовымъ Прагу, съ Zubовымъ ходившій къ Дербенту, съ Камеюскимъ осаждавшій турецкія крѣпости, одинъ изъ главныхъ бойцовъ Бородина и Кульма, гроза Кавказа. И послѣ этого говорите противъ Екатерининскаго вѣка! Онъ его чадо.

„Алексѣй Петровичъ какъ будто самъ былъ доволенъ разговоромъ. При прощаніи онъ сказалъ мнѣ нѣсколько любезныхъ привѣтствій.“

Къ этому времени принадлежитъ, кажется, слѣдующій отзывъ Алексѣя Петровича по поводу обвиненія его генераломъ Иловайскимъ.

„Получивъ отзывъ оной комиссіи, отъ 24-го мая за № 24, съ приложеніемъ въ копіи дополнительнаго свидѣнія генераль-лейтенанта Иловайскаго, я имѣю честь объяснить, что въ бумагахъ сей называется меня, и генераль-майора Базилевича (пріятеля его, къ которому имѣлъ онъ большую довѣренность) единомышленниками барона Розена. Говоритъ онъ, что, вѣроятно по старости нашей, забывъ званіе свое, мы рѣшились находиться при совершеніи брака, а можетъ-быть, и вспомоцествовать сему. Давая наставленіе, какъ бы мы должныствовали поступить, замѣчаетъ, что забывъ долгъ свой и помогая барону Розену, мы не щадили себя, и подвергались сужденію по законамъ.

„Хотя всѣ сіи оскорбительныя предположенія не могъ иначе допустить генераль-лейтенантъ Иловайскій, какъ будучи въ состояніи чрезмѣрнаго разгоряченія, то-есть претивъ барона Розена, не менѣе однакоже далъ право, не со строгою разборчивостію въ выраженіяхъ, опровергать его вымыслы, но я напротивъ, по обязанности уваженія къ высокому его званію, потребности котораго онъ, по видимому, не разумѣетъ, ограничиваюсь только показаніями, единственно къ объясненію обстоятельствъ дѣла служащими.

„Генераль-лейтенантъ Иловайскій, относительно брака, далъ мнѣ честное слово, и когда съ настойчивостію убѣждалъ я его въ необходимости ускорить оный, ибо приближался великій постъ, и вскорѣ оканчивался срокъ даннаго барону Розену отпуска, онъ всегда подтверждалъ данное имъ слово, разсуждалъ о необходимыхъ для свадьбы издержкахъ, возводя оныя до весьма значительной оуммы, согласуясь, какъ говорилъ, съ обычаями на Дону, и въ особенноти съ рожденіемъ его. Въ то время не было у него денегъ, не хотѣлъ онъ заимствовать ихъ у родственниковъ, и какъ по словамъ его, доходы съ его имѣнія поступаютъ весною, то отлагалъ онъ и свадьбу до того времени. Я находилъ его свисходительнымъ къ возраженіямъ моимъ, ибо не касался я сладостнаго мечтанія о знатности его породы.

„Такимъ образомъ, насчетъ брака, не было повода къ сомнѣнію, и только мѣсто одно не было рѣшительно назначено, ибо намѣревался то на Дону, ближе къ роднымъ, то въ Харьковѣ, ближе къ имѣнію.

„Насчетъ давнаго имъ слова приведу въ подтвержденіе то, что при мнѣ въ присутствіи генераль-майора Базилевича напоминала ему о томъ дочь его. Равнобрюно и то, что, по отъѣздѣ барона Розена въ Петербургъ, онъ говорилъ генералу Базилевичу, что непременно выдастъ за него дочь, и на первый случай положить имъ тридцать тысячъ рублей въ годъ содержанія.

„Недавно узналъ я, гдѣ совершался бракъ, но только не присутствовалъ при немъ. Въ семь легко удостовѣриться отъ свидѣтелей, которыхъ вѣроятно имѣлъ баронъ Розенъ. Что же касается до вспомоствованія моего ему, то я не понимаю, для чего могло оно быть ему нужнымъ, когда на бракъ было добровольное согласіе дочери генерала Иловайскаго, и она, вышедши сама изъ дому, не могла быть похищена изъ него.

„Не полагаю, чтобы генералъ Иловайскій могъ и въ семь случаевъ сказать, что, по старости моей, я не помню и подробностей происшествія.

„Въ заключеніе скажу, отнюдь не осмѣливаясь примѣнить разсужденія моего къ лицу его превосходительства, но собственно о себѣ, что, еслибы рѣшился подать бумагу, подобную имъ представленной, я боялся бы поставитъ въ затрудненіе начальство — избрать ли мѣры скорѣйшаго огражденія законами или способы скорѣйшаго врачеванія.

„А. Ермоловъ.“

Въ продолженіи севастопольской осады Ермоловъ постоянно относился съ великими похвалами о князѣ Меньшиковѣ. „Пока Меньшиковъ тамъ, я спокоенъ, твердилъ онъ часто. А послѣ него — не знаю, не ручаюсь. Меньшиковъ обманетъ Французовъ; несмотря на недостатокъ средствъ, онъ защищается успѣшно. Войска въ Крымъ онъ требовалъ настоятельно и получалъ всегда отказы. Мѣста Воынского и Селегинскаго редутовъ онъ нашелъ, и хотѣлъ принять мѣры, какъ ихъ совершенно обезопасить отъ нападенія, но ужасная болѣзнь лишила его всѣхъ силъ. Останься онъ подъ Инкерманомъ ночевать въ корпусѣ Данневберга, тогда дѣло пошло бы иначе. Всѣ дѣйствія Французовъ онъ мнѣ предсказывалъ.

„Это человѣкъ скрытный, и никто не узнаетъ его намѣреній. Мнѣ позволяетъ онъ иногда догадываться болѣе другихъ о своихъ мысляхъ. Однажды пріѣхалъ я къ нему, провелъ у него цѣлый вечеръ и не узналъ ничего. Когда

онъ провожалъ меня, я сказалъ ему, чтобъ онъ впредь былъ осторожнѣе, потому что не вѣсь можно оказывать такую довѣренность. Недавно еще я напомнилъ ему это, и онъ засмѣлся.“

„Блюхеръ былъ рубака, Гнейзенау, начальникъ штаба, умный, пылкій, проворный, дѣятельный, а Мюфлингъ педантъ и регистраторъ. Порознь они не значили ничего, не годились никуда, а вмѣстѣ составляли силу. Есть ли такая троица въ штабѣ князя Горчакова?“

Видно, какъ Ермолу горько было сидѣть дома. „Меня обносятъ,“ жаловался онъ, „какъ устарѣлаго и немощнаго.“

„Теперь нѣтъ ни у кого генераловъ, говорилъ Алексѣй Петровичъ; Пруссаки 40 лѣтъ не нюхали пороха. У нихъ одинъ старикъ, Врангель.“

„У Австрійцевъ хороша артиллерія, умны офицеры,“ Давыдовъ замѣтилъ, что ихъ войско усовершенствовано теперь.

„Чѣмъ же?“ сказалъ Ермолу. „Кажется только выбрали цвѣтъ сукна для панталонъ, не такъ марокъ.“

Въ 1855 г., при образованіи ополченія, выразилось въ Москвѣ общее желаніе избрать начальникомъ его А. П. Ермолова. Вотъ письмо, написанное имъ къ генералъ-губернатору:

„Почтеннѣйшій графъ Арсеній Андреевичъ.“

„Благодарю васъ покорнѣйше за сообщеніе мнѣнія вашего по предмету предстоящихъ выборовъ, и со всею откровенностію отвѣчаю вамъ.“

„Не знаю, можно ли избирать меня по носимому мною званію; но, если буду я удостоенъ избранія московскимъ дворянствомъ, я не долженъ уклоняться отъ службы, наравнѣ съ каждымъ дворяниномъ, не имѣя предъ лицомъ закона никакихъ особенныхъ правъ, и не давая мѣста сужденію, еще менѣе негодованію, еслибы даже не утвердены были въ званіи начальника губернскаго ополченія, въ каковое, вѣроятно, я могу быть избираемъ. Легче всего, могутъ найдтись люди способнѣйшіе и не въ праздности дождавшіеся престарѣлыхъ моихъ лѣтъ.“

„Двадцать четыре года, какъ, вышедши изъ службы, я

не былъ употребленъ на службу дѣятельную, и ни мало не удивлюсь и не приму къ сердцу, если, не признавъ буду за годнаго. Впрочемъ, благодаря Бога, я доволенъ совершенно моимъ положеніемъ, ничего не желаю, и, конечно, искать не стану.

„Вотъ моя исповѣдь почтеннѣйшему графу, и никому другому не скажу я иначе.

„Душевно преданный Ермоловъ.“

8 февраля 1855 года.

Избраніе состоялось торжественное. Нельзя изобразить восторга, объявшаго всѣхъ присутствовавшихъ въ огромной залѣ Благороднаго Собранія, когда извѣстно стало количество голосовъ. Рукоплесканія, крики, восклицанія, долго не прерывались. Выражено было тотчасъ желаніе объявить Алексѣю Петровичу, чрезъ избранныхъ депутатовъ о состоявшемся избраніи. Я написалъ къ нему привѣтствіе, которое мгновенно полетѣло по рукамъ, переписывалось и произвело восторгъ. Вотъ оно:

„Алексѣй Петровичъ!

„Московское дворянство, призываемое священнымъ волею царя, ополчается на защиту православной вѣры, на помощь угнетеннымъ братьямъ, на охраненіе предѣловъ отечества. Оно проситъ васъ принять главное начальство надъ его вѣрными дружинами, и смѣетъ надѣяться, что вы уважите его торжественное избраніе. Самъ Богъ сберегалъ васъ, кажется, для этой тягостной години общаго испытанія. Идите жь, Алексѣй Петровичъ, съ силами Москвы, въ которой издревле отечество искало и всегда находило себѣ спасеніе, идите принять участіе въ подвигахъ дѣйствующихъ армій. Пусть развернется предъ ними наше старое, наше славное знамя 1812 года. Всѣ русскіе воины будутъ рады увидѣть вашу бѣлую голову, и услышать ваше любимое имя, неразлучное въ ихъ памяти съ именемъ Суворова, отъ котораго вы получили первый георгіевскій крестъ, и именемъ Кутузова, которому служили правую руку на незабвенномъ Бородинскомъ сраженіи. Непріятели вспомнятъ Кульмъ, Лейпцигъ и Парижъ, а для ихъ магометанскихъ союзниковъ довольно и Кавказа, гдѣ до сихъ поръ еще не умолкнулъ въ ущельяхъ отголосокъ вашихъ побѣдъ. Да благословитъ васъ Богъ и поможетъ вамъ, вмѣстѣ съ достойными сподвижниками, доказать скорѣе ослѣпленной Европѣ, что святая Русь остается неизмѣнно святою Русью, и что Русскіе, несмотря ни на какія опасности и ни на

чи угрозы, не позволять никогда никому прикасаться безъ наказанія къ ихъ заветнымъ святынямъ: церкви, престолу и отечеству.“

Извѣщеніе однакоже не состоялось подѣ какимъ-то предлогомъ, кажется, въ ожиданіи утвержденія. Возвращаясь домой, я захватилъ къ Алексію Петровичу и прочелъ ему частнымъ образомъ рѣчь, для него приготовленную.

Вся Москва ликовала, вспоминая избраніе Кутузова начальникомъ петербургскаго ополченія. Купцы въ рядахъ, извозчики съ своими сѣдоками толковали объ Ермоловѣ, и радовались, какъ будто побѣда перешла на нашу сторону, и враги изгнаны изъ предѣловъ отечества. Старикъ былъ радъ, и было чему радоваться. Чуть ли это было не послѣднее его увѣщеніе.

Графиня Растончина написала къ нему стихотвореніе.

Народный голосъ—голосъ Бога!
Овъ нынѣ громко вопіеть:
Вставай, Ермоловъ, Русь зоветъ,
Тебѣ знакома вѣдь дорога.

Съ единопшнымъ увлеченьемъ
Тебя назначила молва,
И надъ московскимъ ополченьемъ
Вождемъ поставила Москва.

Возьми рукой неослабной
Свой старый мечъ, Французовъ страхъ,
Нашъ вождь, въ покоѣ послѣдній,
Помолодѣешь ты въ бояхъ.

Вставай, честь русскаго народа
Ея врагамъ припомяни,
И пусть двѣнадцатаго года
Великіе воскреснутъ дни.

Вставай! когда во всей Россіи
Извѣстенъ будетъ выборъ нашъ,
Шатры восشاءтъ боевые,
Хвалою откликнется молва.

Анонимъ отвѣчалъ отъ имени Алексія Петровича:

Не неизвѣстнаго поэта
Читалъ я добрыя слова:
По звукамъ лестнаго привѣта
Васъ прямо назоветъ молва.

Вы помянули годъ возстава,
Для нашей славы дивный вѣкъ,
Когда, услыша гласъ призванья,
Явился русскій человекъ.

Вы правы! пусть меня забудутъ;
Но нашъ не позабылъ народъ,
Когда Москву мы хоронили,
Двадцатый свершался годъ.

И рыцѣ чуть мои сѣдны,
Въ воспоминае старины
И этой памятной години,
Ея достойные сыны.

Но горделивыми мечтами,
Повѣрьте, я не увлеченъ,
Давно я, удрученъ годами,
Отъ дѣла битвы удаленъ.

Давно заржавѣлъ мечъ мой бранный,
Ослабла дряхлая рука,
И пиръ кровавый, пиръ желанный,
Едва ль по силамъ старика.

Скончался императоръ Николай Павловичъ, февраля 18 1855 года. Ермоловъ ѣздилъ въ Петербургъ присутствовать при его погребеніи.

Н. Н. рассказываетъ о безпрестанныхъ, наперекоръ его старому и тучному тѣлу колѣнопреклоненіяхъ и земныхъ поклонахъ, во время панихидъ, о глубокихъ вздохахъ и частыхъ слезахъ, и о нескончаемыхъ хвалебныхъ гимнахъ въ честь покойному, когда, отстоявъ очередь, онъ уходилъ отдыхать въ комендацкіе покои.

За обѣдомъ, изъ него такъ и лился цѣлый потокъ интереснѣйшихъ воспоминаній, прямо просившихся въ исторію, умныхъ наблюденій, анекдотовъ, острыхъ словъ. Духовно, онъ былъ еще исполненъ жизни и огня.

26 сентября 1855 г. (изъ записокъ С.)

Алексѣй Петровичъ далъ мнѣ прочесть статью князя Вяземскаго въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 18 августа 1855 года, и по прочтеніи началъ хвалить князя Вяземскаго, служившаго тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Съ малыхъ лѣтъ, вопреки нашимъ аристократамъ, онъ

полюбилъ науку, много учился и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ литераторовъ.

Тутъ мой разговоръ коснулся и А. С. Норова, министра народнаго просвѣщенія, его путешествій, его учености. А. П. зналъ его еще на военномъ поприщѣ въ 1812 году. Норовъ былъ тяжело раненъ, и потому былъ оставленъ въ Москвѣ предъ самымъ занятіемъ ея неприятелемъ; лежалъ онъ въ Екатерининской больницѣ, и самъ Наполеонъ принималъ участіе въ его трудномъ положеніи.

Другой нашъ путешественникъ, весьма ученый, знающій множество языковъ, живетъ теперь въ совершенной неизвестности, въ своемъ помѣстьѣ, и занимается сельскимъ хозяйствомъ—не своимъ дѣломъ. Это Чихачевъ. Онъ пѣшкомъ прошелъ по Америкѣ, былъ и въ другихъ частяхъ свѣта. Познакомившись съ Гумбольдтомъ, облизился, былъ имъ представленъ прусскому королю, и нѣсколько разъ обѣдалъ при тамошнемъ дворѣ. Когда снаряжалась извѣстная экспедиція Перовскаго въ Хиву, Чихачевъ просилъ позволенія участвовать въ ней, но ему было отказано. Такъ онъ лишенъ былъ своей дѣятельности!

Мать этого Чихачева, женщина преумная и пребойкая, неоднократно говорила Алексѣю Петровичу: „Разорваа бы тебя въ клочки, еслибы ты не любилъ моего Платона.“

18-го марта, 1856 г. (Изъ записокъ С.)

Кабинетное окно завѣшено темноволною матеріей. На глазахъ у Алексѣя Петровича шелковый зонтикъ. Я спросилъ его о здоровьѣ. „Плохо, братъ, отвѣчалъ онъ, вотъ съ 14-го числа страдаю глазами.“ Онъ сказалъ мнѣ, что въ глазахъ его предметы какъ-то странно двоятся. „Напримѣръ, я смотрю на тебя, а вижу двухъ Самъ, у которыхъ вмѣсто головы обои и картины. Вотъ табатерка, я хочу взять ее, такъ я непременно иду ее здѣсь,“—и онъ показалъ пальцемъ верхка на три отъ табакерки. „Точно также и карты, все лѣзутъ одна на другую. Да, прибавилъ онъ, это ужъ le commencement de fin,“ при этомъ онъ улыбнулся. Я замѣтилъ ему это. Онъ отвѣчалъ, что съ твердостью и шутливостью встрѣтитъ свой конецъ. Мы продолжали разговоръ на ту же тему. Онъ все шутилъ. Говорилъ, что еще молодъ (79 л.), что предчувствуетъ,

что долго еще проживетъ на свѣтѣ. Жалѣлъ только, что зрѣніе начинаетъ измѣнять ему. „Нужно бы покоичить кое-что.“ Я сказалъ ему, что онъ можетъ поручить окончаніе своихъ дѣлъ сыну. Онъ отвѣчалъ, что духовная его лѣтъ двадцать какъ ужъ сдѣлана, но что есть еще другія дѣла.

Наканувъ съ нимъ случилось маленькое происшествіе. Въ продолженіе получаса онъ не могъ говорить съ желаемымъ смысломъ. „Мысль является, порядокъ изложенія составленъ,—стану говорить — выходитъ совсѣмъ другое. Не могъ никакъ заставить повиноваться языкъ.“

Онъ говорилъ, что память его еще свѣжа, хотя прежде была еще лучше. „Я помню, какъ я еще жилъ у отца съ матерью, у насъ была печка оштукатуренная, и на ней была нарисована Церера съ рогомъ изобилія. Только штукатурка-то треснула, трещину и замазали глиной. Я помню эту фигуру и направленіе трещины; а мнѣ было всего только 4 $\frac{1}{2}$ года.“ Теперь ужъ не то. Иногда забываетъ, что ему прочтешь. Если начнетъ разказывать что-нибудь, то забываетъ названіе мѣстностей, но минуты чрезъ три вспомнить.

Ноября 15-го. (Изъ моихъ отпѣтокъ.)

Свѣжъ и бодръ. Разказывалъ, какъ друзья хлопотали не допустить его до Государя, и заставили дожидаться въ толпѣ, хотя за четыре дня обѣщано было предувѣдомить о высочайшемъ прибытіи.

Изъ церкви за золотою рѣшоткой онъ вышелъ отдохнуть. Орловъ за нимъ послѣдовалъ и отыскалъ ему стулъ. „Вы дѣлаете меня замѣчательнымъ человѣкомъ“, сказалъ ему Ермоловъ: „всѣ станутъ спрашивать, кто этотъ старикъ, передъ которымъ стоитъ гр. Орловъ.“

Онъ попенялъ ему, что не прислалъ кого-нибудь увѣдомить его о прибытіи Государя... „А насъ, кажется, подъ Бородинымъ перевязывали вмѣстѣ въ одной избѣ.“

26-го октября, 1858 г. (Изъ моихъ отпѣтокъ.)

Старикъ еще совершенно свѣжъ, память очень жива. Ноги только отказываются ему служить.

Когда Шамиля спросили въ Москвѣ, что онъ желаетъ видѣть? Онъ отвѣчалъ: „прежде всего Ермолова.“

Шамиль, на верху своего могущества, показывалъ всегда особенное уваженіе къ имени Ермолова: онъ велѣлъ пощадить ауль, гдѣ жили его родные, съ женской стороны. У князя Барятинскаго въ альбомѣ есть рисунокъ, представляющій посѣщеніе Ермолова Шамилемъ.

Въ 1860 г. я собрался осмотрѣть Кавказъ, заѣхалъ къ Алексѣю Петровичу. Въ передней сказали, что онъ отдыхаетъ. Черезъ часъ я получилъ отъ него слѣдующее собственноручное письмо:

„Отъѣзжая на Кавказъ, почтенный Михаилъ Петровичъ сдѣлалъ одолженіе, посѣтивъ старожилъ страны. Борющійся съ болѣзнію, я отдыхалъ въ это время, и не могъ принять васъ, но желая чрезвычайно видѣть васъ, я готовъ побесѣдовать съ вами о странѣ, оставившей во мнѣ однѣ пріятныя воспоминанія. Вы изберите удобнѣйшее для васъ время сегодня или завтра въ продолженіе дня. Если возможно по дѣламъ моимъ дожидаться вашего возвращенія, изъ замѣчаній вашихъ увижу, исполнятся ли надежды мои процвѣтанія великолѣпнаго края, при началахъ вводимаго отличнаго благоразумнаго управленія.

„Особенно уважающій Алексѣй Ермоловъ.“

Воротившись, я явился тотчасъ къ Алексѣю Петровичу. Онъ занимался переписываніемъ, въ большую тетрадь, съ большой же тетради собственноручной и во многихъ мѣстахъ перечеркнутой. Я поинтересовался, не исправляетъ ли и не измѣняетъ ли онъ прежнихъ своихъ записокъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ.

Въ этомъ отношеніи хорошо поступаетъ Гр. З., что не даетъ ему записокъ его, прежде полученныхъ.

Кстати о запискахъ. Я слышалъ отъ него давно, что были умысленныя вставки враговъ, съ намѣреніемъ повредить ему во мнѣніи государя.

Въ заключеніе соберу теперь въ кучу всѣ остальные разновременныя свои отмытки, съ отзывами о примѣчательныхъ лицахъ прошедшаго и нынѣшняго столѣтія.

Разговоръ зашелъ объ императрицѣ Екатеринѣ II. Ермоловъ говорилъ мнѣ: „Теперь извѣстны двѣ части записокъ императрицы Екатерины, но была третья. Я читалъ ихъ въ молодости, и помню нѣкоторыя вещи, кото-

рыхъ не нахожу въ нынѣ извѣстныхъ двухъ частяхъ. Вѣрно онѣ были въ третьей.“ * Подлинныя записки Екатерины хранятся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Государь давалъ ихъ читать нѣкоторымъ особамъ, напримѣръ гр. Румянцеву.

Я разказалъ Алексѣю Петровичу кое-что изъ записокъ Державина. „Державину нельзя вѣрить, сказалъ онъ, онъ былъ фантазеръ и неспособенъ къ дѣламъ.“

Не слышится ли здѣсь отголосокъ сужденій графа Самойлова?

Александръ Павловичу Ермоловъ былъ очень преданъ, чувствовалъ себя ему обязаннымъ, и говорилъ при всякомъ случаѣ о немъ съ благодарностію. „Александръ Павловичъ любилъ и баловалъ меня,“ повторялъ часто со вздохомъ Алексѣй Петровичъ.

„Константинъ Павловичъ вытаскилъ меня прежде всѣхъ изъ толпы, говорилъ Ермоловъ, и вспоминалъ о немъ съ благодарностію. „У васъ много враговъ“, сказалъ онъ однажды Ермолову. „Я считалъ ихъ,“ отвѣчалъ тотъ, „когда ихъ было много, но теперь ихъ набралось безъ счету, и я пересталъ объ нихъ думать.“

Константинъ Павловичъ говаривалъ Ермолову: „Я васъ люблю искренно, и вы меня любите, но съ обманцемъ.“

„Зачѣмъ являться въ бѣлыхъ панталонахъ, пріѣзжай въ такихъ обѣдать,“ сказалъ ему Михаилъ Павловичъ.

Суворовъ, по словамъ Ермолова, не терпѣлъ при себѣ людей способныхъ. Сдѣлаться его адъютантомъ значило погубить себя въ общемъ мѣшани. При немъ былъ Б., котораго онъ держалъ какъ извѣстнаго пьяницу и хвастуна, зная, что ему не припишутъ ничего. „У меня и Розенбергъ бьетъ,“ говаривалъ Суворовъ.

Женщина Суворовъ любилъ, и разказывая о ретирадѣ Моро, онъ обыкновенно дѣлалъ подражательное движеніе пальцами, и прикасался къ грудямъ слушательницы, потомъ отскакивалъ, дулъ на палецъ, какъ бы обжегшись.

* Прибавлю здѣсь кстати другое извѣстіе. Императрица Екатерина вела еженедельныя почти записки. Камердинеры обязаны были приготовить свѣжія тетрадки, а исписанныя класть для сохраненія въ извѣстномъ шкапу.

Всѣ привычки Суворова сообщаемы были всѣмъ, кто садился за его столъ. Однажды Каховскій сталъ кусать ногти. Тотчасъ явился слуга съ рукомыльникомъ, полотенцемъ и лаханкой. Каховскій однакожь отшутился.

Въ Италіи онъ вспомнилъ о Каховскомъ и писалъ къ Растопчину, прося его передать государю его желаніе. (?) Тотъ въ добрый часъ прочелъ письмо. Павелъ ушелъ въ свой кабинетъ, справлялся, и воротясь, сказалъ ему: „рано!“ Тѣмъ и кончилось.

У Суворова была сестра, очень дурная лицомъ. Онъ называлъ ее красавицей. „Только кожа у нея не такъ вѣжна, какъ моя, говорилъ онъ, а его растресканная кожа была жестче подошвы.“

Гдѣ-то въ Подольской губерніи онъ, прощаясь съ солдатами, когда получилъ увольненіе, сказалъ, что имъ обязанъ онъ всѣми почестями и наградами, кои имѣеть.

Графъ Михаилъ Ѳедоровичъ Каменскій былъ отлично образованъ, говорилъ Алексѣй Петровичъ. „Мнѣ случилось, бывши полковникомъ, пріѣхать къ нему въ деревню поздравить его съ днемъ рожденія вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, его товарищемъ. Мы застали его повѣряющимъ математическія выкладки въ курсѣ вышедшемъ тогда... Ему было уже подъ 80 лѣтъ.“

Говоря о войнѣ 1806 г., Каменскій сказалъ: „меня заставляли принять начальство надъ арміей, совершенно разстроенною, наканунѣ нападенія непріятельскаго. Съ 40-лѣтнею репутаціей, пріобрѣтенною такими трудами, разстаться не легко. Я спрашивалъ Буксгевдена, можетъ ли онъ соединить отряды, разбросанные имъ на ужасное пространство. Я рѣшился лучше принять на себя сумасшествіе.“

Дѣйствительно, прибавилъ Алексѣй Петровичъ, армія была въ совершенномъ разстройствѣ. Буксгевденъ привелъ ее въ неудовлетворительное положеніе. На дивизію Палева, напримѣръ, Франдузы напали на походѣ къ мѣсту сбора. Каменскій съ утра разставилъ изъ своего конвоя пикеты, гдѣ предполагалъ нападеніе, если непріятель, сказалъ онъ, сумѣеть воспользоваться своимъ положеніемъ. Такъ и случилось.

Беннигсенъ сразился, не зная, что Каменскій уѣхалъ. Сраженіе подъ Пултускомъ было выиграно, * но нельзя было воспользоваться обстоятельствами. Надо было соединиться. Мы бросили артиллерію, которую, впрочемъ, и Французы не могли взять, и уже послѣ вырубили ее изъ льду.“

Молодой баронъ Розенъ спросилъ Алексѣя Петровича о Зубовыхъ.

„Валеріанъ, отвѣчалъ Ермоловъ былъ гуляка, по тогдашнему обычаю, но молодець. Платонъ имѣлъ отличныя способности, очень хорошо образованъ, и до случая своего слылъ нелюдимымъ, говорилъ прекрасно, и зналъ Россію какъ нельзя лучше, зналъ, когда и чѣмъ можно дѣйствовать на русскаго человѣка. Въ заточеніи своемъ онъ безпрестанно занимался, и я, встрѣтясь съ нимъ въ 18... году, любилъ пользоваться его бесѣдою.“

Приводимъ еще нѣсколько отзывовъ и замѣтокъ Ермолова.

Ферзенъ молодець.

Дерфельденъ былъ отличный и храбрый генералъ.

Онъ любилъ Ермолова, который вступилъ въ службу, кажется, подъ его начальствомъ въ польскую кампанію. Послѣ, когда въ 1810 году Ермоловъ стоялъ въ Кіевѣ, начальствуя четвертымъ отдѣленіемъ резервной артиллеріи (?), Дерфельденъ, пріѣзжая на кіевскіе контракты, всегда на вощанѣхъ крестилъ его по-русски. Онъ имѣлъ одну дочь, которая была выдана замужъ за г. Юзефовича. Павелъ посылалъ его въ Италію какъ дядьку при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ.

Беннигсенъ былъ очень старъ, но бодръ и свѣжъ до послѣдняго времени. Его вмѣстѣ съ княземъ Циціановымъ замѣтила еще Екатерина.

Подъ Москвою случилось Фигнеру взять въ плѣнъ ганноверскаго полковника, старика, которому онъ взялся показывать дорогу, и котораго подвелъ къ русскимъ войскамъ: это былъ товарищъ Беннигсена.

* Слѣдовательно положеніе было не такъ отчаянно, какъ полагалъ Каменскій.

Беннигсезъ оставилъ описаніе воѣхъ войнъ, разумѣется безъ лести Кутузову—это должно быть самое достовѣрное сочиненіе.

Во время варшавской рѣзни, не случилось ни одного талантливаго генерала на нужныхъ мѣстахъ. Всѣ были въ разбѣздахъ. Циціановъ стоялъ въ Гродно. Онъ тотчасъ вывелъ полкъ на поле и не потерялъ ни одного человека. Взялъ съ жителей контрибуцію, которую сохранилъ въ цѣлости. Грабовскій двинулся къ Минску. Циціановъ поспѣшилъ ему навстрѣчу и остановилъ его.

Наполеонъ хотѣ и называлъ Кутузова старою лисицей, но не встревожился его назначеніемъ. А въ 1806 г. при назначеніи Каменскаго онъ издалъ приказъ быть осторожнѣе. Беннигсезъ могъ также причинить ему безпокойство.

Чичаговъ былъ человекъ умный, но азвительный.

Бесѣды Ермолова, записанныя г-мъ С. безъ означенія времени.

Одинъ таможенный чиновникъ на Кавказѣ, подвергнувшись нападкамъ со стороны начальства, былъ обривизованъ. При ревизіи находился депутатъ со стороны Ермолова какъ главнокомандующаго. Обвиненій нашли довольно, но неосновательныхъ, по прощамъ; опредѣлили, что чиновника нужно исключить изъ должности. Рѣшеніе министра финансовъ чрезъ начальника отдѣленія было препровождено на разсмотрѣніе Ермолову, который, разсмотрѣвши, самъ отправился къ начальнику отдѣленія (тайный совѣтникъ). Тотъ поторопился узнать его мнѣніе. „Кромѣ великодушія, началъ Ермоловъ, я ничего здѣсь не вижу, ибо не упомянуто о важнѣйшемъ, по моему мнѣнію, преступленіи: о томъ, что означенный чиновникъ ѣсть по середкамъ мясо.“ И чиновникъ остался на своемъ мѣстѣ.

Путешественница Англичанка, родная племянница герцога Веллингтона, была отлично принята на Кавказѣ Ермоловымъ. Она объявила свое намѣреніе навѣстить пріятельницу, которая уже девять лѣтъ живетъ въ Абиссиніи. Мазаровичъ снабдилъ ее рекомендательными письмами въ Персію. Когда, въ 1821 г. Алексѣй Петровичъ былъ въ Петербургѣ,

жена тогдашняго англійскаго посланника, красавица собой, искала съ нимъ личнаго знакомства, чтобъ благодарить его за ласковый пріемъ на Кавказѣ путешественницы, ея родственницы.

Мазаровичъ, родомъ Далмать, бывшій въ Константинополѣ, сблизился и сдружился съ гр. Каподистріа, Алексѣй Петровичъ тоже познакомился съ графомъ, и считалъ за честь это знакомство. Въ послѣдствіи, когда Каподистріа сдѣлался президентомъ Греціи, а Ермоловъ жилъ уже не на Кавказѣ, Каподистріа спрашивалъ у Мазаровича: „А что дѣлаетъ теперь нашъ Алексѣй Петровичъ?“ Каподистріа писалъ ему письма, и писалъ не *cher general*, а какимъ-то особеннымъ дружескимъ словомъ, подчеркнутымъ, которое, къ сожалѣнію, я не разслыхалъ у Алексѣя Петровича.

Когда Ермоловъ былъ посломъ въ Персію, онъ принужденъ былъ ѣздить по песчанымъ пустынямъ, и съ не малою радостію отдыхалъ по нѣскольку дней въ оазисахъ. Пріѣхавши въ Тавризъ, съ большою своею свитой, прекрасными молодыми людьми, онъ встрѣтился тамъ съ англійскою миссіей. Тавризской англійской миссіи Алексѣй Петровичъ далъ роскошный обѣдъ и въ заключеніе „порядочно накатилъ“ своихъ гостей. Разумѣется, многіе изъ нихъ были подъ столомъ. Адъютанту Муравьеву, какъ отлично знавшему англійскій языкъ, поручено было угощать до тѣхъ поръ, пока не останется ни одного гостя. Наконецъ Муравьевъ проводилъ за ворота послѣдняго Англичанина, столь твердо на ногахъ, что онъ боялся отойти отъ стѣны; при прощаніи они пожали другъ другу руку, и при словахъ, которыхъ недѣзя было разобрать, но которыя вѣроятно были: „*good bay*“, съ Англичаниномъ сдѣлалось дурно.

Черезъ день Англичане отвѣтили подобнымъ же угощеніемъ. Алексѣя Петровича тутъ не было. Тѣ же сцены, съ прибавленіемъ концерта изъ русскихъ и англійскихъ пѣсень, повторились и здѣсь. При разставаніи, это было ночью, Англичане снабдили нашихъ провожатыхъ, съ фонарями. Какъ-то незамѣтно для самихъ себя, въ лабиринтѣ узкихъ улицъ, наша свита раздѣлилась на двѣ части. Никто и не подозрѣвалъ этого. Обѣ партіи кружились, кружились, наконецъ къ общему удовольствію, встрѣтились.

Алексѣй Петровичъ первый испросилъ у шаха позволеніе

завести постоянную русскую миссію въ Персію. До него были только консулы въ прибрежномъ каспійскомъ городѣ.

Сергій Николаевичъ Вельяминовъ, главнокомандующій на Кавказѣ, отличался роскошью жизни, доходившей до чрезвычайныхъ размѣровъ. Разныя покупки, огромный погребъ, большое жалованье (60 т.)

Мелкое племя, жившее въ горахъ, принуждено было изъяснить свою покорность Россіи. Къ Алексѣю Петровичу явился старшина этого племени, человекъ съ просьбою и пожилыхъ лѣтъ, и просилъ извиненія, что явился онъ, а не отецъ его. „А сколько вамъ лѣтъ?“ спросилъ Алексѣй Петровичъ.— „Восемьдесятъ четыре.“

Нѣкто Джафаръ-бекъ, 106 лѣтъ отъ роду, дѣлалъ каждую недѣлю 160 верстъ верхомъ. Здоровье его было прекрасное, и верховая ѣзда была его любимымъ занятіемъ.

Джамаль-бекъ, знатный горецъ, жилъ въ аулѣ (впослѣдствіи крѣпость Евгеніевская). Когда нужно было нашему отряду проходить чрезъ этотъ аулъ, тогда непріятельскій, Алексѣй Петровичъ вызвалъ Джамаль-бека. „Смотри, Джамаль,—сказалъ онъ—я знаю, ты богатъ, имѣешь большія связи въ аулѣ, всѣми уважаемъ, такъ ты угощай почаще своихъ соотечественниковъ, имѣй большое заіакіе на нихъ, и когда мы будемъ подходить къ аулу, то чтобы не было ни одного выстрѣла, въ противномъ случаѣ не останется и саѣда этого аула.“ Не нужно прибавлять, что все было въ точности исполнено. Вотъ каково было вліяніе этого главнокомандующаго! Въ послѣдствіи, при Головинѣ, этотъ аулъ былъ взятъ штурмомъ, разоренъ, сожженъ, огромнѣйшіе сады его истреблены, и жители его сосланы въ Сибирь. Въ числѣ ихъ былъ и Джамаль-бекъ. Алексѣй Петровичъ часто выражалъ неудовольствіе на такой поступокъ. Джамаль-бекъ былъ возвращенъ, но, лишенный всего имуществва, которое было конфисковано, принужденъ былъ скитаться по роднымъ и знакомымъ; аулъ былъ еще осаждаемъ до Алексѣя Петровича, и Русскіе потеряли тутъ одну пушку.

Въ походъ Наполеона I на Россію, французской арміи были розданы ручные словари для разговора съ нашимъ простымъ народомъ. Они зашили ихъ въ обшлагахъ шивелей, вѣроятно чтобы не дѣлать въ карманъ за словомъ. Есте-

ствею, большая часть досталась Русскимъ, вмѣстѣ съ ихъ владѣтелями. И какого же смѣху надѣлали они тогда у насъ: напримѣръ, солдату нужно ѣсть, онъ говоритъ: „господинъ мужикъ, я алкаю“ (*gospodine mousik, ja alkaju*); когда же нужно пить, онъ говоритъ сначала такъ же „господинъ мужикъ“, а потомъ— „я жажду.“ Разумѣется, нашъ мужикъ, вытаращивъ глаза и ничего не понимая, стоялъ предъ непрощенымъ гостемъ. Тогда Французъ прибѣгалъ къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ: кричалъ, грозилъ и показывалъ на свой ротъ; это уже было гораздо понятнѣе всякихъ объясненій.

Если Французъ показалось, что, благодаря его вооруженію, господинъ мужикъ оказываетъ ему всевозможное гостепріимство, онъ думалъ, что тотъ признаетъ надъ собою власть чужеземца и заставлялъ его повторять за собою, конечно руководствуясь знаменитымъ словаремъ: „визвать императоръ, Россійскій, Французскій, Наполеонскій.“ (*Vive Napoleon, empereur russe, français.*)

Въ свою очередь и наши солдаты, пришедши во Францію, руководствовались подобными словарями, только на русскомъ языкѣ. Напримѣръ „мадамъ, дю венъ!“ Та подаетъ ему красоую, онъ выпиваетъ „Анкоръ дю венъ“, говоритъ онъ, подавая снова кружку; кружка наполняется и опоражнивается. „Боку дю венъ“, повторяетъ онъ, требуя третьей порціи. Точно также и съ ѣдою. „Мадамъ, дю пенъ!“; ему подаютъ, онъ ѣсть. „Анкоръ дю пенъ!“; онъ съѣсть и это „Боку дю пенъ“, и третья порція съѣдается. Если онъ сытъ, благодарить, если-же не сытъ, то опять возобновляетъ свои требованія по порядку.

Одинъ французскій офицеръ, попавшійся въ плѣнъ, человѣкъ ученый и образованный, вздумалъ отъ нечего дѣлать изучать русскій языкъ. Онъ попросилъ одного нашего офицера перевести ему французскіе стихи; на бѣду офицеръ былъ проказникъ въ высшей степени. Онъ перевелъ ему стихи не по смыслу, а по звукамъ. *Ma race* значило матросъ, *la joie embrassa la felicitè* — въ жаръ бросалъ вафли съ сытой; *je reve* — жидъ рѣвелъ и т. п. и утвердилъ Француза, что это буквальный переводъ. Французъ былъ въ восторгѣ, чуть не разцѣловалъ переводчика за то, что тотъ открылъ ему, какъ французскій и русскій языки близки между собою и по смыслу, и по произношенію.

Подобнымъ образомъ учили встарину и въ кадетскихъ корпусахъ, разумѣется въ младшемъ классѣ. Напримѣръ *Le soldat romain* переводили—румяный солдатъ, *Auguste protégé-gaît*—Августъ протѣгуль.

При Очаковѣ, Бородинѣ и Ленкоранѣ, такая страшная была рѣзня, что нѣкоторые полки выводились изъ сраженія уже капитанами; полковые и батальонные командиры были всѣ перебиты.

Какъ несправедливо потомство заклеимило славное имя Потемкина эпитетомъ фаворита Екатерины! Это былъ одинъ изъ гениальныхъ людей какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ. И такому человѣку только одинъ памятникъ, и то въ глуши, и воздвигнутый добровольнымъ приношеніемъ жителей облагодѣтельствованнаго имъ края, безъ содѣйствія казны!

Во время турецкой войны, видя нужду во флотѣ на Черномъ морѣ, онъ пригласилъ къ себѣ двухъ адмираловъ, русскаго и англійскаго. Каждый изъ нихъ предлагалъ свои планы, свои мнѣнія; между ними, несмотря на присутствіе Потемкина, завязался жаркій споръ. Фельдмаршалъ, раскладывая по обыкновенію на столѣ драгоценныя камни и выкладывая изъ нихъ различныя фигуры и планы, какъ бы небрежно слушалъ ихъ доводы, и только старался ихъ болѣе разжечь. Увлеченные споромъ и важнымъ соперничествомъ предъ глазами Потемкина, они искали рѣшительной побѣды другъ надъ другомъ, и потому высказывали самыя сокровенныя мысли. Этихъ-то мыслей фельдмаршалъ и добивался.

Черезъ нѣсколько времени, Потемкинъ, не имѣя специальныхъ познаній въ морскомъ дѣлѣ, собственноручно написалъ положеніе о будущемъ флотѣ. И по этому положенію въ короткое время родился нашъ Черноморскій флотъ, бывшій вскорѣ карою Турецкаго при Чесмѣ.

Король Виртембергскій, братъ императрицы Маріи Теодоровны, отличался великолѣпіемъ и разсудительностію въ управленіи. Алексѣй Петровичъ зналъ его въ отечественную войну. Когда Наполеонъ стоялъ на Рейнѣ, а Русскіе бы-

ли во Франкфуртъ, то туда съѣхались все германскіе короли, герцоги, принцы, но ни одинъ дворъ не былъ пышнѣе и изящнѣе двора виртембергскаго. Нашъ былъ хорошъ, а все-таки уступалъ ему. Король тщательно занимался государственными дѣлами, и въ то же время своими собственными помѣстьями. Ежедневно ему подавались отчеты въ доходахъ и расходахъ по имѣніямъ, и онъ зналъ, сколько у него отвозилось каждый день на рынокъ яицъ и молока. Наполеонъ I сказалъ однажды про него и его государство: „есть король, но нѣтъ королевства“; а про Баварскаго: „есть королевство, но нѣтъ короля“: тогдашній король былъ недалняго ума. При всѣхъ прекрасныхъ свойствахъ, король Виртембергскій былъ до безобразія толстъ; когда онъ сидѣлъ, то его животъ лежалъ на колышкахъ, и въ его столѣ сдѣлана была полукруглая выемка. Если король сидѣлъ въ кабинетѣ, и былъ занятъ, то всякое малѣйшее нарушеніе тишины, даже самый кашель, въ сосѣдней комнатѣ, былъ поводомъ къ заключенію въ крѣпость нарушителя; и ужъ тутъ не обращалось вниманія на лицо: все равно, будетъ ли то камердинеръ или генераль-адъютантъ.

Однажды, при разговорѣ о славѣ, объ аристократіи, Алексѣй Петровичъ сказалъ: „Аристократами можно назвать только потомковъ удѣльныхъ князей, а все прочіе аристократы не аристократы. И я благодарю Бога, что я не графъ, не князь, а просто Алексѣй Петровичъ, и подъ этимъ именемъ извѣстенъ всей Россіи.“

Въ 1821 г. Ермоловъ въ первый разъ былъ въ Петербургѣ въ именины государя Александра Павловича. Ему было тогда 44 года. При поздравленіи все почетныя лица входились вмѣстѣ въ одной залѣ, какъ обыкновенно. Къ нимъ выходилъ государь, разумеется, на короткое время. Послѣ того, гости разтѣзались. Въ кабинетъ же призывались въ подобные дни только двое: министръ полиціи (отмѣненная послѣ должность) для доклада о важнѣйшихъ событіяхъ въ Имперіи, и главнокомандующій столицы (нынѣшній генераль-губернаторъ: въ 1821 г. эту должность занималъ Милорадовичъ) для доклада о благосостояніи сто-

лицы. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, никто болѣе не призвался въ кабинетъ. Когда гости поздравили государя съ торжественнымъ днемъ (30-го августа), и когда государь возвращаясь въ кабинетъ, позваны были туда министръ и губернаторъ столицы. Черезъ нѣсколько времени камергеръ подходитъ къ Алексѣю Петровичу и говоритъ, что государь желаетъ его видѣть. Тамъ государь сказалъ ему „знаю, Алексѣй Петровичъ, ты въ мои именины въ первый разъ въ Петербургѣ“. Этимъ дѣло и кончилось. На другой день министръ двора передалъ Ермолову намѣреніе государя дать ему аренду. Алексѣй Петровичъ отказался представляя, что это была бы незаслуженная награда такъ какъ былъ еще не преклонныхъ лѣтъ, не былъ нездоровъ или раненъ, не былъ обремененъ ни семействомъ, ни особыми обстоятельствами. Онъ говорилъ, что можетъ довольствоваться и однимъ жалованьемъ, что не желаетъ отъ государя ничего болѣе какъ только справедливости, и относительно этого безмѣрно благодаренъ ему за прошедшее. Такой безкорыстный отвѣтъ привелъ въ удивленіе министра двора. Министръ представилъ ему, что если уже утверждёнъ государемъ проектъ аренды, то неловко будетъ просить государя объ уничтоженіи подписи. Тогда Ермоловъ высказалъ свои желанія въ форменномъ письмѣ министру двора, и просилъ довести его до свѣдѣнія государя. Спустя четыре дня снова собрались во дворцѣ почетныя особы для поздравленія Государыни. Это былъ день ея ангела. Церемонія та же самая. Государь позвалъ къ себѣ Ермолова „Ты не хочешь принять аренды?“ Алексѣй Петровичъ повторилъ то, что писалъ министру двора. Государь выразилъ свое удивленіе. Разказывая объ этомъ, Алексѣй Петровичъ прибавилъ: „Я поступилъ бы такъ и въ послѣдующія царствованія.“ Ермоловъ говорилъ государю обо всемъ, нисколько не стѣсняясь, но помня при этомъ, что подданный говоритъ съ государемъ. Подобныхъ довѣренныхъ особъ было только двое: онъ, да графъ Толстой. Про графа Толстаго Государь сказалъ однажды Алексѣю Петровичу: „Знаешь, какъ онъ со мной говоритъ?“ — „Ваше Величество, извольте слушать что я буду говорить.“

За то же самое былъ онъ любимъ и уважаемъ великими князьями Константиномъ Павловичемъ и Михаиломъ Пав-

ловищемъ. Великій князь Константинъ Павловичъ писалъ ему письма; письма эти разобрать не было возможности. Алексѣй Петровичъ напоминалъ ему иногда объ этомъ. Разъ, они увидѣлись мѣсяца четыре спустя послѣ послѣдняго письма его къ Ермолову „Ну что, ты разобралъ мои письма?“ спросилъ великій князь. Алексѣй Петровичъ отвѣчалъ, что въ иныхъ мѣстахъ попытка удалась, а въ другихъ нужно было совершенно отказаться отъ нея. „Такъ принеси ихъ; я прочту тебѣ.“ И не могъ разобрать самъ. Константинъ Павловичъ особенно любилъ Ермолова за то, что онъ, несмотря на близость, всегда помнилъ великое разстояніе между собою и великимъ княземъ, и не забывалъ этого даже въ дружескихъ бесѣдахъ. Это было тѣмъ рѣзче, что нѣкоторыя особы, облаканныя великимъ княземъ, забывались, и уваженіе перемѣняли на фамиллярность.

Ибрагимъ-паша, сынъ Мегмета-Али, извѣстный египетскій бунтовщикъ, оказалъ въ свое время важную услугу христіанству. Занявши Сирію, онъ обратилъ вниманіе на Іерусалимъ. До него, іерусалимскій храмъ былъ въ весьма плачевномъ состояніи: посреди храма была устроена турецкая кофейня; здѣсь жарили, варили, и дымъ и копоть постоянно закрывали великолѣпныя украшенія; въ верхнемъ этажѣ, гдѣ находятся придѣлы всѣхъ христіанскихъ націй, окна были заложены, и такимъ образомъ служба постоянно происходила только при свѣтѣ лампадъ. Кругомъ же храма, тѣснымъ рядомъ были расположены городскія отхожія мѣста: ѣдкое зловоніе распространялось какъ внѣ, такъ и внутри храма храмовъ. Ибрагимъ-паша, несмотря на свое мусульманство, при первомъ же посѣщеніи храма велѣлъ разомъ уничтожить всѣ эти мерзости.

Нѣчто объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ. *

Ермоловъ поступилъ въ службу при Екатеринѣ II, находился въ персидской кампаніи, подъ предводительствомъ

* Статья полученная отъ неизвѣстнаго. Авторъ говоритъ: „Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1863 года, г. Погодинъ изъяснилъ желаніе, чтобъ ему сообщали кто что знаетъ объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ. Вотъ что я слышалъ и читалъ объ этомъ. Можетъ-быть изъ всего здѣсь набросаннаго что-нибудь пригодится.“

Валеріана Александровича Зубова, въ отрядѣ Сергія Алексѣевича Булгакова — капитаномъ артиллеріи.

При Екатеринѣ, молодѣтніе дворяне записывались въ гвардію, изъ гвардіи переводились, или, по тогдашнему сказать, выпускались въ армію капитанами, а потому, легко было молодому дворянину получить капитанскій чинъ.

Когда Бакунина, командировали съ батальономъ въ горы, Алексѣй Петровичъ просился въ этотъ батальонъ; Булгаковъ ему отвѣчалъ: „погоди, Алексѣй Петровичъ, тебѣ еще будетъ время.“

Дѣйствительно, слова Сергія Алексѣевича сбылись. Провидѣніе сохранило Алексѣя Петровича. Батальонъ Бакунина весь былъ въ горахъ окруженъ и вырѣзанъ Лезгинами.

Вступленіе на престолъ императора Павла не было благоприятно Алексѣю Петровичу: онъ былъ арестованъ и содержался въ Петропавловской крѣпости. Съ воцареніемъ Александра I, всѣ заключенные были освобождены, въ томъ числѣ и Алексѣй Петровичъ. При выходѣ изъ каземата, онъ написалъ надъ дверями: „сей домъ отъ постоа освобожденъ.“ Доложили государю. Императоръ Александръ велѣлъ надписать; „навсегда.“

Когда Кутузовъ ретировался отъ Наполеона, и подѣ Кремсомъ, при переправѣ черезъ Дунай, разбилъ отдѣльный корпусъ Французовъ, то въ этомъ дѣлѣ, въ первый разъ отличился Алексѣй Петровичъ, командуя артиллерійскою ротой; затѣмъ послѣдовало Аустерлицкое сраженіе, въ реляціи о которомъ не упоминается имя Алексѣя Петровича. Известно только, что впоследствии, когда графъ Аракчеевъ осматривалъ его роту и дѣлалъ выговоръ Алексѣю Петровичу, что лошади у него худы, на замѣчаніе Аракчеева, Ермоловъ отвѣчалъ: „по службѣ наша участь, ваше сіятельство, часто зависитъ отъ скотовъ“.

Послѣ таковаго отвѣта, не мудро, что нѣкоторое время графъ не благоволилъ къ Алексѣю Петровичу, но потомъ, вѣроятно уже послѣ войны двѣнадцатаго года, когда они встрѣтились во дворцѣ, у лѣстницы, уставленной лавровыми деревьями, графъ сказалъ: „ступайте впередъ, вамъ, а не мнѣ, слѣдуетъ восходить между лаврами на высоту“.

Въ одно время, когда преслѣдовали Французовъ, фельдмаршалъ, окруженный своимъ штабомъ, смотрѣлъ на войска; въ это время мимо его пронесся Алексѣй Петровичъ

на своемъ боевомъ конѣ. Тогда Кутузовъ, обратясь къ окружающимъ его и указывая на Ермолова, сказалъ: „еще этому орлу я полету не даю.“

Когда русскія и прусскія войска, подъ Бауценомъ, были разбиты, тогда Ермоловъ, присутствіемъ своимъ, хотя не былъ главнокомандующимъ арміей, умѣлъ остановить пресѣдающихъ, и чрезъ то далъ возможность отступающимъ корпусамъ устроиться въ надлежащій порядокъ.

Въ Парижѣ, когда Русскіе, вмѣстѣ съ торжествующими союзниками, принялись веселиться и проматывать выданное имъ въ то время жалованье, Алексѣй Петровичъ умѣлъ воспользоваться случаемъ для приобрѣтенія всего для себя нужнаго; посѣщалъ библіотеки, архивы, музеи, однимъ словомъ, для себя и своего отечества, умѣлъ употребить и отъдыхъ въ пользу. Говоря объ умственныхъ, трудахъ Алексѣя Петровича въ Парижѣ, кстати упомяну объ изданной имъ книгѣ, подъ названіемъ: *Размышляющій человекъ*, которая даже находилась въ моей библіотекѣ, но теперь у меня не подъ руками. Хотя она и безъ имени автора, но всѣ въ то время утверждали, что ее написалъ Алексѣй Петровичъ. Второе его произведеніе, извѣстное мнѣ, есть его описаніе путешествія въ Персію, куда онъ былъ посланъ. Вѣроятно есть и другія произведенія его пера, въ которыхъ скромный авторъ не хотѣлъ означить своего имени. Знаю также, что въ послѣднее время своей жизни Алексѣй Петровичъ дѣятельно занимался описаніемъ своей жизни или чего-то другаго.

Война съ Французами кончилась. Алексѣй Петровичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Грузію, на мѣсто Ртищева. О военныхъ его подвигахъ, говорить нечего: объ нихъ знаетъ вся Россія; но нельзя не упомянуть о Казимуллѣ, распросгранителѣ, въ горахъ во всей Чечнѣ, ложнаго ученія, вывезеннаго имъ изъ Бухаріи, произведшемъ ужаснѣйшій фанатизмъ во всемъ Дагестанѣ и отличавшемся особенною ненавистью къ Русскимъ и вообще къ христіанамъ. Алексѣй Петровичъ былъ такъ счастливъ, что Казимулла былъ убитъ въ одномъ изъ его набѣговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ распространеніе ученія егъ было пріостановлено. Имя Ермолова прогремѣло по всѣмъ горамъ, такъ что и въ нынѣшнее время Дезгянки и Чеченки страдаютъ своихъ дѣтей именемъ Ермолова.

Двадцать лѣтъ спустя послѣ того, когда Шамилю хо-

тѣли показать Москву и спросили, что онъ прежде всего хочетъ видѣть, — онъ отвѣчалъ: „покажите мнѣ Ермолова.“

При вступленіи Алексѣя Петровича въ управленіе кавказскимъ краемъ, очень не много было войскъ въ Грузіи и на Кавказской линіи. Французская война привлекла къ себѣ всѣ силы Россіи. Войска, возвращавшіяся послѣ войны, для отдыха располагались въ Польшѣ. Казна была также истощена. По представленію Алексѣя Петровича, жители кавказской области были обращены въ казаки и избавлены отъ рекрутской и подушной повинности; чрезъ это умножилось войско. Административными средствами прибавились доходы Грузіи, руками солдатъ построены два укрѣпленія: Грозное и Бурное, которыя, въ послѣдствіи, послужили основаніемъ Суджинской линіи; руками же солдатъ выстроены Пятигорскъ, у самыхъ минеральныхъ водъ. Въ двухъ верстахъ отъ оныхъ, была обветшалая Константиногорская крѣпость. Привѣзжающіе на горячія воды должны были квартировать въ крѣпости, и каждый день два раза ѣздить на воды, а за продовольствіемъ посылать въ Георгіевскъ, за тридцать верстъ. Кто же, за неимѣніемъ лошадей, ѣздить на воды не могъ, а все-таки хотѣлъ пользоваться водами, тотъ долженъ былъ привозить съ собою палатку, или строить сарай подлѣ водъ и помѣщаться въ ономъ. Выходъ на гору къ колодцамъ былъ очень затруднителенъ.

Алексѣй Петровичъ жителей Константиногорской крѣпости переселилъ къ самымъ водамъ, что и послужило основаніемъ Пятигорска. Георгіевскъ, тогдашній губернский городъ, также былъ на невыгодномъ мѣстѣ; его даже прозвали кладбищемъ коллежскихъ ассесоровъ. Тогда для полученія безъ экзамена чина коллежскаго ассессора, многіе отправлялись на службу въ Георгіевскъ. По представленію Алексѣя Петровича, Ставрополь сдѣланъ губернскимъ городомъ, а Георгіевскъ уѣзднымъ. Это переименованіе было причиной, что большая часть торговаго класса переселилась въ Пятигорскъ, находя существенную выгоду въ распродажѣ своихъ товаровъ, во время курса, посѣтителемъ. Для поддержанія возникающаго города, изъ Сарепты вызваны колонисты и расселены въ недалекомъ разстояніи отъ города. Существовавшая же тогда шотландская колонія миссіонеровъ, назначавшаяся для проповѣди христіанства и распространенія между горцами Библии, но которая во все

время своего существованія, обратила только одного горца, а занималась болѣе передачею извѣстій въ Англію, или, правильнѣе сказать, шпионствомъ,—была приведена въ такое положеніе, что Шотландцы сами пожелаали возвратиться въ Англію.

Шотландская колонія сохранила это названіе, но только въ ней поселились уже Нѣмцы.

Тысячи посѣтителей въ продолженіе всего этого времени были на водахъ и видѣли Пятигорскъ, слѣдовательно мнѣ его описывать нечего. Упомяну только, что сдѣлалъ Алексѣй Петровичъ. Онъ отрубилъ половину горы, планировалъ мѣсто, на которомъ выстроилъ Елизаветинскія ванны, передъ ними разбилъ цвѣтники, надъ ними построилъ Ермоловскія ванны, а за цвѣтниками, протянулъ бульваръ, подобный Невскому проспекту тогдашняго времени.

Взорвалъ скалы порохомъ и провелъ дорогу, а за Пятигорскомъ насадилъ садъ, съ персиками, абрикосами, сливами и прочими деревьями тамошняго климата.

Для посѣщенія царской фамиліи, выстроилъ прекрасной архитектуры домъ, обращенный вымъ въ гостиницу. Устройство всего этого было препоручено генералу Павлову, и все построенное было произведено одною арестантскою ротой съ малыми издержками для казны и безъ всякаго оглащенія жителей. Слава и честь безкорыстію генерала Павлова!

Для пользы города и для развлеченія посѣтителей, въ то время, когда начинается курсъ, учреждена ярмарка, на ярмаркѣ часто продавались табуны лошадей, взятые за баранту, или отбитыя у Черкесъ. Такимъ образомъ уничтожился заводъ Трама и другіе заводы, которыхъ названія теперь не припомню. Алексѣй Петровичъ, имѣлъ, по его словамъ, въ виду, довести Черкесъ до того, чтобы, каждый казакъ на своей лошади, могъ свободно нагонять Кабарднца. Еслибы теперь кто захотѣлъ имѣть породистыхъ горскихъ лошадей, тотъ долженъ искать ихъ на Дону, а въ горахъ ихъ нѣтъ.

Въ царствованіе Александра I, устраивались военныя поселенія, на которыя очень роптали. Алексѣй Петровичъ хотѣлъ показать примѣромъ, что можно устраивать поселенія такъ, чтобы государству они были полезны, а посе-

ленцы были бы своей судьбой довольны. Оты изъ своего корпуса отобралъ всѣхъ женатыхъ солдатъ, составилъ изъ нихъ батальонъ и поселилъ въ Кисловодскъ; батальонъ былъ нуженъ для охраненія минеральныхъ водъ. Женатому солдату переходить съ мѣста на мѣсто было весьма невыгодно. Поселенцы были рады составить гарнизонъ и оставаться на мѣстѣ; притомъ они были надѣлены землей, завели огороды, всѣ свои произрастенія продавали дорогою цѣной посятителямъ, а посятители, нуждаясь въ продовольствіи, были очень довольны, что хотя дороговъко, но могутъ купить все, что имъ нужно.

Управленіе поселеніемъ зависѣло отъ коменданта; подъ его руководствомъ, солдаты развели табуны лошадей; рогатаго скота также было довольно. Масло, молоко, все это потреблялось посятителями; а главное, успокоивало ихъ то, что они могли нанимать у солдатъ квартиры, платя отъ 80 до 120 рублей ассигнаціями, на курсъ. Солдату за свою избу или пристройку получить такую плату весьма было выгодно, а потому въ короткое время они начали богатѣть, жены ихъ и дочери приварядились, и мальчики поступили въ школу.

Надобно было видѣть, чѣмъ былъ Кисловодскъ до Алексѣя Петровича. Въ 1808 и 1809 году весь Кисловодскъ состоялъ изъ земляной развалившейся крѣпости, съ четырьмя заржавленными чугунными пушками, съ домикомъ въ четыре комнаты для коменданта и казармой для солдатъ.

Больные, прѣзжавшіе пользоваться Нарзаномъ, занимали долину подлѣ источника, оплетеннаго подуславившимъ плетнемъ, а купались въ выкопанной ямѣ; жили же, кто въ своихъ экипажахъ, кто въ одѣланныхъ наскоро шатахъ. Первымъ дѣломъ Алексѣя Петровича было выпцсать калмыцкія кибитки для помѣщенія больныхъ, а на другой годъ уже привезены были, какъ говорятъ, изъ Астрахани, домики. Черезъ отдачу ихъ въ наймы посятителямъ на весь курсъ, въ два или три года, постройка домиковъ окончилась, и они стали приносить доходъ управленію минеральныхъ водъ. Выстроилась деревянная гостиница, въ ней былъ открытъ общій столъ, за умѣренную цѣну; въ ея залѣ давались балы и посятители танцовали, при звукѣ музыки, игравшей на хорахъ.

Гостиница выстроена на горѣ, подъ нею прекрасный

гротъ, она окружена садомъ для прогулки больных; садъ простирается на версту, по берегу быстрой рѣчки, падающей въ некоторыхъ мѣстахъ водопадами. Въ началѣ сада, у колодезя, были уже построены небольшія ванны.

Такъ дѣйствовалъ Алексѣй Петровичъ по сю сторону Кавказа. Перейдемъ въ Закавказье. Единственная дорога, которая соединяла Грузію съ Россіей, проходила черезъ Владикавказъ; стѣжкіе завалы и крутизны горъ такъ затрудняли сообщеніе, что даже и на телѣгахъ, или арбахъ, не всегда можно было проѣхать; притомъ, рота и пушка, а иногда и двѣ роты, должны были конвоировать транспорты и почты. При Алексѣѣ Петровичѣ дорога была расширена, сдѣланы объѣзды неудобныхъ спусковъ и подъемовъ на горы. Окрестные горцы усмирены, а некоторые переселены. Владикавказъ преобразился въ порядочный городокъ; переселенцы изъ разныхъ мѣстъ умножили его народонаселеніе. Тифлисъ, столица Грузіи и всего Закавказья, находился въ очень невыгодномъ положеніи, боязнь отъ набѣговъ непріятелей вынудила жителей стѣснить свои жилища подъ выстрѣлами крѣпости. Беспорядочная постройка домовъ, кривыя и узкія улицы; вонь и духота отъ жаркаго климата и отъ нечистотъ, гниющихъ на улицахъ, превращавшихся въ пыль во время жаровъ и въ грязь отъ дождей, все это для Европейца дѣлало Тифлисъ отвратительнымъ. Алексѣй Петровичъ рѣшился положить основаніе новому городу; постройку его на горѣ началъ съ казенныхъ строеній, главный штабъ, арсеналъ были скоро построены, потомъ раздавались мѣста подъ дома полковымъ командирамъ, съ позволеніемъ употребить въ работу солдатъ командуемыхъ ими полковъ. Глядя на новые дома, и прочіе жители, въ старомъ городѣ, расположенномъ подъ горою, нашли удобнымъ, для избѣжанія стѣсненія и гнилаго воздуха, выселяться на гору. Такимъ образомъ, выстроилась прекрасная улица, подъ названіемъ Ермоловскаго проспекта, которая теперь переименована въ Головинскій проспектъ.

Мастеровыхъ было очень мало въ Тифлисѣ; распоряженіемъ начальства этотъ недостатокъ былъ отвращенъ такимъ образомъ: по случаю голода въ Виртембергскомъ королевствѣ, императоръ Александръ I согласился на переселе-

іе сектаторовъ, очень безпокойныхъ, волновавшихъ Виртембергское королевство. Сектаторы эти полагали, что прішествіе Іисуса Христа на землю уже приближается, и что они должны идти встрѣчать Спасителя чрезъ Грузію; таково ихъ было намѣреніе, когда они прибыли въ Тифлисъ. Алексѣй Петровичъ, не разувѣряя ихъ, сдѣлалъ предложеніе, чтобъ они, выбравъ изъ себя довѣремыхъ людей, отправили бы ихъ въ Персію и Турцію для удостовѣренія, началось ли прішествіе Спасителя. Избранники отправились, и претерпѣвая различныя мученія и бѣдствія, воротились съ извѣстіемъ, что о прішествіи Спасителя они тамъ ничего не слышали, что даже имя Христово съ неуваженіемъ произносится, и христіане въ гоненіи и презрѣніи.

Тогда Виртембергцамъ было предложено, что такъ какъ они люди мастеровые, а не земледѣльцы, то имъ лучше поселиться въ Тифлисъ и на мѣстѣ ожидать прішествіе Спасителя. Такимъ образомъ поселилась колонія подѣль Тифлиса. Нѣмцы пообжились мало-по-малу, оставили свои заблужденія, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ присоединились къ реформатскому вѣроисповѣданію.

Сальянскіе рыбныя промыслы на Курѣ отдавались за очень умѣренную цѣну. Алексѣй Петровичъ возвысилъ откупную сумму; самую Куру, омывающую Тифлисъ, старался также сдѣлать судоходною. Обращалъ также вниманіе на шелководство; подѣль управленіемъ Кастелы учредилась компанія и много другихъ предпріятій, которыя, по удаленіи Алексѣя Петровича, остановились въ своемъ зародышѣ, а компанія со смертію Кастелы совершенно рушилась.

Причина удаленія Алексѣя Петровича, какъ говорили, произошла отъ того, что онъ желалъ дипломатическими переговорами принудить Персію уступить Россіи Талышинское ханство. Вслѣдствіе такого требованія произошло охлажденіе между Тегеранскимъ и Русскимъ дворами, а потому началась война. Между тѣмъ послѣдовала кончина Александра I; взгляды правительства на начинающуюся войну перемѣнился.

Въ помощь Алексѣю Петровичу, вмѣсто требуемыхъ имъ войскъ, былъ присланъ Паскевичъ. Не легко показалось Ермолову, въ его лѣта и въ его званіи, руководствоваться указаніями Паскевича. Онъ писалъ къ министру, что

два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся. Но дабы отклонить отъ себя всю отвѣтственность, онъ препоручилъ армию Паскевичу, а самъ остался въ Тифлисъ. Паскевичъ разбилъ Персіанъ, и это значительно возвысило его въ глазахъ подчиненныхъ.

Многіе, желая подслужиться Паскевичу, распустивъ слухъ что Алексѣй Петровичъ изъ трусости оставался въ Тифлисъ. Такимъ образомъ явилось двѣ партіи; одна защищала, другая обвиняла Алексѣя Петровича. Для примиренія ихъ былъ присланъ Дибичъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Ермоловъ подалъ просьбу объ отставкѣ „по вольности дворянства“. Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ просьбы объ отставкѣ. „по вольности дворянства“ уже не подаются. Отставка была принята.

Къ этому же времени принадлежит поговорка Алексѣя Петровича: на *Иванахъ далеко не уйдешь*. Нѣкоторые подразумѣвали подъ именемъ Ивановъ, Паскевича и Дибича, которые оба именовались Иванами.

Продавъ свое имѣніе въ казну, Алексѣй Петровичъ сталъ жить въ Москвѣ, выстроилъ два каменные дома, которые потомъ продалъ; бывалъ въ благородномъ собраніи, одѣвшись въ черный фракъ безъ всякихъ украшеній. Присутствіе его невольнымъ образомъ обратило вниманіе публики, стали спрашивать: „какъ это такой генералъ въ черномъ фракѣ!“ Все собраніе, оставя танцы, ходило вокругъ него и не могло на него налюбоваться: молодецъ былъ Алексѣй Петровичъ!

Быть-можетъ эта молва или что другое было причиною, что когда въ проѣздъ государя черезъ Москву, Ермоловъ долженъ былъ явиться къ монарху, онъ явился къ нему безъ эпалетъ. „Ваше величество! отставнымъ эпалеты не положены, а я въ отставкѣ.“ Государь, одни говорятъ, — снялъ съ себя, другіе, — спросилъ эпалеты, и надѣлъ на него.

Вступая вновь на службу, или лучше сказать, числясь на службѣ, Алексѣй Петровичъ не имѣлъ особенно-важныхъ препорученій, а можетъ-быть даже уклонялся отъ нихъ.

Разказываютъ, что осматривая однажды военныя поселенія, стоя на балконѣ вмѣстѣ съ государемъ и смотря на мѣстоположеніе, Ермоловъ, — на вопросъ, какъ все это ему

правится, —отвѣчать: „все хорошо, только *видъ* не хорошъ.“ Графъ *Виттъ*, начальникъ поселеній, стоялъ тутъ же.

Слѣдовало бы поговорить о характерѣ Алексѣя Петровича и его *комчинѣ*, но я не такъ былъ близокъ къ нему, чтобы могъ сообщить полное объ *ономъ* извѣстіе, а потому предоставляю будущему біографу дополнить мною недосказанное. Заключу тѣмъ, что остроты, и образъ *выраженія* Алексѣя Петровича много повредили ему какъ на службѣ, такъ и въ обществѣ.

Кому не извѣстны *насмѣшки* его надъ *Нѣмцами*, а *Нѣмцы* не терпятъ *змиграмиѣ*.

Окажу нѣсколько словъ о друзьяхъ и врагахъ Ермолова.

Всѣ служившіе подъ его начальствомъ, отъ солдата до генерала, были преданы ему неограниченно и безусловно.

Изъ числа людей, отдававшихъ ему полную справедливость, назовемъ: Каподистрію, Любецкаго, Канкринна, Дибича, Беннигсена, Багратиона.

Врагами были: Барклай, Витгенштейнъ, а послѣ Чернышевъ, Бенкендорфъ, Паскевичъ, Нессельродъ, Васильчиковъ.

Ермоловъ всегда былъ, въ глазахъ публики, не столько обыкновеннымъ смертнымъ, сколько популяризированною идеей. Когда, въ верхнихъ слояхъ, уже давно разочаровались на его счетъ, или по крайней мѣрѣ старались *всѣхъ* увѣрить въ этомъ разочарованіи, масса все еще продолжала видѣть въ немъ великаго человѣка и поклоняться, подъ его именемъ, какому-то полумистическому, самую сию созданному идеалу. Не проходило ни одного случая, гдѣ общественное мнѣніе не выражалось бы, въ этомъ смыслѣ, чрезвычайно явственно. Такъ, наврѣмѣрь, осенью 1844 г., при возвращеніи изъ-за границы черезъ Петербургъ тогдашняго новороссійскаго генераль-губернатора графа Воронцова, тоже пользовавшагося расположеніемъ публики, въ Англійскомъ клубѣ задумали дать ему *вѣдь*; но когда всѣ приготовления были сдѣланы и самъ графъ уже принялъ приглашеніе, вдругъ вспомнили, что у него есть въ Петербургѣ собственный домъ, а законы клуба запрещаютъ приглашать *гостями* мѣстныхъ домовладѣльцевъ. Итакъ, чтобы поправить ошибку, положили поднести Воронцову билетъ на званіе почетнаго члена; но при этомъ

все стали говорить: „нельзя же выбрать почетнымъ членомъ Воронцова, не сдѣлавъ по крайней мѣрѣ того же са-
мому для Ермолова“. И вотъ Ермоловъ, давно сошедшій съ
политической сцены, далекій отъ всякаго вліянія и свя-
зей, уединенно доживающій свой вѣкъ въ Москвѣ, вдругъ
единогласно выбирается въ почетные члены петербург-
скаго Англійскаго клуба, какъ бы какое-нибудь яркое со-
временное свѣтило!...

„Я уже очень давно знакомъ съ Алексѣемъ Петровичемъ,“
рассказывалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, однажды
вечеромъ зимой въ 1844 году, „и люблю его какъ добраго
пріятеля и необыкновенно умнаго человѣка, но не связъ
къ его недостаткамъ. Между ними я въ первомъ ряду
ставлю его наклонность къ интригѣ и еще другую сла-
бость—его прежнее наивратство съ молодыми офицерами,
посредствомъ которыхъ онъ старался приобрести, и, дѣй-
ствительно, приобрѣлъ себѣ такую огромную популяр-
ность. Судьбы его теперь, разумется, навсегда окончены;
но я увѣренъ, что назначеніе его снова на Кавказъ при-
несло бы, и въ настоящую даже минуту, все еще большую
пользу, по крайней мѣрѣ по моральному своему вліянію.
Ермоловъ такъ умѣлъ заставить и бояться, и любить себя,
что слава его, не смотря на прошедшія съ тѣхъ поръ во-
семьнаадцать лѣтъ, продолжаетъ жить съ прежнею силой
между горскимъ населеніемъ. У меня въ артиллерійскомъ
училищѣ были три его сына, и изъ нихъ одинъ, по вы-
пускѣ въ офицеры, былъ нынче за Кавказомъ. Представьте,
— только что провѣдали, что ѣдетъ сынъ Ермолова, народъ
сталъ отовсюду сбѣгаться на почтовую дорожку и встрѣчать
его на станціяхъ торжественными привѣтствіями“. Кто-то
замѣтилъ, что Ермоловъ все еще продолжаетъ пользоваться
большою популярностью и внутри Россіи. „Думаю—воз-
разилъ великій князь, что теперь гораздо менѣе чѣмъ
прежде. Онъ самъ уронилъ себя въ общемъ мнѣніи, . . .
. . . а въ мнѣніи высшаго круга—поведеніемъ своимъ въ
государственномъ совѣтѣ и особенно извѣстнымъ неосто-
рожнымъ письмомъ своимъ, въ которомъ уже слышкомъ пе-
рехитрилъ. Когда его смѣнили Паскевичемъ, тогда голосъ
публики былъ рѣшительно въ его пользу. Послѣ такого
торжества, говорю, Ермолову оставалось жить и умереть
на дивахъ, уже не доживаясь ничего новаго. Впрочемъ,

и въ званіи рядоваго члена совѣта, онъ могъ, при своемъ умѣ и своей опытности, поставить себя на виду и под-держать свою прежнюю репутацію, хоть бы, пожалуй, особыми мнѣніями, sans être pour cela un frondeur. Въмѣсто того, онъ сталъ въ совѣтѣ не только молчать, но и просто спать, увѣряя, что ничего не понимаетъ въ нашихъ дѣлахъ, что не можетъ давать голоса по такимъ вопросамъ, которыхъ не разумѣетъ и пр., все съ какими-то *arrière-pensées*, а на-конецъ продѣлки свои заключилъ этимъ художественнымъ письмомъ. Я очень помню, какъ на другой день послѣ того онъ пріѣхалъ мнѣ разказать все это, и я, именно на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ вы теперь сидите, вымылъ ему голову за его пересоленный поступокъ; но уже было поздно. Нынче, не находясь ни въ дѣйствительной службѣ, потому что, съ званіемъ члена совѣта, числится въ без-срочномъ отпуску, ни въ прямой отставкѣ, потому что принужденъ носить эполеты, онъ принялся, но тоже ужъ поздно, разыгрывать роль Цинцинната. Изрѣдка только по-казывался въ Москвѣ и сажая постоянно капусту въ сво-ей подмосковной, гдѣ и я у него былъ, онъ устраивалъ себѣ тамъ кабинетъ между оранжереей и бібліотекой, мебелиро-валъ его, съ обыкновенною своею оригинальностью, самую лубочную мебелью; и знаете ли, чѣмъ весь день занимается? Перепахиваніемъ своихъ книгъ! Онъ, говорятъ, сдѣлался въ этомъ дѣлѣ такимъ искусникомъ, что никакой цѣховой переплетчикъ его не перецеголяетъ....“

Если Ермоловъ имѣлъ, въ свое время, не мало почита-телей и поклонниковъ, и если вообще немногіе на нашемъ вѣку пользовались такою популярностію, то было у него, однакоже, и множество враговъ, и враги сильные, которыхъ неприязнь началась гораздо прежде чѣмъ онъ впалъ въ не-милость. Въ главѣ ихъ стоялъ человекъ, никогда не сораз-мѣрившій свои чувства съ придворнымъ термометромъ, из-вѣстный всѣмъ своимъ благороднымъ прямодушіемъ, воег-дашній рыцарь правды и чести, князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ. Онъ едва ли ненавидѣлъ кого-либо въ такой степени, какъ Ермолова. Имѣлись ли къ тому какія-нибудь особенныя причины, можетъ-быть еще за время, когда они служили вмѣстѣ въ рядахъ войскъ, неизвѣстно; но при од-номъ имени Ермолова, добрѣйшій человекъ совершенно вы-ходилъ изъ своего незабываго характера. Вотъ отрывки и

анекдоты, которые случалось въ разное время слышать отъ графа Васильчикова, назначеннаго предсѣдателемъ государственнаго совѣта послѣ смерти графа Новосильцова, въ апрѣлѣ 1838 года. „Популярностью своей Ермоловъ обязанъ наиболѣе короткому, фамильярному обращенію съ молодыми офицерами, которые, польщенные его дружественнымъ тономъ, первые сдѣлались творцами его репутаціи и славы. Впрочемъ эта популярность уже давно гаснетъ подъ пепломъ, и потому, чтобъ снова ее раздуть, хитрый честолюбецъ, видя, что въ нынѣшнее царствованіе (то-есть императора Николая) замыслы его на власть и вліяніе худо удаются, старается хоть заставить какъ-нибудь о себѣ говорить. Въ разгарѣ персидской компаніи, когда стратегическія его операціи шли очень плохо, и ни въ чемъ не было успѣха, онъ прислалъ просьбу объ отставкѣ, съ тайною надеждой, что вѣкъмъ будетъ его замѣнить и что тутъ то убѣдятся въ его необходимости. Между тѣмъ, крайне для него неожиданно, просьба его была тотчасъ исполнена, что дало поводъ къ извѣстному его слову: а посмотримъ-ка, какъ Россія выйдетъ на „Ванькахъ“ (Дибичъ и Паскевичъ были оба Иваны). Дѣло однако обошлось и съ „Ваньками“, и Ермоловъ былъ пристыженъ. Послѣ этой неудачной попытки, онъ перемѣнилъ паруса, и проживъ нѣсколько лѣтъ вдалекѣ отъ дѣлъ и отъ двора, вздумалъ снова проситься на службу. Государь предложилъ ему званіе члена государственнаго совѣта, и онъ принялъ это какъ *pis-aller*, на первый разъ, въ чаяніи будущихъ благъ. Но милость царская къ нему уже болѣе не поворачивалась, а вѣтреная публика или забыла его, или разочаровалась на его счетъ; среди дѣлъ ему новыхъ и малоизвѣстныхъ, Ермоловъ не только не могъ играть никакой роли, но представлялъ собой одного изъ самыхъ ничтожныхъ членовъ совѣта; словомъ, онъ скоро увидѣлъ, что честолюбивыя его планы чуть ли не безвозвратно рушились.“

Въ другой разъ, Васильчиковъ разказывалъ, что когда, при отступленіи въ 1812 году, арміи Барклаа и Багратиона соединились въ Смоленскѣ, и первому, хотя младшему въ чинѣ, вѣрно было принять главное начальство надъ обѣими, Ермоловъ,—тогда начальникъ Барклаева штаба,—всячески убѣждалъ Багратиона возстать противъ этой мѣры, не становиться подъ команду къ младшему, да еще и

Приму, и, для пользы общей, просто самому приваля начальство над арміей. „Можно, представить себя — прибавляя Васильчиковъ, какихъ плодовъ онъ ожидалъ отъ этихъ гнусныхъ подотречательствъ самолюбія — въ такую минуту, когда вся судьба Россіи висѣла на волоскѣ и когда неприятели надѣстиничествомъ начальниковъ такъ легко могли порвать этотъ волосокъ. Но Багратіонъ, который самъ мнѣ обо всемъ атомъ разказывалъ, былъ не такого полая годка: онъ выгналъ отъ себя Ермолова, запретивъ казаться къ нему впрядь на глаза *.“

Ермоловъ былъ человекъ государственный въ обширномъ значеніи этого слова, скажемъ мы въ заключеніи. Не было ни одного высшаго политическаго вопроса, о которомъ бы онъ не думалъ, и не имѣлъ положительнаго мнѣнія, можетъ быть иногда ошибочнаго, но всегда разумнаго, и часто своеобразнаго. Отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ, положеніе ихъ, выгоды и невыгоды, онъ зналъ хорошо, подробно и основательно.

Нашу прошедшую европейскую политику онъ осуждалъ, и повторялъ часто, что намъ принадлежитъ Азія, и когда я напомнилъ ему однажды, что эта политика очень древняя, что Добрыня, дядя Володимира, святаго, совѣтовалъ ему искать лапотниковъ, а сапожники неохотно будутъ платить дань, тогда онъ расхохотался, и восклицалъ: „такъ, такъ, именно такъ. Въ Европѣ не дадутъ намъ ни шагу безъ боя, а въ Азіи цѣлая царства къ нашимъ услугамъ.“

Ермоловъ былъ очень образованъ, слѣдилъ неунынно за политикою и много читалъ до самой смерти. За три дня до нея только, когда онъ началъ уже впадать въ безпамятство, прекратилось его ежедневное чтеніе

* Багратіонъ особенно любилъ и уважалъ Алексѣя Петровича, что видно и изъ писемъ его, во время отступленія отъ границы къ Москвѣ до самаго Бородинскаго сраженія. Въ минуту херскаго расположенія называлъ его тезкою, хотя его имя было Петра, а Ермолова звали Алексѣемъ. „Что твой Дауустъ?“, спрашивалъ Багратіонъ Ермолова о Барклаѣ. А когда Багратіонъ былъ недоволенъ Ермоловымъ, то писалъ къ нему: „милостивый государь!“

газетъ. Военная исторія, и преимущественно исторія Наполеона, была ему знакома, какъ нельзя болѣе. Наполеонъ былъ его любимый герой. Другой—Петръ Великій.

Онъ много писалъ, и любилъ писать письма: у князя Воронцова должно быть большое собраніе его писемъ. Съ княземъ Воронцовымъ онъ особенно былъ друженъ во все царствованіе императора Александра. Они называли другъ друга не иначе, какъ братъ Михаилъ, братъ Алексѣй; братъ Михаилъ хотѣлъ устроить дачу и выстроить домъ для брата Алексѣя на южномъ берегу Крыма. Но съ восшествіемъ на престолъ императора Николая ихъ отношенія измѣнились, и о дачѣ не было уже помину. Впрочемъ онъ писалъ къ нему часто, послѣ того какъ Воронцовъ былъ назначенъ намѣстникомъ Кавказа.

Большое собраніе писемъ Ермолова, съ подробнымъ описаніемъ дѣйствій кавказскихъ, должно находиться у графа Закревскаго, который находился тогда дежурнымъ генераломъ при императорѣ Александрѣ и пользовался его довѣренностію.

Слогъ Ермолова тяжеловатъ, напоминаетъ Екатерининское время, но отличается остроуміемъ, своеобразными оборотами мыслей, колкостию.

Послѣ Ермолова должны остаться записки. При жизни его въ публикѣ слышно было только о запискахъ 1812 г., и ходило по рукамъ описаніе посольства въ Персію. О первыхъ запискахъ онъ жаловался, что враги его сдѣлали въ нихъ умышленныя вставки, съ намѣреніемъ повредить ему во мнѣніи государя. Но какія это были вставки, неизвѣстно. Едва ли это правда, а можетъ-быть, онъ самъ раскаивался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя и приписалъ своимъ врагамъ.

Я часто заводилъ съ Алексѣемъ Петровичемъ разговоръ объ его запискахъ; онъ всегда говорилъ, что онѣ будутъ въ вѣрныхъ рукахъ, и съ ними не случится, что было съ бумагами графа Толстаго и другихъ значительныхъ лицъ. Онъ принималъ свои мѣры.

Года за три предъ его кончиной, я застаю его однажды поутру за переписываніемъ изъ одной толстой тетради, его же рукою написанной, и во многихъ мѣстахъ перечеркнутой, въ другую. Я испугался про себя, подумавъ,

что старикъ вѣрно исправляетъ старую исповѣдь, по новымъ своимъ видамъ и соображеніямъ, и что исторія потеряетъ нѣсколько важныхъ данныхъ. Графиня Б. разказывала мнѣ также, что его очень раздражили доставленные ему записки Пфуля, и онъ собирався ихъ опровергать, говоря: „надо отдѣлать Нѣмца.“ Пфуль приписываетъ себѣ успѣхи Русской арміи, а она бы погибла, если бы принять былъ его совѣтъ въ лагерѣ при Дриссѣ.

Въ отвѣтъ на вопросъ графини о запискахъ, Ермоловъ отвѣчалъ: „предметъ такой важный, надо исправить его какъ можно вѣрнѣе“. Разумѣется, это была простая отговорка. Въ запискахъ важны именно горячіе слѣды перваго впечатлѣнія, и въ сравненіи съ ними ничего не значать ошибки, легко исправимыя. Намъ нужно знать, что дѣлалъ, видѣлъ, думалъ, и какъ судилъ самъ Ермоловъ, а о прочемъ узнаемъ и отъ другихъ.

Послѣ моего объявленія въ газетахъ, я получилъ, къ великому своему удивленію, тетрадь записокъ Ермолова отъ вступленія на престолъ Александра до 1812 г., о которыхъ я и не слыхивалъ прежде, и изъ которыхъ отрывки сообщены въ первой статьѣ.

Изъ бумагъ г. С. я увидѣлъ, что у Алексѣя Петровича былъ дневникъ изъ походовъ 1813 и 1814 годовъ, также дневникъ управленія на Кавказѣ. Желательно, чтобъ все это нашлось и явилось на свѣтъ Божій.

Къ числу сочиненій Ермолова принадлежать его приказы, которые писалъ онъ самъ своею рукою. Я собралъ ихъ нѣсколько, а въ послѣднее время получилъ отъ царско-сельскаго протоіерея цѣлую ихъ кипу.

Библіотека его была отборная, особенно что касается до военнаго дѣла, до политики, и вообще новой исторіи. Онъ выписывалъ и получалъ тотчасъ все примѣчательное, преимущественно на французскомъ языкѣ. Значительная часть книгъ испещрена его примѣчаніями на поляхъ. Приобрѣтеніе ея могло бы обогатить военную академію, или какой-нибудь кадетскій корпусъ, . . . Библіотеку купилъ Московскій университетъ, по ходатайству попечителя, г. Назимова.

Бесѣда его была очаровательна. Воспоминанія, анекдоты, замѣчанія, остроты, лились потоками. И любопытно, и

весело, и поучительно. Ермоловъ старался всякому сказать пріятное и лестное. Въ этомъ отношеніи надо замѣтить, что это было иногда черезъ край, что, впрочемъ, замѣчалось только впоследствии.

Съ низшими вообще Ермоловъ былъ любезенъ до неязья, съ высшими высокомеренъ, неудержимъ на языкъ, что и доставляло ему много враговъ.

Съ прислугою жилъ по отечески. Ласка, забота о довольствѣ, о семействахъ, желаніе доставить удовольствіе, обнаруживались при всякомъ случаѣ. Любимцемъ его и главнымъ управителемъ былъ старый сослуживецъ, Кириллъ Максимовъ, котораго называлъ онъ Межекою. Опредѣлился къ нему въ 1820-хъ годахъ и жилъ 45 лѣтъ, управляя домогъ и хозяйствомъ; часто съ нимъ спорилъ. „Ну, вотъ онъ думаетъ, что умнѣ всѣхъ, ничего уступить не хочетъ,“ ворчить бывало Ермоловъ про себя, отпустивъ съ досадою упрамаго управителя.

Я пересмотрѣлъ кучу записокъ Алексѣя Петровича къ его любимому управителю. Отъ первой до послѣдней—вездѣ одиень и тотъ же тоень, ласковый, дружескій, благодушный. Сыну его онъ далъ хорошее воспитаніе и помѣстилъ его въ аудиторы. Вотъ одна записка, которую онъ писалъ къ нему.

Великолѣпный господинъ,

Яковъ Кириловичъ.

Не знаю, случилось ли тебѣ видѣть у меня въ переводѣ персидскія бумаги, подписанныя чиновниками, и одиень изъ нихъ подѣ названіемъ: *Счастливый журналистъ блаженной канцеляріи*. Очень хотѣлось мнѣ дать тебѣ титулъ, нѣсколько этому подобный, но боялся возгордить тебя. И такъ, отлагаю до времени, и между тѣмъ прошу доставить конвертъ Ивану Давидовичу въ собственныя руки, никому другому его не передавая, и, если удобно, просить отъ меня Николая Андреевича Вистидкаго, о немъ напомнить въ послѣдствіи. Благодарю за подарокъ перьевъ. Не переживу огромнаго запаса, останется и для тебя даже до высокаго чина.

Прощай, будь какъ и прежде трудолюбивъ и неспразденъ. Молись Богу; истреби зародыши маркизскаго чванства. Ты могъ насмотрѣться здѣсь, какъ не только аудиторы,

во даже писаря мечтають, что ски особенно сотворенныя существа. Прощай.

Москва, 24 октября 1855 г.

Ермоловъ.

Передъ смертью Алексѣя Петровича Якову Кириловичу надо было вѣхать въ Петербургъ. „Сколько тебѣ истратить нужно?“ „Рублей 50.“ Ермоловъ отворилъ ящикъ, гдѣ у него разложены были деньги на похороны и на расходы. „Денегъ-то здѣсь мало, ну какъ проживу дольше?“ Однакоже далъ 50 рублей.

Дочь Кирилла Максимовича Ермоловъ выдалъ замужъ и снабдилъ приданымъ.

Образъ жизни Ермоловъ былъ сѣдующій:

Онъ вставалъ въ шесть часовъ, и тотчасъ одѣвался, не зная никогда ни шлафрока, ни туфлей, ни спальныхъ сапоговъ; надѣвалъ свой казнетовый сюртукъ и садился за столъ въ кабинетъ. Туда подавался ему чай.

Онъ занимался, читалъ письма, принималъ посѣтителей.

Обѣдалъ въ три часа: щи, пирогъ, жаркое,— вотъ и все. Любилъ вообще соленое. Если случалось ему иногда обѣдать гдѣ въ гостяхъ, въ первые годы, и тамъ нравилось какое-нибудь кушанье, онъ заказывалъ его у себя своему Мемекѣ. Послѣ, увидѣвъ по счету, что оно обошлось дорого, говорилъ: „нѣтъ, братъ, это не наше, больше не дѣлать.“

Вечеромъ пилъ чай, двѣ чашки, съ хлѣбомъ, и любилъ сидѣть долго, за полночь смотрѣть на игру въ карты, оставляя гостей, пока Мемеска, какъ Суворову Протка, не напомнитъ ему, что пора спать.

Былъ очень бережливъ, разчетливъ, но не скупъ; денегъ не любилъ имѣть при себѣ. Издерживалъ въ годъ не болѣе трехъ тысячъ руб. сер. Изъ своихъ сбереженій сохранилъ онъ порядочное наслѣдство четыремъ своимъ сыновьямъ.

Онъ никогда почти не бывалъ боленъ, до старости.

Замѣтимъ еще одно примѣчательное его свойство: „Я отъ рожденія, рассказывалъ онъ, былъ лишенъ чувства обонянія, по крайней мѣрѣ до очень сильной степени. Запахи извѣстны мнѣ были только по самымъ крѣпчайшимъ экстрактамъ: такъ, напримѣръ, я, конечно, могъ различить розовое масло отъ extrait de réseda, но не зналъ за-

паху ни розы, ни резеды въ естественномъ ихъ видѣ; тухлую говядину, отъ вони которой всё бѣжали изъ комнаты, я могъ вѣсть за свѣжую; отхожее мѣсто или раздушенный будуаръ были для меня почти одно и то же. Передпрошлую зимою, въ 1890 г., я, въ Москвѣ, сталъ лѣчиться гомеопатически отъ лишаевъ, и вдругъ у меня родилось совсѣмъ новое чувство, чувство самаго тонкаго обонянія, такъ что теперь я слышу, если въ другой комнатѣ стоитъ горшокъ съ цвѣтами!“

Ходить и гулять Ермоловъ никогда не любилъ, даже въ деревнѣ; любилъ переплетать книги, въ чемъ и успѣлъ отлично. Онъ занемогъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Врачи отчаялись въ его жизни. Но ему стало лучше, и 1 апрѣля, почувствовавъ себя очень хорошо, онъ сказалъ: „славно же я обманулъ докторовъ, выздоровѣлъ!“

Кстати сообщу здѣсь еще одну его остроту, относительно доктора. Онъ занемогъ и послалъ за докторомъ Высоцкимъ. Тотъ не успѣлъ прѣхать въ назначенное время. На другой день Алексѣй Петровичъ выздоровѣлъ и принималъ вечеромъ гостей. Докладываютъ о прѣздѣ Высоцкаго. „Попросите извинить меня, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ, я не могу принять его, потому что боленъ.“

Услышавъ о намѣреніи продать желѣзную Петербургскую дорогу французскому обществу, онъ, уже умирающій, продиктовалъ письмо къ г. Чевкину, гдѣ убѣждалъ его неотдавать Россію во власть иностранцевъ, и незадолго также онъ писалъ къ графинѣ Блудовой, прося ее передать князю Горчакову какое-то политическое замѣчаніе.

Скончался онъ 12 апрѣля 1861 года, сидя въ своемъ креслѣ, имѣя одну руку на столѣ, другую на колѣнѣ; за нѣсколько минутъ онъ еще прихлопывалъ ногою.

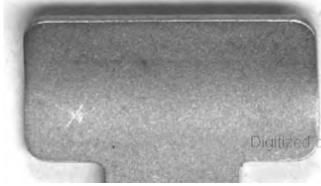
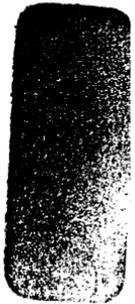
Мнѣ не случилось, къ сожалѣнію, быть на ту пору въ Москвѣ, и я не могъ отдать ему послѣдняго долга, присутствовать при его погребеніи.

Положить себя онъ велѣлъ подлѣ отца, въ Орлѣ, въ Троицкой кладбищенской церкви.

Священникъ М. писалъ мнѣ недавно оттуда о совершаемыхъ поминовеніяхъ, и подавъ мысль о собраніи пожертвованій на сооруженіе памятника.

Я старался собрать все, что было можно. Благодарю за всё сообщенныя извѣстія. Но недостаетъ еще многихъ. Много есть противорѣчій и неясностей. Пусть онѣ исправляются и дополняются знающими. Я радъ, что могъ сохранить многія любопытныя черты. Повторяю—это только матеріалы, намеки, указанія, вопросы, однимъ словомъ, корректура!

Государств. Центральная
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА.
ПАЛАТА. ВЪЛЖИНУ

Государств. Центральная
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА.
ПАЛАТА. ВЪЗНИМЪ

